

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
и м. Н. А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 г.

2007 Том 13

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 2

Главный редактор
Н. М. РАССАДИН

Редакционная коллегия:

О.П. Акаев, Н.Ф. Басов, П.Н. Белкин,
А.М. Белов, С.К. Булдаков, Н.П. Гибало,
И.А. Едошина, А.Г. Кирпичник (зам. главного
редактора), А.Н. Коврижных (отв. секретарь),
В.П. Лебедев, Ю.В. Лебедев, В.Н. Маин,
В.Л. Миловидов, М.И. Скаржинский,
А.И. Субетто, А.И. Тимонин, Г.М. Травин,
Н.П. Фетискин, В.В. Чекмарев,
М.С. Шалумов

Учредитель

Костромской государственный университет
имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЗДРАВЛЯЕМ

- 5 Чекмарев В.В.
Философско-экономическое эссе
о творчестве А.И. Субетто
- 12 Душевная щедрость и неиссякаемый
энтузиазм... (К 70-летию Нины Семёновны
Ганцовской)

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

- 13 Галафеев В.А.
Разрушение органических красителей
в сточных водах деструктивными методами

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

- 18 Буторина Т.С., Смягликова Е.А.
Становление и развитие педагогической
регионологии: постановка проблемы
- 22 Глухова И.В.
Проблема формирования культуры межна-
ционального общения в теории и практике
педагогики
- 25 Марзоева Т.Х.
А. Дымов, Н. Цагов – основатели Баксанс-
кого просветительского центра
- 28 Матяева И.Л.
Дистанционное образование: традиция
или инновация?
- 32 Погодаева Д.В.
Толерантность – профессионально необхо-
димое качество педагога
- 37 Рыбакова С.А.
Ценностные ориентиры обучающихся
- 39 Дарчиева А.Т.
Роль художественной деятельности
в формировании личности школьника
- 41 Куделина О.В.
Роль лечебной педагогики в формировании
культуры здоровья студента
- 43 Сунгатуллина Р.И.
Готовность учителя к деятельности по
развитию математических способностей
учащихся как педагогический феномен
и особенности его формирования в систе-
ме повышения квалификации

- 46 **Цыганкова А.С.**
Поиски новых путей повышения эффективности научно-исследовательской работы студентов в передовом педагогическом опыте (70–80-е гг. XX в.)
- 49 **Чукмарова Л.Ф.**
Развитие брачно-семейных отношений в «молодом городе» (На примере г. Набережные Челны)
- 55 **Шухарева О.Н.**
Социальная работа как социокультурное явление

ФИЛОЛОГИЯ

- 59 **Аксенова О.А.**
Историческая личность в системе персонажей постмодернистского повествования (На материале современной историографической метапрозы)
- 63 **Бабаян В.Н.**
Проблема понимания-непонимания в диалогическом дискурсе
- 66 **Барышева Л.С.**
О соотношении понятий стилистики языка, стилистики речи, стилистики художественной литературы в трудах академика В.В. Виноградова
- 70 **Беляева В.Н.**
Лексика с семантическим компонентом «свет» как объект лингвистического анализа
- 74 **Блинов Р.Ю.**
Отражение орфографической вариантности английского языка в современных словарях (На материале словарей Collins COBUILD и Macmillan ALD)
- 77 **Бышук О.П.**
Способы ввода новообразований в текст на примере творчества С. Кржижановского
- 80 **Голубев Д.А.**
Критерии героической смерти в англоязычной и русскоязычной картинах мира
- 85 **Гусева Л.А.**
Функционирование местоимения «я» в довоенной лирике Н. Глазкова
- 89 **Евграфова Н.А.**
Модификации дневниковой формы в современном романе Великобритании (А.С. Байетт и У. Бойд)
- 93 **Емельянова Ю.В.**
Особенности хронотопа в романе Артура Хейли «Вечерние новости»

- 98 **Жангуразова Н.А.**
Архитектонические особенности современного балкарского романа
- 102 **Кожикова А.В.**
Мифологизация «иноного» как инструмент кросс-культурных коммуникаций (К проблеме «гофмановского» мифа в России)
- 106 **Кулагина Т.В.**
Рассказ И.А. Салова «Паук» в контексте русской прозы 70–80-х годов XIX века
- 111 **Ливаненков Е.Е.**
Лексические средства организации повествовательной структуры романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»
- 114 **Макарова Р.П.**
Модели метафоры в якутском языке
- 117 **Мелерович А.М., Блинова Е.В.**
Психолингвистический механизм спонтанного семантического анализа фразеологизмов и его реализация в художественной речи
- 124 **Мельков А.С.**
История публикации «Описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» А.В. Горского и К.И. Невоструева
- 127 **Мисирова Л.Х.**
Семантическое освоение русизмов в карачаево-балкарском языке
- 130 **Михневич Е.**
«Август Четырнадцатого» в контексте романа-эпопеи А. Солженицына «Красное колесо»
- 134 **Мощева С.В.**
Реклама в современном обществе: социолингвистический аспект
- 137 **Плечова Н.П.**
Идиллическое в повестях А.Н. Плещеева («Дружеские советы», «Две карьеры», «Житейские сцены. Отец и дочь», «Пашинцев»)
- 142 **Пюльзю Е.А.**
Диалектная метафора с точки зрения соотношения структуры и семантики
- 146 **Прохорова А.А.**
К вопросу о средствах реализации связности в устном тексте
- 150 **Сергеева Н.М.**
Игра как составляющая творческого метода Д.С. Мережковского

- 154 **Сусык С.Ю.**
Структура концепта «терроризм» и его объективация в дискурсе французских СМИ
- 159 **Сыренина И.О.**
Регистровые и социально-профессиональные стили в диалогических текстах художественной литературы
- 164 **Целикова Е.В.**
Об одной пародии Д.Д. Минаева
- 168 **Чепорнюк Е.Н.**
Сны и видения как формы субъективного времени в романах В.М. Шукшина
- 173 **Чистякова О.А.**
Литературная критика в журнале «Вестник Европы» в 90-ые годы XIX века (На примере статьи З.А. Венгеровой «Анатоль Франс»)
- 176 **Черногор Ю.Ф.**
О роли слогового веса в определении акцентных моделей суффиксальных дериватов английского языка

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- 181 **Балуева Н.В.**
Регент Русской Православной Церкви протоиерей Михаил Фортунато: Утреня Великой субботы в восприятии регента
- 189 **Воронова Е.В.**
Человек в системе аксиологических координат повседневной культуры русской эмиграции
- 193 **Евдокимычева М.А.**
Некоторые обыденные представления в картине мира русской культуры: изучение на языковом материале
- 196 **Иванова О.Н.**
«Синтез» в теоретических и художественных практиках XVIII века как философско-теоретический источник концепции Gesamtkunstwerk Р. Вагнера
- 200 **Игошев В.В.**
Исследование группы предметов церковной утвари костромских мастеров-серебряников XVII в.
- 206 **Касторская Т.М.**
Ведомственная галерея А.П. Мельгунова в Ярославле для «Дома призрения, воспитания обучения в нем сирот и неимущих детей» (1784–1790)
- 211 **Кобылинский В.В.**
Цвет оппозиции в палитре СМИ

- 214 **Комарова А.Н.**
Богослужбное пение Древней Руси
- 216 **Коугия Л.А.**
«Поток сознания» в творческой эволюции Вирджинии Вулф
- 220 **Румянцева О.Н.**
Амальгама язычества и христианства Древней Руси на материале русских волшебных сказок (Образ иронического удачника)
- 222 **Соколов И.В.**
Реклама как средство художественного воспитания школьников-подростков
- 225 **Трофимова А.В.**
Философско-культурологические особенности русского подвига

ФИЛОСОФИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

- 230 **Борисова Г.А.**
Социальная деструкция как универсальный феномен жизни общества (Позиция Франкфуртской школы)
- 234 **Горшкова В.В., Митковец Е.А.**
Джон Дьюи: проблемы интерпретации
- 240 **Мясникова И.Г.**
Сущность социализма в свете попытки его реализации в виде советского общественного строя
- 243 **Румянцева Л.Н.**
Феноменология и этика
- 247 **Савсерис О.А.**
Теоретические истоки концепции справедливости Дж. Роулза

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- 251 **Копытов А.А.**
Этапы институционализации неформальной занятости в России
- 254 **Чернов А.Ю.**
Модели поведения на рынке производных инструментов
- 257 **Шаршова М.С.**
Минимально необходимые и максимально допустимые границы вмешательства государства в рыночную экономику

ИСТОРИЯ

- 259 **Евстигнеева М.Г.**
Социально-психологический фактор в жизни и деятельности православного приходского духовенства в 60-е гг. XIX – начале XX вв. (На материалах Владимирской губернии)

- 262 **Мифтахов Р.Г.**
Особенности отношения татар к России,
как в государственном, так и территориаль-
ном аспектах, на рубеже XIX – начала XX вв.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА

- 268 **Бартенева И.Ю., Мойсюк Т.В., Мусинова Н.Е.**
Межвузовский творческий семинар
как форма комплексного креативного
развития личности
- 270 **Бобылева В.О.**
Гендерный аспект профессиональной
подготовки специалистов в области управ-
ления образованием в высшей школе
- 275 **Наумов А.Р.**
Организация самостоятельной работы
студентов с использованием электронных
учебно-методических комплексов

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

- 280 **Красников П.М.**
Математические беседы
- 282 **Сапожкова А.Ю.**
Технология развития информационно-
коммуникативной культуры учащихся
(На примере географии)
- 287 **Секретарева Л.С.**
Поисковая деятельность как одно из средств
формирования геометрических представле-
ний младших школьников

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- 290 **Костерина О.Е.**
Анализ законодательства России и Германии
об использовании служебной (инсайдерс-
кой) информации на рынке ценных бумаг

295 СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

298 ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ

«Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова» отражает основные результаты научной, педагогической, методической и воспитательной деятельности коллектива университета, а также публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

В.В. Чекмарев

ФИЛОСОФСКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЭССЕ О ТВОРЧЕСТВЕ А.И. СУБЕТТО

Я повернул голову и увидел свою тень на байкальском камне. Я застал ее живущей отдельно. Она скользила и переливалась по расщелинам. Не шла – лилась. В ней не было ничего от моей усталости, от моего добра и зла. Конечно, она подчинялась мне. Замерев, я мог остановить ее; двинувшись, давал ей движение. Но и только. Во всем остальном она не зависела от меня. Руководить ее формой было так же бесполезно, как руководить течением мысли. Она удивляла меня неожиданностями. В ней все мое – руки, ноги, голова, туловище. Но все это живет куда более таинственно и непредсказуемо. Она не тупое зеркальное отражение и не глядит на меня в ожидании, что же я сделаю. Я бы никогда не узнал, если бы мне ее подменили. Может, это уже случилось, случалось? ...Ушедшими тенями выстлана Земля. Даже воды ее – моря, реки. И моя тень скользит по этим мириадам теней, не беспокоя их. Еще одним слоем. Она не оставляет пакостей и разрушений, как я. Ей не больно. Она не шуршит. Она беззвучна..

В. Брель

Сегодня главная задача – поиск людей, способных мыслить стратегически – Веками, Континентами, Цивилизациями... Честные и нечестные люди одинаково быстро запустят разрушительные процессы, если масштаб их мысли мал. Самое печальное, что они этого даже не поймут.

Александр Иванович Субетто родился в трудном для истории России 1937 году (28 января) в г. Пушкине Ленинградской области. Имя Александра Ивановича Субетто сегодня известно во всех уголках нашей необъятной страны. Лягушка-путешественница нашей действительности – это Александр Иванович Субетто.

Александр Иванович как личность и как ученый представляет собой редкое единство. Можно определить Александра Ивановича как *человека науки*. Но что есть наука? Это скучный вопрос – что такое наука. Есть десятки ответов на него – ярких и унылых, серьезных и шуточных, глубоких и примитивных. Многие из них демонстрируют остроумие, изощренность и элегантность мышления. Но точен и бесспорен лишь один, простой и лишенный пафоса – наука есть добыча Знаний. За ним все – и цель, и профессия, и вдохновение, и способы добычи, и пути познания. Великий Ньютон заключил эту мысль в чеканную и монументальную формулу: «Наука есть движение мысли человеческой вслед за мыслью Творца». Это движение по дороге великих, блестящих идей и унижительных заблужде-

ний, вдохновения и отчаяния, взлетов и падений, ярких озарений и унылых, тусклых тупиков, дорога восторга и смертельных ошибок. Великая и драматическая дорога познания, бесконечная и полная очарования...

Очарование познания. Уточним свою позицию. Наука открыла устройство мира. Она показала, что мир устроен изумительно просто, но в этой таинственной простоте есть интригующая загадочность. Наука открыла чертежи и законы, по которым сотворен мир; она установила, что мир создан по точному математическому законодательству – по формулам и уравнениям с точно заданными мировыми константами. Это законодательство наука отчеканила в теориях – строгих и точных. Первая из них – евклидова геометрия, теория физического пространства (Эйнштейн назвал ее триумфом мышления). В масштабе одного метра отклонения в размерах объектов евклидовой геометрии от реальных размеров составляют величину меньшую диаметра атома водорода (около 0,5 ангстрем, или $0,5 \times 10^{-10}$ м); это соответствует точности теории 8–10%. Классическая, ньютоновская механика дает безупречное описание законов и явлений движения тел, но для быстро движущихся тел (при скоростях, близких к скорости света) ее предсказания чуть-чуть отличаются от опыта. Но родились две теории относительности – специальная и общая, которые безупречны; их точность превосходит фантастическую величину 10–12%. Они включают

ньютоновскую механику и дают блестящее описание не только нашего, классического, земного мира, но и мира космогонического, экзотического с позиции простого жителя Земли. Более того, они включают динамическую теорию гравитации и описание космогонических явлений и объектов (например, двойных пульсаров и черных дыр).

Заметим, что обе теории относительности появились раньше, чем обнаружили их подтверждения, и это демонстрирует волшебную силу науки и человеческой мысли, когда предсказания опережают опыт. И нужно добавить, что эти теории заключены в безупречно строгую и загадочно точную математическую форму.

Абсолютно безупречной и точной является электромагнитная теория полей – электрического, магнитного, светового (теория Максвелла). Она дает классическое описание полей с поражающей воображение точностью 10–34%; из нее также родилась специальная теория относительности. Все теории – и материальных тел, и полей – великолепно согласованы, дополняют и расширяют друг друга, обеспечивая точное и строгое описание классического мира – мира макроскопических тел.

Наука, описывающая микромир – квантовая механика – родилась в начале XX века, точнее, вечером 19 октября 1900 г, когда к Макс Планку пришел его друг Рубенс и принес экспериментальные результаты по излучению абсолютно черного тела в длинноволновой области. «Квантовая магия», «квантовое таинство» – вот лишь некоторые ее определения; это самая точная и загадочная наука, где все не так, но все верно и более того – абсолютно точно. И она математически также строга и совершенна, как и классическая механика. «Царственное уравнение» квантовой механики – уравнение Шредингера – абсолютно точно; не найдено ни одного явления или события в микромире, которое расходится с его количественными предсказаниями.

Наш жизненный опыт говорит, что тела могут иметь любую энергию, а все объекты – либо частицы, либо волны; третьего не дано. В мире квантовой механики это третье есть: объекты микромира ведут себя непостоянно и нелогично – они преобразуются из частиц в волны и обратно. Кроме того, им разрешены только определенные энергетические состояния и запрещено иметь произвольную, любую энергию. И эти волшебные свойства – не вымысел, они все строго под-

тверждены всем опытом жизни и экспериментальной науки. Неопровержимая достоверность парадоксального результата...

Однако вышеотмеченное в философии и экономике не столь очевидно. Какое-то время ученые, работающие в этих областях знаний, также формулировали законы и закономерности. Но ныне, в силу разных причин, не являющихся предметом настоящей статьи, редко кто осмеливается формулировать экономический закон. И здесь позиция Александра Ивановича Субетто может показаться одиозной. В доказательство своей мысли приведу только малый перечень законов, сформулированных Александром Ивановичем Субетто: первый экономический закон России – инфраструктурный; второй закон российской экономики состоит в централизации управления ее развитием; третий экономический закон: закон существования достаточного сектора мобилизационной экономики; закон плановой регуляции экономического развития – четвертый закон экономического развития российской цивилизации; пятый закон российской экономики – это общинно-государственное землепользование; шестой закон развития российской экономики – это доминанта закона кооперации-монополизации¹; законы конкуренции и кооперации²; закон разнообразия³.

Оценивая философские и экономические взгляды А.И. Субетто можно характеризовать их как самобытные. Более того, в силу глобализма как метода исследования событий сегодняшних и завтрашних невольно задаешься вопросом, а может быть его научные взгляды – псевдонаука («ученые» с большой дороги сегодня не редкость⁴). Или иначе переформулируем вопрос – Лежат ли взгляды А.И. Субетто «вне науки» и «вне современной науки»? Здесь заключена интрига вопросов: есть ли вещи непознаваемые, как отличить их от вещей непознанных, беспредельна ли наша способность познания мира? Есть ли вещи вне науки? Но и в последнем вопросе скрыто два: «вне науки?» или «вне современной науки?» Разница между ними такая же как между утверждениями «мой дом – моя крепость» и «мой дом – Петропавловская крепость». И эту разницу остро осознавали декабристы...

Во времена Аристотеля вне науки было электричество. Но при Фарадее оно стало элементом цивилизации; зато вне науки оставались лазеры, радиоактивность, компьютеры, мобильный теле-

фон, телевизор и многое другое, что составляет понятие современной цивилизации. Еще недавно, десяток лет назад, в химии даже не возникало мысли об одиночной молекуле как объекте исследований и познания. А сегодня это прекрасно освоенная область химии. И уже создан транзистор на одной молекуле, появились одномолекулярные магниты и реальные контуры новой технологической цивилизации – молекулярной электроники, в которой функциональными элементами служат одиночные молекулы⁵.

Еще недавно говорить о влиянии магнитного поля на химические реакции считалось признаком постыдного невежества, это было вне науки. А сегодня утвердились новые области – спиновая химия, химическая радиофизика, химическая поляризация ядер; они принесли крупные открытия новой, магнитной изотопии и новых магнитно-спиновых эффектов. Здесь наука разрушила старые догмы и предрассудки (по Е. Баратынскому «предрассудок – он обломок старой правды...») и принесла новую правду. Еще недавно даже в мыслях не допускалось участие парамагнитных состояний в производстве главного энергоносителя в организме – аденозинтрифосфата; теперь же это участие доказано. Отсюда следует возможность магнитной поляризации ядер фосфора при ферментативном синтезе аденозинтрифосфата, возможность энергетической накачки ядерного зеемановского резервуара и радиоизлучения этого резервуара (в химических реакциях это уже известно – лазер с химической накачкой). А отсюда шаг до физических основ телепатии, которая сегодня бесспорно вне науки.

И такими неожиданными и почти волшебными превращениями явлений и событий из состояния «вне науки» в состояние «так и должно быть» полна физика, химия и особенно биология. Чудо – это то, что не имеет причины. И потому поиск причин «вненаучных чудес» и включение в ряд «законных» научных находок есть одно из великих очарований науки.

Все на свете сказано.

Несказанного нет.

И все же где-то светится

Несказанного свет.

(Д.А. Кузнецов)

Именно этот чарующий свет непознанного зовет людей науки... У них это профессиональная гонка за новым, неизведанным. Тайна всегда пленительна и очаровательна. «Самое прекрасное

и глубокое переживание, выпадающее на долю человека, – это ощущение таинственности. Оно лежит в основе всех глубоких тенденций в науке и в искусстве. Тот, кто не испытал этого ощущения, кажется мне если не мертвецом, то, во всяком случае, слепым» – это Эйнштейн⁶.

И это не по И.П. Павлову, не по его условным рефлексам, ибо новое обещает не только приятное, но и может грозить опасностями. Погоня за новым – это не гонка за удовольствиями. «Только очарование, сопровождающее науку, способно победить свойственное людям отвращение к напряжению ума» (Гаспар Монт).

Вот и работы А.И. Субетто вызывают как всякое НОВОЕ, вначале отторжение, а затем, при повторном, более глубоком прочтении, то самое очарование, о котором мы пишем в начале статьи. Это очарование прощает А.И. Субетто его позицию, находящуюся вне современной науки. Александр Иванович опередил свое время. Очарование его творчества – это очарование таинства, неизвестности...

Рассматривая динамические процессы в социально-экономических системах, А.И. Субетто вводит в теорию развития ряд системогенетических законов: закон Системного наследования, закон инвариантности и цикличности развития и функционирования систем, закон необходимого разнообразия системогенофонда, закон спирального развития систем, законы конкуренции и дополнения, законы системообразования и некоторые другие. Рассматривая социально-экономическую систему как чрезвычайно сложный организм, он описал законы и закономерности, которые позволяют исследовать и прогнозировать этапы развития этого организма⁷.

В дальнейшем, исследуя проблему развития социально-экономической системы России на протяжении ее многовековой истории, А.И. Субетто, развивая основные теоретические положения и взгляды В.И. Вернадского, в рамках теории ноосферизма выделяет понятия «русского космизма» и «живой этики», присущие российскому национальному образованию. В частности, он отмечает: ««Живая этика» ноосферизма «вырастает» из этики «общинных цивилизаций» Востока, она часть «русской цивилизационной этики» как таковой, являющейся основанием бытия России, ее духовности как общинной евразийской цивилизации»⁸. С позиций институциональной теории в работах А.И. Субетто представляет-

сы интересной его трактовка динамики развития основных характеристик, присущих российскому социуму. В том числе в качестве продукта развития специфической российской системы выделяются такие качества, как общинность; коллективизм; единение; общечеловечность; духовное сознание; мудрость; культура, сила и энергия мысли; космическое измерение человека; ответственность и образованность.

Научное творчество, как и всякое творчество, есть превращение непредсказуемого в неизбежное. Но все ли поддается такому превращению? Одно из очарований науки – соблазн найти ответ на этот вопрос. Известно, что единственная борьба, в которой приятно проигрывать – это борьба с соблазнами...

Самый трудный вопрос – почему? Почему так совершенны совершенные теории? Почему эвклидова геометрия и ньютоновская механика так точно описывают макромир, а квантовая механика – микромир? Почему так точны уравнения Максвелла и теории относительности? Почему мир существует с такими фундаментальными константами? Почему существует сознание, откуда оно взялось? Почему в живых организмах все белки построены из «левых» аминокислот (вращающих плоскость поляризации света по часовой стрелке), а все полисахариды – из «правых» молекул? Почему нейромедиаторы синтезируются в одном месте, а работают в другом? Почему так чудно устроена рибосома? Даже если мы хорошо поймем, как работают нейроны и синапсы – эти структурные элементы мозга, где формируется память, где происходят химические реакции запоминания и считывания памяти (а к этому упорно и успешно идут современные нейрофизиология и нейрохимия) – это не будет ответ на вопрос «почему». Можно догадываться, как происходит мышление, как генерируются мысли, как происходит синтез новых знаний и идей на базе известных, заложенных в синапсах. Похоже (и подсказки дает микроэлектродная техника современной нейрофизиологии), что это происходит как согласованная, совместная, когерентная работа ансамблей синапсов, но что стимулирует их когерентность – вопрос открытый и не видно, как искать ответ.

Конечно, можно отмахнуться от этих вопросов, от этих соблазнов и заявить, что они неуместны – так же как неуместна табличка «Добро пожаловать» на дверях морга. Но найдется не мень-

ше людей, которых поиск ответов и сопровождающая его игра ума и интеллекта будут интриговать. И вот уже не праздный, а социально значимый вопрос – почему у человека два ума. Один – алгоритмизированный, появляется, усвершенствуется и обогащается как результат опыта, обучения, образования (говорят, образование – это то, что остается после того, как все выученное забыто). Совершенство, глубина и сила этого ума – признак таланта (который, как известно, попадает в цель, в которую никто не может попасть). Но есть и другой ум – неалгоритмизированный, существующий независимо, неуправляемо от человека, ум загадочный, божественный – источник внезапных озарений, догадок, ум неожиданный, автономный, непредсказуемый, ум гения, который попадает в цель, которую никто не видит. Лежат ли ответы на эти загадки на дорогах науки или они вне науки, не подвластны науке – вопрос открытый. Даже великие умы расходятся на этот счет; кажется, граница между проблемами, решаемыми средствами науки, и нерешаемыми в принципе⁹ лежит не в области знаний, а в области вкуса или веры.

Ах, если б знать заранее, заранее, заранее,
что будет не напрасным горение, сгорение
терпения и веры, любви и волшебства,
трагического после, счастливого сперва.

Никто на едкий вызов ответа не получит.
Напрасны наши споры.

Вот Лермонтов-поручик.
Он некрасив, нескладен, и всё вокруг серо,
но как же он прекрасен, когда в руке перо!

Вот Александр Сергеич, он в поиске и муке,
да козыри лукавы и не даются в руки,
их силуэты брезжут на дне души его...
Терпение и вера, любовь и волшебство!

Все гаснет понемногу: надежды и смятенье.
К иным, к иным высотам возносятся их тени.
А жизнь неутомимо вращает колесо,
но искры остаются. И это хорошо.

И вот я замечаю, хоть и не мистик вроде,
какие-то намеки в октябрьской природе:
не просто пробужденье мелодий и кистей,
а даже возрожденье умолкнувших страстей.

Все в мире созревает в борениях и встрясках.
Не спорьте понапрасну о линиях и красках.
Пусть каждый, изнывая, достигнет своего...
Терпение и вера, любовь и волшебство!

Происхождение жизни как явления, существование сознания даже в рамках традиционных представлений об Эволюции как стимулирующем факторе развития остаются загадочными. И вечное очарование науки, зовущая магия тайны – способность науки внезапно давать ответы на загадочные вопросы. Или не давать их вовсе...

Магия познания увлекает надеждами (хотя, как утверждают острословы, надежда – всего лишь отсроченное разочарование). И все-таки есть надежда понять, что такое сознание и каково происхождение жизни в теории суперструн – кто знает...

Александр Иванович зачастую пишет как обличитель-моралист, и именно через призму этой полемики следует рассматривать большую часть его творчества.

Главное отличие его подхода от тех, которые надлежит использовать профессиональным философам, заключается в том, что он ставит своей целью осмыслить глобальное развитие общества во всем его многообразии.

Александр Иванович опережает существующую цивилизационную культуру по постановке вопросов о проблемах безопасности не только национальной, но и индивидуальной через общецивилизационную.

Анализ явлений и событий, гибкость интеллекта, игра ума и творческого воображения – все эти качества в совокупности позволяют ему быть сопричастным судьбам как российского народа, так и народов всех стран мира.

Александр Иванович не всегда стремится к дискуссии в утверждении своих взглядов, вероятно, памятуя о том, что «истина рождается в споре, но погибает в дискуссиях».

Диалог как форма спора является основой развития научной мысли. Спор имеет огромное значение в жизни, науке, в государственных и общественных делах. Где нет споров о важных, серьезных вопросах, там застой. Наше время в России особенно богато горячими спорами общественного и политического характера. Между тем нет книг, которые могли бы дать хотя некоторые указания по теории и технике спора. «Эристика» Шопенгауэра, являющаяся необработанным набором случайно попавшегося под руку материала, – не в счет. Мои попытки вместе с А.И. Субетто создать жанр диалога в экономической науке реализовались в публикациях «Диалог о философии хозяйства» и «Экономический вальс». Хотелось бы их продолжить. Однако, ве-

роятно, они пока не реализовались в силу подспудного понимания в их случайности, ибо теория спора – предмет совершенно неразработанный в современной науке. Естественно, что первые попытки ее разработки и популяризации не могут претендовать на какую-либо полноту. Но надеюсь, что и они не останутся бесполезными для мыслящего читателя.

И хотя наши диалоги строились на взаимоприемлемости такой их структуры, как: *Тезис. – Выявление тезиса. – Определение понятий. – «Количество» суждения. – Степени «модальности». – Важность выяснения мыслей*, но, по-видимому, следовало бы продолжить эту логику таким рядом правил, как: *О доводах – «Связь в доказательстве». – Ошибки в тезисе, в доводах и в связи.*

Характеризуя научные взгляды профессора А.И. Субетто нельзя не привести некоторые биографические сведения о нем, ибо они как бы приоткрывают лабораторию его творчества.

Александр Иванович является кандидатом технических наук (1973), доктором экономических наук (1990), доктором философских наук (1995), профессор (2002). Работает в области технических, экономических, социальных и философских наук.

Окончил Военно-воздушную инженерную академию им. А.Ф. Можайского в 1959 г.; в 1972 г. – адъюнктуру. Работал старшим научным сотрудником, начальником отделения научно-исследовательской лаборатории академии; проректором Крестьянского государственного университета им. Кирилла и Мефодия; заместителем зав. кафедрой управления качеством высшего образования в Исследовательском центре проблем качества подготовки специалистов. С 1995 г. – вице-президент Петровской академии наук и искусств, академик-секретарь отделения образования ПАНИ. Член правления Международного фонда Н.Д. Кондратьева.

В Костромском государственном университете им. Н.А. Некрасова с 1998 г. возглавлял Центр мониторинга качества научных исследований, в настоящее время является профессором кафедры философии и политологии.

Под научным руководством или при консультировании А.И. Субетто подготовлено более десяти докторов наук, а также свыше 30 кандидатов наук. За подготовку научных кадров для Государственной противопожарной службы МВД Российской Федерации награжден «Памятным знаком» этой службы.

Профессор Субетто является лидером научных школ: по квалиметрии; по системогенетике; по теории общественного (социального) интеллекта; неклассической социологии и социальной генетики; системологии образования. По его инициативе с 1992 г. на базе Исследовательского центра проблем качества подготовки проводится ежегодный симпозиум «Квалиметрия человека и образования: методология и практика», сопредседателями которого являются директор Исследовательского центра Н.А. Селезнева и А.И. Субетто. Симпозиум стал центром формирования всероссийской научной школы по квалиметрии человека и образования.

Организатор и участник отечественных и международных научных конгрессов. Лауреат серебряной медали Н.Д. Кондратьева (1995), серебряной медали П.Л. Капицы (1995), лауреат премии им. Л.И. Уманского КГУ им. Н.А. Некрасова.

Имеет около 900 научных публикаций, в том числе 150 монографий, как авторских, так и коллективных.

Вопросы качества производства образовательных услуг и создания научной продукции определяют будущее образование как сферу, формирующую социальную активность и экономическую деятельность граждан.

Отмеченное послужило мотивом приглашения на работу в КГУ им. Н.А. Некрасова специалиста в области качества доктора философских наук А.И. Субетто. Он возглавил коллектив ученых, работающих по проблемам качества образования и науки. В университете было создано специализированное структурное подразделение – центр мониторинга качества. Именно на базе этого структурного подразделения и начал формироваться научный коллектив единомышленников. Вопросами создания методологии научного анализа процессов обеспечения качества производства образовательных услуг и создания научной продукции под руководством А.И. Субетто стали заниматься представители, казалось бы, таких разных специальностей, как историки, педагоги, математики, экономисты, психологи. Но очевидно, возможность осуществлять междисциплинарный подход привела к тому, что исследовательский коллектив стал получать ощутимые научные и практические результаты. К этим результатам следует отнести создание методик анализа эффективности применения тех или иных педагогических технологий, качества диссертаци-

онных исследований, организации работы диссертационных советов. Именно под руководством А.И. Субетто с участием Н.М. Рассадина, И.Г. Асадулиной, В.В. Чекмарева были созданы доктрина и концепция управления качеством образования в КГУ им. Н.А. Некрасова (2004).

К научным результатам деятельности исследователей под руководством А.И. Субетто можно отнести и издание ряда монографий, таких, как «Управленческие инновации обеспечения качества образования» (И.Г. Асадулина, 2002); «Система управления социальным качеством образования как фактор социокультурной динамики региона» (И.Г. Асадулина, 2003); «Битва за образование» (А.И. Субетто, В.В. Чекмарев, 2003); «Основания социального менеджмента качества образования» (А.И. Субетто, 2004); «Введение в философию качества: синтетический квалитивизм и неклассичность» (А.И. Субетто, 2004).

С 2001 г. в КГУ издается журнал «Квалиметрия образования и науки» (главный редактор А.И. Субетто), который стал трибуной для публикации результатов исследований работников университета, занимающихся проблемами образования.

Экономическая и философская наука живут почти независимо от общества; огромное большинство людей абсолютно равнодушно к ней, к ее взлетам и открытиям; люди знают, что все блага можно приобрести в магазине, не интересуясь, откуда все это появилось, не задумываясь, причем здесь наука. Признания в науке приходят, как правило, редко и поздно; чаще всего – никогда. Настоящие ученые, как правило, скромны; добыча знаний – это постоянное прикосновение к тайнам, они величественны и внушают почтение, а настоящее величие всегда скромно. В мире ученых другая шкала ценностей... И это одна из характеристик А.И. Субетто.

Уничтожить науку нельзя. Да и не стоит, ведь она – элитарная часть цивилизации, ее высшая культура. Она величественна и вечна, как пирамиды Египта. Открывая новые знания, она выполняет две функции – создает полезные вещи и обнаруживает вещи опасные для людей, предупреждая об опасностях. Наука становится опасной, когда ее отнимают у ученых; так было с атомной бомбой, с химическим и бактериологическим оружием... И так будет всегда, потому что Knowledge itself is a Power; эта фраза переводится на русский как «знание – сила» и в этом звучании она стала крылатой. Но истинный перевод

есть «знание – власть» в первую очередь, и уж во вторую – сила. И те, кто отнимает у ученых науку, знают эту истину лучше всех. Часто говорят, что наука стоит на острие прогресса, но умалчивают, что сам прогресс часто лицемерен и лишь маскируется благородными красками.

Да, в науке есть лукавство... Нет, она не врет, просто она не говорит всей правды. А иногда запускает мифы – вроде сказок о глобальном потеплении или о повороте Гольфстрима и глобальном оледенении. Люди из научного мира не скрывают, что такие мифы – способ выбивать деньги на науку из глупых правительств...

В движении по дорогам науки можно отчетливо выделить три группы участников, три эшелона. В первом идут те, кто совершает прорывы, кто открывает новые области познания, новые научные поля. Во втором эшелоне те, кто «пасется» на этих полях, собирая часто неплохой урожай. В третьем – те, кто собирает остатки, кто вытаптывает до пыли эти некогда зеленевшие идеями поля. Сильная наука там, где мала доля последних; в слабой науке мала доля первых двух. Профессор А.И. Субетто – из первого эшелона.

Музыка – самое абстрактное и самое волнующее искусство. Наука подобна музыке, хотя абстрактность ей нельзя приписать, скорее напротив... Наука – вещь настолько высокая и красивая, что о ней уместно говорить лишь в аристократически изысканных выражениях и тонких лингвистических оборотах. То же относится и к людям науки; величие ученого, по Эйнштейну, это

не его непогрешимость и безупречность; это его цельность, гармония ума и совести, его произведение ума на порядочность. Подлинный прогресс человечества зиждется не столько на изобретательности ума, сколько на совести людей, в ряду которых А.И. Субетто.

Примечания

¹ Субетто А.И. Основания и императивы стратегии развития России в XXI веке. – СПб.; Кострома, 2005.

² Субетто А.И. Сочинения. Неосферизм. Т. 1 / Под ред. Л.А. Зеленова. – СПб.; Кострома, 2006.

³ Субетто А.И. Сочинения. Неосферизм. Т. 3 / Под ред. Л.А. Зеленова. – СПб.; Кострома, 2006.

⁴ Подробно см.: Кругляков Э.П. «Ученые» с большой дороги. – М.: Наука, 2005.

⁵ Минкин В.И. Молекулярная электроника на пороге нового тысячелетия // Росс. хим. журнал. – 2000. – №3. – С. 44; Бучаченко А.Л. Новые горизонты химии: одиночные молекулы // Успехи химии. – 2006. – №3. – С. 75.

⁶ Цит по: Пайс А. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна. – М.: Наука, 1989.

⁷ Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие (интегративный синтез). – СПб.; М., 1994.

⁸ Субетто А.И. Неосферизм. Т. 1. Введение в неосферизм. – СПб., 2001. – С. 190.

⁹ Блюменфельд Л.А. Решаемые и нерешаемые проблемы биологической физики. – М.: УРСС, 2002.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Субетто А.И. **НЕПРОШЕННЫЕ МЫСЛИ. КН. 7: ДНЕВНИК ФИЛОСОФА: ИЮНЬ–ДЕКАБРЬ 2004 ГОДА** / Рец. Л.А. Зеленов, С.К. Булдаков. – СПб.: Астерион; Кострома: КГУ, 2006. – 532 с. ISBN 5-7591-0753-4.

Седьмая книга "Непрошенных мыслей" раскрывает философскую рефлексию над событиями второй половины 2004-го года (по декабрь включительно). В ней представлены размышления автора как над вечными проблемами бытия, так и над событиями происходящей на наших глазах истории мира и истории России. Седьмая книга продолжает летопись "нашего времени" в России XXI века.

ДУШЕВНАЯ ЩЕДРОСТЬ И НЕИССЯКАЕМЫЙ ЭНТУЗИАЗМ... (К 70-летию Нины Семёновны Ганцовской)

Нина Семёновна Ганцовская – профессор кафедры русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова, руководитель научно-исследовательской лаборатории, ведущий учёный в области лингвистического краеведения. За многолетний бескорыстный труд юбиляру присвоено звание «Почётный работник высшей школы» (1999), она награждена медалью А.Н. Островского (2003), ей присуждена губернаторская премия «Признание» (2004), научная премия им. Л. Уманского КГУ им. Н.А. Некрасова (2006).

Нина Семёновна – автор более 100 научных и учебно-методических работ, под её научным руководством успешно защитили кандидатские диссертации 7 благодарных учеников. Монографические издания Н.С. Ганцовской широко известны во всех регионах России и за рубежом. Материалы книги «Особенности говоров Костромской области» (1992) активно использовались при составлении школьной региональной программы по русскому языку. В книге «Костромское народное слово» (2003), которая широко используется как учебное пособие в вузе и школе, представлены статьи, очерки, эссе, посвящённые лексикографу В.И. Далю, костромскому краеведу Н.Н. Виноградову, а также известным русским писателям. Диалектный словарь «Живое костромское слово» (2006), составленный Н.С. Ганцовской и Г.И. Машировой, отражает лексику говоров всех районов Костромской области. Ценные материалы словаря собраны полевым методом студентами и преподавателями университета по оригинальному проекту, в основе которого лежит Программа Лексического атласа русских народных говоров и словарь диалектной лексики произведений Н.А. Некрасова и А.Н. Островского, чьё творчество тесно связано с Костромским краем. Нина Семёновна – замечательный собеседник, отличный знаток народной речи, всегда охотно общается с простыми людьми со всех уголков нашей области, увлечённо записывает уникальные тексты, чтобы сохранять самобытность местных говоров.

Н.С. Ганцовская – прекрасный преподаватель, чуткий педагог, мудрый наставник и надёжный

старший друг. Её лекции очень содержательны, интересны, увлекают студентов, заставляют их самостоятельно размышлять и побуждают к исследовательскому поиску. Занятия по дисциплине «Памятники славянской письменности» организованы с использованием богатого языкового материала и различных творческих форм работы: чтение текстов на многих славянских языках, разучивание песен и стихов, общение с иностранными студентами, выпуски лингвистических газет, подготовка научных докладов и рефератов, учебные экскурсии, посещение музеев и библиотек, диалоги о славянской культуре и др.

Юбиляра хорошо знают и ценят коллеги-учёные, педагоги школ, работники культуры. Нина Семёновна постоянно взаимодействует с Областным домом народного творчества, костромскими музеями, Областной универсальной научной библиотекой им. Н.К. Крупской и другими культурно-образовательными учреждениями города и области. Она является главным участником всех региональных исследовательских проектов и различных конференций и семинаров. Много лет профессор Н.С. Ганцовская была компетентным экспертом по лингвистике в составе жюри областной молодёжной научно-исследовательской конференции «Шаг в будущее».

Накануне славного юбилея Нина Семёновна полна сил и энергии, готовит к печати новую солидную монографию, активно и творчески продолжает научно-исследовательскую и преподавательскую деятельность на радость коллегам и студентам.

Желаем юбиляру крепкого здоровья, дальнейших успехов и благополучия.

Ваши коллеги и ученики:

А. М. Мелерович, д-р филол. наук, профессор;

М. А. Фокина, канд. филол. наук, доцент;

И. Ю. Третьякова, канд. филол. наук, доцент;

Т. Е. Никулина, канд. филол. наук, доцент;

И. В. Лебедева, канд. филол. наук, доцент;

А. Е. Якимов, канд. филол. наук, доцент;

Е. В. Цветкова, канд. филол. наук, доцент;

И.П. Верб, канд. филол. наук.

РАЗРУШЕНИЕ ОРГАНИЧЕСКИХ КРАСИТЕЛЕЙ В СТОЧНЫХ ВОДАХ ДЕСТРУКТИВНЫМИ МЕТОДАМИ

Синтетические красители представляют серьёзную опасность загрязнению водоемов, широко применяющихся в разнообразных отраслях народного хозяйства. Глубокие превращения сложных органических молекул под воздействием окислителей с образованием простых соединений обусловлены анализу продуктов разложения красителей.

Все известные в литературе методы физико-химической очистки рассматриваемой категории сточных вод можно разделить на три основные группы [1]. Первая группа методов обеспечивает извлечение загрязнений переводом их в осадок или флотонелем путем сорбции на хлопьях гидроксидов металлов. Вторая группа включает сепаративные методы, такие, как сорбция на активных углях и макропористых ионитах, обратный осмос, ультрафильтрация, пенная сепарация, электрофильтрация. Третья группа объединяет деструктивные методы, основанные на глубоких превращениях органических молекул в результате редокс-процессов. Они обладают рядом существенных преимуществ по сравнению с методами первой и второй группами методов. Из деструктивных методов наиболее широкое применение находит очистка сточных вод окислителями, реагентной восстановительно-окислительной, электрохимической и электрокаталитической деструкции [2].

В качестве окислителей чаще всего применяют озон, пероксид водорода, хлор и некоторые его соединения.

Данная исследовательская работа заключается в разрушении растворов органических красителей действием ультрафиолетового облучения (ультрафиолетовой лампой Л-84), озоном, а также пероксидом водорода [3]. Получившиеся продукты разложения органических красителей подвергались анализу на спектрофотометре СФ-46, для того, чтобы выявить качественный состав продуктов распада красителей [4].

Для изучения использовались растворы красителей концентрации 0,0003 моль/л.

В молекулах красителей имеются группировки, вызывающие появление окраски, которые называются хромофорами. К ним относятся: аминогруппа $-\text{N}'$, нитрогруппа $-\text{N}'\text{O}$, этиленовая группа $-\text{C}=\text{C}-$, карбоксильная группа $-\text{COOH}$ и т.д. А также в молекулах красителей имеются группировки, которые усиливают эту окраску красителей: ауксохромы, гидроксильная $-\text{OH}$, аминогруппа $-\text{NH}_2$.

Обесцвечивание органических красителей было направлено на разрушение хромофорных группировок. Для этого на красители действовали ультрафиолетовыми лучами, озоном и пероксидом водорода. В зависимости от окислительных способностей этих реагентов потребовалось разное время для обесцвечивания органических красителей.

Обесцвечивание органических красителей было направлено на разрушение хромофорных группировок. Для этого на красители действовали ультрафиолетовыми лучами, озоном и пероксидом водорода. В зависимости от окислительных способностей этих реагентов потребовалось разное время для обесцвечивания органических красителей.

В таблице 1 представлено время обесцвечивания растворов красителей под действием ультрафиолетового облучения.

При облучении красителей в растворах происходит фотообесцвечивание. Мощные фотоны ультрафиолетовых лучей, поглощаясь молекулами красителей, способствуют довольно быстрому их разложению. Окраска исчезает вследствие присоединения атомов водорода к сопряженной системе красителей, которой обусловлен их цвет. То есть происходит раскрытие двойных связей, в результате образуются $-\text{NH}-\text{NH}-$, $\text{C}-\text{N}'$, $-\text{OH}$.

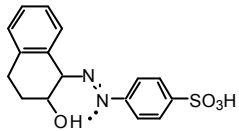
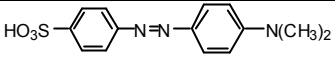
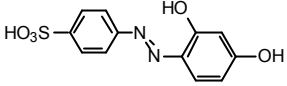
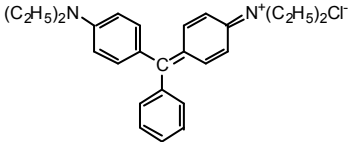
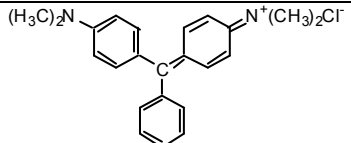
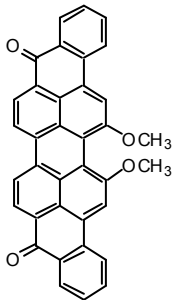
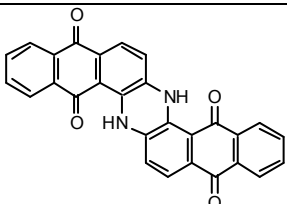
У кубовых красителей сначала произошло усиление окраски в результате образования гидроксильной группы $-\text{OH}$, которая обуславливает усиление окраски. При дальнейшем облучении этих растворов ультрафиолетовыми лучами произошло разрушение самой молекулы, т.е. они обесцвелились.

У кубовых красителей сначала произошло усиление окраски в результате образования гидроксильной группы $-\text{OH}$, которая обуславливает усиление окраски. При дальнейшем облучении этих растворов ультрафиолетовыми лучами произошло разрушение самой молекулы, т.е. они обесцвелились.

В таблице 2 приведено время, которое было затрачено на обесцвечивание растворов красителей при озонировании.

Таблица 1

Время обесцвечивания растворов красителей под действием ультрафиолетового облучения

Название красителя	Формула красителя	Время обесцвечивания, мин.
Кислотный оранжевый (β-нафтолоранж)		13
Метиловый оранжевый		28
Тропеомин		35
Бриллиантовый зеленый		40
Малахитовый зеленый		25
Кубовый ярко-зеленый		65
Кубовый чисто-синий (индантрон)		75

При обработке растворов красителей озоном при полном обесцвечивании происходит лишь частичное окисление их. При озонировании происходит окисление отдельных функциональных групп органических красителей, при этом не происходит разрушение ароматических колец, т.е. процесс обесцвечивания связан с разрывом наиболее слабой связи (например, $-N=N-$) в молекуле.

В азокрасителях (кислотный оранжевый, метиловый оранжевый, тропеомин) происходит разрыв связи $-N=N-$ (азогруппы). Но для разрыва кислотного оранжевого и тропеомина потребо-

валось затратить больше озона (т.е. времени для их обесцвечивания), поскольку между одним из атомов азота и водородом из гидроксильной группы имеется водородная связь, которую тоже необходимо разрушить.

В арилметановых красителях (бриллиантовый и малахитовый зеленые) происходит разрыв связей, в результате чего образуются отдельные бензольные кольца.

В кубовых красителях также происходит разрыв молекул с образованием отдельных бензольных колец. Поскольку связи $C-N$ и $C-C$ почти

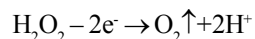
Таблица 2

Время обесцвечивания растворов красителей при их озонировании

Название красителя	Время обесцвечивания, сек
Кислотный оранжевый (β-нафтолоранж)	275
Метиловый оранжевый	195
Тропеомин	310
Бриллиантовый зеленый	195
Малахитовый зеленый	135
Кубовый ярко-зеленый	500
Кубовый чисто-синий (индантрон)	530

равноценны, поэтому пришлось затратить больше времени.

При действии пероксида водорода на органические красители происходит моментальное их обесцвечивание. Красители теряют свои специфические свойства. Концентрированный пероксид водорода бурно реагирует с органическими веществами, окисляя их до углекислого газа и воды. В разбавленных растворах этот процесс протекает медленнее, и поэтому применяют катализатор (хлорид железа (III) в нашем случае при 3% перексиде водорода). При этом окислительным реагентом является не сам пероксид водорода, а кислород.

При действии на органические красители разбавленным раствором пероксида водорода происходит разрыв более слабых связей в молекуле. Его действие аналогично действию озона, только концентрация пероксида водорода выше концентрации озона, поэтому окисление происходит значительно быстрее.

Обработка результатов была получена при анализе обесцвеченных растворов красителей на приборе спектрофотометре СФ-46. Спектральный анализ позволяет идентифицировать вещество, поскольку каждое соединение имеет свой соб-

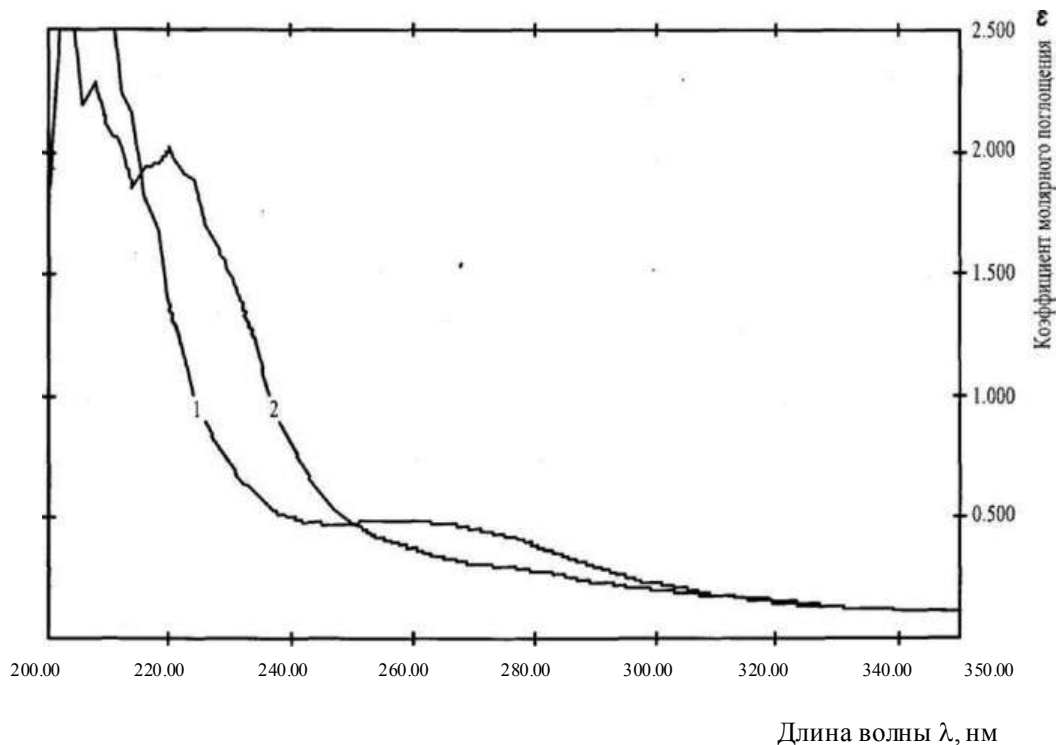
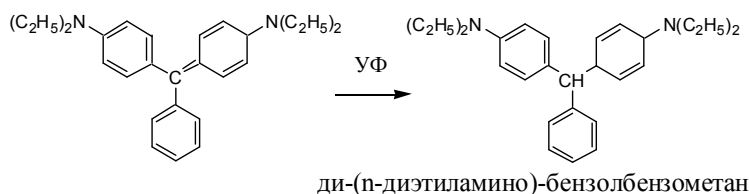

График 1. Зависимость коэффициента молекулярного поглощения от длины волны продуктов разложения бриллиантового зеленого

ственный и только ему присущий спектр. При работе на спектрофотометре СФ-46 растворы были проанализированы в близкой ультрафиолетовой области (200–400 нм). В результате исследований обесцвеченных растворов красителей, где находились продукты их разложения, были построены графики зависимости коэффициента молекулярного поглощения от длины волны.

Кривая 1 на графике 1 соответствует разложению бриллиантового зеленого под действием ультрафиолетовых лучей. На ней можно выделить две области полосы поглощения: первая – при длине волны ~205 нм, что позволяет судить о наличии бензола, и вторая полоса расположена в области 245–280 нм, в которую входят полосы аминогруппы и дифенилэтана. Следовательно, можно предположить, что произошло рас-

крытие двойной связи, которая обуславливает наличие окраски.

Кривая 2 графика 1 позволяет определить продукты разложения бриллиантового зеленого при озонировании. На ней есть несколько полос, которые характерны для определенных соединений или групп атомов. При введении в бензольное кольцо полярных групп, содержащие электронные пары (аминогруппа $-\text{N}^{\langle}$, о наличии которой говорит полоса поглощения на кривой в ~220 нм), происходит смещение полос поглощения бензола. Такое изменение спектра происходит вследствие взаимодействия неподеленных пар гетероатомов с электронами бензольного кольца. Алкильные заместители приводят к незначительному смещению в длинноволновую сторону.

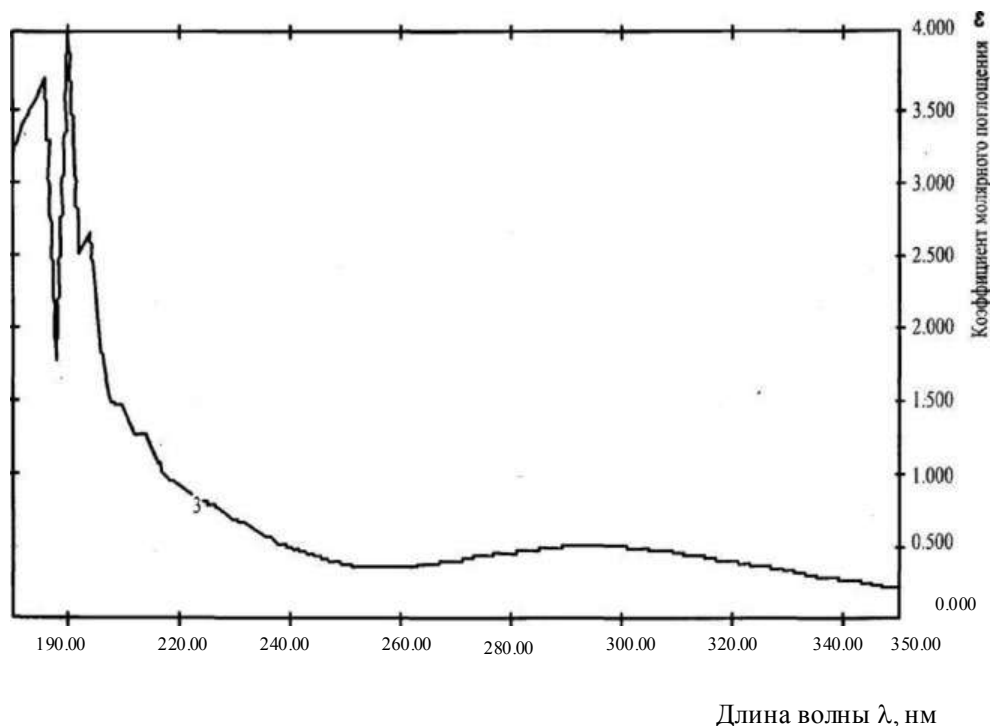
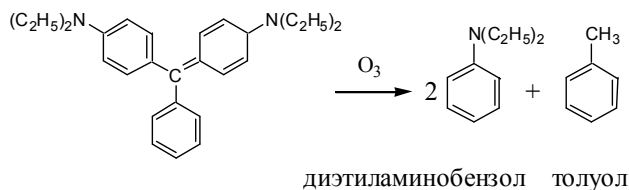

График 2. Зависимость коэффициента молекулярного поглощения от длины волны продуктов разложения бриллиантового зеленого

Толуол под действием озона способен дальше окисляться до бензойной кислоты.

При действии пероксида водорода на раствор красителя происходит более полное разрушение. По данным кривая 3 графика 2 можно судить о том, что образуется бензол, о чем говорят две полосы поглощения в ~ 196 нм и ~ 205 нм, также карбонильная группа (200 нм) и аминогруппа (~ 215 нм).

Бензальдегид способен окисляться до бензойной кислоты. Также на спектрофотометре были проанализированы обесцвеченные растворы красителей малахитового зеленого, кислотного оранжевого, тропеомина, метилового оранжевого кубового чисто-синего и кубового ярко-зеленого.

Проанализировав все графики видно, что все предположения оказались верны: при действии ультрафиолетовых лучей происходит присоединение активированных атомов водорода к сопряженной системе, при озонировании и действии пероксида водорода происходит разрыв наиболее слабых связей. Однако в некоторых графиках действие озона по продуктам разрушения сход-

но с действием ультрафиолетовых лучей. Возможно это связано с тем, что концентрация озона была невелика, что недостаточно было для полного окисления.

Делая из всего этого вывод можно сказать, что данный спектрофотометрический метод в ультрафиолетовой области дает лишь предположение о получившихся веществах. Для более точного анализа необходимо использовать еще спектрофотометр, работающий в инфракрасной области и метод ядерного резонанса.

Библиографический список

1. Краснобородько И.Г. Деструктивная очистка сточных вод от красителей. – Л.: Химия, 1988.
2. Степанов Б.И. Введение в химию и технологию органических красителей. – М.: Химия, 1977.
3. Шифрин С.М., Краснобородько И.Г. Способы обесцвечивания сточных вод красильно-отделочных производств. – Л.: Химия, 1986.
4. Казицына Л.А., Куплетская Н.Б. Применение УФ-, ИК-, ЯМР-спектроскопии в органической химии. – М.: Высшая школа, 1971.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Моисеев Б.М. **КОНТУРЫ НОВОЙ ФИЗИКИ. Ч. 2: ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ – ФАКТЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ.** – Кострома: КГУ, 2006. – 132 с. ISBN 5-7591-0750-X.

В монографии на общефизическом уровне проанализирован экспериментальный и логический базис теории относительности и космологической модели Большого Взрыва. Книга ориентирована на научных работников, аспирантов, преподавателей и студентов, на всех, кто интересуется логическими и экспериментальными основами физики.

Акимова Л.К., Лапина Р.П., Митина Т.А. **ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ ХИМИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ШКОЛЬНОМУ КУРСУ ХИМИИ 8 КЛАССА** / Рец. А.Р. Наумов. – Кострома: КГУ, 2007. – 55 с.

В данном пособии включен демонстрационный эксперимент по школьному курсу химии 8 класса в соответствии с учебной программой автора О.С. Габриеляна. Рекомендован алгоритм выполнения каждого опыта; указаны меры предосторожности и техники безопасности; реактивы и оборудование; приведены схемы приборов.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Т.С. Буторина, Е.А. Смягликова

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РЕГИОНОЛОГИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В историко-педагогической науке за последнее время накоплен значительный исследовательский материал по региональной образовательной политике Российского государства. Актуальной проблемой региональных историко-педагогических исследований является осмысление теоретических идей и практической деятельности видных просветителей и педагогов прошлого. Мы поддерживаем мнение академика З.И. Равкина о значимости изучения деятельности педагогов, которое предостережет от изображения истории как «спектаклей без действующих лиц». В этом плане региональные исследования призваны стать важным источником для создания более полной картины развития отечественной педагогической мысли, выявления регионально-национальных образовательных ценностей, поскольку они формировались не только в центре творческим трудом выдающихся педагогов, но и на местах – теоретиками и практиками, часто оригинально и по-новому решавшими сложные педагогические проблемы [9].

Историко-педагогический опыт региона позволяет определить характерные особенности развития образовательно-воспитательного процесса на местах. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть наиболее существенные этапы становления и развития педагогической регионологии, развитие региональных исследований в истории отечественной педагогической мысли.

Одним из первых к данной проблеме обратился М.В. Ломоносов (1711–1765). В его педагогическом учении особое место занимает анализ развития просвещения на национальных территориях, характеристика поморской народной педагогики, становление прогрессивной педагогической мысли народов России. М.В. Ломоносов считал, что молодое поколение необходимо воспитывать на прогрессивных традициях. По его мнению, для формирования «чувства памяти» следует отбирать в культуре прошлого самое ценное, что накоплено народным опытом, народной мудростью [1].

Элементы историко-педагогической регионологии встречаются в произведениях архангельского историка и педагога В.В. Крестинина (1729–1795), ученика и продолжателя М.В. Ломоносова. В.В. Крестинин, как и М.В. Ломоносов, был разносторонним ученым: историком и географом, педагогом и этнографом, занимался организацией народного образования и решением общественно-экономических вопросов. В.В. Крестинин высоко оценивал роль просвещения и науки в экономическом развитии Северного края, в повышении культуры двинского народа.

В научной литературе имеется ряд публикаций, непосредственно посвященных культурной истории Архангельска и деятельности В.В. Крестинина. Все они носят биографический характер и содержат отрывочные данные об ученом-краеведе В.В. Крестинине как культурном деятеле, создателе в Архангельске первого в России частного «Общества для исторических исследований» (1759–1768). В.В. Крестинин вместе с купцом А.И. Фоминым (1735–1802) подготовил городской «Наказ» от Архангельска в екатерининскую Комиссию по Уложению (1767). «Наказ», получивший высокую общественную оценку, отражал нужды и интересы местных жителей, купцов и промышленников Архангельска. Большое внимание в документе было уделено вопросам образования, которые рассматривались как самые неотложные.

Для характеристики социально-культурной ситуации г. Архангельска наряду с опубликованными материалами (законодательные акты 60–80-х гг. XVIII в.; материалы о деятельности Уложенной Комиссии 1767 г.; записки путешественников и др.) нами использованы разнообразные архивные источники. Среди них – донесения архангелогородских губернаторов, материалы Комиссии о коммерции и, особенно ценные, документы из фондов Государственного архива Архангельской области (ГААО). Нами анализировались материалы из фондов губернской канцелярии, личных канцелярий губернаторов 80–90-х гг.

XVIII в., архив магистрата, городской думы, Приказа общественного призрения, директора народных училищ и т.д. [2]. Мы выявили целый ряд малоизвестных материалов, хранящихся в ГААО. К ним относятся, прежде всего, донесения и челобитные, составленные В.В. Крестининым, отдельные письма ведомственных лиц с характеристикой его деятельности и другие документы, позволяющие получить представление об общественной и просветительской деятельности В.В. Крестинина.

Для характеристики просветительской деятельности на Архангельском Севере использовались произведения В.В. Крестинина и А.И. Фомина, опубликованные в «Новых ежемесячных сочинениях» и в других изданиях Академии наук (1786–1792 гг.). В наше время получила освещение преимущественно научная деятельность В.В. Крестинина (С.Н. Валк, А.А. Куратов, О.В. Овсянников, С.Л. Пештич, А.В. Смирнов, Л.И. Цветкова, Ф.И. Черняховский, Е.М. Эпштейн и др.). Им написано свыше 20 работ по русской историографии, этнографии и географии Севера. Однако просветительская деятельность В.В. Крестинина, тесно связанная с общественной и социальной жизнью Архангельска, остается недостаточно изученной. Заслуживают внимания важнейшие первоисточники: В.В. Крестинин «Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в Севере» (1785), В.В. Крестинин «Краткая история о городе Архангельском» (1792), С.Ф. Огородников «Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении» (1890), Ф.Ф. Шперк «Краткий очерк народного образования в городе Архангельске» (1905) и др.

Анализ научной литературы, содержащей характеристику главных отраслей Архангельского Севера, показывает, что экономика развивалась крайне не равномерно. В XVI–XVII вв. развитие региона проходило вполне успешно, но указ Петра I о запрещении «отпуска товаров за границу» (1722) нанес ощутимый удар по Архангельску. Тем не менее, с 1733 г. возобновилось строительство кораблей в Архангельске. Указом Екатерины II город на Двине был уравнен в торговых правах с Санкт-Петербургом [8]. Однако отдаленность, экономическая и культурная замкнутость Северного края оказали определенное влияние на явную недооценку успехов самого города в XVIII веке [6].

Развитие отечественной торговли и промышленности вызвало острый недостаток в специаль-

ных познаниях и общих культурных навыках торгово-промышленных слоев общества. В связи с этим появился ряд отечественных проектов по организации коммерческого образования и начального обучения для низших сословий. В.В. Крестинин предлагал охватить системой гимназического обучения все посадское и отчасти сельское население и ставил перед ним задачи не только профессионального, но и общественно-политического характера. В проекте городской гимназии он рассматривал вопрос о необходимости в процессе обучения воспитывать «сознательных граждан», знающих государственные законы и общественные права [7].

Эти идеи явились дальнейшим развитием демократической тенденции в мировоззрении В.В. Крестинина, для которого вопросы переустройства общества на новых началах были неразрывно связаны с успехами культуры и образования. Вопросы обучения и воспитания детей В.В. Крестининым широко освещались в его исторических и географических трудах, в письмах к отечественным ученым. Главную причину отставания отечественного земледелия, торговли, промышленности, а также бедности населения и плохих нравов он видел в слабости развития народного образования.

В.В. Крестинин отстаивал передовые принципы системы образования: всеобщего доступного, равного для мальчиков и девочек; бесплатного – для детей бедных родителей; единой государственной школы, управляемой Академией наук с помощью органов местного самоуправления; связи школы с общественной жизнью; единства научного образования с нравственным воспитанием; общего среднего образования – с профессиональным [10].

Начавшаяся в петровскую эпоху борьба против «раболопства, уничтожающего народные дарования и честь всего народа» характеризовалась им в статье «Об употреблении над детьми мужеского пола власти родительской и власти учительской, по старинному воспитанию Двинского народа» (1790) как один из главных успехов, достигнутых в XVIII веке [4]. Эти успехи В.В. Крестинин связывал с переменами в сфере обучения и воспитания. В работе «Историческое известие о нравственном воспитании детей у двинских жителей» (1787) автор обосновывается зависимость характера воспитания у северного «двинского народа» от географических, климатических,

социально-экономических, исторических и культурных особенностей Архангельского Севера [5].

Возникновению регионального направления в истории отечественной педагогики предшествовало развитие аналогичного направления в рамках общегражданской истории. Регионоведение, как одно из направлений исторической науки, стала складываться в России в первой трети XIX века. В этот период ученик М.П. Погодина К.Н. Лебедев ввел понятие «местная история» для обозначения генезиса регионов.

На изучении местной истории настаивал В.О. Ключевский, утверждавший, что это позволяет иметь «готовый и наиболее обильный материал для исторической социологии». Осмысление местной истории, в том числе и истории образования, первоначально было связано со сбором данных по истории конкретных регионов в целом. По инициативе графа П.Н. Румянцева в начале XIX века начались архивные изыскания в Архангельской, Вятской, Новгородской, Смоленской и Харьковской губерниях. В своей деятельности П.Н. Румянцев опирался на местных историков – любителей старины и преподавателей учебных заведений. Труды первых местных «летописцев» заложили основу для дальнейших исследований в области истории образования в регионах и до настоящего времени служат ценнейшим, а в ряде случаев и единственным первоисточником.

В первой половине XIX века достаточно активно происходит обобщение прогрессивных традиций народного воспитания. Изучение региональной педагогической практики с актуализацией социальной значимости образования, становления российской педагогики как самостоятельной отрасли научного знания. В работах прогрессивных российских историков и педагогов этого периода региональные аспекты отчетливо не выражены. На передний план ими выдвигались задачи, связанные с воспитанием любви к Родине (А.И. Герцен, Н.М. Карамзин, С.П. Шевырев и др.). Идея о зависимости характера воспитания от местных (региональных) условий стала одной из ведущих в педагогическом наследии В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, К.Д. Ушинского.

Однако региональный компонент историко-педагогической науки носил неявно выраженный, главным образом описательный характер. Значительное усиление интереса к региональной истории, начиная с 1860-х годов, связано с последстви-

ями проведения буржуазных реформ, когда передовая научная мысль обратилась к изучению исторического прошлого регионов России. Выдвинутая А.П. Щаповым (1860) концепция «областной» истории, имела принципиальное значение для деятельности провинциальных историков до октябрьского периода, поскольку она теоретически доказывала их право на разработку истории своего края.

Развитие региональной историографии и регионального направления в историко-педагогической науке в 20-х годах XX века продолжалось в форме педагогического краеведения. Последовавшие вскоре репрессивные процессы над академиками-историками С.Ф. Платоновым, Е.В. Тарле, экономистами Н.Д., Кондратьевым А.В. Чаяновым и др. на несколько десятилетий остановили деятельность краеведческих организаций и обществ, поставили вне закона «кулацкое» краеведение. Фактический разгром региональной историографии означал наложение существенных ограничений на тематику, а главное – на содержание работ по истории регионального образования. Тем не менее, начиная с конца 1940-х годов, региональная тематика в историко-педагогических исследованиях находит отражение (Г.Н. Волков, Д.М. Городенко, З.И. Равкин, Т.П. Сеницына и др.).

На рубеже XX–XXI веков теоретический анализ литературы показал, что философские взгляды современных ученых (Б.М. Бим-Бад, М.В. Богуславский, Т.С. Буторина, Б.С. Гершунский, Н.Д. Никандров, Г.В. Осипов, З.И. Равкин и др.) ориентируют педагогов на изучение историко-педагогического общероссийского и регионального опыта. Историко-педагогический опыт региона позволяет выявить и рассмотреть характерные особенности развития образования в национальных рамках, раскрыть сильные и слабые стороны образовательно-воспитательного процесса на местах.

В настоящее время на Архангельском Севере ведется большая научная работа по изучению общей истории региона (В.Н. Булатов, Т.С. Буторина, В.И. Голдин, А.А. Куратов, И.Р. Луговская, Е.И. Овсянкин, В.В. Тевлина, Г.Г. Фруменков и др.), историко-педагогического опыта образования и воспитания в XVIII–XIX вв. (Г.В. Аверкиева, Т.С. Буторина, С.В. Заозерская, М.А. Калинина, С.Ю. Мосягина, П.Т. Сеницына, С.С. Щекина и др.), влияния интеркультурного фактора на

развитие образования (И.В. Приходько), особенностей национального образования (И.З. Сковородкина), вопросов религиозно-нравственного воспитания (Л.Н. Квашнина) и др.

Проведенные историко-педагогические и опытно-экспериментальные исследования, как отмечает Т.С. Буторина, позволили выявить особую область педагогического поиска – педагогическую регионологию, предметом которой является изучение толерантности региональных и национальных приоритетов, историко-педагогических и социально-культурных особенностей региона, влияющих на формирование и развитие в нем личности [1].

На необходимость учета социокультурных особенностей среды обратил внимание немецкий педагог А. Дистервег. По его мнению, высказанному в статье «О природосообразности и культуросообразности в обучении» (1832), образование и воспитание являются одновременно и постоянной категорией, и историческим явлением. В первом случае они подчиняются общему для всех времен и народов началу, каким он считал природосообразность; во втором – они различны в разные эпохи у разных народов и определяются принципом культуросообразности [3].

В связи с реформированием системы российского образования в XXI веке, развитием нового мышления педагоги ощутили необходимость более углубленного изучения педагогической мысли прошлого, возвращения незаслуженно забытых имен просветителей, изучение их трудов, так как многие исторические научно-педагогические положения актуальны и в наши дни. Региональные исследования в области образования обогащают историко-педагогическую науку как фактологически, так и методологически.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что развитие педагогической регионологии осуществляется на фоне общероссийских тенденций и традиций, включая в себя социально-экономическую и культурно-историческую специфику конкретного региона. Педагогическая регионология как направление историко-педагогической науки участвует в осмыслении прошлого и попытках прогнозировать будущее. Вместе с тем региональная тематика занимает особую область исследования в истории образования и воспитания и характеризуется специфическим социально-педагогическим наполнением.

Библиографический список

1. Буторина Т.С. Педагогическая регионология. Научная школа. – Архангельск: Изд-во Архангельского гос. техн. ун-та, 2006. – 186 с.
2. ГААО, ф. 1, оп. 1, т. 6, д. 11459 (Переписка с Московским университетом о присылке сведений о проданных книгах Александром Фоминым (1775)); ГААО, ф. 1, оп. 2, т. 1, д. 232 (Предписание генерал-губернатора Туттолмина о назначении купца Фомина временным директором народных училищ); ГААО, ф. 43, оп. 2, д. 50 (Дело об открытии в городе Архангельске главного и малого народных училищ); ГААО, ф. 61, оп. 1, д. 2 (Ведомости о состоянии учебных заведений Архангельской губернии); ГААО, ф. 61, оп. 1, д. 1 (Об открытии 22 сентября 1786 г. в городе Архангельске Главного народного училища); ГААО, ф. 61, оп. 1, д. 778 (О преобразовании уездных училищ в городские училища с 6-летним обучением по Положению от 31 мая 1872 г.).
3. Дистервег А. Избранные педагогические сочинения. – М.: Учпедгиз, 1856. – 374 с.
4. Крестинин В.В. Об употреблении над детьми мужеского пола власти родительской и власти учительской, по старинному воспитанию Двинского народа // Новые ежемесячные сочинения. – 1790. – Ч. 52. – Окт. – С. 27–44.
5. Крестинин В.В. Историческое известие о нравственном воспитании детей у двинских жителей // Новые ежемесячные сочинения. – 1787. – Ч. 17. – Ноябрь. – С. 3–12; Ч. 18. – Дек. – С. 20–49.
6. Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. – СПб, 1890. – С. 220–223.
7. Полякова У.М. Василий Васильевич Крестинин и общественная жизнь Архангельска второй половины XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1959. – 21 с.
8. Поморская энциклопедия: В 5 т. / Под ред. Н.П. Лаверова. Т. 1: История Архангельского Севера / Под ред. В.Н. Булатова; сост. А.А. Кура-тов. – Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2001. – 483 с.
9. Равкин З.И. Формирование ценностных ориентаций личности в духовно-нравственной сфере (XIX–XX вв.). – М., 2002. – С. 155.
10. Смирнов А.В. Школа и педагогическая мысль на Европейском Севере России в XVIII веке: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1961. – 16 с.

И.В. Глухова

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПЕДАГОГИКИ

Преамбула. Статья посвящена современному этапу развития исследований по одной из актуальных проблем высшего профессионального образования – формированию культуры межнационального общения и рассматривает подходы к определению ее базовых понятий.

В условиях растущей мобильности населения нашей планеты и устойчивого увеличения миграционных процессов особое значение имеет проблема «вхождения» в иную культурную среду. Становится очевидным, что именно образование способно обеспечить взаимную социальную адаптацию различных культурных, этнических и конфессиональных групп. Все это актуализирует весь комплекс проблем высшего профессионального образования и предъявляет более высокие требования к целому ряду профессий. Соответственно данные требования выдвигают в разряд актуальных проблему формирования культуры межнационального общения у будущих специалистов, от уровня сформированности которой в значительной степени зависит успех их профессиональной деятельности.

Исследование проблемы формирования культуры межнационального общения делает необходимым раскрытие сущности таких базовых понятий как «общение», «межнациональное общение», «культура межнационального общения» и «формирование культуры межнационального общения». Отправным пунктом нашего анализа является рассмотрение понятия «общение».

В психологии сложилось несколько подходов к феномену общения. Методологическая общность этих подходов проявляется в том, что все они разделяют принципиальную позицию о единстве общения и деятельности. Однако характер этого единства понимается по-разному. С точки зрения А.Н. Леонтьева, общение следует рассматривать как определенную сторону деятельности, ибо оно присутствует в любой деятельности в качестве её элемента. Саму же деятельность можно рассматривать как необходимое условие общения [9].

Ряд исследователей (М.Л. Вайсбурд, А.П. Василевич, В.И. Загвязинский, Н.И. Лапин) понимают общение как особый вид деятельности, как коммуникативную деятельность или деятельность общения, который играет самостоятельную роль в жизни человека на определенных этапах его развития.

Б.Ф. Ломов рассматривает деятельность и общение как две стороны социального бытия человека, его образа жизни. Суть этого подхода состоит в том, что общение рассматривается как специфическая система межличностного взаимодействия, структура и динамика которого не могут быть сводимы к последовательно сменяющим друг друга воздействиям, что характерно для деятельностного подхода [10].

Понятие «общение» в педагогической науке рассматривается и как вид деятельности, и как средство, и как аспект взаимодействия. Позиции общения как взаимодействия придерживаются И.Б. Котова, В.А. Кан-Калик и др. Большинство авторов (Г.И. Батурина, А.А. Леонтьев, А.К. Маркова, А.В. Петровских и др.) понимают общение как форму или способ взаимодействия, обмена ценностей, образовательных отношений (условия, средства, способ).

А.Г. Ковалёв считает, что «общение – это речевая связь людей между собой, собеседование, переписка» [7].

В этих подходах не учитывается многообразие коммуникативных связей людей через совместную деятельность, поведение, остаётся неучтённым широкий диапазон невербальных средств общения, которые проявляются в мимике и пантомиме, в коммуникативности личностных свойств.

Л.П. Боева, А.А. Леонтьев называют общение людей одним из видов человеческой деятельности потому, что «как бы различны не были отдельные виды полезного труда или производительной деятельности, с физиологической стороны – это функции человеческого организма, и каждая такая функция, каковы бы не были ее содержание и ее форма, по существу, есть затрата человеческого мозга, нервов, органов чувств и т.д.». Кроме этого, коммуникативная деятельность входит во все другие виды деятельности. Обеспечивая взаимодействие людей в процессе труда, в ней отражается способ выражения того или иного отношения, как к человечеству, так и к любому предмету или явлению объективного мира [2; 9].

Анализ существующих определений понятия «общение» показывает, во-первых, единство точек зрения на общение как коммуникативную деятельность; во-вторых, наличие общих понятий, составляющих его содержание (взаимопонимание, взаимодействие, взаимовлияние); в-третьих, обусловлено деятельностью как таковой.

С учетом вышеизложенного обратимся к выявлению и определению сущности понятия «межнациональное общение» и отметим, что тема межличностных отношений и связанные с ней проблемы общения лишь недавно стали разрабатываться в теоретическом плане.

Проанализировав труды З.Т. Гасанова, Р.К. Грдзелидзе, Л.М. Дробичевой, М.И. Пирена, И.И. Серовой по данной проблематике, мы считаем основополагающим положение Л.М. Дробичевой о том, что межличностное общение, также, как и межличностные отношения людей различных национальностей, неверно было бы рассматривать изолированно от национальных отношений в целом и межнационального общения в его широком понимании (то есть контакты между народами на различных уровнях, в том числе межличностное общение). Характер общения – дружественный, нейтральный или конфликтный – всегда обусловлен в обществе типом национальных отношений [6].

В теоретических исследованиях национальных процессов понятия «общение» и «отношения» нередко используются как идентичные. Между тем они не являются равнозначными. По мнению Л.М. Дробичевой, «отношения» – понятие более широкое. А «общение» есть реализация отношений, форма и способ связи между людьми, в то время как «отношение» характеризует содержание [6].

М.И. Пирен использует этот подход для разграничения понятий «межнациональное общение» и «межнациональные отношения». «Межнациональное общение» есть процесс реализации «межнациональных отношений», они же (отношения) характеризуют содержание, в то время как «межнациональное общение» – форма и способ связи между людьми разных национальностей в процессе их жизнедеятельности [12].

Р.К. Грдзелидзе дает иное определение межнационального общения: «это конкретное, реальное проявление взаимоотношений представителей двух и более национальностей, обменивающихся, с одной стороны, материальными и ду-

ховными ценностями, с другой – взглядами, чувствами, эмоциями» [5].

З.Т. Гасанов трактует понятие «межнациональное общение» как определенные взаимосвязи и взаимоотношения, в процессе которых люди различных национальностей обмениваются опытом, ценностями, мыслями, чувствами. В процессе межнационального общения проявляются не только личностные качества, но и особенности психологии, традиций, культуры народов, представителями которых являются общающиеся [4].

Отметим, что данное определение учитывает значение социально-психологических исследований в раскрытии сущности межнационального общения. Ибо «как люди, входящие в одну этническую общность, воспринимают человека из другой этнической общности, какие представления у них при этом актуализируются в их поведении при встрече с ним, – психологи должны получить ответ на эти вопросы» [4, с. 50]. С учетом вышеизложенного, представляется более приемлемым определение межнационального общения, данное И.И. Серовой: «межнациональное общение есть процесс взаимодействия и взаимовлияния представителей различных социально-этнических общностей, в котором происходит обмен продуктами деятельности, вырабатываются нравственно-оценочные нормы и правила, формируются социально-психологические качества, влияющие на характер, содержание и уровень межличностных отношений представителей различных национальностей» [13].

Анализ философских, педагогических и психологических исследований показал, что сравнительно недавно в научный оборот вошел термин «культура межнационального общения».

Понимание культуры межнационального общения как регулятора поведения человека и его взаимоотношений с людьми другой национальности во всех сферах социальной жизни трактуется следующим образом:

– это совокупность идейно-политических, нравственных, эстетических ценностей, функционирующих, взаимообогащающихся и творчески развивающихся в процессе непосредственного и косвенного (опосредованного) общения представителей различных национальностей [3, с. 69–70];

– это определенные взаимосвязи и взаимоотношения, в процессе которых люди, принадлежащие к разным национальным общностям и придерживающиеся различных религиозных взгля-

дов, обмениваются опытом, духовными ценностями, мыслями, чувствами [4, с. 51];

– это система характерных для личности, наций, социальных групп или общества в целом идей и представлений, способов, форм и видов специфической культурной деятельности, осуществляемой в целях углубления процесса взаимодействия и взаимовлияния людей различных национальностей [6];

– это система прогрессивных национальных установок и принципов, ставших общенациональными нормами, используемых представителями различных наций и народностей в процессе их общения [11].

В психолого-педагогических исследованиях культура межнационального общения определяется следующим образом:

– это особый способ организации... личностных взаимоотношений общественных субъектов, представляющих процесс овладения совокупностью норм, способов, форм поведения, способствующих выработке своеобразного эталона взаимоотношений [14];

– это совокупность специальных знаний и умений, а также адекватных им поступков и действий, проявляющихся в межличностных контактах и взаимодействии представителей различных этнических общностей и позволяющих быстро и безболезненно достигать взаимопонимания и согласия в общих интересах [8, с. 194–195];

– это сложный многокомпонентный феномен как органическое единство внутренне воспитанных и внешне проявляющихся морально-этических форм взаимодействия человека, обусловленных социальными и историко-культурными влияниями, гармоничностью национально-интернационального воспитания, потребностями взаимообогащения духовными и национальными ценностями представителей разных национальностей в различных сферах общественной и личной жизни» [1, с. 8].

Обобщая вышеизложенное, отметим, что в содержание культура межнационального общения можно включить:

а) нормативные требования, возведенные в ранг закона, регулирующие взаимоотношения представителей различных представителей различных национальностей и обязательные для исполнения всеми членами общества;

б) сложившиеся в процессе повседневного общения традиционные нормы взаимоотношений

между представителями различных национальностей, в которых отражены общечеловеческие идеалы дружбы и уважения к другим народам;

в) знания о правах человека и народов, нациях и национальных отношениях, национальных культурах и их взаимоотношении, национальных, общенациональных и общечеловеческих ценностях.

Поэтому, под культурой межнационального общения мы будем понимать систему общенациональных норм, включающих общечеловеческие и национальные ценности, и регулирующих взаимоотношения представителей различных наций и народностей в процессе их общения.

Рассмотрим теперь сущность понятия «формирование культуры межнационального общения».

В педагогической науке понятие «формирование» считается недостаточно установившейся категорией, несмотря на широкое его применение.

Многие ученые рассматривают формирование с процессуальной точки зрения. Формирование личности – это процесс развития и становления личности под влиянием внешних воздействий воспитания, обучения, социальной среды; целенаправленное развитие личности и какой-либо из ее сторон, качеств под влиянием воспитания; процесс становления человека как субъекта и объекта общественных отношений.

Под формированием личности в психологии понимают совокупность способов социального воздействия на индивида, имеющих целью создать из него систему определенных ценностей, воспитать социально-психологические качества и определять своеобразный склад мышления.

Интересна точка зрения тех авторов и исследователей (Г.М. Андреева, В.А. Артемов, Л.А. Аухадаева, М. Бенни, А.А. Бодалев, А.В. Брушлинский, Н.Н. Гез, А.А. Деркач, С.Ф. Щербак, А.В. Мудрик, Е.И. Пассов, И.И. Халеева), которые считают, что общению можно и нужно научить, рассматривают умения общения как качества личности будущего специалиста, как готовность к осознанному успешному осуществлению коммуникативной деятельности в единстве трех ее сторон (коммуникативной, интерактивной, перцептивной) в быстро изменяющихся условиях.

В педагогических исследованиях отмечают, что формирование культуры межнационального общения возможно только тогда, когда наблюдается равновесие между ее двумя взаимозависимыми звеньями: развитием национального самосознания человека на базе своей культуры,

языковой среды и овладением достижениями мировой культуры, системой общечеловеческих ценностей. Целью процесса формирования культуры межнационального общения является «формирование совокупности знаний, умений и адекватных им поступков, обеспечивающих полноценное межнациональное общение на основе взаимопонимания и согласия» [11].

Таким образом, комплексное изучение проблемы формирования культуры межнационального общения и постоянный интерес исследователей к ней создают основу для построения системы ее формирования у будущих специалистов.

Библиографический список

1. Алексеева О.Л. Подготовка студентов педагогического колледжа к формированию культуры межнационального общения у детей дошкольного возраста: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Чебоксары: ЧГПУ, 2002. – 20 с.
2. Бугаева Л.П. Человек: деятельность и общение. – М.: Мысль, 1978. – 216 с.
3. Бурмистрова Т.Ю., Дмитриев О.А. Дружбой сплоченные: культура межнационального общения в СССР. – М.: Мысль, 1986. – 254 с.
4. Гасанов З.Т. Воспитание культуры межнационального общения. – Махачкала, 1998. – 338 с.
5. Грозделизде Р.К. Межнациональное общение в развитом социалистическом обществе. – Тбилиси, 1980. – 110 с.
6. Дробизева Л.Н. О проблемах межнационального общения и задачах этносоциологии в современных условиях // Советская этнография. – 1989. – №1. – С. 41–47.
7. Ковалев А.Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства. – М.: Политиздат, 1975. – 132 с.
8. Крысько В.Г. Социальная психология: Словарь-справочник. – Мн.: АСТ, 2001. – 688 с.
9. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1999. – 287 с.
10. Ломов Б.Ф. Проблема общения в психологии. – М.: Наука, 1981. – 280 с.
11. Максимова Т.А. Формирование умений межкультурного общения: Дис. ... канд. пед. наук. – Челябинск, 2004. – 137 с.
12. Пирен М.И. Социалистическая сущность межнационального общения. – Львов: Свит, 1990. – 216 с.
13. Серова И.И. Культура межнационального общения. – Мн., 1986. – 159 с.
14. Чарикова Е.И. Культура межнационального общения и школа // Советская педагогика. – 1991. – №12. – С. 18–20.

Т.Х. Марзоева

А. ДЫМОВ, Н. ЦАГОВ – ОСНОВАТЕЛИ БАКСАНСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА

Неотъемлемой частью национальной культуры народов Северо-Кавказского региона является Баксанское культурное движение, которое стало важным этапом в становлении общественного, научного, педагогического сознания кабардинского народа, его письменности и литературного языка. Современная кабардинская письменность, литература и школа «начинались как развитие и преобразование баксанских традиций» [1, с. 5].

В XIX веке Кабарда и другие адыгские народности в своем социально-политическом развитии отставали от передовых наций на столетия. Прогрессу мешало отсутствие письменности и городской культуры. В это время дети адыгов обучались в медресе – мусульманских школах в которых по схоластической методике преподавались арабский язык, арабская грамота и Коран. Ауль-

ный мулла никогда не имел недостатка в учениках, ибо обучение в примечетских школах родители считали престижным. Сохсты, ученики медресе, обучались около 3–4 лет, они механически заучивали тексты, но к концу учебы мало кто мог прилично читать и переводить священные тексты.

В 1912 году в кабардинских селах имелись 48 медресе, а в Балкарии – 13, существовали такие аулы, в которых было по 2–3 медресе [2, с. 268–269].

В начале XX столетия начали появляться отдельные лица, получившие высшее мусульманское образование в Каире или Стамбуле. Таковыми людьми стали Адам Гафарович Дымов (1878–1930) и Цагов Нури Айтекович (1883–1936). А. Дымов с отличием закончил Каирский университет, где наряду с Законом Божьим изучал философию, право, логику, физику, математику, арабский язык и литературу.

С дипломом магистра наук А. Дымов вернулся на родину, в селение Баксан и воплотил в жизнь свою студенческую мечту – открыл в родном селе (в сапожной мастерской дяди) бесплатную школу для детей сельских бедняков. На свои средства закупил для учеников тетради, ручки и карандаши, выписал учебники из Каира, поставил вдоль стен столы и скамейки, повесил доску, развесил картины с изображением животных и птиц, на столе учителя стоял огромный глобус. Не очень скоро в школе набралась группа из 23 человек, детям было от 12 до 15 лет. Долгое время А. Дымов оставался единственным учителем в своей школе, он преподавал наряду с естественными науками, историю адыгов и кабардинский язык, ежедневно проводилось чтение Корана [3, с. 283–284].

Гуманистическая направленность А. Дымова проявлялась в его бережном отношении к детям, стремлении заинтересовать их науками, обучая их на родном языке, сделать обучение доступным (и это в отличие от схоластических и догматических методов обучения в конфессиональных примечетских медресе, в которых обучение велось на непонятном детям, арабском языке).

В 1913 году А. Дымов составил азбуку родного языка на арабской графической основе и издал ее в городе Темир-хан-Шуре, здесь же на созданном им алфавите (на основе арабской графики) были напечатаны его книги для чтения «Ключ к детям» и «Рассказ для женщин». Свою новую азбуку он пытался ввести для обучения родному языку в сельских школах Кабарды, в частности он раздал экземпляры своего «Алиф-бей» слушателям Баксанской духовной семинарии, но эта попытка не имела успеха.

В 1913 году к А. Дымову присоединяется Нури Цагов, который родился в Турции в семье переселенцев. Рано потеряв семью, с помощью дяди он закончил Стамбульский университет, по специальности «юрист», но карьере адвоката предпочел деятельность на ниве народного просвещения. В 1909–1910 году вместе с группой единомышленников он начал изменять турецко-арабскую письменность (и частично латинскую), приспособляя ее к наречию горских кавказских народностей. На новом алфавите выпускалась газета «Гуаза» («Руководитель», «Вожатый»), букварь, география и арифметика. Н. Цагов сам составил учебники, был редактором газеты, в которой не затрагивались проблемы политики, а главным направлением было просветительское [7, с. 181–182].

Была напечатана и «Азбука» «Группы адыгов» (под этим псевдонимом скрывались Н. Цагов и Сугат Нагучев). Здесь были представлены на адыгейском и кабардинском языках тексты дидактического характера. В дымовском медресе курсы арифметики и географии изучались по учебникам Н. Цагова «Хьисаб тхылъ» («Книга счета») и «Жеография» («География»), которые, как и «Азбука», попали в Кабарду еще до возвращения Н. Цагова из Турции [4, с. 316].

С самого начала своего существования Баксанский просветительский центр имел связи с другими подобными центрами и внутри страны, и за рубежом, в частности с Черкесским благотворительным обществом в Стамбуле и университете аль-Азхар в Стамбуле. А. Дымов стремился помочь соотечественникам получить более глубокие знания в других учебных заведениях. В 1914 году он отвозит в Египет и устраивает в Каирский университет Али Тамбиева, Мухаммеда Дымова, Ибрагима Тлигунова, Хабалу Хоконова, там же он издает свою книгу «Иэдэбиат» («Воспитание»), переводит исторические книги, сказания и предания разных народов. Так в Кабарде стали появляться первые горцы-адыги, умеющие читать и писать на материнском языке.

В 1917 году в России происходили бурные революционные события, которые непосредственно затрагивали судьбу северокавказских народов. А. Дымов, живший жизнью своего народа, начинает заниматься журналистикой и задумывает наладить издание газеты, которая бы помогала соотечественникам получать достоверную информацию и правильно ориентироваться в происходящих в стране событиях. Для издания газеты он решает приобрести в городе Казани новую типографскую машину. За ней вместе с А. Дымовым поехал Н. Цагов, который в это время жил в семье друга.

Осенью 1917 года на средства своего отца А. Дымов приобрел собственный печатный станок [5, с. 27].

Здесь же, в Казани, А. Дымов издал свою книгу «Доброе слово», вместе с Н. Цаговым они отпечатали свою первую книгу «Тхыбзе» («Азбука»), написанную на основе алфавита, созданного А. Дымовым еще в 1913 году. Именно с издания «Азбуки» началась многолетняя дружба и сотрудничество двух единомышленников, мечтающих о просвещении горцев.

Печатная машина была установлена в Баксане, она вошла в историю как «Типография братьев

ев Дымовых». По словам дочери Дымова, Раисы Адамовны, отец назвал так свою типографию в благодарность отцу Гафару и дяде Мустафе, а не в честь своих братьев Махмуда и Индриса, которые, конечно же, помогали Адаму, скорее морально.

Появление в Баксане типографии было событием огромной исторической важности, у горцев появилась надежда, что теперь кабардинцы начнут читать на родном языке, смогут приобщиться к сокровищнице мировой культуры. Типография братьев Дымовых положила начало книгопечатанию в Кабарде, в ней было выпущено около 20 книг, в том числе книги А. Дымова «Воспитание характера», «Доброе слово», «Подарок детям» и другие.

В этой же типографии с ноября 1918 года начала печататься газета «Адыге мак» («Голос адыга»), которая выходила два раза в неделю, главным редактором ее был А. Дымов, помогал ему Н. Цагов. Это был первый периодический орган печати на национальном языке. Наряду с политическими здесь печатались религиозные, бытовые, историко-этнографические, фольклорные и литературно-художественные материалы. В газете появлялись литературные произведения, одухотворенные идеалами народного просвещения и рыцарского поведения в жизни. Например, в заметке «О необходимости просвещения» читаем: «Чтобы просвещение распространилось между нами, нам подобает неотступно помогать друг другу. Если среди нас есть такие, которые до сих пор не поняли, что впредь уже нельзя жить без науки, без ремесел, то мы должны будить их словом, пером. Следует побуждать их к тому, чтобы они отдавали своих детей в ученье, чтобы мечтали об этом» [6].

Газета печатала также пословицы, адыгские поговорки, старинные героические песни, нартские сказания (проводился конкурс, кто больше соберет и пришлет таких текстов).

Газета прекратила свое существование в 1919 году, когда белогвардейцы временно захватили власть в Кабарде; они отобрали у Дымовых печатный станок и увезли его в Нальчик.

Деятельность Баксанского культурного центра носила демократический характер, она доказывала, что культура и просвещение являются основой богатства любого народа, что в современном мире невозможно существовать без знаний.

Библиографический список

1. Адаб Баксанского культурного движения / Разыскал, исследовал и подготовил к печати З.М. Налоев. – Нальчик: Эльбрус, 1991.
2. Кумыков Т.Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – в начале XX века. – Нальчик: Эльбрус, 1996.
3. Ошиноква Ф.Ш. Дымов Адам – педагог, первопечатник и журналист // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. – 2003. – Вып. 10.
4. Теунов Хачим. Литература и писатели Кабарды. – М., 1958.
5. Писатели КБ. XIX – конец 80-х гг. XX в. Библиографический словарь. – Нальчик: Издательский центр «Эль-фа», 2003.
6. Голос адыга. – 1918. – №4. – 10 декабря.
7. Хакуашева М.А. Новые сведения к биографии Нури Цагова // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. – 2003. – Вып. 10.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Бердова О.В., Лушина Е.А. *КОСТРОМСКОЕ УЧИТЕЛЬСТВО (XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)* / Отв. ред. А.А. Герасимов; рец.: Н.М. Рассадин, А.М. Белов. – Кострома: КОИПКРО, 2006. – 208 с.

Книга посвящена истории становления профессии учителя в Костромской губернии XVIII – начала XX века.

И.Л. Матяева

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ТРАДИЦИЯ ИЛИ ИННОВАЦИЯ?

Бурное развитие информационных технологий в последние несколько лет привело к появлению нового популярного термина – «дистанционное образование» или ДО. Некоторые видят в нем модель образования будущего и всячески пропагандируют, другие относятся к нему скептически, третьи считают это инновационным приобретением XX и XXI веков. Так ли это? И главное – новационно дистанционное образование или же оно существовало еще до появления привычного нам традиционного образования? Чтобы приблизиться к ответу на поставленные вопросы, необходимо выяснить, какая идея лежит в основе принципа образования, вообще, и дистанционного, в частности.

Любое понятие в педагогике не планомерно рассматривать без соотнесения его с понятием «педагогический процесс». Образование так же не является исключением. Это связано с тем, что педагогический процесс – одна из коренных, основополагающих категорий педагогической науки. П.Ф. Каптерев впервые ввел понятие «*педагогический процесс*», под которым понимал единство биологического и социального в процессе развития ребенка [7, с. 17]. Под *развитием* при этом мы, вслед за П.Ф. Каптеревым, понимаем необратимый процесс качественных изменений, совершенствование, усложнение, возвышение биопсихического субстрата ребенка. Именно эту задачу решает педагогическая деятельность. Системообразующим звеном *педагогического процесса* является целенаправленная *педагогическая деятельность*, которая направлена, с точки зрения Б.Т. Лихачева, на формирование духовных потребностей, ценностных ориентаций ребенка, вооружение его знаниями, способами познания и преобразования мира, что способствует развитию психического, интеллектуального и эмоционально-волевого здоровья ребенка [8, с. 87–88].

Л.А. Зеленов выражается более лаконично, объясняя *процесс развития* как единство трех неразрывно связанных диалектическими переходами процессов – образование, воспитание и обучение [5, с. 36–48]. Где *образование* – это процесс передачи системы знаний, информационного опыта; *обучение* – это процесс передачи системы умений, операционного опыта; *воспи-*

тание – это процесс передачи социальных установок, мотивационного опыта.

Возьмем за основу исследования эту модель взаимосвязи образования – обучения – воспитания. Остается только выяснить о соотношении этих подсистем, этих трех функций педагогического процесса.

Педагоги часто эти понятия объединяют, например, что образование – есть обучение или обучение и воспитание это один и тот же процесс [11]. Так Ф.А. Сайфуллин считает ошибочным вводить в обиход понятие «обучения», так как воспитание и обучение единый процесс. Признание «обучения», утверждает он, как одной из разновидностей педагогического процесса приносит большой вред делу воспитания. Оно создает «юридическое основание» для теоретического и практического разрушения целостности – педагогического процесса, необоснованно разделяя его на две части. Именно из-за этого сегодня в школах одни занимаются «обучением», другие – «воспитанием», в науке одни изучают «дидактику», другие – «теорию воспитания». Деление педагогического процесса на обучение и воспитание сделало невозможным формирование всесторонне развитых людей. Из школы начали выходить «образованные, но не воспитанные» или, наоборот, «воспитанные, но не образованные» люди [11]. По мнению Ф.А. Сайфуллина, ошибки ученых в объяснении сущности педагогического процесса привели к серьезным теоретическим и практическим последствиям. В его понимании «педагогический процесс», «воспитание» и «обучение» – синонимы, означающие одно и то же явление. Деление целостного педагогического процесса на воспитание и обучение является ошибкой. Черты характера, чувства, отношения, знания, умения, навыки, являясь элементами содержания педагогического процесса, формируются без отрыва друг от друга, одними и теми же методами, формами, средствами.

Иная точка зрения у Л.А. Зеленова, он не видит противоречия в том, если обучение будет воспитывающим, а воспитание обучающим, а так же что существует воспитание, отделенное от процесса образования, значит, и образование должно быть воспитывающим. Иначе говоря,

утверждает, Л.А. Зеленев, «не существует отдельно – образования, обучения и воспитания, нельзя отрывать один процесс от другого и утверждать: “сейчас я занимаюсь образованием” или “сейчас я занимаюсь воспитанием”». И чтобы не было путаницы в определениях, нужно просто четко представлять задачи и цели перечисленных педагогических категорий. Прямая задача образования – формирование системы знаний, прямая задача воспитания – формирование системы установок, ценностных ориентаций, убеждений, а задача обучения – формирование умений и навыков. Тогда становится понятным, что принцип «делай как я», метод подражания – неэффективный – практика без теории слепа и беспомощна. Так же «метод проб и ошибок» – ущербен, так как не опирается на знания и теорию [5, с. 39–42].

Таким образом, можно сделать вывод, что обучение и воспитание не части процесса образования и воспитания – это не обучение, а образование, обучение и воспитание – это три равноценные части одного педагогического процесса, направленного на формирование и развитие человека, другими словами – три угла одного равнобедренного треугольника.

Из этих трех компонентов нас большей частью интересует «образование», образование – как процесс, как общественное явление, как современная реальность. Определений образования множество, например, у Ю.К. Бабанского. «Образование – это процесс и результат овладения учащимися системой научных знаний и познавательных умений и навыков, формирование на их основе мировоззрения, нравственных и других качеств личности, развития ее творческих сил и способностей» [2, с. 10]. Один из ведущих ученых-педагогов нашей страны, В.В. Краевский, подчеркивает, что образование как объект педагогики есть «особый вид целенаправленной деятельности по подготовке человеческих существ к участию в жизни общества, состоящей из деятельности воспитания и обучения и осуществляемой в интересах человека, общества и государства» [4, с. 33]. Определений «образования» множество, но смысл и цель образования в каждом схожа!

Во-первых, невозможно получить знания по каналам генетической программы наследственности; знания не врожденны человеку.

Во-вторых, невозможно самопроизвольно формировать информационную подсистему психики человека, т.е. необходима связь: ученик –

учитель – знания, где учитель выступает как посредник в передаче знания. Это есть основная модель традиционного образования.

В-третьих, необходимость со стороны общества направленного формирования информационной культуры человека. Другими словами – образование государственной системы образования.

Проблематика исторического прошлого образования постоянно вызывала исследовательский интерес у самых различных авторов и данная тематика, так или иначе, затрагивалась в самых первых исторических сочинениях. Образование как понятие и как процесс довольно молодое явление. Термина «образование» до XIX века не существовало. Поэтому говорить о «системе образования» в историческом ракурсе неправомерно. Безусловно такая ситуация затрудняет изучение истории педагогики и образования, искажает понимание тенденций развития образования как социального института. Но изучать традиционное образование, как и систему образования, мы можем, только обращаясь к более древнему термину – «воспитание», которое, как говорилось выше, является составной частью единого процесса.

В XVI веке термин «воспитание» (как это видно на примере главной книги – «Домостроя») вбирает в себя значения терминов – наставлять, поучать; формировать нравственные качества, передавать правила поведения, приличия [9]. «*Воспитание*» как педагогический термин появляется в научной литературе двумя столетиями позже – во второй половине XVIII века. Слово «образование» в этот период в русском языке не зафиксировано.

Слово «*воспитание*» является базовым термином педагогики, означающий осуществление сознательного, целенаправленного, систематического, профессионального, институционально оформленного прямого воздействия одного конкретного человека (учителя, гувернера, наставника, мастера, командира и тому подобное) на конкретного другого (школьника, ученика, подмастерья, курсанта, солдата и тому подобное).

Как утверждают многие источники, воспитание являлось одной из главных потребностей первых людей. Для сохранения рода, накопленного опыта и знаний, они должны были передавать их из поколения в поколение. «Воспитание – категория вечная, необходимая и общая. Оно появляется вместе с возникновением человеческого общества и существует пока живет само общество» [8, с. 7–10].

Но вот, что интересно – играло ли воспитание, возникшее у первых людей идентичную роль образованию в современном обществе? Другими словами, было ли первое воспитание – традиционным, отвечало ли оно принципам традиционного образования?

Мы выяснили, что для передачи знаний, умений и навыков необходим посредник (учитель, гувернер, воспитатель, наставник и т.д.). Если исходить из археологических данных, то дату появления первых людей историки называют – 40000 лет назад. Другие источники утверждают о более раннем появлении приматов, еще в эпоху процветания динозавров – 85 миллионов лет назад. Эта более ранняя дата происхождения приматов указывает, что они, вероятно, появились в южных тропических/субтропических областях и затем распространились к северу, причем появились там значительно раньше, чем принято в настоящее время думать. Первичное появление животных отряда приматов 85 млн. лет назад напоминает примитивную и малочисленную группу животных [6]. Но любая названная дата не совпадает с V веком до н.э. – датой зарождения первых школ. Это совсем не означает, что воспитания как процесса не было. На ранних стадиях развития человечества воспитание осуществлялось в процессе практического участия детей в жизнедеятельности взрослых (производственной, общественной, ритуальной и игровой). Его отличительной чертой была высокая эффективность и значительное соответствие целей, средств и результатов воспитания. Целью и содержанием воспитания в условиях первобытнообщинного строя было развитие трудовых навыков, чувства верности интересам рода и племени при безусловном подчинении им интересов отдельной личности, сообщение знаний о традициях, обычаях и нормах поведения в данном роде и племени на основе ознакомления со сложившимися в них преданиями и верованиями. Можно сказать, что воспитывала сама жизнь; природная среда требовала от человека только такого поведения и действия, которые позволили бы ему выжить. В данный период проявлялся традиционный характер ориентации детей на воспроизводство деятельности взрослых, опыт которых был сравнительно невелик. Воспитание в первобытном обществе осуществлялось вместе с борьбой за выживание и требовало постоянного усвоения жизненно необходимого ряда навыков, умений и обрядов.

Любые виды самоограничений, с которыми сталкивался ребенок, были коллективными и носили обязательный характер. В данном типе воспитания мы встречаемся с уникальным опытом стремления человека от неумения к умению, от незнания к знанию, а также к возникновению потребностей познания окружающего мира. «Отношения, познающиеся из опыта, всегда не вполне достоверны и совершенны, и, однако же, сравнению всегда есть за что уцепиться» [10]. Видное место в первобытнообщинном воспитании занимали игры, имитирующие различные виды труда взрослых членов племени – охоту, рыбную ловлю и другие занятия. *Первыми носителями информации* были каменные поверхности пещер, глиняные дощечки ассирийцев, папирус египтян, с помощью которых они стремились запечатлеть, передать последующим поколениям накопленный ими опыт об окружающем их мире.

Таким образом, схему – *учитель (реальный человек) – знание – ученик*, предвосхитила схема – *учитель – (носитель информации) – знание – ученик*. Учителем и посредником знания была сама природа, жизнедеятельность первых людей. Усложнение труда и жизнедеятельности людей привело к выделению воспитания в особую сферу общественной жизни. Все более важную роль начинает играть *систематическое обучение*, формы которого со временем дифференцируются.

Термин «обучение» появляется содружественно с термином «воспитание», но в это понятие вкладывается несколько другое значение. Некоторые источники объединяют эти понятия, не находя принципиального отличия [11], но большинство философов и педагогов разводят эти термины. Так в любом словаре, обучение выделяется в отдельный процесс, например, в психологическом словаре, понятие «обучение» объясняется как система организации способов передачи индивиду общественно-исторического опыта, выработанного в процессе социальной практики: знаний, умений, способностей, видов и способов деятельности в нормативных для конкретно-исторических условий показателях. Обучение происходит в форме сотрудничества, совместной деятельности обучающего и обучаемого [12]. Таким образом, можно видеть, что обучение дополняет воспитание и является частью педагогического процесса, как и образование. Так, уже в родовой общине появились люди, которые спе-

циализировались на передаче опыта младшим ее членам в тех или иных видах деятельности (охотники, рыболовы, скотоводы, старейшины и жрецы и др.). Причем все дети получали примерно одинаковое воспитание, которое в целом можно рассматривать как своеобразное естественное воспитание. Воспитание на заре человечества ограничивалось усвоением жизненно-практического опыта и житейских правил, передававшихся из поколения в поколение. При этом разделение труда между мужчинами и женщинами обуславливало различие в воспитании (точнее, в социализации) мальчиков и девочек. Например, с малолетства, девочка знала, что ее будущее зависит от ее расторопности, умения работать. «Веретено оденусь, сохой укроюсь» – так выражалось готовность девушки к семейной жизни.

Так мы видим первые ласточки традиционной формы образования – *учитель – знание – ученик*. Из столетия в столетие эта схема крепла, превращалась в систематизированную, государственную систему. *централизованного воспитания* в виде специального социального института. Первая *Древняя школа* на Руси (школы, что созвучно самоназванию скифов – «сколоты») датировались V в. до н.э. и нередко оплачивались родителями учащихся, попадать в них было престижно и перспективно. По содержанию учебных табличек прослеживается преподавание различных дисциплин (письма, счета, экономики, астрономии и т.п.), наличие разных преподавателей. В какой-то степени это были древнейшие «академии» и «университеты», высшие школы для своего времени. Учителя и ученики увлекались систематизацией и классификацией не только экономических, но и всех явлений окружающего мира. В современных терминах, обращали большее внимание на транзакционные издержки.

Безусловно, в отличие от первых Древних школ, *отечественная школа* (т.е. школа, схожая с современной) начинает складываться на Руси только с появлением христианства в 988 г. и с появлением славянской азбуки – кириллицы. А *первая высшая школа* была создана в Великом Новгороде аж в 1005 году (как датируют археологические раскопки), так как там преподавались уже высшие дисциплины – пиитика, риторика, экономика, логика [6].

И хотя эти школы были неустойчивы, охватывали узкий круг учащихся, действовали лишь по нескольку лет, они заложили предпосылки созда-

ния в дальнейшем систематического образования, целостной школьной системы. Но главное – стала складываться новая образовательная традиция – *традиция организованного обучения в школе*, что положило начало традиционного образования в России. Так же, эти школы создали благоприятные условия для дальнейшего развития образования, подготовили почву для открытия в конце XVII в. в Москве Славяно-греко-латинской академии. Не будем подробно приводить историю становления образования в России, обратимся к периоду современности.

В 70–80-х годах XX в. появляется новый термин – *дистанционное образование*. В чем особенность этого образования и отличие от традиционного? В концепции создания и развития ДО в РФ приводится следующее определение. *Дистанционное образование* – комплекс образовательных услуг, предоставляемых широким слоям населения в стране и за рубежом с помощью специализированно информационной образовательной среды, базирующейся на средствах обмена учебной информации на расстоянии (спутниковое телевидение, радио, компьютерная связь т.п.) [3]. Также термин ДО означает такую организацию учебного процесса, при которой преподаватель разрабатывает учебную программу, главным образом базирующуюся на целенаправленном, контролируемом, интенсивном и самостоятельном обучении студента. Такая среда обучения характеризуется тем, что учащийся в основном, а зачастую и совсем отделен от преподавателя в пространстве или во времени, но имеющий возможность контакта с преподавателем по телефону, электронной и обычной почте [1].

Невооруженным глазом видно, что дистанционное образование с точностью повторяет схему получения информации первыми людьми – *учитель – носитель информации – знание – ученик*. Это явно просматривается при анализе различных терминов дистанционного образования. Что же произошло? А произошло как в известной поговорке – «все новое – хорошо забытое старое!». В философском контексте – действие всеобщего закона философии – «отрицания – отрицания», т.е. закон двойного отрицания. В этом законе отражается поступательность и спиралевидность развития. Отрицание предполагает три действия: уничтожение старого, сохранение ценного в нем, полагание нового.

Подводя итоги, мы приходим к выводу, что дистанционное образование это наиболее ранняя форма образования, на основе которой затем сформировалась более совершенная форма передачи информации – традиционная, которая просуществовала более 2000 лет. На современном этапе – *дистанционное образование* является лишь ступенькой к формированию новой еще более совершенной модели образования, которая будет учитывать недостатки и достоинства традиционного и дистанционного образования. Хочется надеяться, что этот период не заставит себя долго ждать. Ведь именно с образованием связываются современные задачи консолидации общества, сохранения единого социокультурного пространства России, формирования ценностной системы – открытой, вариативной, духовно и культурно насыщенной, диалогичной, толерантной, обеспечивающей становление подлинной гражданственности и патриотизма.

Библиографический список

1. Андреев А.А. Введение в дистанционное обучение. – М.: Просвещение, 1997. – 123 с.
2. Бабанский Ю.К. Педагогика. – М.: Просвещение, 1988. – С. 10.
3. Гершунский Б.С. Компьютеризация в сфере образования: Проблемы и перспективы. – М.: Педагогика, 1987. – 264 с.
4. Грязнова Е.В. Компьютерное общение как социальный феномен: Дис. ... канд. филос. наук / Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Н. Новгород, 2001.
5. Зеленов Л.А. Антропология (Общая теория человека): Нижегородский философский клуб. – Н. Новгород, 1991. – С. 36–48.
6. Золин П.М. Истоки высшей школы в России // Образование: исследовано в мире, 2003 г. // <http://www.oim.ru/>.
7. Кантерев П.Ф. Педагогический процесс. – М.; СПб., 1905. – 235 с.
8. Лихачев Б.Т. Педагогика. Курс лекций: Учеб. пособие для студентов пед. учебн. заведений и слушателей ИПК и ФПК. – М.: Юрайт, 1998. – С. 87–88, С. 7–10.
9. Мещерский Н.А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV вв.. – Л.: 1978. – 246 с.
10. Монтень М.Р. Опыты. – М.: Правда, 1991.
11. Сайфуллин Ф.А. Педагогический процесс. – Сибай: СИ БГУ, 2000. – 136 с.
12. Толковый словарь русского языка. 22 изд. – М., 1949. – 356 с.

Д.В. Погодаева

ТОЛЕРАНТНОСТЬ – ПРОФЕССИОНАЛЬНО НЕОБХОДИМОЕ КАЧЕСТВО ПЕДАГОГА

Принятая ООН в 1995 году, «Декларация принципов толерантности» провозгласила принципы человеческого единения в современном мире, указала пути их практической реализации. В документе указывается, что толерантность означает уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. В документе особо подчеркивается, что наиболее эффективным средством предупреждения нетерпимости является воспитание и формирование менталитета толерантности.

Разработчики «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» полагают, что качество образования выражается

не только в сформированных у обучающихся знаниях, умениях и навыках, опыте самостоятельной деятельности и личной ответственности, но и в их гражданственности, правовом самосознании, российской идентичности, духовности и культуре, толерантности, способности адаптироваться в изменяющихся социально-экономических условиях и самосовершенствоваться в процессе своей жизнедеятельности.

Воспитание толерантности в человеческих отношениях, формирование менталитета толерантности – важнейшая стратегическая задача образования в XXI веке. Возникает необходимость создания нового направления в отечественной педагогической науке «педагогика толерантности», основное внимание которой следует сосредоточить на исследовании сущности толерантности и путях ее внедрения в общественную прак-

тику как социальной нормы, социальной ценности и принципа межличностного и межгруппового взаимодействия. Именно сфера образования может и должна инициировать интерес общества к проблеме толерантности.

Опираясь на стандартный перечень социально-демографических переменных, можно выделить следующие сферы толерантности: гендерная толерантность, возрастная толерантность, образовательная толерантность, межнациональная толерантность, расовая толерантность, религиозная толерантность, географическая толерантность, межклассовая толерантность, физиологическая толерантность, политическая толерантность, сексуально-ориентационная толерантность, маргинальная толерантность.

Как следует из утверждений исследователей, политиков, социологов, сегодня несформированность у людей толерантного мышления и поведения приводит к многочисленным кризисам, конфликтам, и исторический опыт свидетельствует о сложности практической реализации толерантных установок в обществе: видимо, поэтому в мире все более и более господствует насилие. Примеры интолерантности можно встретить во всех сферах нашего общества.

Однако наибольший вред приносит проявление интолерантности учителя по отношению к ученику. Можно выделить следующие симптомы нетерпимости со стороны учителя: амбициозность, настороженность в общении, раздражение, повышенная чувствительность, резкие эмоциональные взрывы (негодование, ненависть), дискриминирующее поведение, тактика запугивания, негативная вербализация в адрес детей, агрессивная и враждебная позиция по отношению к ученику. Как следствие, разрушаются взаимоотношения учителя и ученика, происходит отчуждение школьника от учебного процесса, он теряет возможность свободно проявлять себя, боится, что его неправильно поймут, что, если он неосторожно выскажется, то потеряет репутацию в классе, боится высказать свою точку зрения, так как она может не совпадать с мнением учителя. Подобные факты не должны иметь место в работе педагога, так как его деятельность – это гуманный процесс, способствующий развитию личности. Специфика данной работы состоит в умении понимать и признавать ребенка как данность, принимая его мнение, а также в повседневном формировании такого же умения и у детей. Од-

нако педагогу нельзя мириться и с ошибочными воззрениями, нельзя проявлять толерантность к тому, что может нанести вред и самому ребенку, и обществу.

Толерантный педагог спокойно (но не равнодушно!) реагирует на внешний вид, качества личности, поведение ребенка, которые у других людей могут вызывать раздражение. Такой педагог способен принимать детей, их качества и поведение такими, какие они есть, осознавать, что стоит изменять, а что не стоит. Если же принимает решение о коррекции качеств, то делает это постепенно, ненасильственно, не причиняя ущерба. Толерантный педагог обнаруживает не только сам факт поступка, поведения, черты личности, которые могут раздражать, но и понимает мотивы, факторы, условия, приводящие к этому. Если он сам и испытывает раздражение по поводу того или иного ребенка, то способен проявить выдержку, терпение и не обвиняет ребенка, его родителей, других людей, которые якобы не оказали должного влияния на него, а пытается самостоятельно, используя психолого-педагогические средства, решать проблемы, работая как с самим ребенком, так и его родителями и другими взрослыми.

Гуманизация современного образования приоритетными ставит ценности толерантного отношения к участникам образовательного процесса. Толерантность мы определяем как свойство личности, в котором выражается отношение человека к миру в целом, вещам, предметам, другим людям, их взглядам, к самому себе, актуализирующееся в ситуациях несовпадения взглядов, ценностей, мнений, верований, поведения людей и т.п., и проявляющееся в повышении сензитивности к объекту за счет задействования механизмов принятия (понимание, эмпатия, асертивность) и терпения (выдержка, самообладание, самоконтроль).

Проблема понимания – одна из значимых в педагогической деятельности является практической ценностью. Понятие взаимопонимания рассматривается как механизм межличностного взаимодействия, связанный в первую очередь с когнитивными процессами и обеспечивающий формирование общего смыслового поля участниками взаимодействия, взаимное личностное приятие, выработку сходного видения задач в конкретной ситуации.

Общение учителя с учениками – это не только обмен знаниями (вербального и невербально-

го характера), а, прежде всего, взаимодействие членов общества, позволяющее обеим сторонам реализоваться в совместной деятельности. В процессе взаимодействия учителя и ученика важное место занимает понимание друг друга, одинаковое понимание ситуации, стратегии и тактики партнера. От этого во многом зависит успех совместных действий.

Осуществление профессионально-педагогической деятельности часто связано с ситуациями напряженности, поэтому основа для реализации процесса понимания в образовательной сфере предметна с точки зрения практики. Понимание обусловлено образовательной ситуацией и тенденцией ее развития в каждом конкретном случае, исходя из коммуникативных установок, при которых устойчивость характеристик личности как субъекта взаимодействия, где адаптивной составляющей человеческой психики является толерантность, связана с ценностным измерением реальной ситуации.

Толерантность – профессионально необходимое личное качество педагога, диктуемое задачами, содержанием и характером его деятельности. Чтобы воспитывать толерантность других, надо самому быть примером толерантности, и студенты, готовые себя к реализации в профессиональной педагогической деятельности, должны получить знания и умения в области толерантности.

Специфика образовательного процесса в педагогических вузах состоит в том, что за небольшой срок (5 лет) студенты получают необходимый объем знаний и умений, приобретают педагогические, методические и научно-исследовательские навыки, позволяющие им в дальнейшем стать полноценными педагогами. Однако государственные стандарты практически ни по одной специальности не включают в себя дисциплин психолого-педагогического, культурного и социального блока, определяющих основы толерантного общения. Такие пробелы учебное заведение имеет возможность восстановить за счет внеаудиторной работы, спецкурсов, спецсеминаров и воспитательной работы по данному направлению. Так или иначе, это – совсем небольшое количество учебных часов, вполне доступное для изыскания.

Между тем, проблема толерантного общения существует: студенты сталкиваются с ней на практике в период обучения в вузе и в дальнейшей самостоятельной педагогической деятельности.

Следует отметить, что и у самих студентов не всегда сформировано толерантное отношение к детям. Причем речь идет о нетерпимости будущих учителей к личности ребенка вообще. Истоки этого в непонимании природы ребенка, в несформированной чуткости, доброжелательности, терпеливости, в отсутствии педагогической направленности. Здесь решение проблемы видится в целенаправленной коррекции позиции будущего педагога.

Мы провели опрос студентов 1 и 3 курсов факультета иностранных языков Кузбасского областного педагогического института, английского отделения факультета романо-германской филологии филиала Кемеровского государственного университета в г. Прокопьевск, филологического факультета, исторического факультета и английского отделения факультета романо-германской филологии Кемеровского государственного университета (более 400 человек) с целью выяснения информированности студентов по вопросам толерантности: какое место занимает толерантность в их жизни и какой вид толерантности, с точки зрения студентов, наиболее важен.

Результаты изучения изучения уровня информированности студентов, свидетельствовали о недостаточном, а в некоторых случаях и крайне низком уровне знаний в этой области. В ответ на просьбу дать краткое определение понятия «толерантность» большинство студентов затруднились дать даже самое общее определение. Лишь 23% всех опрошенных данное понятие является знакомым, и они определяют толерантность как терпимость, исходя из этимологии этого слова (лат. *tolerantia* – терпение). Также мы предложили студентам несколько вариантов определения понятия толерантности. Результаты показали, что 45% студентов под толерантностью понимают терпимость к чужому образу жизни, поведению, мнению. Наименее популярным стало утверждение, определяющее толерантность как уважение прав, свобод, культурных традиций каждого человека (13,4%). Остальные же (41, 6%) затруднились ответить на этот вопрос.

Отвечая на вопрос, чем в большей степени является толерантность, большинство студентов определили для себя толерантность как личностную характеристику (40,5%). На втором месте по распространенности находится трактовка толерантности как психологической установки и только потом как принципа жизнедеятельности и ценности.

Полученные данные говорят о явно недостаточной информированности студентов о явлении толерантности, хотя результаты тестирования, а именно формулировок определения понятия «толерантность», оказались выше тех результатов, что мы ожидали получить, чему, по нашему мнению, способствовали сами условия тестирования. Сам факт участия в заполнении анкеты, посвященной толерантности, привлекает внимание студентов к этому явлению, а перечень возможных ответов на поставленные вопросы стимулирует умственную активность студентов, заставляет их анализировать до сих пор малознакомое явление, определять его возможные трактовки.

Для эмпирического анализа толерантности на уровне общества, институтов и групп мы произвели классификацию этого понятия и, опираясь на стандартный перечень социально-демографических переменных, выделили его основные сферы, в соответствии с которыми составили опросник «Тестовая карта самооценки качества толерантности», имеющий восемь диагностируемых показателей:

- коммуникативная толерантность – терпимое отношение к привычкам, поведению, манерам других людей;

- образовательная толерантность – терпимое отношение к высказываниям и поведению людей с более низким образованием у высокообразованных людей и наоборот;

- возрастная толерантность – непредвзятость к априорным «недостаткам» человека, связанным с его возрастом;

- социальная толерантность – терпимое отношение к представителям разных имущественных слоев – богатым к бедным, бедным к богатым;

- национальная толерантность – терпимое отношение к представителям различных наций, способность не переносить недостатки и негативные действия отдельных представителей национальности на других людей;

- физиологическая толерантность – терпимое отношение к больным, инвалидам, физически неполноценным, лицам с внешними недостатками и т.д.;

- географическая толерантность – непредвзятость к жителям небольших или провинциальных городов, деревень и других регионов со стороны столичных жителей и наоборот.

- религиозная толерантность – терпимое отношение к догматам различных конфессий, ре-

лигиозности, особенностям литургии и т.д. со стороны верующих и неверующих, представителей различных конфессиональных групп.

Всего опросник содержал 80 утверждений (каждый из диагностических показателей представлен 10 утверждениями). Каждое из утверждений оценивалось студентами баллами от «0» до «5», где «0» соответствует уровню интолерантности, «1» – уровню индифферентности, «2» – низкому уровню, «3» – среднему уровню, «4» – достаточному уровню, «5» – высокому уровню, а также комментировалось. Обработка результатов осуществлялась с помощью матрицы ответов. Придерживаясь данной шкалы, мы вычислили среднюю оценку исходного уровня толерантности групп по каждому из восьми видов толерантности, а также средние показатели.

Анализ результатов опроса показал, что наиболее развитой у студентов всех групп является физиологическая толерантность. Нельзя сказать, что такой результат удивляет. После Афганской и Чеченской кампаний в СМИ много говорилось о проблеме занятости и трудоустройства воинов-инвалидов. «Обычно эти люди опускают руки, а те, кто, не смотря ни на что, не сломался, а смог жить (!), – герои».

Довольно хорошо развита коммуникативная толерантность у студентов, что, на наш взгляд, является вполне естественным, т.к. все респонденты являются студентами университета, чьи будущие профессии связаны непосредственно с общением. Однако большинство опрошенных в ситуации, когда придется иметь дело с грубостью и хамством, предпочтут ответить тем же. «Иногда на грубость стоит ответить грубостью, чтобы самому не оказаться втоптаным в грязь», «Нужно себя уважать».

На третьем месте находится географическая толерантность. Как правило, в студенческой группе наряду с жителями города обучаются и приезжие из деревень. Общение с ними многие находят интересным, однако большинство студентов, являясь жителями города, считают малограмотными деревенских жителей. Для них современная деревня ассоциируется с пьянством и безработицей. «Многие из них ленивы, впоследствии спиваются или идут по кривой дороге», «Их образ жизни слишком нерасторопен, они ни к чему не стремятся».

Как показали результаты опроса, в меньшей степени развиты следующие виды толерантнос-

ти: образовательная, национальная, религиозная и возрастная.

Большинство респондентов считают, что, так как они учатся в высшем учебном заведении, они принадлежат к кругу образованных и воспитанных людей, и четко отделяют себя от тех, кто, возможно, не так образован и грамотен. «Предпочитаю не общаться с недалекими людьми», «Я умный человек и люблю общаться со столь же грамотными людьми, чтобы не потерять форму».

Результаты опроса показали средний уровень религиозной и национальной толерантности. Вполне естественно, что этот результат является отголоском террористических актов, потрясших нашу страну. Большинству респондентов интересно общение с людьми другой веры, но зачастую они видят в таком человеке потенциальную угрозу. «Главное, чтобы вера не граничила с фанатизмом», «Верующий не должен быть экстремистом».

Уровень социальной толерантности также является средним. Проблема отношений между людьми разных социальных слоев существовала всегда, а теперь, когда в нашем обществе средней класс, как таковой, отсутствует, и есть лишь «бедные» и «богатые», проблема резко обострилась. Большинство респондентов сомневаются в том, что современные миллионеры разбогатели честным путем. Отсюда подобные комментарии: «Не все богатые люди заслуживают уважения. Не все из них честны, воспитаны и т.д.», «Разные есть пути достижения богатства...»

Уровень возрастной толерантности студентов является самым низким. Взрослея и приобретая все большую самостоятельность, студенты в этом возрасте считают именно свое мнение единственно верным, зрелым и продуманным. Отсюда подобные высказывания: «Советы старших порой не к месту», «Время движется вперед, а их знания не обогащаются, поэтому их взгляды иногда устаревают», «Их опыт и знания не всегда соответствуют времени», «Они часто доходят до маразма».

Результаты опроса свидетельствуют, что если показатели других видов толерантности растут от первого к третьему курсу, то уровень возрастной толерантности лишь падает. Это вполне естественно, так как если, будучи школьником, подросток знал, что лишь мнение родителей является единственно верным, и только подчинялся ему,

сейчас, став абитуриентом, а потом и студентом вуза, уже вполне взрослый человек понимает, что может принимать решение сам, лишь прислушиваясь к старшим. Отсюда подобная уверенность в себе и пренебрежение советами взрослых. Вместе с тем, наблюдается не всегда терпимое отношение к младшим по возрасту: «Не люблю возиться с младшей сестрой», «Дети часто назойливы и пристают с вопросами».

Также мы попросили студентов в одном из пунктов анкеты выбрать наиболее, с их точки зрения, важный вид толерантности. Результаты совпали с результатами опросника. Большинство опрошенных (52%) признало наиболее важной коммуникативную толерантность, и лишь 7% студентов рассматривают возрастную толерантность как самую важную в их жизни.

Но на наш взгляд, именно данный вид толерантности, возрастная толерантность, является необходимым в работе педагога. Возрастная толерантность – личное качество педагога, профессионально необходимое в его деятельности, диктуемое ее задачами, содержанием и характером. Чтобы воспитывать толерантность других, надо самому быть примером толерантности, и студенты, готовые себя к реализации в профессиональной педагогической деятельности, должны получить знания и умения в области толерантности.

В связи с этим в образовательном процессе необходимо поощрять методы систематического и рационального обучения толерантности, вскрывающие культурные, социальные, экономические, политические и религиозные источники нетерпимости, лежащие в основе насилия и отчуждения. Воспитание в духе толерантности должно быть направлено на противодействие влиянию, вызывающему чувство страха и отчуждения по отношению к другим. Оно должно способствовать формированию навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях. Вузовский образовательный процесс уже в существующем виде обладает большим потенциалом формирования толерантного сознания. Необходимо только соответствующим образом поставить задачу, повысить значение данной составляющей образования и полнее использовать имеющиеся возможности.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ

В разные исторические периоды на первый план выходят те, или другие ценности. Задача социально-гуманитарного познания – понять, какие ценности отрабатывали свой потенциал и нуждаются в диалектическом снятии, а какие еще могут продолжить свою службу в качестве надежных ценностных ориентиров обучающихся.

В воспитании, как и в любой другой сфере человеческой деятельности, «опыты быстротекущей жизни» сокращает наука. Для нас – это прежде всего *педагогика*. В.А. Сухомлинский писал о гармонии в педагогическом труде трех понятий – «надо», «трудно» и «прекрасно». Из этих трех педагогу необходимо сформировать у обучаемого критерии «прекрасного», ведь так устроен человек, что «трудное» становится легче, когда понятно, во имя чего оно – это трудное – делается.

В последнее время часто сетуют: учебные заведения не решают многих проблем, потому что эти проблемы не педагогические, они – результат воздействия семьи, общества, молодежной моды, средств массовой информации.

Какие бы аргументы ни приводились, школа, лицей, колледж, техникум, вуз должны решать не только педагогические, но и социальные проблемы, так как именно от того, как эффективно они учитывают социальные проблемы, зависит педагогический успех в деле воспитания, формирования личности обучаемого, его основных ценностных ориентиров.

Пренебрежение к научному знанию в организации формирования аксиологических ориентиров личности привело нас к серьезным просчетам.

И учитывая, что во многих населенных пунктах образовательные учреждения являются центрами образовательной, спортивно-оздоровительной и досуговой деятельности, имеется высокий профессиональный потенциал, то фактически именно в образовательном пространстве регионов формируется идеология культуры здорового образа жизни. Именно здоровье является универсальной ценностью, оно отражает состояние физического, социального и духовного благополучия, как отдельного человека, так и всего общества. Это капитал, без которого человек не

может полноценно участвовать в какой-либо деятельности, в том числе и культурной.

Крайне необходимо обратить общественное внимание на формирование и пропаганду способов здорового образа жизни, основанных не столько на медицинских, сколько на культурных, социальных и экологических факторах. И важную роль в этом процессе должны играть не только учреждения здравоохранения, но и культуры, образования, общественные организации.

В связи с этим и были поддержаны инновационные социальные проекты правительства, способствующие формированию навыков здорового образа жизни.

В реализации этих долгосрочных проектов образование играет главную роль, так как научная организация данной педагогической работы должна быть своевременной с учетом постоянно изменяющегося социального фона и культурного контекста.

Овладение ценностями происходит в форме межличностных отношений (общение в образовательном учреждении, трудовом коллективе, семье) и самообразования (чтение, посещение учреждений культуры, спортивно-оздоровительных центров и т.п.).

В изучении цикла социально-гуманитарных дисциплин культура здорового образа жизни рассматривается как сложный многомерный феномен, опирающийся на многие основания, среди которых важнейшие – это функционально-аксиологические, мифологические и символические, и целостность которого обуславливается системой ценностей. Наличие таких дисциплин, как философия, отечественная история, культурология, психология, педагогика, валеология, социология, этика, физическая культура в учебных планах школ, средних и высших профессиональных учреждений – обусловлено не только духовным кризисом человечества и потребностью осмысления источников и причин кризиса и преодолении этих негативных явлений в жизни людей, но и необходимостью прогнозировать перспективы человеческого существования. Эти кризисы требуют пересмотра ценностной картины мира.

В процессе освоения обучаемыми дисциплин социально-гуманитарного цикла ценность осоз-

Таблица 1

Ценность	Студенты	Преподаватели
1. Высокий заработок	43%	66%
2. Интересная работа	62%	64%
3. Любимый человек	67%	41%
4. Высокое положение в обществе	11%	10%
5. Душевное спокойствие	34%	35%
6. Уважение окружающих	17%	39%
7. Профессиональные достижения	17%	22%
8. Хорошие друзья	21%	60%
9. Вера и чистая совесть	18%	21%
10. Собственность и капитал	15%	15%

нается как благо, она служит основанием для возможности осмысления мира, ибо в основе поиска смысла лежат интересы человека, обусловленные его потребностями.

Обычно ценность понимают как значимость для удовлетворения потребности, но это может привести к прагматизму, между потребностью и ценностью есть несколько промежуточных звеньев, выражающих проявление потребности в *установке, мотиве, интересе, цели*.

Занимаясь в центре социологических исследований со студентами Приладожского филиала ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет», мы анализировали результаты социологического опроса студентов о профессиональных ожиданиях, о представлении своего будущего, жизненных планах после завершения учебы, о приоритетных жизненных ценностях студентов и преподавателей. Я убедилась, что студенты и преподаватели, взаимодействуя в процессе обучения, живут в разных, но пересекающихся ценностных мирах. В анкете «Что нужно человеку для счастья?» по каким-то позициям их ценности существенно различаются (табл. 1).

В анкете «О структуре свободного времени студентов и преподавателей» отражены особенности образа жизни в зависимости от возраста,

социального положения, пола, образовательного уровня (студенты в зависимости от курса обучения изменяют структуру досуга) (табл. 2).

Такая исследовательская и аналитическая работа позволяет познать подробную динамику аксиологических установок обучаемых, мотивацию обучения, профессиональные ожидания студентов, поведение их в проективной ситуации, вносить необходимые коррективы в учебный и воспитательный процесс, обеспечивать качество обучения, выявить скрытые противоречия педагогического общения.

Широкое обсуждение полученной информации на методических советах, научных конференциях, дне специалиста позволит улучшить результаты формирования ценностных ориентиров обучаемых за счет адекватной перестройки педагогической позиции преподавателей.

В процессе освоения дисциплин социально-гуманитарного цикла обучаемый включается в исторически складывающуюся иерархию систем ценностей, выстраиваемых различными групповыми субъектами ценностных суждений и отношений:

- ценности семьи и родственников;
- ценности близких друзей;
- ценности трудового или учебного коллектива, учреждения, организации;

Таблица 2

Занятие	Преподаватели	Студенты
1. Спорт, туризм	42%	63%
2. Чтение	43%	41%
3. Художественное творчество	41%	21%
4. Время за компьютером	15%	25%
5. Коммерция, предпринимательство	1%	5%
6. Подрабатываю	18%	22%
7. Занимаюсь хозяйственными делами	29%	25%
8. Ничего не делаю	2%	28%

- ценности города, населенного пункта, региона;
- этнические и классовые ценности;
- общечеловеческие ценности.

Каждая социальная общность стремится создать систему своих ценностей, оформляющую интересы функционирования этой общности. С течением времени ценности создаются, переживаются в ценности другого плана, исчезают.

Каждая культурно-историческая эпоха рождает позитивные и негативные ценности – ценности и антиценности.

Помогая осваивать учащемуся «ценностную картину мира», формируя у него понимание ценности, педагог должен учитывать субъективные потребности учащегося, прогнозировать формирование новых ценностных ориентиров, стремиться мотивировать необходимость гуманизации общества.

Необходимо в процессе воспитания старшеклассников, студентов опираться на точное знание факторов, тормозящих развитие социальной активности молодежи:

- прагматизм, гедонизм некоторой части ребят;

– ухудшение состояния здоровья молодежи, на которое указывают физиологи;

– обстановка бездуховности в семьях, страсть к накопительству;

– отсутствие и неопределенность трудовых и жизненных ориентаций.

Одна из главных задач современной педагогики – осмысление новых воспитательных целей образовательных учреждений.

В процессе освоения обучаемыми дисциплин социально-гуманитарного цикла *ценность* осознается как благо, она служит основанием для возможности осмысления мира, ибо в основе поиска смысла лежат интересы человека, обусловленные его потребностями.

Внедрение информационно-аналитического менеджмента образования в учебном заведении посредством совместной работы с центром социологических исследований, реализации международных проектов позволит проследить динамику новых воспитательных целей и ценностей, позволит осуществлять социолого-педагогический мониторинг.

А.Т. Дарчиева

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА

Художественное воспитание создает личность средствами искусства. Эстетически развитого и культурного человека характеризует гибкая творческая, трудовая активность, богатое воображение, яркое видение мира, обращение к художественному опыту человечества.

В педагогическом процессе искусство представлено как средство познания мира и как особый вид художественной деятельности, являющийся мощным фактором воспитания творческой активности школьника.

Активное вовлечение школьников в процесс художественной деятельности, постоянное выявление и реализация потенциальных возможностей учащихся содействуют интенсивному формированию творческого уровня активности школьника, становления его как субъекта художественной деятельности.

В ходе этой деятельности у учащихся развивается более тонкое и всестороннее восприятие окружающей жизни, а также и ее образов, отраженных в произведениях искусства [1, с. 7].

Отличие художественной деятельности от других видов заключается в следующем:

– художественный объект существует и функционирует как модель реальной действительности, и каждый истинно художественный объект уже является художественной ценностью;

– эстетическое отношение в художественной деятельности возникает в непосредственном контакте с художественным объектом;

– в художественной деятельности доминирует роль эмоциональных факторов.

Специфичен сам процесс восприятия и исполнения художественной деятельности. Если поиск научного знания повторяем, то художественное видение для каждого человека является особенным, уникальным. Специфика художественной деятельности отражается и на общении школьников, являясь и «дополнением, и целенаправленным расширением, и углублением реального общения» [3, с. 88].

Включение элементов художественной деятельности в процесс урока активизирует выявление

ние эстетического потенциала системы знаний, формирует способность наслаждаться самим процессом познания.

Особенностью художественной деятельности является и то, что она состоит из двух процессов: художественного восприятия и практической художественной деятельности.

В настоящее время разработаны школьные программы, которые дают возможность решать проблемы влияния художественной деятельности школьников на их духовное становление, формирующей способности ориентироваться в области художественной культуры в целом.

Существуют разные подходы к анализу художественной деятельности школьников. Ряд педагогов исходят из того, что дети должны получить минимум знаний, умений и навыков в основных видах искусства методами, которые применяются при их обучении основам наук. Преимущество такого направления в том, что у детей вырабатываются навыки и практические умения в рисовании, музыке, танцах и т.д. Но, как правило, оно результативно у тех школьников, которые ранее занимались в студиях, кружках и т.д.

Недостаток такого подхода в том, что значительная часть учащихся за учебное время не успевает усвоить хотя бы минимальные знания и умения, а тем более выразить к ним отношение [6, с. 33].

Другие специалисты считают, что художественное образование и эстетическое развитие школьника должно проходить также как в дошкольном учреждении: нужно создавать те же благоприятные условия для художественной деятельности школьников, стимулировать и закреплять самостоятельно найденные учащимися средства художественной выразительности, что значительно обогащает художественную педагогику.

Художественное воспитание не должно идти в отрыве от воспитания умственного, нравственного, трудового, физического, так как только в их единстве происходит формирование всесторонне развитой личности. Исследования показывают, что при полноценном художественном развитии успешнее идет и формирование познавательных интересов, глубже усваиваются нравственные нормы.

Об успешном художественном воздействии на школьника свидетельствует его потребность в обращении к искусству, желание высказывать свое мнение по поводу произведений искусства, раз-

витие художественного самостоятельного творчества детей [5, с. 44].

Основными показателями художественной деятельности школьников являются: готовность к художественной деятельности, эмоционально-личностный отклик; глубокий художественный интерес; творческая актуализация художественных умений; оценка и преобразование результата художественной деятельности.

Определены три уровня художественной сформированности школьников.

Это, в первую очередь, художественно-творческий уровень, характеризующийся самостоятельным осознанием цели, проявлением художественного интереса. Этот уровень отличается эмоциональной направленностью, самостоятельным использованием художественных интересов.

Второй уровень – художественно-поисковый. Отличается он готовностью восприятия цели, поставленной педагогом. При активном использовании отдельных художественных умений у школьников обнаруживается неумение охватить процесс в целом. Поэтому необходима помощь учителя в поиске необходимых способов.

Художественно-подражательный уровень характеризуется неглубоким репродуктивным осмысливанием цели, ситуативным проявлением интереса к художественной деятельности. На этом уровне обычно недостаточно самостоятельных проявлений.

Все три уровня художественной деятельности находятся между собой в определенной взаимосвязи.

Для приобщения к активной художественной деятельности необходимо выяснить творческие потенциалы школьников и вовлечь их в непосредственный процесс художественного творчества: сочинение сказок, поэтических мини-зарисовок и т.д. Реализация школьником художественной зарисовки раскрывает новые возможности их деятельности, влияет на их внутренний мир, на развитие нравственно-эстетических чувств, сопричастности к тому или иному явлению окружающей действительности.

Художественная деятельность школьников приобщает к творческому отношению ко всем видам искусства, развивает особые механизмы творчества: способности личности видеть в предметах нечто новое, оригинальное. В этом случае продукт детского творчества в художественной деятельности всегда является единственным в своем роде, неповторимым, уникальным, ценным.

Анализ художественной деятельности школьников позволяет определить ту значительную роль, которую она играет в возрастании творческой активности детей, в их обучении, воспитании. Недооценка этих возможностей, невнимательное отношение к детскому художественному творчеству чревато невосполнимыми утратами в формировании их личностно-эмоциональной сферы.

В целом же соединение творческих способностей и эстетической активности школьников представляет плодотворную основу формирования личности школьника.

Библиографический список

1. *Апраксина О.А.* Очерки по истории художественного воспитания в советской школе. – М., 1956.
2. *Бегак Б.* Воспитание искусством. – М., 1981.
3. Взаимодействие искусств в педагогическом процессе. – Л., 1989.
4. *Выготский Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте. – М., 1991.
5. *Волков И.П.* Приобщение школьников к творчеству. – М., 1982.
6. Приобщение личности к эстетической культуре в педагогическом процессе. – М., 1991.
7. *Художественное воспитание школьника.* – М., 1957.

О.В. Куделина

РОЛЬ ЛЕЧЕБНОЙ ПЕДАГОГИКИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТА

Известно, что состояние здоровья человека зависит от культуры здоровья, понимания важности здорового образа жизни. «Культура» как особый социальный механизм накопления, хранения и трансляции информации представляет социальную ценность, потому что в отличие от других видов живых организмов, у которых большая часть необходимой для выживания информации передается генетически, человек относится к такому существу, для полноценного развития которого большая часть информации «надстраивается» над генетически заданной и передается через социальные отношения. Одним из проявлений культуры является система норм и ценностей в сфере здоровья, которые извлекаются в социальную память. Культура, следовательно, выполняет в обществе функции «социальной генетики». Именно в таком видении культуры заключается специфика гуманитарного ее анализа.

Одним из показателей культуры здоровья является умение властвовать собой, используя самовнушение, самобережение. Пренебрежение правилами психогигиены, длительные стрессы приводят к неврозам, другим заболеваниям. По мнению создателя учения о стрессе Г. Селье, стресс представляет собой реакцию организма на любое предъявленное ему требование. При этом неважно, приятна или нет вызвавшая ее ситуация, важна лишь интенсивность требования. Но в обиходе под стрессом обычно понимают

реакцию на чрезвычайные обстоятельства, на сверхсильные раздражители (дистресс).

Связь между эмоциями человека и его здоровьем заметили еще в древности. Врачеватели полагали, что зависть поражает органы пищеварения, постоянный страх – щитовидную железу. Безутешное горе влечет за собой диабет, а необходимость сдерживать эмоции разрушает сердце. Печаль, уныние и тоска ускоряют старение. Еще опаснее постоянные стрессы.

Нарушения в развитии человека рассматривались в рамках медицинского мышления начала XX века как индивидуально-биологическая категория. Согласно этим воззрениям причина нарушений локализуется в самом человеке, и наука (медицина и педагогика) должна исправить, вылечить имеющимися у нее средствами «поломку» в организме и личности человека. В Западной Европе появляются первые лечебницы для детей-кретинов, для детей с глубокой умственной отсталостью, позже – лечебно-педагогические учреждения для детей с отклонениями в психической, интеллектуальной и других сферах.

Педагогика детей с отклонениями в развитии, будучи новой и подчас не признаваемой сферой знания, охотно опиралась на авторитет медицины (не следует забывать, что социальный статус врача в то время был намного выше, чем у учителя). Вместе с тем параллельно с указанными выше «лечебно-педагогическими» учебными заведениями развивались и собственно образо-

вательные учреждения для детей с отклонениями в развитии. Примечательно, что это были учреждения чисто педагогического профиля для тех категорий детей, в «лечении» которых медицина молча признавала себя бессильной, — это дети с нарушениями слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата, умственной отсталостью. Здесь шло накопление эмпирического педагогического опыта (специальных путей и средств) воспитания и обучения таких детей и, в соответствии с представлениями той эпохи, подготовка их к предстоящей жизни в обществе.

Таким образом, основной задачей лечебной педагогики являлось развитие путем сенсомоторных тренировок, медикаментозного лечения, психотерапии тех физических и психических функций, которые имеют отклонения от нормы. Лечебная педагогика утверждала себя, отработывая особые, специальные, нетипичные для общей педагогики пути и средства воспитания и обучения, акцентируя представления о том, что дети с отклонениями в развитии — «больные» и их в большей степени надо «лечить», чем особым образом воспитывать и развивать.

В XX в. отечественными психологами и педагогами дается обоснование лечебной педагогики как неотъемлемого направления педагогики, сопровождающего учебно-воспитательный процесс ребенка. Так, Л.С. Выготский отмечал, что часто дефект ребенка заключается в болезни. Поэтому воспитание должно быть объединено с лечением и составлять область лечебной педагогики. При этом лечение психологическими приемами, по мнению ученого, сближается с воспитанием даже тогда, когда речь идет о взрослых пациентах. Психотерапия располагает рядом психологических методов, сущность которых заключается в довоспитании личности больного. Не случайно выдающийся психолог считал, что культивирование педагогических назначений, вытекающих из богатого, содержательного научного клинического изучения ребенка, приведет к расцвету лечебной педагогики, всей системы индивидуально-педагогических мероприятий.

В.А. Сухомлинский обоснованно приводил данные, полученные им лично, что для 85% неуспевающих учеников главной причиной отставания в учебе являлось плохое состояние здоровья (недомогание или заболевание, чаще всего совершенно незаметное и поддающееся излечению только совместными усилиями родителей,

врача и учителя). Поэтому педагог в своей учебно-воспитательной работе с детьми вплотную подошел к расширительному пониманию лечебной педагогики как самостоятельной отрасли педагогической науки.

Заметный вклад в развитие лечебной педагогики внес в 70-х гг. XX в. А.А. Дубровский, рассматривавший лечебную педагогику как специальную отрасль педагогики и медицины, объединяющую и разрабатывающую специфические закономерности, содержание, формы и методы медико-педагогических реабилитационных воздействий, направленных на оптимизацию процессов оздоровления, обучения и воспитания детей. При этом были выявлены следующие принципы лечебной педагогики:

- гуманизма, требующего постоянного проявления обнадеживающего сочувствия больным детям, внушения им веры и надежды в добрые возможности и светлые перспективы к выздоровлению, успешному обучению;

- оптимизма, требующего создания таких условий жизни в детских учебно-воспитательных учреждениях оздоровительного типа, которые отвлекали бы детей от переживаний, связанных с их болезнью, пробуждали бы у них жизнерадостные чувства, направленные на оптимистическое будущее, на выздоровление, укрепление здоровья;

- индивидуально-личностного отношения, требующего в каждом ребенке видеть не только больного учащегося, а целостную личность с ее сугубо индивидуальными чертами характера, воли, интеллекта, многообразными особенностями поведения, отношения к учебе, здоровью и в соответствии с этим применять те или иные медико-психолого-педагогические воздействия;

- преемственности, требующей строгого соблюдения преемственности учебно-воспитательных и оздоровительных мероприятий, единой направленности педагогических и медицинских воздействий, взаимного их дополнения и коррекции с целью создания психологической уравновешенности и уверенности в выздоровлении и успешной учебе, осознания учащимися эффективности и жизненной необходимости как лечебных процедур, так и школьных занятий;

- профессионально-этической, деонтологической ответственности, требующей создания своих взаимоотношений с учащимися по правилу: перед нами дети, горестно переживающие свое болезненное состояние, поэтому взрослые

никогда не подчеркивают их нездоровье, тем более в присутствии других, верят в выздоровление детей и самим детям внушают этот оптимизм;

– активной жизненной позиции, требующей весь период пребывания в учебно-воспитательных учреждениях оздоровительного типа подготавливать детей к активной полноценной жизни и учебе по возвращении их в обычные домашние условия.

А.А. Дубровским были разработаны некоторые правила и приемы лечебной педагогики: самовнушения, психотерапии и трудотерапии, лечебной силы слова, социальной поддержки, правильного питания и др.

Современная лечебная педагогика ищет оптимальные способы душевно-духовной организации жизни учащегося.

Образовательное пространство учебного заведения представляет собой место, где субъективно задаются множества отношений и связей, где осуществляются специальные деятельности различных систем (государственных, общественных и смешанных) по развитию индивида и его социализации. Также возможно и внутренне формируемое, индивидуальное образовательное пространство, становление которого происходит в опыте каждого. Для личностно-ориентирован-

ной концепции образования это имеет решающее значение, поскольку позволяет:

– студентам самоопределяться в разнообразных оздоровляющих видах деятельности и во взаимодействии с разными сообществами;

– педагогам создавать условия для социализации будущих специалистов в широком социокультурном и оздоровляющем контексте. Именно на этих позициях стоит ряд известных отечественных педагогов: В.А. Караковский, Л.И. Новикова, Н.Л. Селиванова, А.В. Гаврилин, О.В. Заславская и др.

В профессиональном учебном заведении должны создаваться оптимальные условия, предупреждающие перегрузку студентов и осуществляющие активную взаимосвязь учебного и внеучебного личностно-ориентированного образовательного процесса.

Важная роль в формировании культуры здоровья студента отводится мотивам социальной деятельности будущих специалистов как реальным механизмам их здорового образа жизни. Для этого целесообразна организация оптимального воспитательного процесса: воспитания через событийность и повседневность, использования принципа дополнительности, социально-педагогического средового подхода.

Р.И. Сунгатуллина

ГОТОВНОСТЬ УЧИТЕЛЯ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАЗВИТИЮ МАТЕМАТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

Анализ научно-педагогической литературы, существующей практики развития способностей учащихся на уроках математики, опыта работы с учителями математики в системе повышения квалификации, а также представлений об идеальной деятельности учителя, позволили нам выделить специфичность готовности учителя математики к деятельности по развитию математических способностей учащихся. Специфичность готовности заключается в том, что готовность, категория как бы «пограничная» – это состояние личности, предшествующее выполнению какого-либо осознанного вида деятельности и, более того, входит в неё составной частью.

И здесь возникает важный вопрос, в какой степени, и по каким механизмам саморегуляции определённое состояние (готовность) личности учителя математики трансформируется в поведенческую активность и реальное поведение на профессиональном уровне? Какова в этой связи стимулирующая роль и значимость всех структурных компонентов готовности?

С другой стороны, если рассматривать проблему готовности учителя к деятельности по развитию математических способностей учащихся в контексте ее формирования в условиях системы повышения квалификации, то соответственно возникает вопрос: «Какими должны быть эти условия и, по каким признакам нам судить об их

эффективности?» Такая постановка вопроса связана с относительно слабой изученностью закономерностей развития готовности учителя к деятельности по развитию математических способностей учащихся на разных этапах его профессиональной деятельности и роли системы повышения квалификации в стимулировании и реализации этих закономерностей.

Поскольку личность учителя математики, находящаяся на той или иной стадии (уровне) готовности, выступает объектом и субъектом непрерывного образования и нуждается в переосмыслении профессиональных, социальных и личностных аспектов своей жизнедеятельности, то система повышения квалификации может осуществлять этот процесс благодаря многообразию своих методов, форм и средств его педагогического обеспечения.

Можно предположить, что если учитель творчески реализует свой потенциал и решает проблемы своего профессионального развития, то задачей, например, курсовой подготовки может стать инструментальное обеспечение грамотного социально-профессионального анализа этой деятельности. В случае, когда учитель не готов к своему профессиональному развитию (например, пассивен), задачей образования выступает включение его в активный интеллектуальный и нравственный поиск через обсуждение значимых для него вопросов, связанных с противоречиями его готовности.

Таковыми *противоречиями* являются:

- между состоянием личности и условиями ее функционирования и развития;
- между готовностью усваивать непрерывно растущую научную информацию и не всегда благоприятными условиями для ее освоения;
- между усилиями, которые прикладывает учитель к достижению определённой цели на развитие и полученными результатами.

На основе ряда исследований можно говорить о факторах, влияющих на состояние готовности учителя к деятельности по развитию математических способностей учащихся. Среди них выделяются: социально-экономические, событийные, демографические (пол, возраст, семейное положение и др.), профессиональные (концепция школы, уровень социально-образовательных ожиданий от учителя, психологический климат в коллективе и др.). А также субъективные факторы: уровень профессионального самоанализа учи-

теля, отношение учителя к своему труду (вовлечённость, креативность), психологические характеристики учителя как типа личности.

Поскольку состояние готовности в решающей степени обуславливается устойчивыми психическими особенностями, свойственными данному учителю, то имеющие место исследования часто носят междисциплинарный социально-психологический характер.

В целом выделяются *два основных* направления исследований:

– исследования состояния готовности учителя к профессиональной деятельности в современной социально-образовательной ситуации на разных уровнях его жизнедеятельности: социально-профессиональном, профессиональном, личностном, что позволяет более содержательно определить проблемы профессионального развития учителя;

– исследования возможных принципов построения непрерывного образования, его содержания и форм с учётом фактора и состояния готовности учителя к своей профессиональной деятельности.

Проведенный общий анализ психолого-педагогической феномена готовности учителя математики, позволяет выделить основные черты (*особенности*), характеризующие его готовность к деятельности по развитию математических способностей учащихся.

За основу в определении готовности учителя математики к деятельности по развитию математических способностей учащихся принимается понимание её как состояния личности, предшествующего выполнению какой-либо осознанной задачи в рамках этой деятельности, принятию волевого решения. Такое состояние характеризуется как интегративное качество личности, предшествующее динамичному состоянию индивида, обладающего потенциалом соответствующих знаний и практикой педагогического опыта в данной деятельности и согласуемого с его адекватной самооценкой.

Таким образом, состояние готовности учителя к деятельности по развитию математических способностей учащихся в решающей степени обуславливается устойчивыми психическими особенностями, свойственными данному педагогу, и теми конкретными условиями, в которых осуществляется его деятельность. Готовность как состояние личности проявляется и формируется

в процессе деятельности и входит в неё составной частью.

К числу *внешних и внутренних* условий, обуславливающих готовность учителя к деятельности по развитию математических способностей учащихся, можно отнести:

- содержание задач деятельности, их трудность, новизна, творческий характер;
- обстановка деятельности, пример поведения окружающих;
- особенности стимулирования действий и результатов;
- стремление собственной подготовленности;
- состояние здоровья и физическое самочувствие;
- умение самонастраиваться, создавать внутреннее условие для предстоящей деятельности.

Устойчивыми *психологическими элементами* готовности можно считать:

1. Осознание своих потребностей, требований общества, коллектива.
2. Положительное отношение к данному виду деятельности.
3. Осмысление и оценка условий, в которых будут протекать действия.
4. Определение на основе опыта и оценки предстоящих условий деятельности наиболее вероятных способов решения задач или выполнения требований.
5. Прогнозирование проявления своих интеллектуальных, эмоциональных, мотивационных и волевых процессов, оценка соотношения своих возможностей достижения определённого результата.
6. Мобилизация сил, формирование знаний и умений в соответствии с условиями и задачами данной деятельности и др.

Таким образом, готовность учителя к деятельности по развитию математических способностей учащихся – это избирательная прогнозирующая активность на стадии подготовки, настраивающей организм, личность на будущую деятельность.

Рассмотренные элементы готовности можно структурировать, выделив в нём значимые, относительно самостоятельные компоненты (подсистемы):

1. *Мотивационно-ценностный компонент* (определяющий совокупность доминирующих мотивов субъекта к деятельности по развитию математических способностей учащихся).

2. *Эмоционально-процессуальный компонент* (определяющий эмоционально-положительное отношение субъекта к деятельности в целом, либо к выполнению отдельных функций).

3. *Когнитивно-деятельностный компонент* (определяющий адекватность определённого уровня сформированных качеств, знаний, умений субъекта содержанию и условиям предстоящей деятельности по развитию математических способностей учащихся).

Следовательно, готовность учителя к деятельности по развитию математических способностей учащихся можно рассматривать как личностное образование, опосредствующее зависимость между успешностью и эффективностью деятельности с одной стороны, и направленностью субъекта к совершенствованию своих качеств, знаний и умений, необходимых для такой деятельности, с другой. Формируясь в процессе деятельности, готовность имеет сложную структуру, побудительным источником которой является личностная позиция субъекта.

Таким образом, можно дать следующее *определение* понятия «готовность учителя к деятельности по развитию математических способностей учащихся».

Готовность учителя математики к деятельности по развитию математических способностей учащихся – это интегративный профессионально-личностный феномен, включающий в себя систему специфических качеств, знаний и умений педагога в рамках мотивационно-ценностного, эмоционально-процессуального и когнитивно-деятельностного компонентов, в совокупности обеспечивающих реализацию деятельности учителя, ориентированного на развитие математических способностей учащихся. Исходя из сущности и структуры данного феномена, и должна выстраиваться *стратегия* его формирования в системе повышения квалификации педагогических кадров.

А.С. Цыганкова

ПОИСКИ НОВЫХ ПУТЕЙ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ В ПЕРЕДОВОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОПЫТЕ (70–80-е гг. XX в.)

Состояние экономики любой развитой страны в значительной степени определяется интенсивностью притока прогрессивных научно-технических идей и скоростью их внедрения. Для этого необходимо резко повысить результативность научно-исследовательской творческой работы. Успех дела во многом обуславливается квалификацией специалистов, их способностью творчески решать сложные научно-исследовательские, опытно-конструкторские и организационные задачи.

Проблема формирования таких специалистов решается главным образом за рамками науки – как фундаментальной, так и прикладной – в системе высшего образования. Важнейшая цель сегодняшнего образования – дать специалисту не только необходимую подготовку, но и базу умений и навыков для продолжения учебы в течение всей профессиональной жизни.

Воспитание творчески думающих специалистов возможно через привлечение студентов вузов к научно-исследовательской работе студентов (НИРС). Однако в научной и периодической литературе [1; 2; 3; 4] постоянно высказывается глубокая озабоченность в связи с тем, что современный уровень постановки НИРС по сравнению с 1990 г. существенно снизился. Вплоть до 1991–1992 годов в вузах наблюдалась устойчивая положительная тенденция в развитии научной деятельности студентов. Начавшееся в 1992 году в Российской Федерации проведение экономических реформ изменило ситуацию в стране. Кризисные явления в производстве, финансово-кредитной и денежной системах, инфляция не могли не отразиться на положении высшей школы и, в частности, на системе обеспечения научно-технического творчества студентов. Государственные вузы ощутили резкий спад спроса на научно-технические разработки вузов. Многие формы научно-исследовательской работы студентов стали исчезать из учебных планов и планов научной работы вузов. Анализ статистических данных за 1999–2003 гг. показывает, что при общем росте численности студентов вузов Минобразования России участие их в выполнении научно-исследователь-

ской работы (НИР) постоянно сокращается. В 1999 г. удельный вес студентов, участвующих в оплачиваемых НИР, достигал 6,3%, а в 2003 г. – всего 1,4%, т.е. уменьшился более чем в 4,5 раза [1].

Очевидно, для решения этих проблем и осуществления прогрессивных преобразований необходимо обобщить сохранившийся в вузах опыт организации научно-исследовательской работы студентов, т.к. «при некоторых недостатках существовавшей ранее системы научного творчества студенчества она являлась самым прогрессивным звеном высшей школы по подготовке специалистов с исследовательскими и практическими навыками» [5; 6].

Данная статья обращена к исторической реконструкции развития системы НИРС в теории и практики советской дидактики. В общественном и педагогическом сознании постсоветского десятилетия советская педагогика нередко ассоциируется с тоталитарной официальной идеологией советского общества. «На этом основании ей «отказывают» в признании ценности накопленного поколениями педагогов 20–80-х гг. XX века теоретического и практического опыта как не соответствующего гуманистическим и демократическим тенденциям современного развития российского общества, современной гуманистической педагогике, современным личностно-ориентированным инновационным технологиям обучения и воспитания» [7].

Между тем специальные теоретико-методологические и историко-педагогические исследования современных педагогов историков (Л.А. Степашко, З.И. Равкин) позволяют рассматривать наследие советского периода как «уникальное явление мировой педагогической мысли и вместе с тем феномен отечественного историко-педагогического процесса, который сохраняет преемственность с предшествующим развитием российской педагогической мысли, с ее гуманистической демократической традицией» [8].

Период 70–80-х годов XX века в истории дидактики высшей школы представляется плодотворным этапом научной разработки идеи научно-исследовательской работы студентов, которая связана

с развитием гуманистической традиции отечественной педагогической мысли. Идея НИРС развивалась как сложный синтез социально-педагогических, общенаучных, общепедагогических, психолого-педагогических, дидактических и методических представлений и подходов; результатов теоретических и опытно-экспериментальных исследований, передовой педагогической практики.

В качестве идеологического и организационного факторов развития идеи научно-исследовательской работы студентов выступали партийно-государственные документы в области образования, содержательная сторона которых использовалась в качестве стратегии развития и оценки образовательного процесса высшей школы. Государство предъявляло системе высшего образования требование готовить специалистов, способных видеть перспективу, квалифицированно решать профессиональные задачи научной организации труда и управления в меняющейся обстановке, обладать высокой профессиональной мобильностью, умением самостоятельно, творчески ориентироваться в обширной научно-технической литературе.

Характерной особенностью системы научно-исследовательской работы студентов (НИРС) периода 70–80-х гг. является органичное единство учебных и внеучебных форм в процессе всего периода обучения. Кроме ставших в рассматриваемый период обязательных форм научно-исследовательской работы студентов в учебном процессе, совершенствовались традиционные внеучебные формы НИРС, которые позволяли студентам расширить рамки активной деятельности, не ограничиваясь учебными задачами.

К внеучебным формам НИРС было принято относить: работу в научных кружках, в студенческих конструкторских бюро (СКБ), в студенческих творческих объединениях (СТО), в студенческом научном обществе и др.

Одна из наиболее массовых форм приобщения студентов к научному творчеству – развитие и совершенствование работы студенческих научных кружков.

Студенческий научный кружок представлял собой сравнительно небольшой (от 15 до 30 человек) творческий студенческий коллектив, объединенный работой над одной или несколькими научными проблемами (по получаемой специальности или в соответствии с исследованиями кафедры), не включенными в учебный план.

Студенческие научные кружки организовывались на любых кафедрах, научных подразделениях вуза. Занимаясь в них, студенты составляли аннотации и рефераты по отечественной и иностранной литературе, овладевали навыками проведения эксперимента и обработки полученных результатов, проектировали и изготавливали наглядные пособия, лабораторные установки и технические средства обучения, готовили сообщения, с которыми выступали на заседаниях кружков, научных семинарах кафедры. Деятельность студенческого научного кружка была направлена на углубление профессиональной подготовки, творческое становление специалиста.

Начинать работу в кружках рекомендовалось с I курса. Характер этой работы изменялся в зависимости от курса обучения. Так, на I курсе студенты привлекались к работе в научных кружках гуманитарных и общенаучных дисциплин. На II курсе студенты, по желанию, могли участвовать в работе кружков тех или иных кафедр общепрофессиональных дисциплин. С III курса, наряду с исследованиями по гуманитарным и естественнонаучным дисциплинам, считалось полезным попробовать свои силы в научно-исследовательской работе кружка по профилирующей специальности. Таким образом, к концу III курса в ходе общенаучной и общепрофессиональной подготовки, а также выполнения студентами небольших самостоятельных исследований и заданий творческого характера осуществлялось последовательное формирование специальных исследовательских навыков. С IV курса целесообразным считалось участие студентов в деятельности научного кружка при выпускающей кафедре, в котором они продолжали работать на V курсе.

В рамках деятельности студенческого научного кружка решались следующие основные задачи: оказание помощи в овладении специальностью; расширение теоретического кругозора и научной эрудиции будущих специалистов; ознакомление студентов с состоянием разработки научных проблем в определенной отрасли науки и техники; развитие способности применять теоретические знания в практической работе; привитие студентам навыков научно-исследовательской работы; развитие творческого мышления; формирование навыков ведения научных дискуссий; решение определенной научной, реальной технической задачи; приобретение студентами опыта работы в творческом коллективе.

Как форма организации научной работы студентов кружок универсален. Однако исходя из целей и задач, состава студентов научные кружки могли различаться.

Предметный научный кружок имел целью выполнение задач более высокой сложности, по сравнению с тем, которые решались в процессе изучения той или иной дисциплины по учебному плану. В основном, такие кружки организовывались на I и II курсах.

Научно-исследовательский кружок по специальности мог объединять либо только старшекурсников, либо быть смешанным. В таких кружках студенты различных курсов обучения приобщались к научной работе и активно вели ее под руководством преподавателей вуза согласно научной тематике подразделения. Научные кружки этого вида организовывались преимущественно при выпускающих и профилирующих кафедрах.

Межкафедральные и межвузовские комплексные научные кружки организовывались при одной кафедре вуза для выполнения крупной комплексной научной темы, требующей привлечения студентов различных специальностей одного или нескольких вузов. Как правило, в состав таких кружков входили студенты старших курсов, проявившие желание, интерес и способности к выполнению научных исследований по одному из вопросов комплексной темы.

Для того, чтобы работа научного кружка была успешной и поставленные перед ним задачи были выполнены, организаторы кружка Днепропетровского горного института соблюдали следующие условия [9].

Первое и самое главное условие – это актуальность темы работы, в которой принимают участие студенты, члены кружка. Студент, работая, в кружке должен был быть уверен, что выполняемая им работа – важная и нужная, а не упражнение в тех или иных разделах науки и что ему доверен очень серьезный участок исследований. Как правило, при приеме студента в члены кружка его знакомили с тематикой работ, выполняемых на кафедре. Объясняется значение той или другой темы для народного хозяйства страны, каких результатов можно ожидать при положительном решении вопроса. Кроме этого, тематика научных исследований студентов в кружке должна была отвечать общедидактическим требованиям научности, актуальности, новизны. Тему нельзя навязывать студенту, выбрать ее он

должен сам с тем, чтобы проявить себя как исследователя.

Вторым не менее важным условием успешной работы кружка являлось увлеченность, настойчивость в проведении исследований, а для этого надо суметь зажечь в студентах огонь к творчеству.

В третьих, организаторы кружка придерживались определенной последовательности в усложнении работ, выполняемых студентами в практике. Начиная со знакомства с приборами, машинами для испытаний, студенты постепенно переходили ко все более самостоятельным исследованиям.

Одна из важнейших проблем организации кружковой работы – комплектование кружка. В этой связи познавательным является опыт кружка в Львовском политехническом институте [10]. По мнению организаторов, комплектование кружка – одна из важнейших проблем, хотя, на первый взгляд, она может показаться не столь значительной. Дело в том, что комплектование кружка не должно идти стихийно, случайно.

В связи с этим целесообразно остановиться на практике приема новых членов научного кружка, который производился по заявлениям. О том, что это не пустая формальность, свидетельствовал опыт вуза. Кружковцы очень серьезно относились к обсуждению кандидатур. Каждое заявление зачитывалось на заседании кружка, подавший заявление рассказывал, какими мотивами он руководствовался, желая вступить в кружок.

Перед новым членом выдвигались требования: аккуратно посещать заседания кружка, в срок и добросовестно выполнять поручения, отвечать за один из видов работы, предусмотренных планом. В институте сложилось твердое правило: пропустивший три занятия без уважительных причин исключается из кружка. Другое правило, ставшее традицией, заключалось в том, что вступившие в кружок участвовали в его работе на протяжении всех лет обучения в университете.

Стабильный состав участников кружка позволял решить ряд задач воспитательного характера. В ходе совместной работы у студентов формировались такие важные качества, как чувство коллективизма, товарищества, взаимопомощи, ответственности за порученное дело. Успехи и неудачи, разделенные с товарищами, формировали атмосферу доверия и взаимопонимания, помогали преодолевать временные трудности, сплачивали коллектив единомышленников.

Итак, сложившаяся в 70–80-е гг. система научно-исследовательской работы студентов отличалась большим разнообразием форм и охватывала весь период обучения в вузе. В высшей школе многое делалось для того, чтобы каждый будущий специалист овладел навыками и приемами научного поиска, полно развернул творческие способности, прошел подлинную школу научно-исследовательской работы.

Библиографический список

1. Организационно-методические основы активизации функционирования системы НИРС / А.И. Момот, В.В. Балашов и др. – М., 2003. – 88 с. (Научно-исследовательская деятельность в высшей школе: Аналитические обзоры по основным направлениям развития высшего образования / НИИВО, Вып. 5).
2. Собрание научной общественности высшей школы России, 17.03.2000 г.: Сб. сер. «Нормативная база вузовской науки». – Тверь: ИнноЦентр, 2000. – 145 с.
3. Организация научной деятельности молодых ученых и студентов в высшем учебном заведении. – М.: ГАУ, 1997. – 349 с.
4. Балашов В.В. Организация научно-исследовательской деятельности студентов в вузах России: В 3 ч. Ч. 2. Методическое обеспечение и регламентация научно-исследовательской деятельности студентов – М., 2002. – 344 с.
5. Система организации научно-исследовательской работы студентов в вузах страны. Сб. статей / Под ред. Елютина. – М.: Высш. школа, 1984. – 215 с.
6. Научно-исследовательская и творческая работа студентов вузов и учащихся средних специальных учебных заведений: Сборник основных постановлений, приказов, инструкций / Под ред. В.И. Крутова. – М.: Высш. школа, 1984. – 143 с.
7. Степашко Л.А. Учитель и реформирование современной школы: ценностно-мировоззренческий и генетический аспекты профессионального педагогического мышления. – Хабаровск: ХГПУ, 2003. – 114 с.
8. Степашко Л.А. Историко-педагогическое теоретическое исследование: научный аппарат. Пособие. – Хабаровск: ХГПУ, 2005. – 60 с.
9. Деминович Н.С. Кружки НСО – школа подготовки аспирантов и высококвалифицированных инженеров // Организация и эффективность научной работы студентов высших учебных заведений / Отв. ред. В.И. Бабуров. – Томск, 1968. – С. 320–324.
10. Крутов В.И. О состоянии и задачах по дальнейшему развитию научно-исследовательской работы студентов высших учебных заведений // Система организации научно-исследовательской работы студентов в вузах страны. Сб. статей / Под ред. Елютина. – М.: Высшая школа, 1984. – С. 11–19.

Л.Ф. Чукмарова

РАЗВИТИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В «МОЛОДОМ ГОРОДЕ» (На примере г. Набережные Челны)

В отечественной научной литературе проблематика регулирования брачно-семейных отношений рассматривается, главным образом, при анализе теоретических и практических аспектов демографической политики. При этом основной акцент делается на регулировании демографических процессов, прежде всего, рождаемости, оптимизации ее репродуктивной функции.

Исследование семьи длительное время велось в основном с позиций ее места в обществе и тенденций развития, что было связано с коренными изменениями в общественном устройстве и необходимостью осмысления задач общества в отношении такой важной стороны общественного

производства как «производство самого человека». Слабее изучалась семья с точки зрения внутренних связей. В настоящее время социологические исследования семейно-брачных отношений все больше смыкаются с социально-психологическими.

Цель нашего исследования – показать влияние социально-экономических и социально-психологических факторов на развитие брачно-семейных отношений в «молодом городе».

Для Республики Татарстан проблема анализа городского образа жизни особенно актуальна, т.к. в республике, где значительная часть городского населения проживает в так называемых молодых городах, в которых обычные городские

проблемы обострены. Город Набережные Челны все еще относится к категории молодых городов. Так в 1990-х годах 7,1% от всего населения – люди в возрасте старше 55 лет, 8,4% – в возрасте 45–55 лет [8]. Проблема развития набережночелнинской семьи усугубляется тем, что в связи со строительством автогиганта «КамАЗ» образовалась большая масса горожан в первом поколении, оторванная от сельской культуры, но не приобщившаяся еще в полной мере к культуре городской.

Проблемы семьи, в т.ч. и челнинской, выходят на поверхность и становятся заметными не только для специалистов. Это падение рождаемости, уменьшение брачности, не спадающее количество разводов, предпочтение альтернативных форм брачной и семейной жизни, рост семейной девиации – злоупотребления алкоголем и наркотиками, семейного насилия.

Все это позволяет констатировать наличие объективного противоречия между потребностями государства в воспроизводстве населения, в стабильных семьях и потребностями отдельной взятой семьи. В частности, полоролевые ожидания супругов часто не оправдываются, не совпадают с проводимой семейной политикой. Специфика молодого строящегося города только добавляет сложностей в развитие семьи.

Брачно-семейные отношения в молодом городе имеют общие и частные особенности, исходя из специфики города. Город Набережные Челны был объявлен Всесоюзной комсомольской стройкой в 1976 году, что обусловило большой приток молодежи со всей страны. Мы предполагали, что у молодых людей, вступающих в брак в 2000-х годах, являющихся вторым поколением жителей молодого города Набережные Челны (строители КамАЗа), полоролевые ожидания в браке будут отличаться от ожиданий их родителей при вступлении в брак, что в конечном результате скажется на стабильности браков. Но реальность показывает обратное, а именно, что семья, ближайший социальный круг, в первую очередь, определяет социально-психологические установки, в т.ч. семейные. Поэтому, была предложена следующая гипотеза: полоролевые ожидания у второго поколения мигрантов-строителей молодого города и их родителей похожи, и поэтому первичная роль отводится социально-психологическим факторам при определении устойчивости семьи в частности, и стабильности брачно-семейных отношений, в целом.

В качестве испытуемых выступили люди, находящиеся в различных брачно-семейных отношениях: вступающие в брак, разводящиеся пары, супруги, а также их дети – старшеклассники. Всего было исследовано 7 выборок в количестве 1190 человек.

Социально-психологические факторы стабильности семьи в молодом городе

Анализируя семью с позиции целостной системы, стоит обратиться к анализу социально-психологических факторов, определяющих положение семьи в современном обществе. При явном негативном демографическом балансе населения семьи в России обнаружила свои кризисные тенденции [7]. Среди общих негативных явлений ряд исследователей называют все обстоятельства модернизации, ведущие к снижению ценности семейного качества жизни. В настоящее время происходит разрушение старых взглядов на брак, а новые установки еще не сформировались. Раньше семью скрепляли внешние узы – экономические, социальные, религиозные, а сейчас основу, фундамент семьи составляют внутренние связи – чувства людей, душевные, психологические, нравственные запросы [2]. Приход современной семьи на место традиционной во многом обуславливает интенсивный рост числа разводов и дезинтеграций.

Если проанализировать социально-психологические факторы, влияющие на дестабилизацию семьи в последнее время, то на первый план выходят проблемы устойчивости института семьи в общем и брака – в частности. В качестве факторов влияющих на семью рассматривают: социально-психологический климат семьи [4]; потребностные сферы брачных партнеров, культуру их общения, взаимную информированность и уровень моральной мотивации; характер сексуальных отношений в браке; духовное единение [6].

При рассмотрении причин разводимости молодых городских семей, стоит отметить, что границы между ними подвижны, изменчивы и во многом условны. На любом из уровней действуют противоборствующие тенденции: массовые миграции населения, урбанизация, активная социальная политика, направленная на укрепление семьи; осуждение развода одной группой членов ближайшего окружения и одобрения другой; нарушение одних функций семьи, но сохранение других, и, наконец, раздвоенность, диалогичность человеческого сознания.

Среди факторов быстрого роста города Набережные Челны можно назвать необходимость рациональной организации производства – Камского автомобильного завода, ускоренные темпы развития инфраструктуры. До переезда в Набережные Челны в крупных городах проживало около 25% людей [5], которые являлись горожанами в первом поколении. Человеческая деятельность в современном индустриальном городе регулируется жесткими, формализованными правилами, стереотипами и нормами, как на производстве, так и в быту. Современные мигранты прибывают в город с уже определенным нравственным «капиталом», обретенным в процессе первичной социализации. Для полной адаптации мигрантов из села нужно, в среднем, примерно 10 лет. По мнению А.Г. Левицкой, «увеличение числа горожан второго и третьего поколений пока еще не снимает остроту сложных проблем адаптации» [3].

Городская семья оказывается единственной, уникальной общностью, где в повседневных бытовых семейных контактах при благоприятном складывающихся взаимоотношениях «восполняется дефицит личностного общения и тем самым «крадевается» накопившаяся негативная психическая и эмоциональная энергия» [3]. Таким образом, индустриализация и урбанизация оказывают значительное влияние на развитие брачно-семейных отношений, что проявляется в общем кризисе семьи. Семья связана со всеми сферами и сторонами общественной жизни, и, соответственно, изменения в общественной жизни влекут за собой изменения в семье.

Анализ брачно-семейного положения в молодом городе Набережные Челны за период 1970–2006 гг.

В контексте нашего исследования непосредственный интерес представляет рассмотрение влияния социально-экономического развития общества на брачно-семейные отношения в г. Набережные Челны.

Набережные Челны – одно из самых старых поселений в Татарстане, однако статус города имеет лишь с 1930 г. В настоящее время – второй по численности населения город Татарстана. Бурный рост Набережных Челнов связан со строительством Нижнекамской ГЭС и особенно – Камского автомобильного завода в 70-х годах [8]. Численность населения города на 01.01.2006 г. составила 507384 человека.

Несмотря на снижение численности населения города, основные демографические показатели имеют положительную тенденцию. За 2005 год естественный прирост населения составил 1,5 тысячи человек. Росту рождаемости способствует увеличение количества регистрируемых браков, которых за 2005 год заключено на 10% больше. Статус «молодого города» Набережные Челны несет с 70-х годов и все еще им остается. На 01.01.2006 г. в городе проживают 239 тысяч жителей, почти каждый второй, не старше 30 лет [9].

С 1970 года по 2006 год наблюдается зависимость демографических данных от экономических факторов и социально-политического положения общества в городе и стране. Условно можно выделить следующие периоды в истории развития города с 1970 года по 2006 год: 1) 1970–1976 – Рывок; 2) 1976–1980 – Латентный период; 3) 1980–1985 – Рост; 4) 1985–1988 – Пик; 5) 1988–1994 – Спад; 6) 1994–2001 – Стабилизация; 7) 2001–2006 – Развитие [11].

Исходя из общих закономерностей демографического состояния и брачно-семейных отношений, можно предположить, что в последующие годы: до 2010 г. количество браков будет незначительно расти за счет вступления в брачный возраст детей 1970–1980-х годов; возможно увеличение количества внебрачных детей вместе с количеством гражданских браков; количество рождений детей стабилизируется на отметке около 5 тысяч в год, за счет увеличения количества заключаемых браков и тенденции к малодетности; количество разводов будет соответствовать среднестатистическим показателям для города – более 50% от количества заключаемых браков; к 2005–2010 гг. следует ожидать максимальное количество нетрудоспособного населения – пенсионеров, за счет массового приезда молодежи в 1970-е годы, обеспечивших статус «молодого» города. Таким образом, видна прямая зависимость брачно-семейного положения от социально-экономических факторов.

Анализ ролевой адекватности при вступлении в брак, в браке и при расторжении брака

В контексте нашего исследования непосредственный интерес представляет рассмотрение особенностей полоролевых ожиданий людей, вступающих в брак, супругов и расторгающих брак.

Условием стабильного супружества является наличие многообразных ценностных ориентаций

у мужа и жены. Выработка общей мировоззренческой позиции и согласование систем семейных ценностей наряду с формированием психологической структуры семьи составляют основное содержание периода после заключения брака. Если не происходит взаимного приспособления, общение в семье приобретает хронический конфликтный характер, что ухудшает психологический климат семьи, снижает удовлетворенность браком и может привести к его распаду.

Изучение ролевых установок в сфере семейных отношений с помощью методики «Ролевые ожидания и притязания в браке» [7], позволило выявить типичные для исследуемых групп семей ролевые установки, препятствующие или способствующие развитию стабильных позитивных отношений в семье. В одном случае «ролевые ожидания» значимо превосходят по центральной тенденции «ролевые притязания», т.е. брачному партнеру предъявляются более высокие требования, чем себе; от него ожидается инициатива в выполнении семейных обязанностей. Она названа «эгоцентрически потребительской» установкой. Выявлена ролевая установка, также характеризующая несовпадением уровней требований, предъявляемых к себе и к брачному партнеру, но противоположная по содержанию эгоцентрически потребительской установке. Она проявляется в том, что субъект предъявляет к себе более высокие требования, чем к брачному партнеру. Эту установку можно назвать альтруистической [1].

В основном, у вступающих в брак молодых людей наблюдается «эгоцентрически потребительская» установка. Сопоставление требований, предъявляемых к брачному партнеру и к себе в сфере выполнения семейных ролей, в основном адекватно, за исключением некоторых статистически значимых различий между «ролевыми ожиданиями» и «ролевыми притязаниями». Различия касаются таких сфер семейной жизни, как внесемейная деловая активность – мужа в большей степени, чем жены, ориентированы на профессиональную деятельность ($p > 0,01$); эмоциональная и моральная поддержка – каждый из супругов ждет от партнера такой поддержки в большей мере, чем сам готов ее предложить ($p > 0,001$).

Таким образом, у будущих супругов, в основном, высокая предварительная согласованность по семейным ценностям, они предъявляют друг другу одинаково высокие требования практичес-

ки по всем сферам семейной жизни. При этом они в одинаковой степени и на высоком уровне предъявляют требования к себе.

Что же приводит супругов к решению о расторжении брака. Аналогично рассмотрим результаты *бывших супругов*.

Сексуальная функция у бывших супругов интерпретировалась неоднозначно. Жены предъявляли данной стороне брака большее значение, в отличие от их мужей ($p > 0,001$) и в то же время, для бывших жен муж утратил свою привлекательность, в т.ч. и внешнюю ($p > 0,001$).

Также бывших жен не устраивало то, что муж ограничивал их внесемейную социальную активность, в т.ч. профессиональную ($p > 0,001$). Мужчины в меньшей степени ощущают ответственность за материальную поддержку семьи, с другой – женщины, в силу интенсификации профессиональной активности, испытывают насущную необходимость обоюдного отказа от жестко закрепленных бытовых ролей.

В соответствии с представлениями обыденного сознания женщины в силу присущей им эмоциональности, неуравновешенности и чувствительности к нюансам межличностных отношений больше, чем мужчины, нуждаются в психологической поддержке. Состоявшие в браке женщины высказывают недовольство недостаточным вниманием к ним супруга, отсутствием должного понимания, нежности, любви ($p > 0,01$).

Таким образом, в разведенных семьях жены сильнее страдают от недостатка взаимопонимания с мужем и недостатка эмоциональной поддержки, а мужа – от высоких требований, разногласий по поводу семейного уклада.

«Эгоцентрически потребительская» установка в полной мере проявляется и у *супругов*. «Ролевые ожидания» значимо превосходят по центральной тенденции «ролевые притязания», т.е. брачному партнеру предъявляются более высокие требования, чем себе; от него ожидается инициатива в выполнении семейных обязанностей. Это ролевая установка в содержательном плане описывается содержанием «брать больше, чем давать».

Для супругов важно, чтобы были общие интересы, потребности, ценностные ориентации, способы времяпрепровождения и т.п. [4]. Высокие оценки свидетельствуют о значимости для них личностной общности. Установка жены на реализацию хозяйственно-бытовых, родительско-

воспитательных и эмоционально-терапевтических функций семьи, не совпадает с подобным умениям и навыкам партнера ($p > 0,01$; $p > 0,001$; $p > 0,001$). Выделяется ориентация обоих супругов на то, что брачный партнер возьмет на себя роль эмоционального лидера семьи в вопросах: коррекция психологического климата, оказание моральной и эмоциональной поддержки, создание «психотерапевтической атмосферы» ($p > 0,01$).

Итак, можно заключить, что в супружеских парах статистически значимых разногласий по основным семейным функциям даже больше, чем в разведенных парах. Возможно, многие супружеские пары не удовлетворены своими отношениями, но в силу различных причин живут одной семьей.

Таким образом, женщины, состоящие в браке, притязают на большее участие в решении хозяйственно-бытовых вопросов, чем молодые девушки, желающие создать семью. Ожидания участия мужчин по данной функции у молодых женщин ниже, чем у женщин, живущих в браке ($p > 0,05$).

По *родительско-воспитательной* функции можно наблюдать изменения в ожиданиях мужчин. Женатые мужчины возлагают большую ответственность по воспитанию на своих супругов, разведенные и вступающие в брак молодые люди предполагают более равномерное распределение обязанностей в данной функции брака ($p > 0,01$).

Интересное изменение прослеживается в оценке значения внешней социальной активности. Женатые мужчины уже не претендуют на индивидуальный стиль межличностного взаимодействия, как это заметно у молодых людей ($p > 0,001$). Подобная динамика свидетельствует о том, что мужчины, имеющие стаж совместной жизни уже имеют определенный социальный статус, укрепили внешнюю, профессионально-общественную оценку. Женщины же в браке не требуют, не ожидают от супругов такого большого внимания к внутрисемейным делам. Экспектации девушек направлены на уменьшение внесемейной деятельности своих будущих супругов. По эмоционально-терапевтической функции брака изменений нет. Все обследованные пары одинаково возлагают ответственность по данной шкале друг на друга.

Притязания на внешнюю привлекательность у молодых девушек, желающих вступить в брак, выше, чем у женщин, имеющих семью ($p > 0,01$). Женщины со стажем семейной жизни в заботе о детях и муже не придают внешности большого

значения. Молодым же девушкам, только начинающим семейную жизнь, свойственно стремление быть красивой, презентабельной.

Ролеролевые ожидания и притязания старшеклассников

Ролеролевые ожидания и притязания глубоко индивидуальны. Муж и жена ожидают от супружества каждый свое, они могут по-разному представлять себе свою семейную жизнь. При этом, чем более не совпадают эти представления, тем менее прочной является семья. Поэтому, чем раньше будущие супруги осознают данные противоречия, чем раньше они определяют и согласуют свои семейные ожидания и притязания, тем больше вероятность, что их брак будет успешным и долговечным.

Целью следующего этапа исследования мы ставили определение ролевых семейных ожиданий и притязаний у старшеклассников, в основном, детей «строителей КамАЗа», второго поколения г. Набережные Челны, как потенциальных супружеских партнеров. У родителей и их детей-старшеклассников проявляется «эгоцентрически потребительская» установка на семейную жизнь [10]. Брачному партнеру предъявляются более высокие требования, ожидания, чем себе; от него ожидается инициатива в выполнении семейных обязанностей. Между показателями шкал семейных ценностей старшеклассников выявлены достоверные различия только по четырем параметрам, в основном, отражающие нереалистичные ожидания юношей от своей будущей семейной жизни.

Юноши, в отличие от сверстниц считают, что основные обязанности по дому, хозяйству, быту должна нести супруга, что она должна уметь содержать дом в уюте, чистоте и порядке, а от него, как от мужчины зависит немного. По мнению старшеклассников, дом, хозяйство – традиционно привилегия женщин ($p > 0,05$).

Возможно, исходя их принципов современной равноправной семьи, юноши хотели бы видеть свою будущую жену ориентированную на серьезные профессиональные интересы, чтобы она более активную общественную роль, чем он сам ($p > 0,05$). Установка старшеклассников на значимость эмоционально-психотерапевтической функции брака свидетельствует об ориентированности на то, что будущий брачный партнер возьмет на себя роль эмоционального лидера семьи в вопросах: коррекции психологического климата, оказания моральной и эмоциональной под-

держки ($p > 0,01$). Для юношей большое значение имеет внешняя привлекательность будущей супруги, ее соответствие стандартам современной моды. Девушки же, в свою очередь, не придают большого значения своей внешности в замужестве ($p > 0,05$). Экспектации юношей в отношении брачного партнера характеризуются ориентацией на большую их активность в выполнении основных семейных функций. Ролевая адекватность старшеклассников на личное выполнение определенной семейной функции не соответствует установкам на активную роль брачного партнера в семье.

Таким образом, ролевые ожидания юношей не соответствуют ролевым притязаниям девушек, у старшеклассников, как и у их родителей, установка на активное выполнение партнером семейных обязанностей не соответствует личной готовности выполнять семейные роли.

Выводы

1. На развитие брачно-семейных отношений в молодом городе оказывают влияние социально-экономические и социально-психологические факторы.

2. Не смотря на то, что общее семейно-брачное положение города в настоящий момент стабилизировалось и обозначается нами как период «развития», социально-психологические характеристики семьи, а именно полоролевые ожидания супругов характеризуются определенными противоречиями и разногласиями.

3. Ролевые ожидания и притязания у второго поколения мигрантов-строителей молодого города, в общем, повторяют результаты их родителей, что не способствует устойчивости семьи в частности, и стабильности брачно-семейных отношений, в целом.

4. В основном, у всех обследованных пар наблюдается «эгоцентрически потребительская» установка на семейные отношения.

Библиографический список

1. Андреева Т.В. Психология современной семьи. – СПб.: Речь, 2005. – 436 с.: ил.
2. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. – М.: Изд-во Международного ун-та бизнеса и управления («Братя Карич»), 1996. – 304 с.
3. Левицкая А.Г. Урбанизация и воспитание. Социологический анализ. – Воронеж.: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 160 с.
4. Могилевский Р.С. Проблемы качества жизни крупного города. – Л.: Изд-во Лен. гос. ун-та, 1987. – С. 141.
5. Мустафин М.Р., Хузеев Р.Г. Все о Татарстане (Экономико-географический справочник). – Казань: Татарское кн. изд-во, 1994. – 164 с.
6. Обозов Н.Н., Обозова А.Н. Три подхода к исследованию психологической совместимости // Вопросы психологии. – 1981. – №6. – С. 93.
7. Олифирович Н., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф. Психология семейных кризисов. – СПб.: Речь, 2006. – 360 с.
8. Султанбеков Б.Ф., Харисова Л.А., Гальямова А.Г. История Татарстана. XX век. 1917–1995 гг. IV часть 6. – Казань.: Хэтер, 1998. – 416 с.
9. Халиков И.Ш. У Челнов свое движение – поступательное // Челнинские известия. – 2006. – 25 марта.
10. Червякова Н.В., Чукмарова Л.Ф. Семейные ролевые ожидания и притязания старшеклассников // Современная семья: проблемы, поиски, решения / Сост.: И.Р. Орлова, Л.М. Галимова, Е.К. Кривцова. – Казань: Отечество, 2000.
11. Чукмарова Л.Ф. Анализ брачно-семейного положения города Набережные Челны за период 1970–2005 гг. // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (28–29 ноября 2006 года, КГУ, Казань). – Казань: Новое знание, 2006. – 400 с.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ОПЫТ РЕГИОНА / Под науч. ред. Н.М. Рассадина. – Кострома: Авантитул, 2006. – 211 с. – ISBN 5-98342-046-1.

Коллективная монография посвящена исследованию состояния, прогнозированию перспектив развития и проектированию систем воспитания, воспитательных пространств и воспитательных организаций.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Социально-экономические реформы начала 1990-х гг. вызвали «социокультурную травму», характеристиками которой являются: аномия, институциональный диссонанс, потеря идентичности, ценностный вакуум, обесценивание социальных норм, разрушение сложившихся моделей поведения и мышления. Причинами социально-травматической ситуации выступили неожиданность и быстрота событий, глубина и радикальность изменений, что привело большую часть общества к негативизму, ощущению катастрофы, пассивности и социальному отчуждению. Сложившийся круг социальных и личностных проблем настоятельно требует своего оперативного разрешения через развертывание всесторонней многофункциональной социальной работы с людьми, оказавшимися в трудной жизненной и социокультурной ситуации своего развития.

Социальная работа как социокультурное явление в последние десятилетия стала неотъемлемой частью социокультурной системы нашего общества. В новых социально-экономических условиях объективно возникла необходимость перехода к профессиональной социальной работе. Социальная работа является одним из главных способов организационного и социально-технологического реагирования общества на новую социальную ситуацию. Ее роль в жизни современного общества определяется тем, что она выступает в качестве фактора социальной стабильности.

Социальный работник не только решает конкретные социальные проблемы своих клиентов, но и помогает людям осваивать новые моральные ценности и нормы, находить жизненные смыслы и духовно-нравственные ориентации. Его деятельность направлена на гармонизацию межличностных отношений, отношений личности и социума и, в конечном итоге, на гуманизацию и стабилизацию социума. Становится общепринятым понимание, что социальная работа социологически представляется в виде элемента социума, как его подсистема, которая специфическим образом обеспечивает устойчивость и жизнестойкость общества [3, с. 22].

С целью изучения социокультурных особенностей социальной работы в регионе был проведен

опрос специалистов социальной сферы Республики Хакасия. Результаты социологического исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Доминирование женщин в учреждениях Республики Хакасия, что отражает общую тенденцию в социальной сфере России. Среди специалистов социальных учреждений преобладают работники молодого и среднего возраста. Практически все опрошенные имеют среднее и высшее профессиональное образование. Для работников социальной сферы Республики Хакасия характерна средняя степень удовлетворенности своей профессией. Удовлетворенность работой влияет на трудовую мобильность работников социальной сферы. «Верность» нынешней работе опрошенные сохраняют, поскольку у них нет подходящего варианта другой работы. Доминирует элемент случайного выбора профессии.

Основной причиной, по которой респондентов не устраивает их нынешнее место работы, является низкая заработная плата. Эта тенденция в целом характерна для российских учреждений социальной сферы.

Подавляющее большинство респондентов не имеют дополнительной работы (заработка). Но, даже при соответствующем росте заработной платы повысить производительность и качество своего труда могли бы менее половины опрошенных. Кроме низкой зарплаты, повысить эффективность работы мешают устаревшая материально-техническая база учреждений, большая загруженность (нехватка времени), отсутствие морального удовлетворения, отсутствие возможности сделать карьеру.

Чаще всего среди положительных сторон профессии были названы такие: возможность помочь людям, общение с людьми, хороший коллектив. Работа в социальной сфере признается скорее престижной.

Работники социальной сферы Республики Хакасия нуждаются в повышении квалификации. За последнее время удалось пройти курсы повышения квалификации менее половине специалистов. Но проблемы состоит и в том, что полученные в ходе обучения знания не всегда могут быть применимы в конкретной работе, так как не соответствуют ее требованиям.

Подавляющее большинство респондентов занимается самообразованием. Наиболее распространенными видами самообразования являются: чтение специальной литературы, изучение методических рекомендаций вышестоящих органов, изучение опыта работы своих коллег. Чтение специальной литературы является отличительной особенностью работников социальной сферы Республики Хакасия. В свободное от работы время специалисты в большинстве своем читают газеты, журналы, смотрят телевизор.

2. Среди клиентов опрошенных работников социальной сферы преобладают пожилые люди, взрослые инвалиды, нуждающиеся в постоянной помощи. Легче всего работать с клиентами, активно участвующими в решении своих проблем. При взаимодействии с клиентами социальные работники считают наиболее важными такие принципы, как индивидуальный подход к каждому, уважение личности клиента, принятие клиента таким, какой он есть. Респонденты преимущественно выразили свое согласие с высказываниями о том, что специалист должен быть посредником между клиентом другими специалистами, должен консультировать клиента по необходимости. Социальный работник, по мнению специалистов, должен обладать терпением, выдержкой, добротой, любить людей, быть общительным и коммуникабельным. Эти характеристики соответствуют специфике профессии «Социальная работа».

3. В коллективах учреждений социальной сферы преобладают доброжелательные, корректные отношения; существует наставничество, обмен опытом. Что позволяет работникам обращаться с вопросами на профессиональные темы к своим коллегам. Наиболее эффективной формой совместной деятельности является совместное решение проблем клиентов.

Ценностные убеждения работников социальной сферы иллюстрируют их терминальные (или ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства) ценности. Среди терминальных ценностей первые ранговые места занимают такие ценности, как здоровье, счастливая семейная жизнь, материально обеспеченная жизнь. Что характерно для большинства населения. Достичь их позволят, по мнению респондентов – образованность, широта знаний, высокая общая культура; воспитанность, хорошие манеры; исполнительность, дисциплинированность (ценности-средства).

4. В целом анализ структуры трудовых ценностей (мотивы выбора нынешней работы, ее привлекательные стороны, мотивы потенциальной текучести кадров) указывает на существование определенных «ножниц» между ожиданиями и реальностями профессионального существования опрошенных. Общегуманитарные, внепрофессиональные мотивы (помощь людям, отношения в коллективе, общение с людьми) оказываются доминирующими, а мотивы, имеющие отношение к профессиональной деятельности, к ее экономическим и социальным условиям (условия труда, возможности профессионального и должностного роста, заработок) отодвигаются на второй план, когда речь идет об ожиданиях. И наоборот, конкретные условия существования (зарплата, социальная защищенность) оказываются на первом плане, если речь идет об оценке реальной профессиональной ситуации, отдельных конкретных условий деятельности социальных работников, оттесняя общегуманитарные мотивы.

Такая противоречивость в иерархии ценностей и реальностей составляет одну из центральных проблем работников учреждений социальной сферы, с одной стороны, выявляя внутреннюю противоречивость мотивов и поведения социальных работников, а с другой – указывая на определенные упущения как в кадровой политике (подборе и подготовке кадров), так и в обеспечении необходимых условий трудовой деятельности.

5. Профессиональная мотивация социальных работников, как отмечает М.Ю. Горбунова [2, с. 85], – социокультурное многомерное образование – представлена взаимодействием внутренних и внешних мотиваций (альтруистической, личностной, материальной и др.). На выбор профессии во многом оказывают влияние жизненные обстоятельства респондентов, гендерные стереотипы. Несмотря на наличие альтруистической мотивации, понимания необходимости этой работы, желания помочь людям, сострадания в большинстве случаев проявился тот факт, что социальные работники и в своих клиентах, и в самой работе видят скорее средство для реализации своих проблем. Так профессиональная деятельность позволяет социальным работникам удовлетворять свои потребности в покровительстве, заботе, понимании, доминировании, общении. На самом деле, центром профессиональной мотивации социальных работников является клиент.

Смещение мотивационного центра с личности социального работника на клиента позволяет ему использовать себя как средство для решения проблем клиента, а не клиента как средство решения своих проблем. Такой подход позволяет говорить о сохранении социальным работником своего здоровья и о наращивании профессионального ресурса.

Таким образом, социологические исследования показывают рассогласование сущего и должного: социальные работники в клиентах и в самой работе видят средство для реализации своих проблем, в то время как центром профессиональной мотивации должны быть потребности клиента.

Разделяя точку зрения Г.Ю. Бурлака [1, с. 53], необходимо отметить, что высокопрофессиональным специалистам по социальной работе сотрудник станет только тогда, когда он будет нести ответственность за качество своей деятельности и ее результатов. А эффективной такая деятельность будет, если необходимые профессионально-личностные черты будут сочетаться с рядом существенных условий:

1. Жизнь самого социального работника сложилась достаточно благополучно, и это дает ему возможность избыток своего благополучия и уверенности в жизни как-то передать другим, тем, которым этого не хватает.

2. Если он пережил в жизни тяжелые неудачи и трагедии, но сумел справиться с ними, приобрел ценный личный опыт и готов и хочет поделиться им с теми, кто в этом нуждается.

3. Если у человека есть большие серьезные личностные проблемы, но сам он глубоко убежден, что сумеет их разрешить, помогая другим.

Таким образом, полученные в ходе исследования данные позволяют сделать вывод, что в большинстве регионов России, в том числе и в Республике Хакасия, в целом, персонал социальных служб располагает достаточными личностными ресурсами, активизация которых позволит эффективно обслуживать население. Особая роль в этом процессе принадлежит профессиональному образованию с учетом ее этнокультурной составляющей, обусловленной национально-культурными особенностями региона.

Анализ деятельности учреждений и организаций социальной сферы Республики Хакасия, результаты социологического исследования позволяют утверждать следующее.

Во-первых, в Республике Хакасия существует развитая система социальной поддержки и защиты граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию. Она представлена учреждениями различных форм, типов и видов, оказывающими социальную, социально-правовую, медико-социальную, психолого-педагогическую и другие виды помощи различным категориям населения. Но, несмотря на развитую социальную инфраструктуру, для многих социальных учреждений и организаций республики характерны одинаковые проблемы: отсутствие профессионально подготовленных кадров в области социальной работы, их незначительная ориентированность на профессию; низкая материально-техническая база социальных учреждений, отсутствие достаточного обеспечения специальной литературой, компьютеризированными информационными системами; отсутствие специально разработанных Программ помощи и поддержки отдельных групп населения, взаимосвязи в работе социальных учреждений; наличие этносоциальных проблем в регионе.

Во-вторых, основными рекомендациями по дальнейшему совершенствованию и повышению эффективности социальной работы могут служить: создание механизма оказания помощи при самоопределении молодежи в выборе профессии социального работника; увеличение форм и направлений профессиональной подготовки социальных работников, которая должна быть неразрывно связана с профессиональным воспитанием специалистов по социальной работе, и включать формирование этнокультурной компетентности будущего профессионала; увеличение количества периодических изданий, освещающих работу социальных служб, центров, социальных работников; внедрение механизма оказания помощи работникам учреждений социальной сферы в профессиональном развитии (например, систематическое проведение методических семинаров, конференций, круглых столов на разных уровнях для обмена опытом социальной работы); увеличения государственного финансирования социальных служб; делать акцент на движении за самопомощь; «гражданское участие» в реализации социальных программ; эффективное использование в деятельности социальных учреждений компьютеризированные информационные системы; создание межведомственных центров по решению социальных вопросов на местном уровне.

В-третьих, особенности социальной работы в отдельно взятом регионе обусловлены его социокультурными характеристиками региона. Так, при организации социальной работы в Республике Хакасия необходимо: учитывать полиэтничность, многонациональность, поликультурность региона; опираться на национально-психологические особенности коренного населения (например, гуманность хакасов); принимать во внимание специфические межнациональные отношения в республике; использовать возможность применения в профессиональной социальной работе традиционных форм помощи и поддержки и т.д.

Таким образом, актуальность проблемы становления социальной работы как социокультурного феномена объясняется той социокультурной ситуацией, в которой оказалось российское общество в настоящее время. Коренные изменения, происшедшие в социально-экономической жизни россиян в последние годы, сопровождаются глубоким кризисом общественной морали, последствия которого особенно сильно сказываются в социальной сфере.

Социальная политика в отношении регулирования уровня жизни населения в настоящее время не является достаточно эффективной. Главным ее недостаток, по мнению Г.Е. Пляскиной [4,

с. 98], заключается в том, что она направлена не на устранение причин, порождающих бедность, а на преодоление или смягчение их последствий. Необходимо создание условий, стимулирующих трудовую активность и ликвидирующих иждивенческие настроения среди населения, усиление адресности социальной поддержки населения, разработка нормативных документов, обеспечивающих более полное отражение индикаторов качества жизни населения, проведение социальной политики по предотвращению и устранению неблагоприятных последствий падения уровня жизни (девиантное поведение, преступность).

Библиографический список

1. Бурлака Г.Ю. Социальная работа в России: проблемы формирования профессиональной культуры: Дис. ... канд. соц. наук. – М., 1997.
2. Горбунова М.Ю. Социокультурная мотивация в структуре социальной работы. – Саратов, 2004.
3. Григорьев С.И., Гулякова Л.Г. Социология в подготовке и деятельности специалистов по социальной работе в России. – Барнаул, 2001.
4. Пляскина Г.Е. Изменение уровня жизни населения Республики Бурятия в новых социально-экономических условиях // Вторые Забайкальские социологические чтения. Материалы конференции. Ч. 2. – Чита.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Куфтяк Е.В. МЕТОДИКИ ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЕ С РЕБЕНКОМ / Рец.: Т.Л. Крюкова, С.И. Михайлова. – Кострома: КГУ, 2006. – 101 с. ISBN 5-7591-0780-1.

В пособии рассматриваются основные подходы и наиболее распространенные методики и приемы социально-психологической работы с родителями и детьми. Изложены основные теоретические положения и идеи психологической работы с родителями детей на разных возрастных этапах, начиная с периода беременности; отражены наиболее часто используемые техники и приемы индивидуальной, семейной и групповой терапии и психологии. Пособие предназначено для студентов психологических и педагогических специальностей, специалистов психолого-педагогических и медико-социальных центров для детей и подростков, социальных работников и всех тех, кто работает с семьей и детьми.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ ПЕРСОНАЖЕЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ (На материале современной историографической метапрозы)

Образ и функция главного героя исторического повествования претерпели эволюцию в процессе развития жанра. Центральные персонажи произведений современных российских авторов, которые можно объединить в тематическую группу, определяемую нами как историографическая метапроза, имеют генетическую связь с узнаваемыми моделями образа главного героя исторического романа. Чаще всего, персонажи постмодернистских текстов травестируют образ героя классического исторического романа XIX века или спорят с толкованием известной исторической фигуры в романе советской эпохи.

Главный герой классического исторического романа, который формировался в России под влиянием произведений В. Скотта — это персонаж вымышленный. Н.Д. Тамарченко отмечает, что «в сюжетных функциях... этого персонажа свободная “авантюрная” воля... совпадает с исторической необходимостью» [7, с. 48]. Концепция героя, типичного для этого жанра, складывается на основе идеи «разумной целесообразности хода истории...», а также — естественной разумности натуры человека» [7, с. 49]. Пушкин в «Капитанской дочке» сделал акцент на нравственном выборе персонажа в критической исторической ситуации, описал историческое событие с точки зрения частного лица, в него вовлеченного. Л.Н. Толстой продолжил размышления о соотношении частного, бытового и героического в истории в эпопее «Война и мир», где вымышленные центральные персонажи (Безухов, Болконские, Ростовы) вовлечены в поток истории, через их восприятие показаны события, изменившие судьбу страны, в переломной исторической ситуации они действуют наравне с реальными историческими лицами, с которых в свою очередь совлечен героический ореол и показаны их человеческие слабости.

В советскую эпоху жанр исторического романа оказался фактически утерянным в его классической форме, восходящей к произведениям В.

Скотта, воплощенной А.С. Пушкиным и Л.Н. Толстым. «Жанровые изменения были связаны с тотальным осовремениванием истории, ее прагматизацией, достигшей высшей фазы в принципе «соцреалистической партийности» [2, с. 53]. «Главными персонажами советского исторического театра, — утверждает Е. Добренко, — всегда были три... героя: Правитель, Историческая закономерность и Народные массы. Собственно, вся стратегия советского переписывания русской истории была стратегией перебалансировки этих компонентов, из которых слагалась историческая картина...» [2, с. 36–37]. В историко-литературном плане можно выделить несколько точек зрения на проблему главного героя исторического романа в советской критике. С. Петров, Л. Александрова, А. Пауткин считали, что центральный персонаж должен быть обязательно реальным историческим лицом. К. Симонов и С. Злобин отстаивали необходимость «очеловечить» прошлое в историческом романе и в качестве главного героя вывести вымышленное лицо. В. Оскоцкий, Ю. Андреев, В. Канторович занимали «серединную» позицию. Советская литература не приняла концепцию вымышленного героя в историческом романе, более популярным в 1930–1950-е годы было обращение к образу великой исторической личности как к «продукту» определенной исторической эпохи. На основании этих точек зрения И.П. Варфоломеев выделяет три типа героя в советском историческом романе:

1) образ исторической личности как «выразителя социально-исторических тенденций эпохи» [1, с. 95] (Петр I, Е. Пугачев, С. Разин, Д. Донской);

2) «типический образ исторической личности локальной сферы деятельности, ограниченного масштаба» [1, с. 99] («Кюхля» Ю. Тынянова, И. Рябов из «России молодой» Ю. Германа);

3) «типический образ вымышленного лица, типически отображающего те или иные социальные слои общества» [1, с. 104] (Олекс Творимирич из «Господина Великого Новгорода» Д. Балашова).

Проанализируем, как трансформировался образ главного героя исторического повествования в произведениях современных российских писателей-постмодернистов. Мы остановимся на творчестве В. Пелевина, В. Шарова и Т. Толстой, так как, по нашему мнению, в романах этих авторов наиболее репрезентативно представлена постмодернистская трансформация классического героя произведения на историческую тему.

В рассказе Виктор Пелевина «Хрустальный мир» реальная историческая личность выводится Пелевиным не в качестве центрального персонажа. В.И. Ленин выступает как эпизодический герой. Его способность к конспирации, известная по легендам советских времен, умело обыгрывается автором и доводится до уровня фарса: будущий вождь мирового пролетариата предстает то господином, «похожим на специализирующегося по многотысячным рыскам конокрада», то «жирной женщиной в шляпе с густой вуалью», то поручиком Преображенского полка Кривошеиным, и, наконец, продавцом лимонада. Формально Пелевин апеллирует к традиции классического исторического романа, показывая историческое событие глазами рядовых его участников, вымышленных персонажей. Однако кокаирист Юрий, убежденный в своей особой исторической миссии доктором Штейнером, создан как пародия на персонажа, подобного Гриневу или князю Болконскому. Герои классических романов Пушкина и Толстого совершают свой выбор в непростой исторической ситуации, ориентируясь на внутренний нравственный императив. Юрий же пропускает Ленина к Смольному и тем, в конечном итоге, решает историческое противостояние в пользу большевиков под влиянием наркотических галлюцинаций. Ситуация исторического выбора снижается и граничит с фарсом, фигура Ленина – реального исторического лица и одновременно мифологизированного советской идеологией (и исторической романистикой) образа – подвергается автором постмодернистского текста десакрализации. Если говорить о классической традиции, то стремление «очеловечить» образ великой исторической личности мы найдем и у Пушкина, и особенно у Л. Толстого. Но в «Хрустальном мире» историческое лицо – лишь участник фарса, умелый конспиратор превращается в клоуна, меняющего маски, причем истинного лица персонажа за ними разглядеть невозможно, поскольку он имеет природу симулякра.

Герои чапаевского мифа – Василий Иванович Чапаев, Петька, Анка-пулеметчица, являющиеся персонажами романа Д. Фурманова, его киноверсии, а также анекдотов, в романе Пелевина «Чапаев и Пустота» также представляют собой «симулякры, деконструированные цитации» [6, с. 263]. Образ простоватого народного героя-рубаки в романе гибридизируется по принципу контраста с образом буддийского Учителя и утонченного декадента-мистика начала XX века, в котором проглядывают черты А. Вертинского [6, с. 264]¹. Чапаев умело музицирует на рояле, рассуждает о смысле и первоначале мира, которым является пустота, вместо шашки носит самурайский меч и в то же время в пьяном виде на примере лукович и самогона объясняет Петьке глубочайшие философские истины. Основные источники пелевинского текста, которые он использует в ходе постмодернистской игры с историческими фактами – роман Д. Фурманова «Чапаев», одноименный фильм братьев Васильевых и всенародно известные анекдоты. К фурмановскому роману отсылает, пожалуй, только «мерцающий» образ Чапаева. Фурманов не идеализирует героя революции, в некоторых эпизодах он предстает как вспыльчивый, хвастливый, любящий лесть, не в меру доверчивый, да и попросту неграмотный человек. Образ учителя-гуру «достраивается» Пелевиным, как уже было отмечено, при помощи гибридизации с образом буддийского Учителя, философа-мистика, декадента начала XX века, причем место реального исторического лица, которое Фурманов пытался воссоздать со всеми противоречиями его натуры, у Пелевина занимает Чапаев – герой фильма и Чапаев – герой анекдотов.

Петьке Исаеву в книге Фурманова отводится совсем немного места. Этот эпизодический персонаж становится героем анекдотов, видимо, за счет фильма. Петька в книге Пелевина, он же поэт Петр Пустота, находящийся одновременно в двух реальностях, в двух переломных эпохах – революционной и постсоветской, выступает в роли ученика, ищущего путь к просветлению. Поэт-декадент не находит себе места в России начала века, а выписавшийся из психбольницы шизофреник – не вписывается в постсоветскую действительность 1990-х годов. Петр представляет собой тип героя, очень характерный для творчества Пелевина. Это человек, ищущий себя и свою дорогу в этом мире (таковы Затворник и Шестипа-

лый, светлячок Митя, Омон Кривомазов, Вавилен Татарский). Петр претендует в тексте Пелевина на место единственного человека, приблизившегося к истинному облику Чапаева, то есть в контексте романа он воспринимается как историческое лицо.

Пелевин включает в роман и Анку-пулеметчицу, персонаж, вообще отсутствующий у Фурманова и снискавший популярность в текстах анекдотов только за счет фильма. Анна предстает племянницей Чапаева, изящной девушкой-эмансипэ, созданной для модернистского салона, а не для войны с белыми. Пелевин подчеркивает равенство своего «личного мифологизирования» и идеологической мифа путем «замены» образом Анны традиционного образа Анки-пулеметчицы.

Григорий Котовский – исторический персонаж, иногда присутствующий в анекдотах чапаевского цикла, что не подкрепляется ни книгой Фурманова, ни ее экранизацией. Видимо, Котовский попадает в юмористические истории, связанные с Чапаевым, как такой же мифологизированный герой революции. У Пелевина он оказывается мистиком, создателем вселенной, в которой мы якобы существуем и по сей день.

Как видим, центральные персонажи в романе Пелевина представляют собой либо «мерцающие» цитатные образы (Чапаев), либо фантазмагорические фигуры, ничего общего не имеющие с прототипами (Котовский, Фурманов), либо деконструированные персонажи анекдотов (Петр, Анна), которые действуют в сниженно-«буддийском» контексте.

Владимир Шаров в романах «След в след», «Репетиции», «До и во время», «Мне ли не пожалеть», «Старая девочка», «Воскрешение Лазаря» реализует приемы, характерные для историографической метапрозы: пастиш, изменение мотивировок реальных исторических событий, «личное мифологизирование» автора с использованием различных культурных кодов, причудливо соединенных между собой. В романе «До и во время» автор добавляет несвойственные черты характера реальным историческим персонажам, смешивает историю и миф и достигает художественного эффекта абсолютной неразделимости факта и вымысла, реальных черт прототипа и домысла. Более того, писатель уравнивает их ценность в пределах художественного произведения, таким образом трактуя историю как нарратив, открытый для творческого эксперимента.

Среди центральных персонажей в роман введены исторические лица: Жермена де Сталь, Ни-

колай Федорович Федоров, Иосиф Сталин, Александр Скрябин. Естественно, в постмодернистском романе они лишены даже намека на правдоподобные черты характера, мотивация их поступков изменена. Иосиф Сталин оказывается сыном Екатерины Ивановны Сталь, русской помещицы, сочувствующей революционному движению, которая является последним воплощением Анны Луизы Жермены де Сталь, французской писательницы и общественного деятеля XVIII–XIX веков. На первый взгляд, Шаров играет случайным созвучием псевдонима «отца народов» и имени известной писательницы. Однако в этом абсурдном родстве можно увидеть и метафору влияния идей Великой французской революции на революционное движение в России. Мадам де Сталь, дважды возрождавшаяся в новом облике, но под старым именем, описана Шаровым как вечный источник революционных идей, которые удивительно приживаются на русской почве. Создавая в романе фигуру Сталина, писатель идет по пути абсурдного отталкивания от образа, известного по историческим источникам: «...он был очень хороший, очень добрый и немного сентиментальный человек; конечно, он был лучше всех, кто его окружал, но для партии, для страны в то время доброта была не благо, а зло» [9, с. 336]. Шаров меняет и мотивацию действий своего персонажа: кровавый сталинский террор оказывается результатом ревности, разжигаемой в Сталине его матерью-любовницей, политические причины замещаются на бытовые. Таким образом, репрессии оказываются на совести мадам де Сталь, которая руководствовалась своими расчетами, выбирая очередного любовника. Несмотря на то, что Шаров в качестве одного из центральных персонажей выводит фигуру, соотносимую с реальным историческим прототипом, по ходу фантазмагорического сюжета он полностью меняет мотивировки его действий, вводит абсурдные факты в его биографию и рисует психологический портрет, практически диаметрально противоположный устоявшемуся в сознании обывателя образу. Думается, что делает это автор на основании представления о равноправности мифологизирования писателя и советской идеологической системы. Поскольку образ, «сделанный» советской пропагандой, и персонаж, созданный писателем-постмодернистом, равно удалены от реального исторического лица, можно рассматривать произведение Шарова как реа-

лизацию установки на принципиальную невозможность достижения истины при работе с историческим материалом.

С позиции «постисторизма» можно рассматривать и созданный Шаровым образ философа Николая Федорова, которого де Сталь приводит к идее всеобщего воскрешения при помощи маскарара в стеклянном паланкине. Любовная линия Федорова-де Сталь, проходящая через весь роман, конечно же, не имеет ничего общего с реальными историческими событиями и персонажами, однако при помощи этой коллизии автору удается создать абсурдную мотивировку влияния Федоровских идей на революционные события в России.

Герои романов Шарова практически всегда представляют собой абсурдные пародии на исторические прототипы. Однако автор-постмодернист может не опасаться обвинений в искажении исторической правды. Ведь цель его произведений принципиально иная – уравнивать в правах художественный вымысел и общепринятую версию исторических событий, подтвердить установку на недостоверность любого исторического источника, воспринимаемого всего лишь как текст, который можно бесконечно интерпретировать.

Роман Татьяны Толстой «Кысь» синтезирует несколько жанров: антиутопии, сатиры, фельетона, фантастического романа, романа-аллегии. Б. Парамонов указал на его ведущую особенность: «Татьяна Толстая написала – создала – самую настоящую модель русской истории и культуры» [4]. По мнению критика, особенность этой модели в том, что образ России в «Кыси» приобрел постмодернистскую черту пародийного самовоспроизведения. По способу работы с историческим материалом это произведение можно отнести к историографической метапрозе, поскольку в нем воплощен принцип размытости границ между историей и литературой, восприятия истории как постоянно переписываемого метатекста. Неслучайно ведущую роль в романе играет образ книги. Это и конструктивный принцип текста, главы которого озаглавлены буквами кириллицы, и метафора утерянного культурного кода, без которого содержание прочитанных Бенедиктом книг мертво.

Персонажи романа представляют собой архетипические образы, характерные для разных периодов русской истории. Образ главного героя произведения – Бенедикта – в первую очередь, восходит к фольклорному Иванушке-дурачку (от-

сюда, например, мотив женитьбы на Оленьке, которая выполняет функцию «царевны»), а также плутов из русских повестей XVII века. Совмещающий в себе тягу к познанию (мотив поиска Главной книги) с невежеством («Азбуку учи!» – наставляет его Никита Иваныч), сострадание с жестокостью, склонность к философствованию и любовь к вполне земным материальным благам, стремление к высокому (чего стоит только идол-пушкин) и служение низкому (работа Санитаром), Бенедикт может рассматриваться как аллегория «загадочной русской души». Книга Толстой – о нашем «вечном настоящем», поэтому «естественный человек» Бенедикт – собирательный образ рядового участника великих исторических событий (в романе это переворот, возглавляемый Кудеяровым). Недалекий, но наделенный тягой к знанию и более тонкой душевной организацией по сравнению с другими «голубчиками», Бенедикт не раз попадает в ситуацию нравственного выбора. Но, в отличие от «положительно-прекрасных» героев Пушкина и Толстого, все время делает выбор неправильный, хотя и без очевидного злого умысла: вступает в союз с Кудеяровым из-за любви к Оленьке, становится Санитаром из-за любви к книге, наконец, предаст Никиту Иваныча из-за любви к искусству. Лишь в последних строках романа остается слабая надежда на духовное прозрение Бенедикта, оставленного «воспарившими» Преподобными наедине со своей совестью. Образ центрального персонажа «Кыси» синтезирует и доводит до абсурда черты «героя из народа», наделяя Бенедикта противоречивыми качествами, в гиперболизированном виде характеризующими национальный русский характер: логоцентризм, тонкая душевная организация, стремление к трансцендентному, тяга к познанию – и в то же время лень, жестокость, подострастие перед властью имущими, духовная слепота достигшего властной верхушки. Толстая показывает, как зачастую ход истории, решение исторического кризиса в ту или иную сторону зависит от людей, не имеющих крепкой духовной основы, делающих нравственный выбор вслепую или руководствуясь неправильно понятыми идеологическими установками.

Современные российские писатели-постмодернисты в произведениях, относимых нами к тематической группе историографической метапрозы, создают деконструированные, гибридизированные, «мерцающие» образы исторических

лиц, имеющих реальные прототипы, либо описывают значимые исторические события глазами вымышленных персонажей. И в том, и в другом случае авторы преследуют цель абсурдизировать историческую ситуацию, лежащую в основе сюжета (или сделать ее предельно обобщенной, как Т. Толстая), вскрыть общие закономерности и механизмы действия отечественной истории, показать фантазмагорическую изнанку исторического процесса.

Примечания

¹ Ассоциация с образом Вертинского возникает, вероятнее всего, в эпизоде игры Чапаева на рояле. Возможно, эта ситуация в романе Пелевина выросла из эпизода в фильме «Чапаев», где белый офицер исполняет «Лунную сонату» Бетховена.

Библиографический список

1. Варфоломеев И.П. Типологические основы жанров исторической романистики. – Таш-

кент: Изд-во «ФАН» Узбекской ССР, 1979.

2. Добренко Е. Соцреализм в поисках «исторического прошлого» // Вопросы литературы. – 1997. – № 1. – С. 26–57.

3. Курицын В. Русский литературный постмодернизм // <http://www.guelman.ru/slava/index.html>.

4. Парамонов Б. Русская история наконец оправдала себя в литературе // <http://www.guelman.ru/slava/nrk/nrk6/11.html>.

5. Пелевин В.О. Чапаев и Пустота: Роман. – М.: Эксмо, 2005.

6. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. – СПб.: Невский Простор, 2001.

7. Тамарченко Н.Д. «Капитанская дочка» и судьбы исторического романа в России // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1999. – Т. 58. – №2. – С. 44–53.

8. Толстая Т.Н. Кысь. – М.: Подкова, 2002.

9. Шаров В. До и во время. – М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2005.

В.Н. Бабаян

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ-НЕПОНИМАНИЯ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ*

Преамбула. Одним из основных аспектов в процессе коммуникативного акта является проблема понимания – непонимания друг друга активными членами (диалогического) речевого обмена. Эта проблема является довольно сложной и изучается такими дисциплинами, как лингвистика, психология общения, риторика, социология, психолингвистика и др. Исследуя проблему понимания – непонимания, следует говорить и о вытекающей из неё успешности или неуспешности, т.е. «коммуникативном сбое» в процессе общения. Цель настоящей работы – провести обзор различных подходов исследователей к исследованию проблемы понимания – непонимания в процессе речевого взаимодействия.

Любой акт языкового общения обязательно предполагает нормальное восприятие речи со стороны его участников, то есть понимание речи. В этом случае, как подчеркивает В.В. Красных, можно говорить об успешной коммуникации. Успешная коммуникация, по мнению В.В. Красных, это адекватная коммуникация, при которой достигается более или менее полное, но обязательно достаточное, с точки зрения коммуникантов, взаимопонимание» [6, с. 172–173]. Вслед за Г.О. Винокуром в настоящей работе принимается определение понимания «как такого акта, в котором мы познаем внутреннее из знаков, являющихся вне-

шним выражением этого внутреннего» [4, с. 24]. Но в пределах нормального восприятия понимание речи может отличаться меньшей или большей глубиной и точностью, то есть менее или более адекватно соответствовать тому содержанию высказывания, которое вкладывает в него говорящий.

Проблема понимания – непонимания в процессе речевого взаимодействия привлекала внимание ученых различных областей науки: философов, психологов, социологов, психолингвистов, лингвистов (А.А. Брудный, Г.О. Винокур, В.И. Жельвис, В.И. Карасик, В.В. Красных, О.А. Леонтович, А.Р. Лурия, М.Л. Макаров, И.Ю. Марковина, З.Д. Попова,

* Статья принята к публикации в 2006 году.

И.А. Стернин, Ю.А. Сорокин, Г.Г. Слышкин, Е.Ф. Тарасов и др.). Такая попытка была предпринята А. Шаффом [10, с. 159], который опирается на представление о человеке как социально-историческом продукте общества.

Каждый индивид, присваивая в процессе социализации культуру общества, создает основу для понимания речи как других индивидов, так и другими людьми своей речи. Эта необходимая степень подобия, возникающая как следствие формирования личности обществом, и есть основа для взаимопонимания. А. Шафф пишет, что «человек, человеческая личность является общественным продуктом как с точки зрения своей физической эволюции, так и психической...». И А. Шафф подчеркивает, что как нет таинственного в «подобии организмов», так нет ничего таинственного и в «подобии интеллектов» или «подобии сознания».

Заслуживает внимание тот факт, что центральное место в социализации личности занимают её деятельности, формирование навыков осуществления этих деятельностей и само их осуществление — это те процессы, которые определяют необходимые для усвоения фрагменты культуры, и одновременно это те процессы, в ходе которых эти фрагменты усваиваются. Формирование психики личности осуществляется в процессе осознания личностью своих общественных связей с другими людьми, то есть как осознание своих взаимодействий с другими людьми [1], так как для конкретной личности её общественные связи осознаются и реализуются как взаимодействия.

Таким образом, формирование психики личности и, следовательно, формирование «подобия интеллектов» — основы взаимопонимания в речевом общении — происходит в форме интериоризации социально-исторического опыта конкретной лингвокультуры. При этом формирование психики личности однозначно детерминировано обществом в том смысле, что для индивида определённого общества нет иного пути стать личностью, как интериоризовать социально-исторический опыт этого общества. Следовательно, формирование психики личности и формирование «подобия интеллектов» не зависит от произвола личности в том смысле, что её произвол ограничен рамками культуры общества.

Члены одной лингвокультуры понимают друг друга, потому что они обладают идентичным в определенных пределах опытом и, следовательно,

«подобием интеллектов». Однако следует отметить, что степень взаимопонимания у различных членов лингвокультуры различна. И для решения проблемы взаимопонимания с необходимой для лингвистики степенью детализации следует спуститься на более низкий уровень абстракции, на уровень конкретных деятельностей личности, так как именно совокупность деятельностей, которые личность может исполнить, определяет размер фрагмента культуры, усвоенного личностью, и потенциальное «подобие интеллектов». П.Н. Лебедев считает, что в любом конкретном лингвистическом анализе взаимопонимания коммуникантов речь может идти только о частичной личности, усвоившей только часть совокупной культуры общества [7].

Таким образом, становится необходимым привлечение понятия «ролевой репертуар личности», который описывает через деятельность коммуникантов степень «подобия их интеллектов».

Так как фрагмент культуры общества усваивается личностью только в процессе ее деятельностей, то ролевой репертуар личности есть номенклатура ее деятельностей и является индикатором ее культурных знаний, и подобие ролевых репертуаров коммуникантов есть подобие их интеллектов.

А.А. Брудный, плодотворно занимающийся проблемами смыслового восприятия речевого сообщения, считает, что для понимания текста требуется не только знание языка, на котором текст составлен, но и определенный набор взаимосвязанных сведений, касающихся содержания текста. Можно обосновать гипотезу, в соответствии с которой структура и семантика текста образуют как бы одну часть сложного механизма, другая часть которого содержится в сознании и памяти индивида, воспринимающего текст. Когда два этих различных компонента вступают во взаимодействие, и происходит, по мнению исследователя, процесс восприятия и понимания текста [3].

В речи языковой знак презентует не всё содержание, которое он вызывает при восприятии в мозгу адресанта и адресата, а только общее для коммуникантов значение языкового знака — некоторое содержание, представляющее смыслы этого знака у общающихся. В другой своей работе А.А. Брудный (1974) эту мысль выражает, подчеркивая интересубъективный характер значения. По его мнению, интересубъективное значение языкового знака — это способ «нахождения нового» в тексте путём анализа социальных знаний

личности, возбуждённых восприятием языковых знаков. То, что понимание речи — это не «извлечение» из неё некоторых сведений, а, напротив, «вложение» в неё, подтверждают случаи неоднозначного понимания речевых сообщений [2, с. 4].

К феномену неоднозначности понимания одного сообщения разными людьми можно подойти с другой точки зрения, вспомнив мысль Л.С. Выготского о том, что значение слова не присваивается человеком, а развивается у него в процессе приобщения его к культуре общества. Отсюда следует, что проблема понимания речевого сообщения не проблема лингвистики, а проблема психологии и психолингвистики.

Как считает А.Р. Лурия, психологи хорошо знают, что информация, которую человек получает от внешнего мира, не ограничивается непосредственными впечатлениями, доходящими до него от действительности. То, что достигает органов чувств, проходит затем через длинную цепь процессов, обеспечивающих сложнейший анализ получаемой информации, всестороннее отражение свойств воспринимаемого предмета, выделение его существенных признаков и включение его в соответствующую систему категорий. Только такой длительный путь, который наряду с активной деятельностью органов чувств включает и активные действия человека, и его прежний опыт, и решающе-важное участие языка, хранящего опыт поколений и позволяющего выходить за пределы непосредственно получаемой информации, и составляет процесс активного, творческого восприятия внешней действительности, и является психологической основой процесса создания субъективного образа объективного мира, иначе говоря, психологической основой процесса отражения [8].

Весьма показателен подзаголовок книги Дж. Брунера (1977) — «За пределами непосредственной информации». Этим подчеркивается тот факт, что основной процесс восприятия — анализ непосредственно воспринятой информации — осуществляется в сознании человека в ходе соотношения этой информации с его социальными знаниями.

Следует отметить, что для понимания текста коммуниканту нужен контекст, нужно иметь представление об адресате, его целях и мотивах, об условиях (социальных и физических) продуцирования текста и т.д. Эта информация извлекается из текста его потребителем, так как в самом тексте отображены процесс и структура общения.

Процесс коммуникации характеризуется динамичностью и неоднородностью, которые проявляются в том, что в процессе одного акта общения коммуниканты могут менять язык, стиль речи, тональность общения.

В конкретном акте общения коммуниканты взаимодействуют как социальные типы, привносящие в этот акт социальные свойства, сложившиеся в результате социальной практики в других актах общения. Социальные отношения, связывающие отдельный акт общения с социальной структурой всего общества, виртуально представлены в социальных характеристиках, которые актуально реализуются в речевых и неречевых действиях. Е.Ф. Тарасов говорит о том, что в социальных характеристиках коммуникантов следует различать актуальные и потенциальные детерминаторы — актуальные, которые обуславливают речевые действия в конкретном акте общения и генетически восходят именно к этому типу коммуникативных актов, и потенциальные, которые генетически восходят к иным типам актов общения, но могут модифицировать действие актуальных детерминаторов [9].

Говоря о проблеме понимания — непонимания в речевом (диалогическом) общении, представляется необходимым упомянуть и о таком взаимопонимании коммуникантов, которое часто называют *пониманием с полуслова*, когда, как писал В.М. Бехтерев, «один какой-нибудь, часто даже несущественный, а иногда и крайне преобразованный признак или часть предмета, явления или вообще, действия или движения становится знаком, или символом, вызывающим реакцию, равнозначную с реакцией, вызываемой целым предметом, явлением, действием или движением» [цит. по 6, с. 174]. Как справедливо отмечают И.Н. Горелов и К.Ф. Седов, «чем ближе социальный опыт, тем легче люди понимают друг друга. Обычно идеальное взаимопонимание с полуслова бывает у хороших, давно знающих друг друга товарищей, у супругов с многолетним стажем совместной жизни» [5, с. 141].

Итак, анализируя работы различных исследователей по проблеме понимания — непонимания в речевом (диалогическом) коммуникативном акте, приходим к выводу о том, что степень понимания — непонимания коммуникантами друг друга зависит от целого комплекса различных факторов, и сам феномен понимания может быть представлен в следующих его видах: *полное (идеаль-*

ное) понимание, частичное (или неполное) понимание, полное непонимание (или нулевое понимание). В последнем случае – *полном непонимании* (или *нулевом понимании*) – можем говорить о неуспешном виде (типе) коммуникации.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А. К проблеме социальной обусловленности психического // Вопросы философии. – 1970. – №6.
2. Брудный А.А. К проблеме понимания текста // Исследование речемыслительной деятельности. – Алма-Ата, 1974.
3. Брудный А.А. Понимание как философско-психологическая проблема // Вопросы философии. – 1975. – №10.
4. Винокур Г.О. Критика поэтического текста. –

М., 1927.

5. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. Учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Лабиринт, 2001.

6. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001.

7. Лебедев П.Н. Социализация индивида и воспроизводство общества // Человек и общество. Проблемы социализации индивида. – Л., 1971.

8. Лурия А.Р. Речь и мышление: Материалы к курсу лекций по общей психологии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – Вып. IV.

9. Тарасов Е.Ф. Билингвизм: социолингвистический аспект // Методы билингвистических исследований. – М., 1976.

10. Шафф А. Введение в семантику. – М., 1963.

Л.С. Барышева

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ СТИЛИСТИКИ ЯЗЫКА, СТИЛИСТИКИ РЕЧИ, СТИЛИСТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТРУДАХ АКАДЕМИКА В.В. ВИНОГРАДОВА

В современном языкознании нет однозначного понимания термина «стилистика». По словам академика В.В. Виноградова, проблема определения понятия стилистики связана прежде всего с «...теми внешними и внутренними противоречиями, которые создаются многозначностью слова *стиль* и которые ведут к смешению содержания связанных с этим словом разных понятий...» [9, с. 3]. Существует «...недостаточная определенность содержания основных понятий и границ разных типов стилистики» [11, с. 105].

Упорядочение терминологии в области стилистики облегчает научное и учебное общение. Поэтому выяснение вопроса о предмете, содержании и задачах стилистики важно для осознания стилистической терминологии и использования ее в процессе лингвистического обучения.

В.В. Виноградов обстоятельно описывает принципы стилистики как самостоятельной лингвистической дисциплины, выясняет ее связи и соотношения со смежными сферами филологии (с теорией поэтической речи, с поэтикой). Однако общего определения понятия стилистики в исследованных работах В.В. Виноградова не дает.

В стилистике, по мнению В.В. Виноградова, следует различать «три разных круга исследова-

ний»: 1) «стилистику языка» как «систему систем» или «структурную стилистику»; 2) «стилистику речи», т.е. учение о композиционных типах речи; 3) «стилистику художественной литературы», к которой примыкают теория и история поэтической речи.

Несмотря на то, что разные типы стилистики соприкасаются, пересекаются и соотносятся друг с другом, каждый из них имеет свой объект описания, предмет изучения, свою проблематику, свои задачи, критерии и категории. В.В. Виноградов, устанавливая границы между разными типами стилистики, сначала сравнивает «стилистику языка» со «стилистикой речи», затем обе эти стилистики со «стилистикой художественной литературы».

Согласно концепции В.В. Виноградова, необходимо указать «хотя бы наиболее резкие и важные различия между содержанием и задачами стилистики языка и стилистики речи – при их внутренней взаимосвязанности» [7, с. 13].

Различая стили языка и стили речи, ученый выделяет, прежде всего, «стилистику языка» и «стилистику речи».

Объектом описания «*стилистики языка*» являются сами стили языка. Следует напомнить, что, по В.В. Виноградову, стилями языка являются

функционально соотнесенные частные системы языковых средств. «Стилистика языка или структурная стилистика... изучает в функциональном плане соотносительные стили языка в их синонимических связях и противопоставлениях – с парадигматической, синтагматической и лексико-фразеологической точек зрения» [11, с. 162].

Предметом «стилистики языка» является исследование: 1) структурных особенностей функциональных стилей языка; 2) видов соотношений стилей языка; 3) стилистических свойств языковых средств в зависимости от конкретных условий их использования; 4) общих закономерностей развития стилей.

Под структурными особенностями функциональных стилей языка следует понимать вариативное использование слов с разнообразной функционально-речевой и экспрессивно-смысловой окраской, словосочетаний, синтаксических конструкций. Иными словами можно сказать, что в стилистике языка изучаются стилистические возможности, заложенные в структуре языка. Так, например, В.В. Виноградов пишет о том, что «стилистика общенародного национального языка охватывает все стороны языка – его звуковой строй, грамматику, словарь и фразеологию». Стилистика языка рассматривает «соответствующие языковые явления... с точки зрения функциональной дифференциации, соотношения, взаимодействия близких соотносительных, параллельных или синонимических средств выражения более или менее однородного значения...» [11, с. 15].

Характер соотношений стилей языка и их состав различны в ту или иную эпоху развития общенародного языка. Число стилей, складывающихся в определенную эпоху в каждом национальном литературном языке, зависит от характера взаимодействия между типами народно-разговорной и письменно-книжной речи.

Вопрос о стилистических свойствах языковых средств связан с проблемой экспрессивных оттенков. Языковые элементы (лексические, грамматические, синтаксические) «объединяются в некоторые совокупности, в некоторые устойчивые экспрессивно-стилистические ряды внутри языковой системы в силу однородности экспрессии, а также сходного отношения к единой норме общенародного языка и к сложившейся традиции их функционально-ограниченного употребления» [11, с. 16].

Вопрос об общих закономерностях развития стилей языка пересекается с проблемой развития и нормализации литературного языка [об

этом см.: 3, с. 306]. «Стилистика в своих исследованиях исходит из этих (имеется в виду «общественно-языковых». – Л.Б.) норм, из оценки их живых вариаций и, следовательно, базируется на материале и результатах описательной фонетики, грамматики и лексикологии» [11, с. 14].

Задачей «стилистики языка» является выявление «связей и отношений языковых элементов однородной стилистической окраски», опирающихся на «свойства функционального использования языковых средств в многообразии видов общественно-речевой практики» [2, с. 67–68].

О «стилистике языка» как структурной стилистике говорится следующее: «Стилистика языка, или структурная стилистика, описывает, квалифицирует и объясняет взаимоотношения, связи и взаимодействия разных соотносительных частных систем форм, слов, рядов слов и конструкций внутри единой структуры языка как «системы систем». Она изучает исторически изменяющиеся тенденции или виды соотношений стилей языка, характеризующихся комплексом типичных признаков» [9, с. 21].

«Стилистика языка» является основой «*стилистики речи*».

В стилистике речи, по словам В.В. Виноградова, следует выделять шесть объектов или планов изучения: 1) «...массовую коммуникацию и её жанры»; 2) «...ограниченную и “персональную” коммуникацию в её основных общественно-речевых разновидностях»; 3) «социально-типовые, в том числе и профессионально-производственные, стили речи»; 4) «композиционные системы главных жанров или конструктивных разновидностей общественной речи – устно-разговорной и письменной»; 5) «индивидуальное речетворчество и речеупотребление, его тенденции и его отражения и отклонения в системе языка»; 6) «типические способы проявления в речи внутренних свойств общественной личности и основные типы речевых структур национальных и социально-групповых характеров» [9, с. 202].

Под массовой коммуникацией В.В. Виноградов понимает сложные формы социально-стилевого речевого общения разных групп и слоев общества.

Персональная коммуникация отражает типичные композиционные формы индивидуально-речевого общения.

«Социально-типовые, в том числе и профессионально-производственные, стили речи» следует рассматривать как способы употребления языка и его стилей в разных композиционных си-

стемах, вызванных или кодифицированных общественной практикой – социально-групповой, производственно-профессиональной. К таким системам В.В. Виноградов относит, например, доклад, лекцию, заявление и пресс-конференцию, беседу, консультацию и т.п.

Исследование «композиционных систем главных жанров или конструктивных разновидностей общественной речи» связано с изучением разных видов монологической и диалогической речи. «При таком исследовании раскрываются и общие конструктивные свойства монолога и диалога, и стилистические различия между разными их композиционными типами» [8, с. 14].

«Индивидуальное речетворчество и речупотребление» соотносятся с проблемой индивидуально-стилистических своеобразий в формах и приемах речевого словоупотребления, речевых конструкций.

Многообразные формы социально-групповой речи благодаря сложившимся в обществе критериям, нормативным основам национальной литературной речи относятся к более или менее определенным социально-характеристическим типам личностей.

Предметом изучения в стилистике речи является выделение новых принципов сочетаемости языковых и речевых единиц, обнаружение «специфических речевых единиц и определение типовых композиционных их объединений как структурных элементов и форм в разных жанрах общественно-речевой практики» [9, с. 202]. Способы употребления языка в различных монологических и диалогических видах также являются предметом изучения «стилистики речи».

Задачей стилистики речи является изучение семантических различий между жанрами устной и письменной речи, видов монолога (например, лирического, повествующего, драматического) и диалога (структуры реплик).

Не только предмет, но и задачи у стилистики языка и стилистики речи разные. В первом случае – это описание структурных особенностей функционально соотнесенных частных систем языковых средств, во втором – анализ особенностей функционирования частных систем языковых средств в конкретных условиях их использования, связанных с теми или иными жанрами, формами, видами устной и письменной речи.

В.В. Виноградовым поднимается проблема соотношения стилистики строя языка и стилисти-

ки его употребления. У стилистики языка – описательный, «структурный», у стилистики речи – функциональный характер изучения единиц языка-речи. Сходство разных стилистик заключается в обнаружении экспрессивно-смысловой окраски слов или сочетаний слов, – с одной стороны, и «жанров или видов речи», – с другой [9, с. 15; 11, с. 23–24]. Понятия стилистики языка и стилистики речи находятся в отношениях взаимообусловленности. В.В. Виноградов об этом пишет следующим образом: «Стилистика речи базируется на стилистике языка. Языковая система не только «порождает» речь, не только сдерживает ее поток в известных берегах и пределах, но и питается ею, применяется под ее сильным воздействием» [11, с. 31].

Стилистика художественной литературы, которую В.В. Виноградов называет также «наукой о языке художественной литературы», основывается на стилистике языка и стилистике речи [см. об этом.: 11, с. 84]. Материалом стилистики художественной литературы являются те же единицы, что и единицы стилистики языка и стилистики речи. Языковые единицы и речевые образования, свойственные стилистике языка и стилистике речи, подчиняются «художественно-эстетическому заданию» и получают новое «смысловое приращение» [об этом см.: 11, с. 84].

В области стилистики художественной литературы В.В. Виноградовым разграничиваются понятия литературоведческой стилистики и лингвистической стилистики. По его мнению, изучение языка художественной литературы должно проходить в рамках науки о языке: «Основанная на лингвистических принципах стилистика художественной литературы изучает законы построения и развития стилей литературного искусства в их отношении к стилям литературного языка и народной речи» [9, с. 184].

Объектом исследования стилистики художественной литературы является система литературы в ее основных стилистических формах и их жанровых разновидностях, система индивидуально-художественных стилей, стилей школ, направлений.

Предметом исследования стилистики художественной литературы, в рассматриваемых работах В.В. Виноградова, являются: 1) все речевые элементы стиля художественного произведения, стиля писателя, стиля литературного направления и т.д., т.е. способы индивидуального или канонизированного целой писательской школой применения разнообразных средств общего языка в струк-

туре литературы [9, с. 75]; 2) закономерности развития различных жанров и разных литературных направлений; 3) соотношение законов и норм литературного языка со стилями литературного языка; 4) исторические изменения в самом понятии словесно-художественного стиля и истории литературы, в применении его к структуре литературы в разные периоды; 5) «образная система» литературного произведения; 6) «социально-идеологические взгляды на отношение писателя, его художественной системы к письменнo-литературному и народно-разговорному языку в их разновидностях и взаимодействиях» [5, с. 417].

Лингвистическая стилистика занимается «анализом самой словесной ткани литературного произведения» [9, с. 125]. Лингвистический анализ художественного произведения включает два различных аспекта его изучения. Первый аспект изучения произведения – это анализ лексико-фразеологического состава и приемов синтаксического организации литературного произведения. «Раскрытие системы речевых средств» предполагает выявление внутренних мотивов использования автором в произведении народно-областных говоров, жаргонов, разных профессиональных, социально-групповых арг, разных стилевых пластов лексики. Вторым аспектом анализа произведения является «исследование стиля литературного произведения как целостного словесно-художественного единства, как особого типа стиливой словесной структуры» [1, с. 15]. Формы и функции одних и тех же «стилистических явлений» зависят от структуры художественного произведения, его композиции, изображаемых характеров. При анализе художественного произведения изучаются принципы расположения слов, правила и стилистические функции их синтаксических соединений, приемы сцеплений и сопоставление синтаксических целых.

Исторический аспект изучения языка литературы поможет извлечь представление о системе стилей того или иного периода развития языка, о «формах отношений языка художественной литературы к другим разновидностям письменнo-литературной и народно-разговорной речи» [5, с. 417].

Нормативный аспект изучения языка художественной литературы позволяет увидеть, насколько словарь языка художественной литературы шире, стилистически и диалектологически разнообразнее лексической системы литературного словаря. Вопросы об объеме понятий языка ху-

дожественной литературы и литературного языка рассматриваются в этом аспекте.

«Индивидуальный стиль», по мнению В.В. Виноградова, это «система индивидуально-эстетического использования, свойственных данному периоду развития художественной литературы средств словесного выражения» [9, с. 126]. Из этого определения видно, что стилистическая система писателя – это категория историческая.

После изучения приемов и принципов построения словесных образов можно обнаружить «резкое различие в стилистических системах разных индивидуальных стилей, стилей разных литературных объединений и направлений» [9, с. 91].

При исследовании языка художественного произведения важно учитывать идеологическую позицию автора, так как «состав языковых и речевых средств в структуре произведений зависит от характера отношения к нему автора» [5, с. 410].

Задача стилистики художественной литературы или «науки о языке художественной литературы» – это «выяснение новых смысловых наслоений, преобразующих и обогащающих семантический строй общенародных слов, выражений, конструкций, композиционных систем речи» [9, с. 25].

Эстетичность признается как наиболее существенное свойство, характеризующее понятие стилистики художественной литературы. В эстетически организованном словесном тексте литературного произведения заложена та специфика литературы, на базе которой достигается диалектическое единство двух факторов литературы: материала (языка) и замысла (идеи). В стилистике художественной речи обнаружение экспрессивной окраски общественно-бытовой речи необходимо прежде всего для «решения литературно-эстетических задач» [см. об этом: 11, с. 91].

Отношения между стилистикой языка и стилистикой речи, с одной стороны, и стилистикой художественной литературы, с другой, идентичны отношениям между первыми двумя стилистическими. «Явления стилистики языка и стилистики речи, попадая в литературу, подчиняются художественно-эстетическому заданию и оказываются обусловленными структурой литературной композиции» [11, с. 86]. Признавая «язык художественной литературы» одним из функциональных стилей, В.В. Виноградов, однако, делает оговорку: «Язык национальной художественной литературы не вполне соотносителен с другими стилями, типами или разновидностями книжно-ли-

тературной и народно-разговорной речи» [4, с. 85]. Круг вопросов, принадлежащих «стилистике художественной литературы», отделяется в большей степени от двух остальных кругов исследования – «стилистики языка» и «стилистики речи».

Определив объект, предмет и задачи у разных стилистик, можно сказать, что все три термина («стилистика языка», «стилистика речи», «стилистика художественной литературы») используются для обозначения учения о стилях языка, стилях речи, стилях художественной литературы. Взаимосвязанность трех стилистик подчеркивается В.В. Виноградовым в следующем высказывании: «Для того, чтобы выяснить и описать литературно-художественный стиль, необходимо знать соответствующий язык с его стилями и основанную на нем речевую деятельность данной эпохи» [9, с. 199].

Вследствие взаимосвязанности и соотносительности трех типов стилистик, понятия «стилистики языка», «стилистики речи», «стилистики художественной литературы» являются видовыми понятиями общего родового понятия стилистики.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. – 1954. – №5.

2. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. – 1955. – №1.

3. Виноградов В.В. Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы // Вопросы языкознания. – 1955. – №4.

4. Виноградов В.В. Заметки о языке художественных произведений // Вопросы культуры речи. – М., 1955. – Вып. 1.

5. Виноградов В.В. Общие проблемы и задачи изучения языка русской художественной литературы // Известия академии наук СССР, ОЛЯ. Т. XVI. – 1957. – Вып. 5.

6. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М., 1959.

7. Виноградов В.В. Проблема авторства и теории стилей. – М., 1961.

8. Виноградов В.В. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры // Вопросы языкознания. – 1961. – №4.

9. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963.

10. Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М., 1978.

11. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М., 1981.

В.Н. Беляева

ЛЕКСИКА С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «СВЕТ» КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Преамбула. *Различные аспекты лингвистических исследований рассматриваются применительно к избранной области лексической системы языка, в качестве которой выступает массив слов с инвариантом «свет». Обзор позволяет представить эволюцию взглядов на вопросы семантики, а также многообразие функций феномена света в культуре.*

На сегодняшний день сложилось мнение, что наиболее существенным результатом противоречивого, многовекторного развития языкознания XX века стало утверждение «приоритетного положения идеи системности и антропоцентризма в изучении языка», с чем связан повышенный интерес «к поиску следов деятельности человека, проявляющихся во всех языковых сферах и категориях» [9, с. 8]. В настоящей статье делается попытка показать множество подходов к анализу одного и того же лексического материала – слов с семантическим компонентом «свет», – которые раскрывают разные стороны изучаемого объекта, в том числе позволяют судить о значении феномена *свет* в культуре.

В лингвистических работах тема «света» отражена в разнообразных интерпретациях, среди которых прослеживаются следующие тенденции:

1) изучение слов с компонентом «свет» в составе лексических объединений, репрезентирующих представления о цвете, т.е. цветообозначений или колоративов (с чем и связано появление определения «*светообозначения*»);

2) изучение цвето- и светообозначений, функционирующих в текстах художественной литературы;

3) изучение слов с семантическим инвариантом «свет» (нередко в сочетаниях значений: «свет» и «цвет», «свет» и «темнота») в качестве лексического массива, отражающего определен-

ный фрагмент картины мира – на материале фактов общенационального языка.

Свет и цвет тесно взаимосвязаны между собой как две стороны одного физического явления (распространение лучистой энергии в пространстве). В то же время, представляя собой «древнейшую реальность человеческого бытия», свет и цвет служат ориентиром в окружающей действительности, гармонизируют связи человека с миром. Природные характеристики света (чувственная воспринимаемость, яркость и др.), а также универсальная черта человеческого общения, связанная с видением, относятся к числу значимых предпосылок вовлечения феноменов света и цвета в систему культуры [2, с. 49, 50].

В отечественной и зарубежной лингвистике насчитывается большое количество работ, посвященных вопросам цветообозначений, чуть в меньшей степени это характерно для изучения светообозначений (см. обзор литературы в [1; 2]). Кроме лингвистической сложились также психологическая, эстетическая и культурно-антропологическая традиции изучения цвето- и светообозначений, в результате, как пишет Р.М. Фрумкина, «данному фрагменту лексики был придан особый статус, сопоставимый, пожалуй, лишь со статусом терминов родства» [15, с. 4]. Как показывает анализ теоретической литературы исследователями признается особая значимость цвето- и светообозначений в языке (ср. названные работы, а также [5]).

Вполне закономерно, как 50 лет назад, так и сегодня мощным стимулом для развития лингвистического анализа остается выразительность световых и цветовых образов в художественной литературе. Свет и цвет, воплотившиеся в поэтическом слове, создают неповторимую красочную ткань литературного произведения, причем каждому автору присуща только своя, особенная «палитра». Большинство лингвистических работ, выполненных в этом русле направлены на исследование цвето- и светообозначений в качестве характеристики языка писателя. Таким образом был описан цвет в пейзажах К. Паустовского [11], колорит произведений Ф. М. Достоевского [14], свет и колорит в художественном мире В.Ф. Одоевского [7].

В работе О.А. Богдановой цвето- и светообозначения впервые становятся объектом комплексного исследования, которое представляет собой коммуникативно-прагматический анализ функ-

ционирования цвето- и светообозначений в художественном тексте [2]. Раскрывая особенности семантики цвето- и светообозначений, автор отмечает следующее: «В результате контекстуального взаимодействия с элементами разных языковых уровней цвето- и светообозначения получают в дополнение к своему основному значению семантические «приращения», обуславливающие их поэтический смысл. Благодаря данному обстоятельству обозначения света и цвета становятся своеобразным «средоточием значимости», семантико-прагматическим центром, при помощи которого автор осуществляет акцентирование наиболее значимой художественной информации в структуре текстового целого» [2, с. 65].

По мнению О.А. Богдановой, кроме вышеперечисленных *природных и социально-культурных* предпосылок одним из важнейших факторов лингвистического изучения цвето- и светообозначений является субъективный характер эмоционально-эстетического воздействия света и цвета на конкретного человека. «В отличие от аксиологического характера природного явления ценность цвето- и светообозначений в структуре художественного текста – это ценность, возникающая в процессе коммуникативного взаимодействия автора и читателя» [2, с. 52]. Данный тезис можно считать наиболее общим выводом цитируемого исследования, который проецируется и на другие примеры изучения лексики со световой семантикой в системе авторской творческой символики.

Изучение **полевых структур**, образованных совокупностью номинаций с компонентом «свет» («цвет»), которые встречаются в текстах литературных произведений, представляет собой обособленное направление. Подобный ракурс исследования предполагает анализ языковых средств, обеспечивающих отражение определенной *понятийной сферы* [5; 6; 8; 10]. Однако необходимо учитывать, что здесь исследователи имеют дело с «фиксированным объектом, определяемым кругом произведений, созданных автором», и в результате получается описание поэтической картины мира отдельного писателя [9, с. 16].

Вместе с тем, выбор лексики с семантическим компонентом «свет» в качестве фактического материала исследования оправдан и «при обращении к некоторому фрагменту мира, зафиксированному средствами общенационального языка и ставшему достоянием всего обще-

ства» [9]. В силу того, что изучение массива световозначений соотносится с задачами структурно-семантического подхода, а также легко ложится на схемы психолингвистического и концептуального анализа, эти направления представлены рядом лингвистических работ на тему «цвета и света». «Популярность» этой темы в кругу филологов, в частности – исследователей семантики, имеет следующие основания:

Во-первых, цвето- и световозначения, выраженные прилагательными (анализируемые в большинстве исследований), образуют не просто произвольную выборку, но класс слов с однозначно определяемым инвариантом, который поддается классификации по разным принципам. В этом случае выбор «контекста класса» в качестве предмета исследования [16, с. 398] влечет за собой выстраивание последовательной методики и определяет принципы отбора и анализа материала.

Во-вторых, световозначения и цветообозначения в своей совокупности составляют один из самых употребительных и высокочастотных массивов в лексической системе [1; 15]. Поэтому наиболее продуктивной оказалась идея построения лексико-семантического поля *света и цвета*. В рамках структурно-семантического подхода были изучены и систематизированы конституенты семантических полей со значением «свет» и «цвет» (Пелевина, 1971), а также описано словообразовательное гнездо лексемы «свет» как микросистема (Кеворкова 1985).

В последние 10–15 лет появились исследования поля *света и тьмы* [3; 5]. В них, с одной стороны, прослеживается преемственность, что проявляется в стремлении представить поле «света» и «тьмы» как некую систему, с другой стороны, новые работы содержат в себе выводы, отвечающие запросам актуального на сегодняшний день антропоцентрического ракурса лингвистических исследований.

Так, в работе О.Г. Скворцова делается попытка исследовать конкретные и абстрактные значения компонентов лексико-семантического поля понятий «свет» и «темнота» в английском языке, которые подразделяются на три группы (модели): «свет физический», «интеллект», «эмоции». При анализе этимологии английских слов с семантикой «свет» и «тьма» автором выявлены значения, связанные с понятием «свет»: «интеллект», «эмоции», «зрение», «цвет», «тепло», «источник све-

та», «бог», «слава», – и с понятием «тьма»: «интеллект», «эмоции», «зрение», «цвет», «укрытие», «смерть», «тьма», «дух». Как отмечает Т.В. Григорьева, в данной работе «можно увидеть элементы когнитивного анализа понятий «свет» и «темнота», позволяющие проследить процесс формирования метафорического мира света и тьмы в английском языковом сознании (хотя автор подобной когнитивной задачи перед собой не ставит)» [4, с. 7].

Когнитивный подход реализуется в работах О.М. Воеводской, основу которых составляет метод построения лексико-грамматического поля ключевого слова [3]. Рассматривая семантемы лексем *свет/тьма* в русском и их эквивалентов в английском языке, О.М. Воеводская обнаружила, что по разным семемам одной лексемы образуются разные деривационные ряды и различающиеся наборы падежных и сложно-падежных словоформ в парадигме склонения. Основным результатом проведенного анализа в том, что «учет деривационных и морфологических производных, которые дает одна и та же лексема по разным семемам, позволяет глубже осмыслить набор признаков означаемого ею концепта» [13, с. 129].

Исследование Е.В. Недельчо, посвященное описанию пословиц и поговорок русского языка с компонентами цвето- и световозначения, продолжает ряд вышеназванных работ в том плане, что оно ориентировано на реконструкцию «нередко утраченного концептуального содержания, включающего как национально-культурный компонент, так и “универсальные элементы человеческого опыта”» [12, с. 3–4]. Автор исходит из тезиса о значимости паремий как ценного источника сведений о культуре и менталитете народа, а также подтверждает сложившиеся суждения об особом статусе цвето- и светонимов, которые, в частности, в фольклорных микротекстах выполняют важную семантическую и эмоционально-экспрессивную нагрузку [12].

Содержание «концепта света» получило наиболее полное толкование с позиций когнитивной лингвистики в диссертации Т.В. Григорьевой, где концептуальное единство диады «свет ↔ тьма» имеет основополагающее значение для развития всего исследования [4]. Конкретизация предмета исследования – феномена «свет» – через «тьму», т.е. по принадлежности к аксиологической метафорической диаде, служащей в качестве своеобразного «мерила действительности» в процессах

познания и оценочной деятельности человека, сделала возможным изучение *света* в качестве **концепта**, описание его «ассоциативного пространства», образных интерпретаций явления светового излучения, представленных в текстах, а также символических значений концепта «света» [4, с. 7–12].

Подводя итоги, можно отметить, что лингвистические исследования прошлых лет, в которых представлен анализ структурно-семантических и функционально-стилистических характеристик слов со световой семантикой, содержат в себе предпосылки дальнейшего изучения данного лексического массива. В рамках антропоцентрической парадигмы современного языкознания актуальным становится описание аксиологических, культурно маркированных составляющих многообразных понятий, связанных со спецификой феномена физического *света*, которая находит отражение в языковом материале.

Примечание

¹ Е.В. Недельчо цитирует здесь высказывание А. Вежбицкой в работе: *Вежбицкая А. Язык, Культура, Познание*. Пер. с англ. / Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1997. – С. 283.

Библиографический список

1. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1978. – 288 с.
2. Богданова О.А. Цвето- и цветообозначения как одна из форм прагматического фокусирования в структуре художественного текста: на материале прозы Г. Грасса: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2000. – 197 с.
3. Воеводская О.М. Лексико-семантическое поле в лексиконе языка: (на материале поля *свет-тьма* в русском и английском языках): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1999. – 23 с.
4. Григорьева Т.В. Семантическая интерпретация концептов «свет» и «тьма» в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004. – 253 с.
5. Губенко Е.В. Лексико-семантическое поле цвета и света в лирике Б.Л. Пастернака: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГЛУ, 1999. – 21 с.
6. Карташова Ю.А. Функционально-семантическое цвето-световое поле в лирике И. Северянина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004. – 22 с.
7. Кожуховская Н.В. Свет и колорит в художественном мире В.Ф. Одоевского // Свет и цвет в художественном произведении: Межвуз. сб. науч. трудов. – Сыктывкар: СГУ, 1990. – С. 13–20.
8. Кондрашова О.В. Узуальная и поэтическая семантика цвето- и цветообозначений (на материале крымской лирики М. Волошина) // Лингвистические и психолингвистические основы изучения сущностей. – Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1997. – С. 71–95.
9. Кузнецов А.М. Когнитология, «антропоцентризм», «языковая картина мира» и проблемы исследования лексической семантики // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., отд. языкознания; Редкол.: Трошина Н.Н. (отв. ред.) и др. – М., 2000. – 112 с.
10. Куликова И.С. Семантико-стилистическая характеристика атрибутивных именных словосочетаний (на материале цветowych и световых прилагательных в произведениях К.Г. Паустовского и М.М. Пришвина): Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1966. – 393 с.
11. Люлько Н.П. Цвет в пейзажах К. Паустовского // Русская речь. – 1967. – № 6. – С. 33–37.
12. Недельчо Е.В. Структурно-семантическая характеристика русских паремий с компонентами цвето- и цветообозначения: Дис. ... канд. филол. наук. – Кострома, 2000. – 156 с.
13. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2003. – 191 с.
14. Соловьев С.М. Колорит произведений Ф.М. Достоевского // Достоевский и русские писатели. Традиции. Новаторство. Мастерство: Сб. ст. – М., 1971. – С. 414–446.
15. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство (аспекты психолингвистического анализа). – М.: Наука, 1984. – 176 с.
16. Шведова Н.Ю. Русский язык: Избранные работы. Росс. акад. наук; Отд-е историко-филолог. наук; Ин-т русского языка им В.В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 640 с.

Р.Ю. Блинов

ОТРАЖЕНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ВАРИАНТНОСТИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ (На материале словарей Collins COBUILD и Macmillan ALD)

Преамбула. В данной статье приводится краткий анализ тенденций в современной британской орфографии. Лексикографический анализ позволил выявить ряд динамических черт орфографии, обусловленных лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Способность к варьированию и модификации является неотъемлемой частью языка. Учение о языковой норме рассматривает лингвистическую вариантность как имманентное языковое явление, следствие языковой эволюции, контактов языков и диалектов, взаимодействия многочисленных и разнообразных внутрисистемных факторов. Предпосылки вариантности заложены как в самой внутренней системе языка, так и в конкретных исторических формах его существования, затрагивая все системы и подсистемы языка и оказывая влияние на его отдельные единицы [4].

Вариантность на уровне орфографии является наименее изученной, несмотря на очевидность наличия у многих слов английского языка нескольких графических вариантов. Причиной их появления послужил долгий и сложный путь создания всей системы английской письменности, обусловленный как общелингвистическими факторами формирования национального языка, так и некоторыми специфическими социолингвистическими обстоятельствами, при которых формировалась англоязычная система письма. Пользование заимствованным алфавитом, влияние иностранных систем письма (латинского, германского, французского), реформаторская деятельность французских писцов, их постоянное стремление к распространению принципа аналогии на написание как можно большего количества слов, а также желание сблизить написание слова с его произношением, – все это привело к появлению графических вариантов написания одних и тех же языковых единиц и, как следствие, к осознанию необходимости создания и внедрения правил орфографии. История развития английской орфографии насчитывает более 300 реформаторских проектов, которые, ввиду несовершенства системы английской орфографии и, следовательно, трудностей в ее усвоении, предполагали или усовершенствование английского алфавита, или изменение произношения ряда слов для его сближения

с написанием (spelling pronunciation), или изменение и упрощение написания слова [2].

Третье из указанных направлений является наименее изученным, однако, динамические процессы в системе современной английской орфографии очевидны, а их изучение актуально, как с теоретической точки зрения, так и с практической – для совершенствования методики преподавания английского языка, совершенствования культуры письменной коммуникации.

Целью данной статьи является анализ по двум лексикографическим источникам [5; 6] вариантных написаний в британском английском. Работа с электронными версиями данных словарей, которые являются в настоящее время наиболее полными (около 100 тыс. слов) и авторитетными лексикографическими произведениями, построенными на новейшей базе данных, позволила получить, методом неслучайной выборки, репрезентативный экспериментальный корпус, включающий все словарные единицы, которые имеют более одного графического варианта. Полученный таким образом массив данных о вариантных написаниях, зарегистрированных в каждом из словарей, был проанализирован с учетом количественных и качественных параметров, принципов лексикографической обработки (последовательность приводимых вариантов, наличие пометы или комментария и т.д.). Это позволило установить не только различия в подходах к кодификации вариантных написаний в этих двух словарях, объеме, но и определить основные причины появления вариантных написаний и локализацию варьирующегося элемента, в зависимости от его нахождения в слове. С учетом этих факторов вся совокупная выборка была разделена на 6 групп слов: 1) наличие различия в начале слова; 2) в середине слова; 3) в конце слова; 4) наличие/отсутствие написания с диакритиками; 5) написание со строчной/заглавной буквы; 6) наличие различий в написании сложных слов (слитное, полуслитное, раздельное).

Из этого деления очевидно, что причины вариантности написания слова могут быть обусловлены как его графикой (п.п. 1–4), так и собственными правилами орфографии (п.п. 5–6).

По количеству слов с вариантными написаниями, входящими в определенные группы, последние неравномерны. Так, самой малочисленной (менее 30 единиц) является 1-я группа, включающая случаи написания слов, различающихся лишь начальным элементом (e.g. *kaftan*/*kaftan*, *Quran*/*Koran*, *sissy*/*cissy*, *enquire*/*inquire*, *jibe*/*gibe*, *estrogen*/*oestrogen*, etc.).

Вторая группа слов, с различными вариантами написания в срединной позиции, включает, по данным двух словарей, около 80 слов. Их анализ показал, что появление графических вариантов в этом случае может быть обусловлено следующими причинами:

а) наличием/отсутствием гласной при добавлении суффикса к основе слова или «соединительной гласной» (e.g.: **acknowledgement** / **acknowledgment**);

б) упрощением написаний с лигатурами (e.g.: **anesthesia**/**anaesthesia**);

с) отсутствием/наличием удвоенной согласной (e.g.: **banister**/**banister**);

д) изменением срединной гласной (e.g.: **artefact**/**artifact**; **dyke**/**dike**);

е) упрощением написания корневой гласной (e.g.: **calloused**/**callused**);

ф) выпадением немой согласной (e.g.: **academe**/**achademe**; **sheikh**/**sheik**);

г) упрощением иноязычных написаний (e.g.: **licorice**/**liquorice**; **fjord**/**fiord**).

Именно на примере данной группы слов можно сделать вывод о том, что ведущей причиной появления другого варианта написания слова является стремление упростить графику иноязычного слова, устранив из его написания нетрадиционные для английской письменности графемы и их сочетания, добиваясь более «прозрачного» фонемно-графемного соответствия.

Третью группу составили слова с вариативным написанием конца слова. Всего в неё вошли более 300 слов, причем около 60% из них составили вариантные написания букв *-ize/-ise* в суффиксах глаголов. Это очень интересный феномен, который указывает на все большее распространение в британском варианте английского языка написаний с *-ize*, что раньше однозначно рассматривалось как американское влияние и часто

осуждалось. Согласно RHCWD [7], вариант с *-ise* становится в британском английском все менее распространенным, особенно в научном и официальном стилях речи. Collins COBUILD приводит в двух вариантах, например, следующие глаголы: **accessorize/accessorise**; **acclimatize/acclimatise**, **prioritize/prioritise**; **privatise/privatize**, etc. При этом интересно отметить, что при наличии определенного соответствия в регистрации вариантных написаний этой группы глаголов в двух проанализированных словарях, очевидна непоследовательность в порядке регистрации вариантов в словаре Collins (см. примеры выше), а также специфика подхода в словаре Macmillan: сначала приводится словарная единица с *-ise* (например, **privatise**) с комментарием *a BrE spelling of privatize*, а затем – полная словарная статья **privatize**, с транскрипцией, дефиницией, примером и т.д.

В эту же группу входят слова, имеющие два варианта написания конца слова: более простой, без диакритической *-e* на конце (e.g.: **adrenalin**/**adrenaline**; **cantaloup**/**cantaloupe**), или – упрощенное написание конечной согласной: **antic**/**antique**; **almanac**/**almanack**, etc. Здесь также можно проследить интересные графические тенденции. Так, суффикс латинского происхождения *-ine* был заимствован в английский язык из французского для обозначения некоторых классов существительных. Однако постепенно сфера употребления этого суффикса сузилась, и он стал применяться лишь для образования новых английских слов, обозначающих готовые вещества и препараты (*brilliantine*, *gabardine*, *glassine*, *saltine*, etc.). В химической номенклатуре он утвердился как суффикс органических соединений, прежде всего, основных (*amine*, *caffeine*, etc.), в названии некоторых химических элементов (*chlorine*, *bromine*). Однако постепенно конечная *-e*, не всегда отражаемая в произношении слов, особенно в безударном суффиксе, писаться не стала (cf. **glycerin**/'glɪsərɪn/, **acetin**/'æsətɪn/), что и привело к появлению новых графических вариантов у большого ряда слов. В химической номенклатуре была сделана попытка разграничить вариантные написания с данным суффиксом семантически: основные соединения рекомендовалось писать традиционно, с *-ine* (*amine*, *aniline*), а нейтральные соединения – с *-in* (*albumin*). Наши наблюдения над графикой подобных соединений в современной научной химической литературе на англий-

ком языке, как и словарные материалы [5; 6; 7], указывают, что подобное разделение часто не соблюдается, и написание с *-in* быстро распространяется, по принципу аналогии, на все большую группу слов (cf. Collins: **adrenalin, glycerin, gelatin**).

Еще одной «проблемной» группой является написание суффиксов **or/er**. Суффикс *-er*, германского происхождения, расширил свою сочетаемость и в настоящее время образует в английском языке большой ряд неологизмов от основ различных частей речи и в некоторых случаях может обозначать не лицо, а объект действия (**carer, commuter, loner, suspender, actioner** [1, с. 87]).

Суффикс *-or*, пришедший в английский язык вместе с заимствованиями из французского или латинского языков (**debtor, tailor, etc.**), рассматривается в настоящее время как орфографический вариант германского суффикса *-er*, присоединяемый к основам латинского происхождения (обычно, *-tor, -sor*): **projector, repressor, etc.**, обозначающие чаще всего, машины, приборы и др. подобные устройства, выполняющие какое-либо действие [7, р. 928]. Однако наш лексикографический анализ позволил зафиксировать очень интересное явление: у многих существительных, обозначающих производителя действия, имеется вариант с *-or* (**adjuster/adjustor**), а существительные с *-or*, образованные по аналогии с латинскими заимствованиями для обозначения агентивных устройств, часто имеют вариант с *-er*: **adaptor/adapter**. «Упорядочивание» написаний *-or/-er* было предложено и осуществлено в американском английском еще Н. Уэбстером. Можно предположить, что появление и широкое распространение американского варианта написания в британском английском обусловлено действием такого мощного орфографического фактора, как аналогия.

В эту же группу слов с вариантным написанием окончания входят слова, с финальными исконно английскими суффиксами *-y/-ie*, которые остаются в современном английском языке очень продуктивными. На основе наших экспериментальных данных можно предположить, что у слов с вариантом *-ie* имеется более эмоциональная коннотация, указывающая на исключительность качества, чрезмерность, приверженность лица к какому-либо действию, а иногда – на пейоративность (ср. **druggie** (наркоман), **winie** (любитель хороших вин), **sharpie** (шулер), **baldie** («лысая шиша»), etc.).

Наличие/отсутствие на конце ряда слов суффикса *-st* (**among/amongst, amid/amidst**) позволяет сделать вывод о возможности участия графических средств в различении стилистических вариантов слов. Так, второй вариант в приведенных примерах в словаре Macmillan имеет помету *mainly literary*, что указывает на такое написание как устаревшее, с ограниченной сферой употребления («*old but still used in some kind of creative writing*») [6, р. 1691].

К четвертой группе нами были отнесены слова с вариантным написанием вследствие отсутствия или наличия диакритического знака. По этому критерию между данными двух словарей было обнаружено наибольшее количественное несоответствие: 39 единиц в словаре Collins и только 5 в Macmillan. Исходя из истории английского языка и числа французских заимствований, пришедших в английский язык с оригинальным написанием, их количество должно быть намного больше. Однако под влиянием ряда как лингвистических, так и экстралингвистических причин (неудобство использования диакритика при наборе, утрата для многих англоговорящих очевидности связи между написанием французского слова и его произношением, различная частотность применения некоторых слов и др.), многие из заимствований сегодня утратили свое оригинальное написание (ср. **coöperation, señor, ñvelope, etc.**), а у других – написание с диакритиком (**séance, aide-mémoire, bête-noire, ingénue, etc.**) стало вторым вариантом, все реже регистрирующемся в словарях, в том числе, в учебных.

В пятую группу вошли слова с вариантами написания с заглавной или строчной буквы (e.g. **baroque/Baroque, cockney/Cockney, evangelist/Evangelist, etc.**). Несмотря на то, что слов с подобным вариантным написанием было установлено в обоих словарях около 40, закономерности в предпочтении вариантов определить довольно сложно. Очевидно, что они, прежде всего, семантические, а также обусловлены частотностью применения словарной единицы в системе языка, временной протяженностью их активного использования. Например, сочетание **Band-Aid/band-aid** имеет два значения:

1. *trademark* a type of plaster used for covering a cut on your skin;
2. *informal* a temporary way of dealing with a problem that will not really solve it.

Таким образом, логика языка подсказывает: название известного бренда пишется с заглавной

буквы, а приобретенное им переносное значение – со строчной. Написание пар **Art Nouveau/art nouveau**; **Art Deco/art deco** позволяет предположить, учитывая порядок приведения в словаре вариантов и этимологию этих словосочетаний, появившихся в английском языке как французские заимствования в конце XIX в. – начале XX вв., что они прочно утвердились в терминологии архитектуры, получили распространение за ее пределами и приобрели, в силу своей распространенности, и второй вариант написания – со строчной буквы.

Шестая группа – самая многочисленная из всех, выделенных нами на основе анализа словарных материалов, и включает 80% всех обнаруженных вариантных написаний. Ее составляют различные способы орфографического оформления сложных слов – дефисного, слитного, или раздельного. Сейчас это один из самых трудных вопросов английской орфографии. Правила написания подобных слов, отражающие семантический вес их компонентов и произношение, в английском языке существуют, но в языковой практике они часто нарушаются, и в словарях три возможных варианта регистрируются непоследовательно. Наибольшее число случаев вариантности (более 100), как было нами установлено, приходится на написание английских прилагательных и существительных с префиксами латинского или греческого происхождения (e.g. **postwar/post-war**; **co-author/coauthor**), а также композитов типа **airbag/air bag**; **airbase/ air base**, etc. Данные нашего анализа в целом совпадают с выводами диссертационного исследования И.В. Усовой [4], в котором была подтверждена гипотеза о характере влияния ударения в качестве основного критерия,

разграничивающего композит и словосочетание. Огромную роль в правописании композитов играет способ их образования; в сомнительных случаях для носителей английского языка предпочтительным оказывается дефисное написание.

Проведенное исследование позволяет говорить о существовании достаточно большого количества вариантных написаний в современном английском языке, причины, появления которых необходимо рассматривать комплексно, с учетом диахронического и синхронического развития различных языковых уровней: фонетического, морфологического, лексического и др. Лексикографические принципы отражения феномена графической вариативности требуют специального изучения.

Библиографический список

1. Дубенец Э.М. Лингвистические изменения в современном английском языке. – М., 2003.
2. Иванова Н.К. Фонетические алфавиты и транскрипция. – Иваново, 2000.
3. Усова И.В. Современная орфография английских и русских композитов (экспериментально-сопоставительное исследование на материале разно-стилевых текстов). Дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2006.
4. Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. – М., 1969.
5. Collins COBUILT. Lexicon on CD-ROM. ver. 3.1. – 1997–2001.
6. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Oxford, 2003.
7. Random House Webster's College Dictionary. – N.Y., 2000.

О.П. Бышук

СПОСОБЫ ВВОДА НОВООБРАЗОВАНИЙ В ТЕКСТ НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА С. КРЖИЖАНОВСКОГО

Особенностью идиостиля С. Кржижановского является тяготение к мета-языковой рефлексии, что в частности находит выражение в обращении писателя к словотворчеству. Считаем допустимым предположить, что эстетика словотворчества в поэтических и прозаических текстах имеет ряд отличительных особенностей на функциональном уровне, в способах создания новых слов и ввода конкретных единиц в языковую ткань текста.

В ходе изучения новообразований С. Кржижановского нами был отмечен ряд особенностей.

Ведение новообразований в текст редко осуществляется непосредственно через речь персонажей – прекрасно владеющих языком (<...> и вообще вся ваша Москва для меня – Скучный сад и Неохотный ряд («Философ»)); безграмотных людей (Сынки, а сынки, что там нынче про фальшистов написано? (о фашистах. – О.Б.) («Бабушка с кошелкой»)); детей («С первого сnezнаком-

ства» – сказал Петя, сунув руки в карманы и све-сив вихрастую голову («Южный пожарник»)).

Большинство новообразований у С. Кржижановского встречаются в речи эксплицитного повествователя, которого многие исследователи называют *alter ego* автора (*Салыр-гюль: надо заблукнотить. Может пригодиться* («Пиала угуб»); *Прохожу меж ипалер ниценок в церковь. Тут за санитаря мороз <...> Можно ждать. И ждут: по два, три и четыре дня. На безмогилье* («Могильщики»)), или в имплицитном повествовании.

При этом примеры ввода новообразований в текст с помощью кавычек (актуализирующих момент говорения, передающих ощущение спонтанности, «творимости» речи) у С. Кржижановского являются единичными. Ср.: *Однажды я застал Илью Ильича за произнесением не застольной, а «междустольной» речи* («Завхоз»). В данном случае, как нам кажется, использование кавычек подчеркивает в этом акте словопорождения момент языковой игры, буквализацию смысла, ведь любовь к различному рода каламбурам является характерной чертой упомянутого персонажа.

Автор избегает целенаправленного маркирования окказионального характера (под окказиональностью в этом случае мы понимаем «случайность», «стихийность» словоупотребления) создаваемых им дериватов, практически отказываясь от использования курсива, разрядки и т.п., т.е. всего того, что графически выделяло бы неузуальные единицы в контексте.

В большинстве случаев у С. Кржижановского собственно графическому маркированию (что в изданных текстах передается помощью разряженного написания) подвергаются не сами авторские дериваты (<...> *звезды заскользили по **беззорбтию** из Raum und Zeit'a* («Катастрофа»)), а, в основном, узуальные единицы языка, подвергшиеся авторской субстантивации: *И все-таки война – это некое **кругом марш**: первые места на приеме у смерти не старым и хилым, а юным и сильным; Нельзя так, как нитку откусил, **оборвать** принципиальный разговор о войне и о будущем мире или позволить воспоминанию застрять где-нибудь между **прежде и теперь*** («Повоюй Повоюевич»).

Выделенные писателем субстантивы, которые можно рассматривать в ряду новообразований как пример морфолого-синтаксического способа словообразования, «опредмечиваясь», служат средством вербализации базовых философских

концептов в прозе С. Кржижановского. В свою очередь то, что, с точки зрения автора, подобной философской наполненностью не обладает, не служит предметом столь глубокой рефлексии, а потому графически не выделяется: *Кажется, будто она* (метель. – О.П.) – *сплошное нарочно: нарочно хлещет не в спину, а в лицо; нарочно сбила снег с обледенелого асфальта <...>* («Человек, винтовка и фонарь»).

Не является характерным для индивидуально-го стиля С. Кржижановского и использование лингвистического комментария, непосредственное указание на акт словотворчества с помощью текстовых операторов, подобные примеры в его произведениях единичны:

– «если точно привести» (<...> *соберется, бывало, достоуважаемый магистр со своими перипатетиками, как он их звал, шагальщики – если с древнегреческого точно перевести – куда-нибудь за город* («Повоюй Повоюевич»));

– «скажем так» (*Они неразлучны: книга и ее читальщик, скажем так* («Человек при книге»));

– «если разрешите так сказать» (<...> *я имел удовольствие уже беседовать с вами и был чрезвычайно заинтересован уже тогда а м а т е м а т и ч н о с т ь ю* (разрядка наша. – О.П.), *если разрешите так сказать, вашего высоко-любпытного мышления* («Некто»)).

Целенаправленный отказ писателя от графических и вербальных маркеров актов словотворчества способствует более органичному введению авторских единиц в текст. С. Кржижановский, на наш взгляд, таким образом стремится подчеркнуть осознанность языковой деятельности, которая имеет в первую очередь творческий характер. Художник, как нам кажется, не делает явного противопоставления между кодифицированным языком и своим языковым творчеством; он не стремится к нарушению конвенциональных условий существования языка. Писатель, обращаясь к приему словопорождения, творит не «вопреки» узуальному, нормативному, а «для» него: С. Кржижановский выявляет словообразовательный потенциал национального литературного языка и подчеркивает, что именно его ресурсы становятся основой авторского языкового творчества.

Подтверждением этому может служить тот факт, что самым продуктивным способом ввода новообразований в текст у С. Кржижановского является помещение в один контекст узуального производящего слова и авторского производно-

го. Этот прием актуализирует живые словообразовательные связи, раскрывает семантическую мотивированность производного. При этом чаще всего мотивирующая единица (нормативная) предшествует мотивированной (авторской):

<...> *опрокинуть все по вертикали: потушить мнимое солнце, спутать орбиты и мир в безмирье* («Швы») – от основы узуального существительного мир автор образует приставочно-суффиксальным способом существительное с противоположным значением отсутствия, небытия чего-либо, что для словотворческой эстетики С. Кржижановского весьма характерно (*беззлость, бездвижье, безлучье, бездурачье* и т. п.);

<...> *вот древние римляне, чего уж древнее, щит к щиту, бывало, приставят, «черепахой» назовут и – на щитурм. А природа их передревнида: спокон веков у черепахи <...> щит из маленьких щитиков, пластин есть* («Пещерный житель»). Данный пример интересен еще и тем, что в нем реализуется каламбур, основанный на сопоставлении узуального относительного прилагательного *древние* в значении ‘существовавшие в далеком прошлом’ и качественного прилагательного в сравнительной степени *древнее* с изначальным значением ‘существующий издавна, старинный’. От основы прилагательного автор образует глагол *передревнить* со сложной семантикой, не восстановимой вне данного контекста.

Нельзя не отметить, что подобные деривационные пары в текстах С. Кржижановского являются способом намеренного создания тавтологических повторов. Их можно расценивать как особый стилистический прием, служащий для выражения особой экспрессии. Показателен в этом отношении контактный характер повтора: производящее и производное образуют словосочетание с атрибутивными или предикативными отношениями:

В работу вклинился пустяковейший пустяк: сон («Боковая ветка»);

И отовсюду: и из близких близк, и из далеких далек возникало поэту лишь слышимое шуриание («Поэтому»);

Пока предмет предметствует, номинативное уступает место субстанциональному («Бог умер»);

Там, где руинились в землю руины, восстают трубы и дымы фабрик («Двойные заварки»).

Обширное количество подобных примеров позволяет говорить о том, что создание подоб-

ных повторов – один из самых продуктивных приемов в творчестве С. Кржижановского.

Нередко писатель прибегает к гнездовому способу введения новообразований в текст. Так, в рассказе «Неукушенный локоть» используются единицы словообразовательного гнезда

локоть → локтеманы

локтисты → противолоктисты

локтекус локтистский

локтевка

Это пример сильноразвернутого гнезда новообразований, включающее в себя 6 авторских дериватов.

Использование однокоренных производных выполняет в данном случае текстообразующую функцию, кроме того, его можно рассматривать как стилистический прием, обеспечивающий развитие сквозных тем всего произведения.

Помимо этого также можно отметить совмещение автором в одном контексте одноструктурных образований, созданных по одной словообразовательной модели и имеющих одну деривационную структуру, одно из которых является узуальным. Ср., например:

Пришельцы стали ушельцами <...> («Мышук»);

<...> *нож начинает ошибаться <...> от среза его отскакивают куски корки и тоненькими пластинами отклеиваются пахучие пластины недовесков и перевесков* («Хлебодар») – в этих двух примерах наблюдается словообразовательная антонимия (антонимичность префиксов); созданные автором конверсивы в высшей степени выразительны на фоне нейтральных с этой точки зрения производящих.

Рассмотрим другой пример: *Притом нелепо требовать от подсолнечника, чтобы он стал подлунником и тянулся за краденым, перекрашенным насине светом ночного светила* («Материалы к биографии Георгиса Катафалаки») – автор обыгрывает образную мотивацию морфемной структуры слова *подсолнечник* (‘находящийся на солнечной стороне, освещаемый солнцем’), в слове *подлунник*, созданном по той же словообразовательной модели, семантика префикса и суффикса буквализируется, мотивация является прямой.

Таким образом, можно сделать вывод, что использование автором словообразовательных пар, гнезд однокоренных слов, одноструктурных образований является значимой частью словот-

ворческой эстетики писателя, служащим ведущим приемом ввода новообразований текст.

В свою очередь это, как нам кажется, позволяет говорить о словотворчестве С. Кржижановского как о метаязыковой рефлексии, обращении к эстетике нормативного языка, а не, как мы уже отмечали, ее разрушение. Нельзя забывать, что объектом нашего исследования является творчество филолога, одаренного лингвиста. Как отмечают исследователи, «феномен прозы С. Кржижановского прежде всего языковой <...> в его произведениях парадоксально-самобытная идея предлагаемая, писателем читателю, излагается таким же парадоксально-самобытным языком» [2, с. 97].

Естественно, нельзя рассматривать словотворчество С. Кржижановского как некую экспериментальную деятельность специалиста, прекрасно владеющего языком. Любой акт словопорождения есть проявление творческой деятельности языковой личности, тем более поэта или писателя.

Библиографический список

1. *Кржижановский С.Д.* Собрание сочинений. В 5 т. – СПб.: Simposium, 2003.
2. *Буровцева Н.* «Я известен своей неизвестностью»: О прозе С.Д. Кржижановского // Библиография. – 1998. – №2. – С. 91–99.

Д.А. Голубев

КРИТЕРИИ ГЕРОИЧЕСКОЙ СМЕРТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНАХ МИРА

Преамбула. В данной работе предпринимается попытка проанализировать такие архетипические образы, как *герой* и *смерть*, которые, бесспорно, всегда были актуальны как для отдельного индивида, так и для всей нации в целом, потому что выбор между подвигом и компромиссом в трудные минуты приходится совершать как отдельному человеку, так и всему народу, а с проявлениями смерти на протяжении своей жизни не раз сталкивается каждый. В свете сказанного представляется интересным проследить, при каких обстоятельствах гибели героя смерть его будет считаться героической в сознании представителей различных культур, в частности русскоязычной и англоязычной.

«Смерть на постели – бесславна, смерть в бою – почетна», – гласит киргизская пословица. Так при каких же обстоятельствах гибель считается героической? И одинаковы ли эти критерии у представителей разных культур? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, представляется логичным установить характер взаимовлияния смерти и героя, а также выявить национально-специфические особенности, характерные для русскоязычной и англоязычной культур в осмыслении такого сегмента этих двух национальных картин мира как героическая смерть.

Для этого, прежде всего, необходимо обратиться к словарным определениям интересующих нас слов. В русском языке основные значения слов *смерть* и *death*, выявленные в результате анализа соответствующих статей толковых словарей, имеют вид (см. табл. 1).

В английском языке концепты *герой* и *hero* представлены лексемами *death* и *hero* соответственно (табл. 2).

Из таблиц 1 и 2 следует, что слова *смерть* / *death* и *герой* / *hero* в целом имеют схожие значе-

ния, хотя некоторые из этих значений, как видно, не совпадают. Так, по результатам анализа словарных статей, можно заключить, что значения 2, 4 слова *смерть* в таблице 1 являются лакунарными для англоязычной культурной среды, а значение под буквой D слова *death* и значение под буквой E слова *hero* в таблице 2 – эндемичны по отношению к русскоязычной культуре.

Как известно, героическая смерть многократно проинтерпретирована и в живописи (Ф. Гойя «Расстрел повстанцев», П. Брейгель «Триумф смерти», Т. Гранвиль «Поход в вечность» и др.), и в музыке (Р. Вагнер «Полет Валькирий», песни с военно-патриотическим содержанием: «Эх, дороги...», «Священная война», «День победы» и др.), и в кинематографе (русскоязычные фильмы: «А зори здесь тихие», «Они сражались за родину», «Девятая рота», «Спецназ», «Грозные ворота», англоязычные: «Последний самурай», «Армагеддон», «Троя», «Александр» и т.п.). В языке феномен героической смерти находит выражение и в многочисленных фразеологизмах (*голову сложить*, *погибнуть смертью храбрых*, *to lie in the bed of honour* – англ. погибнуть смер-

Таблица 1

Значение слов *смерть* и *death* в русскоязычной и англоязычной культурах

Смерть	Death
<p>1. Прекращение существования живого организма. В зависимости от обстоятельств смерти выделяют следующие виды:</p> <ul style="list-style-type: none"> – естественная смерть; – внезапная, неожиданная смерть, смерть от несчастного случая; – самоубийство; – насильственная смерть (убийство, смертная казнь). 	<p>A. The end of life of a person or organism, irreversible loss of vital functions, complete and definite end of natural life, the permanent cessation of living functions within an organism (конец жизни человека или организма, необратимая утрата жизненных функций, полный и четко выраженный конец естественной жизни, окончательное прекращение жизненных функций в организме).</p> <p>В зависимости от обстоятельств смерти выделяют следующие виды:</p> <ul style="list-style-type: none"> – natural death (естественная смерть), good death (the death to which one is prepared (хорошая смерть, т.е. та, к которой человек готовится); – an accidental death (неожиданная смерть, смерть от несчастного случая), premature death (преждевременная смерть); – suicide (самоубийство); – violent death (насильственная смерть), do somebody to death, death penalty, sentence to death, stab to death (приговорить к смертной казни).
2. Конец земной жизни, разлучение души с телом (переход к другой, вечной, духовной жизни).	B. death of smth (гибель, уничтожение чего-либо) (It was the death of her hopes; It would be one's social death)
3. Гибель, уничтожение чего-либо (политическая смерть; смерть общества, культуры, иллюзий, таланта).	C. The presentation of the power that destroys life (образ силы, отнимающей и разрушающей жизнь).
4. В знач. «плохо», «нехорошо», «горе», «беда» – зубрежка была для нее смертью.	D. The cause of smb's death (ironically) (причина чьей-л. смерти (в переносном смысле, с иронией) – you'll be the death of me with all these questions.
5. При выражении «крайне», «очень сильно», «чрезвычайно» – устал до смерти, до смерти все надоело.	E. In the meaning of “very,” “extremely” (в знач. «крайне», «чрезвычайно») I'm sick to death with you.

Таблица 2

Значение слов *герой* / *hero* в русскоязычной и англоязычной культурах

Герой	Hero
1. Персонаж мифов и легенд, обладающий большой физической силой, неуязвимостью, сверхъестественными способностями – полубог, легендарный вождь, богатырь.	A. A mythological or legendary figure who is endowed with great strength or ability (действующее лицо мифов и легенд, наделенное большой физической силой и способностями)
2. Тот, кто способен на подвиг или уже совершивший его – самоотверженный, храбрый, готовый к самопожертвованию воин, обычный человек; православный мученик.	B. Someone who has performed an act of great courage under very dangerous conditions (тот, кто совершил поступок величайшей храбрости в условиях крайней опасности).
3. Объект внимания, предмет поклонения, идеал эпохи, среды.	C. Someone who is admired for their bravery, goodness or great abilities (тот, кем восхищаются за храбрость, доброту или большие способности)
4. Художественный персонаж – герой литературного произведения, кинофильма, мультфильма и т.п.	D. The main male character in a play, poem, story, film/movie etc. (главный мужской персонаж пьесы, стихотворения, рассказа, фильма и т.п.).
5. Театральное амплуа – герой-любовник / резонёр / фат и т.п.	E. AmE a sandwich made of long loaf of bread filled with meat, cheese, salad etc. (в американской культуре название сэндвича, приготовленного из длинного батона, наполненного мясом, сыром, салатом и т.д.)

тью героя, *to pay a soldier's debt* – англ. погибнуть с честью, как подобает настоящему солдату и др.) и паремиях (*Кто смерти не боится, того и пуля сторонится*, *Coward dies but many times* and *a brave man only once* – англ. Трус умирает много раз, а храбрец лишь однажды и др.).

Однако следует отметить, что по отношению к феномену героической смерти существует ряд ограничений, связанных с пунктами 1 и А таблицы 1, в котором речь идет об обстоятельствах смерти. Для нее вряд ли характерны естественные обстоятельства смерти героя, т.к. здесь предполагается смерть от старости, смерть как следствие продолжительной болезни и т.п. Внезапная же смерть (исключая несчастный случай как ее разновидность) может соотноситься с ситуацией героической смерти, т.к. является непредсказуемой с точки зрения времени своего наступления. Суицид как процесс и результат лишения самого себя жизни может являться самой значимой характеристикой феномена *героической смерти*. Однако здесь необходимо провести различия в разновидностях мотивации самоубийства. В этой связи целесообразно упомянуть Э. Дюркгейма – основателя суицидологии, который выделяет **три типа самоубийства**: *эгоистическое, альтруистическое и аномичное*.

Эгоистическое самоубийство, по Э. Дюркгейму, совершается тогда, когда узы, соединяющие человека с жизнью, разрываются, когда ослабевает его связь с обществом, результатом чего становится крайний индивидуализм [13, с. 150]. Такая разновидность суицида всегда считалась проявлением душевной слабости, осуждалась и осуждается практически всеми религиозными и светскими общественными институтами. Безусловно, подобная смерть не будет являться героической.

Аномичное самоубийство становится массовым явлением в период любых масштабных социальных потрясений. Резкое изменение общественного и имущественного статуса влечет за собой волну самоубийств среди тех, кто не смог приспособиться к новым условиям [13, с. 150]. Поэтому в обычной жизни данная мотивация самоубийства также не может соотноситься с ситуацией героической смерти.

Альтруистическое самоубийство, в отличие от эгоистического, является следствием недостаточно развитого индивидуализма. Общественный интерес подавляет личный там, где я не принадлежит человеку. В среде, где властвует альтруис-

тическое самоубийство, человек всегда готов пожертвовать своей жизнью. Тоталитарные государства, отстаивавшие примат социальных ценностей над индивидуальными, часто призывали к самопожертвованию, в том числе и прямому – через альтруистическое самоубийство [13, с. 151]. Другими словами, эта разновидность суицида – самопожертвование – самый типичный вид именно героической смерти, т.к. характеризуется наивысшей степенью осознания своих действий, полностью противоречащих природному инстинкту самосохранения.

Пункт *насильственная смерть* является одним из самых значимых для феномена героической смерти. В этот список можно отнести лексемы, номинирующие определенные виды убийства, и действия, связанные с ним, например: *расстрел, расстрелять, заколоть, застрелить, зарубить* и т.п. (исключая, однако, такие из них, как убийство ради наживы или с иными преступными намерениями, хотя в этом контексте могут использоваться те же языковые единицы). Сюда же относятся и лексемы, обозначающие любые виды смертной казни. Здесь прослеживается семантическая связь с понятием *герой* в ситуациях, когда героический с точки зрения основной народной массы поступок явился явной или скрытой угрозой власти, за которую последовало наказание в виде смертной казни. Этот вид героической смерти в языке обслуживают такие лексемы, как *повешение, расстрел*, а также обозначающие различные изощренные и жестокие виды казни: *четвертование, распятие* и т.п. Оставшиеся значения (3, 4, 5 и С, D, E), выделенные в таблице 1, не имеют точек соприкосновения при описании лексико-семантического пространства (далее ЛСП) *героической смерти*.

Таким образом, если проследить взаимовлияние “death” и “hero” в англоязычной лингвокультуре, то обнаружится ряд сходств с русской лингвокультурой, например, полное совпадение в пункте 1 и А таблицы 1 (о прекращении существования живого организма + обстоятельства смерти), однако, значения, указанные в пунктах 3–5 и С–Е таблицы 1, не соотносятся с ЛСП *героической смерти*.

Тем не менее, интересно отметить определенную разницу между перечисленными в таблице 1 значениями слов *смерть / death*. Во всех проанализированных толковых словарях английского языка не встречается значение *разлучение души с телом*, релевантного для русской лингво-

культуры. Этот пункт был выделен на основе анализа словаря В. Даля, который указывает на то, что человек рождается на смерть, а умирает на живот (на жизнь), т.е. под смертью понимается лишь конец плотской жизни (смерть тела), за которым следует воскрешение, душа же остается бессмертной. В определениях, данных в английских словарях, налицо скорее неверие в продолжение жизни после смерти (**complete and definite end of natural life** – *полный и четко выраженный конец естественной жизни*). По мнению американского православного исследователя С. Роуза, «в христианском порядке вся человеческая деятельность рассматривается и оценивается в свете того, что есть жизнь после смерти... Жить без надежды на вечную жизнь и без страха вечной боли составляет сущность гуманистического стоицизма протестантов, поэтому не нужны «реализм» и «мужество»: чтобы жить добродетельной жизнью в этом мире, не нужна и вера в Небеса или ад» (цит. по [7]). Разумеется, невозможно что-либо утверждать наверняка, но можно лишь сделать весьма осторожное предположение о сверхценности земной жизни для англичан и американцев и, вероятно, меньшей готовности пожертвовать ею ради чего-либо кого-либо. С точки зрения логики, тем в большей степени героической становится смерть-самопожертвование для такой культуры. Из этого, конечно, не следует, что русские менее трепетно относятся к собственной жизни, но вера в загробное существование, вероятно, вселяет большую надежду на лучшую посмертную участь и, следовательно, более спокойное отношение к смерти. Здесь уместно упомянуть русскую пословицу, гласящую: *Двум смертям не бывать, а одной не миновать*, как раз характеризующую фаталистическое отношение русских к смерти и готовность ее принять.

Одним из существенных различий исследуемых англо-американской (преимущественно протестантской) и русской (преимущественно пра-

вославной) лингвокультур является отсутствие в первой такого типа героев, как святые вообще и, соответственно, святые великомученики, в частности. Согласно доктрине протестантской этики, провозглашается «всеобщее священство каждого верующего». По мнению М. Вебера, «протестантство также опирается на негативные представления, отвергая понятие церкви как автономной власти вне добровольной ассоциации верующих» (цит. по [2, с. 99]). Протестантская этика (в отличие, например, от общехристианского понимания аскетизма) опирается на интерпретацию монашества как эгоистического уклонения от мирских обязанностей. Основные такие обязанности были связаны с занятиями верующих (профессиями, ремеслами) [2, с. 99]. Святые великомученики православной культуры, напротив, либо приближали себя к Богу через аскетический образ жизни, т.е. занимались умерщвлением греховной плоти, (например, св. Киприан), или принимали мученическую смерть во имя веры (например, известный старообрядец протопоп Аввакум, казненный на костре в Пустозерском остроге, обрел мученический венец во имя Христова). Как видно из таблицы 1, для русской лингвокультуры этот тип героев является значимым и обозначается сочетанием *православные мученики*. Для англичан, вероятно, большую значимость имеют герои, сделавшие многое для улучшения земной жизни или принесшие славу их стране. В качестве доказательства можно привести пример Вестминстерского аббатства (Westminster Abbey) в Лондоне, где имеются могилы национальных героев, королей и выдающихся деятелей. Во многих же русских соборах, монастырях, лаврах находятся мощи святых угодников или великомучеников.

Принимая во внимание все, что было сказано ранее, соотношение критериев героической смерти в русскоязычной и англоязычной культурах можно представить в виде схем 1 и 2.

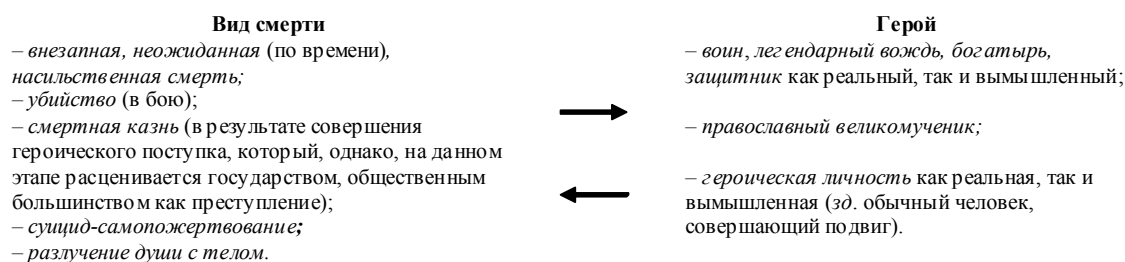
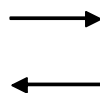

Схема 1. Критерии героической смерти в русскоязычной культуре

Cause of death (англ. причина смерти)
 – *complete and definite end of natural life* (полный и четко выраженный конец естественной жизни);
 – *a premature death* (безвременная смерть);
 – *a violent death* (насильственная смерть);
 * *being killed (in a battle)* (гибель (в бою),
 * *an execution* (death penalty, putting to death) as a result of some heroic actions (казнь (смертная казнь) в результате свершения какого-л. героического поступка);
 – *a suicide* (as a self sacrifice) (самоубийство как самопожертвование).

Hero (англ. герой)
 – *a legendary warrior, knight, defender etc. either real or mythological, fictitious* (легендарный воин, рыцарь, защитник как реальный, так и вымышленный);
 – *someone real or fictitious who has performed an act of great* (человек, как реальный, так и вымышленный, совершивший героический поступок)

Схема 2. Критерии героической смерти в англоязычной культуре

ЛСП *героическая смерть* в английском языке будет обладать рядом указанных ранее этноспецифических характеристик, отличных от русскоязычной культуры.

Из данных, представленных в схемах 1 и 2, следует, что между смертью и героем существует взаимозависимость (обозначена стрелками), приводящая к героической смерти, которая наступает в тех случаях, когда герой, в одном из своих воплощений, указанных в схемах, исполняя какой-либо героический поступок, погибает в результате одной из перечисленных смертей.

Что же касается национальной специфики осмысления феномена героической смерти в рамках исследуемых лингвокультур, то можно отметить, что в целом они совпадают, но можно также выделить и некоторые отличия. Во-первых, в англоязычной культуре смерть, которой умирает христианский верующий, претерпевая при этом мучения за веру, не считается героической в связи с указанными ранее причинами. Следовательно, можно предположить, что героическая смерть во имя Христова для англоязычной картины мира (тех ее носителей, что придерживаются протестантских догматов веры) является лакунарной. Во-вторых, для русской лингвокультуры, ощутившей на себе влияние коллективистских восточных культур, характерно несколько фаталистическое и как следствие более пренебрежительное отношение к собственной гибели. Это обстоятельство, вероятно, является результатом безмерной отваги, смелости и готовности пожертвовать собственной жизнью, проявляемых русскими солдатами во время сражений, что не раз отмечалось иностранными исследователями.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2003. – 1536 с.

2. Большой толковый социологический словарь. Т. 2: пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 1999. – 528 с.

3. Всемирная энциклопедия философии / Гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, МН: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.

4. *Даль В.* Словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: ТЕРРА-TERRA, 1994.

5. Кинословарь. В 2-х т. / Гл. ред. С.И. Юткевич. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – Т. 1. – 976 с.

6. Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 1056 с.

7. *Кузьменкова Ю.Б.* От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 316 с.

8. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.П. Аникина; сост. Ф. Селиванов, Б. Кирдан, В. Аникин. – М.: Художественная литература, 1988. – 431 с.

9. Словарь русского языка: Ок. 53000 слов / С.И. Ожегов; под общ. ред. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. – М.: Оникс XXI; Мир и Образование, 2004. – 896 с.

10. Словарь русского языка. В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – Т. 1. – 698 с.; Т. 3 – 752 с.

11. Театральная энциклопедия / Гл. ред. С.С. Мокульский. – М.: Советская энциклопедия, 1961. – 1214 с.

12. *Хоруженко К.М.* Культурология: Энциклопедический словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 640 с.

13. *Чхартушвили Г.Ш.* Писатель и самоубийство. Изд. 3-е. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 576 с., ил.

14. *Apperson G.L.* The Wordsworth Dictionary of Proverbs. – Wordsworth Editions Ltd, 1993. – 721 p.

15. *Hornby A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. S. Wehmeier (Ed.). 6th ed. – Oxford: Oxford University Press.

16. *Concise Medical Dictionary*. Oxford University Press, 2002. *Oxford Reference Online*. Oxford University Press.

17. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Harlow: Longman, 2002. – 1568 p.

18. *Oxford Dictionary of English* (2nd edition revised). Oxford University Press, 2002. *Oxford Reference Online*. Oxford University Press.

19. *The Oxford Dictionary of Philosophy*. Oxford University Press, 2002. *Oxford Reference Online*. Oxford University Press.

Л.А. Гусева

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕСТОИМЕНИЯ «Я» В ДОВОЕННОЙ ЛИРИКЕ Н. ГЛАЗКОВА

Меня признают, я уверен,
Раньше, чем через двести лет,
И будет лучшей из таверн
Глазковский университет.

Н. Глазков

Николай Иванович Глазков (1919–1979) вырос и жил на Арбате, учился в МПГИ им. В.И. Ленина, в Литературном институте. Дружил с М. Кульчицким, Н. Майоровым, С. Наровчатовым и другими поэтами военного поколения. Л.Ю. Брик высоко ценила его талант. Кстати, именно она, по словам современников, обратила внимание на внешнее сходство между Н. Глазковым и В. Хлебниковым. Можно сказать, что Н. Глазков всю свою жизнь находился в эпицентре поэтической жизни Москвы. Это поэт «изустной славы»: его поэтические строки легко запоминаются, они были на слуху у многих деятелей литературы и искусства советского времени – в этом убеждаешься, обращаясь к «Воспоминаниям о Николае Глазкове», изданным в 1989 году. Однако для широкого читателя поэт Николай Глазков остается неизвестным, так как его произведения до 1950-х годов не издавались, да и сейчас на полках книжных магазинов невозможно найти сборники его стихов.

Несмотря на редкие публикации, поэзия Н. Глазкова – незаурядное явление. Наше представление о русской поэзии XX века остается неполным без обращения к стихам этого ироничного, трогательно-искреннего, простодушного и лукавого поэта.

Н. Глазков в своих стихах создал образ лирического героя, который отличается целостностью, достоверностью и узнаваемостью. Именно о таком герое, как нам кажется, говорила Л. Гинзбург применительно к лирике М.Ю. Лермонтова: «Лирический герой двупланен. Возник он

тогда, когда читатель, воспринимая лирическую личность, одновременно постулировал в самой жизни бытие ее двойника. Речь здесь идет не о читательском произволе, но о двойном восприятии, заложенном в художественной системе данного поэта» [2, с. 160]. По мнению Л. Гинзбург, «в истории русской лирики несколько раз возникали условия для того, чтобы наиболее отчетливым образом сложилось *человеческое лицо*, «подставляемое» вместо своего литературного двойника. Самые отчетливые *лица* русской лирики – Лермонтов, Блок, Маяковский» [2, с. 161–162].

Мы, конечно, не сравниваем творчество Глазкова с такими величинами, как Лермонтов, Блок или Маяковский, но все-таки хотим отметить, что и Глазков создал лирического героя, неповторимого и узнаваемого. «Воздействие творческого опыта Николая Глазкова на современную поэзию очевидно, – пишет о Н. Глазкове литературный критик Р. Заславский, – но интересно, что, влияя на поэзию в целом, Глазков в то же время является, пожалуй, единственным большим поэтом, который не породил ни одного (подчеркиваю – ни одного!) подражателя или хотя бы плагиатора. Имитировать Глазкова невозможно, это дело безнадежное. Никто ни на секунду – в любом поэтическом самозабвении – не может, по-видимому, почувствовать стиль Глазкова «своим». ... Настолько органично сливаются в глазковских стихах самобытная личность и по-настоящему оригинальный, неповторимый поэтический мир» [1, с. 181].

Создание образа лирического героя, в котором воплощаются черты реальной личности поэта, ста-

новится возможным во многом благодаря активному использованию личного местоимения *я*.

«В центре лирического стихотворения, — пишет Т. Сильман, — стоит лирический герой (лирическое «я»), который чаще всего прямо именует себя с помощью местоимения первого лица» [4, с. 37].

В поэтическом тексте местоимение *я* обеспечивает единство разных смысловых планов: индивидуального и обобщенного, реального и условно-поэтического. Любое высказывание от первого лица воспринимается как непосредственное выражение мнения говорящего человека (для поэтического текста — мнения самого поэта). Однако традиция использования этого местоимения в лирике привела к переосмыслению его значения. «Поэтическое Я» («лирическое Я») лишается соотносительности с конкретным лицом, приобретает обобщенное значение: «любой и каждый» из читателей лирического произведения может произносить его от своего лица, выступая в качестве говорящего. Степень обобщенности значения «лирического Я» может быть настолько высокой, что слово *я* превращается в условный элемент стихотворного текста, лишенный индивидуального содержания. По словам Т. Сильман, «...на всем своем сложном пути, от конкретной жизненной ситуации в биографии поэта и до воздействия на слушателя или читателя в качестве обобщенной формулы переживания, лирическое стихотворение целиком «обслуживается» местоимением. Ибо местоимение сочетает в себе и самые конкретные значения («я» и «ты», «он» и «она» в случае реального наличия всех этих лиц и в случае возможности указать на себя и на каждого носителя этих обозначений), и самые отвлеченные (всякое «я», всякое «ты», всякий «он», всякая «она»)» [4, с. 40–41].

Каждый из поэтов, очевидно, по-своему решает проблему динамического равновесия между двумя противоположными началами в значении «лирического Я»: жизненно-конкретным и поэтически-условным. Способ соединения этих двух начал служит основой для создания неповторимого, индивидуального авторского стиля.

В стихах Н. Глазкова очень часто речь ведется от первого лица, что обусловлено изначальной установкой на правдивость, откровенность, автобиографичность. Наблюдения над использованием личного местоимения 1-го лица в стихотворных текстах Н. Глазкова говорят о том, что биографическая конкретность авторского *я* формирует-

ся постепенно, со временем выкристаллизовывается в творчестве поэта, специально отрабатывается и культивируется поэтом. «Герой Глазкова, — по словам Д. Самойлова, — выступает чаще всего от первого лица и благодаря своей подлинности и высокой артистичности накладывается на образ автора — для читателя и как будто для него самого. Но это только впечатление от естественности игры и ее поэтического воплощения» [1, с. 400].

Сам грамматический феномен местоимения первого лица предполагает совпадение говорящего и объекта речи: адресант говорит о самом себе. В довоенной лирике Н. Глазкова актуализируется именно это значение местоимения *я*: оно служит для обозначения лирического героя, который является основной темой лирического сообщения. Очень часто в довоенный период из личных местоимений в стихотворении используется только местоимение *я*. Типичными для этого времени являются следующие строки: «*Как из чернильницы вино И откровенья с наковален, Я в мире — как никто иной, И потому оригинален*». Или:

Проходя по знойному Арбату,
Я мечтал всегда по мелочам.
И людей бегущую армаду
Я, не изучая, замечал...
Все суета сует и всяческая суета.
Я всех люблю. Желаю всем успеха,
Но не влияет на меня среда,
Я все могу, но только мне не к спеху.

Именно в этот период в творчестве Н. Глазкова появляются строки, в которых обыгрывается само слово «я». Используются слова-трансформеры: «Сказал агроном: — Что такое поля? **Пол-Я!** Сады, огороды, луга к их наделам Прибавьте — и стану я целым!», «— Молчи, **семья**, — Сказала **стая**: — В тебе **семь Я**, Во мне до **ста Я!** — До ста, да, Да стадо!»

От предложно-падежной формы личного местоимения поэт образует окказиональную форму сравнительной степени: «*Я всей планеты слышу мнения. Хочу, конечно, чтоб оне Как можно были **обомнейнее**, — А мнения не обо мне*». В названии одного из стихотворений используется окказиональная форма родительного падежа со значением носителя признака: *небывализм **меня***. Родительный падеж носителя признака характерен для имени существительного. Окказиональное использование родительного падежа личного местоимения *я* в значении носителя признака свидетельствует о субстантивации местоимения. На лексико-семантическом уровне субстантива-

ция связана с конкретизацией предметного значения, с закреплением за местоимением в контексте идиолекта значений – «поэт», «личность», «индивидуальность». Лексическое значение «мои стихи» проявляется у местоимения я в сочетаниях типа *«меня не печатали, печатали дрянь»*; *«меня признают, я уверен, раньше, чем через двести лет»*.

В своем излюбленном жанре сентенции автор определяет роль этого местоимения в языке: *«Путь азбучных истин неведом, Но он начинается с «Я», И, может быть, именно в этом Сермяжная правда вся»*.

Сами по себе факты языковой игры свидетельствуют о том, что автор осваивает поэтическую форму. Повышенное внимание к стихотворной форме (ритмическая организация, характер рифмы) наряду с отвлеченностью создаваемых образов характерно для раннего творчества поэта. Фокусирование внимания на самом слове я свидетельствует об актуализации объектного значения в этом местоимении, причем это значение никак не связано с биографической личностью автора.

Об актуализации объектного значения в личном местоимении 1-го лица говорит и то, что в контексте отдельного стихотворения местоимение я может взаимодействовать с местоимением он (она, они). Синтаксические отношения между местоимениями 1-го и 3-го лица часто носят характер противопоставления: *«Она права, А я упрям, – Она ушла направо, А мой путь прям»*; *«Они сидят, скрипя уныло перьями, Чиня в миру согласия и раздоры, А я пришел, чтоб хлопнуть всеми дверями И обойти большие коридоры»*. Благодаря антитезе формируется представление о лирическом герое как о бунтаре, фрондере, оппоненте существующему миру во всех его проявлениях.

О том, что в местоимении я доминирует объектное значение, говорят и случаи использования местоимения он для обозначения лирического героя (он в значении я): *«Он ворвался в этот мирик, Как в огромное фойе, – Богатырь, бунтарь и лирик, и еще герой поэм»*. (Оценочные существительные «богатырь», «бунтарь» в контексте глазковского творчества традиционно называют ипостаси лирического героя и самого поэта как реальной личности).

Семантическое отождествление местоимений первого и третьего лица наблюдаем и в стихотворении «Мой любимый писатель»:

Мой любимый писатель еще не рожден,

Он еще затерялся в веках.

Я учителем сделал **его** и вождем,

Для меня он Юпитер и Вакх...

Мой любимый писатель – и дьявол, и бог,

И писатель минувших веков.

Он Шекспир, Пастернак, Маяковский и Блок,

Достоевский, Гомер и **Глазков**.

Связующим звеном между местоимениями 1-го и 3-го лица выступает в данном случае имя собственное – «Глазков», в котором соединяются два значения: личное, автобиографическое (это фамилия самого автора) и обобщенно-поэтическое (Глазков – поэт, и включение этого имени собственного в однородный ряд подчеркивает его отношение к истории мировой литературы). Двойственность языковых значений отражает неоднозначность авторского подхода к образу лирического героя: наряду с совпадением я личного и я поэтического отметим и дистанцию между авторским, созидающим, сознанием и лирическим героем – объектом созидания.

Для характеристики лирического героя довоенного периода очень важна оппозиция «я – другие». Я лирического героя противопоставляется другим людям, которые либо совсем не индивидуализируются, либо слабо индивидуализируются. Для обозначения антиподов лирического героя используются слова: *люди, среда* (*«Но педагогская среда Моих стихов не принимала»*), *бюрократы* (*«Они всю жизнь готовили мне смерть И не печатали мои стихи»*), *рабы буржуазных предрассудков*, а также *все, другие*. Лирический герой может противостоять неопределенно-личному субъекту: *«Я был всамделишный изгой, Не уместающийся в эру, А в классе целый день доской Скрипят старательно по мелу»*.

Оппозицию я – другие в текстах раннего Н. Глазкова можно истолковать двояко. Противостояние героя окружающему миру, его исключительное положение – характерная особенность романтической поэзии, представленная в довоенных стихах Н. Глазкова в упрощенном, схематизированном и даже пародийном виде. Но стремление к самовыражению, к определению своего положения в мире характерно и для психологии юного человека. Тем не менее в семантике личного местоимения этого периода доминирует, на наш взгляд, условно-поэтическое начало: я – это не столько реальная личность, сколько условный образ, наделенный самыми общими, традиционными признаками поэта: не нашедший счастья в люб-

ви, не понятый толпой, одинокий, бунтующий, стремящийся к «победе», но зависимый от мнения окружающих. Такой образ рождается в «калейдоскопе» довоенных стихов Н. Глазкова.

Постоянный самоанализ, самооценка, рефлексия – это то, что делает условный образ поэта индивидуально-авторским, именно глазковским, личностным: *«Тогда я был еще дурак, Но я не знал, учившись в школе, Что, не куря еще табак, Нельзя писать стихов о море...»*.

1940-м годом датируется стихотворение, которое можно считать ключом к пониманию поэтической работы Н. Глазкова в довоенный период:

Поэта день – как день царя,
Всю жизнь готов трудиться я.
Но каждый раз – тенденция
И всякий раз – традиция.
Ловлю минуту каждую
И волю проявляю.
В стихах, однако, царствую
Я, а не управляю.

Стихотворение отличается изящностью построения. Синтаксически параллельные конструкции оттеняются инверсией и поддерживаются системой лексических повторов и синонимических замен. Сравнение, сформулированное в первой строке, превращается в антитезу двух последних строк. Дважды используется в этом стихотворении местоимение *я*, и оба раза – в сильной позиции: в конце второй строки и в начале последней строки. Кроме того, местоимение актуализируется благодаря использованию стилистических приемов: во второй строке наблюдается инверсия, а в начале последней строки местоимение появляется в результате переноса, который служит средством интонационного выделения местоимения *я*. Предикатная лексика характеризует лирического героя как поэта. Заключитель-

ная антитеза отличается многозначностью слова «царствую», которое, кстати, заставляет вспомнить пушкинский сонет «Поэту»: *«Ты царь: живи один...»*. Метафорически слово *царь* обозначает властителя, полновластного хозяина, которому подчиняется все, в данном случае – стихи. Противопоставление глаголов «царствую, а не управляю» не только подчеркивает органическую связь поэта с его стихами, не подчиняющуюся рациональным оценкам (поэтами, как и царями, не ставятся – ими рождаются), – но и накладывает ограничение на «власть царя»: стихами невозможно управлять, они подчиняются общим законам. Не случайно появление в этом стихотворении слова *трудиться*, которое отражает отношение поэта к творчеству как к труду.

Для понимания образа лирического героя в довоенной лирике важно в единой связи рассматривать ряд признаков: объектное значение местоимения *я*; наделение лирического героя предельно обобщенными, схематичными признаками поэта (сама схематичность формулировок говорит об авторском осмыслении и интерпретации традиционного, устоявшегося образа поэта); прямое и непосредственное выражение в стихах оценки своего творчества. Все вместе эти признаки говорят о намерении автора осознать, понять себя как поэта. И начинается это осмысление не с воплощения в стихах своей конкретно-биографической личности, а с осознания законов поэтического творчества.

Библиографический список

1. Воспоминания о Николае Глазкове. – М., 1989.
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. – Л., 1974.
3. Глазков Н.И. Избранное. – М., 1989.
4. Сильман Т.И. Заметки о лирике. – Л., 1977.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Лебедев Ю.В. *ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА: Учеб. для студ. высших учеб. заведений: В 3 ч. Ч. 1: 1800–1830-е годы.* – М.: Просвещение, 2007. – 480 с. (Серия «Учебник для вузов»). Рекомендовано УМО РФ. ISBN 5-09-012211-3.

В учебнике даны современные подходы в освещении основных этапов историко-литературного процесса. В соответствии с новыми данными филологической науки пересматривается традиционная периодизация историко-литературного развития, расширяется и уточняется представление о ренессансной природе русского реализма.

Н.А. Евграфова

МОДИФИКАЦИИ ДНЕВНИКОВОЙ ФОРМЫ В СОВРЕМЕННОМ РОМАНЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (А.С. Байетт и У. Бойд)

Преамбула. Данная статья посвящена анализу модификаций традиционной дневниковой формы в романе Великобритании конца XX – начала XXI веков на примере произведений А.С. Байетт «Обладание» (1990) и У. Бойда «Нутро любого человека» (2002). Изменения, рассмотренные на разных художественных уровнях, позволяют делать выводы о характере взаимодействий канона с постмодернистскими принципами и приемами.

Романы, написанные в форме дневника, пережили период особой популярности еще в XVIII веке. Тогда, как справедливо полагают многие ученые (Д. Лодж, Н.А. Соловьева, А. Елистратова), дневники, наряду с письмами, были одним из способов мотивации проникновения автора во внутренний мир персонажа. Жизнеподобие и достоверность в то время считались синонимами истины. В XIX столетии, с появлением приема несобственно прямой речи, повествование от первого лица¹ приобретает новое значение: писателей начинает интересовать не само по себе сознание отдельной личности, а в большей мере пропущенные через него социальные события. Именно поэтому классическим примером воспроизведения современной ситуации чаще всего называют «Мидлмарч» Дж. Элиот, где объективность изображения истории достигается за счет использования точек зрения разных персонажей.

XX век поднимает вопрос об авторе в литературном творчестве. «А до этого времени, – пишет В.А. Пестерев, – он (автор) как-то сам собой имелся в виду, без претензий и без вопросов, хотя автора всегда разумели, говорили и об авторстве произведения, и о том, что сказал автор. Но автор не был проблемой художественного творчества» [9, с. 6]. Именно проблема автора в литературе заставила многих писателей по-новому взглянуть на традиционные жанры. Дневниковая форма, как, впрочем, и любая форма романа, находящаяся на границе вымышленного и реального (письма, мемуары, путевые заметки) обладает потенциалом для раскрытия новых принципов повествования. Думается, этим и объясняется достаточно частое обращение к ней писателей-постмодернистов.

Так, например, ученый и писатель Д. Лодж, заинтересовавшись проблемой сознания и ее репрезентацией в художественной литературе, создает традиционный для своего творчества уни-

верситетский роман «Думают...» (2001) в дневниковой форме. Однако произведение Лоджа больше напоминает эксперимент, пример использования постмодернистских приемов (фрагментарность, полистилистика, пародия, смена точек зрения) на практике и является хорошей иллюстрацией его теоретической работы «Сознание и роман» (2002), где он рассматривает эволюцию принципов повествования от первого лица (дневник Хелен Рид) к всеведущему автору (главы от третьего лица) и к модернистскому потоку сознания (записи Ральфа Мессенджера). В этой объемной статье Лодж также говорит о том, что в современной науке история понимается как «сумма индивидуальных человеческих жизней». «Историография, – продолжает исследователь, – предлагает выборочные мнения о событиях из отобранных человеческих жизней, но чем более научной является дисциплина, тем более скрупулезны ее попытки доказать реалистичность описываемого и тем меньше ее возможность показать полноту этих событий, воспринятых индивидуальным сознанием. А это именно то, на что способна повествовательная литература, а особенно роман» [4, с. 13, 14].

Итак, во второй половине XX века писателей, впрочем, как и многих ученых, уже не интересует объективная историческая правда. Напротив, каждый из них предлагает свое видение событий прошлого. Этот факт объясняет все возрастающее увлечение литературой non-fiction. Произведения о реальных людях и достоверных событиях из их жизни дополняются новыми фактами, зачастую коренным образом изменяющих общепринятую интерпретацию, а многообразные стилизации дневников, писем, мемуаров дают еще большую свободу в обращении с фактами истории. Это связано со способностью художественной литературы преодолевать «ограниченность нашего эмпирического сознания» и создавать «новые формы видения человека» [8, с. 235].

Так, например, в романах Антонии Сьюзен Байетт «Обладание» (1990) и Ульяма Бойда «Нутро любого человека» (2002) дневники вымышленных писателей позволяют через восприятие конкретной личности воссоздать особенности описываемых эпох.

«Нутро любого человека» полностью состоит из дневников разных периодов вымышленного писателя и журналиста Логана Маунтстюарта, опубликованных одним из родственников после его смерти. Отклонение от жанрового канона наблюдается в эпизодах, где исчезает одна из отличительных особенностей дневников – интимность, предназначенность для самого себя. Так, в начале романа Логан упрекает себя в неискренности, в попытке скрыть за выражениями из художественной литературы истину: «Разумеется, сейчас, когда я это пишу, меня одолевают сомнения – и стыд. Откуда мне, собственно, знать, что такое взгляд, полный беспримесной чувственности?» [7, с. 146]. В более поздних записях упоминается о возможности опубликования дневников. Предвидение вероятности обнародования личных переживаний нарушает принцип секретности, а, следовательно, исчезает свойственная дневникам искренность. Маунтстюарт даже обращается к предполагаемому читателю, что противоречит канону дневникового жанра: «Вы могли видеть меня мелькающим в телевизионных новостях» [7, с. 695], «только представьте» [7, с. 774].

Модификации дневниковой формы очевидна и во внешней организации произведения. Записи Логана, как любое документальное издание личных архивов знаменитого человека, снабжены уточняющими вставками, комментариями, сносками, именным указателем, изложением событий из жизни героя, не отраженных в дневнике. Однако, если в традиционном романе, написанном в дневниковой форме, издатель сразу обозначает свою роль в появлении личных записей с помощью, скажем, предисловия, то в произведении У. Бойда личность комментатора остается неизвестной: читатель даже может предположить, что дневники были оформлены самим Маунтстюартом, тем более что он упоминает о возможности издания мемуаров. Опираясь на терминологию В. Шмида, можно говорить о проблеме, возникающей при характеристике первичного нарратора (в данном романе издателя). Его личность невозможно охарактеризовать, несмотря на то, что он отстраняется как от героя (вто-

ричного, диететического нарратора Логана Маунтстюарта) за счет обособления его и своих комментариев, использования повествования от третьего лица во вставках, дополняющих события, не включенные в дневник², так и от конкретного автора У. Бойда, упоминая его имя и произведение в одной из сносок. Такое использование повествовательной структуры, думается, призвано подчеркнуть установку на «нероманность» дневникового жанра, его близость к документальности, но при этом романские приемы и средства подсказывают читателю, что эта документальность недостоверна, создана воображением.

Интерес к дневникам Логана обусловлен не известностью его как писателя или журналиста (герой умирает в бедности и безызвестности, да и удачливым писателем его с трудом можно назвать), а неохватностью его жизненного опыта и обширными знакомствами с людьми эпохи. Бойд использует достаточно характерный для историографических повествований прием столкновения вымышленных персонажей и реально существовавших людей. Логан встречается с В. Вульф, Э. Пауэллом, И. Во, Я. Флемингом. Список знакомств героя романа можно было бы продолжить, однако смысл введения знаменитостей в сюжетный план остается неизменным: создать субъективную картину эпохи XX века.

Анализируя роман У. Бойда, А. Брукнер перечисляет все невероятные перипетии в жизни Маунтстюарта и делает вывод: «Это художественные приемы, но они работают» [2, с. 41]. Одним из таких приемов, модифицирующих традиционную дневниковую форму, является постмодернистская полижанровость. Записи Маунтстюарта в зависимости от периода его жизни и окружающих его реальных и вымышленных людей переключаются то с плутовским романом Испании или ранней университетской прозой Великобритании³ («Школьный дневник» и «Оксфордский дневник»), то превращаются в реалистический роман в манере Э. Хемингуэя (Дневники времен гражданской войны), а после знакомства с Я. Флемингом Логан становится шпионом и соответственно его описания очень близки историям о Дж. Бонде.

Полижанровость у Бойда можно определить как внутреннюю, так как внешняя организация романа реализуется только на основе дневников⁴ (не считая двух памятных записок тоже, однако, обладающих характеристиками личных записей). Что касается «Обладания» Байетт, то здесь следу-

ет отметить как внутреннюю, так и внешнюю полистилистику на уровне жанровых образований. В критике неоднократно отмечалась оригинальность фрагментарной структуры произведения, представляющей собой синтез дневников, писем, стихотворных текстов, сказок, научных и газетных статей. Помимо модификаций формы романа, обеспечивающей развитие сюжета за счет неканонического использования канонических жанров, произведение Байетт обладает чертами полижанровости, отражая в повествовании черты исторического, философского, готического, университетского, детективного и многих других жанров. Одна из ведущих ролей в создании этой многоуровневости принадлежит форме дневниковых записей.

В тексте романа упоминаются дневники четырех героев: реально существовавшего историка, автора объемного дневника К. Робинсона и вымышленных Эллен Эш (жены поэта Рэндольфа Эша), Бланш Гловер, подруги поэтессы Кристабель Ла Мотт, и двоюродной сестры последней – Сабинны де Керкоз. Дневники отличаются друг от друга, но подчинены общей идее: поиску правды об отношении известных поэтов XIX века Эша и Ла Мотт.

На первый взгляд может показаться, что функции дневниковой формы Байетт соотносит с классическим каноном викторианского романа, где эпистолярные образцы, как полагала Дж. Остен, должны быть использованы «для интерпретации, а не для повествования или создания психологического портрета» [1, с. 180]. Однако за счет двуплановости развития сюжета (в XIX и XX столетиях) это назначение дневников модифицируется. Герой-литературовед Роланд, пытаясь открыть истину, ищет подсказки в записях различных людей XIX века, то есть работает в архивах. Обилие документов, на которые опирается Митчелл, заставляет вспомнить понятие «всемирной библиотеки» Х.Л. Борхеса, а сам герой в своих размышлениях уподобляется Пьеру Менау – автору «Дон Кихота»: «Переписанные довольно таки неразборчивым почерком Роланда, записи Робинсона выглядели странно, не так полнокровно и словно бы поутратили связь с обстоятельствами жизни писавшего» [6, с. 38].

Что касается образа «всемирной библиотеки» или «архива», он соотносится практически с любым постмодернистским метароманом. Неслучайно С. Кин было введено понятие «архивного романа» для анализа современных произведений. Единственный недостаток термина исследова-

тельницы заключается в том, что она ограничивает понятие архива реальным или виртуальным местом собрания письменных документов, которое можно посетить, и подчеркивает, что ее «архив» не имеет ничего общего с понятием М. Фуко: «мощные дискурсы, которые существуют во времени, вне произведений индивидуальных авторов» [3, с. 50]. А ведь именно такое пространство предлагает в своем романе Байетт, что отчетливо проявляется при сопоставлении текстов, написанных людьми, которые часто даже не были знакомы друг с другом. Важно, что дневники разных авторов вплетаются в «игру зеркалами» романа и образуют, во-первых, текст-архив в понимании М. Фуко, становясь необходимыми для продвижения сюжета свидетельствами о прошлом, которые помогают героям-литературоведам в исследовании, а во-вторых, являются основополагающей составляющей целостности постмодернистского романа. Так, например, Эллен Эш признается в дневнике, что «воображала себя одновременно и дамой сердца каждого из рыцарей – непорочной Гиневрой – и сочинительницей этих историй» [6, с. 154], и в записях Сабинны де Керкоз находим похожее описание: «я воображала себя сэром Ланселотом, покуда не поняла, что я всего лишь женщина и должна довольствоваться ролью Эллены Белорукой – страдать и сохнуть по Ланселоту» [6, с. 426], а дискуссия об интерпретации легенды о Вивиан и Мерлине, отраженная в дневнике де Керкоз, перекликается с рассуждениями о работе над картиной о «пленении Мерлина де-вой Ниневой» [6, с. 63]. Повторение этих моментов можно было бы назвать случайным, если бы они не отражались в идейном содержании романа в целом: соотношение мужского и женского начала в творчестве и жизни XIX–XX веков.

Для доказательства этой мысли следует более подробно проанализировать роль дневников в жизни трех женщин: Кристабель, Эллен и Сабинны. Из документов Ла Мотт исследователям известны только письма. Она настоятельно советует своей племяннице никогда не вести дневник, так как «ничто так не связывает женщину в ее стремлении создать нечто достойное и прожить жизнь свою с пользой, как эта привычка (вглядывания в себя. – *Н.Е.*)» [6, с. 58]. И в то же время, поселившись в доме дяди, Кристабель рекомендует кухне, мечтающей стать писательницей, взяться за дневник для развития стиля и наблюдательности, но подчеркивает, что в ее записях «не

должно быть места “многословным проявлениям девичьей меланхолии, экстагическим охам и вздохам, которые обожают разводить у себя в дневниках заурядные барышни с их трафаретными чувствами”» [6, с. 427]. Таким образом, очевидно отступление от канона формы личного дневника. Сабина как будущая писательница берет на себя роль всеведущего автора, пытающегося проникнуть в сознание героев. Вместе с тем, Байетт не наделяет ее полной свободой, учитывая, что ее дневник – это первый писательский опыт двадцатилетней девушки, единственное окружение которой отец-ученый и гувернантка. Записи Сабины, несмотря на то, что она все время это отрицает, предназначены Кристабель как литературному критику. Однако, когда она испытывает искренние чувства (ревность и ненависть к Ла Мотт), ее дневник становится по-настоящему личным, но эти записи уже не представляют интереса для ученых-литературоведов (или не помогают в развитии основной сюжетной линии?), и поэтому французская исследовательница Ариана Ле Минье, обнаружившая дневник, прерывает его своим примечанием: «Здесь я пропустила несколько страниц, рассуждения Сабины становятся поверхностными и изобилуют повторами» [6, с. 462].

Дневник Эллен Эш в большей мере связан с особенностями жизни аристократии викторианской эпохи. Эллен записывает каждую мелочь, происходящую в доме, что заставляет многих исследователей творчества ее мужа относиться к ней как к «милрой бесцветности» [6, с. 279]. Однако Беатриса Нест, изучающая эти записи, подчеркивает: «Она (Эллен) понимала, что Падуб – великий поэт, и, конечно, догадывалась, что рано или поздно, если дневники не сжечь, то они – любители покопаться в грязном белье – до них доберутся. Догадывалась – но не сожгла» [6, с. 278]. Именно умалчивание, написание дневников, «чтобы сбить с толку» [6, с. 278] становится отличительной чертой записей миссис Эш. Справедливость предположения доктора Нест обнаруживается не только в главе 25, рассказанной от лица всеведущего автора, где эпизод, записанный Эллен в дневнике, воспринимается как эпитафия, требующий расшифровки: «Напиши она эти слова (об отношениях Рэндольфа и Кристабель. – *Н.Е.*), они были бы правдивы; но не отразили бы правды во всей ее подлинности, полноте, со всеми оттенками той минуты, предшествовавшими и последующими умалчиваниями, не отразили

бы жизни, обратившейся в сплошную недомолвку» [6, с. 565]. Размышления, вызванные прочтением «Мелюзины» Кристабель, – это, пожалуй, единственные мысли Эллен, не прикрытые полуправдой, а отражающие ее «я», а не сознание рабыни, «трепетавшей от каждого его (Роланда) слова» [6, с. 573].

Дневник миссис Эш явно предназначен для читателя XX века, знакомого с теорией подсознания З. Фрейда. Эллен описывает свой сон о шахматной игре, где ее королеве «большой, красный» [6, с. 288] король не позволяет ходить больше, чем на одну клетку и, конечно же, современный читатель (а значит, интерпретация документов XIX столетия выходит за рамки романного повествования) увидит в этом описание подавление прав женщины в викторианскую эпоху. Другой момент «оговорки» (зачеркнутая фраза «несмотря на все» перед предложением «мы так счастливы друг с другом» [6, с. 289]) по Фрейду, которые сообщают о том, что Эллен знала о связи своего мужа до того, как это было доказано ходом сюжета.

Несмотря на все предположения, следует помнить, что «Обладание» – это метароман, и поэтому только соотнесение всех частей произведения, всех жанровых образований, его составляющих, позволяет делать конкретные выводы, которые, однако, не всегда приводят к постижению конечной правды о прошлом.

Итак, модификации дневниковой формы в романе Великобритании не выходят за рамки традиции психологизма. Писателей интересует внутренний мир героев, однако излагающиеся через призму индивидуального сознания исторические события позволяют говорить о ставших традиционными в XX веке «переписывании» истории и создании «историографического метаромана» (Л. Хатчеон). В рамках этой разновидности произведения в дневниковой форме воссоздают архив исторических фактов, зачастую являющихся фальсификациями из-за нарушения одного из основных принципов личных записей – интимности. Что касается модификации на уровне формы, то здесь следует отметить использование различных интертекстуальных элементов, создающих характерную для постмодернизма жанровую и стилистическую фрагментарность. Таким образом, романы в форме дневников У. Бойда и А.С. Байетт органично вписываются в складывающийся канон английского постмодернизма, с его интересом к социально-бытовой стороне

жизни индивида. При этом, художественный синтез представляет собой «объединение реалистического тезиса (значимость и опора на литературную традицию. — *Н.Е.*) с постмодернистским антитезисом (обновление этой традиции за счет новейших приемов и идей. — *Н.Е.*) — в искусстве высокой пробы, в романе, привлекающем ныне всеобщий интерес» [5, с. 24].

Примечания

¹ В. Шмид ввел более общий термин «диегетический нарратор» — нарратор, который одновременно ведет повествование и является участником описываемых событий. Таким образом, тип нарратора любого произведения в форме дневника всегда диететический. Несмотря на правомерность объяснения В. Шмидом причины отказа от понятия «первое лицо», в данной статье представляется важным сохранить традиционное разграничение типов повествования для более четкого обозначения путей модификации дневниковой формы.

² Этот прием позволяет рассматривать издателя одновременно как абстрактного и всеведущего автора.

³ Тема Испании и Латинской Америки играет важную роль в развитии сюжета романа. Первые записи были сделаны на испанском языке, так как до шести лет Логан жил на родине своей матери в Уругвае, а затем переехал в Великобританию — родную страну отца. Двунациональное происхождение героя подчеркивается его полным именем Логан Гонсаго.

⁴ В тексте уже упоминалось о переключках дневников в романе Бойда с мемуарами и автобиографией, однако смешение этих жанровых образований не выходит за рамки традиции, например, в «Робинзоне Крузо» Д. Дефо это размытие границ внутри автобиографических повествований уже присутствует.

Библиографический список

1. Beebee T.O. Epistolary Fiction in Europe 1500–1850. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — X, 278p.
2. Brookner A. Insouciance of a True Hero // The Spectator. — 2002. — 20 April. — P. 41–42.
3. Keen S. Romances of the Archive in Contemporary British Fiction. — Toronto: Toronto University Press, 2003. — 290 p.
4. Lodge D. Consciousness and the Novel. Connected Essays. — L.: Penguin Books, 2003. — XII, 311p.
5. Андреев Л. Художественный синтез и постмодернизм // Вопросы литературы. — 2001. — №1. — С. 3–38.
6. Байетт А.С. Обладать / Пер. с англ. В.К. Ланчиков, Д.В. Псурцев. — М.: Торнтон и Сагден, 2002. — 652 с.
7. Бойд У. Нутро любого человека / Пер. с англ. С. Ильина. — М.: Росмэн, 2004. — 800 с.
8. Бройтман С.Н. Историческая поэтика // Теория литературы. В 2 т. Т. 2. — М.: Академия, 2004. — 368 с.
9. Пестерев В.А. Роль автора в современном зарубежном романе как художественная проблема. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1996. — 78 с.

Ю.В. Емельянова

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА В РОМАНЕ АРТУРА ХЕЙЛИ «ВЕЧЕРНИЕ НОВОСТИ»

Артур Хейли (1920–2004) известный американский писатель второй половины XX века. Будучи по рождению англичанином, а с 1952 года — гражданином Канады, имеет достаточно веские основания считаться американским писателем, поскольку все его крупные произведения написаны на американском материале и впервые опубликованы в США. Не получив законченного образования, Хейли служил в годы войны в резерве английских BBC, а затем перебрался в Северную Америку, где занял-

ся журналистской деятельностью. Дебютировав в качестве телевизионного сценариста и автора ряда пьес, он с конца 1950-х годов переходит к сочинению остросюжетных романов, пользующихся популярностью во многих странах мира. Наиболее удавшиеся книги Хейли отличает от трафаретных боевиков стремление к многоплановости изображения, умение автора сочетать занимательность с постановкой важных социальных вопросов. В «Окончательном диагнозе» («The Final Diagnosis», 1959, рус. пер. 1973) и «Сильном лекарстве»

(«Strong Medicine», 1984) такой проблемой являются недостатки американского здравоохранения, «Отеле» («Hotel», 1965, рус. пер. 1972) и «Колесах» («Wheels», 1971, рус. пер. 1974) – расовая дискриминация, в «Менялах» («The Moneychangers», 1975) и «Перегрузке» («Overload», 1979) – проявление экономического и в особенности энергетического кризиса, в «Аэропорте» («Airport», 1968, рус. пер. 1971) – противоречия технического прогресса и рост преступности.

«Вечерние новости» – один из последних романов Артура Хейли, написанный в 1990 году и переведённый на русский язык в 1993, не получил такого широкого общественного резонанса, как его более ранние произведения. Причины этого непонятны, особенно учитывая то, что в этом романе Хейли смог предвидеть проблему, затронувшую Соединённые Штаты через каких-нибудь десять лет. В романе отчётливо звучат две основные темы – работа американской телестанции Си-Би-Эй и тема терроризма, представлениями которого выступают так называемые «борцы за справедливость» члены колумбийской организации «Сендеро луминосо» и её наёмный убийца – террорист Мигель.

Сюжет романа построен по принципу детективного жанра. Семью главного героя известно телеведущего Кроуфорда Слоуна – жену, сына и престарелого отца – похищают террористы. Преступление было тщательно спланировано, на него было потрачено много средств и времени, и с точки зрения террористов оно прошло удачно. Однако даже в самом тщательно спланированном преступлении преступник оставляет следы, которые в итоге приводят к его разоблачению. Роман «Вечерние новости», по сути, представляет собой журналистское расследование. И вот на фоне этого ужасного преступления Хейли, со свойственной ему тщательностью, выписывает образы положительных героев романа – сплоченный коллектив журналистов, незамедлительно бросившихся на помощь своему коллеге, беда которого не могла оставить их равнодушными. Действия этих профессионалов, умело направляемые другим главным героем Гарри Партриджем, приводят к освобождению жены и сына Кроуфорда Слоуна (его отец был убит террористами), хотя сам Гарри Партридж погибает от пуль террористов, спасая жизни семьи Слоунов.

Анализ пространственно-временных характеристик в тексте является одним из важнейших

моментов, ведущих к пониманию произведений искусства, в том числе и произведений литературы. Учитывая биографию Хейли, который достаточно много писал для телевидения, неудивительно, что действие большинства его романов характеризуется закрытостью пространства. Это были либо интерьеры квартир, либо целые здания, например аэропорт, банк, больница, отель и т.д., в которых по сюжету и происходило основное действие. Именно в замкнутом пространстве автор добивался наибольшей концентрации событий и накала страстей. Даже если герои и выходили за пределы зданий, то действие все равно проходило в замкнутом пространстве автомобилей или самолетов, как, например, во всемирно известном романе «Аэропорт», принесшем писателю настоящую популярность. В романе «Вечерние новости» автор, пожалуй, впервые так много оперирует открытым пространством, причем чаще всего, играя именно на контрасте открытого и закрытого пространства.

Раздвигая хронотопические рамки романа, автор чаще всего разделяет функции закрытого и открытого пространства. В самом начале романа читатель видит, что закрытое пространство является символом безопасности, так как только здесь герои могут укрыться от грозящих им опасностей. Террористы проводят слежку только до момента, когда Слоун входит в свой дом или в здание телестанции: «Было 19.40, когда Кроуфорд Слоун на «бьюике-сомерсет» выехал из гаража Си-би-эй <...> «Форд-темпо», отъехавший за ним от здания Си-би-эй, продолжал двигаться следом <...> Минут десять спустя, когда Слоун въехал на улицы Ларчмонта, «форд» на некотором расстоянии последовал за ним и затормозил, не доезжая до дома Слоуна <...> и с безопасного расстояния продолжал вести наблюдение» [1, с. 51–52].

И до самого момента похищения закрытое пространство служит укрытием. Кроме помещений героев защищает и пространство автомобилей. «Они втроём (Джессика, ее сын и отец Кроуфорда. – Ю.Е.) выехали из дома на «вольво-универсале» Джессики незадолго до 11 часов <...> Флоренс, служанка, приходившая на день к Слоунам, видела, как тройца отъехала. Видела она и то, как из боковой улочки выехала машина и последовала за «вольво» Джессика по обыкновению остановилась у супермаркета на Чэтсурс-авеню <...> и вместе с Энгусом (отцом Кроуфорда. – Ю.Е.) вошла в магазин» [1, с. 90].

Джессика Слоун с сыном и его дедом находились в помещении магазина, когда преступники начали осуществление своего замысла. И для исполнения его, преступникам необходимо было выманить героев из помещения, таким образом, лишив их привычной защиты. «Джессика и Никки, все еще ошарашенные страшной вестью (об аварии, в которую, по словам преступников, якобы попал Кроуфорд. – Ю.Е.), быстро направились вместе с молодым человеком к выходу из магазина» [1, с. 95].

Наконец преступление совершено, троих членов семьи Кроуфорда Слоуна террористы силой заталкивают в свою машину и направляются в свое логово. Функция закрытого пространства для жертв террористов меняется на противоположную. Теперь оно символизирует несвободу, оторванность от близких и опасность для жизни.

Для транспортировки заложников в Перу, террористы выбирают варварский способ – жертв, находившихся в состоянии наркотического опьянения, перевозили в гробах. Такой способ «путешествия» своеобразно подчеркивает неестественность этого перехода героев из привычного мира в мир смертельной опасности. Такое перемещение символизирует выдергивание героев из их привычной среды, лишение их психологической защиты и комфорта. И закрытое пространство, символами которого являются гробы, свидетельствует о том, что прежняя жизнь к членам семьи Слоуна уже не вернется, и они никогда не смогут забыть того, что с ними происходило. Для террористов и машины, и их логово, и, наконец, гробы наоборот служат символом безопасности и успеха их «операции».

Похожие чувства в закрытом пространстве испытывают и преступники: «Мигель ненавидел джунгли, или сельву, как их называли перуанцы. Ненавидел разъедающую сырость, гниль и плесень, ненавидел это ощущение замкнутого пространства, откуда быстрорастущий, непролазный кустарник тебя уже никогда не выпустит...» [1, с. 346]. Здесь Мигель говорит, что джунгли для него кажутся закрытым пространством, хотя далее сам утверждает: «А какие они огромные, джунгли, чуть ли не в два раза больше Калифорнии – они занимают три пятых территории Перу...» [1, с. 346]. То есть для него замкнутое пространство, где он чувствует себя некомфортно, определяется не размерами и площадью, а скорее тем, насколько он может это пространство контролиро-

вать и подчинять себе. «Сейчас прямо перед ним была река Хуальяга – неожиданный просвет в нескончаемых джунглях. Мигель остановился, чтобы как следует ее разглядеть». Открытое пространство реки гораздо легче контролировать, что дает чувство психологического комфорта такому опытному преступнику. Такой же комфорт на реке ощущает и другая террористка, верная помощница Мигеля, Сокорро: «Вид реки и ее безлюдных, покрытых густыми зарослями, зеленых берегов убаюкал Сокорро» [1, с. 340].

Находясь в плену, Джессика по-прежнему, видимо в силу привычки пытается найти защиту в замкнутом пространстве и её, в отличие от Мигеля, вид показавшейся реки настораживает и пугает. «Вид реки усилил в Джессике ощущение оторванности от мира. Ей казалось, будто этот безлюдный край – врата в незнакомую враждебную страну». И река, традиционно считающаяся символом жизни, для Слоунов в тот момент являлась только символом дискомфорта и неизвестности и путем к их дальнейшим страданиям, а возможно и к смерти. «Она, Никки и Энгус, подталкиваемые автоматами, добрались в воде до одной из лодок; им было велено сесть на мокрое дощатое дно. Правда, можно было опереться спиной о единственную поперечную доску, приколоченную к бортам, но и это положение было очень неудобным». В конце романа река меняет свою функцию и становится опять символом жизни, так как именно по реке герои, спасаясь от преступников, добиваются до того места, где их должен был забрать вертолет и увезти подальше из этих мест заточения. Именно в вертолете пленники и их спасатели находят укрытие от преследования и пуль террористов. Таким образом, круг как бы замыкается: в начале романа замкнутое пространство служило им прикрытием, и в конце романа оно опять стало символом безопасности и свободы.

После путешествия по реке, пленников привезли в то место, где они должны были содержаться все время заточения. И здесь замкнутое пространство выступает против героев, так как преступники намеревались содержать в клетках, отрезанными друг от друга. «И тогда Джессика в ужасе воскликнула:

– О Боже, нет! Вы не можете запереть нас здесь! Только не в клетках, мы ведь не животные! Пожалуйста! Пожалуйста, не надо!». И чтобы понять весь ужас ситуации читателю не обязательно знать все остальные детали интерьера этой хижины, ему

достаточно «увидеть» эти клетки, а остальное «достроится» в его воображении. Клетки были разгорожены на три части и полностью исключали контакт заложников, таким образом, лишая их последней опоры в их тяжелой ситуации, которую они прежде могли найти, находясь близко друг к другу, например во время поездки по реке.

Будучи женщиной, которая по стечению обстоятельств вынуждена взять на себя роль лидера и взвалить на свои плечи заботу о двух мужчинах, Джессика в первые минуты впадает в отчаяние: «В первые жуткие минуты, когда Джессику, Никки и Энгуса бросили в разгороженные клетки, Джессика расплакалась, услышав рыдания Никки, – мозг ее отказывался работать, и она находилась в состоянии психического шока, с которым не могли справиться никакие доводы разума. И Джессика поддалась отчаянию. Но ненадолго» [1, с. 377].

Теперь Джессика наоборот стремится в открытое пространство, но поскольку о побеге пока не может быть и речи, она пытается «впустить» это открытое пространство в свои клетки и добивается, несмотря на ярое сопротивление террористов, чтобы в хижине проделали окна: «На следующий день пришли двое мужчин с инструментами. Они вырезали несколько квадратов в стене напротив камер. Помещение залил яркий свет, и трое пленников теперь хорошо видели друг друга и могли рассмотреть часового. В сарай ворвался свежий воздух, чувствовалось даже легкое дуновение, благодаря которому зловоние почти выветрилось» [1, с. 381]. И вот это дуновение, хотя еще и слабо напоминающее «воздух свободы», говорит о том, что первые шаги на пути к свободе этой хрупкой женщиной уже сделаны.

Географическое пространство, где происходит действие романа «Вечерние новости», очерчено достаточно конкретно. Основными топосами являются Америка и Перу. Как и в случае с закрытым и открытым пространствами, точка зрения автора определяется достаточно четко: все, что связано с Перу, этим рассадником преступности, окрашено в мрачные тона. Основную опасность представляли джунгли. Природу невозможно полностью познать или покорить, возможно только понять ее знаки и следовать им и тогда она тебе может помочь. Хотя Мигель и нашел свое укрытие в деревушке, которая находилась в непроходимых джунглях, он постоянно ощущал исходящую от них угрозу. По словам одного из по-

мощников Гарри Партриджа «джунгли могут быть другом, могут быть и врагом» [1, с. 480]. Партриджу и его небольшой команде спасателей джунгли помогли. Они смогли обратить непробиваемую стену могучих растений в своего союзника, который укрыл их на период наблюдения за террористами. Закрытое пространство, которое так ненавидел Мигель, помогло нашим героям. Партридж погибает от пуля преступников именно в тот момент, когда выбежал из прикрытия в джунглях на открытое пространство вертолетной площадки.

Особую роль в повествовательной системе А. Хейли выразительная деталь. Все, что связано с Перу и террористами описано как старое и обветшалое. Характерно в этом плане описание дома одного из террористов в Лиме: «The district had clearly fallen on bad days. Number 547 Huancavelica was a large, drab building with peeling paint and chipped masonry. Within the building an odour of urine and general decay assaulted them. Garbage was strewn on the floor. Predictably the elevator wasn't working so the men had no choice but to climb nine flights of grimy cement stairs» [2, p. 548]. Еще хуже выглядит деревушка в джунглях Нуэва-Эсперанса, служившая пристанищем преступников: «За грязной, бугристой дорогой, что шла от реки, виднелись обветшалые строения – всего около двадцати домов; некоторые были настоящими хибарами, сооруженными из старых ящиков и проржавевших, деформированных железных листов, скрепленных стеблями бамбука. В большинстве хижин не было окон. Соломенные крыши давно пора было чинить – в них зияли дыры. Всюду валялись консервные банки и мусор» [1, с. 342]. И даже дом в пригороде Нью-Йорка, служивший временным укрытием преступников был в плачевном состоянии и представлял собой ряд «обветшалых строений» [1, с. 451].

Все эти описания резко контрастируют с тем, какой предстает читателю Америка в целом и среда обитания наших героев в частности. Примером «идиллического» топоса служит Ларчмонт, пригород Нью-Йорка, где живет семья Слоунов. «Дом – в соответствии с солидными доходами Слоуна – был большой и внушительный. Белый, под шиферной крышей, он стоял в тщательно распланированном саду, и к нему вела заканчивающаяся полукругом подъездная аллея. У входа высились две ели. Над двойными дверями висел чугунный фонарь». Большинство жителей Ларч-

монта знают друг друга по имени, они привыкли здороваться и вести неторопливые беседы. И их, в отличие от жителей больших городов, трогают беды других. «Она (Присцилла – свидетель преступления) видела, как двух людей – женщину и мальчика – сажали в такой маленький как бы автобусик явно против их воли <...> Затем в ту же машину втащили мужчину, который, похоже, был без сознания и притом ранен» [1, с. 98]. Эта пожилая женщина начала волноваться, хотя преступники и пытались успокоить ее, сказав, что это проходят съемки кино. Жители провинции не очерствели душой так, как жители мегаполисов, которые в бешеном ритме жизни не находят времени на звонки друзьям, не говоря уже о том, чтобы поинтересоваться проблемами соседей.

Особенности восприятия времени героями являются важной характеристикой их психологического состояния. До захвата Слоунов в заложники, течение их жизни было размеренным и упорядоченным: «Каждый четверг Джессика утром отправлялась за покупками. Узнав об этом, Энгус решил поехать с ней» [1, с. 90]. После совершения преступления, в ходе которого наших героев погружают в наркотическое опьянение, время для них как бы останавливается и впоследствии, уже находясь на территории Перу, Джессике очень трудно понять, сколько же времени прошло с момента захвата. Ей не верится, что они находились без сознания несколько дней. «Где же все-таки они находятся? Уверенность Джессики в том, что они находятся в пределах штата Нью-Йорк, таяла с каждой минутой. А что, если, размышляла Джессика, она и остальные находились без сознания дольше, чем она предполагала? В таком случае их могли вывезти в гораздо более отдаленные места, на юг – например, в Джорджию или в Арканзас? Мысль ее удручила, поскольку такой поворот событий лишил надежды на скорое освобождение» [1, с. 310]. Эти размышления показывают, что она по-прежнему пытается искать хоть какой-то психологической защиты и не думать о том, что их могли увезти за пределы родины. Позднее Джессика находит довольно необычный способ определять время: «Вдруг Джессику осенило, как можно высчитать, сколько времени все трое были без сознания: по щетине Энгуса. Ей неожиданно бросилось в глаза, что его небритая, седая щетина была необычайно длинной. Она сказала об этом Энгусу; тот ощупал подбородок и определил, что не брился четыре-пять дней» [1, с. 341].

Для тех, кто занимался поисками заложников, ощущение времени напротив обострено до счета минут и секунд. Вообще для прозы Хейли свойственно постоянное использование точных указателей времени. И в этом романе, эти указатели часов и минут не просто стремятся хоть как-то упорядочить хаос происходящего, а создают необыкновенное напряжение: «С тех пор как пикап с Джессикой, Никки и Энгусом выехал с площадки для машин перед супермаркетом, прошло одиннадцать минут» [1, с. 100]. И чуть дальше «С тех пор как пикап «ниссан» (машина преступников с заложниками. – Ю.Е.) выехал со стоянки, прошло почти двадцать минут» [1, с. 102]. Таким образом, у читателя создается впечатление, что это не просто вымысел, художественная проза, а документальный отчет о реальном преступлении. Четкость временных рамок подкрепляется четкостью и краткостью, иногда даже телеграфичностью синтаксических структур. Особенно ярко это проявляется, когда автор описывает работу журналистов и руководства телестанции: «The time was fifteen minutes short of 11.55. Making a decision, Chippingham said, ‘We go now’» [2, p. 150].

Когда решение было немедленно принято к исполнению, и новость о похищении семьи Слоуна пошла в эфир: «The time was 11.56 a.m. Beating out its competitors, CBA News had broken the story first» [2, p. 151]. Таким образом, высочайшая насыщенность событиями и действиями персонажей свидетельствует о максимальной интенсивности художественного времени романа в той его части, где речь идет о расследовании преступления.

Роман «Вечерние новости» пронизан временными и пространственными представлениями, бесконечно многообразными и глубоко значимыми. По утверждению М.М. Бахтина «Временно-пространственные определения в искусстве и литературе всегда эмоционально-ценностно окрашены» [3, с. 399]. И в рассматриваемом нами романе они не только составляют основу сюжета, но и четко характеризуют психологическое состояние персонажей на протяжении повествования, показывают эволюцию их чувств и поступков, их мировосприятия.

Библиографический список

1. Хейли Артур. Вечерние новости. – М., 2002.
2. Hailey Arthur. The Evening News. – Corgi Books, London, 1990.
3. Бахтин М.М. Эпос и роман. – СПб., 2000.

Н.А. Жангуразова

**АРХИТЕКТОНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
СОВРЕМЕННОГО БАЛКАРСКОГО РОМАНА**

Преамбула. *Статья посвящена пространственным и временным аспектам современного балкарского романа. На примере творчества ведущих прозаиков А. Теппеева и З. Толгурова, рассматривается динамика архетипических основ произведений, их взаимообусловленность и влияние на структуру жанра балкарской прозы.*

Художественная проза балкарского народа, начав свое формирование в 1930-х годах к концу XX века накопила богатый опыт, стала общепризнанным духовным явлением. За короткий срок был пройден путь от новеллы до романа. Произведения З. Толгурова, А. Теппеева, Э. Гуртуева и некоторых других талантливых авторов, получив широкое признание, многократно издавались и переиздавались в издательствах Москвы.

В последние десятилетия балкарская проза привлекает внимание известных исследователей Северного Кавказа. Она стала объектом исследования специальных статей, диссертационных работ, а также монографий (З. Толгуров «В контексте духовной общности», «О литературах Северного Кавказа», А. Теппеев «Балкарская проза», Ф. Урусбиева «Путь к жанру» и другие).

Но в исследованиях о балкарской литературе, в основном, рассматриваются проблемы ее становления и развития, ее связь с историческими условиями и традициями русской словесности, формирование различных прозаических жанров. Однако такие категории, как время и пространство балкарской романистики все еще остаются за пределами научного осмысления. Предлагаемая статья является первой попыткой показать некоторые особенности времени и пространства, реализуемые в балкарской романистике 80–90-х годов XX века.

Говоря о данных категориях, следует отметить, что они взаимосвязаны и взаимопроникающи. «Мы не знаем ни одного явления в природе, которое не занимало бы части пространства и части времени», – писал в свое время В. Вернадский [3]. Другой исследователь С. Бабушкин, рассматривая данную проблему, ссылается на слова Ж. Гюйо: «Попробуйте представить себе время как таковое? Вы достигнете этого лишь тем, что представите себе пространство. Вы будете вынуждены расположить последовательные явления в одну прямую линию, вместить одно явление

в одной точке линии, другое – во второй. Одним словом для того, чтобы представить себе время, вы вызовете ряд пространственных образов» [1]. Впервые в литературоведении для формализации качеств художественного произведения понятием «хронотоп» воспользовался М. Бахтин. По его мнению, хронотоп – это «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе...» [2]. Слияние пространственно-временных примет «обеспечивает эстетически совершенное ценностное познание человека и мира» [2].

В основе же написания любого художественного произведения лежат два фактора: фактор художественного вымысла и фактор правдивости изображаемого. Однако синтетическое и органичное слияние двух векторов художественного процесса дело литературы, зрелой во всех отношениях. Проза, вышедшая на уровень, допускающий свободное толкование пространственно-временных соотношений в повествовании, и в то же время не отходящая от позиций реализма в смысле суггестивных возможностей текста, может с полным основанием считаться прозой вполне сформировавшегося эстетического сознания. Исходя из этого, мы можем утверждать, что хронотопическая, точнее, архитектурная развитость романного повествования является верным признаком зрелости национальной прозы.

В этом смысле балкарский роман в целом представляет собой весьма примечательное явление – по крайней мере, начиная с первых же произведений этого жанра З. Толгурова и А. Теппеева, Х. Шаваева, Э. Гуртуева и др.

Даже беглый взгляд на структуру балкарского романа показывает нам, что отражение действительности национальными художниками базируется на синтетическом единстве реальных жизненных ситуаций и вымысла, оформленных в виде чередования четко выявленных хронологических объемов.

Ритм жизни героев балкарского романа 80–90-х гг. XX века определяется единым хронотопом,

в разных своих ипостасях присутствующим во всех произведениях. Это хронотоп родины героев – хронотоп гор и ущелий. Пространство в этом хронотопе имеет закрытый характер. Основной его единицей является аул. Используя топоним аула А. Теппеев, например, продолжает традиции изображения ограниченного пространства и констатирует неизменность и закрытость этических и нравственных норм, согласно которым протекает жизнь:

«Удивительно, что, гадая о причине следующего разрушения аула, они (аульчане. – Ж.Н.) не думали о войне! Нет, не потому, что жамауатчане забыли про войну! Не только не забыли – до сих пор дым недавней войны резал им глаза. Красный Жамауат! Аул, однажды насчитавший у себя меньше живых, чем повешенных! Древний Тогалан, поставивший восемь домов на одном фундаменте. Нет, не могли забыть жамауатчане о ней. Но не война должна была разрушить Жамауат. Предание говорило, что каждый раз люди сами уничтожали свой аул. Поссорившись» [5].

Абсолютно аналогично очерчивается течение времени и в романе З. Толгурова:

«Аул жил привычной жизнью. Казалось, в нем царит мир и покой. Как ни в чем не бывало, бегают детишки, по крутым тропам взбираются старики поглядеть скотину на высотах, спускаются вниз ослики, навьюченные дровами. Но в похожих друг на друга, притихших саках не было спокойствия – люди тревожились. Жизнь здесь, в ауле, как бы распалась на две половины, словно на две части разломали чурек, – и текла она, словно на два потока разделившаяся река. Время вынуждало людей осторожничать, с оглядкой выбирать камень, на который следует ступить. А тем временем на землях, окружающих с обеих сторон аул, дружно взошли семена ячменя и пшеницы, отливая густою зеленью на ветру...» [7].

Хронотоп родины в ее ландшафтном измерении для балкарских авторов – это светлый образ идеала, который ассоциируется со счастьем. Там, где нет счастья, исчезает и она. Бытие становится тоскливым и непривлекательным. В последующем перечне событий и явлений уже ощущается боль. Ведь для горца скалы, родные горы – это символ Родины. Отрыв от которых причиняет ему так называемую «фантомную боль», когда он продолжает осязать их благодаря этноонтологической памяти.

В свое время М. Эпштейн, говоря о южных окраинах России, отметил, что «здесь открывает-

ся иной мир – поперек бескрайней, тягучей равнины, встают горы, влекущие ввысь. Это отрыв от скучной земли всегда равнинной, равной себе, создает высокое состояние духа, устремленного в сверхземное» [9]. Именно такое понимание возвышенности, чистоты и было характерно для сильного духом горца. И в итоге выход из привычного хронотопа (т.е. депортация) однозначно ассоциируется с горем. Наиболее четко это проявлено в тех произведениях, в которых переход из одного хронотопического объема осуществлен, так сказать, не только архитектурно, но и визуально, например, в романе А. Теппеева «Мост Сират»:

«Бескрайняя степь, по которой тащился поезд, цвела терпко и жадно, ее пряные запахи просачивались сквозь щели дряхлого товарняка, обволакивая измученных теснотой детей и женщин. Все пребывали в каком-то полудрежном состоянии, хотя по-настоящему спать, да и по-настоящему есть, никому из взрослых, а тем более – старых, давно уже не хотелось» [4].

Такая трактовка духовного состояния этноса органично вплетается в параметры альтернативного хронотопа – степи. Именно понятие степи несет в себе ощущение неволи, неуверенности и неустроенности. Оно является признаком социального бессилия народа.

Пространство степи и неуверенное, тревожное время содействует становлению кризисного хронотопа чужбины. У А. Теппеева чужбина также находится в тесном переплетении с бытовым хронотопом. Познаются они, прежде всего, через пространство и время дороги:

«Бесконечной казалась дорога, тринадцать суток шел поезд и не ускорял свой ход, а тащился все медленнее, ленивее, то и дело останавливался у каждой стрелки и разъезда. Когда эшелон останавливался ранним утром, люди слышали клекот степной птицы, стрекот кузнечиков, видели сочную весеннюю травку» [4].

Целостное пространство аула и гор выступает ярким контрастом к быту дороги. Если в топосах гор Балкарии мы видим две противоположности, но осознаются они как две стороны единого целого – быт и горы, то топоним степи, чужбины дает нам картины депрессии и распада мира, распада на ряды эпизодов и действий, быть может, разных по своим целевым векторам, но однообразных в своей оторванности от того единственного, что освещает жизнь человека и наполняет ее смыслом – Родины.

Данные пространственные сферы существуют в произведении автономно, они являются взаимно отмежеванным как и отмежеванная жизнь разных героев. Именно поэтому главный герой встречает пространственные оппозиции, которые образуют зону отчуждения, ощущение которой А. Теппеев специально подчеркивает.

Тем не менее, расширяя рамки топосов, автор достиг целостности в освещении исторического бытия народа. Возникает некое обще-конституирующее пространство, связанное уже не столько с архитектурной, целостностью того или иного эмоционального рисунка, а скорее с тем, что мы называем «духом народа».

Существование в романном пространстве произведений балкарских писателей некой объединяющей субстанции можно, по всей видимости, считать стабильным стилиобразующим признаком национальной прозы. Он также непосредственно связан с архитектурной сложностью современного балкарского романа.

Особый характер хронотопические интервенции приобретают в том случае, если автор использует их не столько для обрисовки внешнего мира – пусть даже как действующего субъекта, а для выявления экзистенциальных характеристик того или иного героя – черта, весьма характерная для творчества З. Толгурова:

«Прислушавшись к звонкому журчанию реки Желтой, девушка прервала свои глубокие размышления. На поверхности реки, как крылья бабочек, плыли желтые лепесточки. Догоняя, пытаясь зацепиться друг за друга, они сплетались в тоненькие желтые цепочки, кое-где стекая вниз они, обрывались и за ними плыли красные лепестки, выступая на поверхности воды как кровавые пятна. Что это за лепестки, откуда они сорваны, с какого неведомого цветка? «Разве не отцвели еще горные маки?» – подумала Аскерхан. – Или они только доплыли сюда из-за того, что дорога их очень дальняя?.. Или это пятна крови ее далеких родственников, преображавших и лелеявших эти земли» (подстрочный перевод. – Ж.Н.) [6].

Человеческое «я» для Толгурова есть саморазвивающийся субъект, универсальная «вселенная». Мир человека представляется ему на грани двух сфер существования – мира эмпирического, материального и мира духовного, космического, исторического. Совершая свой жизненный путь, человек неизбежно возвращается к своим истокам. Мысль об онтологическом смысле жизни,

вмещенной во внутренний мир человека, становится центральной осью прозы З. Толгурова.

Символический мир бытия открывает себя даже в ранних произведениях писателя. В основу символической системы З. Толгурова положен образ, позволяющий разглядеть и осмыслить взаимозависимость всего во вселенной. Этот «прозреваемый» образ становится самым эффективным инструментом познания. С помощью творческой мысли писателя мы попадаем в некое сверхпространство жизни, где художественный образ становится первой необходимостью действительного взаимодействия человека с миром, а метафорика, выходящая на символ, позволяет найти связь между далеко отстоящими друг от друга явлениями, зримым и незримым, естественным и запредельным:

«Художник впал в раздумья. Желбыдыр один из чудовищ, враг древних Нартов, почему он сейчас вспомнился женщине? С какой целью она упомянула его имя? Он уничтожил все на своем пути, ветром сдувал земли, жилища, пахоты. Но когда это было, в какие века? Или, Зекерия живет в своем заоблачном мире и не знает, что Желбыдыр еще жив? Может, став еще мощнее, злее, он высматривает весь балкарский народ? Если что-то разрастается на целую вселенную, его уже не заметишь ни днем, ни ночью. Люди привыкают к нему как к обыденности, как к горам и камням. И почему то, что не видит он сам (художник. – Ж.Н.), не должны видеть другие? Мало ли на свете людей с присущим индивидуально-острым взглядом» (подстрочный перевод. – Ж.Н.) [6].

В символическом слове З. Толгурова царит скрытое сопряжение всего существующего. Оно объемлет и мир во вне, и внутренний мир человека.

Писатель понимает, что жизнь человеческого духа не может быть оторванной от жизни эмпирической, протекающей в реальном мире. Эти две категории нельзя разъединить, ибо через обретение их в себе и начинается реальность связи Земли и Неба, предопределяющей акт рождения художественной правды. Используя эффект отчуждения – трактовки происходящего с позиций безусловной истины, ибо вестником ее является ребенок («Голубой типчак») З. Толгуров раздвигает рамки жизни, выходя из физических границ, и организует сознание читателя, чтобы оно могло вместить неведомые новые понятия:

«Если уж Бог начинает наказывать, то наказывает до конца, пока не обратит в прах. В том, что

Крым тоже слаб на голову, у Айшат уже не было никакого сомнения. И надо было признаться, эта мысль радовала ее. Жаль, никто больше не догадывался об этом.

– Это дерево, идиотское ты отродье! – выкрикнула она с сердцем, несколько даже празднично.

Крым не обиделся. Удивленный, что не только сверстники, но даже взрослые не видят очевидного, он ответил:

– Как ты можешь не узнать ее в лицо, если она твоя родная сестра? Вот же она, стоит, смотрит на нас!?» [8].

Ситуация проста и в то же время фантастична. Мы не знаем, что является истиной – ощущение мальчика Крыма, ищущего свою мать, или утверждения взрослых, для которых сакральный смысл реального мира утерян за многочисленными соображениями сиюминутной выгоды и преходящими ценностями. Объекты, имеющие двойную природу в двух различных хронологических пространствах, в произведениях З. Толгурова играют особую роль. Они – пробный камень, на котором сравниваются экзистенциальные свойства различных пространств и одновременно – эти объекты манифестируют нам третье измерение – мир, в котором они существуют сами по себе.

Балкарский автор использует и общепринятые для мировой литературы символические картины. Поэтому в его произведениях символика и миф не выглядят трудно понимаемыми приемами. Писатель проводит свою личную мифологию сквозь параллельное пространство реальной природы, знакомых литературных оппозиций. Например, образ тьмы (или ночи) как символ неведения не выходит за рамки своего привычного смысла.

Таким образом, можно с большой уверенностью утверждать, что архитектурная, хронологическая – вообще структурная – сложность современных романов балкарских писателей прослеживается как стабильно присутствующий в них признак. Национальная самобытность балкарского романа характеризуется оригинальным сплавом традиций русской литературы и новейших достижений мировой романистики.

Формотворческие искания А. Теппеева и З. Толгурова обогатили жанр романа новыми структурными чертами, комплексом изобразительно-выразительных средств, что значительно расширило национальные границы романной формы как таковой.

Не касаясь классификационных особенностей социально-бытового, психологического романа и иных его разновидностей, отметим, что национальная горская проза развивалась по пути активных поисков философского характера. Именно многочисленность вариантов осмысления окружающего бытия, многочисленность эстетических истоков гносеологии национальной прозы – от норм реализма до самых новационных и модернистских находок западной романистики, ставших объектом осмысления балкарских авторов уже в середине 70-х – начале 80-х годов XX века – именно эта инвариантность и породила структурную сложность произведений балкарских писателей, стала той генерационной базой, на которой возросло хронологическое многообразие каждого отдельно взятого произведения.

Тем не менее, прозе балкарского народа присущ свой, совершенно узнаваемый стиль. Сегодня можно смело говорить о сформированности стиля национальной прозы, причем – именно в области крупной формы. Даже в переводах на русский язык, переводах, к глубокому сожалению, далеких от идеала, ощущается единство манеры повествования, анализа, эстетической рефлексии.

Уже в ранние 90-е годы прошедшего века писателей волнуют не события или отношения героев, а «взрывная» коллизия, открывающая душевные движения, нравственные муки, пробуждение высоких эстетических запросов. К примеру, извечная тема любви у авторов в данный период приобретает свою какую-то специфическую окраску, для героев произведений она как нечто бесконечное, ценность человеческой мысли и в то же время она трагична, безысходна в глобальной цивилизации, подчинена чему-то мифическому, неизвестному.

В современных крупных прозаических произведениях границы сюжетного времени и пространства свободно раздвигаются. Также на арену выходит авторская мысль о преображении жизни, человечества, Вселенной через призму национального сознания посредством художественного слова. Это время, когда «в условиях обновления общественной жизни раздвигается динамика развития национального самосознания, углубляется интерес к познанию культурного классического наследия, вырабатывается новое явление в среде духовной культуры... Идет осмысление духовного наследия у всех народов,

возвращаются мощные пласты национальной культуры. Все это оказывает большое влияние на формирование национального самосознания, способствует развитию духовно-нравственных ценностей» [10].

Начиная с конца 80-х XX века и позже, вплоть до нашего времени, северокавказская, проза пошла по перспективнейшему пути развития – по крайней мере, у лучших представителей национальной литературы. Конечно, стремление насытить прозаический текст узнаваемыми деталями, относящимися к традиционному национальному бытийному окружению, имеет место у всех балкарских авторов. В ряде случаев это обуславливает реальное национальное качество – тем более, если фольклорные элементы, устойчивые национальные символы сопряжены с новыми, оригинальными трактовками окружающего мира или внутреннего «я» автора.

И это направление развития стало генеральной линией эволюции национальной прозы, как наиболее соответствующее требованиям современности и в то же время связанное с национальным сознанием и мировосприятием. Это было направление, ориентированное на создание сложных произведений, характеризующихся, прежде всего, своеобразным синтезом нацио-

нальных форм художественного восприятия, мышления с образными рядами общечеловеческого, общекультурного плана.

Библиографический список

1. *Бабушкин С.А.* Проблема художественного времени и пространства // Пространство и время. – Киев, 1984. – С. 280.
2. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234, 396.
3. Из рукописного наследия В.И. Вернадского // Вопросы философии. – 1966. – №12. – С. 112.
4. *Теплеев А.М.* Мост Сират. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – С. 187, 188.
5. *Теплеев А.М.* Тяжелые жернова. – М.: Советская Россия, 1985. – С. 23.
6. *Толгуров З.Х.* Белое платье. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – С. 63, 146.
7. *Толгуров З.Х.* Большая медведица. – М.: Современник, 1988. – С. 126.
8. *Толгуров З.Х.* Голубой типчак. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – С. 102, 103.
9. *Этштейн М.Н.* «Природа, мир, тайник Вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 165.
10. *Эфендиев Ф.С.* Этнокультура и национальное самосознание. – Нальчик: Эль-Фа, 1998. – С. 5.

А.В. Кожикова

МИФОЛОГИЗАЦИЯ «ИНОГО» КАК ИНСТРУМЕНТ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ (К проблеме «гофмановского» мифа в России)

Преамбула. *Статья посвящена вопросу о транснациональных коммуникациях и их влиянию на становление культурной мифологии в России периода романтизма. В основе данной работы лежит история мифа о Гофмане, устойчивость которого на русской почве является главным доказательством его органичности культурному сознанию. Большое внимание уделяется начальному этапу распространения и популяризации творчества Гофмана в России как значимому эпизоду в истории российской культурной мифологизации «инового».*

Не смотря на наличие границ, отдельные национальности в Европе не изолированы друг от друга, их связывает единство цивилизации, единство культуры. Неотъемлемой частью культуры любого народа является литература, которую, по мнению М.М. Бахтина, невозможно понять «вне целостного контекста всей культуры данной эпохи» [2, с. 329].

Романтизм задал новую культурную парадигму, в рамках которой принципиальным становит-

ся сам процесс нового типа осмысления «инового» как экзотированного воплощения невыраженного «своего» в актуальный культурный процесс. В этот период идет процесс переосмысления творчества уже известных в России и читаемых европейских писателей конца XVIII века. Формируется принципиально новый, построенный на иных по сравнению с прошедшими десятилетиями принципах отбора, свод образцовых авторов, определяющих философские и эстетиче-

ческие параметры создания в русской культуре романтической картины мира. Его неотъемлемой частью становятся произведения немецких романтиков, и одним из наиболее востребованных оказывается Э.Т.А. Гофман.

Произведения немецкого романтика становятся популярными за пределами Германии в первой половине XIX века, в первую очередь, во Франции, где его произведения активно переводятся. По признанию современных немецких исследователей именно зарубежье возвело имя Гофмана в ранг мировой литературы.

В 1824 году «Элексиры дьявола» сделали Гофмана известным в Англии. В 1830 году вышло в свет французское издание его сочинений, и еще до середины века его произведения были переведены на русский язык.

В России имя Гофмана приобретает известность уже в 20-е годы XIX века во многом благодаря французским переводам. Известно, что в библиотеке В.Г. Белинского хранился том французского издания Гофмана в переводе Лева-Веймара, что указывает на вероятность прочтения русским критиком произведений немецкого романтика по-французски. Первый же русский перевод произведения Гофмана «Мадемуазель Скудери» появился в 1822 году в Санкт-Петербурге, в год смерти писателя, в приложении к журналу «Сын Отечества», «Библиотеке для чтения» [3], и с тех пор интерес к его творчеству не ослабевал. К 1840 году вышли в свет переводы 62 его рассказов.

Благодаря знакомству с культурной и политической жизнью Германии, которая освещалась русскими путешественниками, образованными людьми, увлеченными немецкой философией и словесностью, была заложена основа восприятия и понимания русскими читателями немецкой литературы. Важную роль в этом процессе сыграли «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, в которых, по справедливому замечанию В.В. Розанова, «впервые склонилась, плакала и понимала русская душа чудный мир Западной Европы, тогда как раньше, в течение века, она смотрела на него тусклыми, лишь отражающими предмет, но не отвечающими ему глазами». С этого времени русские читатели беззаветно отдаются чужим влияниям, «с наслаждением переживают в себе настроения Европы», вбирают «в себя капли духовной жизни, выделяемые цветком, который зрел полтора тысячелетия» [18, с. 163].

На этой благодатной почве возникают все условия для распространения литературы немецкого романтизма и творчества Гофмана в России.

Целенаправленные поездки в Германию предпринимал В.А. Жуковский, сам себя называвший родителем «на Руси немецкого романтизма» [5, с. 18] и имевший огромные возможности для знакомства с немецкой литературой во время своего пребывания в Дерпте (1815–1817). Имя Гофмана нередко встречается в дневниковых записях Жуковского, относящихся к его первому путешествию в Германию. Так, 7 ноября 1820 года Жуковский отметил в своем дневнике следующее: «Вечер у графа Грёбена. Гофман...» [7, с. 91].

Запись в дневнике от 13 ноября 1820 года: «Ужин у Грёбена. Hoffmann Triumph der Ironie» [7, с. 92] передаёт впечатление Жуковского от общения с Гофманом. В записи от 15 ноября 1821 года мы находим упоминание о чтении Гофмана на вечере в салоне Марии Клейстер, которая дружила с Гофманом. Вероятно, что Жуковский присутствовал при чтении Гофманом отрывка из второго тома «Житейских воззрений кота Мурра», который писатель заканчивал в последние месяцы 1821 года. Гофман упомянут в дневнике Жуковского ещё 2 раза, в записях от 12 ноября 1820 года и от 16 марта 1821 года. Несмотря на то, что эти записи представляют собой краткий перечень имён, встреч и событий, они все-таки подтверждают факт знакомства Жуковского с Гофманом и его творчеством в Берлине в 1820–1821 годах.

И хотя мы не располагаем прямыми доказательствами участия Жуковского в появлении первых переводов произведений Гофмана в России, все же нельзя отвергать его возможной роли в этом. Первые русские переводы новелл Гофмана «Мадемуазель де Скудери» и «Дождь и догара» не случайно появляются на страницах «Сына отечества». В 1820 году по рекомендации Жуковского в редакцию этого журнала вошел бывший в 1815–1820 годах профессор русского языка и словесности Дерптского университета А.Ф. Воейков, который тесно общался с Жуковским и его окружением и имел такие же возможности для знакомства с творчеством Гофмана на его родине.

В 1826 году именно Жуковский подскажет издателям только что организованного журнала «Московский телеграф» ту основную линию, которую следует проводить на его страницах. По мнению Жуковского, этому журналу «надобно бы быть про-

сто телеграфом, то есть сообщителем европейских новостей по части литературы» [8, с. 467].

Об этом мы узнаем из письма Жуковского адресованного П.А. Вяземскому, который принимал активное участие в издании этого журнала.

26 декабря 1826 года Жуковский обещает Вяземскому по возвращении из Дрездена оказывать помощь в подборе материала для публикаций, для чего он собирается подписаться в Германии на многие литературные журналы.

Кроме Жуковского поездки в Германию в рассматриваемый период предпринимали А.А. Перовский, В.Ф. Одоевский, Н.И. Греч, Н.А. Мельгунов, А.И. Кошелев, братья Киреевские и К.С. Аксаков. В Дерпте учился в 1829–1834 годах русский писатель В.А. Соллогуб. Их деятельность была связана с множеством литературно-философских кружков, салонов, московских и петербургских литературных журналов, которые проявляли интерес к творчеству Гофмана, печатали его произведения и критические статьи о нем.

Периодические издания первой половины XIX века играли огромную роль в пропаганде европейской литературы в России. В первую очередь «журналы 20-х годов сильно продвинули вперед дело ознакомления читающей публики с новыми литературными направлениями на Западе» [9, с. 93]. Они пользовались большим успехом, привлекали к себе внимание, имели широкий круг читателей. По мнению А.И. Герцена, «ни в одной стране, исключая Англию, влияние журналов не было так велико. Это действительно лучший способ распространять просвещение в обширной стране» [6, с. 163]. Благодаря оперативности периодических изданий у русских читателей не только в Москве и С-Петербурге, но и в провинции появилась возможность знакомиться с новинками передовой европейской литературы, спустя короткое время после их издания на родине. Журналы определяли и культурную, и литературную моду:

«В горячих журнальных битвах подвергались сомнению и оспаривались разные литературные авторитеты, то одни, то другие писательские имена водружались на пьедесталы и рядом – в журналах противоположной позиции – подвергались уничтожающей критике» [4, с. 38.]. Как правило, издатели русских журналов предлагали вниманию читателей переводы тех художественных произведений, которые обретали в силу каких-либо, зачастую внелитературных, обстоятельств актуальность.

В духе времени очень часто это были переводы, далеко не соответствующие оригиналу, выполненные с языка-посредника, которым, в большинстве случаев, был французский. В ранней статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», напечатанной в 1824 году в «Мнемозине», В.К. Кюхельбекер передает атмосферу увлечения новейшими культурными образцами, которые только что открыли для себя французы: «Ныне благоговеют перед всяким немцем или англичанином, как скоро он переведен на французский язык; ибо французы и по сию пору не перестали быть нашими законодателями; мы осмелились заглядывать в творения соседей их единственно потому, что они стали читать их» [10, с. 441–442].

В.Ф. Ленц в «Приключениях лифляндца в Петербурге» также указывает на то, что законодателями моды на Гофмана в литературе того времени были французы: «Гофмана фантастические сказки в это самое время были переведены в Париже на французский язык и, благодаря этому обстоятельству, сделались известны в Петербурге. Тут во всем главную роль играл – Париж» [15, с. 341].

Различные по мотивации и очень частые апелляции к Гофману, специфика освоения и интерпретации национальным культурным сознанием иноязычных литературно-философских феноменов, специфика конструирования и реконструирования жизни и творчества Гофмана на русской почве позволяют говорить о включении механизмов культурного мифотворчества и создания гофмановского мифа с очень серьезными для отечественной культуры последствиями.

Мифическое сознание характерно для любой исторической эпохи, оно оказывает определенное влияние на все современные ему формы человеческого познания. Миф составляет важную часть любого типа культуры – как в стадии его становления, так и процессе эволюции характерного для данной культуры мировоззрения. Появление развитых систем рационального знания не приводит к одновременному вытеснению из жизни общества элементов мифологического сознания, которое присутствует в сфере духовно-практического освоения реальности. По справедливому замечанию Г.Н. Оботуровой, мифотворчество как один из элементов мифологического сознания «в виде определенного «уровня», «фрагмента», своеобразных остаточных черт может трансформироваться и проявляться в раз-

личных формах деятельности иных культур» [14, с. 118–119]. В этом смысле мы можем говорить об элементах мифотворчества в освоении наследия Гофмана в России.

Размышляя о природе мифа, А.Ф. Лосев подчеркивал, что это есть «отрешенность от обычного, будничного, повседневного» [12, с. 15]. Именно такая отрешенность привлекала литераторов и читателей первой половины XIX века к фигуре Гофмана: ведь сам писатель был личностью неординарной, не вписывающейся в рамки повседневности. Периодические издания России способствовали формированию и закреплению в широком культурно-литературном пространстве этого образа Гофмана, «публикуя биографические сведения о нем, порой в духе времени заостряя и подчеркивая эксцентрические черты его натуры» [4, с. 16].

При этом, контрастные, яркие, противоречивые отдельные характеристики (подлинно реальные или вымышленные) писателя становятся как раз наиболее привлекательными. Особенно, если они резко выбиваются из норм обыденского поведения. Так, Белинского привлекает в биографии Гофмана то, что он не читал критик, а П.В. Анненков в своем письме из Берлина от 10 января 1841 года описывает, как он «вырвался и прямо побежал в погреб, где пьянствовал Гофман. Там под картиною, изображающею Гофмана в ту минуту, как, устремив масляные глаза на Девриента, вынимает он часы и напоминает знаменитому пьянице-трагику о времени идти в театр на работу, а Девриент, как школьник, почесывает в голове и высоко поднимает прощальный бокал, – там уселся я и пил иоганнисберг» [1, с. 10].

Это и другие «Письма из-за границы» Анненкова публиковались в журнале «Отечественные записки» за 1841–1843 годы и заостряли внимание русских читателей именно на этой детали биографии Гофмана. Неслучайно, в обществе бытовало мнение, сформулированное Н.А. Полевым в повести «Живописец», о том, что «лучшие мастера во всяком деле – все пьяницы. Великие художники – это нравственные пьяницы! Мир, люди, обстоятельства иногда их вытрезвляют. И тогда, трезвые, они ничего не могут сделать, дивятся сами себе: как они сделали то или другое в чаду головы своей?» [16, с. 195].

Хотя «реальный» Гофман придерживался в этом вопросе противоположного мнения. Как справедливо подчеркивает Ф.П. Федоров, рас-

сматривая эстетические взгляды немецкого романтика: «В финале «Серапионовых братьев» Гофман еще раз повторяет, что в состоянии болезни или опьянения, без «обдуманности» нельзя создать подлинно художественное произведение. Лишь гармония «фантазии» и «обдуманности», разума и чувства является основой творческого процесса, основой высокого искусства» [19, с. 41].

В публиковавшихся в то время беллетристических произведениях о Гофмане, например, в рассказе Ж. Жанена «Гофман и Поганини» [13], немецкий романтик часто представляется читателям восторженным музыкантом, увлеченным игрой знаменитого скрипача.

А.А. Потебня отмечал, что мифический образ – это «не выдумка, не сознательно произвольная комбинация имевшихся в голове данных, а такое их сочетание, которое казалось наиболее верным действительности» [17, с. 483]. Это находит свое отражение в произведениях «документальных» жанров, авторы которых выражают свое личное отношение к предмету описания, наделенному сверхъестественным символом.

Отсюда и предстает Гофман в русской документальной литературе того периода то в образе поэта-философа, то в качестве знатока психологии человека, то в роли художника-эстета, всецело отдавшего искусству. И образы эти всегда положительны. Здесь выполняется важнейшая функция мифа – создание модели, примера, образца для подражания. Неслучайно у Гофмана появляется столько литературных и еще больше «бытовых» подражателей в этот период.

Сформированный в это время культурный миф, в центре которого оказалась фигура Гофмана, впоследствии будет многократно актуализироваться, войдя составной частью в российский культурный контекст. Как отмечал Д.С. Лихачев: «Культура передается из поколения в поколение, накапливается, при этом память вовсе не механична. Это важнейший процесс: именно процесс и именно творческий. История культуры – это история человеческой памяти, история развития памяти, ее углубления и совершенствования» [11, с. 65].

В каждый период трансформации культурной парадигмы, смены системы культурных ценностей фигура Гофмана, его творчество, гофмановский миф будет возникать снова и снова. Так будет в эпоху символизма, период «оттепели», в период обращения к поэтике постмодерна... Устойчивость, «живучесть» гофмановского мифа –

главное доказательство его органичности культурному сознанию. Тем большего внимания требует начальный этап этого длительного процесса – значимого эпизода в истории российской культурной мифологизации «иноного» как ино-культурного и в то же время глубоко «своего» феномена.

Библиографический список

1. Анненков П.В. Парижские письма. – М., 1983.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
3. «Библиотека для чтения» (СПб.). – 1822. – Кн. 3. – С. 14–50, 51–86, 95–138. Подписано: К.Г. Гофман.
4. Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература (1-я половина XIX в.). К проблеме русско-немецких литературных связей. – Воронеж, 1977.
5. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». – М., 1999.
6. Герцен А.И. Письма из далека: Избранные лит.-крит. статьи и заметки. – М., 1981.

7. Дневники В.А. Жуковского. С примечаниями И.А. Бычкова. – СПб., 1901.
8. Жуковский В.А. Избранное. – М., 1986.
9. Замотин И.И. Романтизм 20-х годов XIX столетия в русской литературе. В 2 т. – СПб.; М., 1913. – Т. 2.
10. Кюхельбекер В.К. Сочинения. – Л., 1989.
11. Лихачев Д.С. Прошлое – будущему: Статьи и очерки. – Л., 1985.
12. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. – М., 1991.
13. «Московский телеграф». – 1833. – Ч. 50. – № 8. – Апрель.
14. Оботурова Г.Н. Философия мифа. – Вологда, 1998.
15. Одоевский В.Ф. Последний квартет Бетховена. – М., 1982.
16. Полевой Н.А. Избранные произведения и письма. – Л., 1986.
17. Потемня А.А. Слово и миф. – М., 1989.
18. Розанов В.В. Сочинения. – М., 1990.
19. Федоров Ф.П. Эстетические взгляды Э.Т.А. Гофмана. – Рига, 1972.

Т.В. Кулагина

РАССКАЗ И.А. САЛОВА «ПАУК» В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ПРОЗЫ 70–80-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

«Бедна литература, не блистающая именами гениальными; но не богата и литература, в которой все – или произведения гениальные, или произведения бездарные и пошлые. Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы, и чем больше их, тем лучше для литературы»¹, – писал В.Г. Белинский.

«Русская литература XIX века богата своими вершинами. Но, покоренные духовной мощью Пушкина и Гоголя, Толстого и Достоевского, не забываем ли мы подчас о многочисленной плеяде писателей второго или третьего ряда, писателей по-своему интересных и талантливых? Их свет действительно меркнет в лучах славы наших классиков. Но без «второстепенных» у нас не было бы и гениев: гениальность не вырастает на пустом месте. Для ее рождения, роста и становления необходима плодотворная культурная почва.

Мы часто и с нарастающей тревогой говорим в последнее время о проблемах экологического равновесия. Понятие это из сферы биологии все

более решительно перемещается в область культурологии и даже литературоведения. Национальная литература – живой организм, внутри которого действует сложная и еще не познанная нами система взаимосвязей, взаимовлияний, взаимозависимостей. Не будем же уподобляться героям известной басни И.А. Крылова «Листы и корни». Любуясь ветвистой кроной нашей отечественной классики, не забудем и о корнях, которые ее питают, о том наследии, которое мы должны беречь и возрождать»².

«У нас есть огромная литература «второстепенных», которую мы совсем не знаем и которая может дать чувству и мысли значительно больше того, что дают сейчас»³, – говорил А.М. Горький, который постоянно напоминал нам еще и о другом: «...поле наблюдений старых, великих мастеров слова было странно ограничено, и жизнь огромной страны, богатейшей разнообразным человеческим материалом, не отразилась в книгах классиков с той полнотой, с которой могла бы отразиться»⁴. Литература «второстепенных» бо-

лее или менее успешно восполняла оставленный классиками пробел. М.Е. Салтыков-Щедрин замечал, что «значение второстепенных деятелей на поприще науки и литературы немаловажно. Они полезны не только в качестве вульгаризаторов чужих идей, но иногда даже в качестве вполне самостоятельных исследователей истины. <...> Очень часто от внимания инициаторов ускользают подробности весьма существенные, которые получают надлежащее развитие лишь благодаря их последователям. Эти последние дают новые подкрепления возникающим жизненным вопросам, проливают на них новый свет и отчасти даже видоизменяют их»⁵.

К замечательной плеяде таких «второстепенных деятелей», которые «обогащали новыми выводами и применениями» живое поле русской литературной жизни, принадлежит Илья Александрович Салов (1834–1902). Рассказы, присланные Саловым в «Отечественные записки», были с одобрением приняты М.Е. Салтыковым-Щедриным, который неоднократно обращался к писателю с просьбой о присылке новых. «...Редакция весьма ценит ваше участие в журнале»⁶, – писал он Салову в июне 1879 года. Время сотрудничества в «Отечественных записках» – самый плодотворный период творчества писателя. С 1877 по 1883 годы на страницах этого журнала появились 14 его рассказов и повестей, среди которых был и рассказ «Паук», опубликованный во втором номере журнала за 1880 год.

Давно было замечено исследователями, что русский реализм в 1870–1880-е годы начинает тяготеть к символическим образам⁷. Изобразительная энергия в нём всё чаще и чаще уступает место энергии выразительной, экспрессивной. Уже самый беглый просмотр как поэтических сборников крупных русских поэтов, так и писателей данного периода убеждает в справедливости этих слов. Психологические подробности опущены и заменены пейзажной символикой: повествовательный метод нередко заменен лирическим. Например, Л.Н. Толстой, ища выхода из своего прежнего метода, ориентируется в «Анне Карениной» на метод философской лирики, усваивая её импрессионизм и символику. В «Анне Карениной» Толстой широко использует художественную символику: образ железной дороги, образ вокзала, сон Анны, раковина из облаков, увиденная Левиным на копне и др.

Тенденция к символизации художественных образов отчётливо проявляется в эти годы и в

рассказе Салова «Паук». В «Пауке» ставится актуальная в те годы проблема сельской общины. Но, в отличие от многих писателей-народников, Салов раскрывает её с исторических позиций. Утверждая ценность крестьянского самоуправления, художник в то же время с глубокой горечью, но беспощадно и правдиво показывает, как разрушаются устои деревенского «мира» под напором капитализации села и развития буржуазного хищничества.

Уже из самого названия «Паук» видно отрицательное отношение автора к жестоким и алчным приобретателям, народным «захребетникам». Через свое произведение Салов пытается донести до современного читателя тему, которая волновала его всю жизнь – буржуазные хищники и их жертвы: крестьяне, бедняки-разночинцы, разоренные дворяне. Образы кулаков-мироедов, купцов, алчных кабатчиков, мельников, пауков-ростовщиков выхвачены писателем из жизни, показаны ярко и убедительно.

Рассказу «Паук» предпослан эпиграф, взятый автором из произведения видного русского зоолога, профессора Николая Петровича Вагнера. Особое внимание Вагнер уделял изучению насекомых и паукообразных. Описание особых качеств паука, приведенных Саловым в эпиграфе к рассказу, имеет прямое отношение к характеристике главного героя его произведения: «Паук может удивительно много есть; у паука восемь глаз, для внимательного наблюдения за добычей, и восемь длинных ног, с помощью которых он обхватывает ее. Если к нему в паутину попадает большое насекомое, с которым ему не сладить и которое может порвать его сети, он сам обрывает ближайшие нити. Если же насекомое слабее, он несколько выжидает, пока оно, стараясь выпутаться из клейких нитей, совершенно ослабнет и измучается, и тогда только приступает к поглощению своей жертвы»⁸.

Буквально с первых страниц рассказа мы знакомимся с главным героем – Степаном Ивановичем Брюхановым, местным богачем, скупившим имение у разорившегося в пореформенное время помещика. О нраве его можно судить по его репликам, обращенным к крестьянам. «Аль не узнал, что даже и шапки не ломаешь?..» – сурово спрашивает Брюханов первого встречного. И крестьянин покорно отвечает новоявленному «барину»: «Виноват, Степан Иваныч, ваше высокое степенство...» (91). Таким образом, мы сразу

же понимаем суть отношений между хозяином деревни и простым крестьянством: всё осталось так, как было всегда – бары барствуют и сидят на крестьянской шее. «Разорил, совсем разорил!» (92), – сетует мужик. Следя за нехитрым его рассказом, невольно проникаешься к нему жалостью и тут же вспоминаешь эпиграф. Брюханов и есть тот самый «паук», который поймал в свою паутину доверчивого мужика и пьет его кровь, не испытывая ни жалости, ни сострадания.

Автор рисует портрет Брюханова. Запоминаются следующие детали: «хохол фельдмаршала Суворова» и «костлявые, холодные руки» (93). Степан Иваныч определяет станковых и квартальных, попов и дяконов, назначает учителей. «Всех окрестных мужиков Степан Иваныч держал на крепких вожжах и вожжами этими управлял с редким умением» (94). «Все эти кабаки, фотографические портреты, громадные посеы, а равно мельницы и гурты рогатого и мелкого скота собирали в карманы Степана Иваныча все деньги околотка, и, легко приплывавая, они в незначительных сравнительно размерах выпускались вон. Зато не было такой большой дороги, не было такого глухого поселка, по которому не двигались бы обозы с добром Степана Иваныча. Там ползет обоз с пшеницей, там с мешками муки, там обозы с бочками спирта и водки, там по чугунке гремят вагоны, нагруженные мешками, и на вагонах этих мелом написано: «Брюханов, Ревель, Москва». Там на лихих тройках скачут кабацкие ревизоры, там по полям, словно черкесы с нагайками, летают приказчики и объездчики. А здесь, по раздольным девственным степям, позванивая колокольчиками, нагуливается «товар», т.е. гурты. Рослые быки с громадными рогами и отвислыми зобами, медленно и сонно переступая с ноги на ногу, щиплют траву; вокруг них гуртоправы с длинными кнутами в руках, с загорелыми и чумазыми лицами, а неподалеку, в сторонке, возле огороженного «тырла», стоит с поднятыми кверху оглоблями кибитка, раскинув шатер, а в шатре спит богатырским сном распотевший приказчик. И все это принадлежит Степану Иванычу, ему одному» (95).

Не исключено, что Салов позаимствовал некоторые мотивы своего рассказа из романа Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы». Главный образ Иудушки Головлёва в кульминационной главе романа «По-родственному», опубликованной в 1875 году в «Отечественных записках», вы-

зывает прямые ассоциации с образом паука. Так появляется Иудушка у постели больного брата Павла: «Павел Владимырьч всматривался-всматривался, и ему почудилось, что там, в этом углу, всё вдруг задвигалось. Одиночество, беспомощность, мертвая тишина – и посреди этого тени, целый рой теней. Ему казалось, что эти тени идут, идут, идут... В неопisanном ужасе, раскрыв глаза и рот, он глядел в таинственный угол и не кричал, а стонал. Стонал глухо, порывисто, точно лаял. Он не слышал ни скрипа лестницы, ни осторожного шарканья шагов в первой комнате – как вдруг у его постели выросла ненавистная фигура Иудушки. Ему померещилось, что он вышел оттуда, из этой тьмы, которая сейчас в его глазах так таинственно шевелилась; что там есть и еще, и еще... тени, тени, тени без конца! Идут, идут...

– Зачем? откуда? кто пустил? – инстинктивно крикнул он, бессильно опускаясь на подушку.

Иудушка стоял у постели, всматривался в больного и скорбно покачивал головой. <...>

Павел Владимырьч наконец понял, что перед ним не тень, а сам кровопивец во плоти. Он как-то вдруг съежился, как будто знобить его начало. Глаза Иудушки смотрели светло, по-родственному, но больной очень хорошо видел, что в этих глазах скрывается «петля», которая вот-вот сейчас выскочит и захлестнет ему горло. <...>

– Иди, кровопивец, вон! – отчаянно крикнул больной»⁹.

Купец Василий Игнатьич Орешкин, которого автор с дяконом встречают на охоте, довольно жестко отзываясь о Брюханове: «...поминать Брюханова, этого «вампира» в своем роде, не держай. Кровь стынет в жилах моих при одном воспоминании о нем! Я нищ и убог. А по чьей милости, как не по милости этого «вампира»?» (102) Брюханов – хозяин всего: всё, что происходит вокруг – его рук дело. Он представляет вексель к взысканию, получает исполнительные листы, доводит имение Орешкина до аукционной продажи. Конечно, Орешкин для Брюханова – «большое насекомое», некогда ровня его и даже «друг».

Орешкин собирается в город, чтобы там найти «защиту суда и законов». Но прежде, чувствуя слабость свою, он решает обратиться к Брюханову – как к родственнику и старому другу. «Когда-то ведь вместе хлеб-соль водили! Ты не чужой детям этим! Посмотри, вон ведь их сколько, да дома еще жена с грудным ребенком... Все они

без куска хлеба! Друг! Будь милосерд! Тебя украшают почести, а они прикрыты рубищем!» (130)

Возможно последняя фраза сказана Орешкиным в отчаянии, но это — истина. Орешкин встает на колени перед тем, кого он минуту назад называл своим другом, с которым он «водил хлеб-соль». Но где же благородный облик Брюханова? «Он был бледен как полотно; глаза его горели, суворовский хохол запрокинулся назад: так лошадь, собираясь укусить, прикладывает уши» (130). Но так ли невинен будет «укус» Степана Иваныча? Может быть, резонно, наконец, вспомнить, на кого похож Брюханов? Это ли «укус» лошади? Это, скорее, укус паука: медленный или быстрый, но — смертельный.

«Протяни же нам свою руку и дай нам отдохнуть на груди твоей!» — молит Степана Иваныча Орешкин. А Брюханов протягивает старому другу «лапу» — хваткую паучью лапу! «Выведи вон этого комедианта!» — приказывает Брюханов Самойле. Орешкин вскакивает на ноги. «Да разразятся же над тобою!..» (130) — в отчаянии восклицает он. Но его проклятия остаются беспомощным. «Паук» хваток: его мохнатые руки и ноги сомкнулись на теле жертвы, и оплела паутина человеческую душу — не вырваться.

Как замечает зоолог Вагнер, «паук сам разрывает паутину, если к нему в западню попадает более сильное насекомое, чем он сам». Паук пьет кровь только у того насекомого, которое слабее его самого. «Он несколько выжидает, пока оно, стараясь выпутаться из клейких нитей, совершенно ослабеет и измучается, и тогда только приступает к поглощению своей жертвы».

Как жертва настоящего паука слабеет и мучается в клейкой паутине, так и жертва человека-паука теряет силы, теряет дух и, наконец, умирает. А многоногий монстр пьет кровь своей жертвы. Крестьяне и весь простой люд — это жертвы человека-паука: одни — только-только попавшие в паутину, другие — мучающиеся в ней многие годы, а третьи — уже не люди, а отдавшие свою кровь человеческие тела — без души. У настоящего паука восемь глаз для внимательного наблюдения за добычей, а у саловского «паука» восемь глаз людского кровопийцы — это приспешники барина.

Но и сами эти приспешники, обладая паучьим нравом, ждут подходящего случая, чтобы слопать своего хозяина. Брюханов гордится своим приказчиком Самойлом Ивановичем. Однако последний себя никак не забывает. Примечатель-

ны «бегающие глаза» этого приказчика. «Глаза эти бегали так быстро, что перебежали с одного предмета на другой и не останавливаясь ни на одном особенно, делались положительно неуловимыми. Насколько быстры были глаза его, настолько же быстры и его движения. Он ни минуты не постоит спокойно: то поправлял он свою кудрявую голову, то застегивал поддевку, то шупал платок, намотанный на шею, то шарил в карманах, то прикрывал рот рукой и начинал кашлять, то садился, то вскакивал и затем, как будто вспомнив что-то, куда-то убежал. Мужики называли его волком, бил он их немилосердно нагайкой по чем попало, но, когда за побои эти привлекался к суду, притворялся перед судьей смиренным, опускал глаза, говорил о нападениях, о том, что “Творец Небесный видит всё”, и так как бил всегда мужики без свидетелей, то и оставался правым» (97). На очереди у него стоит иная, более крупная жертва. «В народе ходили толки, что Самойла Иваныч нажил большие деньги, заведую делами Брюханова; что деньги эти от людей таил, что они зарыты где-то в лесу с тяжёлыми заклинаниями, что Самойла Иваныч ждёт только смерти Брюханова, чтобы тотчас записаться в купцы и сделаться, в свою очередь, именитым лицом в уезде» (98).

Под статью Брюханову Оскар Петрович Блюм, управляющий имением богатого аристократа-барона, живущего в Москве. Салов, как всегда, детально описывает внешность очередного героя, как бы примеряя его к образу «паука». «Голову держит высоко, — пишет автор. — Красное дышащее здоровьем лицо и узенькие черные глазки...» (112). Блюм сдает землю нуждающимся в ней крестьянам не за деньги, а под работы. «Землю сдавал дорого, а труд ценил дешево», — пишет автор. У Оскара Петровича тоже есть собственный «брехун», который привлекает «неисправных» к суду и «обделяет по закону». Салов пишет, что окрестное население стало заметно беднеть.

Превращение барона из «тоненького» в толстого, описывается Саловым так: «Он наел себе брюшко, сухие руки сделались пухлыми, щеки раздулись, шея словно укоротилась, а матово-бледный цвет лица превратился в багровый» (115). Ездит барин уже не на беговых дрожках, а в фэ-тоне на лежащих рессорах. Видимо, «охота» удалась: «паук» полакомился доверчивыми «мухами»-крестьянами.

Перед нами «большое насекомое», с которым не сладить уже главному пауку — Брюханову. Ос-

таётся только «оборвать ближайшие нити», чтобы сохранить собственные сети. Вот как говорит об этом сам Оскар Петрович:

«– Но теперь нас не проведешь. Мы узнали людей, и нас люди узнали... Мы теперь разобрали всех этих Степанов Иванычей, всех этих Самойл Иванычей, всех этих местных воротил и умеем себя держать с ними. Мы теперь зазнаваться им не позволяем, а зазнался... в шею – и конец делу...»

И Оскар Петрович залился самым веселым смехом.

– Неужто и Степана Иваныча в шею, – спросил дьякон, тоже хохотавший.

– Мы его однажды в шею вытолкали.

– И что же?

– Съел, ничего!» (117–118)

В зависимости от мироедов-пауков находится в рассказе Салова и православная церковь, не исполняющая своего предназначения. Характерен с этой точки зрения проходящий через весь рассказ образ хохочущего дьякона. Степан Иванович жалуется на отсутствие в народе честных людей: «...где их, честных-то, найдёшь? У тебя, дьякон, нет ли кого на примете? А! головой небось замотал! То-то оно и есть! Ведь я их всех до тонкости знаю... измощенничались, изъехидничались! Что ему? Да нечто он хозяйское добро бережёт? <...> Ни греха, ни Суда страшного – ничего не боится! Да что ему Страшный, – он в него и верить-то перестал! Не токмо хозяина – отца родного за деньги слопаёт. Так-то, друг, а ты вот на всю окрестность хохочешь! – добавил он, укоризненно обращаясь к дьякону.

– Что верно, то верно! – проговорил тот. – Совсем Бога бросили» (88).

А далее следует почти символическая деталь, показывающая декоративную роль церкви в паучьем царстве:

«– А вот это, – проговорил Брюханов, подводя к Оскару Петровичу дьякона, – наш дьякон, краса нашей церкви.

– Знакомы уж! – перебил его дьякон, махнув рукой.

– Да, мы знакомы! – проговорил Оскар Петрович и засмеялся.

– Как так?

– Стриг я их раза два! – вскрикнул дьякон и тоже захохотал.

– Ах, да ведь я и забыл, что дьякон у нас паприкмахерством занимается!» (112) (Курсив мой. – К.Т.).

В отличие от писателей народнической ориентации, которые связывали процесс капитализации русской деревни с социально-экономическими причинами и мечтали о революционных преобразованиях деревенского уклада, Салов видел источник всех бед в духовной деградации народа, в нравственном одичании деревенского мира. Именно этой цели служит в его рассказе «Паук» универсальный приём зоологического уподобления.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что образ паука в рассказе Салова является собирательным образом народного кровопийцы. Говорят, что в растительном, животном и человеческом мире есть свои антиподы и тождественные образы. Как в природе паук плетет и расставляет свои сети для доверчивых мух и других насекомых, так и «очеловеченные» пауки расставляют другие – бытовые сети для доверчивого народа.

Примечания

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – Т. 8. – М., 1955. – С. 379.

² Лебедев Ю.В. В кругу «Современника» // И.В. Селиванов, С.Т. Славутинский. Из провинциальной жизни. Повести, рассказы, очерки. – М., 1985. – С. 3–4.

³ Горький М. Несобранные литературно-критические статьи. – М., 1941. – С. 418.

⁴ Горький М. Беседы с молодыми. – М., 1980. – С. 208.

⁵ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. – Т. 9. – М., 1979. – С. 343.

⁶ Салтыков-Щедрин М.Е. Указ соч. – Т. 19. – Кн. 1. – С. 104.

⁷ См.: Лебедев Ю.В. Поэзия 70-х годов // История русской литературы: В 4 т. – Т. 3. – Л., 1982. – С. 585–586.

⁸ Салов И.А. Грачевский крокодил. Повести и рассказы. – М., 1984. – С. 83 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы).

⁹ Салтыков-Щедрин М.Е. Указ. соч. – Т. 13. – С. 76–77.

Е.Е. Ливаненков

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОМАНА И.А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

Преамбула. *Статья посвящена исследованию повествовательной структуры романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Автор ставит перед собой задачу выделить основные элементы этой системы и типы их взаимодействия. Главный вопрос, который ставится в работе, это вопрос о том, какие языковые средства задействованы в организации повествовательной структуры романа.*

В последние годы интерес творчеству И.А. Бунина постоянно возрастает. Особое внимание исследователей привлекают послереволюционные произведения автора, написанные в эмиграции. «Жизнь Арсеньева» – итоговый роман Бунина, именно с его публикацией писатель связывал получение Нобелевской премии. Однако о его поэтике порою высказываются противоположные точки зрения. Исследователи приходят к разным выводам, анализируя тематику и проблематику произведения, его пространственно-временную организацию, жанр и повествовательную структуру. Данная работа является частью диссертационного исследования, посвященного изучению художественного мира романа. Основой статьи являются данные, полученные с помощью частотного словаря произведения, ее главной целью – выделение и характеристика речевых средств организации повествовательной структуры романа.

Роман И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» выделяется из сочинений писателя по охвату жизненного материала, по широте и разнообразию тем, по жанровой природе. Это самое крупное художественное прозаическое произведение автора, обобщающее опыт его творческой жизни. Роман охватывает примерно пятьдесят лет: «Я родился полвека тому назад», – говорит Арсеньев [1, с. 5]. Это время от младенчества до двадцати одного года героя и остальное, после юности, до настоящего момента изображения. По сравнению с героем, время повествователя занимает значительно меньше места, если исходить исключительно из событийной канвы. Оно ограничивается несколькими сценами: путешествие по Европе, сцена похорон великого князя во Франции. Однако, вне событий, в оценке и дополнении происходящего повествователь присутствует в тексте неизмеримо больше: «Брат Георгий уехал опять в Харьков и опять, как когда-то, бесконечно давно, когда его везли в тюрьму... Я про-

вожал его на станцию. Мы... отгоняли бодрыми разговорами о будущем грусть разлуки, ту тайную боль о прожитом сроке жизни, которому всякая разлука подводит последний итог и тем самым навсегда его заканчивает.

– Все, Бог даст, устроится! – говорил брат... Хочешь папиросу? – сказал он и с удовольствием стал глядеть, как я неловко, в первый раз в жизни, закурываю» [1, с. 209].

В данном эпизоде совмещены настоящее время героя (отъезд брата) и настоящее-прошедшее, как отсылка к ранее произошедшим событиям, о которых упоминается героем в настоящий момент (эпизод ареста). Повествователь присутствует в тексте, дополняя его обобщением с вневременной высоты (размышления о сроке жизни и разлуке), а также на уровне оценки собственных неловких действий (закуривание), в чем содержится отсылка на будущие действия, которые становятся привычными. Традиционно образ рассказчика вводится в повествование для создания самостоятельной, отдельной от автора позиции героя, для дистанцирования автора от героя. Однако рассказчик может быть как четко отделен от образа автора, так и близок к нему, расширяясь почти до его пределов, являясь его творческим самовыражением, его alter ego. Именно последнее характерно для «Жизни Арсеньева» Максимальное сближение автора, повествователя и героя осуществляется в эпизодах, несущих печать напряженных раздумий, связанных с вечными поисками смысла жизни, размышлениями о судьбе России.

Совмещение авторского «Я» и «Я» героя осуществляется через ряд языковых средств. Повествование в произведении строится на колебаниях от первого лица к третьему. Местоимение в сочетании с авторизирующими глаголами образует субъективный центр произведения.

Местоимение «я» по частотности употребления занимает в романе первое место. Это

2355 словоупотреблений. На втором и третьем месте местоимения «он» и «она» – соответственно 958 и 926 словоупотреблений. Местоимение «мы» – 392 словоупотребления. В отдельных эпизодах дистанция «повествователь – герой» заявлена как противопоставление позиции «Я» рассказчика и героя, называемого «мальчиком», «юношей»: «я вдруг увидел себя в небольшое трюмо... и на минуту запнулся: на меня с удивлением и даже некоторым страхом глядел уже довольно высокий, стройный и худощавый мальчик... я вдруг увидел (как посторонний) свою привлекательность» [1, с. 39]. Противопоставление «я» и «посторонний» здесь является противопоставлением, прежде всего, временным. Это две грани, два этапа жизни героя – «детство» и «отрочество». Среди глаголов, употребляемых с местоимением «я», семантически выделяется своей многочисленностью группа глаголов психической деятельности. Это глаголы восприятия и ощущения, мышления, знания, памяти. Их активное использование характеризует Алексея Арсеньева как человека, в душе которого идет напряженная внутренняя работа. Герой все время пребывает в состоянии движения. Он, в отличие от повествователя, выражающего свою точку зрения с некоей определенной высоты жизненного опыта, не статичен ни духовно, ни физически. Процесс взросления с одной стороны и становления художника с другой – характеризуют динамику развития личности Арсеньева. Активное использование автором глаголов семантической группы мыслительной деятельности комментирует этот процесс.

Глаголы мышления делятся на два подкласса. Первый из них связан собственно с интеллектуальной деятельностью (глаголы ощущения и восприятия), а второй – с ее результатом (глаголы знания, памяти). Глаголы, обозначающие мыслительные процессы в разных аспектах и сопровождающие эти волевые акты сознания, объединяются общим значением «осуществлять процесс мышления». Их обилие объясняется установкой героя на саморефлексию, философскими исканиями повествователя, реализованными в художественном мире. К глаголам мышления следует отнести: думать, казаться (93), чувствовать (89), помнить (55), понимать (33), понять (31), почувствовать, узнать (30), поразить (25), вспоминать, испытывать (24), подумывать (23), забыть (20) и другие.

Семантический класс глаголов памяти, тесно связанный с глаголами знания, обозначает хранение, утрату или восстановление в сознании какой-либо информации. В «Жизни Арсеньева» использование таких языковых единиц первостепенно важно, потому что весь ход повествования строится на антитезе рассказчик – герой. Именно глаголы «помнить», «вспоминать», как правило, маркируют переход от одной позиции к другой, что сопровождается временным смещением: «Помню как сейчас – я сидел с Олей в ее комнате, выходявшей окном во двор» [1, с. 141]; «А еще помню я много серых и жестких зимних дней...»; «Помню крещенские морозы, наводившие мысль на глубокую древнюю Русь...» [1, с. 105]; «Помню, как иногда по целым неделям несло непроглядными азиатскими метелями...» [1, с. 105]. Используется в этих целях также частица «вот» (168): «Вот сентябрь, вечер. Я брожу по городу...» [1, с. 141]; «Вот “табельный” день, торжественная обедня в соборе...» [1, с. 90]; «А вот и первые холода: скудные, свинцовые, спокойные дни поздней осени» [1, с. 93]. В романе Бунина часто звучат слова «вдруг» (127), «неожиданно» (25). Жизнь для Арсеньева – это «беспорядочное накопление впечатлений, картин и образов... течение несвязных чувств и мыслей, беспорядочных воспоминаний о прошлом и смутных гаданий о будущем» [1, с. 209]. Эти «беспорядочные» воспоминания могут «наслаиваться» друг на друга, существовать «одно в другом», при этом автор «использует» рассказчика для того, чтобы раскрыть внутренний мир героя.

Единство и противопоставление позиций повествователя и героя выражено лексически как противопоставление группы глаголов знания глаголам восприятия и ощущения, что особенно ощутимо в первой и второй книгах романа. Повествователь вспоминает о пережитых чувствах, и, воспроизводя их в памяти, переживает заново. Герой же может только чувствовать и воспринимать реальность, он может «думать, размышлять», но не может «знать». Осознание – это рациональный, интеллектуальный процесс, пока еще не доступный герою-ребенку. Он может только исключительно эмпирически осознавать реальность. Разум и чувства противопоставлены как осознание абсолютной силы смерти и ощущения трагичности ее, например, в эпизоде гибели пастушонка Сеньки. Автор-повествователь приходит к мысли об априорности «чувства смер-

ти»: «Почему так страшны были эти совершенно для меня новые слова? Значит, я их уже знал когда-то?» [1, с. 34]. Он переводит категорию знания в состояние абсолютной истины, доступной не каждому, ведь «люди совсем не одинаково чувствительны к смерти. Есть люди, что весь век живут под ее знаком» [1, с. 34]. Априорное знание – это также историческая память: «Я сам почувствовал, сам угадал, при помощи своего собственного знания, особенную, жуткую душу его. Страшен был мужик, пробиравшийся по дубовым кустарникам в лощине, с топором за подпояской. Но то был разбойник, – я ни минуты не сомневался в этом...» [1, с. 16]. Однако все-таки осознание того, что истина была известна изначально – это прерогатива повествователя. Только он может, саморефлексируя, проанализировать свои былые впечатления и отметить их вторичность или априорность. Для сознания героя-ребенка это невозможно.

Глаголы знания обозначают результат деятельности человека или приобретение знаний в процессе такой деятельности. Для Бунина характерно масштабное употребление глаголов этого семантического класса. Глаголы ощущения обозначают биологически обусловленные сигналы отражения внешнего мира героем. Зрительные ощущения здесь доминируют: видеть (141), глядеть (110), смотреть (70); затем – слушать (44), слышать (21). Обонятельные ощущения, столь значимые в эмпирическом осознании мира героями Бунина, по частотности – на третьем месте. Глаголы восприятия, в отличие от глаголов ощущения, обозначают отражение сознанием человека внешней среды, свойств и предметов внешнего мира, а также реакцию на это восприятие. Они, в отличие от глаголов ощущения, не указывают только на психическое действие, осуществляемое с помощью определенных органов чувств: нравиться (14), радоваться (11). Глаголы

восприятия указывают на результат этого действия, являясь, своего рода, осмыслением ощущения и его контекстом.

Для героя Бунина приобретение новых знаний возможно, главным образом, через чувственное. Даже для осознания Арсеньевым Бога как высшего начала бытия, писатель использует исключительно эмоциональные и вещественные характеристики. Ощущение бренности всего на земле и одновременно вечности того, что остается в памяти – это противоречие рождается из впечатления о смерти близкого человека, но, одновременно, лампы на стене: «Смерть, увы, была как-то соединена с Ним (и с лампадкой, с черными иконами в серебряных и вызолоченных ризах в спальне матери)...» [1, с. 35].

Одной из особенностей романа, таким образом, является феноменологическое слияние субъекта речи, сознания и наблюдения-восприятия. Значение местоимения в связи с этим принципиально возрастает. Художественное время романа характеризуется несоответствием линейной, фабульной последовательности событий по отношению к непосредственно ходу повествования. В произведении сосуществуют несколько хронологических пластов: время героя, повествователя, надвременная позиция автора. Переход от одной повествовательной позиции к другой маркируется глаголами памяти, наречиями «вдруг», «неожиданно», частицей «вот». Диалог, который повествователь ведет с героем, осуществляется в совмещении эмпирического и рационального, что на лексическом уровне выражено в пересечении планов семантических групп глаголов мыслительной и чувственной деятельности.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. – Нью-Йорк: Изд-во Чехова, 1952. – 390 с.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Лебедев Ю.В. *ЛИТЕРАТУРА: 10 КЛАСС: Учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый и профильный уровни: В 2 ч. 8-е изд, перераб. - М.: Просвещение, 2006. - 383 с. Рекомендовано Минобрнауки.*

Р.П. Макарова

МОДЕЛИ МЕТАФОРЫ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время вопрос о лингвистической природе метафоры привлекает к себе все более пристальное внимание языковедов. Метафора – один из способов осмысления действительности, одна из форм художественного мышления. Без метафоры не может обойтись ни один язык. В своей книге, ставшей мировым научным бестселлером, Дж. Лаккофф и М. Джонсон пишут, что «... множество людей считает, что они прекрасно обходятся без метафор. Вопреки этому, мы обнаружили, что метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность» [1, с. 25].

Многозначность слова, первичное и вторичное наименования являются универсалиями, они свойственны всем языкам. Вся основная часть словарного состава любого языка состоит из слов с двумя или более значениями, и почти каждое третье слово имеет переносное значение. Перенос наименования с одного предмета или объекта на другой происходит по нескольким аспектам, среди которых продуктивным является перенос по сходству внешних признаков предмета, функций, эмоциональных впечатлений.

Метафора рассматривается исследователями на материале разных языков. Существует много научных работ, в которых авторы исследуют роль и функции, классификацию и модели метафоры. Но нет единого мнения о вторичном наименовании слова в теоретическом плане, а на лексикографическом уровне описано недостаточно.

В лингвистике следует разграничить языковую и художественную метафоры, которые как явления языка находятся в сложных и противоречивых связях. Общим для них является то, что при перенесении свойств с одного объекта на другой происходит сравнение объектов. Что касается их соотношения в лингвистическом плане, то между ними происходят разногласия. Языковая метафора (ЯМ) обладает системностью, объективностью и воспроизводимостью. Художественная метафора бессистемна, уникальна и неповторима, т.к. отражает индивидуальный взгляд на мир. Явное разграничение можно выявить и в функциональной характеристике: ЯМ преимущественно выполняет номинативную функцию, художественная же – эстетическую.

ЯМ представляет собой готовый элемент лексики, ее мы автоматически воспринимаем и воспроизводим в речи, часто даже не отдавая себе отчета в том, что слова, которые мы используем в обыденной речи, имеют фигуральный характер.

В работе В.Г. Гака отмечено: «Метафора возникает в силу глубинных особенностей человеческого мышления. Она возникает не потому, что она нужна, а потому, что без нее невозможно обойтись, она присуща человеческому мышлению как таковая. В основе метафоризации лежит расплывчатость понятий, которыми оперирует человек, отражая в своем сознании вечно изменяющуюся многообразную деятельность» [2, с. 58]. Метафора образуется и функционирует по законам языковой системы и отражает коллективные предметно-логические связи [4, с. 26].

Не существует единого мнения о моделях ЯМ, т.к. отношения слов в метафоре сложны и запутаны, основания и характер переноса трудно определимы.

В настоящее время в якутской филологии нет специальных работ, посвященных моделированию метафоры. Нами предлагается классификация моделей на основе изучения лингвистической литературы и собственных наблюдений.

В якутском языке регулярной и продуктивной моделью переноса являются *зооморфизмы* (или *зоосемизмы*). Основанием для переноса являются свойства, физические качества, поведение, приписываемые животным, птицам, насекомым, рыбам, возникшие в результате наблюдений. Близость к природе, особая наблюдательность, видение природы, окружающей среды якутами отражаются в характере метафоры. Например, *арыы саһыл хааннаах* букв. 'лицо цвета маслянистой/жирной лисы' – красноватый цвет лица; *атыыр тымныы* букв. 'мороз-самец' – сильные холода, трескучие морозы; *балык айах* букв. 'рот, как рыба' – беззубый (о ребенке, пожилом человеке); *кус быһый* букв. 'резвый, как утка' – резвый, быстроногий; *ньирэй баттах* букв. 'волос-теленка' – волосы от рождения. Названия животных используются в якутской терминологии по биологии, названиях растений, например, *баба батаһа* букв. 'лягушачье копыто' – название растения, горечавка; *ыт тинилэбэ* букв. 'собачья пятка' (диалектное *киис тинилэбэ* букв. 'соболиная пятка') – княженика, малина; *ынах эмиийэ*

букв. *'коровье вымя'* – земляника (диалектное); *кулун кутуруга* букв. *'хвост жеребенка'* – название травы, лисий хвост (вид мятлика); *кулун туйаба/тайаба* букв. *'хвост/посох, трость жеребенка'* – название травы, калужница болотная.

Следующая модель, характерная для якутского языка – это **ботаниксизмы**. Названия растений, частей растений используются для наименования другого явления, предмета: *лабаа 'ветвь, ветка, лоза'* – конечности человека (*лабаалара бүтүн* – 'руки-ноги целы'); *салаа 'ветвь, ветка, листы травы'* – рожон (*атырдьах салаата* букв. *'рожон вил'*); отрасль, отдел (*тэрилтэ салаата* *'отдел в предприятии'*); раздел (*үлэ, кинигэ салаата* *'раздел книги, работы'*); *олох сибэккитэ* букв. *'цветы жизни'* – дети; *от күөх өн* букв. *'цвет травы'* – зеленый цвет.

Действительно, якуты очень близки к природе. Почитание явлений природы и поклонение им, а также солнцу и луне, поверья о звездах как живых существах – наглядным примером всего этого является живая красочная речь наших предков. Одним из аргументов близости якутов к природе является язычество, которое является архаическим верованием и требует от человека уважительного отношения к природе. «Предки саха умели разговаривать с растениями и животными. Понимали «язык» лошадей» [3, с. 23].

Наиболее регулярной и продуктивной в якутском языке считается так же использование частей тела человека, животного в других наименованиях, например, *аһаһас айах* двол. *'открытый рот'* – болтун; *күөл атаба* букв. *'нога озера'* – вступающая часть озера; *атах ынах* букв. *'корова-нога'* – в значении худшая, последняя; *орон баһа* *'голова кровати'* – изголовье кровати; *бүөр күөл* букв. *'озеро-почка'* – меньшее из двух близлежащих озер; *сис былыт* букв. *'облако-хребет'* – сплошное облако; *уу дьулай* букв. *'теменная вода'* – родничок; *киэн күбөс* букв. *'широкая спина'* – выдержка, терпение; *илии көхсө* букв. *'спина руки'* – тыльная сторона ладони; *кэбэ кулгааба* букв. *'ухо кукушки'* – подснежник (диалектное); *уос номоһо* букв. *'притча рта'* – поговорка.

Анализ лингвистической литературы по исследованию природы метафоры показал, что вокруг понятия «человек» формируется самая актуальная часть лексической системы языка. Одним из лингвистических подтверждений этому, в частности, служат результаты анализа около ста тысяч словоупотреблений разговорной речи.

Самым актуальным для разговорной речи по количеству употреблений является лексико-семантическое поле «человек» [5, с. 437]. Эта модель, которую в лингвистике принято называть **антропоцентрической**, находится в постоянном взаимодействии с другими моделями. Создаваемая человеком метафорическая картина мира в значительной степени антропоцентрична: человек метафорически концептуализирует действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей. Следовательно, такие метафоры характеризуются высокой образностью и оценочностью.

Предметы быта, используемые в переносном значении в наименованиях другого предмета или явления, так же могут составить отдельную метафорическую модель, например, *сүрэх быта* букв. *'веревка сердца'* – аорта; *дьааһык кун* букв. *'день-сундук'* – день похорон; *тыгырах сабата* букв. *'ворот ногтя'* – ногтевой валик; *саппыа күөл* букв. *'озеро-сумочка'* – часть водоема; *кыптыый буута* букв. *'бедро ножниц'* – ручка ножниц; *кылыс от* (кылыс – старинный нож) букв. *'травя-нож'* – вид травы, осока; *үрүн ас* букв. *'белая еда, пища'* в значении молочная пища; *хара ас* букв. *'черная пища'* – мясные блюда; *ас 'пища'* также используется в значении гной, гнойные выделения: *кутургуяа аһа* букв. *'пища фурункула'* – основание фурункула.

Следующая модель – **синестетическая**, при которой метафора, основанная на уподоблении объектов, воспринимается по разным каналам сенсорики. Такие метафоры характерны и для якутского языка, например, *дьэнкэ өлүү* букв. *'прозрачная смерть'* – цинга; *кыһыл тыл* букв. *'красное слово'* – пустословие; *хара мэн* *'черная родинка'* – провинность; *инчэбэй эттээх* букв. *'с мокрым телом'* – живой человек; *сиикэй баас* букв. *'сырая рана'* – открытая рана; *тыл тамаба* букв. *'центр, средоточие слова'* – смысл слова; *уот айах* букв. *'огненный рот'* – острослов; *хара уу* букв. *'черная вода'* – вторая волна паводка; *халын аймах* букв. *'толстая родня'* – большая родня.

С функционированием рыночных механизмов в сфере экономики, развитием предпринимательской деятельности и бизнеса, углублением внешнеэкономических связей возникла насущная потребность в знании терминов и понятий, получивших широкое распространение

в практике. Появились новые слова и выражения, обозначающие то или иное явление в экономике. В якутской лингвистике не существует общепризнанного взгляда на объем и границы данных понятий. Отмечается некоторый разноречивый в обозначении одного и того же термина.

В 1990-х годах стали активно создаваться двуязычные отраслевые терминологические словари («Словарь географических терминов» Г.Н. Максимова и А.Н. Сивцевой (1993), «Понятийно-терминологический русско-якутский словарь по психологии в 4 частях» ред. А.П. Оконешиковой и А.Г. Нелунова (1994), «Русско-якутский толковый словарь физических терминов» составителей Р.И. Петровой и А.Н. Егоровой (1995), «Русско-саха общественно-политический словарь» Е.И. Оконешикова (1998), «Краткий русско-якутский словарь экономических терминов» В.И. Быгановой (1998). Как показал анализ словарей, метафора, связанная с понятием, является важным средством для образования научных терминов. С развитием научного мышления совершается перенос житейского опыта на специальную сферу деятельности. Метафорические слова и выражения открывают хорошие перспективы для терминологизации слов в сфере экономики. Например, *чөкө тарыыл* букв. 'аккуратный тариф' – автономный тариф; *күрэх атыы* букв. 'азартная, задорная продажа/торговля' – аукцион; *валютта эндиэтэ* букв. 'ошибка валюты или опасность валюты' – валютный риск; *тэтимирдэр көдүүс* букв. 'спорная выгода/польза' – динамическая эффективность; *сиэн хампаанньа* букв. 'внушная компания' – дочерняя компания; *табаар сырыыта* букв. 'путь товара' – цикл товара; *валютта тымтайа* букв. 'плетенка валюты' – корзина валюты; *ойобос нолуок* букв. 'боковой/реберный налог' – косвенные налоги; *кэтэххэ түнэтии кырата* букв. 'малый раздел/малое распределение затылку/задней стороне' – малая приватизация.

Метафора употребляется для обозначения общественно-политической терминологии, например, *өлбүгэ ылыы* букв. 'взять ясак/подать/надел' – наследование; *аба ууһа* букв. 'отцовский род' – община; *хайын охсун* букв. 'покрыть себя снежной лавиной' – застраховать себя от чего-либо; *тирэх сир* букв. 'земля-опора' – плацдарм; *бас министир* букв. 'головной министр' – премьер-министр; *айабы ииттэр кээмэй* букв. 'мера средства к существованию

рта' – прожиточный минимум; *хос куолай* букв. 'дополнительный голос' – рупор; *сирэй көрүһүннэри* букв. 'сталкивать лица' – ставка; *бэлэми кэрбээччи* букв. 'грызущий готовое' – тунейдец; *булгуччу модьуйуу* букв. 'обязательное требование' – ультиматум; *олох тымтыга* букв. 'лучина жизни' – подросток; *тыын төхтүр* букв. 'неровное дыхание' – биоритм.

Бытует мнение, что на якутов можно действовать резонами; они рассудительны и не лишены дара слова. Якутская речь изобилует изречениями и пословицами, которые служат устным кодексом правовых, моральных и религиозных взглядов якутского народа. Так, якутский ребенок с малых лет знает, что нельзя играть охотничьими трофеями, проливать молоко, свистеть в лесу, мыться перед огнем, по вечерам играть в прятки. Все эти запреты сопровождалось словом *айыы* 'грех'. *«Кэбэ кэнниттэн хатылаама – кэлэбэй буолуон. Айыы!»* досл. 'Не повторяй за кукушкой – станешь заикой. Грех!' – учат взрослые своих детей. Метафора является средством образования пословиц, поговорок: *дьэбин тимири сиир, санаа киһини сиир* досл. 'ржавчина съедает железо, мысль съедает человека' – частое волнение приводит к быстрому старению; *кырыыс баһа хааннаах, алгыс баһа арыылаах* досл. 'голова прожаренная кровая, голова алгыса масляная' – пожелание зла человеку ведет к кровопролитию, а пожелание добра – к благополучию; *ытыс үрдүгэр түһэрдилэр* досл. 'на ладони свои посадили' – встретили гостя радушно. Таким образом, метафора в рамках устного народного творчества выполняет воспитывающую функцию и составляет особый пласт метафор – эстетические метафоры.

Приведенные примеры свидетельствуют, что подобные модели в якутском языке являются наиболее продуктивными. Можно констатировать наличие семантических моделей переноса в разных языках. Метафорическая активность некоторых лексико-семантических групп велика, возможно образование метафорической цепочки. Системный подход открывает возможность описать основные направления метафорических переносов, что дает возможность осознанно понять явление метафоры якутской аудиторией. Продуктивность моделей, вероятно, во многом зависит от опыта, видения мира определенным языковым коллективом. Своеобразие моделей, их продуктивность могут быть учтены при презентации учебного материала в обучении лексике, составлении

словарей. С целью организации обучения лексике считается необходимым учитывать системность, механизмы создания метафоры, метонимий, различия языковой и художественной метафор.

Библиографический список

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

2. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11–26.

3. Новиков А.Г., Пудов А.Г. Менталитет севера в контексте циркумполярной цивилизации. – Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2005. – 178 с.

4. Склярёвская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993. – 151 с.

А.М. Мелерович, Е.В. Блинова

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ СПОНТАННОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ*

Профессору Нине Семёновне Ганцовской
посвящается

Проблема соотношения слова и фразеологизма, языкового статуса лексических компонентов фразеологических единиц (ФЕ), выдвинутая в середине XX века акад. В.В. Виноградовым, и в наши дни сохраняет свою актуальность. В её исследовании открываются новые перспективы в связи с достижениями новой научной дисциплины – психолингвистики, рассматривающей единицы языка прежде всего с точки зрения их функционирования в речевой деятельности, в свете так называемого «человеческого фактора».

Восприятие и употребление ФЕ в речи часто сопровождается произвольным, интуитивным их семантическим анализом. Семантическое членение ФЕ в речи неотделимо от синтеза семантики и выразительных возможностей их компонентов в экспрессивно-смысловые единства, мотивированные одновременно инвариантным фразеологическим значением и включающим ФЕ текстом. Спонтанный семантический анализ и синтез ФЕ при их употреблении и восприятии – двуединый закономерный процесс. В нем реализуются аналитико-синтезирующие потенции семантической структуры ФЕ. Средой, наиболее способствующей реализации потенций спонтанного анализа и синтеза элементов разных уровней семантической структуры ФЕ, является художественная речь. Для художественной речи характерно использование ФЕ как особых аналитико-синтезирующих образных конст-

рукций. Восприятие значений отдельных лексических компонентов, прямых и переосмысленных на базе семантической структуры ФЕ и ее контекстуального окружения, в соотношении с фразеологическим значением оборота намечает «русло для течения мысли» [11, с. 418] автора и читателя.

Аналитичность значения ФЕ, денотативная соотнесенность их компонентов оказывается наиболее явной при наличии в тексте слов и словосочетаний, поясняющих компоненты ФЕ. Вот характерный пример такого рода преобразования ФЕ: «Князь Василий решил, что эту *кость*, *вексель в тридцать тысяч*, надо было все-таки *бросить* бедной княжне с тем, чтобы ей не могло прийти в голову толковать об участии князя Василия в деле мозаикового портфеля» (Л.Н. Толстой, «Война и мир»). Благодаря введению в состав ФЕ словосочетания, поясняющего именной компонент (*кость* – «вексель в тридцать тысяч») и сочетающегося с глагольным компонентом (...вексель в тридцать тысяч... *бросить*)), создается четкий параллелизм прямого и переносного планов оборота *бросить кость*. Это сатирически заостряет всю фразу. Сопоставленные и синонимические здесь обороты *эта кость* и *вексель в тридцать тысяч* в сочетании с глаголом *бросить* приобретают следующее конкретизированное осмысление: 'с неохотой и раздражением уделить незначительную часть огромного наследства'. В данном семантическом определении глагольное словосочетание *с неохотой и раз-*

*Работа выполнена в рамках исследовательского проекта, поддержанного грантом РГНФ № 06-04-00135а.

дражением уделить соотносится с компонентом *бросить*, а субстантивное словосочетание *незначительная часть огромного наследства* с компонентом *кость*.

Семантический анализ ФЕ в художественной речи открывает возможность выявить влияние на смысловое содержание ФЕ авторской семантико-стилистической системы, установить способы актуализации различных элементов семантической структуры фразеологизма, трансформации фразеологического значения.

Контекст, мотивирующий экспрессивно-смысловое содержание ФЕ, может быть представлен как отдельным предложением, структурно-семантическим единством, образуемым группой предложений (сверхфразовым единством), так и главой или всем текстом произведения. Любое новое употребление ФЕ мотивировано возможностями контекста актуализировать определенные стороны ее семантики и создавать смысловые изменения. Употребление ФЕ часто сопровождается их окказиональным авторским преобразованием, приводящим к вычленению компонентов, содержание которых актуализируется в тексте.

Приведем примеры смыслового и структурного преобразования ФЕ в контексте художественного произведения, связанного с вычленением ключевого компонента. Например, в повести Ю. Вебера «Семьдесят девятый ректор» на базе вычлененного из ФЕ *облежать в плоть и кровь* сочетания *плоть и кровь* образовался авторский окказионализм: «Открылось. Тогда он поплотнее уселся за столом, подвинул к себе бумагу и стал писать. Превращение блеснувшей догадки в математическую плоть и кровь». Расширение выделенного сочетания компонентом *математическая* мотивировано тем, что в данной ситуации конкретизируется содержание, связанное с математическими формулами, знаками: «облечение мыслей, открытий в математические формулы». За счет вычленения ключевых компонентов возникает индивидуальная конкретизация образа. В авторском употреблении фразеологизма отражается взаимодействие в его смысловом содержании контекстуальной и языковой мотивировки.

Семантический анализ ФЕ в художественном тексте ориентирован на выявление элементов общего смыслового содержания фрагментов текста, ассоциирующихся с ФЕ и их отдельными лексическими компонентами. Слова и ФЕ в тексте в той или иной степени лишены семантической

автономности: их значение воспринимается в соотношении с общим содержанием предложений и сверхфразовых единств, которым они принадлежат, а также в парадигматических связях с целым рядом единиц языка и речи, входящих в состав различных фрагментов текста. Характерные для художественной речи трансформации ФЕ часто связаны с их спонтанным, произвольным семантическим анализом.

На основании экспериментальных данных выявлены следующие основные модели «прочтения» идиом носителями языка путем попыток извлечь из сочетающихся в речи слов буквальное и метафорическое значение: 1) извлечение буквального значения и затем его идиоматическая интерпретация; 2) параллельная интерпретация буквального и переносного значений идиоматической конструкции; 3) непосредственная идиоматическая интерпретация сочетания слов [15, р. 33–46]. В ряде психолингвистических исследований специально рассматривается вопрос разложимости (анализируемости) идиом на составляющие словные компоненты в процессе их восприятия и осмысления [5, с. 196–200; 13, с. 43–51; 14, р. 411–445 и др.]. ФЕ, обладающие изоомфизмом значения и формы, являются аналитическими конструкциями, разлагающимися на компоненты знакового характера [8, с. 40–49]. Поскольку отдельные компоненты в разлагаемых на составляющие идиомах делают свой вклад в переносное значение таких выражений, люди перерабатывают идиомы композиционным путем, то есть значение каждого компонента извлекается и далее сочетается со значениями других компонентов в соответствии с синтаксическими правилами языка [5, с. 197]. Одну из причин того, что люди трактуют многие идиомы как разложимые на составляющие, Р. Гиббс видит в том, что подсознательно опознается метафорическое картирование информации на пересечении двух концептуальных областей. К числу путей обнаружения того, что у людей имеется неявное, подсознательное знание метафорической базы идиом, относится детальный анализ ментальных образов, связанных с идиомами. Психолингвистические исследования свидетельствуют, что люди понимают многие идиомы благодаря своему базовому знанию метафоричности [14, р. 427–428].

Для выявления психолингвистического механизма спонтанного семантического анализа ФЕ в системе речи важно обратиться к теории пони-

мания текста. Рассматривая проблему поливариантности понимания художественного текста, исследователи отмечают, что различные варианты толкования одного и того же текста обусловлены прежде всего воздействием на восприятие его содержания экстралингвистической ситуации, на которую он указывает, особенностей личности реципиента [2, с. 28–29; 3, с. 116 и др.]. А.А. Леонтьев трактует понимание текста как «процесс перевода смысла этого текста в любую другую форму его закрепления... Вообще понятно то, что может быть иначе выражено» [7, с. 141]. Как отмечает Н.И. Жинкин [4], в принципе в ходе восприятия любого текста реципиент осуществляет эквивалентные смысловые замены элементов текста на элементы своего смыслового поля. Таким образом осуществляется субъективизация толкования содержания текста. Инвариантная семантическая структура ФЕ репрезентирует определенные модели, когнитивные схемы, структурирующие характеристику явлений, ситуаций. Непроизвольная субституция в речи узальных компонентов ФЕ словами или словосочетаниями, конкретизирующими, уточняющими смысловое содержание ФЕ применительно к единичной ситуации, к концептуальному полю субъекта речи, представляет определенную разновидность частичного перифразирования текста, перевода его смысла «в любую другую форму его закрепления». Подобная повторная номинация отдельных компонентов содержательной структуры текста является отражением его субъективной интерпретации в соответствии с потребностью реципиента его осмысления со своих мировоззренческих позиций, в соответствии с собственным мировосприятием. Пример: *Просто народу не давали сказать свое слово, затыкали ему рот <...>. А вы всё ведёте спор о непостижимости его желаний! По старой интеллигентской привычке судите об этом с высоты своей индивидуальной башни.* (В. Рождественский, Ольга Форш [приведена речь О. Ф.]). Здесь ФЕ *смотреть со своей колокольни на что-л.* («судить о чем-либо со своих позиций; односторонне, соответственно своим ограниченным взглядам») заменена окказиональным перифразом *судить с высоты своей индивидуальной башни о чем.* Субституция компонента *колокольня* словом *башня* выявляет ассоциацию с ФЕ *затвориться в башне из слоновой кости* («отгородиться от реальных трудностей; уйти в мир идей, ото-

рванных от действительности»), тем самым видоизменяя концептуальное содержание ФЕ, внося в него идею отрыва от реальности. Определение *индивидуальный (индивидуальная башня)* эксплицирует характеристику крайне субъективного восприятия действительности. Субститутум ФЕ, существенно видоизменяющим её концептуальное содержание, может служить и её вариант, сохраняющий основной компонентный состав: *Этот город называется Полоцк... Он расколот на две части рекою, Полной тихого лесного покоя, Словно старец, он велик и спокоен, Со своих на мир глядит колоколен* (Ю. Визбор, «Цена жизни»). Здесь реализуется контекстуальная полисемия ФЕ, иерархичность интерпретации её образной основы. В контексте поэтического описания старинного русского города, где он предстаёт олицетворенным – «Словно старец, он велик и спокоен, со своих на мир глядит колоколен» – возникает ощущение тишины и покоя, взгляда на мир из глубины веков. В создании этого впечатления участвуют ритм, мелодика, звуковые и морфемные повторы: *расколот – рекою – колоколен; Полоцк – полон – покоя – спокоен; словно – старец – глядит на мир колоколен* образует развернутую метонимию, в которой лексема *колокольни* служит обозначением храмов, церквей. Метонимический образ является внутренней формой, способом выражения абстрактного представления о преисполненном мудрым, величавым спокойствием взгляде на мир.

Поскольку ФЕ в художественном тексте являются особым родом компонентами целостной концептуальной структуры, необходимо установление наиболее адекватных форм перевода и закрепления смыслов ФЕ, репрезентирующих их понимание. Такими формами являются синонимические перифразы, по возможности более или менее изоморфные фразеологизмам семантические определения. В различных контекстах, ситуациях ФЕ могут получать индивидуальную интерпретацию, отражающуюся в способах экспликации их субъективного осмысления и спонтанного семантического анализа.

Об интуитивном семантическом членении ФЕ в соответствии с образующими их лексическими компонентами свидетельствует автономное употребление следующих субстантивных компонентов, вычлененных из глагольных ФЕ и сосредоточивающих вещественное содержание, «ядро»

фразеологического значения: «...пойдут проработки на педсовете и родительских собраниях, и вместо делового мероприятия получится тоскливая **канитель**» (В. Панова, «Сережа»); «...прокуроры **стружку снимают** за неурочный вопрос – одной **стружкой** больше, одной меньше, – все одно плохо» (Ю. Семенов, «Огарева, б»); «Конечно, зашивать. Только науродуешься сам до черта, больного измучаешь, а финал тот же... Но давай попробуем от артерии отойти... Перевяжем печеночную артерию, вошьем в аорту. – Ничего себе! А как насчет **свеч** и **стоимости игры**, Борис Палыч? – По словицы они знают. Можно еще вспомнить про **пушки** и про **воробьев**, да толку-то что?» (Ю. Крелин, «Хочу, чтобы меня любили»). Вычлененные субстантивные компоненты ФЕ создают аллюзию на фразеологический оборот, обуславливая ассоциативные связи между фразеологическим значением оборота и семантикой данных слов тексте, возникшей на базе значения ФЕ (ср.: **тянуть канитель** – ‘намеренно затягивать выполнение какого-либо дела’ и **канитель** – ‘затянутое дело, мероприятие; однообразное, нудное занятие’; **снимать стружку** – ‘отчитывать, ругать, пробирать’ и **стружка** – ‘упрек, наказание’; **игра не стоит свеч** – ‘приложенные усилия не оправдываются полученными результатами’ и **свечи** – ‘затраченные средства, приложенные усилия’, **стоимость игры** – ‘оправдание полученных результатов’; **стрелять из пушек по воробьям** – ‘излишне напрягать силы, прилагать большие усилия без всякой надобности, по незначительному поводу’ и **пушки** – ‘приложенные усилия, **воробьи** – ‘незначительный повод для приложения больших усилий’).

Посредством специальных экспериментов О.С. Шумилина выявила, что при идентификации иноязычных фразеологизмов индивид осознано или произвольно опирается на значения составляющих ФЕ компонентов, опознаваемых как слова свободного употребления. Это сопровождается актуализацией устойчивых ассоциативных связей родного языка [13].

Таким образом, психолингвистические исследования выявляют определенные закономерности функционирования ФЕ, сопряженные с их трансформацией.

Структурно-семантические преобразования ФЕ базируются на психолингвистических механизмах смысловых замен и поиска субъективных

эквивалентов. Принципы (механизмы) смысловых замен, субъективной эквивалентности принадлежат к числу фундаментальных принципов работы речевого механизма человека [5, с. 56]. Смысловые замены и поиск субъективных эквивалентов обусловлены стремлением постичь, усвоить смысл языковых знаков, единиц текста и адекватно его интерпретировать, часто в применении к единичной ситуации.

Все структурно-семантические преобразования ФЕ, в том числе и расширение компонентного состава, и эллипсис, вплоть до употребления в тексте отдельных лексических компонентов, сопряжены с различного рода смысловыми заменами, так как приводят к видоизменению контекстуального смыслового содержания фразеологизмов, которое воспринимается в сопоставлении с инвариантным фразеологическим значением. При сохранении в тексте лишь отдельных компонентов ФЕ, так или иначе воспроизводится их перифразированное значение, что и позволяет идентифицировать автономно употребленные лексемы с определенными фразеологизмами.

Например, при сокращении компонентного состава (эллипсисе) смысловое содержание ФЕ сохраняется, но часто становится менее интенсивной – экспрессивной, менее яркой – образностью: «Ни к чему все было, зря... – Нет, не зря, – сказал Критский. – Не зря хотя бы потому, что сказал то, что думаем... – А, ерунда! **В стакане воды...**» (Ю. Трифонов, «Утоление жажды»). Здесь в составе ФЕ опущен ключевой компонент **буря** (ср.: **буря в стакане воды**), указывающий на объект как результат речевого акта, но контекст содержит его конкретизированное обозначение. Благодаря контекстуальному перифразу «бури» – **ерунда**, интуитивно воспринимается авторская оценка ситуации и воспроизводится имплицитно опущенный компонент и значение фразеологизма. Еще пример: «Словно он не понимал, чего тут смешного и как вообще могут такому смеяться. Хотя он слушал усердно. И еще одна **беловоронья** деталь: он никогда не ругался. Он и вообще привлекал к себе внимание» (В. Сикорский, «Фигура»). На базе ФЕ **белая ворона** (‘человек, резко отличающийся от окружающих, выделяющийся чем-либо необычным для них; непонятный, кажущийся странным’) образован лексический окказионализм **беловоронья**, который обозначает черту характера, «деталь», особенность поведения, воспринимаемую

окружающими как нечто странное, необычное, непонятное.

Объяснить психолингвистический механизм интуитивного семантического анализа ФЕ *белая ворона* и «синтезирования», создания на его базе В. Сикорским окказионализма *беловоронья (деталь)* можно, опираясь на исследование А. А. Залевской. Для идентификации окказионального прилагательного важна «опора на ситуацию». При этом актуализируется мысленный образ (в данном случае образ **белой вороны**), связанный с тем фрагментом внутреннего контекста, который послужил опорой для идентификации прилагательного (от образа некоторого объекта или его качества, признака до образа целой ситуации и далее к образованию окказионального слова (прилагательного, обозначающего в данном случае качества человека, особенность его поведения)) [5, с. 195]. Кроме того, здесь наблюдается превращение эксплицитных элементов значения ФЕ в полуэксплицитные, выраженные корневыми морфемами окказионального слова.

Окказиональные ФЕ могут образовываться в результате вычленения из ФЕ ключевого слова или словосочетания, часто в измененной форме: «Молодой человек из богатой семьи... Но **правдой-маткой** ради вежливости он тоже не желал поступиться. И он **резал** ее, **правду-матку** американского консерватора начала восьмидесятых годов двадцатого века... Хотя она уже не так отличалась от **консервативной правды-матки** прежних лет» (С. Кондрашов, «В чужой стихии»). Из ФЕ **резать правду-матку** («говорить прямо, резко, ничего не скрывая, не смягчая; высказываться смело, с полной откровенностью») вычленен компонент **правда-матка**, на основе которого образована окказиональная субстантивная ФЕ **консервативная правда-матка**, получившая осмысление: «фальшивая, показная, наигранная правдивость», употребленная в ироническом контексте.

Рассмотрение психолингвистического механизма интуитивного семантического анализа ФЕ в художественном дискурсе дает необходимое основание для объяснения процессов окказионального отфразеологического слово- и фразообразования.

Действие психолингвистического механизма семантического анализа ФЕ может быть наглядно продемонстрировано на материале функционирования структурно-семантических моделей

фразеологизмов. Рассматривая фразеологическую модель как типовую схему взаимодействия знаковой структуры ФЕ со структурой её прототипа, выделяем структурно-семантические модели ФЕ, которые объединяют ФЕ, обладающие признаками изоморфизма, наиболее отчетливо проявляющимися в параллельной членности их значения и формы, в выделении в составе ФЕ компонентов, эксплицирующих элементы фразеологического значения – компонентов-экспликаторов (КЭ).

КЭ являются внутрифразовыми знаками, маркированными своей принадлежностью определенным фразеологическим инвариантам. Данная маркированность проявляется на семантическом уровне в наличии в составе КЭ итеративных сем: ср.: *за деревьями леса не видеть* – «обращая внимание на нечто второстепенное, не замечать существенного, главного». Соответственно, компонент *деревья* символизирует нечто второстепенное, скрывающее, «заслоняющее» существенное, главное, а *лес* – нечто существенное, важное, скрывающееся за второстепенным, незначительным. Благодаря присутствию в семантике данных КЭ итеративной семы «нечто скрытое» они маркированы своей принадлежностью ФЕ *за деревьями леса не видеть* и находятся в отношениях взаимной детерминации [9, с. 104–113].

Изоморфные фразеологизмам семантические определения моделируют их семантическую структуру, репрезентируя их структурно-семантические модели в системе языка. Данные модели являются порождающими, поскольку предполагают наличие конструктивного принципа образования знаковых единиц, обуславливающего определенные соотношения и способы соединения означаемых и означающих в составе внутрифразового контекста. Подобные фразеологические инварианты наиболее активно участвуют в ситуативном моделировании, продуцируя фразеологические окказионализмы, отражающие всё разнообразие единичных ситуаций, обобщаемых фразеологической моделью. Ср. в художественно дискурсе: *За лекарствами леса не видел, за аптекаршей женщиной не разглядел*. (Ю. Крелин); *Частный факт, частный случай должен быть увязан с общим взглядом поэта на мир. У поэта за деревьями должен быть виден лес*. (Е. Винокуров). Отфразеологические символы *деревья* и *лес* здесь вербализуют внутрифразовые индивидуально-авторские концепты.

За каждым индивидуализированным, авторским употреблением стоит фразеологический инвариант как категориальная единица языка. «...отнесение объекта и именуемого его слова (в данном случае – фразеологизма. – А.М.) к более общей категории скрывает за собой отнесение его смысла, концепта, к более общей категории концептов» [12, с. 62]. Таким образом, выявляется неразрывная связь процессов категоризации и концептуализации в сфере фразеологии, её формирование в контексте речи индивида, социальной жизни и культуры этноса.

Концепты кодируются в языке отдельными словами, устойчивыми и переменными словосочетаниями и предложениями. Необходимые для вербального мышления концепты отражены и в грамматике языков. Именно грамматическая категоризация создает тот каркас для распределения всего концептуального материала, который выражен лексически [16, р. 165–166]. Ученые дифференцируют определенные виды концептов в зависимости от типов знания, которое они закрепляют, и характера его структурирования в сознании носителей языка (представления, понятия, схемы, фреймы, сценарии, гештальты).

Семантика ФЕ как особого типа многокомпонентных знаков вторичной номинации соотносится прежде всего с фреймами, представляющими собой многокомпонентные концепты, объёмные представления, мыслительные образы стереотипных ситуаций. В силу того, что фреймы являются многокомпонентными мыслительными образами стереотипных ситуаций, представляющими их адекватное структурирование, объективирующие их языковые номинации приобретают семантическую структуру, в той или иной степени изоморфную структуре вербализуемых ими фреймов [1, с. 187]. См. положение Ю.Н. Караулова о том, что фрейм любого уровня обобщенности может быть адекватно выражен переводом его в пропозициональную структуру, т.е. передан пропозицией [6, с. 194].

Таким образом, фреймы и структурно изоморфные им номинации моделируют в системах гетерогенных, но изоморфных кодов (невербального и вербального) определенные стереотипные ситуации. Особые разновидности фреймовых структур сознания представляют сценарии – стереотипные эпизоды с признаками движения, развития. «Фактически это фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последова-

тельность отдельных эпизодов, этапов, элементов» [10, с. 84]. Фреймы как базовые статические мыслительные образы, вербализуемые кодирующими их номинациями, в процессе мысли – речи легко преобразуются в динамические мыслительные образы, сценарии, также получающие вербальную объективацию. Фразеологические единицы, парадигмы их узальных вариантов и окказиональных трансформов принадлежат к важнейшим языковым средствам вербальной объективации фреймов и производных от них сценариев.

Членимость многих ФЕ на КЭ, являющиеся двусторонними образованиями, элементами знакового характера, позволяет рассматривать КЭ каждого фразеологизма в соотношении друг с другом, а также в отношении к КЭ других ФЕ и к словам свободного употребления. Разнообразие структуры КЭ свидетельствует о том, что значения фразеологических единиц могут в разной степени и различным образом детерминироваться входящими в их состав эксплицитными элементами. Детерминирующий характер КЭ обуславливает определенные типы речевых трансформаций ФЕ, связанные с обособлением и автономным употреблением компонентов-экспликаторов, актуализирующим их смысловое содержание и манифестирующим его принадлежность определенной ФЕ как структурно-семантическому инварианту, фразеологической модели.

Сравним инвариантную структуру пословицы *Ложка дегтя портит бочку мёда* («Самое малое плохое способно испортить что-л. хорошее, существенное, большое») с зафиксированными в паремиологических сборниках её вариантами, в которых предикативная связь актантов присутствует имплицитно: *ложка дегтя в бочке мёда* «незначительное, малое плохое, портящее что-л. существенное, хорошее»; *ложка мёду, а бочка дегтю*; *бочка мёду, да ложка дегтю* и др.

Приведем примеры трансформированного употребления пословицы в художественном дискурсе: *И что же? Потонул этот отзыв в десятках хвалебных? Нет. Весь день на душе было определенно неприятное ощущение, со стороны совершенно непонятное. Ложка керосина в бочке душистого вина.* (В. Вересаев, «Непридуманные рассказы»); *Как борющийся в одном лагере с Мейерхольдом, я считал нужным, прав ли Мейерхольд или не прав, принимать на себя все удары, направленные против него. Однако*

на этот раз мне приходится самому **подлить дёгтя в фимиам**. (В. Маяковский, «Выступление на диспуте о постановке “Д. Е.”»). Слова, распротравливающие противопоставленные *мёд* и *дёготь* и замещающие эти компоненты в соответствующих позициях, вносят в смысловое содержание отфразеологических окказионализмов дополнительную экспрессию, видоизменяя инвариантную образную основу паремии.

Употребление отдельных КЭ, маркированных формально и содержательно принадлежностью определенному фразеологизму, благодаря устойчивым ассоциативным связям вызывает имплицитное присутствие в сознании адресата ФЕ в целом, ассоциирующейся с конкретизированной ситуацией. Контекст, заменяющий частично фразеологизм, моделирует обозначаемую фразеологизмом стереотипную ситуацию, конкретизируя ее и актуализируя семантику компонента-экспликатора в применении к единичной ситуации. Рассмотрим пример: *Через несколько дней регулировщики отходили от кассы, тиская в руках деньги. Прибор нукудышный, а им премия. – Деранут подходящий, гады, – капнул дегтя недоверчивый Дундаш..* (Азольский А. Степан Сергеевич // Новый мир. – 1987. – №8. – С. 101). В данном тексте употреблен окказиональный фразеологизм **капнуть дегтя**, образованный на базе вычлененного из устойчивой фразы *Ложка дегтя портит бочку мёда* компонента *дёготь* в его внутрифразовом осмыслении «малое, незначительное плохое, портящее нечто существенное хорошее». Это смысловое содержание компонента *дёготь* актуализировано контекстом, в котором оно конкретизировано словосочетанием *деранут подходящий* (налог). Детерминируемое компонентом *дёготь* содержание «нечто существенное хорошее», выраженное в составе устойчивой фразы сочетанием *бочка меда*, в данном тексте передается словами *деньги, премия*, конкретизирующими смысловое содержание имплицитно присутствующего компонента ФЕ *бочка мёда* применительно к репрезентируемой данным текстом единичной ситуации.

Рассмотрение систем трансформаций ФЕ в соотношении с их инвариантной структурой приводит к выявлению особенностей функционирования структурно-семантических инвариантов, моделей ФЕ, характера их участия в текстообразовании. Структурирующее, текстообразующее функционирование ФЕ проявляется в том,

что их компонентный состав и семантическая структура, абстрагируясь от исходного образа, формализуются, закрепляются в сознании как маркеры абстрактных схем, служащих инструментом структурно-семантического моделирования речевых единиц, описания единичных ситуаций, явлений в параметрах, заданных определенными фразеологическими моделями, их концептуальной содержанием и структурой.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2005. – 416 с.
2. Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 120 с.
3. Брудный А.А. Понимание как философско-психологическая проблема // Вопросы философии. – 1975. – №10.
4. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. – 1964. – №6.
5. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 382 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
7. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
8. Мелерович А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. – Ярославль: Изд-во Ярославского пед. ин-та, 1979. – 80 с.
9. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Текст и семантика компонентов фразеологизма // Обретение смысла. – СПб.: Изд-во «Осинов», 2006.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. – 226 с.
11. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – С. 464–560.
12. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. – М.: Академия, 2003. – 320 с.
13. Шумилина О.С. Стратегии идентификации иноязычных фразеологических единиц (на материале английских глагольных фразеологизмов с соматическими компонентами): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1997. – 18 с.
14. Gibbs R.W. Jr. Figurative thought and figurative language // Gernsbacher M.A. (Ed.) Handbook of psycholinguistics. – San Diego ets.:

Academic Press, 1994. – Pp. 411–446.

15. *Sweigert W.A.* The comprehension of familiar and less familiar idioms // *Journal of Psycholinguistic Research*. – 1986. – Vol. 15. – Pp. 33–46.

16. *Talmy L.* The relation of grammar to cognition // *Topics in cognitive linguistics*/Ed. By Rudzka-Ostin B. – Amsterdam; Philadelphia, 1988. – Pp. 162–205.

А.С. Мельков

ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ «ОПИСАНИЯ СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ» А.В. ГОРСКОГО И К.И. НЕВОСТРУЕВА

Препамбула. Статья посвящена малоизвестному в науке эпизоду из истории описания славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. Цензура пыталась запретить издание многолетнего труда, но ученые смогли отстоять интересы филологической науки, дав компетентный и исчерпывающий ответ на цензурскую критику.

Синодальная библиотека, организованная в 1721 году, составлялась на основе древнерусских собраний. К середине XIX столетия богатства библиотеки весьма возросли. В то время ни одно другое книгохранилище России не содержало столько данных о древних славянских памятниках и материалов по истории славянских языков, сколько таилось в старинных рукописных и печатных актах этой библиотеки [1]. Исключительную ценность здесь представляло собрание славянских рукописей XI–XVIII веков, общее число которых более тысячи и среди которых есть немало действительно уникальных. Между тем этот весьма ценный материал оставался научно невостребованным. За неимением настоящего указателя или каталога к нему им почти невозможно было пользоваться, хотя необходимость введения в научный оборот всего этого рукописного богатства для ученых филологов и историков, с последующим изучением в высшей школе чувствовалась уже давно. Светские исследователи не раз упрекали, и вполне справедливо, духовные власти в их нежелании исправить положение.

Наконец инициативу положительно разрешить возникшую проблему взял на себя митрополит Московский Филарет. По его благословению в 1849 году коренной костромич, профессор Московской Духовной Академии, талантливый педагог, выдающийся археограф и церковный историк А.В. Горский совместно с преподавателем Симбирской Духовной Семинарии К.И. Невоструевым начал работу по составлению описания славянских рукописей Синодальной библиотеки. Все дело описания святитель Филарет поставил под свое непосредственное руководство,

официально приняв на себя ответственность за его характер и результаты.

Один из основных интересов этого исследования состоял в разрешении вопроса, который глубоко занимал А.В. Горского в течение долгих лет, а именно: «Как образовалось то собрание библейских книг на славянском языке, которое мы имеем до первых печатных изданий? И в каком виде вообще было известно слово Божие нашим предкам?» [2, II] При описании рукописей Синодальной библиотеки Горский открыл, собрал и обозрел огромный материал и наметил новые перспективы для плодотворной научной работы по генезису и восстановлению первоначального текста славянской Библии. По справедливому и компетентному приговору профессора Г.А. Воскресенского, это «есть, можно сказать, неисчерпаемая сокровищница критически очищенных фактов для истории священного библейского текста» [3, с. 50].

История славянского библейского и богослужебного текста постоянно затрагивается Горским на протяжении всего «Описания». Он доказал, что из ветхозаветных книг Библии были известны в славянском переводе архиепископу Новгородскому Геннадию далеко не все. Остальные книги Ветхого Завета были переведены с латинского языка и расположены не вполне правильно. Вероятно, поэтому книга Есфирь была принята в позднейшем переводе с еврейского. Глубокое знакомство с творениями отцов греческой Церкви дало ему возможность определить историческое значение древних произведений славянской литературы. Так, рассматривая сборник XVI века с творениями священномученика Мефодия Патарского, Горский установил, что древний сла-

вянский перевод сохранил тексты, которые на греческом языке либо известны только в отрывках, либо вообще не известны [4, с. 17–31].

Горский в то же время следил по всем памятникам древнеславянской литературы за самим текстом Священного Писания. Ученый заметил, что древнейшие славянские писатели приводят тексты Писания не согласно с древним оригиналом, а передают его очень часто по своему собственному переводу. Так, рассматривая рукопись XIII века, содержащую славянский перевод «Богословия» преподобного Иоанна Дамаскина, Горский выяснил, что автор перевода – Иоанн, экзарх Болгарский – не только сократил оригинал по составу, но и обогатил его собственными дополнениями. Вместе с тем, передавая цитаты Священного Писания, он воспроизводил их не в готовом кирилло-мефодиевском переводе, а в своем собственном [4, с. 292–307]. Аналогично поступал Константин, пресвитер Болгарский, когда переводил поучения святителя Иоанна Златоуста на воскресные дни; более того, он даже в своем труде под именем Златоуста поместил собственное сочинение [5, с. 9].

Таким образом, Горский установил следующую закономерность: чем древнее памятник славянской литературы, тем более в славянском переводе Священного Писания в силу разнообразных исправлений и переписок накапливается различий по сравнению с еврейскими и греческими первоисточниками [2, XI–XII]. Горский отметил это замечательное явление, поднимая вопрос об объеме и судьбе кирилло-мефодиевского перевода Священного Писания. Во главу угла в «Описании» Горский поставил анализ текста, «причем этот анализ отвечал всем требованиям как филологической, так и исторической науки, которые подкреплялись колоссальной богословской эрудицией ученого» [6, с. 275].

Описание рукописей, при непосредственном участии Горского, тянулось целых 14 лет. Результатом такой долгой работы было появление в печати шести довольно объемистых томов, в которых было подробно описано более 340 книг и рукописей. Первая книга «Описания» вышла в 1855 году. В этом первом томе рассмотрены все славяно-русские рукописи Священного Писания Ветхого и Нового Заветов и, прежде всего, Библия архиепископа Новгородского Геннадия по спискам XV–XVII веков, а так же отдельные списки XII–XVII веков Евангелия, Апостола, Псалти-

ри, Пророчеств и так далее. Рассмотрены они в сравнении с печатными Библиями, начиная с Острожской 1581 года, и параллельно с библейскими греческими, латинскими и еврейскими текстами [2].

Но именно этой первой книге, да и всей обширной серии «Описания», грозила печальная участь остаться навсегда в неизвестности. Дело обстояло так. Когда первый том «Описания» был подготовлен, то его окончательный вариант осенью 1852 года был представленординарному профессору Санкт-Петербургской Духовной Академии архимандриту Иоанну (Соколову), состоявшему членом Комитета Духовной Цензуры [7, с. 485]. Этот цензор отличался двумя чертами: придирчивостью и полным неуважением к чужим мыслям, вследствие чего он сумел вооружить против себя даже самых безобидных людей [7, с. 486]. И к порученной ему на рассмотрение первой части «Описания» он отнесся со собственными ему приемами.

Не отвергая научной эрудиции и талантов авторов, цензор именно в их учености и усмотрел опасность для самой Церкви и в своем отзыве принял на себя обязанность не допустить выхода книги в печать. Два пункта в «Описании» показались ему особенно крамольными и неблаговидными: 1) убедительные доказательства того, что во всем множестве славянских списков Священного Писания авторы не нашли ни одного исправного; 2) указание на то, что полное собрание Ветхозаветных книг на славянском языке появилось на Руси в XV веке с заимствованиями из Вульгаты, латинских и немецких изданий. Первый тезис цензор считает хулой на Русскую Церковь, навещающую на мысль, что в продолжение нескольких веков наша Церковь не имела слова Божия в чистом, целостном виде, а принимала и благовествовала его в поврежденном виде [8, с. 493]. Второй пункт он находит неблагоприятным для суждений о Русской Церкви, особенно со стороны инославных конфессий, и неблаговидным, бесполезным для всеобщего чтения [8, с. 495]. Сама же попытка ученых описателей критически исследовать славянский текст Библии представляется цензору дерзостью, посягающей на Священное Писание: «Описатели предложили в своем труде цель, не только собственно библиографическую, но учено-критическую. Если бы они ограничились одной первой целью, то довольно было бы описать время и место происхождения каждой руко-

писи, состав ее, особенности языка... В таком случае несовершенства наших древних переводов Св. Писания не были бы обнаружены, а могли бы быть обличены разве только при нарочитом чтении каждой рукописи, если бы кто захотел читать рукописи в самой библиотеке. Но описатели пошли далее. Они вооружились ученой критикою и стали исследовать и судить о достоинстве самих переводов Св. Писания, сличая их с греческими и другими изданиями его. В таком случае уже невозможно скрыть всех неисправностей в наших переводах Библии. Но нужно ли это в предложенном описании рукописей библиотеки?» [8, с. 495].

Отзыв архимандрита Иоанна поставил вопрос о публикации «Описания» довольно серьезно. При той недоверчивости, с какой в то время относились к научному изданию древнерусских церковных памятников, такой отзыв мог вызвать серьезное сомнение в том, нужно ли и полезно ли такое описание. К счастью для нашей Церкви и нашей науки, дело описания рукописей было близко и дорого митрополиту Московскому Филарету, бывшему не только сильным богословом, но и опытным педагогом и ревнителем просвещения. Свяtitель поручил Горскому составить подробное объяснение на возражения и требования цензурской рецензии. Горский взялся за дело и уже летом 1853 года после тщательной, кропотливой работы и постоянных консультаций с митрополитом Филаретом, ответ был готов. Сам документ озаглавлен так: «Апология “Описания славянских рукописей Синодальной библиотеки” и Слово обличительное на отца Иоанна (ныне Казанской Духовной Академии ректора)» [9].

В итоге из-под пера Горского вышло то, что с полным правом можно назвать шедевром полемического искусства. В серьезном научном стиле ответ на рецензию архимандрита Иоанна был дан компетентный и исчерпывающий [10, с. 496–515]. Горский с особенной энергией защищает научную постановку труда, непоколебимыми доводами доказывая, что неблагоприятным и бесполезным для общего чтения рассматриваемый труд может признать только придирчивый взгляд, отягощенный ложными суждениями. На требование цензора устранить научно-критическую составляющую часть Горский отвечает энергичными словами с чувством исполненного долга перед Церковью и наукой: «Под благовидным предлогом прикрытия недостатков древнего тек-

ста, рецензия устраняет из описания и все другие исследования: тогда как при известном мнении об утрате первоначального перевода ветхозаветных книг, представляются необходимым вопросы: откуда же взялись у нас переводы ветхозаветных книг в полных списках Библии и в отдельных рукописях? Что составляет первоначальную основу нынешнего нашего кодекса св. книг? В какой мере древние переводы могли удовлетворять спасительному желанию знать Слово Божие? Все эти вопросы, разрешаемые сличением списков между собою ближайшим рассмотрением древности перевода каждой книги, проверкою перевода с подлинником, автор рецензии хочет изгнать из описания под наименованием учено-критической работы. Описание представляет убедительные доказательства, что Пятикнижие Моисеево, книги Иисуса Навина, Судей, Руфь известны у нас в переводе глубокой древности; что текст книг пророческих извлечен из перевода толкований на Пророков, который известен у нас еще в первой половине XI столетия; что также извлечен из древних переводов и текст книги Иова и Песни Песней, что книга Есфирь переведена с еврейского языка. Автор рецензии, не опровергая ничем этих доводов, не хочет дать им места в описании. Ужели лучше оставаться при той мысли, что первоначальный перевод ветхозаветных книг потерян, а новый явился не известно как и когда?» [10, с. 511].

Как видно из всего выше сказанного, цензор отрицает необходимость полноценного научного анализа всего рукописного собрания. В угоду личным амбициям и нездоровой мнительности, автор отзыва отрицает саму возможность использования сравнительно-исторического и критического методов в библейской текстологии, выставляя против истины явный подлог, предлагая сознательно утаивать важные научные факты, низводя само «Описание» до простого библиографического указателя.

Тем же летом 1853 года «Апология» была отправлена в Синод, а в первых числах ноября митрополит Филарет сообщил Горскому через Невоструева, что «представленное в Синод описание разрешено к напечатанию так, как оно есть и защищено вами, без исключения исследования» [7, с. 490].

Так благополучно закончилась история с первой книгой «Описания». Своим благоприятным исходом она обязана блестящим ответом А.В. Гор-

ского на отзыв цензора, но и в не меньшей степени святителю Филарету Московскому. Не будь его во главе всего предприятия, такой цензорский отзыв, как отзыв архимандрита Иоанна, мог вполне погубить все дело. Поручая К.И. Невоструеву преподнести митрополиту первую часть «Описания», Горский писал: «Прошу покорнейше представить ее от нас Святителю, который указал нам этот труд и постоянно руководил нас своими советами и ободрял милостивым вниманием. Мы помним, и будем помнить, что без его сильного слова не видать бы нашей книге света. Представляя книгу, прошу все изъяснить нашему Покровителю смелым голосом чистой, искренней благодарности, чтобы он видел в этом не один формальный обряд, но чтобы в душе его ясно сказались наши чувства» [7, с. 492]. И это искреннее чувство благодарности к святителю Филарету за защиту «Описания», выраженное А.В. Горским, должно быть близко всякому, кто переживает и дорожит успехами русской науки.

Библиографический список

1. *Иконников В.С.* Опыт истории русской историографии. – Киев, 1891–1892. – Т. 1.
2. *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. – М., 1855. – Т. 1. – Отд. 1. Священное Писание.
3. *Глубоковский Н.Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. – М., 2002.
4. *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2. Писания святых отцов. Ч. 2. – М., 1859.
5. *Кириллин В.* Александр Горский и русская археография // Историческая газета. – 1996. – № 0.
6. *Воробьев М.Н.* А.В. Горский и К.И. Невоструев (к вопросу о соавторстве) // Богословский сборник. – М., 1997. – № 1. – Вып. 1.
7. Эпизод из истории описания славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки // Богословский вестник. – 1900. – № 11.
8. Рецензия на «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» // Богословский вестник. – 1900. – № 11.
9. Черновой вариант см.: ОР РГБ, ф. 78. к. 9, ед. хр. 2.
10. Апология «Описания славянских рукописей Синодальной библиотеки» и Слово обличительное на отца Иоанна (ныне Казанской Духовной Академии ректора) // Богословский вестник. – 1900. – № 11.

Л.Х. Мисирова

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ РУСИЗМОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Балкарский народ в своей истории устанавливал разнообразные связи со многими народами. Результатом этих связей явились многочисленные слова, заимствованные карачаево-балкарским языком из языков самых различных систем. Так, в карачаево-балкарском языке имеются заимствования из арабского, монгольского, кабардинского, осетинского, персидского и др. языков. Но ни один из указанных языков не оказал того влияния на карачаево-балкарский язык, которое оказал и продолжает оказывать великий русский язык.

Известно, что один лишь факт употребления тех или иных заимствований в родном языке еще не означает полного их освоения, во всем совпадающего с функционированием их в языке-источнике. Среди часто употребляемых заимствований имеется масса слов, звучание которых силь-

но изменено приближено к карачаево-балкарской фонетике, но при этом остаются не освоенными многие стороны их семантики, стилистические оттенки, различные нюансы.

Как показывают материалы карачаево-балкарского языка, при заимствовании обычно происходит сужение семантического значения слова, т.е. карачаево-балкарский язык, заимствуя какое-то слово, берет его с каким-то одним или редко с двумя значениями. С одной стороны, это обогащает язык, в нем появляется слово для закрепления того или иного понятия, но с другой стороны, многословие в языке не поощряется, так как трудно бывает воспринять количество слов. Поэтому и существует многозначность слов, часть из которых имеет до десятка значений. Однозначных слов в языке мало, и те являются в основном терминами. Из русского языка главным образом

заимствуются слова, связанные с развитием и обогащением словарного запаса из научно-технической, общественно-политической, экономической и культурной области.

Как уже говорилось, при заимствовании карачаево-балкарский язык берет из русского языка слово с одним стержневым значением, а другие побочные значения воспринимаются им редко. Так, слово «участок» в русском языке имеет пять значений: отдельная часть какой-нибудь поверхности, земельной площади; административно-территориальное подразделение чего-нибудь – избирательный участок, врачебный участок, участок службы пути; часть фронта – зона действий какой-нибудь воинской части; область, отрасль какой-нибудь общественной деятельности; в царской России: подразделение, отделение городской полиции. Из всех этих значений карачаево-балкарский язык усвоил лишь два: *жер участка* – земельный участок и *айырыу участок* – избирательный участок.

Или возьмем слово «звено», которое имеет четыре значения: кольцо, являющееся составной частью цепи; переносно-составная часть чего-нибудь; небольшая организационная ячейка или воинское подразделение; венец в деревянном срубе. Карачаево-балкарский язык заимствовал лишь одно значение – небольшая организационная ячейка (*звено баишы* – звеньевая (ой)). В карачаево-балкарском языке это слово приобрело новые оттенки – деятельность звеньевого или выполняет обязанности, замещает звеньевого (*звеночулук этеди*).

Слово «бригадир» имеет значения: руководитель бригады; в старину военный чин выше полковника. Карачаево-балкарский язык воспринял его только с одним значением – руководитель бригады (*бригадир келеди* – бригадир идет, *бригадирлик этеди* – руководит бригадой).

Слово «станок» употребляется в трех значениях: машина для обработки металла, дерева и т.д.; основание, на котором укрепляют тело оружия, пулемета; отгороженное место в конюшне, коровнике для одного животного. В карачаево-балкарский язык оно заимствовано со значением – машина для обработки металла, дерева (*темир чыбыкъланы чыгъаргъан станок* – станок, делающий проволоку).

Из двух значений слова «цех» (отделение фабрики или завода; сословная организация ремесленников в Западной Европе) карачаево-балкарский язык воспринял одно – отдел фабрики или

завода (*цехни таматасы* – начальник цеха).

Слово «завод» имеет три значения: промышленное предприятие; предприятие для разведения животных (конный завод); приспособление для приведения в действие механизма. Карачаево-балкарский язык заимствовал это слово со всеми значениями (*алмаз завод* – алмазный завод, *конзаводха барама* – иду на конзавод, *сагъатны заводу иги ишлейди* – часовой завод хорошо работает).

Карачаево-балкарский язык заимствовал слова «класс» в его основных значениях: большая общественная группа с историческим определенным положением в системе общественного производства; группа учеников; комната для занятий (*ишчи класс* – рабочий класс; *биринчи классны окъуучулары* – ученики первого класса).

Слово «член» используется с одним значением – лицо, входящее, в состав какой-нибудь организации (*Бирикген профсоюзланы комитетини члени* – член комитета объединенных независимых профсоюзов). Остальные значения этого слова (одна из составных частей целого, орган тела, значения в грамматике) встречаются редко.

Карачаево-балкарский язык заимствует слова «смена» с двумя значениями: промежуток рабочего времени (*биринчи смен бошалды* – кончилась первая смена) и группа людей (*экинчи смен ишин бир сагъатдан бошарыкъды* – вторая смена закончит работу через час).

Остальные значения этого слова не зафиксированы.

«Район» употребляется со значением административно-территориальной единицы (*Чегем район* – Чегемский район), а со значением местности это слово в карачаево-балкарском языке не зафиксировано.

Из двух значений слова «ферма» карачаево-балкарский язык воспринял одно-отдельное специализированное хозяйство в колхозах и совхозах (*къой ферма* – овцеводческая ферма, *тауукъ ферма* – куриная ферма и др.) [4, с. 77–80].

Таким образом, одной из особенностей семантического освоения русских заимствований в карачаево-балкарском языке является сужение их смысла или сокращение количества значений. Кроме приведенных, можно назвать еще такие слова, как урок, вечер, совет, доска и мн. др.

Правда, в речи интеллигенции, хорошо владеющей русской и родной речью имеют место случаи полного освоения ряда многозначных рус-

ских слов, всесторонне не охваченных ни литературным, ни народным карачаево-балкарским языком. Такие слова, как урок, партия, копия, сухарь, совет и многие др. могут быть употреблены в устной карачаево-балкарской речи учащейся и рабочей молодежи, а также интеллигенции во всех присущих им в русском языке значениях. Это происходит в речи карачаевцев и балкарцев, двуязычных в полном смысле этого слова.

Другим семантическим процессом, имеющим место в освоении заимствуемых слов, как отмечает М.Л. Апажев, является расширение их смысла или увеличение количества значений. Своеобразному переосмыслению подверглось слово «коридор», которое обозначает в карачаево-балкарском языке не только «коридор», но вмещает в себя и значения слов «крыльцо», «терраса», «веранда». В народном языке подобных примеров встречается больше. Так, карачаево-балкарский «*кюнес*» употребляется для обозначения «купец» и «большая шелковая шаль» (такие шали продавались русскими купцами). Также «*гыранча*» «женский головной платок с длинной бахромой» от русского граница (такие платки обычно привозились из заграницы). Слово «пассажир» в народной речи употребляется в значении «автобус», но редко в смысле «пассажир» [3, с. 87].

Третий вид изменения смысла в заимствованиях связан с потерей первоначального значения и приобретением ими необычной для русского языка семантики. Примерами подобного явления могут служить слова: «*матушко*», «*кастум*» и др., употребляющиеся в народном языке в значениях, которые не совпадают с их семантикой в русском языке. Так, «*матушко*» — от русского матушка — в карачаево-балкарском языке означает «русская девушка, женщина» [1, с. 58]. Имеют место случаи употребления слова *кастум* — от русского костюм — в значении «пиджак». Следует отметить, что подобные слова исключительно редки в современном карачаево-балкарском литературном языке.

Таким образом, из приведенных примеров становится ясно, что семантические изменения, происшедшие в заимствованиях, различны по своему характеру. Исходя из особенностей освоения смысла русских слов, М.Л. Апажев выделяет четыре категории заимствований.

К первой категории относится самая многочисленная группа слов, семантической особенностью которых является сужение смысла при заимствовании их карачаево-балкарским языком. Данная группа объединяет различные как по сфере употребления, так и по историческому происхождению слова. Ср. *участка*, *звено*, *загон*, *бригадир*, *станок* и многие др.

Вторую группу составляют слова, имеющие в карачаево-балкарском языке те же значения, что и в русском языке, ср. *тетрадь*, *парта*, *картоф*, *колхоз*, *математика*, *культура* и др.

Третья группа объединяет слова, семантика которых расширяется в процессе бытования в карачаево-балкарском языке, где, как правило, употребляется также одно или несколько из значений, активно функционирующих в источнике: ср. *калитор*, *милый*, *власть* и др.

Наконец, к четвертой категории относится самая немногочисленная группа слов, употребляющихся в карачаево-балкарском языке в необычном для русского языка значении. Ср.: *матушко*, *кастум*, *мыжык* и др. [2, с. 230].

Библиографический список

1. Апажев М.Л. Вопросы влияния русского языка на кабардинский. — Нальчик, 1963. — 152 с.
2. Апажев М.Л. Современный кабардино-черкесский язык: Лексикология, Лексикография. — Нальчик: Эльбрус, 2000. — 408 с.
3. Отаров И.М. Лексикология карачаево-балкарского языка. — Нальчик: Эльбрус, 1996. — 219 с.
4. Текуев М.М. Некоторые вопросы семантического освоения русизмов в карачаево-балкарском языке // Проблема обучения родному и русскому языкам в балкарской школе. — Нальчик, 1994. — С. 77–81.

Е. Михневич

«АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО» В КОНТЕКСТЕ РОМАНА-ЭПОПЕИ А. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРАСНОЕ КОЛЕСО»

Узлы истории России состоят из множества узелков истории людей. Каждый последующий «связывается» из предыдущего. А в самом первом зарождаются ниточки, которые и сплетут воедино чьи-то судьбы.

В «Августе Четырнадцатого» берут начало все темы повествования, тесно переплетенные между собой. Главный герой появляется с первых страниц произведения – каждым своим шагом Россия неуклонно идет к революции.

Началась война. Покатилось колесо истории, закружился виток нитей и уже завязывается очередной узел (без первой мировой войны нельзя никак объяснить революцию).

Кто ведет войны? «Это не солдаты, это люди. Не искатели приключений, не воины, созданные для резни, не мясники, не скот. Это земледельцы или рабочие... Это штатские, оторванные от своего дела. Они готовы. Они ждут сигнала смерти и убийства; но, взглядываясь в их лица, между вертикальными полосами штыков, видишь, что это простые люди... Эти люди не беззаботны, не равнодушны к своей жизни... В полном сознании, в полном обладании силой и здоровьем, они собрались здесь, чтобы лишний раз совершить безрассудный поступок, навязанный им безумием человеческого рода... Это не тот род героев, которых себе представляешь; но люди, не видевшие их, никогда не смогут понять значения их жертвы»¹.

А зачем солдату война? Ему достаются только увечья, смерть, а для семьи – голод. Русский мужик воюет за веру и царя, Сане же Лаженицыну Россию жалко; а такие как Роман Томчак в дымке очарования аккуратно выкладывают из флажков линии фронтов. И ему трудно поверить, что богатая, прочная жизнь может превратиться в окопы, вши, приказы, смерти из-за одной повестки.

Смерть... задумываются ли о ней солдаты? Саша Ленартович боится ненужной, бессмысленной смерти в этой войне («Нельзя было влипнуть хуже: в двадцать четыре года погибнуть за самодержавие»²). Он готов умереть за Россию, но только за ту, которая отвечает его идеологии. А для Юры Харитоновой война – смысл жизни, «тайна души», и смерть в бою для него лучшая и самая почетная награда.

И что есть подвиг на войне? Стоит ли внимания знаменщик, трижды раненный в бою, но спасший полотнище; или Елецкий полк, усиливший собою высоту; или солдат, которому все равно, убьют его или нет: он как бы уже принял смерть и ему уже ничего не хочется? И как назвать отступление русской армии, сжигающей посевы, постройки, убивающей домашний скот, угрожающей мирным жителям; отступление, сопровождавшееся проклятиями?

Одинаково ли люди представляют себе войну? Для Чернеги она – чума, у которой нет ни цели, ни смысла; для отца Северьяна несправедливый суд, сжигающий человека изнутри, подлее войны; для Ленина – всего лишь переход к гражданской; у Вортынцева одно стремление – выйти из нее (она – «грыжа весь живот»). Так что есть война? «Война – это не атака, похожая на парад, не сражение с развевающимися знаменами, даже не рукопашная схватка, в которой неистовствуют и кричат; война – это чудовищная, сверхъестественная усталость, вода по пояс, и грязь, и вши, и мерзость. Это заплесневелые лица, изодранные в клочья тела и трупы... Да, война – это бесконечное однообразие бед, прерываемое потрясающими драмами, а не штык, сверкающий, как серебро, не петушинная песня рожка на солнце!»

Война идет не только в окопах, но и в тылу – война за выживание (колоссальный наплыв беженцев, повсюду хвосты за хлебом) и за право называться человеком («Сказочные обороты делают ювелиры, меховщики, дамские портные – значит, есть кому прожигать жизнь, о войне не печалются!.. Откуда эта всеобщая бессовестность в нашей стране?». Слишком уж много веселья в столицах. Что это? – танцы на могилах, «избыток сытого шума?»).

Лицо войны получилось неумытое, заспанное, с выражениями удивления, печали, страха и горечи.

«Какой угодно мир, только скорей!.. Разрыв с союзниками и сепаратная капитуляция... Страна – на милость победителям», – это и есть итог освободительной великой войне?

А правая ли это война? А можно ли вообще оправдать войну, вынужденную кем-то челове-

ческую смерть? («Всю ночь с поля приползали поодиночке, а поле кричало, стонало: «Братцы! помогите!.. Спасите!.. Не бросайте меня!», и рыдания слышались.»)

Кем-то... Богом? Две одинаковые, воюющие друг с другом толпы, обе выкликают одинаковую молитву, обращенную к Всевышнему. Но звуки сливаются в единое песнопение. Что должен ответить Господь? Так кто же *он*, чьи руки наделены властью и вершат судьбы? Человек!?! и каждый его шаг есть история и нить, из которой свяжут новый узел. «Август Четырнадцатого» раскрывает, кто оседлал беду страны 1917 года и превратил возможность хаоса в действительность. Война только малый круг ада, большой же – «бесы».

Какие они, вершители истории? В романе нет однозначных оценок. Столыпин – великий деятель русской истории, не прощающий воровство, взяточничество и корысти, но для кого-то он – тиран и убийца (здесь уместен вопрос: «А судьи кто?...»). Убийство состоялось благодаря глупости, лениости, халатности (это ли не судьбоносная роль личности в истории), им автор и доказывает, как все сгнило, выродилось, исчерпало себя (поэтому и стало возможным возвращение красного колеса, поэтому и завязался новый узел судьбы истории). Распутин – проходимец, плут, изувер, сектант, по мнению общества; но в глазах царицы – избранник Божий, который спасет династию и Россию.

Николай II у А. Солженицына прежде всего человек (со своими слабостями, но с Богом в сердце): любящий отец; нежный, заботливый муж; добрый, внимательный сын; всепрощающий брат; мягкий, податливый Государь с трусливым и эгоистичным окружением; нерешительный Верховный Главнокомандующий. Но в тоже время мы видим величие Личности в истинной любви к России: отрекся ради страны, а не из-за страха о себе (ему будет стыдно за преемников, которым не ведомы слова «честь» и «природное благородство»). Царь вызывает не жалость, а скорее восхищение: переломные минуты он всегда встречает с чувством собственного достоинства и неподдельной любовью к Отечеству, армии, детищу своему – русскому народу. (И в чьих руках окажется судьба трехсотлетней династии? – у человека «без звания», которого никогда никто не замечал, а тут вдруг настал *его* великий час. Масловскому доставит внутреннюю радость ощутить превосходство над самим царем.)

Именно в войну, как, наверное, никогда, чувствуется сердечное единение людей. Есть генералы, которые не думают о чинах и личной славе, они состоят только из любви. Самсонов, Мартос, Корнилов, Гурко не утратили солдатского естества, ощущения себя частью большой семьи, поэтому и не могли они вести сынов своих «на невозможное», на явную бессмысленную гибель. Адмирал Колчак привык идти опасности навстречу. И в дни безвластия он сумел удержать Черноморский флот от развала и анархии своей твердостью, мудростью, любовью. Кого можно назвать истинным патриотом? – кто выше всего ставит – *что* необходимо для Отечества, кто ценит самое дорогое – человеческую жизнь.

А у штаба одна цель – спасти себя. Кто стоит у руля армии? – самолюбия и чинолюбия: лестница устроена так, что продвигаются не волевые, а послушные, не умные, а исполнительные. «Ты в ставке – цифры считаешь, ты людей обреченных не видишь, не чувствуешь.» А только ли в Ставке? Если командир за год сменяет состав своего полка четыре раза (так что иных солдат и видеть не успевает, «...а только посылает их в бой, а потом приказывает относить их, если было что относить»), до сей ли он поры командир или уже убийца? (Ведь Россия обещала только помощь, а не самоубийство) «Позор военной славе, позор армиям, позор солдатскому ремеслу: оно превращает людей то в тупые жертвы, то в подлых палачей».

В «Августе...» творится первый акт «суда Божия» над Россией, пролог серии катастроф. Колесо прялки вращается, и она тклет уже новую нить, и узел уже завязывается. «Август Четырнадцатого» заканчивается, ставя декорации для следующих актов трагедии великого режиссера – Истории, сценой на вокзале. Именно с Лениным, стоящим в Кракове около красного колеса паровоза, истинный герой является зрителю сам. «Эпоха штыка – наступила!»

Что есть революция? Кто сможет дать этой стихии четкое определение? «Это феерический красный вихрь. И кто хочет реять в нем и не сжечь крылья – должен обладать умением перелетать через пропасти...», или «это смиренная рубашка на противящееся меньшинство», или это открытие «новой эпохи крови и железа»? Определений много, но ясно одно: революция – это воронка урагана, и ты можешь быть или в общем вихре кружения, и тебя поднимет на высоту (Саша

Ленартович), или уже проглоченным бездной (Воротынцев, Гучков).

Революция в романе не однозначна. С одной стороны — кровавый, все поглощающий хаос; а с другой — лавина, смывающая жалкое, неуверенное в себе правительство, готовое пожертвовать и жизнями людей (Протопопов) и всей Россией (генерал Иванов). Заседания Думы представляли обыкновенную драку за портфель, за власть для себя, а не для блага страны (и это ли не истинно ложный патриотизм). Им даже не важен обсуждаемый вопрос — главное высказать сразу четкое «НЕТ», и у кого жестче будут тезисы выступления, кто громче будет кричать — тот и прав. Где тот сильный, весомый голос истории, который бы прогремел: «Да остановитесь вы!»? Не прозвучал... И революция зашагала по России. Ее сопровождали митинги, беспорядки на улицах и в головах, грабежи, многочисленные аресты и убийства — бездна поглотила всю страну. В деревне крестьяне не могут поделить угоды помещиков, из-за чего отказываются засеивать поля, а значит — грядет голод. Человек оказался в руках революции. Он перестал быть хозяином своей жизни.

Каких вождей великого будущего мы видим? Плеханов — «измученный, неподвижно стоял в глубине сцены в шубе, как чучело, и только кланялся»; Чернов «выявил странную повадку жеманничать и закатывать глаза»; Ленин разочаровал первым взглядом: «какой-то плюгавый, вертлявый, руками все время размахивает, и голос плоский... уж такой непредставительный, негероический».

А кто в судьбоносные дни (когда вязался новый узел истории) был на пьедестале, «стал красным солнышком русского народа», кому кричали самые громкие «ура», за кем готовы были идти в огонь и в полымя? За тем, кто только и делал, что разъезжал по столицам и красовался собой, рисуя счастливого завтра под *своим* руководством. За Керенским — «шутком революции» («Для Керенского не остается места на этой стороне листа — и он «перевертывает новую страницу истории»).

Министры разделились на тех, кто говорит (князь Львов, Брусилов), и на немногочисленных, кто хочет что-то сделать, искренне веруя во благо происходящего (Гучков, Родзянко, Шингарев).

Революцию никогда не совершает народ, ее производит толпа. В романе она разнородна (сол-

датская, рабочая, городская, деревенская); но в целом однолика: праздна, бестолкова, тупа, говорит пошло, словами из листовок, изнывает от безделья, скуки, мыслит пусто, не чувствует себя частью страны; в большинстве своем хладнокровна, равнодушна к боли, страданиям, смерти и самое опасное для нее же — политически безграмотна («Приехал к барину в Новгород-Северский крестьянин с хутора Лоски. Просит объяснить, что верного в слухах, которые ходят. А то — «царь помер, царевич видрился вид престолу. В Петербургу збрали на престол Леворуцию, Але вона ще малолитня, так ии бабушка правле. А та бабушка така погана баба: усэ бурчить та бреше, так ии прозвали Брешко-Брешковска»). Нередко толпа превращается в жестокий, бездушный сброд («На Васильевском острове везли городского на саях, ничком привязанного, а разможенная нога его бескостно болталась и кровянила. С двух сторон сидело по солдату, и один из них прикладом долбил городского по шее. Озверелые бабы догнали и стали у привязанного уши отрывать»). В ней умерли все человеческие чувства и это истинное проявление сущности? («Из Калуги приехала мать молодого измайловского офицера, позавчера убитого у казарменных ворот. Она нашла его тело в чулане нагим. И никто не помог хоронить. Но улюлюкали из толпы»). Появилось читательское, обывательское стадо. Возникла боязнь быть недостаточно радостным, опасно не восхищаться революцией — страх стал главным выражением в лице и появилось первое правило нового времени: если думаешь иначе — молчи, скрывайся и тупо иди за пастухом.

Истинное лицо толпы — звериная маска. Новый солдат — тупо-развязное животное.

Вся полнота власти была у толпы. Власть ее — самоуправство. И пришла анархия. Анархия из-за безвластия: портфель у всех — значит ни у кого. «Кормчие — со связанными руками, и ясно, что корабль пойдет ко дну. У кого руки свободные — те пусть и берутся управлять. Если повинуются «постольку — поскольку», то развал власти неизбежен. Методом управления стала анархия». Временное правительство тождественно старой власти: не может стукнуть кулаком, поэтому балом правит чернь. Никто из лидеров новой власти не стремится занять место министра: ведь вместе с ним пришлось бы тогда брать и ответственность за свои речи, поступки, и так же скоро будешь скомпрометирован, а так кричи да

руками размахивай – страх наводишь, но собой не рискуешь.

А что же делать с войной? Нужен ли был новой власти лозунг «Долой войну»? Появившийся режим не собирался ее отвергать (кто-то все же понимал, что «если революция не кончит войну, то война задушит революцию»), но как это сделать без снарядов, еды и солдат: хлебный кризис, заводы стоят, солдаты в городах отказываются идти умирать даже за свою «новую Родину». А в окопах появилась надежда, что молодая власть наконец-то воцарит мир (а как об этом сказать калекам войны, как объяснить полулюдем, что увещья их напрасны, что смерти товарищей канули в небытие и мир закроют на их трупах).

Как же восприняли революцию? Каждый пережил ее по-своему. Саша Лаженицын отшатнулся от нее: он не принимает свободу через убийства. Для боевых офицеров она стала трагедией, острой болезнью, умопомешательством. Образованный класс чувствует себя во враждебной стихии, катящей неведомым путем, встречается революцию с лицемерной маской улыбки и торжества, а под ней только ужас и страх. Для солдатской толпы – «это значит делай каждый – что хошь!» «Россия пошла за бесами...»

Вместе, на одной оси, с колесом истории мчится колесо человеческого сердца, и одна из спиц его – чувство любви, нить которого помогает связывать все другие узлы. На фоне войн и революций вершатся судьбы сердца. Многогранны лики любви в романе. Ей подвластны и цари, и ярые революционеры, и мечтательные барышни, и солдаты в окопах.

Николай и Аликс (как муж и как отец он всегда был дороже, чем император), Шингарев и Фрона («лицо ее ненаглядное, каждая морщинка родная»), Колчак и Анна Сафонова («...я вас – больше чем люблю»), Саша Лаженицын и Ксения («...еще ничего не случилось, но счастье уже в том, что встретились...») – истинно две половинки одного целого, которые не могут жить друг без друга настолько, «насколько человек не может жить с выеденной грудью или с отсеченной головой». Любовь для них – долгожданное счастье, радость, подарок Господа. Фонтан ликования бьет от каждой встречи взглядов.

Сродни ли любви безудержная страсть? Или эта болезнь сильнее и мучительнее? Ведь соединиться невозможно: это будет не жизнь, а суматоха равных по духу, по внутренней силе. Это скорее лик мечты, загадки, манящий своей запрещенностью. Ей подвержены Воротынцев – Ольда, Ленин – Инесса, Гучков – Вера Комиссаржевская, Польшиков – Лика.

А стоит ли благодарить Бога за неразделенную любовь? Достояна ли она восхищения? Ты не можешь выбросить ее ни на минуту, уже взяв в собеседницы неумную ревность. Презираешь свою слабость, когда осознаешь, что ТЫ – вершитель РЕВОЛЮЦИИ, а струны человеческого сердца тебе все же не подвластны; когда любишь уже новую женщину, для которой «жизнь жены и матери – это клетка» (Саша Ленартович к Лике, Шляпников к Сашеньке).

А есть брак чужих людей, обреченных быть вместе, счастье для них в одиночестве от второй половины, потому что вместе ощущается только скука и тоска (Воротынцев и Алина, Гучков и Маша). И остается лишь спрашивать себя: «Была ли любовь? Зачем приковал себя не к своей женщине?»

Несколько человек стоят на одной остановке, выбирают свою повозку и, сев в нее, оглядываются: «А кто мой попутчик? А правильно ли я выбрал маршрут?» (но дорогу уже кто-то построил, ее кто-то уже и почистил, и поводья уже оказались в чьих-то руках и сила этих рук уже поворачивает маховик колеса).

«Август Четырнадцатого» – развилка путей, стык альтернатив, узел надежды (а вдруг все еще образуется), но в то же время это начало новой дороги, когда колеса начинают трогаться, повозка разгоняется... и вот она уже несется, занимая обе половины магистрали, и входит в поворот, не притормаживая и не видя, сколько попутчиков слетело в кювет.

Примечания

¹ Барбюс А. Огонь. – М., 1980. – С. 112. Далее цитаты приводятся в тексте по этому изданию.

² Солженицын А.И. Красное колесо. – М., 2001. – Т. 1. – С. 335. Далее цитаты приводятся в тексте по этому изданию.

С.В. Мощева

РЕКЛАМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Преамбула. *Сегодня реклама играет важную роль в современном обществе. В настоящей статье рассматриваются социолингвистические аспекты устно-речевого и письменного рекламного текста такие, как региональный и социальный варианты языка, язык и гендер, билингвизм и межкультурная коммуникация, явление аллюзии.*

Сегодня трудно представить печатную продукцию, теле- и радиопрограммы, которые не содержали бы рекламу в том или ином виде. Экспансия транснациональной глобальной экономики и вестернизированной массовой культуры происходит и с помощью рекламной продукции. В современном социуме реклама несет определенную идеологическую нагрузку, предлагая не товар/услугу, а стиль жизни, который связан с потреблением данного товара.

Следует отметить, что могущественной силой языка, способностью воздействовать им на человека, формируя у него определенный образ и побуждение к действию, человечество пользуется достаточно давно. Язык из орудия коммуникации постепенно превратился в орудие суггестивного влияния на сознание потенциального потребителя. В рекламных текстах используется огромная палитра способов оказания речевого воздействия, которые направлены на раскрытие потенциальных возможностей слова и сообщают ему силу, способную вызвать у целевой аудитории именно ту реакцию, на которую рассчитывал рекламист.

Исследования рекламного текста проводятся не только в рамках филологии, но и в области социолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, семиотики и ряда других научных направлений, что объясняется многогранностью и неоднозначностью данного явления.

Цель статьи заключается в том, чтобы обобщить выявленные нами в ходе анализа устно-речевого и печатного рекламного материала компоненты, входящие в область социолингвистического исследования современного рекламного дискурса.

Проблема социальной дифференциации языка на всех уровнях его структуры, являясь одной из основных проблем социолингвистики, рассматривается и в рамках современного рекламного дискурса. Очевидно, что структура социальной дифференциации языка многомерна, что обусловлено разнородностью самой социальной

структуры и многообразием социальных ситуаций. На основе исследования рекламного материала можно утверждать, что одной из типологических черт рекламного дискурса является направленность на имитацию, отображение изменений развития языка и общества, которые проявляются на всех уровнях языковой структуры (фонологическом, морфологическом, синтаксическом, лексико-семантическом). Данная имитация считается достаточно действенным способом приближения рекламного социума к объективно существующему, таким образом решая задачу коммуникативной направленности на целевую аудиторию и достижения определенного перлюкутивного эффекта.

Так, согласно исследованиям ряда лингвистов, можно констатировать факт наличия изменений, которые имеют место в произносительной норме английского языка, поскольку «Estuary English» (тип английского произношения, на котором говорят в Лондоне и юго-востоке Англии) получил в последнее время широкое распространение и адаптацию практически во всех сферах общественной жизни [8; 10]; а также определенные изменения в стандартном варианте «American English» под влиянием, так называемого «Black English» [7; 9]. Что касается русского языка, по мнению Л. Крысина, в углубленном социолингвистически ориентированном изучении нуждаются местные говоры и городское просторечье, а также профессионально и социально ограниченные подсистемы – профессиональные языки и социально-групповые жаргоны, которые достаточно активны в коммуникативном отношении [3]. Отметим, что особенности современного развития языка находят свое отражение в рекламном дискурсе. Например, озвучивание англоязычного рекламного текста в ряде случаев сопровождается особенностями произношения, характерными для «Estuary English», либо «American English» с элементами «Black English», особенно при оформлении рекламного выска-

звания под музыкальный ритм рэпа, джаза, брейка и других (которые исконно считаются принадлежностью музыкальной культуры темнокожей части населения Америки). Использование просторечий, диалектных форм, жаргонизмов, большого числа заимствований является характерной чертой и русскоязычной рекламы.

Социальная дифференциация языка включает вопросы, которые связаны с исследованием влияния на процесс речевого общения возраста коммуникантов, уровня их образования, принадлежности к различным социальным группам и ряд других характеристик. Понятие «социальной роли» представляет определенный интерес для выявления особенностей оформления коммуникативного акта, поскольку обуславливает выбор языковых средств, их сочетаемость и способы фонетического оформления высказывания. Создание социолингвистических портретов можно рассматривать в качестве достаточно перспективного направления социолингвистических исследований, поскольку речь отдельного человека может аккумулировать особенности, являющиеся типичными для языковых привычек данной социальной среды [5]. Нельзя не заметить, что современная устно-речевая реклама достаточно активно пользуется приемом создания социолингвистического портрета не только отдельной личности, но и групп, объединенных по признаку профессиональной, социальной принадлежности в качестве яркого выразительного средства [4].

Акцентируя внимание на функциональных свойствах языка и своеобразии его использования в разных коммуникативных обстоятельствах, в рамках социолингвистики рассматриваются проблемы описания типовых ситуаций речевого общения, формулирования правил речевого поведения носителей языка в различных ситуациях в зависимости от целей коммуникативного акта. Л. Крысин предлагает рассматривать речевую ситуацию в качестве структурированного объекта, который состоит из ряда переменных, а именно, адресант и его социальная роль; адресат и его социальная роль; отношения между адресантом и адресатом; тональность; цель; средство (литературный язык, местный диалект, профессиональный язык, социально-групповой жаргон); способ (контактный/дистантный, устный/письменный), причем, изменение значения каждой из переменных ведет к изменениям в лингвистических харак-

теристиках речевой ситуации [3]. Мы полагаем, что представленные переменные, их соотношение и сочетаемость, могут рассматриваться и в практике анализа современного рекламного дискурса.

Следует отметить, что дифференциация речевых ситуаций по коммуникативным целям высказывания происходит согласно основным положениям теории речевых актов; с помощью социолингвистического анализа речевых ситуаций можно выявить социальные причины нарушения коммуникативных постулатов (максим), возникновение коммуникативных неудач. Процесс оформления рекламного текста (РТ), по нашему мнению, представляет собой определенную коммуникативную ситуацию, где речевое намерение адресанта формируется под влиянием и фактора адресата, принимая во внимание ряд особенностей (социальная и профессиональная принадлежности, уровень образования, возрастные характеристики и др.).

В современной социолингвистике особое место уделяется вопросу взаимодействия и связи языка и культуры. Данные связи носят двусторонний характер, процессы же соприкосновения различных культур находят отражение в лексических заимствованиях. Очевидно, что в современных условиях процессы языкового заимствования и их освоение в стилистических и жанровых разновидностях речи имеют общекультурный, идеологический, социальный контекст. Исследование адаптации иноязычной лексики в разнотипной социальной среде и приемы ее отражения в рекламном дискурсе представляют определенный интерес для анализа рекламного текста в рамках социолингвистики.

Одной из особенностей современного рекламного дискурса можно считать явление диглоссии как социокультурного феномена. Поскольку язык – это одновременно и система передачи мыслей, средство общения и значимый фактор культурных, идеологических, политических, этнических процессов, то особые условия существования и деятельности человеческих сообществ приводят к формированию и адаптации различных знаковых систем. В настоящее время развитие общества стремится к образованию единого знакового пространства, основой которого является культурное двуязычие, приводящее к взаимопроникновению семиотических пространств, что проявляется на языковом уровне в многочисленных заимствованиях не только лексического

характера, но и ментального.

Исследования рекламного материала дают нам основание утверждать, что обращение к культурным, историческим событиям являются характерной чертой современного рекламного дискурса и проявляется посредством использования в РТ клише, цитат, аллюзий, прецедентных текстов и имен. Реклама рассматривается нами в качестве особого знакового вида коммуникации, в котором языковые знаки, т.е. слова и различные языковые клише, представляют собой опредмеченное мировидение народа и его понимание, осознанное в контексте культурных традиций, и являющееся мощным источником интерпретации скрытого культурного уровня. Так, в лингвистическом исследовании русскоязычного рекламного дискурса Ю. Пикулевой был введен термин «прецедентный культурный знак», который отражает семиотическую природу явления прецедентности, соотносимость с национально-культурными фоновыми знаниями и активное включение в современный коммуникативный процесс, поскольку символы, обладающие традиционно признанными в данном обществе значениями, помогают реализовать прагматический потенциал рекламного сообщения [6].

В ходе нашего анализа англо- и русскоязычного печатного и устно-речевого рекламного материала представляется возможным выявить достаточно активно используемые при оформлении РТ прецедентные феномены, а именно, прецедентное имя (антропонимы, теонимы, идеонимы), прецедентные высказывания (цитаты, фразеологизмы, пословицы, поговорки), нередко трансформированные с целью более легкого запоминания и языковой игры. Приведем некоторые примеры из нашего экспериментального корпуса: «Who Loves Me, Follow Me» – реклама джинсовой одежды ‘Jesus’ (фраза из книги «Нового Завета»); «To Share or Not to Share...» – реклама инвестиционной компании (аллюзия на строки произведения В. Шекспира «Гамлет» «To be or not to be»); «О вкусах не спорят, а вкусах кричат» – реклама йогуртов (пословица «Tastes differ»); «Человек человеку – Шансон» – реклама радио (пословица «Человек человеку – друг»); «Атлант», «Викинг», «Суворовец» – прецедентные имена использованы в качестве названия торговых предприятий; салонов красоты – «Клеопатра», «Королева Марго», «Нифертити».

Очевидно, что использование прецедентных

феноменов при оформлении печатного и устно-речевого РТ усиливает прагматический потенциал рекламы, делая ее более яркой и запоминающейся. Однако следует принимать во внимание тот факт, что обращение к данному явлению в рекламном тексте предполагает наличие общих фоновых знаний у адресанта и адресата коммуникативного акта.

Так, для адекватного восприятия рекламного текста компании AT&T необходимо понимание значения первой фразы («No woman is an island, unless she wants to be»), которая является аллюзией на строку из стихотворения D. Dohn «Meditation XVII» («No man is an island, entire of it self»), означающая невозможность нахождения человека в абсолютной изоляции:

«No woman is an island, unless she wants to be

Want to connect with our new high-speed Internet service powered by AT&T?

Stay in touch. (47 e-mails since breakfast.)

Stay on top of things. (100 shares at 22.)

Stay in love. (Miss you, too.)...

So, you'll have time to think about the one thing you never consider: you. For more information and reservations visit Marriott. Come or call your travel agent...»

Аллюзивное использование вышеприведенной фразы в РТ помогает убедить адресата в том, что именно компания AT&T поможет людям быть ближе [2]. Данный РТ является показательным примером того, что использование прецедентного феномена предполагает либо наличие сходных фоновых знаний реципиентов, либо адаптацию рекламного материала, учитывая особенности языковой картины мира потенциальной целевой аудитории.

Очевидно, что одной из особенностей современного рекламного дискурса является исследование отражения в нем гендерного компонента и гендерных стереотипов общества.

Гендер (социальный или социокультурный пол) не является лингвистической категорией, но его содержание может быть раскрыто путем анализа структур языка, что объясняет востребованность лингвистической компетенции для изучения культурной репрезентации пола. Важно выявить, какими средствами, в каких семантических областях, в каких случаях пол фиксируется в языке.

Изучение в языке стереотипов, динамики их развития, которая отражает изменения в традиционной ролевой дифференциации общества, является довольно актуальным направлением гендерных исследований. Так, по мнению А. Кири-

линой, гендерные стереотипы – это частный случай стереотипа, культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке [1].

Отметим, что анализ рекламных текстов с целью выявления следующих стереотипов – ролевого, дефицитности женского поведения, многословности, вежливости в речевом поведении и логики построения высказывания выявил, что к активно используемым при оформлении РТ можно отнести ролевой стереотип, стереотип логики построения высказывания и стереотип вежливости в речевом поведении.

Таким образом, положения, рассматриваемые в рамках социолингвистики, а именно, социальная дифференциация языка, особенности речевого общения в разных социальных группах, явления диглоссии (взаимодействие нормы и диалекта одного языка) и биллингвизма (взаимодействие двух языков), типовые ситуаций речевого общения, исследование речевых ситуаций на основе постулатов теории речевых актов входят в область исследования современного рекламного дискурса, поскольку по своей природе реклама не может развиваться вне развития языка и общества.

Библиографический список

1. Кириллина А.В. Гендерные стереотипы в язы-

ке // Словарь гендерных терминов. – М.: Информация XXI век, 2002. – С. 256.

2. Ксензенко О.А. Прагматические особенности рекламных текстов. – М.: Проресс, 2003. – С. 6.

3. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М., 1989.

4. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л.Р. Зиндера. – СПб., 2004. – С. 240–246.

5. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. 2. – М., 1991.

6. Пикулева Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 23.

7. Rickford J.R., Rickford R.J. The Ubiquity of Ebonics // American Language Review. – 2001. – March/April. – Pp. 20–26.

8. Rosewarne D. Changes in English Pronunciation and Some Implications for Teachers and Non-Native Learners // Changes in Pronunciation / Speak Out. – 1996. – № 18. – P. 15–21.

9. Ward B. Ebonics Revisited // American Language Review. – 2001. – March / April. – P. 6.

10. Wells J.C. Accents of English. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982. – P. 673.

Н.П. Плечова

ИДИЛЛИЧЕСКОЕ В ПОВЕСТЯХ А.Н. ПЛЕЩЕЕВА («Дружеские советы», «Две карьеры», «Житейские сцены. Отец и дочь», «Пашинцев»)

Преамбула. Статья посвящена анализу идиллического в повестях А.Н. Плещеева («Дружеские советы», «Две карьеры», «Житейские сцены. Отец и дочь», «Пашинцев») с целью определения роли идиллизма при функционировании сентиментального, романтического и реалистического начал в поэтике автора.

Идиллия проходит множество этапов от античности до современности. В 1840–1850-е годы она бытует не на жанровом, а на мотивном, концептуальном, мировоззренческом уровнях, что отмечено в критических работах данного времени [4]. В зависимости от исторической эпохи с ее мировоззрением, ценностями, идеалами происходит переосмысление идиллии и идиллического. Под идиллическим мы понимаем вечное стремление к внешней и внут-

ренней гармонии [3; 8, с. 853], душевному спокойствию, сопровождаемому типично идиллическими чертами – «счастливым бытом», незыблемостью жизненного уклада, полным согласием между героями и средой обитания. Идиллическое в расширительном значении выражает «идеальное счастье» [2]. В современных исследованиях под идиллией понимают модальность [7].

Интересующая нас эпоха 1840–1850-х гг. – время становления реалистического метода, насле-

дующего традиции сентиментальной и романтической культур на различных уровнях текста. Нашей задачей является рассмотрение идиллического в качестве модальности, «совокупности содержательных признаков, подразумевающих особое мироощущение, систему ценностей, идеал, тип героев» [7] в произведениях А.Н. Плещеева с целью определения роли идиллизма при функционировании сентиментального, романтического и реалистического начал в поэтике автора.

Истоки обращения писателей «натуральной школы» к романтическим образам лежат в неослабевающем влиянии романтизма, а также в увлечении ряда беллетристов, к которым относился и А.Н. Плещеев, социально-утопическими теориями, связанными с размышлениями над идиллическим началом жизни. В эстетических взглядах Плещеева, по замечанию И.А. Щурова, «обнаруживаются две тенденции: одна – ориентация на демократическую, реалистическую литературу, другая – защита романтического искусства» [9]. Мы считаем необходимым присоединить к ним третью, сентиментальную тенденцию.

Главный герой повести А.Н. Плещеева *«Дружеские советы»* (1849) – мечтатель Ломтев. Обращение писателя к романтической «теме мечтательства» в конце 1840-х годов свидетельствует о том, что романтическое в мировоззрении героя должно неминуемо столкнуться с действительным. Герой Плещеева погружен в грезы. Для него не существует «грязной» стороны действительности, он живет миром искусства – творениями Пушкина, Жуковского, Гете, музыкой Шуберта, Вебера. Ломтев ведет ленивый, уединенный образ жизни.

Вместе с тем Василий Михайлович Ломтев обладает бескорыстной, доброй душой, готов прийти на помощь нуждающемуся товарищу, сочувствует «всему благородному, высокому» [5]. Самым желанным и идеальным была для него любовь к женщине, создание уютного семейного очага, основанная на книжном опыте героя. «Сколько мечтал он о хорошеньком, светлом создании, которое полюбило бы его и, несмотря на его бедность и ничтожество, подало бы ему руку на долгий житейский путь! О чего бы не отдал он за подобную любовь! И каких жертв не принес бы он тогда любимой женщине; как бы стал лелеять ее! ... Тогда началась бы настоящая жизнь, полная бесконечного, невыразимого счастья» [5, с. 22].

Автор отмечает, что целью Ломтева становится сама любовь, хотя бы «несколько приятных часов». Женитьба представляется ему недостижимым счастьем. Василий Михайлович мечтает о счастливой домашней жизни: «он видел себя в маленькой уютной комнатке, изящно отделанной, устланной мягким ковром, озаренной таинственным полусветом матовой лампы... Рядом с ним доброе, любящее существо, полное нежной заботливости... он читает ей Шиллера, и она жадно слушает его, разделяет его восторг...» [5, с. 22]. Ломтев представляет, как жена разделяет его вкусы, и он в восторге прижимает ее к своему сердцу, испытывая невыразимое счастье.

Осуществление долгожданного счастья ожидает герой при знакомстве с Верочкой. В любовную историю Ломтева вовлечен его друг Околесин. Разнится отношение героев к женщине. Околесин дает другу смелые советы в поведении с девушкой, создавая о себе впечатление человека, знающего женскую психологию. От его высказываний веет искусственностью в ведении любовных дел. Околесин скрывает от приятеля свою способность увлекаться, даже о предстоящей женитьбе он говорит как о деле необходимом, не имеющем в основании нежных чувств (в то время как из письма Веры Николаевны к подруге мы узнаем о самом теплом любовном отношении мужа к ней).

Водевильным выглядит сюжетный ход повести, когда в финале Околесин узнает по подаренному Ломтеву портрету возлюбленной, отказавшейся от встречи с ним, свою жену. Однако водевильность ситуации не снимает трагизма отношений любящих. Вера Николаевна, окруженная заботой и любовью мужа, чувствует скуку, раздражительность, ностальгию по детским годам, по пансионной жизни. Однако ничто, даже самая горячая привязанность мужа, исполняющего все ее желания, не приносит ощущения счастья. В письме подруге Вера Николаевна признается, что муж ее, Борис Михайлович, «в самом деле превосходный человек; любит он меня без памяти; нет, кажется, жертвы, которую бы он не был готов принести мне; я бы должна быть очень счастлива... что я говорю, но разве это в самом деле не так?... разве мне не недостает еще чего?» [5, с. 63]. Перед героиней, встречающей позже Ломтева в театре и на маскараде, открывается его прежняя любовь к ней. Она отказывает ему, предпочитая хранить верность мужу.

Финал повести свидетельствует о примирении Ломтева с действительностью: он женится, становится счастлив, как о нем говорят, однако сохраняет верность романтическому идеалу: Василий Михайлович «собирается ехать в «классическую страну миртов и апельсинов»» [5, с. 90].

Наряду с романтическим началом, мироощущению героев Плещеева присуща сентиментальность. Так, при получении подарка от Верочки прослезился практичный Околесин. Сентиментальна и сама Вера Николаевна, но ее чувствительность вызвана, скорее, ощущением собственной ущербности. Любовь к Ломтеву не оставляет ее в покое, и поэтому она особенно сентиментальна с отцом. В то же время чувствительность со стороны мужа вызывает у нее неприязнь, раздражительность при всем понимании своего несправедливого отношения к нему.

Сентиментальность героев имеет разную мотивировку, и только в структуре образа Ломтева она подчиняется романтическому и включается в романτικο-идиллический идеал героя. Заметим, что, несмотря на женитьбу, Ломтев остается верен романтическому идеалу. Вторжение Ломтева оказывается разрушительным для супругов Околесиных. Сам Околесин при внешнем цинизме по отношению к любви и чувствительности становится жертвой собственных советов, обернувшихся для него и его жены нарушением душевного спокойствия. Сентиментальное и реальное в повести равноправны, обнаруживаются в структуре образов всех героев, но все же Ломтев выступает носителем яркого романтического начала. Идиллизм Ломтева и Околесина реализуется в семейной жизни, но при этом носит относительный характер. Ломтев не удовлетворен «реальным» идиллизмом, романтизм влечет его к идеальному, гармония героя все же сохраняет романтический характер. Для Околесина существует только «внешний» идиллизм – любимая женщина верна ему, но их восприятие гармоничности жизни не совпадает. В образе Веры Николаевны элегизм смыкается с идиллизмом, это соединение не имеет романтической или сентиментальной окрашенности.

В повести «Две карьеры» (1859) в центр внимания Плещеев ставит героя-мечтателя, отличающегося от предыдущих плещеевских героев тем, что представляет собой тип «нового человека» [1, с. 14], стремящегося изменить действительность. Виктор Иванович Костин, «недовольный совре-

менным общественным строем, горячо воспринял идеи утопического социализма и по юношеской наивности верил в легкую и скорую победу новой жизни: “по его словам, стоило бы только какой-нибудь горсти честных и энергичных людей дружно взяться за дело, – и все будет кончено”» [9]. Автор разделяет взгляды героя: «...эта детская вера в лучшие дни, этот шиллеровский энтузиазм, эти романтические порывы – не лучше ли они, чем пошлое разочарование, которым во время оно у нас щеголяли с легкой руки Печорина, или так называемая *практичность*, тоже стремящаяся конечно, к общему благу, но никогда, однако ж, не до такой степени, чтобы упустить из виду свои собственные личные выгоды?» [5].

Стремление к общему благу, утопизм мышления выказывают герои повести, Костин и его возлюбленная Анна Михайловна, в заботе об окружающих, в том числе и о крепостных, которых оба героя решаются обучать грамоте.

Чувство, возникшее между Анной Михайловной и учителем ее детей Костиным, обречено на страдания. Анна Михайловна становится жертвой несправедливой злобы своей золовки и крепостной девки, любовницы ее мужа. Единственным выходом из удушающей домашней атмосферы, кроме любви к детям, становится для нее любовь к Костину.

Разлука с Анной Михайловной лишает Костина какой-либо надежды «на лучшие дни», приводит к осознанию «своего бессилия, даром гибнущей молодости». Последней каплей страдания становится для Костина известие о ее смерти. Повесть заканчивается гибелью героя, вызванной не столько болезнью, сколько нуждой, горем, ощущением собственной никчемности. Сентиментальность свойственна обоим героям, но ее присутствие, подчеркивает автор, заставляет больше воспринимать победу враждебной реальности над сентиментально-романтическим идиллизмом. Понимание идиллического одинаково у обоих героев: идиллизм проявляет себя в романтическом и сентиментальном и оказывается противопоставленным реальному началу.

Обе повести разделяет десятилетие, которое откладывает свой отпечаток на отношение писателя к романтическому и проблеме реализации идиллического в жизни героев-романтиков. Если в 1840-е годы романтик примиряется с жизнью, пытаясь сохранить идиллическое отношение к тому, что воплощает в себе идеал романтика (Лом-

тев), то в 1850-е герой, будто возвращаясь к героям-романтикам 1830-х годов, не желает принимать грубую и чуждую действительность.

Общим в беллетристических произведениях 1840-х гг. становится мотив любви ученицы и бедного учителя, благородного, полного «восторженных помыслов и чистых стремлений», готового «служить истине и добру». То же происходит в повестях А.Н. Плещеева «Житейские сцены. Отец и дочь», «Пашинцев», «Две карьеры». Сентиментальный идиллизм повести «*Житейские сцены. Отец и дочь*» (1857) складывается не только из безупречно добрых отношений отца и дочери, но и из любовного чувства Маши и ее учителя Шатрова, поставившего некогда цель пробудить сознание девушки, развить ее убеждения. Примечательно в данном случае замечание автора, не осуждающего возвышенности бескорыстного желания героя. Для Плещеева «святые грезы» являются лучшей частью человеческой души, о которых следует помнить, не заглушая их насмешкой человека, преждевременно поникшего «под гнетом действительности». Андрей Шатров не беспочвенный герой-мечтатель, он показан автором человеком, нашедшим «золотую середину» между «болезненной мечтательностью» и «сухим, узким реализмом» [5, с. 99]. Шатров, с одной стороны, не чужд сентиментальных мечтаний: «Ну, Маша, квартира совсем почти готова. Какой миленький, уютный будет у нас уголок!», с другой же, он, как и Маша, разумно смотрит на возможность разногласий, способных «бросить тень на поэзию домашней жизни» [5, с. 101]. Подобно Гайдарскому из повести Я.П. Буткова «Степная идиллия», молодые герои Плещеева видят в основе семейных отношений и жизни в целом труд. Именно труд спасает от неприятностей и неурядиц: «труд прежде всего», «чем больше человек занят, тем дальше от него дурные помыслы и дурные дела», — принимает правила Андрея Маша [5, с. 102]. Планы героев, временно растроенные подставным делом Агапова, все же реализуются благодаря бунту Василия Степановича, стоившему ему жизни. Сентиментальная идиллия влюбленных в итоге реализуется, романтический элемент из повести исключен.

В повести «*Пашинцев*» (1859) Плещеев концентрирует внимание на образе жизни светского молодого человека Владимира Николаевича Пашинцева, по совету своего старого знакомого приехавшего из столицы в провинциальный го-

род Ухабинск. Идиллическое начало связано с образом Наденьки, за которой безрассудно ухаживает Пашинцев, расстраивая свадьбу девушки с Сорочкиным. Он увлекает ее разговорами, внушая представление о себе как об идеальном герое, понимая при этом, что сам никогда не женится. Наивная сентиментальная романтичность Наденьки обманута притворным сентиментальничанием и романтическими порывами Пашинцева, который в действительности лишен по отношению к ней представления об идиллическом.

Идиллизм утопического характера представлен образом Якова Петровича Заворского. Заворский — человек мыслящий, много читает, анализирует действительность. Автор называет его «энтузиастом и идеалистом», что проистекает из увлечения героем в молодости социальными утопиями. Твердым правилом поведения Заворского выступает отношение к каждому человеку как к равному себе независимо от социального положения. Заворский критикует крепостное право, высказывает утопические идеи об устройстве человеческого общества, хотя бы в пределах одной усадьбы, осуществляемые на основе уважения, равенства и справедливости. Так, Яков Петрович имеет целью «сделать из крестьян своих хороших, предприимчивых, трудолюбивых хозяев» [5, с. 160].

Идиллизм представлен не только в утопических планах героя, но и в счастливой семейной жизни Якова и Лизы. Именно к ним обращается с письмом умирающий Пашинцев, пренебрегший семейным счастьем, разбивший жизнь двух любящих людей, и только теперь, словно наказанный болезнью, он кается в своих проступках, осознает свое слабодушие и бесхарактерность, объясняя их дурным воспитанием.

В финале повести автор, изображая молодую чету Заворских, подчеркивает в них идеальное начало — главенство дела и морали — в противовес атмосфере ухабинского общества, жизнь которого наполнена сплетнями и игрой в карты. Устами Якова Заворского автор выносит приговор обществу, которое губит человека, как произошло с Пашинцевым, а по его вине и с ним в чем не повинной Надей, остающейся в одиночестве. В повести слабо выражено сентиментальное и романтическое, автор утверждает реалистическое, разумное, взвешенное отношение к происходящему, что воплощается в таких героях, как Глыбины и Заворские.

В рассмотренных повестях Плещеева идиллизм предстает реальным, но реализуется по-разному. Шатров и Заворский разумно подходят к достижению своего счастья и гармонии, кроме того, им благоприятствуют обстоятельства (Заворский – дворянин, Шатров – учитель, герои выбирают возлюбленных из своего круга). Оба они – герои действия, находящиеся «золотую середину». В мировоззрении Шатрова и Заворского присутствует романтическая составляющая социально-утопического толка, но, наряду с этим, и реалистический оптимизм. Это определяет равновесие романтического и реального «начал», позволяющее осуществить свой идеал хотя бы частным образом: в семейной жизни, в собственном имении. Заметим, что эти герои выражают авторскую позицию.

Иначе складываются обстоятельства у других героев – Ломтева и Костина, полюбивших замужних женщин. Разночинец Костин бессилен изменить участь Анны Михайловны, он остается в рамках утопического романтизма. В его случае идиллизм отношений с женщиной достижим, но не реализуется в силу обстоятельств. Костин по сравнению с другими героями слабovolен в своих действиях. Его счастье с Верой Николаевной неосуществимо по той же причине, но он находит утешение в другой женщине, правда, остается зависимым от романтического. «Реальность» семейной идилличности оказывается неполной, поэтому преобладающим и более важным становится для Костина идиллическое с романтической составляющей.

Таким образом, в рассмотренных повестях Плещеева сентиментальное и романтическое «начала» в воплощении идиллического подчинены реальному, что со значительной долей вероятности может быть объяснено принадлежностью писателя к «натуральной школе». Вместе с тем романтическая окраска идиллизма произведений Плещеева связана с социально-утопическими теориями, которыми увлекались петрашевцы: «петрашевцы были особенно увлечены социа-

листическими теориями, и это обуславливало их романтическое миропонимание, придавало определенную окраску творчеству» [6, с. 160]. Поэтому такие герои, как Заворский и Костин, не ограничиваются сугубо семейным счастьем, но своими действиями (обучение крестьян грамоте Костиной и Анной Михайловной, упорядочение жизни в своей усадьбе Заворским) пытаются гармонизировать окружающее, сделать сосуществующим идиллическое с утопическим. Социально-утопические теории, которых придерживаются герои Плещеева, усиливают размышления над идиллическим началом жизни, реализуемым в синтезе реального с сентиментальным и романтическим.

Библиографический список

1. *Ахмедова М.А.* Проза А.Н. Плещеева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1971. – 18 с.
2. *Вершинина Н.Л.* Жанровая и стилевая структура русской беллетристики 1830–1840-х годов: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1997. – С. 394.
3. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и вступ. статьи А.В. Гулыш, Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – С. 244.
4. *Давыдов И.И.* Чтения о словесности. Курс 1–4. – М.: Унив. тип., 1837–1838. – Курстретий. – С. 147–148.
5. *Плещеев А.Н.* Житейские сцены / Сост., вступ. ст. и примеч. Н.Г. Кузина. – М.: Сов. Россия, 1986. – С. 23.
6. *Пиенная Ф.А.* Романтическое «начало» в творчестве писателей-петрашевцев // Вопросы художественного метода, жанра и характера в русской литературе XVIII–XIX веков. Сб. трудов. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1975. – С. 160–180.
7. *Саськова Т.В.* Пастораль в русской поэзии XVIII века. – М.: Моск. гос. открытый пед. ун-т, 1999. – С. 3.
8. *Троцкая М.Л.* Идиллии Жан-Поля // Известия АН СССР. – 1935. – №9. – С. 847–881.
9. *Щуров И.А.* А.Н. Плещеев. Жизнь и творчество. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд., 1977. – С. 10, 103.

Е.А. Пюльзю

ДИАЛЕКТНАЯ МЕТАФОРА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СООТНОШЕНИЯ СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКИ

Преамбула. В статье представлен структурно-семантический подход к анализу образной лексики севернорусских говоров, позволяющий раскрыть сущность диалектной метафоры как сложного, динамического процесса. Употребляются понятия структурно-семантического типа метафорического переноса и семантико-мотивационной формулы, указывающие на тесную связь словообразовательной и семантической деривации.

В современной научной литературе приводятся различные классификации метафорических наименований: с точки зрения семантики (по вспомогательному и основному субъектам сравнения), структуры (по наличию / отсутствию опорного слова; по грамматической оформленности опорного слова; по степени развернутости) и функции [4]. В настоящей статье развивается мысль В.Г. Гака о тесной связи морфемной структуры и семантики слова в процессе метафоризации. О *полной и частичной метафорах* см. в [2, с. 12].

Цель статьи – представить диалектную метафору, отражающую характеристику человека, как сложный, динамический процесс с несколькими степенями мотивации. В связи с поставленной целью решаются задачи: раскрыть понятия структурно-семантического типа метафорического переноса и семантико-мотивационной формулы; провести мотивационный анализ некоторых слов, образность которых формируется по типу переноса *действие (V) – мотивационная сема (Ms) – агент (S)*. Материалом исследования служат данные Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей [СРГК]. Для сопоставления берутся данные других говоров и литературного языка [БАС].

Структурно-семантический тип метафорического переноса указывает, с одной стороны, на внутреннюю, семантическую связь исходного слова с результирующим с помощью мотивационной семы, с другой – на внешнюю, словообразовательную связь производящей и производной основ. На базе предложенной В.Г. Гаком формулы И–П–Р, где И – исходное слово, Р – результирующее слово, П – промежуточное понятие, общее для И и Р [2], в исследуемой лексике выделяется 19 типов переносов. Каждый из них состоит из трех неразрывно связанных элементов, расположенных по строго определенной схеме. Первый элемент – вспомогательный субъект сравнения (мотиватор, прямое значение), второй – мо-

тивационная сема, содержащаяся в промежуточном понятии (аспект, основание сравнения), третий – основной субъект сравнения (мотиват, переносное значение). В предлагаемой нами структурно-семантической классификации метафорических переносов учитывается взаимосвязь вспомогательного субъекта сравнения и словообразовательных компонентов (суффиксов, префиксов) в создании образности. Внутри структурно-семантических типов метафорических переносов строятся семантико-мотивационные формулы, указывающие на ядерное или периферийное положение мотиватора и аффиксов в структуре производного значения. Актуальные мотивационные признаки, лежащие в основе вторичной номинации, устанавливаются с помощью компонентного анализа лексической семантики.

При описании механизма возникновения метафоры мы опираемся на мнение В.Н. Телия о том, что формирование метафорического значения происходит в несколько этапов: **I этап** – допущение о подобии разнородных сущностей, основанное на принципе фиктивности («как если бы»); **II этап** – процесс фокусировки тех признаков вспомогательного значения, которые отвечают условиям подобия; **III этап** – процесс фильтрации, при котором прямое значение слова «начинает играть роль фильтра»; через него «просматривается новое понятие» [7, с. 45].

Структурно-семантический подход к изучению образной лексики севернорусских говоров позволяет рассмотреть языковую метафору как сложный, динамический процесс. Под динамичностью лингвисты понимают любое изменение языковой единицы на фоне её устойчивости [6, с. 99]. Исследование данного феномена возможно в синхронии [5, с. 13], диахронии [1]. Вслед за Н.Д. Голевым отмечаем: динамический аспект имеет два проявления – синхронное и диахронное; динамичность лексической мотивации представляет собой постоянное использование моти-

Таблица 1

Компонентный анализ слова *кропáть* (I степень мотивации)

Семантические компоненты		Слово, значение	
		<i>кропáть</i> ‘чинить, штопать’	<i>кропáть</i> ‘выполнять мелкую работу’
Классема	‘процессуальность’	+	+
Лексограммемы	‘I класс’, ‘I спр.’, ‘несов. вид’, ‘невозвр.’, ‘перех.’, ‘действ. залог’.	+	+
Гиперсема	‘действие’	+	+
Гипосемы	‘совершать какое-л. действие’	+	+
	‘кропотливая работа’	+	+
	‘действие, требующее внимания и напряжения’	+	+
	‘продолжительное действие’	+	+
	‘приводить в исправность’	+	
	‘устранять повреждения’	+	
	‘заделывать дыры (в одежде, обуви)’	+	

вата (мотивированного слова) для дальнейшего развития значения слова [3]. Анализ севернорусской лексики, характеризующей человека, показывает, что динамичность процесса метафоры заключается в возникновении новых ступеней метафорической словообразовательной мотивации.

В структурно-семантическом типе метафорического переноса *действие (V) – мотивационная сема (Ms) – агент (S)* мотиватор выражен глаголом, мотиват – существительным. В основе вторичной номинации лежит признак ‘характеристика действия человека’. По указанному типу развиваются производные значения лексем *кропáха* ‘неумный человек’ медв.; *кропанíда* ‘та, которая медленно выполняет какую-н. работу’ медв., ‘лжец, лгунья’ петрозав.; *кропанíца* ‘тот, кто в разговоре путает факты, допускает неточности’ медв.; *кропáнда* бранно ‘лжец, лгунья’ петрозав. Основу метафорической мотивации данных слов составляет сема ‘характеристика действия человека – физического или речевого’. Мотиватор ‘чинить, штопать (одежду, обувь)’, выраженный глаголом *кропáть*, формирует семантику названных лексем.

В словах *кропáха* ‘неумный человек’, *кропанíда* ‘та, которая медленно выполняет какую-н. работу’ – с экспрессивными суффиксами *-ах-* и *-нид-* – представлена двуступенчатая метафорическая мотивация.

На первом этапе эти слова проходят одинаковый путь семантического преобразования: *конкретное действие* – [‘характер действия’] – *обобщенное действие*. **I ступень** мотивации выглядит

так: *кропáть* ‘чинить, штопать (одежду, обувь)’ пуд., плес., карг., арх., онеж., выт., волог., пск., перм., твер., влад., казан., яросл. – [‘действие, требующее напряжения и внимания’] – *кропáть* ‘выполнять мелкую, трудоёмкую, кропотливую работу’ медв., онеж., волог., перм., твер., моск., влад., орл., ворон. В основе вторичной номинации лежит сема ‘действие, требующее напряжения и внимания’. Значение глагола *кропáть* изменяется от конкретного до более обобщенного. В процессе метафоризации используется лексико-семантический способ словообразования.

На второй ступени мотивации результирующий денотат ‘выполнять мелкую, трудоёмкую, кропотливую работу’ становится вспомогательным субъектом сравнения для возникновения переносных значений у слов *кропáха* и *кропанíда*. При этом метафоричность лексем формируют разные мотивационные компоненты. Существительные образуются суффиксальным способом:

II ступень – с суффиксом *-ах(а)*: *кропáть* ‘выполнять мелкую, трудоёмкую, кропотливую работу’ – [‘трудность в выполнении какой-л. работы, в понимании чего-л.’] – *кропáха* ‘неумный человек’;

II ступень – с суффиксом *-нид(а)*: *кропáть* ‘выполнять мелкую, трудоёмкую, кропотливую работу’ – [‘замедленное, требующее внимания и напряжения действие’] – *кропанíда* ‘та, которая медленно выполняет какую-н. работу’.

Проведем компонентный анализ лексем *кропáть* и *кропáха*, показывающий их семантическую связь (табл. 1, 2).

Таблица 2

Компонентный анализ слов *кропáть* и *кропáха* (II ступень мотивации)

Семантические компоненты		Слово, значение	
		<i>кропáть</i> ‘выполнять мелкую, работу’	<i>кропáха</i> ‘неумный человек’
Класе́мы	‘процессуальность’	+	
	‘предметность’		+
Лексограммемы	‘I класс’, ‘I спр.’, ‘несов. вид’, ‘невозвр.’, ‘перех.’, ‘действ. залог’.	+	
	‘конкр.’, ‘одуш.’, ‘лицо’		+
Гиперсемы	‘действие’	+	
	‘человек’		+
Гипосемы	‘совершать какое-л. действие’	+	
	‘кропотливая работа’	+	
	‘действие, требующее напряжения и внимания’	+	
	‘продолжительное действие’	+	
	‘трудность в выполнении какой-л. работы, в понимании чего-л.’	+	+
	‘способность действовать’		+
	‘способность мыслить’		+
	‘наличие определенных внешних и внутренних качеств’		+
Коннотативные семы	‘неодобрительное’		+
	‘отрицательное’		+

Глаголы *кропáть* ‘чинить, штопать (одежду, обувь)’ и *кропáть* ‘выполнять мелкую, трудоёмкую, кропотливую работу’ имеют общие признаки: категориальный, лексико-грамматические, гиперсему и гипосемы ‘совершать какое-л. действие’, ‘кропотливая работа’, ‘действие, требующее напряжения и внимания’, ‘продолжительное действие’. Отличительными компонентами являются ‘приводить в исправность’, ‘устранять повреждения’, ‘заделывать дыры (в одежде, обуви)’. Актуальным связующим звеном для вспомогательного субъекта сравнения ‘чинить, штопать (одежду, обувь)’ и основного субъекта сравнения ‘выполнять мелкую, трудоёмкую, кропотливую работу’ следует считать признак ‘действие, требующее напряжения и внимания’. Данная сема в мотиваторе выражена имплицитно.

На второй ступени метафоризации в процессе фокусировки и фильтрации семантических компонентов актуализируется мотивационный признак ‘трудность в выполнении какой-л. работы, в понимании чего-л.’, репрезентированный в мотиваторе имплицитно.

Внутреннее содержание лексем *кропáха* ‘неумный человек’ и *кропанíда* ‘та, которая медленно выполняет какую-н. работу’ отражается в се-

мантико-мотивационной формуле **М-Я(-) + суф.-П(-)**. Мотиватор **М** ‘выполнять мелкую, трудоёмкую, кропотливую работу’ актуализирует главные мотивационные признаки ‘трудность в выполнении какой-л. работы, в понимании чего-л.’, ‘замедленное, требующее внимания и напряжения действие’ и обладает пейоративной окраской, поэтому является ядерным в структуре образного значения **М-Я(-)**. Суффиксы **-ах-** и **-нид-** вносят в производные значения дополнительный семантический оттенок с отрицательной коннотацией и, следовательно, занимают периферийную позицию в метафоре **суф.-П(-)**. Ср. *загребáха* ‘о жадной, корыстолюбивой женщине’ карг. – с увеличительно-пренебрежительным оттенком. Заметим, что аналогичные мотивационные признаки наблюдаются в семантике слов *кропáч* ‘неискусный портной или сапожник’ перм., волог. и *кропачíшко* ‘о человеке с беспокойным, неуживчивым характером’ (без указ. места).

Говорам известны лексемы *кропанíда* ‘бессмыслица, чушь’ медв., ‘лежц, лгуня’ петрозав.; *кропанíца* ‘путаница; правда, перемешанная с ложью’, ‘тот, кто в разговоре путает факты, допускает неточности’ медв.; ср. также *кропáнда* бранно ‘лежц, лгуня’ петрозав. Возможно пред-

положить два пути семантического развития слов *кропани́да* и *кропани́ца*.

Первый путь отражает трехступенчатую метафорическую словообразовательную мотивацию.

I ступень. На базе глагола *кропа́ть* ‘чинить, штопать (одежду, обувь)’ лексико-семантическим способом формируется *кропа́ть* ‘выполнять мелкую, трудоёмкую, кропотливую работу’. В основе вторичной номинации лежит признак ‘действие, требующее напряжения и внимания’.

II ступень. От глагола *кропа́ть* ‘выполнять мелкую, трудоёмкую, кропотливую работу’ суффиксальным способом образуются существительные *кропани́да* ‘бессмыслица, чушь’ с суффиксом *-ни́д-*, *кропани́ца* ‘путаница; правда, перемешанная с ложью’ с суффиксом *-ни́ц-*, имеющие в основе значений ядерный мотивационный компонент ‘мелкая, бессмысленная работа’.

III ступень: а) *кропани́да* ‘бессмыслица, чушь’ – [‘отсутствие смысла, правды’] – *кропани́да* ‘лжец, лгунья’ петрозав.; б) *кропани́ца* ‘путаница; правда, перемешанная с ложью’ – [‘отсутствие смысла, правды’] – *кропани́ца* ‘тот, кто в разговоре путает факты, допускает неточности’. На третьей ступени мотивации наблюдается метонимический перенос: ‘бессмыслица, путаница’ → ‘тот, кто говорит бессмыслицу’. В процессе метонимизации актуализируется признак ‘отсутствие смысла, правды’. Последние значения существительных *кропани́да* и *кропани́ца*, возможно, повлияли на возникновение у глагола *кропа́ть* семантики ‘болтать, пустословить’ медв.; ‘говорить неправду, выдумывать’ медв., пуд.

Второй путь семантического развития лексем *кропани́да* и *кропани́ца*, более вероятный, на наш взгляд, предполагает существование четырех ступеней метафорической словообразовательной мотивации.

I ступень: *кропа́ть* ‘чинить, штопать (одежду, обувь)’ – [‘собирать разрозненные части в целое’] – *кропа́ть* ‘сочинять, складывать (о частушках, песнях)’ медв. Мотиватор с помощью ядерной семы ‘собирать разрозненные части в целое’ способствует формированию основного субъекта сравнения ‘сочинять, складывать (о частушках, песнях)’. Ср.: *кропа́ть* ‘разговаривать, беседовать’ медв., *кропанье* ‘разговор на диалекте’, ‘о словах, выражениях’ медв.

II ступень: *кропа́ть* ‘сочинять, складывать (о частушках, песнях)’ – [‘сочинять, придумывать’] – *кропа́ть* ‘говорить неправду, выдумывать’ медв., пуд.

Глагол *кропа́ть* приобретает новое значение благодаря мотивационному признаку ‘сочинять, придумывать’.

III ступень: *кропа́ть* ‘говорить неправду, выдумывать’ – [‘отсутствие смысла, правды’] – *кропани́да* ‘бессмыслица, чушь’ медв.; *кропани́ца* ‘путаница; правда, перемешанная с ложью’ медв. На данной ступени мотивации суффиксальным способом образуются существительные с отвлеченным значением.

IV ступень: а) *кропани́да* ‘бессмыслица, чушь’ – [‘отсутствие смысла, правды’] – *кропани́да* ‘лжец, лгунья’ петрозав.; б) *кропани́ца* ‘путаница; правда, перемешанная с ложью’ – [‘отсутствие смысла, правды’] – *кропани́ца* ‘тот, кто в разговоре путает факты, допускает неточности’ медв. На последней ступени мотивации наблюдается метонимический сдвиг. В основе вторичной номинации лежит ядерная сема ‘отсутствие смысла, правды’.

Описание лишь одного структурно-семантического типа метафорического переноса показывает, что метафорическая словообразовательная мотивация представляет собой сложное, многоступенчатое явление, в котором главная роль в создании образности принадлежит не только мотиватору, но и аффиксам. Анализ лексики севернорусских говоров с точки зрения соотношения структуры и семантики, выведение семантико-мотивационных формул позволяет убедиться в неразрывной связи словообразовательной и семантической деривации.

Библиографический список

1. Балашова Л.В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX вв.). – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. – 216 с.
2. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11–26.
3. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации / Под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. – 249 с.
4. Москвин В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация: Учеб. пособие к спецкурсу по стилистике. – Волгоград, 1997. – 92 с.
5. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
6. Радченко Е.В. Динамичность и диалектичность предметных и процессуальных фразеоло-

гизмов // Филологические науки. – 2006. – №1. – С. 98–107.

7. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 26–52.

Словари

1. БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

2. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Вып. 3. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996 (сокращения географических названий сохраняются).

3. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 15. – Л.: Наука, 1979 (сокращения географических названий сохраняются).

А.А. Прохорова

К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ РЕАЛИЗАЦИИ СВЯЗНОСТИ В УСТНОМ ТЕКСТЕ

Преамбула. В статье рассматриваются вопросы реализации связности в устном тексте при помощи семантико-синтаксических и интонационных средств. Автор анализирует основные лексико-синтаксические элементы, принимающие участие в объединении предложений в единый текст, оставляя ведущее место в организации связности устного текста за интонацией.

Представление о целом комплексе средств, реализующих функцию связывания предложений в составе целого, имеет давнюю традицию. Разнообразие элементов, служащих, наряду с союзами и интонацией, для объединения клауз (в терминах классической грамматики – для связи предложений/предикативных частей), довольно часто отмечается в работах известных российских грамматистов, таких как М.В. Ломоносов, А.А. Барсов, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский.

О разнообразных «синтаксических приёмах» – способах «выражения связи и зависимости между предложениями» неоднократно писал В.В. Виноградов [1], подчеркивая важность «порядка следования частей, местоименных связей, соотношения видо-временных форм и других средств, которые кроме интонации, союзов и союзных слов, участвуют в соединении сочетаний частей сложного предложения» [2].

Несмотря на то, что интерес синтаксистов к проблеме показателей связи традиционен, в последние десятилетия он значительно возрос в связи с интенсивным изучением текста. Особенно актуальной для синтаксиса текста остаётся задача исследования межфразовых отношений, вычленения и описания корпуса линейных показателей межфразовой связи.

К лексико-синтаксическим текстовым связям относятся **союзы** и **союзные слова**, а также **частицы** и **артиклы**, которые осуществляют ло-

гические отношения между высказываниями и сверхфразовыми единствами в ходе развития повествования.

Союзы и союзные слова (или «юнктивы», в терминологии О.Л. Каменской [4]) осуществляют «зацепление» предложений и сверхфразовых единств в текстах устной речи и могут выражать отношения следующего типа: конъюнкция (отношения аддитивности событий); дизъюнкция (выбор одного из событий/объектов); контраюнкция (отношения противопоставления двух сосуществующих событий); субординация (отношения зависимости одного явления/объекта от другого).

Важно отметить, что союзы не только формально демонстрируют связь компонентов высказывания и текста, но и несут семантическую нагрузку, отвечают за логичность в построении текста, ведь для создания цельного текста формальной связности не достаточно.

Отечественные лингвисты Г.М. Вишневская и И.П. Лихарева [3] предлагают следующую семантическую классификацию дискурсивных элементов английской речи:

– **перечисление**: first(ly), second(ly), third(ly), next, then;

– **добавление информации** (развитие уже известных идей и фактов): in addition, and;

– **пояснение** – for example, for instance;

– **противопоставление**, изменение направления коммуникативного акта во время аргументации: however, but;

- **сравнение**: in the same way as, as;
- **обобщение**: on the whole, in general;
- **результат**: as a result;
- **объяснение**: because, in other words.

Союз *and* в английском языке (*u* – в русском языке) выполняет динамическую функцию. Организуя текст, союз *and* вносит в него идею продолженности, отсутствия перерыва в повествовании, а также служит для добавления новой информации. Такое указание на непрерывность и аддитивность встречается как между высказываниями, так и между сверхфразовыми единствами.

Следует отметить еще одну функцию данного союза, характерную именно для текстов устной речи – *хезитативную* функцию. Чем спонтаннее текст, тем больше в нем употреблений данных союзов-частиц в хезитативной функции. Когда у говорящего нет четкого ответа на вопрос, когда его речь недостаточно продумана, и он испытывает некоторые трудности в оформлении содержательного плана высказывания и хочет выиграть время для размышления, тогда он прибегает к помощи *and* (*u*). Как правило, в данном случае эти союзы-частицы используются в сочетании с элементами заполнения пауз (*э-э, m, er, erm*), в русском языке с частицами (*ну, вот*) или с авторизирующими конструкциями. В английском же языке союз *and* в хезитативной функции, как правило, не сопровождается частицами или их аналогами.

Союз *no* имеет совершенно иную направленность. Иногда союз *no* служит показателем смены подтемы и начала сверхфразового единства. Он как бы прерывает прямую линию повествования, меняя направление хода мысли.

Текстовая функция союза *a* близка к функции *no*. Как правило, союз *a* лишь слегка видоизменяет направление повествования, смещает акцент на другой момент. Он также может служить зачином новой подтемы.

В английском языке функции союзов *a*, *no* выполняет союз *but*, или иногда *and*, который, в зависимости от конкретной ситуации употребления, либо меняет, либо слегка видоизменяет направление хода мысли в тексте.

Союз *so* в английском языке (*поэтому* – в русском языке) носит результативно-следственный характер и часто используется говорящим для построения своих рассуждений, основанных на стремлении убедить слушателей в правильности, логичности своих идей.

Таким образом, представленные в устной публичной речи союзные средства осуществляют функцию непрерывности, динамичности повествования (союз *u* в русском языке, *and* – в английском языке), смены темы (*no* – в русском языке, *but* – в английском языке), переориентации темы (*a* – в русском языке, *but* – в английском языке) и результативно-следственную функцию (*поэтому* – в русском языке, *so* – в английском языке), являясь связующими звеньями между высказываниями и сверхфразовыми единствами.

Сравнение двух языков показывает, что особенностью английских текстов является тот факт, что в них чаще употребляется союз *and*, аналогичный союзу *u*, который может выполнять и связующую, и хезитативную функцию одновременно.

Наряду с союзами функцию объединения синтаксических единиц могут выполнять **коннекторы**. Коннекторы – это единицы, общим значением которых является «...значение отношения, оформляющие связь в тексте как минимум между двумя самостоятельными предложениями, выражающие содержание данной связи, передающие интенцию говорящего и его отношение к содержанию высказывания» [5].

К коннекторам относятся многие лексические единицы, традиционно относимые к морфологическому классу наречий и получившие в зарубежной терминологии названия **transitional devices, conjunctive adverbs, adverbial conjunctions** [5; 7].

К числу наиболее распространенных коннекторов в английском языке относятся *accordingly, also, consequently, finally, furthermore, hence, however, incidentally, indeed, instead, likewise, meanwhile, moreover, nevertheless, otherwise, rather, still, then, therefore* и некоторые другие.

Многие коннекторы выражают те же типы синтаксических отношений, что и союзы; это дает возможность рассматривать их в рамках одной синтаксической категории. Ввиду своей многозначности некоторые союзы и коннекторы могут принадлежать более чем к одному семантическому классу. Например, *as* и *since* принадлежат к классам причинных и временных отношений.

Необходимо сказать несколько слов о **частичах** и **междометиях** (русские – *вот, ну, значит*; английские – *well, now, anyway*). Данные частицы могут появляться как в начале, так и в середине текста, то есть являются показателями начала или непрерывности текста, его незаконченности. Иногда они являются своеобразными зачинами

новой темы, сверхфразового единства или перехода от одной подтемы к другой.

В английском языке особенно широко представлено междометие *well*, как правило, возникающее в тексте при смене подтемы, при завершении предыдущей мысли и при привлечении внимания слушателей к следующей. Синонимичными *well* в функциональном плане являются такие слова, как *now, right, OK, anyway*. Когда эти единицы находятся в начале высказывания, они связывают высказывания друг с другом или маркируют начало новой микротемы. Данные единицы встречаются в основном в лекционном стиле речи. Значительная продолжительность лекции требует разнообразия средств членения, упорядочивания и связи, этим и объясняется появление множества единиц, осуществляющих эти функции.

Частица *же* в русском языке может выполнять референтную функцию, т.е. функцию соотношения высказываний (предыдущего с последующим). Например, в высказывании «Я же считаю, что это не убедительно» частица *же* предполагает некий предтекст, *же* выполняет здесь роль противопоставления своего мнения другому.

Союзные слова (относительные местоимения и наречия) обнаруживают соединительно-связочную функцию в том, что, будучи формальными членами придаточного предложения, они своим присутствием подчёркивают его синтаксическую подчинённость главному. Их связывающая роль заключается также в соотносённости с главным в целом или с отдельным его словом (Нас проводили в комнату, окна которой выходили в сад; Отец долго не возвращался из города, что беспокоило всю семью). Союзные слова служат средствами экономного связывания придаточного предложения с главным и показателями его синтаксической зависимости.

За пределами предложения на уровне связного текста очевидной соединительно-связочной функцией обладают **местоимения**, особенно указательные местоимения в косвенных падежах с предлогами, стоящие в начале второго предложения. Такие местоимения в качестве своего денотата имеют либо содержание всего предшествующего предложения (или текста), либо содержание одного из членов предыдущего предложения (Например, «Поля возделывались по всем правилам агротехники. Благодаря *этому* и в засуху урожай получен высокий»). Роль указательного

местоимения здесь двояка. Оно, будучи членом предложения, в то же время выражает линейную и логическую последовательность смысловых и синтаксических связей в тексте. И хотя в полной мере такие местоимения едва ли целесообразно считать неполнозначными словами, нельзя не обратить внимание, на то, что их различные соединения с предлогами обнаруживают свойства релятивности, создавая общую подсистему местоименных связей.

Предлоги как показатели и выразители подчинительных отношений проявляют себя не только на уровне словосочетания, как еще недавно было принято думать. Они способны выражать также связи и разнообразные смысловые отношения свободных синтаксических форм и детерминантов на уровне предложения. Кроме того, многие предлоги активно используются для включения в основной состав предложения различных обособленных оборотов, находящихся по отношению к нему в аппликативных связях.

Предлоги обычно выражают подчинительные связи и отношения между компонентами словосочетания. Эту подчинительную функцию предлогов иногда сравнивают с функцией подчинительных союзов. При всей заманчивости выявления этого изоморфизма предлогов и подчинительных союзов нельзя не видеть и формирования вторичных союзов и союзных сочетаний (*а то, а не то, да и, а не, не... а*).

Как показывают исследования в области лингвистики текста, все средства различных языковых уровней относительно равноправно выступают в роли связующих элементов. Однако когда речь идёт об устном тексте, многие исследователи в формировании связности текста, отдают предпочтение **интонации** [3].

В интонологии существует множество различных подходов к изучению интонации, к определению её места в системе языка и речи. Однако, все исследователи едины в одном: интонация — это «душа» языка, его «звучащая мимика» [3]. Без нее не может существовать нормальное человеческое общение.

Зарубежные и отечественные лингвисты трактуют понятие «интонация» по-разному. В отечественной лингвистике принято широкое понимание интонации: сложное целое, состоящее из различных компонентов. Их количество и степень важности в передаче языковых значений трактуется у различных авторов неодинаково.

Письменные и устные тексты имеют определенное различие в способах формирования связности текста. В устном тексте средства когезии более четко выражены благодаря присутствию просодических средств текстовой структуры, которые вызываются *просодической непрерывностью* (*prosodic continuity*). Нарушение просодической непрерывности устного текста может привести к общему разрушению как глобальной, так и местной семантической связности текста.

Среди просодических средств выражения дискурсивной когезии наиболее важными являются: последовательность тонов, ритм, паузация и др.

Следует также подчеркнуть, что просодическая непрерывность текста может быть как самостоятельной, так и зависимой от *синтаксических* и *семантических* средств когезии в устном тексте.

Среди интонационных средств связи выделяют: согласование мелодических контуров между синтагмами и фразами, паузацию, акцентную выделенность слов в потоке речи, четкую ритмическую связанность текста, темпоральные переходы в речи [3].

Пауза не только членит звуковой поток, но и осуществляет определенную связь между частями высказывания, а также оказывает определенное влияние на ритмическую и темпоральную организацию речи. С одной стороны, паузы отделяют ритмические группы друг от друга, с другой стороны, частота и длительность пауз обуславливают общий *темп* речи. Обычно выделяют медленный, средний и быстрый темп речи. Следует различать абсолютный и общий темп речи. Абсолютный темп определяют как скорость произнесения слогов в минуту с вычетом перерывов в звучании, общий темп – с учетом пауз. Темп во многом зависит от лингвистических и экстралингвистических факторов.

Таким образом, интонация является одним из ведущих средств, способствующих связности текста, с помощью которой он сегментируется на смысловые части и объединяется как целый. Интонация при этом может выступать как самостоятельное средство связи, так и сопутствующее средство, то есть она участвует в оформлении речевых переходов самостоятельно и с помощью других средств связи.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 654 с.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах // Избранные труды. Исследование по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 65–70.
3. Вишневская Г.М., Лихарева И.П. О связующих элементах дискурса в устном тексте // Фонетическая вариативность: билингвизм и диглоссия. – Иваново, 2000.
4. Каменская О.Л. Текст как средство коммуникации // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 158. – М., 1990. – С. 3–11.
5. Молчанова С.Е. Функционально-семантическое поле дискурсивных коннекторов в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006.
6. Связующие слова: Словарь-справочник по английскому языку серии Collins COBUILD: Пер. с англ. – М.: Астрель, 2004. – 236 с.
7. Харламова Т.В. Текстобразующие средства в устной речи: на материале русского и английского языков: Дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2000. – 189 с.
8. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. – Oxford: Blackwell, 1983. – 272 p.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Никулина Т.Е. **СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК: Метод. пособие для студ. филол. факультета** / Рец. Н.С. Ганцовская. – Кострома: КГУ, 2006. – 40 с.

Методическое пособие, предназначенное для студентов-филологов I и II курсов как очной, так и заочной формы обучения, включает тематику практических занятий и лабораторных работ, методические указания к ним, контрольные домашние работы, образец комплексного анализа текста, вопросы к экзамену, список учебной литературы.

Н.М. Сергеева

ИГРА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТВОРЧЕСКОГО МЕТОДА Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Преамбула. В статье предпринята попытка осмыслить сложный феномен игры в культуре Серебряного века, определить формы и способы выражения игрового элемента в романе Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи».

Игра в самых разнообразных своих модификациях была одной из характерных особенностей культуры Серебряного века. От художника ожидали «творимой легенды» не только в его произведениях, но и в самой жизни. Как замечает Е.В. Ермилова, «проблема жизнестроительства включает в себя в качестве центральной проблему личности художника-творца, ее соотношение с действительностью, ее «самопознание» и «самосозидание» <...>. Символы и темы кочуют из жизни в искусство и обратно в жизнь, – причем трудно сказать, где первоначально зарождается событие, – и редко получают окончательное воплощение» [6, с. 37].

Многочисленные встречи интеллигенции – знаменитая «башня» Вяч. Иванова, Религиозно-философские собрания, литературные салоны, даже самые обычные вечера в тесном кругу единомышленников – превращались в настоящие театральные представления с четко распределенными ролями. Показательны в этом отношении воспоминания А. Белого. Описывая одну из встреч у М.С. Соловьева (брата философа), где присутствовал и Д.С. Мережковский с супругой, поэт отмечает, что у каждого здесь была своя роль. З. Гиппиус «точно оса в человеческий рост, колья не остова «пленительницы»; <...> прелесть ее костяного, безбокого остова напоминала причастицу, ловко пленяющую сатану» [4, с. 272]. Сатаной же, черным дьяволом предстала В. Брюсов, хозяйка дома была «как монашенка, писанная кистью Греко» [4, с. 275]. Мережковский же представлялся то хмурым «синодальным чиновником от миру неведомой церкви» [4, с. 272], то вдруг «арлекином, беззвучно хохочущим» [4, с. 275]. Белый описывает этот «театр вселенной», это собрание посвященных так, как оно виделось и воспринималось со стороны, «а виделось и воспринималось – абракадаброю» [4, с. 275]. Художник-творец (в широком смысле слова) рассматривался как существо исключительное, возвышающееся над серой массой, нуждающееся в круге почитателей или единомышленников. И подоб-

ные (игровые по своей сути) общности, имеющие свою тайну, некий уговор восхищаться тем-то, понимать так-то, активно создавались в конце XIX – начале XX века.

Е.М. Криволапова, исследовавшая творчество З.Н. Гиппиус, справедливо отмечает, что «игра как культурная доминанта эпохи повлияла на формирование определенной поведенческой модели деятеля серебряного века, определила специфику художественной манеры многих писателей и поэтов. Не была исключением и З.Н. Гиппиус, религиозно-философские и художественно-эстетические искания которой оказались в прямой зависимости от игровой составляющей» [7, с. 6]. Н. Берберова, описывая в мемуарах «Курсив мой» вечерние занятия З.Н. Гиппиус в семейном кругу, отмечала, что «это была игра, но игра, которая продолжалась между ними много лет <...> и которая обоим была необходима» [5, с. 492]. Неоднократно и сама Гиппиус, и многие ее современники отмечали нераздельность их с Мережковским творческого союза. В. Барятинский, например, вспоминает, что Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна «говорили, так сказать, на два клироса: один договаривал или развивал мысли другого, что было весьма интересно» [1, с. 297]. Это позволяет нам говорить о том, что тезис об игровой составляющей философско-эстетического сознания Зинаиды Николаевны в полной мере можно отнести и к мировоззрению Дмитрия Сергеевича. Конечно, применительно к нему игра как одна из составляющих культуры не так ярко проявлялась во вне, как в случае с его женой. «Гиппиус, – по меткому замечанию А.В. Лаврова, – сама устанавливала правила игры, стремилась достичь определенного эффекта, порой доходя до эпатажа» [8, с. 13–14]. Мережковский к подобному дерзкому нарушению сложившихся общественных устоев не прибегал, и все же доля игры была и в его поведении: он будто бы надевает маску проповедника, всегда строгого и угрюмого критика (а ведь любая маска – это своеобразный элемент игры,

даже карнавализации!). Исследуя различные материалы, посвященные Д.С. Мережковскому, С.Н. Поварцов заметил интересную деталь: «Из всех фотографических портретов Мережковского один особо примечателен. Писатель снят в своем рабочем кабинете на фоне распятия. Рядом на круглом столе толстый, внушительного вида фолиант, в руках раскрытая книга...» [11, с. 160]. Исследователь тонко почувствовал некую фальшь, наигранность и в позе писателя, и в выборе «декораций». «Легкий налет театральности» в «будто заранее заученных жестах и модуляциях голоса» [2, с. 499] примечали и современники Мережковского. Однако у писателя в большей степени игровое начало проявилось не в стремлении создавать определенный внешний облик, тип поведения, а как одна из важных составляющих его философской концепции, отразившейся в литературном творчестве.

Для более глубокого постижения причин сильнейшего воздействия игрового фактора на культуру Серебряного века следует обратиться к работам, изучающим сложный феномен игры.

Рассматривая в своей монографии «*Homo ludens*» игру как явление культуры, Й. Хейзинга утверждает, что «всякая игра что-то значит» [12, с. 10], она никогда не бывает бессодержательна и обязательно преследует конкретную цель. Изучая культуры различных эпох (от античности до современности) *sub specie ludis* («под знаком игры»), исследователь приходит к выводу, что «культура зачинается не как игра, не из игры, а в игре» [12, с. 92]. И в разные исторические периоды игровой элемент в культуре может присутствовать в большей или меньшей степени, порой сокращаясь до минимума или даже совсем исчезая.

«Игровой элемент Римского государства наиболее ярко предстает в лозунге «*Panem et circenses*» («Хлеба и зрелищ») как выражении того, чего требовал народ от государства» [12, с. 201], — отмечает исследователь. Всевозможные культовые обычаи и сакральные действия занимали важное место в жизни латинского общества, хотя игровой фактор выражался здесь в менее красочной образности, нежели в культуре Эллинизма.

«Духовная ситуация в эпоху Ренессанса, — по мнению Хейзинги, — есть ситуация игры. Это утонченное и в то же время свежее, могучее стремление к благородной форме есть играемая культура. Все великолепие Ренессанса — это веселый или праздничный маскарад, переодевание

в наряд фантастического и идеального прошлого» [12, с. 204]. Культура же XIX века «гораздо меньше «играется», чем в предшествующие периоды» [12, с. 217]. Исследователь считает, что это происходит оттого, что в эту эпоху преобладали тенденции, которые исключают значение игрового фактора в культурном процессе. На рубеже XIX–XX веков вновь наблюдается усиление игрового элемента. Хейзинга связывает это с повышением роли искусства в общественной жизни: «Искусство становится достоянием всего общества, любить искусство становится хорошим тоном. Повсюду проникает представление о художнике как высшем существе» [12, с. 227].

Подобные взгляды на роль искусства в жизни человека, на предназначение художника весьма характерны для поэтов и писателей Серебряного века, и в частности, для Д.С. Мережковского. Но как мы уже отмечали, для него более характерно не стремление окружать себя ореолом таинственности (хотя и это имело место), а создавать соответствующие персонажи, изображать людей исключительных. И соответственно, категория игры применительно скорее к литературному творчеству, нежели непосредственно к личности писателя.

М.М. Бахтин, рассматривая становление романного жанра, возводит так называемую «диалогическую» прозу к «сократическому диалогу» и «Менипповой сатире» (или мениппее). При этом исследователь отмечает, что именно мениппея «стала одним из главных проводников карнавального мироощущения в литературе вплоть до наших дней» [3, с. 130]. Поскольку карнавал есть не что иное, как определенная форма игры, а игра, хотя и не ограничивается карнавальным началом, но, безусловно, включает его, то необходимым жанром для выражения игровой составляющей философско-эстетической концепции писателя может стать мениппея. Особенности использования элементов этого серьезно-смехового жанра мы и попытаемся проследить в романах Д.С. Мережковского.

Воспользуемся сделанными М.М. Бахтиным наблюдениями над особенностями мениппеи. Важнейшей чертой рассматриваемого жанра исследователь называет «особый карнавальный (в широком смысле слова) характер смехового элемента» [3, с. 131], потому что именно карнавализация, по его мысли, «позволяла переводить последние вопросы (Бахтин имеет в виду всегда

актуальные и предельно обобщенные вопросы жизни и смерти. — Н.С.) из отвлеченно-философской сферы через карнавальное мироощущение в конкретно-чувственный план образов и событий, по-карнавальному динамичных, разнообразных и ярких» [3, с. 155]. Одна из основных особенностей мениппеи, по мнению Бахтина, заключается в том, что «самая смелая и необузданная фантастика и авантюра внутренне мотивируются, оправдываются, освящаются здесь чисто идейно-философской целью — создавать исключительные ситуации для провоцирования и испытания философской идеи» [3, с. 131]. В качестве характерных черт жанра выделяются также следующие: сочетание фантастики и даже мистико-религиозного компонента с «трущобным натурализмом» [3, с. 132], «изображение необычных, ненормальных морально-психических состояний человека — безумий всякого рода («маниакальная тематика»), раздвоения личности, необузданной мечтательности, необычных снов» [3, с. 134], «широкое использование вставных жанров <...>, смешение прозаической и стихотворной речи» [3, с. 136], и наконец, «ее злободневная публицистичность» [3, с. 136].

Конечно, было бы слишком прямолинейным заявлять, будто романы трилогии Мережковского «Христос и Антихрист» в жанровом плане являют собой мениппею. Однако некоторые соответствия налицо. Обратимся к центральному роману первой трилогии — «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи».

Карнавалу как одной из наиболее наглядных форм игры писатель уделяет немало внимания на страницах своих произведений. Этот факт, очевидно, можно объяснить двумя причинами: во-первых, особенностями миросозерцания Мережковского, спецификой его философско-эстетической концепции, в которой игровой компонент занимает свое определенное место, а во-вторых, необходимость включения в литературное произведение описаний карнавальных шествий подсказывалась содержанием самих изображаемых эпох.

Как мы уже отмечали, ренессансная эпоха насквозь пропитана духом игры, и все великолепие этого времени есть веселый пестрый карнавал, «переодевание в наряд фантастического и идеального прошлого» [12, с. 204]. Однако во втором романе трилогии Мережковского — «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи», — повествуя об эпохе Возрождения, мы не встречаем

непосредственного изображения маскарада. Лишь сожжение «сует и анафем», затеянное Священным Воинством под руководством Джироламо Саванаролы, своей парадоксальностью и четким распределением ролей напоминает карнавальное действо. «В молчании, в сумраке, без гимнов, без факелов, в длинных белых одеждах, дети-инквизиторы шли, неся на руках изваяние Младенца Иисуса; одною рукою он указывал на терновый венец на своей голове, другою — благословлял народ. За ними шли монахи, клир, гонфалоньеры, члены Совета Восьмидесяти, каноники, доктора и магистры богословия, рыцари Капитана Барджелло, трубачи и булавоносцы» [10, с. 493]. Но в отличие от радостных сатурналий и вакханалий это шествие навевало лишь тоску: «На площади сделалось тихо, как перед смертной казнью» [10, с. 493]. Однако по мере того, как разгорался костер из «сует и анафем», в числе которых оказались картины (и среди них прекрасная Леда работы Леонардо), древние пергаментные книги античных поэтов и философов и карнавальные маски, положение дел изменялось. Хотя и стремятся маленькие инквизиторы уничтожить языческое искусство, произведения еретиков, они же, сами того не осознавая, повторяют древний культ. Только предметом их поклонения, центром безудержной пляски становится крест: «В это время монахи водрузили черный крест посредине площади, потом, взявшись за руки, образовали три круга во славу Троицы и, знаменуя духовное веселье верных о сожжении «сует и анафем», начали пляску, сперва медленно, потом все быстрее, быстрее, наконец, помчались вихрем с песнею:

Пред Господом смиритесь,
Пляшите, не стыдитесь.
Как царь Давид плясал,
Подыдем наши ряски, —
Смотрите, чтобы в пляске
Никто не отставал...
Мы крестиками машем
И пляшем, пляшем, пляшем,
Как царь Давид плясал.
Несемся друг за другом
Все кругом, кругом, кругом,
Справляя карнавал.
Попирая мудрость века
И гордыню человека,
Мы, как дети, в простоте
Будем Божьими шутами,
Дурачками, дурачками,
Дурачками во Христе!» [10, с. 495].

Перед нами яркий пример сочетания противоположных начал: строгость христианских монахов-аскетов странным образом совмещается с их же безудержной пляской и пением (отнюдь не псалмов царя Давида!) – совершенно в духе карнавальной традиции. Не менее характерно для серьезно-смехового жанра (в частности, мениппеи) и включение в прозаический текст стихотворного. Эта особенность наблюдается во всем тексте романа: школяры расппевают веселые гимны, францисканские монахи и придворные поэты читают стихи, старуха бормочет переименованную молитву-заклинание, актеры на представлении «Рая» Беллинчони поют партии римских богов, даже юродивый Маруффи мурлычет себе под нос песенку. Рифмованные надписи сочиняются в качестве эпиграфии на надгробный камень, обнаруживаются на пергаменте под антифонами и покаянными псалмами, на подножии памятника. Всего стихотворные вставки встречаются в романе о Леонардо 48 раз, зачастую они написаны на латыни с последующим переводом, но есть и стихи на французском языке (солдатская песенка о Карле VIII) и даже на греческом.

Д.С. Лихачев в своей работе «Смех как мировоззрение» отмечает, что «существо смеха связано с раздвоением. <...> Смех делит мир надвое, создает бесконечное количество двойников, создает смеховую «тень» действительности, раскалывает эту действительность» [9, с. 35]. Именно подобное изображение раздвоенной личности, борьбы языческого и христианского начал, Христа и Антихриста в Леонардо является одной из самых характерных черт для рассматриваемого романа Мережковского. «Вот он, блаженный муж, который и тварей милует, от мяса не вкушает, червяка с дороги подымает, чтобы прохожие ногой не растоптали! И то, и другое вместе. Сегодня кромешник, завтра угодник. Янус двуликий: одно лицо к Христу, другое к Антихристу. Поди, разбери, какое истинное, какое ложное?! Или оба истинные?..» [10, с. 464]. Своеобразной игрой воображения оказывается видение двойника Леонардо явившееся Джованни в болезненном бреду: «Он меня пожалел и стал утешать: не плачь, говорит, мальчик мой бедный, глупенький, – нет Христа, но есть любовь; великая любовь – дочь великого познания; кто знает все, тот любит все <...>. Прежде, говорит, была любовь от слабости, чуда и незнания, а теперь – от силы, истины и познания, ибо змий не солгал: вкушите

от дерева познания и будете как боги. И после этих слов его я понял, что он – от дьявола, и проклял его, и он ушел, но сказал, что вернется...» [10, с. 574]. И это уже не только внутреннее расщепление личности учителя, но и разделение телесное: фантастичное, невозможное в действительности становится абсолютно реальным благодаря карнавализации.

Леонардо, как и герой первого романа трилогии («Смерть богов. Юлиан Отступник»), играет, но его игра иного рода: он не вершит судьбы людей, не надевает сознательно на себя маску, как Юлиан. Он играет как бы исподволь, в силу того, что вся эпоха Ренессанса есть играемая культура, а Леонардо – человек этой культуры.

Говоря об игре как творческом методе Мережковского, отметим, что смеховая культура обнаруживает себя в романах трилогии «Христос и Антихрист» на разных уровнях: от простого изображения игры (подробное воспроизведение карнавальных шествий, балаганных действ) до выстраивания характера героя в соответствии с определенной эстетической концепцией автора (человек играющий). Несколько упрощенная внешняя карнавализация позволяет Мережковскому показать такие моменты в характерах и поведении его героев, которые в обычных условиях могли бы и не проявиться. Но кроме использования в романах трилогии такого наглядного элемента мениппеи, как карнавал, мы можем говорить о включении в их структуру и других составляющих серьезно-смехового жанра: изображение необычных морально-психических состояний человека (чаще всего раздвоение личности), смешение прозаического и стихотворного текста, использование вставных жанров. Несомненно также при написании романов и обращение автора к многовековой традиции народного смеха.

Библиографический список

1. *Барятинский В.* «Пятницы Полонского» и «Пятницы Случевского» // Воспоминания о серебряном веке / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. – М., 1993.
2. *Бахрах А.* Померкший спутник // Д.С. Мережковский: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. А.Н. Николюкина. – СПб., 2001.
3. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979.
4. *Белый А.* Начало века // Д.С. Мережковский: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр.

лиогр. А.Н. Николокина. – СПб., 2001.

5. *Берберова Н.* Курсив мой // Д.С. Мережковский: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. А.Н. Николокина. – СПб., 2001.

6. *Ермилова Е.В.* Теория и образный мир русского символизма. – М., 1989.

7. *Криволапова Е.М.* Литературное творчество З.Н. Гиппиус конца XIX – начала XX века (1893–1904 гг.): Религиозно-философские аспекты: Автореф. дис. – СПб., 2003.

8. *Лавров А.В.* З.Н. Гиппиус и ее поэтический дневник // Гиппиус З.Н. Стихотворения. – СПб., 1999.

9. *Лихачев Д.С.* Смех как мировоззрение // Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. – Л., 1984.

10. *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги. Леонардо да Винчи // Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 4 т. – М., 1990. – Т. 1, 2.

11. *Поварцов С.Н.* Траектория падения: О литературно-эстетических концепциях Мережковского // Вопросы литературы. – 1986. – №11.

12. *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М., 1992.

С.Ю. Сусык

СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «ТЕРРОРИЗМ» И ЕГО ОБЪЕКТИВАЦИЯ В ДИСКУРСЕ ФРАНЦУЗСКИХ СМИ

Лингвистическая наука последних десятилетий характеризуется интенсивным развитием когнитивного направления. Когнитивная наука – это наука о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности человека, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые некоторым образом репрезентированы в нашем сознании и составляют основу ментальных или когнитивных процессов [1, с. 34–47]. Языковая форма является отражением структур человеческого знания, мышления и познания, т.е. когнитивных структур.

Оперативной единицей нашего сознания признается *концепт*. Различные дисциплины когнитивного направления (психология, лингвокультурология, лингвистика) предлагают свое понимание категории *концепт*.

Концепт как единица лингвистического плана определяется как структура опыта или памяти и соотносится с ментальной репрезентацией видимого объекта действительности [2, с. 30], реального или идеального мира, хранимого в национальной памяти носителей языка, в виде познанного субстрата [3, с. 29]. Таким образом, концепт представляет собой совокупность определенным образом структурированных признаков объекта действительности, а поскольку концепт находит отражение в языке, то именно язык обеспечивает доступ к концептам и дает возможность их реконструировать.

Разнообразные объекты и явления действительности отражаются в сознании человека по-

средством различных когнитивных структур, а именно разных по содержанию и репрезентации концептов (представление, схема, понятие, прототип, пропозиция, фрейм, сценарий, гештальт) [4, с. 36–38].

В качестве основы для исследования и систематизации концепта «терроризм» мы используем такое ментально-психическое образование как *фрейм*.

Обращение к понятию *фрейма* признается одним из эффективных приемов изучения принципов организации представления знаний в языковой системе.

Термин *фрейм* был введен в науку М. Минским, который определял его как некую систему данных, предназначенную для представления стереотипной ситуации [8]. В современной лингвистике фрейм понимается по-разному, например как – единица знаний, организованная вокруг некоторого концепта и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого концепта в рамках определенной культуры [5];

– система знаний, объединяющая многочисленные области, ассоциируемые с данной языковой формой (Тейлор);

– объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, некоего знания о стереотипной ситуации [4, с. 37];

– средство организации и инструмент познания, некая внутренняя когнитивная информация [7, с. 119].

Несмотря на различие существующих формулировок, практически все лингвисты признают,

что основной характеристикой фрейма является то, что он включает полный комплекс знаний о ситуации или объекте, существующий в данный исторический момент в данном социуме. Фрейм, с одной стороны, служит базой для формирования контекстных ожиданий в плане дальнейшего хода событий, с другой стороны, задает рамки допустимых интерпретаций.

Структурно фреймы состоят из вершины (или темы, вершинных узлов, ядра, макрофрейма) и слотов (или микрофреймов, подфреймов, терминалов, узлов). При этом вершинные узлы всегда фиксированы и соответствуют понятиям, которые верны и справедливы по отношению к предполагаемой ситуации, а слоты представлены примерами [9, с. 188]. Таким образом, фрейм мыслится как иерархически организованная система знаний об обозначаемом.

Фрейм может рассматриваться как один из видов концепта (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев) и как один из способов ментальной репрезентации концепта (М.Р. Проскуряков), как образное измерение концепта (В.И. Карасик).

В нашем исследовании мы понимаем фрейм как некое схематизированное представление концепта, т.е. придерживаемся той точки зрения, что концепт структурируется во фрейм, организуется посредством фрейма, который является носителем типической, когнитивно упорядоченной информации.

Кроме того, фреймы являются наиболее приемлемыми структурами представления знаний при исследовании дискурса как текста в социальном контексте [6, с. 108].

Поскольку понятие является обобщенным представлением о предмете или явлении, изучение концепта целесообразно начинать с обращения к словарю. Так, в толковом словаре французского языка *Micro Robert* (1987) *терроризм* определяется следующим образом:

– *Emploi systématique de la violence pour atteindre un but politique; actes de violence (attentats, destructions) destinés à déclencher des changements politiques* (систематическое употребление насилия для достижения политических целей; акты насилия (покушения, разрушения), цель которых – вызвать политические изменения).

Энциклопедический словарь *Le petit Larousse illustré* (1997) дает следующее определение терроризму:

– *Ensemble d'actes de violence commis par une organisation pour créer un climat d'insécurité ou renverser le gouvernement* (совокупность актов насилия, совершаемых той или иной организацией, с целью установления атмосферы страха или для свержения правительства).

В электронном словаре французского языка (www.lexilogos.com) терроризм в современном его виде определяется следующим образом:

– *Ansemble des actes de violence qu'une organisation politique exécute dans le but de désorganiser la société existante et de créer un climat d'insécurité tel que la prise du pouvoir soit possible* (совокупность актов насилия, осуществляемых какой-либо политической организацией с целью дестабилизации существующего режима и создания ситуации, в которой захват власти стал бы возможен).

Таблица

Субъекты	Организации	
	Исполнители	
Деятельность	Причины	
	Цели	
	Виды терр. деятельности	
	Теракты	Виды
		Способы осуществления
		Время
		Место
	Противодействие	
Объекты	Люди	
	Блага	
Результат	Жертвы	
	Разрушения	
	Атмосфера	
	Участь нападавших	

На базе словарных статей, дающих определение лексической единицы «terrorisme», содержательный минимум концепта можно представить следующим образом: объединения людей совершают насильственные действия, направленные на людей или материальные блага с целью устрашения для изменения политической ситуации.

На основе словарных дефиниций мы выделили вершинные узлы фрейма «терроризм»: *субъекты террористической деятельности, деятельность (акции), объекты, результат*. Анализ текстов СМИ, описывающих предметную область «терроризм» позволил выделить так же такие слоты, как *причины терроризма, виды терроризма, формы террористических актов, противодействие терроризму*. Схематично фрейм «терроризм» можно представить в виде таблицы.

Терроризм как современный социально-политический феномен находит широкое отражение средств массовой информации.

Информация, передаваемая с помощью СМИ, – это средство интеллектуальной коммуникации, осуществляемой главным образом посредством языка, который выступает в качестве основного инструмента ее актуализации.

Язык СМИ не приравнивается к так называемому газетно-публицистическому стилю, а является симбиозом нескольких функциональных стилей. Однако диалектическое единство двух основных функций, выполняемых СМИ (информационной и воздействующей) позволяет выделить два основных типа газетных статей: информационный и аналитический. К информационному типу относятся краткие новости, заметка, репортаж, а к аналитическому – передовая статья, тематическая или полемическая статья, комментарий, памфлет. Тексты информационного характера отличаются наличием преимущественно фактической информации, в то время как тексты аналитического типа характеризуются авторской модальностью, оценочностью, и высокой степенью идеологичности.

Так, концепт «терроризм» по разному реализуется в текстах информационного и аналитического характера.

Вершинные узлы фрейма «терроризм» обычно объективируются как в текстах информационного, так и в текстах аналитического характера. Актуализация же слотов и подслотов зависит от прагматической установки адресанта. Так, в информационном сообщении, как правило, актуализируются слоты:

Исполнители и стоящие за ними организации:

Les membres d'Al-Qaida, les commandos, les tamouls, une organisation clandestine, les immigrés, les kamikazes, les islamistes radicaux и др.

Следует отметить, что в текстах информационного характера зачастую отсутствует обозначение субъекта, поскольку информационное сообщение выходит непосредственно после совершения события, когда личность нападавших еще устанавливается.

Вид теракта, способ его осуществления:

Un attentat suicide, un attentat à voiture piégée, un attentat à la bombe, la prise d'otages, un enlèvement, un meurtre, plastiquer une fourgonnette, déclencher les explosifs, mettre le feu и т.д.

Люди или блага как объекты:

Un attentat contre un convoi de la marine, contre des hommes politiques et des bâtiments gouvernementaux, contre un convoi de la force internationale, une fourgonnette de la gendarmerie, le pétrolier français Limburg.

Жертвы:

Faire 12 morts et 42 blessés, causer la mort de 17 personnes.

Разрушения:

Détruire une cathédrale, endommager une voiture.

Участь нападавших:

Arrêter un collaborateur, interpellier les suspects, offrir une récompense de 25.000 dollars pour tout renseignement permettant l'arrestation, placer en garde à vue au commissariat, mettre en prison.

В информационном сообщении концепт «терроризм» основном реализуется посредством нейтральной лексики и прямых номинаций.

В текстах аналитического характера концепт «терроризм» объективируется иначе. Т.к. по своей сути статьи подобного типа представляют из себя анализ явления, в них актуализируются такие слоты, как

– *причины террористической деятельности* (la pauvreté, la haine et la rancœur envers l'Europe, l'absence d'éducation, la jalousie de la liberté et du bien-être de la civilisation occidentale, de mauvais traitements infligés aux musulmans);

– *цели* (semer la terreur, appeler au Djihad, l'inspiration politique et religieuse);

– *противодействие терроризму* (le développement de la vidéosurveillance, la conservation des données téléphoniques et informatiques, alerter l'opinion, la loi antiterroriste),

и часто не получают реализации слоты *время и место, количество жертв и участь нападавших*. Кроме того в текстах аналитического типа используются разнообразные языковые средства такие, как тропы, оценочные или эмоциональные прилагательные, слова, имеющие яркую коннотацию, переименования и др.

Так, *субъекты* часто обозначаются посредством образных средств и перифрастических выражений:

Les forcenés, les egorgeurs islamistes, le réseau islamique – une pieuvre gigantesque, l'ennemi ayant des ramifications, increvable et mythique Al-Qaida, les fanatiques de l'Islam, l'infâme réseau israélitaïn, les prêcheurs de haine.

Вершинный узел *деятельность* часто заполняется образными и оценочными выражениями типа un attentat hideux, une attaque barbare, la barbarie djihadiste, le fléau, quatrième guerre mondiale, une terrible explosion, une action atroce, un bain de sang.

В слот *жестокость* часто входят обобщающие существительные и метонимические выражения, гиперболизирующие масштаб террористической деятельности и ее последствий:

Battre l'Europe en plein Coeur, egorger les Europeens, l'Amerique en pleurs.

Существенную роль в реализации концепта «терроризм» в дискурсе СМИ играет метафора. В современной науке метафоре отводится не только орнаментальная роль. Метафора является одной из категорий когнитивной лингвистики. Когнитивный подход к метафоре связан прежде всего с именами Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Согласно их теории, сущность метафоры состоит в понимании и ощущении одного явления в терминах другого. При этом под явлением понимается не изолированный объект, как в случаях традиционного подхода к метафоре, а целостная картина видимого реального мира, который используется для репрезентации и осмысления объемного и многоаспектного абстрактного явления [10, с. 338].

Опираясь на концепцию Дж. Лакоффа и М. Джонсона, отечественные ученые А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Д.О. Добровольский и А.П. Чудинов развивают теорию концептуальной метафоры и разрабатывают методику построения метафорических моделей на примере политического дискурса.

Так, А.П. Чудинов выделяет следующие признаки метафорической модели:

1) *исходная понятийная область* (сфера-источник) – семантическая сфера, к которой относятся охватываемые моделью слова в первичном значении;

2) *новая понятийная область* (сфера-мишень) – семантическая сфера, к которой относятся охватываемые моделью слова в переносном значении;

3) *типичные для данной модели фреймы*, которые отражают наиболее характерные для исходной понятийной сферы последовательности ситуаций;

4) *относящиеся к данной модели фреймы*, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира и которые структурируют соответствующую понятийную область (концептуальную сферу);

5) *составляющие каждый фрейм типовые слоты*, т.е. элементы ситуации, включающие какой-либо аспект его конкретизации;

6) *компонент, связывающий первичные и вторичные значения*, охватываемые данной моделью, то, что дает основания для метафорического использования соответствующих концептов.

Каждое конкретное метафорическое словопотребление отражает индивидуальные представления отдельного говорящего, но в результате анализа множества таких словопотреблений появляется возможность выделить метафорические модели – своего рода типовые схемы, отражающие специфику национальной ментальности на данном этапе развития общества и социальные представления о концептуальной организации сферы-источника и сферы-мишени метафорической экспансии [11, с. 45–46, 54–55].

Анализ статей, освещающих предметную область *терроризм*, показывает, что наиболее частотными в дискурсе французских СМИ являются такие метафорические модели, как «терроризм – это болезнь», «терроризм – это индустрия», «терроризм – это хищное животное».

В рамках метафорической модели «терроризм – это индустрия» терроризм понимается как производство некоторого товара, реализация которого приносит прибыль. Различные формы террористических актов являются товаром, объекты террористической деятельности выступают к качеству невольных потребителей товара.

Le terrorisme d'aujourd'hui est une industrie florissante.

...l'attentat qui portait le label Al-Qaida.

Le prix que la Grande Bretagne a payé...

Метафорическая модель «терроризм – это болезнь» описывает терроризм в терминах медицины. Террористическая деятельность (ТД) рассматривается как опасное и внушающее страх заболевание (психическое, онкологическое и др.), субъекты ТД страдают от заболевания, объектам ТД это заболевание грозит, поэтому возникает необходимость найти лекарство против этой болезни.

Le terrorisme: quels remèdes?

...pour arrêter le grossissement démesuré du phénomène Al-Qaida.

L'activité des forcenés qui... provoque le psychose anti-arabe.

Терроризм сегодня воспринимается как варварское, античеловеческое явление. Поэтому в дискурсе СМИ терроризм часто представлен как живое, но нечеловеческое существо. Отсюда такие обращения к таким сферам-источникам, как хищный животный мир, растительный мир, мифология.

Метафорическая модель «терроризм – это хищное животное» представляет субъектов терроризма в качестве хищников, жертвами которого являются субъекты ТД. Хищник внушает жертве страх. Противостояние терроризму осмысливается как охота на хищника:

...les étrangers, proie privilégiée des terroristes.

...sortir des employés des griffes des ravisseurs.

La chasse aux terroristes n'a pas donné de résultats attendus.

Le réseau terroriste, la pieuvre gigantesque...

Метафорическая модель «терроризм – это растительный мир» представляет терроризм как сорное растение. Государства-объекты ТД выступают в качестве садовников. Чтобы избежать гибели сада хороший садовник вырывает сорняки с корнем.

Il faut agir sur les racines du terrorisme.

...déraciner l'islamisme de son sol.

В дискурсе СМИ терроризм часто бывает представлен фантастическими и мифическими образами такими, как un spectre obsédant, la boîte de Pandore, un monstre, l'hydre.

Нередко используется метафорическая модель «терроризм – это театр», отсюда использование лексического поля *teatp*:

les principaux acteurs de l'attentat, le metteur en scène du spectacle monstrueux.

Анализ статей, описывающих предметную область *терроризм*, показал, что концепт «терроризм» получает неодинаковую реализацию в текстах разной жанровой направленности, что позволяет говорить о необходимости интегративного подхода к дискурсу СМИ при изучении того или иного концепта.

Библиографический список

1. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – №4.
2. Кравченко А.В. Методологические основания когнитивного анализа значения // Когнитивный анализ слова. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. – С. 8–32.
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.
4. Бодырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2000. – 123 с.
5. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
6. Мегрובה Э.Г. Фрагмент семантического пространства дискурса о России: «Государственная власть – Олигархи» // Культурно-языковые контакты: сб. науч. тр. Вып. 7. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2002. – С. 107–115.
7. Харитончик З.А. Способы концептуальной организации знаний // Язык и структура представления знаний. – ИНИОН РАН, 1992. – С. 98–123.
8. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 151.
9. КСТК – Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М., 1990.
11. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург: УГПУ, 2001. – 238 с.
12. Иллюстративный материал www.armee.com, www.lemonde.fr, www.terrorisme.com.

И.О. Сыресина

**РЕГИСТРОВЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ
В ДИАЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Стилистика как наука берет свое начало в античных теориях языка. В «Риторике» Аристотеля (384–322 гг. до н.э.), являющейся родоначальным сочинением по стилистике, риторика (читай: «стилистика») определяется как «искусство находить возможные способы убеждения относительно любого предмета» [1, с. 8]. Как известно, до сих пор не задано четкой общепринятой дефиниции стилистики. Неопределенность выделения этого предмета также восходит к аристотелевой риторике: «Она способна представить убедительным любой предмет; поэтому мы и считаем ее искусством, не имеющим своего, особого рода предмета» [1, с. 9]. По содержанию термина стилистика есть наука о стиле. Самое первое разграничение стилей было представлено именно Аристотелем. Он писал, что в риторике «следует различать три рода речей (читай «стилей»): совещательные (их задача – побуждать (уговаривать) или оправдывать (отговаривать)), судебные (их задача – обвинять или оправдывать) и эпидейктические (их задача – восхвалять или порицать)» [1, с. 14].

В настоящее время проблема определения функционального стиля является одной из остро дискутируемых проблем языкознания. Функционально-стилевую дифференциацию языка связывают со сферами общения, главными из которых являются наука, публицистика и деловое общение. Исходя из этого выделяют соответственно функциональные стили, которые обслуживают эти сферы: научный, публицистический и официально-деловой; выделение данных трех стиливых разновидностей языка является более или менее общепризнанным. По поводу художественной литературы мнения расходятся, и ученые задаются вопросом, является ли язык художественной литературы отдельным функциональным стилем или явлением особого рода. В «стиле» художественной литературы представлены все разновидности языка, в ней мы можем найти свидетельства самых различных функциональных стилей, поэтому ставить ее в одном ряду со всеми другими стилями следует считать неоправданным.

Дискуссия вокруг понятия «стиль» осложнена тем, что одни ученые подходят к стилю как

явлению языка («стиль языка»), другие – как явлению речи («стиль речи»). Представляется, что такое расхождение в подходах является скорее терминологическим, нежели существенным, поскольку обе группы ученых, вычлняя любой стиль как таковой, указывают его устойчивые черты и относят его к соответствующей системе средств выражения. Мы подходим к стилю как явлению языка, определяя его как особую разновидность языка, вычлененную в определенной сфере общения. Говорить «стиль речи» тоже можно, имея в виду языковой стиль, представленный в конкретной речи, в том или ином тексте как «речевом произведении».

В американском и британском языкознании понятию «функциональный стиль» в некотором отношении соответствует термин «регистр» (register), который обозначает серию ситуативных условий, требующих определенного использования формальных языковых средств [8]. Истоки формирования теории регистра восходят к лингвистической концепции Дж.Р. Ферса, дальнейшее свое развитие она получила в трудах М.А.К. Халлидея и других представителей этой школы лингвистики. По мнению М.А.К. Халлидея «регистр» определяют взятые вместе три главных параметра измерения, которые отличают ситуации общения. Эти параметры – предметная область общения, тональность и канал общения (устная или письменная коммуникация, подготовленная или спонтанная речь и т.д.); они-то и определяют область выбираемых значений и соответственно форм, которые используются для их выражения.

Каково бы ни было конкретное разделение стилей в тех или иных лингвистических теориях, два принципа разделения представляются коренными и определяющими. Первый принцип – этический, отражающий межличностные отношения коммуникантов. По этому принципу, выдвинутому еще в классической риторике, выделяются разговорная, книжная и нейтральная речь (ср. ломоносовские «высокий, низкий и средний штили»). Этические стили в современном российском языкознании принято называть «регистрами». Второй принцип разделения стилей – содержательный. Он отражает социальные функции

говорящих и прежде всего их профессии. Такие социально-профессиональные разновидности языка в современном российском языкознании принято называть «функциональными стилями». Мы их будем называть «социальными стилями».

Исходя из вышесказанного, регистровый стиль следует определить как совокупность особенностей языка, отражающих этический аспект общения, а социальный (функциональный) стиль – как совокупность особенностей языка, отражающих социально-деятельностную сферу общения.

Стилевое качество речи задается определенной подсистемой языка. Речь, то есть конкретный текст, строится элементарными ситуативно-тематическими единицами – диктемами, образуемыми из одного или нескольких связанных между собой предложений. Через диктему реализуются четыре функционально-знаковых аспекта речи: номинация, предикация, тематизация и стилизация. Совокупным действием этих аспектов формируется комплекс информации, передаваемой от говорящего (пишущего) к слушающему (читающему).

С точки зрения коммуникативной направленности высказываний-диктем речевые последовательности делятся на монологические и диалогические. Тип связи высказываний в монологе является «присоединительным» или «кумулятивным», в диалоге – «встречным» или «оккурсивным», а само диалогическое единство есть «оккурсема». Именно через диктему реализуется тот или иной регистровый и социальный стиль.

Многие исследователи утверждают, что диалог в том виде, как он представлен в художественной литературе, не тождественен устному, «живому» общению коммуникантов, поскольку наличие авторской целеустановки влияет на обработку и передачу реального процесса коммуникации. Действительно, в художественном дискурсе речевые средства отражают особенности индивидуально-авторской манеры. Автор творчески преобразует процесс коммуникации, расширяя границы использования стилистических приемов, и таким образом усиливает импрессионную составляющую речи героев своих произведений, но делается это для того, чтобы читатели жили вместе с его героями, узнавая в них себя и окружающих их людей, переживали вместе с ними, учились у них. Заинтересовать читателя и вовлечь его в свой мир писатель может лишь говоря о проблемах, которые волнуют его читателей,

описывая события, пережитые или коснувшиеся его читателей. Творческая свобода, фантазия автора художественного произведения ничем не ограничена, писатель «творит» свой мир, так как перед ним не стоит задача достоверной передачи информации, но перед ним стоит задача достоверно передать отношения, которые складываются между людьми, поэтому автор в своих произведениях старается воссоздать реальный мир, в котором он живет, или воссоздать реально существующие отношения между людьми, следовательно можно сказать, что диалог в произведениях художественной литературы – это отражение реальных диалогов в реальной жизни людей.

Речевая деятельность, которую мы рассматриваем в диалогах произведений художественной литературы, – сложное и многогранное явление, дающее представление о речевой деятельности как таковой, являющейся необходимым условием и фундаментальной основой существования человеческого общества. Исследование речевой деятельности не обходится без применения специальных психологических подходов к раскрытию сущности процессов ее организации: закономерности организации речевой деятельности выводятся из анализа реального функционирования единиц и категорий языка в ходе акта общения с учетом социальных и психологических факторов общения.

Социальные и психологические факторы общения, как известно, рассматриваются лингвопрагматикой. Прагматика как аспект лингвистики, изучающий отношение между высказыванием, говорящим и контекстом, ставит в центр внимания не само по себе речевое сообщение, а говорящего человека со всеми свойственными ему характеристиками в момент осуществления речевого действия. Таким образом в данном аспекте анализа, во-первых, демонстрируется социальная значимость стилоформления сообщения, а во-вторых, раскрывается его коммуникативная мотивация. Стилоформление осуществляется в рамках конкретной цели коммуникации. Непосредственную цель коммуникации следует представить как объективный фактор речевого взаимодействия, устанавливаемый после осознания говорящим мотивов вступления в речевой контакт. Цель предполагает выбор механизмов построения речевого высказывания, который обуславливается, наряду с непосредственными смысловыми интенциями, такими объективными элементами коммуникативного процесса, как ситу-

ативная отнесенность и социальная детерминированность. Сама по себе цель высказывания может быть многоаспектной. Рассматривая коммуникативные ситуации по признаку цели вступления в диалог, Л.Я. Киселева распределяет эти цели по следующим типам: информативная, побудительная, эмоционально-оценочная и контактная. Реализация информативной цели направлена на пополнение информационного фонда адресата; побудительная цель задает участие адресата в изменении окружающего мира, побуждает его к реакции на содержание высказывания; эмоционально-оценочная цель направлена на выражение говорящим своего отношения к миру, апеллируя при этом к мнению адресата; контактная цель направлена на установление или поддержание межличностных отношений между участниками коммуникативного акта [6].

Социальные отношения коммуникантов непосредственно отражаются на регистровом стиле речи. При рассмотрении коммуникативных ситуаций по социальному признаку необходимо различать случаи, когда диалог протекает между близкими или малознакомыми людьми, между ровесниками и людьми разными по возрасту, между сотрудниками или начальниками и подчиненными, между соотечественниками и людьми разных стран, между участниками одного пола и разных полов. Обобщая, однако, все множество возможных ситуаций, можно свести их к двум основным типам: 1) коммуниканты находятся в условиях сравнительно равных отношений; 2) коммуниканты состоят в отношениях неравенства.

Участники диалогов, которые имеют неравный социальный статус, строят свои отношения по принципу «начальник – подчиненный». Такие диалоги относятся к повышенному регистру. Это типичные разговоры начальников и их секретарей, начальников и их подчиненных. Руководствуясь классификацией композиционно-речевых форм сложных диалогических единств, выделенных М.Я. Блохом и С.М. Поляковым, такие диалоги мы будем относить к диалогу – побуждению. В лингвистическом понимании побуждение соотносится с одним из трех коммуникативных типов предложения – с побудительным. Оно определяется как «предложение со значением волеизъявления, побуждения к действию; сказуемое побудительного предложения обычно выражается глаголом в повелительном наклонении» [2, с. 326]. В семантическом поле «побуждение» вы-

деляются три области: просьба, инструкция, приказ. Эти семантические подсистемы побуждения различаются разной степенью повелительности, или императивности. К инструкциям относятся указания, советы, предложения, приглашения, то есть такие побудительные высказывания, которые менее императивны, чем приказы [8, р. 131] и более императивны, чем просьбы. Основным коммуникативным типом предложения в диалоге, в котором выражается инструкция и реакция на нее, будет побудительное и повествовательно-побудительное предложение; среди инструкций встречаются повествовательные и вопросительные предложения, однако в центре коммуникации всегда находится побудительное предложение [5, с. 116]. В диалогах повышенного регистрового стиля повелительное предложение является основным коммуникативным типом предложения. Реплики коммуникантов, занимающих более высокое социальное положение, могут также содержать и запросы информации, выражаемые вопросительными предложениями.

Например:

Secretary: “Good morning, Mr. Hansen.”

Mr. Hansen: “I’ve got a special project this morning that’s going to keep me tied up. If any call is truly urgent, patch it though. Otherwise hold all calls until ten-thirty, okay?”

Secretary: “Sure thing, Mr. Hansen.” [11, p. 132]

В данном диалоге в двух последних репликах Мистера Хансена инструкции-указания выражены повествовательным сложноподчиненным предложением с придаточным условным и повелительным предложениями. Повествовательное предложение создает необходимый фон высказывания, коммуникативный центр единства находится, тем не менее, в побудительном предложении. Реплики секретаря содержат приветствие и ответную реакцию на полученные указания, то есть выполняют только фатическую (контактоустанавливающую) функцию. Повторяющаяся формула уважительного обращения (Мг. ...) отражает официальную учтивость говорящего.

Диалогическая речь отличается от монологической в том плане, что семантическая структура диалога является результатом общения двух коммуникантов. Учитывая этот факт, можно классифицировать сложные диалогические единства с точки зрения характера участия коммуникантов в раскрытии темы диалогического единства. М.Я. Блох и С.М. Поляков по принципу того, ка-

кой вклад в развитие темы и установление семантической связности единства вносят высказывания, принадлежащие разным участникам диалога, разделяют все сложные диалогические единства на три группы:

1. Сложное диалогическое единство, оба коммуниканта которого активно участвуют в раскрытии темы единства.

2. Сложное диалогическое единство, тема которого развивается в высказываниях лишь одного коммуниканта. Такое диалогическое единство было названо сложным диалогическим единством с односторонней организацией.

3. Квазидialog – полное несовпадение тематических планов коммуникантов [5, с. 40].

Приведенный выше пример относится к сложным диалогическим единствам с односторонней организацией. Коммуникативный центр таких единств будет заключен только в репликах участников, занимающих более высокое социальное положение. Речевая деятельность коммуникантов, занимающих более низкое социальное положение, выполняет функции сигнализации наличия контакта и выражения согласия и несогласия. Эти функции носят нетематический характер, то есть такие высказывания практически не участвуют в развитии темы в смысле сообщения новой фактуальной или интеллектуальной информации. Такие диалогические единства с односторонней организацией относятся к повышенному регистровому стилю.

К повышенному регистровому стилю относятся диалоги-объяснения, участники которых имеют неравный социальный статус. Цель вступления в диалог этого типа – информативная (либо сообщение информации, либо получение информации). Реплики участников с более низким социальным статусом содержат запрос информации, эти реплики обычно представлены одним вопросительным предложением. Высказывания коммуникантов, занимающих более высокое социальное положение, представляют собой ответ-объяснение, обычно содержащее несколько предложений. Данные сложные диалогические единства нельзя отнести к диалогическим единствам с односторонней организацией, так как большая часть их высказываний являются тематически значимыми.

К диалогам повышенного регистрового стиля относятся такие диалоги, в которых основное влияние на использование повышенного регист-

рового стиля оказывает сообщаемая информация и ситуация общения.

Например:

Keith Bakersfeld: 'Trans America Two, your course and descent look fine. There is medium to light snow on runway. Wind northwest, thirty knots. You are number one to land.'

Vernon Demerest: 'Lincoln approach control, we have the runway in sight.'

Keith Bakersfeld: 'Roger, Flight Two. The tower clears you to land; monitor their frequency when ready. Good luck, and out.'

Vernon Demerest: 'Thank you.' [10, p. 469]

Диалог включает два простые повествовательных-отзывных диалогических единства. В вызывных репликах этого диалогического единства, выраженных побудительными предложениями, передается инструкция, по которой должны действовать пилоты самолета, в отзывных репликах пилота содержится подтверждение, что информация принята.

Диалоги, участники которых имеют равный социальный статус, имеют более сложное синтаксическое строение и разнообразное регистровое оформление. Оба коммуниканта таких диалогов могут являться активными участниками, соответственно формируя собственно двусторонние диалоги. Подобные диалоги нередко принимают форму обсуждения. Обсуждение, как известно, может быть комплементарным и конкуритивным, что определяется соотношением интенций собеседников. Комплементарный диалог характеризуется дефицитом информации, эмоций и т.п. у одного из партнеров и естественным намерением этого партнера восполнить имеющийся дефицит; в конкуритивном диалоге наблюдается конкуренция мнений и стремление партнеров одержать верх в этой борьбе.

Приведем пример конкуритивного диалога:

Coleman: 'Yesterday afternoon I told both serology technicians that I planned to make occasional spot checks of laboratory work. Early this morning I did make one such check. I intercepted a patient's specimen before delivery to the serology lab and divided the specimen into two. I then added the extra sample to the listing on the requisition sheet, showing it as an extra test. Later, when I checked, I found that Mr Bannister had recorded two different test results when, of course, they should have been identical.'

Pearson: 'What the devil do you mean by this?'

Coleman: 'What do I mean by what, Dr Pearson?'

Pearson: 'You know damn well what I mean! I mean by making lab checks – without my authority.'

Coleman: 'Do I really need your authority? For something routine like that?'

Pearson: 'Any time I want lab checks I'll order them.' [9, p. 106–107]

Коулмена пригласили в больницу на должность, которую сейчас занимает Пирсон, так как Пирсон не справляется со своей работой, и его методы работы уже устарели, но он этого не хочет признавать, и не желает отдавать свои полномочия более молодому врачу, который превосходит его в профессиональном плане. Коулмен стремится подтвердить свой социальный статус и вынужден сомневаться в профессионализме Пирсона. Пирсон не может привести убедительных аргументов по поводу действий Коулмена, его высказывания весьма экспрессивны, когда он стремится доказать свою правоту эмоциями, переходя на сниженный регистровый стиль (*What the devil do you mean by this? You know damn well what I mean!*) По цели вступления в разговор диалог можно считать эмоционально-оценочным, с большим количеством восклицательных и вопросительных предложений. Мы также находим здесь переспрос, который указывает на расхождение пресуппозиций коммуникантов; такой переспрос является одной из отличительных черт компетитивных диалогов, в которых наблюдается снижение регистрового стиля, использование которого вызвано несовпадением точек зрения, вследствие чего их высказывания (упреки) содержат эмоционально окрашенные конструкции и стилистически сниженные слова.

В диалогах, которые непосредственно отражают социально-профессиональную принадлежность коммуникантов, очень часто наблюдается обсуждение какой-либо проблемы, с которой сталкиваются собеседники, или фактов, непосредственно связанных с их профессиональной деятельностью. Коммуниканты таких диалогов-обсуждений строят свои отношения по принципу кооперации.

Подобные диалоги, как правило, относятся к снижению регистровому стилю, соответствующему неформальной обстановке разговора.

Сниженный регистровый стиль, как правило, характеризуется эмоционально-оценочной целью вступления в диалог. Участники таких диалогов могут быть как равностоящими, так и неравностоящими по их социальному статусу.

Итак, регистровые стили перекрещиваются с социальными стилями, а значит в рамках последних возможна не только книжная речь, но и разговорная, что наиболее ярко выражено в диалогической речи. По лексическому оформлению диалога можно судить о его принадлежности к тому или иному социально-профессиональному стилю (то есть выделить сферу профессиональной деятельности коммуникантов), регистровый же стиль выявляется прежде всего в грамматических конструкциях.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Риторика / Перевод О.П. Цыбенко. – М., Лабиринт, 2000.
2. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
3. *Блох М.Я.* Диктема в уровневой структуре языка // ВЯ. – 2000. – №4. – С. 56–67.
4. *Блох М.Я.* Надфразовый синтаксис и синтаксическая парадигматика // Проблемы грамматики и стилистики английского языка. – М., 1973.
5. *Блох М.Я., Поляков С.М.* Строй диалогической речи. – М., 1992.
6. *Киселева Л.А.* Вопросы теории речевого воздействия. – Л., 1978.
7. *Halliday M.A.K.* Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. – London, 1978.
8. *Leech G., Svartvik J.A.* Communicative Grammar of English. – М.: Prosvescheniye, 1983.
9. *Hailey A.* The Final Diagnosis. – London & Sydney, 1975.
10. *Hailey A.* The Airport. – London & Sydney, 1975.
11. *Phodes S.* The Velocity of Money. – N.Y., 1999.

Е.В. Целикова

ОБ ОДНОЙ ПАРОДИИ Д.Д. МИНАЕВА

Статья посвящена рассмотрению одной пародии Д. Минаева на А. Фета. Пародия направлена против основной концепции творчества А. Фета – внесловесного, музыкального принципа «воздействия звуком». С точки зрения Минаева, «звуковой принцип» поэзии, декларируемый Фетом, есть ничто иное, как звучная бессмыслица, и, следовательно, он должен быть обличен как бессодержательный и безыдейный. Далее в статье анализируется сам механизм минаевской пародии, обнаруживающий себя на разных уровнях текста.

В 1863 году, подводя итог 25-летней поэтической работе, А.А. Фет издает двухтомное собрание своих стихотворений. Незадолго до этого, в 1862 году, Фет публикует в «Русском вестнике» адресованные таким же, как он, землевладельцам «Записки о вольнонаемном труде» и очерки «Из деревни», в которых с жесткостью «принципиального помещика» описывает, как надо вести усадьбное хозяйство: взыскивать деньги с нарушителей границ частных владений, налагать штрафы на работников за нерадивость и лень. Очерки эти вызвали негодование всей демократической печати. Общее возмущение коснулось не только публицистики Фета, но существенным образом отразилось и на его поэзии. Своеобразной реакцией на публикацию «Стихотворений» А.А. Фета стали пародийные циклы и фельетоны Д.Д. Минаева. Так, в девятом номере «Русского слова» Минаев публикует статью под названием «Лирическое худосочие (Письма и размышления русского сочинителя, критика и стихотворца, отставного майора Михаила Бурбонова)». В этот фельетон было включено несколько пародий на А. Фета, в том числе на его программное стихотворение «Как мошки зарею» (1844):

Гоняйся за словом тут каждым!
Мне слово, ей-богу, постыло!..
О, если б мычаньем протяжным
Сказаться душе можно было!¹

Пародия эта интересна прежде всего своей «непохожестью» на другие минаевские произведения подобного рода: она крайне компактна, концентрированна и агрессивна. Д. Минаев предвещает пародийный текст небольшим замечанием, характеризующим творчество А. Фета в целом: «Муза г. Фета задалась грациозной работой

подбирать звучные, мелодические слова, которые будучи подобраны вместе, производят эффект своей музыкальностью. Весь процесс ее творчества состоит в том, что она ловит картинные выражения и из них лепит одну общую мозаику, вовсе не беспокоясь о том, будет ли смысл в целом произведении»². Далее Минаев предлагает читателю поупражняться в такого рода поэзии: «Попробуйте составить вместе ряд музыкальных слов, и хотя бы между ними не было никакой связи, но все-таки их музыкальность приятно будет дразнить ваше ухо»³.

Итак, суть язвительных замечаний Д. Минаева сводится в основном к тому, что поэзия А. Фета лишена смысла, бессодержательна. Причины этого он видит, в частности, в особом отношении А. Фета к звуку.

Действительно, для поэзии Фета мелодика, ритмика, строфика, – все, что он понимает под словом «звук» – имеет исключительное значение. Стихотворение «Как мошки зарею» имеет программный характер для поэзии А.А. Фета: в нем отражено понимание автором особой роли звука в стихе. По мнению Б.Я. Бухштаба, «звук» у Фета означает не только звуковую инструментировку <...>, а принцип поэтического творчества вообще⁴.

*Как мошки зарею, / Крылатые звуки толпятся;*⁵ – восклицает поэт. Ключевой образ данного стихотворения – «звук» – сравнивается с роем крохотных мошек, «танцующих» в лучах восходящего солнца, когда земля еще покрыта дымкой тумана, в воздухе веет утренней прохладой, и все вокруг зыбко и эфемерно. И этот мир полутонов и теней – мир, в котором единственно может существовать «мечта»: *С любимой мечтою / Не хочется сердцу расстаться.*

«Любимая мечта» – это творческая интуиция поэта, постигающая мир не эмпирически, не рационально, а с помощью бессознательного инстинкта, вдохновения. Фет считал, что, реализуясь в слове, «мечта» утрачивает нечто главное, то, что слово в полной мере не в состоянии передать в силу своей специфики: слово хотя и полисеманлично, но оно, прежде всего, имеет конкретное значение, – называет явления действительности. Однако, соприкасаясь с действительностью, «мечта» трансформируется в нечто иное,

быть может близкое, похожее, но не тождественное. По мнению А. Фета, смысловая природа слова недостаточно богата, она замкнута в пределах заданных номинацией рамок и не может быть столь же гибкой и многогранной, как звук:

Но цвет вдохновенья
Печален средь будничных терний;
Былое стремленье
Далеко, как отблеск вечерний.

«Будничные тернии» – это реальная, внепоэтическая действительность. Вдохновение же, порождающее «крылатые звуки», бледнеет и угасает, соприкасаясь с будничным, соприкасаясь со словом. Как пишет Б.Я. Бухштаб, «невывразимость чувства словом, «бедность слова» для выражения душевной жизни – одна из основных тем Фета»⁶.

Мысль о том, что можно избежать слова, найти иной, интуитивный путь постижения действительности звучит в последнем четверостишии стихотворения:

Но память былого
Все крадется в сердце тревожно...
О, если б без слова
Сказаться душой было можно!

В стихотворении «Как мошки зарею...» возникает традиционная для литературы и литературоведения проблема: замысел и его воплощение, но решает ее А. Фет достаточно необычно. Замысел (весь спектр чувств и мыслей, «музыкально неуловимых» по своей природе) оказывается богаче воплощения, ибо поэтический текст, считает Фет, ограничен возможностями его словесного выражения. Именно поэтому Б.Я. Бухштаб называет одним из основных принципов поэзии Фета «внесловесный», музыкальный принцип воздействия «звучком»⁷. Действительно, А. Фет стремился в своей поэзии расширить смысловые возможности слова, приблизить его к мелодике. «Муза Фета искала выразительности не столько в превращении слова-названия, слова-знака в слово-представление, слово-образ, сколько в повышенном внимании к звучанию слов», – пишет о музыкальном принципе творчества Фета Д.Д. Благой⁸. Звук у Фета – это «крылья слов»⁹.

Наиболее точное определение манеры описания, внесенной Фетом в русскую поэзию – это импрессионизм. Основным эстетическим принципом импрессионизма является непосредственная передача впечатления от действительности. Импрессионисты создали тип «мгновенного» пейзажа. Они стремились запечатлеть действительность в чем-то неясном и текучем. В импрессио-

низме нет линии, контура или детали, их место занимает «характер», «настроение», «мелодия».

Таким образом, исходя из всего выше сказанного, можно говорить о «фетовском звуке» как о принципиально новой форме изображения действительности. Однако это новаторство А. Фета не оценила демократическая критика 1860-х годов.

В «Искре» за 1863 год было напечатано огромное количество фельетонов, пародий, сатирических заметок, направленных против самого А. Фета и его поэтического творчества в целом. Особенно острые и язвительные пародии, местами переходящие в откровенную грубость, обличали именно звуковой принцип поэзии Фета. На характер пародии Д. Минаева «Гоняйся за словом тут каждым!» во многом повлиял отзыв Н.А. Добролюбова на вышедший в 1859 году сборник пародий «Перепевы. Стихотворения обличительного поэта», где Минаев уже обращался к творчеству А. Фета.

В рецензии на сборник пародий Д. Минаева «Перепевы. Стихотворения обличительного поэта» (1860) Н.А. Добролюбов пишет, что сами по себе стихотворения А. Фета уже пародия и их «иначе никто и не примет, как за написанные насмех (если не предупредить, разумеется, что тут бездна поэтических красот)»¹⁰, именно поэтому поэзия Фета не заслуживает быть предметом пародии. Добролюбов считает целью пародии, прежде всего, *обличение*: «...Совокупность современных поэтов наших лишена страсти и энергии и оттого не может иметь сосредоточенности, а страдает, напротив, разбросанностью, неопределенностью, нерешительностью. Стихи наших новейших стихотворцев – деланные. <...> ...многие и не способны страстно полюбить, но все уверяют, что любят. Вот тут-то и надо ловить и *обличать* (курсив мой – Е.Ц.) их; тут-то и годится пародия»¹¹.

Усвоив замечания Н.А. Добролюбова, мнением которого он чрезвычайно дорожил, Д. Минаев пишет пародию «Гоняйся за словом тут каждым!». Минаев обличает здесь художественный индифферентизм Фета по отношению к общественной жизни и нравственным вопросам через развенчание «музыкального принципа» его творчества, определяемого как бессмысленная и надуманная чепуха. Для Минаева «каждый поэт тоже практический деятель в каждом своем произведении»¹²; для А. Фета понятия «поэт» и «человек» не только не тождественны, но напротив резко различны. В статье 1859 г. о стихотворениях

Ф. Тютчева Фет писал «...вопросы: о правах гражданства поэзии между прочими человеческими деятельностями, о ее нравственном значении, о современности в данную эпоху и т.п. считаю кошмаром, от которого давно и навсегда отделился»¹³. Внесение в искусство животрепещущих вопросов социальной жизни представлялось Фету дискредитацией искусства, своего рода святотатством. Минаев же, напротив, не признавал искусство вне действительности, вне общественной, гражданской проблематики. Поэзия самого Минаева совершенно лишена двуплановости. Его оригинальные стихотворения, написанные в духе «некрасовской школы», в основном, повествуют о судьбе бедняка, крестьянина, о социальном неравенстве, о невыносимом положении народа, о гнет богатых. Тяготение Фета к импрессионизму, к «невыразимому», к «звуку» казалось Минаеву совершенным абсурдом. Отсюда и его неприятие «звукового» принципа творчества А. Фета.

Звук сам по себе, возведенный Фетом на пьедестал, опозитизированный в нескольких его стихотворениях, кажется Минаеву мелочной бессмыслицей не столько важной для хорошей поэзии, поэзии мысли, поэзии идеи. «Какова же идея фетовского стихотворения?» – спрашивает Минаев своей пародией у читателя. Какую мысль, способную «жечь сердца людей», несет стихотворение «Как мошки зарею»? «О, если б, без слова / Сказаться душой было можно!»?! По мнению Минаева, это мелко, неубедительно и, естественно, асоциально. В пародии «звук» подменен «словом», однако гневный тон от этой вольной перестановки ничуть не меньше: *Гоняйся за словом тут каждым! / Мне слово, ей-богу, постыло!..*

Звук и слово для Минаева неразделимы. Они лишь элементы стихотворения, сами по себе, без определенной главенствующей идеи, без темы, они не имеют самостоятельного характера, играют подчинительную роль. Поставленный в сильную позицию начала стихотворения императив передает всю полноту минаевского негодования: Фет «копается» в звуках и словах, не имея при этом ни одной сколько-нибудь стоящей мысли, требующей выражения; для него важны лишь «звучные мелодические слова» – они составляют самоцель его поэзии. Чтобы вскрыть всю абсурдность фетовской лирики, несостоятельность «звукового принципа» его творчества Д. Минаев сравнивает стихотворение А. Фета с мычанием: *О, если б мычаньем протяжным / Сказаться душе можно было!*

Минаев проводит аналогии между мелодикой стихотворения Фета и «протяжным мычаньем» коровы: и Фет, и корова оба издают звуки в равной степени бессмысленные и непонятные для обычного, «нормального» человека.

У Фета «звук» возникает лишь потому, что художественный идеал погибает от соприкосновения со словом: «Но цвет вдохновения / Печален средь буднишних терний». Для Фета второстепенна сама природа звука, для него важно лишь то, как звук передает поэтический замысел. «Звук – это материал, который должен быть эстетически использован; его природа менее существенна, нежели искусство художника, умеющего включить его в гармонию целого»¹⁴. Минаев же, напротив, на первый план выдвигает именно природу звука: «мычание» – звук животного происхождения, и именно он является ядром пародии. Все негативное, абсурдное, чуждое воплощено Минаевым в этой лексеме. Мычание иначе может быть передано с помощью транскрипции, т.е. непосредственно как звуко сочетание [му]. Попробуем рассмотреть природу этого сочетания с помощью теории звукового символизма. Учтем при этом справедливое замечание Е.Г. Эткинда о том, что сам по себе звук не может выражать тот или иной объективный смысл, но «поэтический контекст может семантизировать этот звук в необходимом ему направлении»¹⁵, – что, собственно, и происходит в пародии Минаева. Здесь звук [м] – средоточие абсурда, безыдейной поэзии ради поэзии и бессмыслицы, т.е. всего того, что должно быть подвергнуто жесточайшей критике и обличению. Минаев выбирает контрастом фетовского «звука» «мычание» еще и потому, что это слово абсолютно не соотносимо с представлениями о поэтическом языке. В контексте пародии слово «мычание» приобретает не только негативный оттенок, но маркируется как грубое, низкое.

Как лексема «мычание» организует всю пародию, так звук [м] имеет центральное значение для самой лексемы. В работах по теории звукового символизма существует целый ряд субъективных трактовок звука [м]; некоторые из них весьма близки друг другу, объединены общей эмоциональной атмосферой, что в известной степени придает им характер объективности. А. Белый в «Глоссолалии» (1917) дает такое понимание звука [м]: «М – жидкое, теплое, что присуще животным, животная мудрость»¹⁶. В трактовке К. Балмонта «М – первый основной звук закрытого

человеческого рта. М – мучительный звук глухонемого, стон сдержанной, скомканной муки»¹⁷. Эти, казалось бы, совершенно разные характеристики одного и того же звука, имеют, на наш взгляд, нечто общее: невозможность говорить. И «что-то животное» у А. Белого, и «звук глухонемого» у К. Бальмонта – это, по сути, только звуки, но не слова: животное и глухонемой не способны на речь. Но если нет материализации мысли, нет слова, нет речи, то, по мнению Минаева, нет и самого поэта, ибо поэт пишет не для себя, а для читателя, для аудитории, поскольку именно он является выразителем общественного настроения и мнения. Это положение «работает» и в пародии Д. Минаева. Механизм таков: А. Фет заявляет о «немой речи», т.е. о «внесловной передаче душевных состояний»: «О, если б, без слова...», Минаев же реализует, конечно, по-своему, это заявление Фета, предлагая своеобразную альтернативу: «О, если б мычаньем протяжным...». Д. Минаев осуществляет стремления А. Фета со строго определенной целью, имеющей в основе своей элементы дидактизма. Пародист делает попытку объяснить идейному противнику всю несостоятельность защищаемых им постулатов. Это хорошо видно из сопоставления двух последних строк пародии и текста-источника:

А. Фет: *О, если б, без слова / Сказаться душой можно было!*

Д. Минаев: *О, если б мычаньем протяжным / Сказаться душе можно было!*

Эти две строчки весьма похожи, Минаев, несомненно, стремится здесь к узнаванию, однако он сознательно искажает вторую часть строки, которая является лишь слегка измененной цитатой из Фета. Прежде всего, обращает на себя внимание различие в падежном употреблении слова «душа». У А. Фета существительное «душа» употреблено в творительном падеже, а у Д. Минаева – в дательном. Второе различие – это перестановка местами элементов составного сказуемого: «было можно» у Фета и «можно было» у Минаева. В чем же смысл всех этих вариаций?

Обратимся к различию в выборе падежей. Дополнение «душой» поставлено Фетом в творительный падеж; таким образом, душа здесь является «инструментом» с помощью которого должно осуществиться действие («сказаться»), т.е. синтаксема «душой» входит в смысловые рамки инструментива. Согласно «Синтаксическому словарю», в инструментив входят «конкретно-пред-

метные имена со значением орудия действия и более широкого круга – со значением средства действия»¹⁸. Таким образом, А. Фет говорит о бессловесном высказывании, которое может быть осуществлено посредством души, питаемой «бессознательным инстинктом», т.е. вдохновением. Перед нами возникает что-то сродни медитации, а ведь другим важным принципом лирики А. Фета и является ее медитативность.

Минаев ставит дополнение «душа» в дательный падеж и таким образом дает понять, что все предыдущие три строки его пародии имеют непосредственного адресата. «Сказаться душе...» – что за «душу» имел в виду Минаев? Очевидно, существительное «душа» употреблено здесь Минаевым не в значении «внутренний мир», а скорее в значении более конкретном: душа – т.е. человек, адресат пародии, непосредственно сам А. Фет. Согласно «Синтаксическому словарю», синтаксема «душе» входит в семантическое поле дательного адресата и имеет значение «адресата-получателя информации при глаголах информативно-речевого действия»¹⁹. Выше уже говорилось, что пародия Минаева имеет своей целью не только обличение и дискредитацию, но вместе с тем и своеобразный дидактизм, стремление пояснить и незадачливому поэту, и аудитории, в чем состоит истинное назначение истинной поэзии. Таким образом, варьируя фетовскую цитату (заменяя падеж), Минаев вступает в диалог с читателем и может свободно декларировать свои идеи. Отношения адресант-адресат позволяют Минаеву привнести в пародию элемент эпистолярности, а вместе с ним и свойственную этому жанру эмоциональность и откровенность. Читая пародию, нельзя не обратить внимание на наличие одних побудительных предложений, которые иллюстрируют нам состояние внутреннего мира пародиста, показывают, насколько важны для него затронутые им в пародии вопросы. В силу особенности жанра, да и самой личности Д. Минаева эмоциональность носит у него несколько агрессивный характер.

Кроме того, Минаев меняет местами элементы составного сказуемого: фетовское «было можно» трансформируется в пародии в «можно было». Мы видим, что у Д. Минаева доминирует семантика возможности, она наполняет пародию духом уверенности и «реального» подхода к делу поэзии, в противоположность А. Фету, у которого все воспринимается лишь на уровне мечты

или желания, полутонов и оттенков.

Создавая пародию «Гоняйся за словом тут каждым!», Д. Минаев стремился показать несостоятельность фетовского отношения к слову, а, следовательно, и его поэтического новаторства.

Примечания

- ¹ Русское слово. – 1863. – №9. – С. 26.
- ² Русское слово. – 1863. – №9. – С. 27.
- ³ Русское слово. – 1863. – №9. – С. 27.
- ⁴ *Бухштаб Б.Я.* А.А. Фет // Фет А.А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., руд. и прим. Б.Я. Бухштаба. – Л., 1937. – С. XX.
- ⁵ *Фет А.А.* Стихотворения. – М., 1970. – С. 109.
- ⁶ *Бухштаб Б.Я.* А.А. Фет... – С. XX.
- ⁷ Там же. – С. XXIII.
- ⁸ *Благой Д.Д.* Мир как красота. О «Вечерних огнях» А.А. Фета. – М., 1975. – С. 69.
- ⁹ Там же. – С. 70.

¹⁰ *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений. В 3 т. – М., 1952. – Т.3. – С. 604.

¹¹ Там же. – С. 606–607.

¹² Цитата по книге: Поэты «Искры» / Вступ. ст., подгот. т. и прим. И.Г. Ямпольского. В 2 т. – Л., 1955. – Т. 2. – С. 31.

¹³ *Фет А.А.* Стихотворения Федора Тютчева // Фет А.А. Сочинения. В 2 т. – М., 1982. – Т. 2. – С. 162.

¹⁴ Цит. по: *Эткинд Е.Г.* Материя стиха. – СПб., 1998. – С. 264.

¹⁵ Там же. – С. 264.

¹⁶ *Белый А.* Глоссолалия. Поэма о звуке. – Берлин, 1922. – С. 106–107.

¹⁷ *Бальмонт К.Н.* Поэзия как волшебство. – М., 1916. – С. 256–257.

¹⁸ *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М., 1988. – С. 232.

¹⁹ Там же. – С. 117.

Е.Н. Чепорнюк

СНЫ И ВИДЕНИЯ КАК ФОРМЫ СУБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ В РОМАНАХ В.М. ШУКШИНА

В словесном творчестве возможно противопоставление разных восприятий времени: объективное время, данное в восприятии повествователя, противопоставляется времени субъективно-переживаемому – поток сознания, изображение временной смерти, сна, любого рода инобытия героя. Возможно также противопоставление времени, данного с одной и той же точки зрения: так, биографическому времени жизни персонажа часто противопоставляется особое время испытаний; обычному времени противостоит кризисное, когда автор изображает только решающие события на фоне кратких сообщений о других, связанных с обычным ходом времени.

К субъективному (внутреннему) времени относятся размышления, воспоминания, сны и видения героя. Таким образом, субъективное время в литературном произведении всегда будет связываться с образом персонажа, его характером и внутренним миром.

В своих романах В.М. Шукшин неоднократно обращается к изображению сна либо состояния потери сознания, бреда, видений, забытья с целью раскрыть внутренний мир героя. Таким об-

разом, наряду с «объективным» временем повествования в тексте присутствует «субъективное», связанное только с образом персонажа. Кроме того, обращение к приему сна в романе «Я пришел дать вам волю», вероятно, свидетельствует о попытках В.М. Шукшина отойти от киносценария и воспользоваться эпическими приемами раскрытия характера героя.

Все эпизоды, связанные с размышлениями персонажа, его воспоминаниями, снами и видениями, занимают совершенно особое место в тексте произведения и характеризуются своеобразными временными отношениями. Сюжетное время в этом случае словно замедляет свой ход в тот момент, когда автор обращается к изображению внутреннего мира героя, описанию его сновидений, и вновь убыстряется, когда писатель возвращается непосредственно к действию романа, к сюжету. Это свойство художественного времени было отмечено еще Д.С. Лихачевым: «Художественное время может убыстряться и замедляться, особенно в романе: роман дышит» [3, с. 215].

Такой ход позволяет писателю укрупнить образ персонажа, во всех подробностях проследить

развитие его мысли, а в конечном итоге — он призван помочь раскрыть исторический характер.

То, что герой передумывает за несколько минут или секунд в тексте романа может занимать несколько абзацев или даже страниц, и это вполне закономерно. «Переживания и мысли, в отличие от других процессов, протекают быстрее, чем движется речевой поток, составляющий основу литературной образности. Поэтому время изображения практически всегда длиннее времени субъективного» [2, с. 190]. Изображая ход мысли персонажа в мельчайших подробностях, детально описывая сны, автор акцентирует внимание читателя в первую очередь на особенностях его психологии и характера.

Особую роль в художественном тексте играют сновидения. Рассматривая современное искусство в парадигме сна, Е.Ю. Деготь указывает, что сновидение составляет для каждого человека ближайший опыт «Иного», поэтому «оно легко служит: 1) художнику сознательной мотивировкой Иного, ирреального, фантастического; 2) зрителю — метафорой, объясняющей странность произведения искусства» [1, с. 65].

Каждая культура определила свое отношение к феномену сновидения. Наиболее отчетливо это отразилось в разных видах искусства, в том числе в литературе той или иной эпохи.

В России путь к миру сна и сновидения был проделан с классической последовательностью — от романтического разочарования в реальности, увлечения поэтической метафорой и всеми цветами воображения к символизму и постмодернизму, междутекстовой системе, в которой ряд видимых взаимоотношений влечет за собой другой, тайный ряд смыслов и взаимосвязей.

Кроме того, описание сновидения героя в русской литературе имеет устойчивую традицию, основанную, в свою очередь, на народных представлениях о снах, которые, по замечанию Н.И. Толстого, могут быть сведены к пяти основным положениям:

«1. Сон противопоставляется не-сну, яви, повседневной, обычной жизни.

2. Сон — перевернутая явь, явь наизнанку, оборотная, повседневно не зримая сторона жизни; сон — видимый фрагмент обычно невидимой «параллельной» жизни.

3. Сон как смерть. Сон равносильен смерти. Как смерть, по народным представлениям, не является концом жизни, а лишь переходом ее

в другое состояние, так и сон есть временный переход в другое состояние, в «параллельную жизнь»; сон — своего рода «обмирание».

4. Сон как «тот» свет. Сон — посещение «того» света. Отсюда во сне естественное, как правило, вполне обыденное, общение с людьми, с близкими (обстановка общения, при этом, обычно «как на этом свете»). Сон — это открытие границы между «этим» и «тем» светом.

5. Сон — это также открытие границы между настоящим и будущим и в то же время между настоящим и прошедшим. Отсюда восприятие сна как предсказания, предзнаменования, пророчества, отсюда вера в вещий смысл снов» [5, с. 91].

А. Ремизов одним из первых в книге «Огонь вещей. Сны и предсонье», посвященной русской классической литературе XIX века, указал на использование писателями сна в качестве универсального литературного приема, позволяющего не только раскрыть особенности внутреннего мира героя, но и подчеркнуть связь художественного произведения одного автора с уже существующими или с написанными в будущем книгами других писателей: «Редкое произведение русской литературы обходится без сна. И это говорит за кругозор и память. В снах не только сегодняшнее — обрывки дневных впечатлений, недосказанное и недодуманное; в снах и вчерашнее — засевшие неизгладимо события жизни и самое важное: кровь, уводящая в пра-жизнь; но в снах и завтрашнее, что в непрерывном безначальном потоке жизни отмечается как будущее и что открыто через чутье зверям, а человеку предчувствием; в снах дается и познание, и сознание, и провидение; жизнь, изображаемая со снами, разворачивается в века и до века» [6, с. 194].

А. Ремизов выделяет особую стихию сна, подобную стихии слова, которая объединяет произведения разных авторов и обеспечивает единство русской литературы. Этим и объясняется, по мнению писателя, переключки снов героев Пушкина, Толстого, Достоевского, Тургенева.

Действительно, при более детальном рассмотрении снов персонажей произведений разных авторов можно обнаружить и повторяемость ситуаций, и сходство мотивов, и общность символики. На сегодняшний день в литературоведении существует немало работ, посвященных сравнительному анализу сновидений героев книг тех или иных писателей¹.

Сны в романах В.М. Шукшина выполняют несколько функций.

Сон как отклик сознания на произошедшие события, как реакция на сильное психическое потрясение. В таком сне обыгрываются ситуации из реальной жизни героя. Читатель получает возможность заглянуть в глубины подсознания персонажа, раскрыть истинные мотивы его поведения, узнать о его чувствах и ощущениях. Так, после убийства персидской княжны главному герою романа «Я пришел дать вам волю», Степану Разину, снится «отчетливый красивый сон»: «Стоит будто он на высокой-высокой горе, на макушке, а снизу к нему хочет идти молодая персидская княжна, но никак не может взобраться, скользит и падает. И плачет. Степану слышно. Ему жалко княжну, так жалко, что в пору самому заплакать. А потом княжна — ни с того ни с сего стала плясать под музыку. Да так легко, неистово... как бабочка в цветах затрепыхалась, аж в глазах зарябило. «Что она?» — удивился Степан. — Так же запалиться можно». Хотел крикнуть, чтоб унялась, а не может крикнуть. И не может сдвинуться с места... И вдруг увидел, что к княжне сбоку крадется Фрол Минаев, хитрый, сторожкий Фрол, — хочет зарубить княжну. А княжна зашла в пляске, ничего не видит и не слышит — пляшет. У Степана от боли и от жалости заломило сердце. «Фрол!» — закричал он. Но крик не вышел из горла — вышел стон. Степана охватило отчаяние... «Срубят, срубят он ее. Фро-ол!..» Фрол махнул саблей, и трепыхание прекратилось. Княжна исчезла. И земля в том месте вспотела кровью. Степан закрыл лицо и тихо закричал от горя, заплакал... И проснулся» [8, с. 299–300].

Герой романа «Любавины», Егор, после убийства Марьи тоже видит необычный сон: «Гринька встал и начал кривляться над Егором и все хохотал оглушительно... Егор всмотрелся лучше и увидел, что у Гриньки нет лица. А Гринька подходил все ближе к нему и все хохотал и кривлялся... Егор проснулся от ужаса, охватившего его» [7, с. 285–286].

Такие же безликие люди чудились герою во время его болезни после убийства Яши Горячего: «Мерещились Егору какие-то странные, красные сны... Разнимали в небе огромный красный полог, и из-за него шли и шли большие уродливые люди. Они вихлялись, размахивали руками. Лиц у них не было, и не слышно было, что они смеются, но Егор понимал это: они смеялись. Становилось жутко: он хотел уйти куда-нибудь от

этих людей, а они все шли и шли на него, Егор вскрикивал и шевелился; на лице отображались ужас и страдание» [7, с. 233].

Во сне возникают навязанные реальностью образы и материализуются страх перед карой Господней за пролитую кровь и муки совести. Сон указывает на нравственный потенциал личности, реальность же есть искажение нравственной сути героя. Сон, таким образом, можно рассматривать как возвращение к нравственному состоянию человека. Так или иначе, но главные герои романов В.М. Шукшина обречены на страдания, поскольку их поступки и дела зачастую противоречат, идут вразрез не только с нормами поведения, принятыми в обществе, но и, что еще важнее, с их собственными представлениями о жизни.

В романе «Любавины» сновидения персонажа насквозь символичны, начиная от цветового наполнения и заканчивая причудливыми образами обезличенных живых существ. В.М. Шукшин окрашивает сны героя в красный цвет. Известно, что красный — один из основных символических цветов. Он почти всегда вызывает ассоциации с кровью. Значение красного двойственно по своей природе. Он является символом противоположных, полярных понятий: жизни и смерти, гибели и спасения, преступления и наказания. Возможно, красные сны Егора Любавина есть символ духовной гибели героя, преступившего земной закон, нарушившего одну из заповедей Христа — «Неубий».

Символичен и приход во сне персонажа безликих людей, их кривляние, невыносимо страшный оглушительный хохот или неслышимый, но не менее жуткий смех, приносящие герою невыносимые муки и страдания. Дисгармоничные звуки, неприятные для слуха, гнусавые голоса в литературе традиционно связываются с нечистой силой, вспомнить хотя бы есенинского Черного человека. В романе В.М. Шукшина «Любавины» неестественный смех страшных существ из снов героя напрямую указывает на их происхождение.

Следующую группу составляют так называемые «вещие» сны, то есть предсказание будущего в процессе сновидения.

Под «вещими» понимаются «сновидения, сопровождающиеся передачей информации на экстрасенсорном (минуя обычные каналы чувств) уровне», от обычных они отличаются тем, что сюжет сна, как правило, символически воспроизводит события, которые должны произой-

ти в будущем: «Характерной особенностью вещего сна является осознание человеком его предсказательного значения. Мало того, что вещей сон хорошо запоминается, он, обычно, бывает снабжен как бы «интуитивной меткой», ощущением или впечатлением о том, про что он, на самом деле, снился, какого качества события будущего в нем отражены [4, с. 19].

В.М. Шукшин в своих произведениях неоднократно обращается к описанию вещих снов героев. Использование этого приема позволяет писателю не только раскрыть внутренний мир персонажа, но и показать обусловленность его сознания и поведения сложившимися культурными традициями, выявить мотивы его поступков.

Так, накануне рождения сына Егору Любавину снится странный сон: «Как будто живет он еще у отца... Откуда-то пришел Макар – в папаче, в плисовых шароварах. Веселый. Дал деньги и говорит: «Сбегай возьми бутылку». Пошел Егор к бабке, а там народу – битком набито. Егор стал дожидаться, когда все уйдут. А люди все не уходят. Егор еще подумал: «Макар теперь злится сидит». Потом к бабке-самогоннице вошла Марья, вела за руку какого-то мальчика. Егору сделалось неловко, что она пришла на люди с ребенком. Он подошел к ней и спросил: «Чей это?» И хотел погладить мальчика по голове, а мальчик вдруг зарычал по-собачьи и укусил Егора за руку» [7, с. 220–221].

Сюда же можно отнести и «хороший сон» Емельяна Спиридоныча Любавина накануне торга в Березовке у лукавого татарина «редкого, знаменитых кровей», жеребца, и сон главного героя романа «Я пришел дать вам волю», в котором он с отцом торгует, опять же у татарина, «коня игренева».

В славянской мифологии лошадь ассоциируется с понятиями довольства и богатства. В книге «Я пришел дать вам волю» образ коня из сна персонажа связывается еще и с мотивом выбора пути. В разговоре с пасынком Афонькой Разин именно так и трактует свой сон: «– Видал. Будто мы с отцом моим поехали коня торговать, поглянул на нас обоим один конь, отец мне мигает: «Прыгай и скачи». Я уж и хотел прыгнуть, да подумал: «ну, уеду, а как же он тут?» И проснулся. Даже жалко, что проснулся, – надо бы доглядеть... <...> А сон непростой, чую. Думаю так: вот скочим мы на коней – умахали. А как же вы тут?» [8, с. 153].

Кроме снов для раскрытия характера героя и объяснения мотивов его поступков писатель использует другие «пограничные состояния» со-

знания: бред, видения наяву, или, как определил сам автор, «другое сознание». Такого рода инобытие персонажа наиболее полно представлено в книге В.М. Шукшина о Разине. Причем необходимо отметить, что видения главного героя книги «Я пришел дать вам волю» начались с того момента, когда его стали одолевать сомнения в успехе задуманного дела, тогда же отчетливо проявились и разлад в душе атамана, и вся противоречивость его мыслей и поступков.

Прием сна в данном случае позволил автору наиболее четко и полно прописать характер персонажа и мотивы его поведения: «Удар выхлестнул Степана из сознания. Впрочем, не то: пропало сознание происходящего здесь, сейчас, но пришло другое... Голову, как колоколом, накрыл оглушительный звон. Степан понял, что он лежит и что ему не встать. И он увидел, как к нему идет его старший брат Иван. Подошел, склонился... Что-то спросил. Степан не слышал: все еще был сильный звон в голове. «Я не слышу тебя», – сказал Степан и своего голоса тоже не услышал. Иван что-то говорил ему, улыбался... Звон в голове поубавился» [8, с. 198].

Видения главного героя романа «Я пришел дать вам волю» подчас тоже имеют пророческий характер, являются предзнаменованием происходящих в последствии событий. «Другое сознание» порождает символические образы смерти и бессмертия: «...Вошел Степан в избу, сидит в избе старуха, качает дите. Поет. Степан стал слушать, прислонившись к косяку. Бабка пела:

Бай, бай, да побай,
Хоть сегодня помирай.
Помирай поскорей –
Хоронить веселей.
Тятка с работки
Гробок принесет,
Баушка у свечки
Рубашку сошьет.
Матка у печки
Блинов напекет.
Бай, бай...

С села понесем
Да святых запоем.
Захороним, загребем
Да с могилы прочь пойдем.
Будем исть-поедать
Да Ваню поминать.
Ба-ай...

Что ж ты ему такую... печальную поешь? – спросил Степан.

– Почто печальную? – удивилась старуха. – Ему лучше будет. Хорошо будет. Ты не дослушал, дослушай-ка:

Спи, Ванюшка, спи, родной,
Вечный тебе упокой:
Твоим ноженькам тепло,
И головушке...

– Хватит! – загремел в былую силу Степан. ...Он почти прошептал этот свой громовой вскрик» [8, с. 356–357].

Здесь возникает мотив вечного сна, дарующего покой и умиротворение.

В христианском сознании прочно закрепились мысль о том, что умерший ребенок есть безгрешный ангел, непременно попадающий после земной жизни на небеса. Смерть главного героя, таким образом, сопоставима со смертью младенца, и ему, пострадавшему за правду, заведомо уготована дорога в рай. Смысл песни раскрывается лишь в последнем незаконченном куплете: вместе со смертью приходит желанный покой и вечная память.

Сны и проявления «другого сознания» в романах В.М. Шукшина, как правило, воплощают уже пережитое, передуманное героями либо, имея пророческий характер, являются предсказанием будущих событий. Такие формы времени четко противопоставлены в романах писателя объективному ходу событий. Через изображение автором снов и видений персонажей читатель не только получает возможность открыть для себя внутренний мир героев, заглянуть в глубины их подсознания, но и знакомится с мировоззрением художника, его жизненными идеалами и ценностями.

Примечание

¹ См., например: Михайлов А.И. «Головы наши подарила судьба палачу...» Сны Николая Клюева // Литератор. – 1991. – №13. – С. 8; Неча-

енко Д.А. Сон, заветных исполненных знаков. – М.: Юр. лит-ра, 1991; Нечаенко Д.А. Художественная природа литературных сновидений (Русская проза XIX века): Автореф. дис. ... канд. наук. – М., 1991; Славина О.Ю. Поэтика сновидений (на материале прозы 1920-х годов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1998; Топоров В.Н. Странный Тургенев (четыре главы). – М.: РГГУ, 1998.

Библиографический список

1. Деготь Е.Ю. Оптика сновидения. Современное искусство в парадигме сна // Сон – семиотическое окно. Сновидение и событие. Сновидение и искусство. Сновидение и текст. XXVI-е Випперовские чтения / Под ред. И.Е. Даниловой. – М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 1993. – С. 65–73.
2. Есин А.Б. Время и пространство // Введение в литературоведение / Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высш. шк., 2004.
3. Лихачев Д.С. Поэтика художественного времени // Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М., 1979. – С. 182–197, 209–334.
4. Мхитарян К.Н. Реальность сновидения; свидетели сновидений // Сон – семиотическое окно... – С. 18–23.
5. Толстой Н.И. Славянские народные толкования снов и их мифологическая основа // Сон – семиотическое окно... – С. 89–95.
6. Цит. по: Паламарчук П.Г. «Огонь вещей» Алексея Ремизова // Паламарчук П.Г. Москва или Третий Рим?: Восемнадцать очерков о русской словесности. – М.: Современник, 1991. – С. 193–198.
7. Шукшин В.М. Любавины // Собр. соч.: В 5 т. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 1992. – Т. 1. – 542 с.
8. Шукшин В.М. Я пришел дать вам волю // Шукшин В.М. Собр. соч.: В 5 т. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 1992. – Т. 2. – С. 5–360.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

ЧТЕНИЕ И АНАЛИЗ РАССКАЗОВ Д.Г. ЛОРЕНСА (АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК):
учеб.-метод. пособие / Сост. Е.В. Зимина, Е.Л. Мураткина; рец. И.А. Жарова. –
Кострома: КГУ, 2006. – 38 с.

Пособие предназначено для занятий по чтению и анализу художественного текста на 3-4 курсах факультетов иностранных языков.

О.А. Чистякова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» В 90-ЫЕ ГОДЫ XIX ВЕКА

(На примере статьи З.А. Венгеровой «Анатоль Франс»)

Преамбула. Творчество Анатolia Франса удачно сочетает традиции национального духа с индивидуальными свойствами таланта. Мы попытаемся проследить особенности миросозерцания и стиля писателя, а также узнать больше о русской литературной критике конца XIX – начала XX века, представителем которой является Зинаида Венгерова.

Одной из наиболее ярких фигур, представляющих литературную критику русского либерального журнала «Вестник Европы» в 1890-е годы была Зинаида Афанасьевна Венгерова. Являясь постоянным автором данного издания, Венгерова с 1893 по 1908 год вела рубрику «Новости иностранной литературы», где публиковались ее критико-биографические очерки, посвященные творчеству виднейших представителей западноевропейской литературы, что отвечало целям журнала, ориентированного на западноевропейскую культуру. Сама Венгерова главными задачами своих публикаций считала две: выявить духовные ценности современной западной литературы, а также показать духовную связь творческих процессов, происходящих в России и на Западе. В этот период в «Вестнике Европы» были опубликованы следующие литературно-критические статьи Венгеровой: «Поэты-символисты во Франции» (1891. – №9), «Броунинг и его поэзия» (1893. – №9), «Дж. Мередит» (1895. – №5), «Русский роман во Франции» (1899. – №2) и другие. Интересно, что практически всегда статьи Зинаиды Венгеровой о том или ином зарубежном авторе в качестве заголовка носят его имя: «Дж. Мередит», «Джон Рескин», «Данте-Габриэль Росетти» и другие. В этом плане не стала исключением и статья, посвященная Анатолью Франсу (писателю в то время мало известному русской публике), опубликованная в восьмом номере «Вестника Европы» за 1898 год. На ее примере попытаемся проследить особенности миросозерцания и стиля писателя, выделяющим его среди остальных других авторов.

Статья «Анатоль Франс» имеет подзаголовок «Критический очерк», указывающий, вместе с названием, что работа претендует на целостное рассмотрение художественной деятельности писателя. Следует заметить, что во второй половине XIX века жанр очерка был весьма популярен в русской литературной критике.

Начиная статью с разговора о состоянии современной французской литературы, Венгерова указывает на два типа писателей: «Одни – страстные искатели новизны; они как бы подвели итоги прошлому и отреклись от него, войдя в мир новых ощущений и настроений, переделывая привычки французского ума... Другие – сохраняют здоровое наследие прошлых веков, хотя зачастую повторяют устаревшие шаблоны, произведения их лишены содержания. Однако есть отдельные случаи, когда культурная сила равна стихийной, когда в традиционные формы вкладывается столько свежести и непосредственности таланта, что получается в результате и нечто современное, и воплощающее в себе целые века культурной жизни» [1, с. 731–732]. К последнему типу художников Венгерова относит Анатolia Франса. Тексту статьи свойственны эмоциональность, субъективное начало, что в принципе не характерно для ее литературно-критического творчества. В данном случае они призваны подчеркнуть интерес русского критика к рассматриваемому писателю. Особенностью Венгеровой-критика была объективность, своего рода академизм стиля, близкий научному исследованию. Порой ее даже упрекали в сухости, отсутствии эмоций. О Франсе Венгерова отзывается с теплотой: «Из всех французских писателей последних десятилетий он (Франс) наиболее искусно воплотил эстетизм нового типа, почерпнутый им из глубины национального духа... Обаяние Анатolia Франса заключается в том, что творчество его вполне самобытное» [1, с. 732]. Венгерова называет и такие особенности Франса-писателя, как оригинальность мыслей, предпочтение чувств и инстинктов теориям, возвращение к традициям средневековых рассказчиков, остроумность и т.д. Венгерова уверена, Анатоль Франс – самобытный художник, миросозерцание которого во многом связано со спецификой самого национального характера французов: «Благодаря этому сочета-

нию, оригинальности и традиционности, Анатолий Франс наиболее национальный из своих современников, наиболее родной и близкий своим соотечественникам, и в сущности наименее оцененный за пределами Франции писатель» [1, с. 731–732]. Говоря о репрезентативности фигуры Анатолия Франса для французской литературы, Венгерова сравнивает его с одним из «самых национальных» [1, с. 732] французских писателей – Лафонтеном. Так же, как великий баснописец, считает критик, Франс понят только в своей стране и труднодоступен для иностранных читателей, поскольку воплотил все свойства и качества французской натуры. Для Венгеровой иноязычный писатель всегда интересен и как представитель своей национальной культуры; поэтому она пытается представить героя очерка русской читающей публики с разных сторон. Автор статьи приводит не только его биографические данные («сын книгопродавца и коллекционера; рано начал литературную деятельность, публиковался в различных газетах и журналах как критик и публицист, прежде чем стал писать чисто художественные произведения; в 1896 году был выбран в члены академии, пр.» [1, с. 734]), но и дает возможность читателю увидеть его внешний облик: «Судя по последним портретам его, это человек с чрезвычайно умным, оживленным лицом, узкими, несколько насмешливыми глазами, скорее тип человека, в котором преобладает умственная жизнь над порывами чувства. Очень плотные черты лица, крупный нос говорят об эпикурейском отношении к жизни...» [1, с. 734]. Известно, что Венгерова любила насыщать статьи биографическими подробностями, пересказом содержания разбираемых произведений, что свидетельствует о том, насколько основательно подходит критик к описанию избранного объекта.

Венгерова считает, что Анатолий Франс, совершенно новый для Франции тип писателя и в то же время усвоивший ее лучшие традиции. В чем же заключается новаторство его произведений? Критик убеждена: Франс «прошел через всю сложность вековой культуры, и готов наслаждаться всем, что развлекает его изощренный, иногда извращенный, иногда простой до наивности вкус, ... знает цену метаний и смятений духа и сохраняет среди всех неожиданностей жизни снисходительную улыбку философа. Он рассматривает жизнь как любопытствующий зритель, для которого все одинаково интересно. Он ищет во всем наслаж-

дение для разума, а чувствам его одинаково дороги все проявления бытия» [1, с. 735]. Венгерова пытается понять специфику Франса-писателя через его философские убеждения, ибо его романы, несомненно, несут философский характер. Рассматривая наиболее значительные произведения Анатолия Франса, она приходит к выводу, что писателя отличает философское мирозерцание, которое заключается в парадоксальном синтезе пессимизма и ощущения радости от всего живущего. Истоки подобного мировосприятия Венгеровой находит в учениях французских философов «отрицателей». К тому же она считает изощренность критического ума – одним из свойств натуры французов. В этом плане Франс, с ее точки зрения, является последователем Ренана, идеолога, «имеющего дело с отвлеченными понятиями...», который живет среди древних памятников, окруженный историческими источниками и озабоченный отвлеченными выводами» [1, с. 736]. Это сопоставление дает ей возможность показать, что скептицизм Франса сложнее и современнее: «Ренан был теоретиком, а Франс – художником. Всеотрицание и вседопущение Ренана стало у Франса источником художественного вдохновения и воплотилось в целом ряде беллетристических произведений на философской подкладке» [1, с. 736]. Венгерова убеждена: чтобы это понять, нужно рассматривать его художественный мир в целом, исторических и современных, относящихся к разным культурным эпохам.

Одни из главных вопросов, который рассматривает Венгерова, – это вопрос о специфике отношения писателя к вере. Самое неожиданное, с ее точки зрения, заключается в том, что язычество у Франса начинает выполнять христианскую роль, а в самом христианстве – согласно его художественной логике – нравственные подвиги сочетаются с непобедимыми слабостями. В этом плане интерес Венгеровой вызывает повесть «Таис», которую она подробно анализирует, замечая, что «Таис» рисует отрицательное отношение Франса ко всем религиозным учениям и вместе с тем «его сочувственное отношение ко всем, кто исповедует эти учения; они его привлекают тем, что так или иначе, торжеством духа или нравственным падением, свидетельствуют о борьбе, составляющей основу духовной жизни и необходимо нужной для того, чтобы воплотилась в людях божественная тайна» [1, с. 737]. Венгерова обстоятельно анализирует сюжет, конфликт,

характеры героев. Он пишет о том, что Франс изображает центр эпикурейской и скептической философии последней эпохи греко-латинской культуры, то есть Александрию IV века и отшельническую жизнь обитателей Фиваиды. Наибольший интерес для Венгеровой (и в этом она видит главное художественное открытие автора) представляет психологическая борьба в душе главного героя, Пафнуция, благочестивого отшельника, в душе которого борются земные чувства и религиозный фанатизм. В то время как любимую им женщину томит пресыщение радостями жизни. В результате, казалось бы, одно и то же чувство – любовь – приводит аскета к безумию, а куртизанку – к суровой монастырской жизни и к религиозному экстазу. С одной стороны, как показывает критик, Франса интересуют красота и торжество земных чувств, с другой – томление духа, вступающее с ними в борьбу. В Пафнуции силен религиозный мотив, и так же сильна человеческая страсть. Новизна психологического замысла Франса заключается в том, показывает Венгерова, что обе страсти не знают одна другую, что дух и плоть не побеждаются взаимно, а одинаково сосуществуют. Для Франса, приходит к выводу русский критик, нет ничего удивительного в том, что куртизанка Таиса кончает жизнь как святая, в то время как праведный монах настолько ослеплен своей плотской страстью, что даже в минуту смерти Таисы помнит только о красоте ее тела. «В победе прекрасной язычницы над добродетельным монахом Франс нашел источник умиления и обильную пищу для ума», – заключает Венгерова [1, с. 739].

По мнению критика, именно в «Таисе» содержится объяснение эстетической составляющей скептицизма Франса, его примиренность с жизнью. Стремясь быть доказательной, она постоянно цитирует текст: «Я в самом деле скептик, мой друг, и принадлежу к секте, которая мне кажется достойной похвалы, между тем как ты считаешь ее смешной, ибо те же вещи могут быть различны. Пирамиды в Мемфисе при утренней заре кажутся конусами разного цвета. При закате солнца они кажутся черными треугольниками на пылающем небе. Но кто может понять их истинную сущность? Ты упрекаешь меня в том, что я отрицаю видимое, а между тем, видимое – та единственная действительность, которую я признаю. Солнце мне кажется сияющим, но природы его я не знаю. Я чувствую, что огонь жжет, но не знаю, ни почему, ни зачем» [1, с. 740].

Венгерова особенно подробно анализирует тех героев Франса, которые также являются носителями его философии. А вслед за этим – сопоставляет автора и его персонажей. Внутренняя политика Франции, вопросы об армии, правосудии, смене правительства обсуждаются Франсом, который «проводит жизнь со счастливой улыбкой сомнения на устах» [1, с. 741]. Взгляды Франса чрезвычайно, как показывает Венгерова, гуманны и свободны. В шовинистской Франции он решается говорить, что военное ремесло всегда внушало ему отвращение и ужас, потому что оно связано с рабством, ложным честолюбием и жестокостью... Он высказывается против суда, против смертной казни, и говорит о своем недоверии к законам, которые созданы людьми... Однако Венгерова замечает, что Франс примиряется с временным злом. В его философской системе зло также оказывается необходимым, как и добро.

В итоге Венгерова приходит к выводу, что повести Франса состоят из серии философских переживаний «его единственного, меняющего лишь внешние условия жизни героя» [1, с. 759]. Основа произведений, по мысли критика, сводится к «к примирено-скептическому отношению к жизни...», но из этого глубоко национального источника художественный талант, неистощимая фантазия и острый ум Франса извлекают оригинальные красоты и очень современные ложные и тревожные в своей незаконченности настроения» [1, с. 759]. Наконец, оценивая саму стилистическую манеру писателя, критик отмечает, что рассказы Франса «блещут неожиданностью, парадоксальностью мыслей, оттененной изысканной, слегка манерной простотой тона, красноречивой проповедью еретических учений, ослепительной фантастичностью описаний, и все проникнуто поэтической иронией, среди которой распускается изысканный цветок сомнения. Франс отзывается в них на все мимолетные вкусы времени, на все фантазии в науке и в верованиях неустойчивых современников» [1, с. 759].

Своей творческой манерой писатель открывает как путь к вере, так и к отрицанию одновременно. Это философия «примиренного скептика, для которого необходимость контрастов все объясняет и который выше всего ценит тревожность ума, ищущего невозможных конечных целей» [1, с. 760]. Таким образом, как убедительно показывает Венгерова в своем целостном анализе творчества французского писателя, творчество

Анатolia Франса удачно сочетает традиции национального духа с индивидуальными свойствами таланта: «Он весь принадлежит прошлому по образу мыслей; по манере и чуткости художественного темперамента он сродни позднейшим поколениям французских писателей. Его творчество характерно для современной Франции. В нем как будто бы хоронится нечто, навсегда исчезнувшее, распустившееся последним пышным цветом в намеренно архаичных мыслях и образах — но в нем и открывается путь иному пониманию искусства и философии» [1, с. 761]. Эти особенности его дарования не только определяют достойное место Франса в истории французской литературы, но и делают его интересным русскому читателю. Именно в открытии его русскому читателю, очевидно, видела Венгерова свою задачу.

му пониманию искусства и философии» [1, с. 761]. Эти особенности его дарования не только определяют достойное место Франса в истории французской литературы, но и делают его интересным русскому читателю. Именно в открытии его русскому читателю, очевидно, видела Венгерова свою задачу.

Библиографический список

1. Венгерова З.А. Анатолий Франс // Вестник Европы. — 1898. — №8. — С. 731–761.

Ю.Ф. Черногор

О РОЛИ СЛОГОВОГО ВЕСА В ОПРЕДЕЛЕНИИ АКЦЕНТНЫХ МОДЕЛЕЙ СУФФИКСАЛЬНЫХ ДЕРИВАТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Препамбула. *Статья посвящена актуальным вопросам акцентологии английского языка. Рассматривается вопрос об определении местоположения ударения в дериватах с сильными суффиксами. Выдвигается и обосновывается предположение, что постановка ударения в дериватах, образованных посредством сильных суффиксов, обусловлена правилами слогового веса.*

Ударение в английском языке вплоть до настоящего времени обычно характеризуется как свободное, что предполагает почти полную его непредсказуемость. Тем не менее, еще Н.С. Трубецкой писал об ограниченности всякого свободного ударения. С развитием акцентологии с конца 80-х гг. XX века взгляд на английское ударение постепенно меняется: на смену хаотическому набору акцентных моделей и исключений из них приходит стройная, хотя и сложная система.

В статье рассматриваются акцентные характеристики сильного класса словообразовательных суффиксов, — морфем, обуславливающих подвижное ударение в дериватах. Актуальность настоящего исследования продиктована наличием ряда нерешенных вопросов, касающихся деривационного ударения в английском языке. Так, неизвестны факторы, определяющие акцентное поведение сильных суффиксов. Мало изученной до настоящего времени остается обусловленность деления сильных суффиксов на акцентные типы. Целью исследования, давшего материал для настоящей статьи, являлось нахождение основы для деления дериватов с сильными суффиксами на акцентные типы.

Общий список суффиксов, состоящий из 104 морфем, получен при сопоставлении семи перечней суффиксов английского языка зарубеж-

ных и отечественных авторов: Fudge (1984) [3], Marchand (1960) [8], Sheehan (2000) [9], Б.И. Бартков (1984) [11], Р.Г. Зятковская (1971) [12], О.Д. Мешков (1976) [13], Г.П. Торсуев (1977) [14]. В суффиксальный инвентарь английского языка были включены суффиксы, присутствующие, как минимум, в четырех списках из семи. Данная статья отражает результаты изучения акцентных моделей дериватов, образованных посредством 46 сильных суффиксов английского языка. Разделение суффиксов на акцентные классы производилось на основании классификаций, предлагаемых в западноевропейской лингвистической литературе (Fudge [3], Kingdon [6]).

В зарубежной лингвистике известны два основных акцентных класса суффиксов, — влияющие и не влияющие на постановку ударения в дериватах [1, р. 162]. В соответствии с англоязычной терминологией они переводятся как нейтральные и сдвигающие ударение суффиксы (stress-neutral and stress-shifting). Поскольку в отечественной лингвистической литературе нам неизвестны эквивалентные термины для обозначения данных суффиксальных классов, мы будем называть их сильным и слабым классом. Основываясь на западноевропейской лингвистической традиции, им можно дать следующие определения.

Сильные суффиксы — словообразовательные суффиксальные морфемы, определяющие

Таблица 1

Акцентные типы сильных суффиксов

Тип -0	Тип -1	Тип -2	Тип -1/2
-aceous, -aster, -arian, -arium, -ee, -ese, -esque, -ade, -een, -eer -ette, -enne, -ina	-ics, -ic, -ion, -ity, -ify, -ible	-ase, -ate (v*), -cide, -ene, -fy, -ine(a), -ine (n), -ise, -ite, -ose, -tude, -ule, -acy	-ant (a), -ent, -ence, -eme, -oid, -ar (a), -ate (a), -ate (n), -ide, -ive, -ous, -al (a), -an, -id

* Буквами обозначена морфологическая принадлежность дериватов с данным суффиксом: v – глагольный суффикс, а – суффикс прилагательных, n – суффикс существительных.

акцентную структуру образованного с их помощью деривата. Например, все дериваты с суффиксом *-ics* получают ударение на предшествующий суффиксу слог: *mathe'matics*, *lingu'istics*, *pho'netics* и т.д.

Слабые суффиксы – словообразовательные суффиксальные морфемы, не влияющие на акцентную структуру деривата и обуславливающие тем самым сохранение ударения производящей основы. Например, *'activate* – *'activator*, *at'tractive* – *at'tractiveness*, *'human* – *'humanism*.

Как известно, выделяют несколько акцентных типов сильных суффиксов в зависимости от присущих им акцентных характеристик [3; 6]. Одни сильные суффиксы всегда являются ударными (*-esque*, *-een*, *-ese*, *-ade*), другие притягивают ударение на предшествующий им слог (*-ic*, *-ion*, *-ify*, *-ity*), третьи – на второй слог слева от себя (*-tude*, *-ose*, *-ene*, *-cide*), существуют также смешанные группы (*-an*, *-ive*, *-oid*). Классификации сильных суффиксов по акцентным типам можно найти в работах Э. Фаджа [3], Р. Кингдона [6] и др. Мы используем (с незначительными модификациями) цифровое обозначение акцентных типов сильных суффиксов, которое сложилось в западноевропейской лингвистике [6, p. 60]. В таблице (табл. 1) представлены 46 сильных суффиксов, которые распределены по четырем колонкам в зависимости от их акцентного типа. Принадлежность суффиксов сильного класса к одному из четырех акцентных типов устанавливалась по монографиям Роджера Кингдона и Эрика Фаджа ([3] и [6] соответственно), а также по словарям [7] и [10].

Тип -0 включает сильные суффиксы, которые всегда являются ударными (*-esque* в *sculpturesque*, *Japanesque*; *-ee* в *transferee*, *abandonee*; *-ese* в *Portugese*, *commercialese*), **тип -1** обозначает суффиксы, которые притягивают ударение на предшествующий им слог (*-ic* в словах *characteristic*, *cinematographic*, *impressionistic*; *-ion* в словах *realization*,

occupation, *contribution* и другие), суффиксы **типа -2** притягивают ударение на второй слог слева от себя (*-ate* в глаголах *communicate*, *gesticulate*, *illustrate* и др.). Суффиксы **типа -1/2** притягивают ударение либо на предшествующий слог, либо на второй слог слева, в зависимости от фонетического состава последнего слога (*-ous* может притягивать ударение на предшествующий слог (*tremendous*) или на второй слог слева от суффикса (*generous*). Таков и суффикс *-ive*: ср. слова *impressive* и *cognitive*).

Центральным этапом исследования являлось получение ответа на вопрос: чем обусловлена принадлежность сильных суффиксов к определенным акцентным типам? В ходе изучения 46 сильных суффиксов английского языка обнаружилась тесная взаимосвязь акцентных моделей сильных суффиксов и их **слогового веса**.

Кратко остановимся на понятии слогового веса. Термин введен американскими лингвистами Хомским и Халле в 1968 году [2]. Принцип слогового веса предполагает, что определенные фонологические сегменты сильнее притягивают ударение. К таким сегментам относятся долгие гласные, дифтонги, закрытые слоги. В зависимости от долготы слогаобразующего гласного и количества согласных в конце слога по слоговому весу выделяют два типа слогов – **тяжелый** и **легкий**. Термин широко известен в западноевропейской лингвистике и встречается в работах Брюса Хейза [4], Эрика Фаджа [3], Джона Дженсена [5] и др.

Для определения слогового веса релевантными являются: долгота слогаобразующего гласного, позиция слога в слове (конечный / неконечный) и количество согласных в конце слога [3, p. 21–22]. Наличие или отсутствие согласных в начале слога на слоговой вес не влияет.

На основании вышеназванных критериев выделяют два типа слогов по их слоговому весу – **тяжелый** и **легкий**.

Тяжелый слог может иметь следующий состав:

Таблица 2

Взаимосвязь акцентных типов сильных суффиксов и их слогового веса*

Слоговой вес	Ударные суффиксы -0	С ударением перед суффиксом -1	С ударением на втором слоге слева -2	Смешанные -1/2
Тяжелые	-ee, -ese, -esque, -ade, -een, -eer	-ics	-ase, -ate (v), -cide, -ene, -fy, -ine(a), -ine (n), -ise, -ite, -ose, -tude, -ule	-ant (a), -ent, -ence, -eme, -oid
Легкие	-ette, -enne	-ic, -ion		-ar (a), -ate (a), -ate (n), -ide, -ive, -ous, -al (a), -an, -id
Многосложные	-arian, -arium, -aceous, -aster, -ina	-ity, -ify, -ible	-acy	

* Затемнением показаны наиболее репрезентативные группы суффиксов.

1) долгий гласный + любое количество согласных или их отсутствие: trainee, refugeee;

2) краткий гласный + 1 согласный (минимум) для неконечного слога: content;

3) краткий гласный + 2 согласных (минимум) для конечного слога: abstract.

Легкий слог может выглядеть так:

1) краткий гласный + отсутствие согласных для неконечного слога: ob.li.vi.ous;

2) краткий гласный + 1 согласный для конечного слога: generous.

На слоговом весе последнего слога в слове основаны правила постановки ударения в простых словах, разработанные Эриком Фаджем в 1984 году [3].

Согласно этим правилам, место ударения в *простых словах* зависит от слогового веса последнего или предпоследнего слога в слове, а именно [3, p. 29]:

а) если конечный слог слова тяжелый, ударение падает на третий слог с конца: `cu.cum.ber, te`le.pho.nist, `an.te.lope;

б) если конечный слог легкий, то ударение зависит от слогового веса предшествующего слога (второго слога с конца):

1) если второй слог с конца тяжелый, то он ударный: ve`ran.da, spa`ghet.ti;

2) если второй слог с конца легкий, то ударным является третий слог с конца: a`spra.ra.gus, A`me.ri.ca.

Нам представляется, что контрастивная оппозиция тяжелый/легкий слог применима и к суффиксам. Односложные суффиксы также можно

разделить по слоговому весу на тяжелые (-ics – имеет два согласных, -tude – имеет долгий гласный) и легкие (-al, -ive – оба имеют один согласный в конце слова). У многосложных суффиксов можно так же рассмотреть слоговой вес последнего слога (-ity оканчивается на легкий слог -ty).

Мы попытались применить правила постановки ударения для простых слов к суффиксальным дериватам с сильными заимствованными суффиксами. По нашему предположению, понятие слогового веса лежит в основе постановки главного ударения не только в простых, но и в производных словах с сильными суффиксами. Именно этим, на наш взгляд, обусловлено существование различных типов акцентных моделей сильных суффиксов. Распределив тяжелые и легкие сильные суффиксы по их акцентным типам, мы смогли наглядно отобразить эту взаимосвязь (табл. 2).

Тяжелым суффиксам, как нам кажется, соответствует требование правила для тяжелых слогов: «Если конечный слог слова тяжелый, ударение падает на третий слог с конца». Двенадцать тяжелых суффиксов из 24 (что составляет 50%) принадлежат акцентному типу -2 и, в соответствии с правилом, притягивают ударение на второй слог слева от себя: in`gra.ti.tude, si`mi.li.tude, per`so.ni.fy, para`si.ti.cide. Остальные 50% тяжелых суффиксов распределяются между тремя другими акцентными классами: 25% входят в тип -0, 4% составляют тип -1 и 21% принадлежат типу -1/2. Как и простые слова, подчиняющиеся данному правилу (напр. `an.te.lope), рассматриваемые сильные суффиксы потому притягивают ударение на

второй слог слева от них (или третий слог с конца слова), что являются тяжелыми по своему слоговому весу.

Большинству легких суффиксов (9 из 13, что составляет 69%) соответствует акцентный тип -1/2. Этот акцентный тип предполагает, что суффикс притягивает ударение на первый или второй слог слева от себя в зависимости от слогового веса соседнего слога. Такое акцентное поведение легких суффиксов соответствует правилу Фаджа для простых слов. Правило звучит так: Если конечный слог легкий, то ударение зависит от слогового веса предшествующего слога (второго слога с конца). Возможны следующие варианты: 1) если второй слог с конца тяжелый, то он ударный: a`gen.da; 2) если третий слог с конца легкий, то ударным является третий слог с конца: hip`po.ro.ta.mus.

Как видим, это правило соблюдается и для производных слов с легкими суффиксами типа -1/2. В словах, где слог слева от суффикса тяжелый, ударение падает на него: sur`bur.ban, uni`versal, mo`men.tous. В словах, где слог слева от суффикса легкий, ударение падает на второй слог слева от суффикса (то есть третий слог с конца): me`dicinal, sy`no.ny.mous.

Тяжелые ударные суффиксы акцентного типа -0 (-ee, -ese, -esque, -ade, -een, -eer) не соответствуют правилу слогового веса. Можно предположить, что, являясь поздними заимствованиями новоанглийского периода, они больше других суффиксов продолжают испытывать влияние языка-оригинала, то есть французского языка.

Многосложные суффиксы полностью следуют правилам слогового веса: суффиксы -arian (gram`marian), -arium (plane`tarium) являются ударными, т.к. состоят из трех легких слогов; суффиксы -aster (poe`taster), -aceous (her`baceous), -ina (concer`tina) получают ударение на тяжелый слог. Суффиксы -ity и -ible (тип -1) состоят из двух легких слогов, а в суффиксе -ify последний слог тяжелый. Согласно правилу, суффиксы получают ударение на предшествующий им слог: `petrify, pro`fundity, com`patible.

К исключениям относятся 16 суффиксов из 46, то есть 35%. Это восемь вышеупомянутых ударных суффиксов (-ee, -ese, -esque, -ade, -een, -eer, -ette, -enne), три суффикса, требующие ударения на слог слева (-ic, -ion, -ics) и пять тяжелых суффиксов акцентного типа -1/2 (-ant (a), -ent, -ence, -eme, -oid). Наличие исключений обусловлено, на наш взгляд, функционированием, наряду

с фактором слогового веса, других, менее релевантных факторов, которые, тем не менее, оказывают воздействие на процесс формирования акцентных моделей дериватов с сильными суффиксами. К этим факторам мы относим: этимологический и хронологический факторы, наличие фонематических вариантов и диахроническую продуктивность суффиксов.

Таким образом, представляется, что обнаружена зависимость акцентного типа сильного суффикса от его слогового веса: для тяжелых суффиксов характерны типы -0 и -2, большинство легких суффиксов представлены типом -1/2. Это доказывает, что для определения места ударения в суффиксальных дериватах с сильными суффиксами необходимо рассматривать слоговой вес суффикса. По-видимому, акцентное поведение сильного суффикса можно с определенной долей погрешности определить по его слоговому весу, не выделяя специально акцентные типы. В связи с этим можно было бы предложить следующее правило для постановки ударения в дериватах с сильными суффиксами: *при тяжелом суффиксе ударение приходится на второй слог слева от суффикса, а в слове с легким суффиксом ударение падает либо на тяжелый соседний слог, либо (если слог слева легкий) – на третий слог с конца слова.*

Нам представляется немаловажным, что к определению слогового веса сводится постановка ударения как в простых, так и в большинстве производных слов с сильными суффиксами. Это указывает на ведущую роль фактора слогового веса во всей акцентной системе английского языка.

Библиографический список

1. *Benua Laura*. Transderivational identity: Phonological relations between words. Ph.D. Dissertation, U. Mass. – Amherst, 1997. – 269 p. [ROA-259, <http://ruccs.rutgers.edu/roa.html>].
2. *Chomsky Naom and Morris Halle*. The Sound Pattern of English. – New York: Harper & Row, Publishers, 1968. – 470 p.
3. *Fudge Erik*. English word-stress. – London, 1984. – 240 p.
4. *Hayes B.* Metrical Stress Theory: principles and case studies. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1995. – 455 p.
5. *Jensen John T.* Principles of Generative Phonology. An Introduction. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 2004. – 326 p.

6. *Kingdon Roger*. The Groundwork of English Stress. – Longman, 1958. – 224 p.
7. *Lehnert Martin*. Reverse Dictionary of Present-Day English. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopaedie, 1971. – 596 s.
8. *Marchand Hans*. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. A synchronic-diachronic approach. – Wiesbaden, 1960. – 380 p.
9. *Sheehan Michael J*. Word Parts Dictionary: Standard and Reverse Listings of Prefixes, Suffixes, Roots and Combining Forms. – Jefferson, North Carolina: McFarland & Co., Inc., Publishers, 2000. – 228 p.
10. The Concise Oxford Dictionary of Current English. Ninth Edition. – Oxford: Clarendon Press, 1995.
11. *Бартков Б.И.* Количественный деривативный английский языка (300 аффиксов научного стиля и литературной нормы): Препринт / Кафедра ин. языков. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. – 62 с.
12. *Зятковская Р.Г.* Суффиксальная система современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1971. – 187 с.
13. *Мешков О.Д.* Словообразование современного английского языка. – М.: Наука, 1976. – 245 с.
14. *Торсуев Г.П.* Константность и вариативность в фонетической системе (На материале английского языка). – М.: Наука, 1977. – 125 с.

**Научные труды преподавателей,
поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова**

Бочкова Л.М. ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА В ВУЗЕ / Рец.: В.М. Басова, М.А. Милованов. – Кострома: КГУ, 2006. – 111 с. ISBN 5-7591-0787-9.

Проблемы формирования коммуникативной культуры личности студента в вузе рассматриваются с разных теоретических позиций, которые сложились в современной зарубежной и отечественной психолого-педагогической науке. Анализируется опыт факультета физической культуры КГУ им. Н.А. Некрасова по организации воспитательной работы по этому направлению, обосновывается модель социально-педагогического обеспечения этого процесса, его содержание и условия реализации. Предназначается для аспирантов, молодых исследователей этой проблемы, преподавателей и организаторов образовательного процесса на факультете физической культуры.

Цветкова Е.В. РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИЯ: Учеб. пособие / Рец. Н.С. Ганцовская, Т.Е. Никулина. – Кострома: КГУ, 2007. – 91 с.

Учебное пособие представляет собой комплекс материалов теоретического и практического характера, способствующих усвоению теории топонимии и овладению практическими умениями и навыками в работе с региональной топонимией. Пособие предназначено студентам-филологам, может быть полезно учителям гуманитарного направления, краеведам.

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ В СХЕМАХ И ТАБЛИЦАХ / Сост. Н.А. Стефаненко; рец. М.А. Фокина. 2-е изд., перераб. и доп. – Кострома: КГУ, 2006. – 50 с.

Учебно-методическое пособие состоит из двух частей. Первая часть раскрывает кратко некоторые вопросы методики обучения младших школьников русскому языку и литературе в схемах. Во второй части освещены некоторые проблемные вопросы методики, которые даны в таблицах. Материал представлен в сжатом виде, что может помочь студентам обратить внимание на более важные стороны изучения материала, облегчит подготовку к экзаменам. Для студентов заочного отделения, обучающихся по специальности «Педагогика и методика начального образования».

РЕГЕНТ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПРОТОИЕРЕИ МИХАИЛ ФОРТУНАТО: УТРЕНЯ ВЕЛИКОЙ СУББОТЫ В ВОСПРИЯТИИ РЕГЕНТА

Последние службы накануне Пасхальной ночи наполнены особым духовным напряжением, соединяющим в себе переживание Крестного пути Спасителя, Его смерти и погребения с надеждой на грядущее Воскресение. Можно с уверенностью сказать, что события Страстной седмицы и Пасхи составляют вершину годового круга богослужений Православной Церкви. Службы этих дней, сугубо переживаемые всей Церковью, требуют от певчих и регента особо внимательного отношения, как в выборе песнопений, так и в манере их исполнения. Мы рассмотрим одно из последних богослужений Страстной недели, утреню Великой субботы, с точки зрения проблем ее певческого оформления, регентской работы и хоровой подготовки.

Певческую подготовку и оформление богослужения, то есть, осмысление регентом службы, подбор песнопений, предварительную работу с хором на спевках и, наконец, регентское проведение богослужения и решение исполнительских задач в ходе службы – все это можно интерпретировать по-разному. Среди регентов весьма распространен музыкально-профессиональный подход к решению указанных задач. В этом случае, формы, методы и приемы работы над хорошими произведениями, усвоенные в светской исполнительской и музыкально-педагогической практике, практически без изменений используются в богослужебном пении. Привычка видеть конечный результат хоровой работы в концертном исполнении, сказывается и в подходе к церковным песнопениям: регент работает с хором, главным образом, над отдельными «концертными номерами» – неизменяемыми песнопениями Всенощного бдения, Литургии, Праздников, и, так называемыми, «запричастными концертами» различных авторов. Обновление репертуара неизменяемых песнопений становится главным и едва ли не единственным делом регента.

Вместе с тем, существует и иная практика подготовки богослужений и решения задач, сто-

ящих перед регентом и певчими. Она известна нам из опыта знакомства со спевками и службами, проводимыми протоиереем Михаилом Фортунато – клириком Сурожской епархии (Великобритания), регентом митрополичьего хора (кафедральный Успенский собор, Московская Патриархия, Лондон). За почти 40 лет регентского и священнического служения в соборе у отца Михаила сложился свой индивидуальный метод подготовки и певческого оформления богослужений¹. Хор лондонского кафедрального собора отличается рядом особенностей. Это любительский коллектив, в котором лишь небольшое число певчих имеет специальное музыкальное образование. Хор состоит из русских эмигрантов различных поколений, а также – из англичан, пришедших в православие. Богослужение совершается на церковно-славянском и английском языках. Количество певчих на службах колеблется от 5 до 30–35 – в зависимости от дня недели и «степени праздничности» богослужения. Протоиерей Михаил на клиросе является не только регентом, но и уставщиком, псаломщиком, чтецом, канонархом и головщиком. Но, кроме того, он для своего хора – наставник, педагог в церковном пении и церковной жизни. Его хор – не просто коллектив певчих, это еще и «школа воцерковления».

На примере утрени Великой субботы рассмотрим некоторые принципы регентской работы прот. Михаила Фортунато и особенности певческой практики кафедрального собора в Лондоне.

Утреня Великой субботы – одна из последних служб Страстной седмицы. По традиции многих приходских храмов, она совершается в пятницу вечером, либо в ночь с пятницы на субботу². Во многих церквях в пятницу с 14–15-ти часов начинают служить вечерню с выносом Плащаницы³. По мнению К. Никольского, вечерня относится уже к Великой субботе [4]. В. Ильин считает, что переход от Великого пятка к Субботе происходит на стихирах «на стиховне»: в них описываются события Великой субботы – «пребы-

вание Христа плотию во гробе, душой – во аде и победа над ним» [3, с. 67]. Во время пения стихир «Тебе одеющегося светом, яко ризою» совершается каждение Плащаницы, затем, при пении «Благообразный Иосиф» (по «Ныне отпускаеши»), священнослужители поднимают Плащаницу, выносят ее северными воротами и кладут на особое возвышение посреди храма. Вечерня завершается стихирой «Приидите ублажим Иосифа», во время пения которой верующие «поклоняются» и прикладываются к Плащанице. Сразу же после вечерни совершается малое повечерие, основу которого составляет «канон о Распятии Господа и на плач Пресвятой Богородицы» [4, с. 614]. По окончании повечерия начинается утренняя Великой субботы.

Практика лондонского кафедрального собора несколько отличается от общепринятой. Вечерня с выносом Плащаницы и повечерие служатся в четверг вечером (по окончании утрени Великого пятка), а утрени Субботы – в пятницу с шести вечера. Эта практика установлена ради тех прихожан, которые собираются со всех концов Лондона после рабочего дня в единственный в городе храм Московской Патриархии.

Общий смысл Великой субботы сформулирован В. Ильиным следующим образом: «Богослужение Великой субботы есть литургическое сопряжение Пасхи Распятия и Пасхи Воскресения» [3, с. 73]. Другой стороной события является победа Спасителя над смертью и адом. (Эта тема раскрыта во 2 гл. Деяний Апостольских⁴ и Посланиях апостола Павла (1 к Коринфяном, гл. 15)). «Песнопения Великой субботы, которые говорят о таинственном, страшном и радостном событии Сошествия Спасителя во ад, есть древнейшее церковное предание, с самого начала Церкви пребывающее в нерасторжимом единстве с благовестием о Воскресении Христовом» [3, с. 75]. О том же нам повествует и иконография, посвященная Воскресению Христову.

В процессе работы над утреней Великой субботы, то есть в процессе подготовки и в ходе самого богослужения, протоиерей Михаил ставит перед собой и певчими ряд задач. Рассмотрим их последовательно.

1. Одна из главных и первых задач регента – богословское осмысление богослужения в целом и наиболее важных его моментов. Общий смысл Великой субботы, по мнению регента, заключен в следующем: «Суббота – это сошествие Гос-

пода во ад. Это День покоя... Он уже перестал творить чудеса, воскрешать мертвых, перестал учить, Он уже умер и лежит в гробу – ничего не происходит, все спит на земле» [9]. Но Субботний покой – это лишь один смысловой план богослужения. В утрени присутствует также второй смысловой ряд: «нарастание надежды на Воскресение», по выражению отца Михаила. «Нарастает ожидание Пасхи..., нарастает всплесками: спокойствие, всплеск, опять спокойствие..., вновь Пасхальное обещание» [9]. Постоянное сопряжение двух смысловых планов и составляет особенность данного Богослужения, а также создает тот уровень духовного напряжения, который готовит верующих к Пасхе. Богословский смысл богослужения прот. Михаил старается донести до певчих своего хора: основной комментарий к богослужению и отдельным песнопениям дается во время спевков, но отдельные замечания регент успевает высказать также до и после службы.

Осмысление двух смысловых планов утрени – «субботного покоя» и пасхальных воскресных мотивов – дает певчим ключ не только к богословскому пониманию службы, но и к уяснению общей логики богослужения, его «дуги», смысловой «драматургии», опорных моментов и общего духовного настроя. Так, смысловой план «субботного покоя» выражен тропарями «Благообразный Иосиф», «Мироносицы жены» и «Статьями». План «пасхального ожидания» – тропарями «Ангельский собор», «Свят Господь», «Аллилуйя» с пасхальными стихами. Эти же песнопения являются смысловыми вершинами утрени. Движение в сторону нарастания надежды на Воскресение ощущается и в каноне «Волною морскою». Понимание богословского содержания службы делает пение хора осмысленным, дает ему необходимую духовную настроенность и, тем самым, помогает создать то качество исполнения, которое верующие обычно определяют как «молитвенность».

2. Другая важнейшая задача – объяснение чинопоследования и уставных особенностей богослужения. «Служба Погребения – утрени Великой субботы – по структуре классическая славословная служба. Но в ней есть несколько отклонений, при том, что структура не меняется. Это славословная утрени с воскресным колоритом, выраженным тропарями «Ангельский собор», «Свят Господь Бог», воскресным

Приидите ублажим Иосифа приснопамятного

Мелодия по
"Спутнику Псаломщика"

Д. Бортнянский

Пример 1.

богородичным «Преблагословенна еси». «Статьи» на основе 17 кафизмы также употребляются по праву субботы» [9]. Другая особенность утрени – ее необычное окончание: по «Великом славословию» поется прокимен 4-го гласа «Воскресни, Господи, помози нам...», читается пророчество Иезекииля, поется второй прокимен, читаются Апостол и Евангелие. Отец Михаил, комментируя эту особенность, говорит о том, что это последование заимствовано из Литургии. «Это момент общий с Литургией. В теории здесь могла бы последовать Литургия. Вспомните время, когда Литургия служилась сразу после Утрени. Как их связать?... Это довольно древняя структура и единственный случай в году» [9].

Уставные пояснения – это очень важный момент предварительной работы с хором и настроя певчих на внимание не только к собственно певческим моментам Богослужения, но и к чтению, и к литургическим действиям. Отец Михаил довольно часто разъясняет действия священника, смысл возгласов, содержание тайных молитв и т.д. Уставные пояснения даются, в основном, во время спевков, но иногда также в начале или

конце службы. Чрезвычайно полезными оказались и курсы уставщиков, проведенные регентом для всех желающих, но, в первую очередь, для своих певчих. Результатом «уставной грамотности» некоторой части хористов является их пристальное внимание к литургическим «событиям», уставным замечаниям, вопросы и даже диспуты на эти темы.

3. Решение задачи текстологического осмысления песнопений, выявления их характера, главного настроя, внутренних акцентов рассмотрим на примере стихир «Приидите, ублажим Иосифа» Д. Бортнянского⁵. Ниже приводим полный текст этой стихир.

Приидите ублажим Иосифа приснопамятного, в нощи к Пилату пришедшаго и Живота всех испросившаго.

Дажь ми Сего Странного, иже не имеет где главы подклонити.

Дажь ми Сего Странного, егоже ученик лукавый на смерть предаде.

Дажь ми Сего Странного, егоже Мати на кресте висяща, рыдаючи вопияше и матерски восклицаше:

Увы мне, Чадо мое! Увы мне, Свете мой и утроба моя возлюбленная.

Симеоном бо предреченное в Церкви днесь событось – твое сердце оружие пройдет. Но в радость Воскресения Твоего плач преложи.

Поклянемся страstem Твоим, Христе!

Поклянемся страstem Твоим, Христе.

Поклянемся страstem Твоим, Христе, и святому Воскресению!

Регент, в первую очередь, рассматривает структуру, литературную форму текста. «На мой взгляд, нужно литературно разметить все песнопение, разделить его на смысловые абзацы. Первый раздел – «Приидите, ублажим Иосифа». Затем три раздела, начинающихся со слов «Даждь ми Сего Странного». Затем – слова Богородицы «Увы, мне, Чадо мое!» [9] (здесь отец Михаил обращает внимание певчих на не слишком удачное построение славянского текста: «Симеоном бо предреченное в Церкви днесь событось», и говорит, что правильнее бы было построить текст: «Симеоном в Церкви предреченное днесь событось»). Не ясным регент считает и принадлежность текстового фрагмента: «Твое сердце оружие пройдет». «Кому принадлежит эти слова – Симеону или Божией Матери?» [9] Продолжение слов Богородицы: «Но в радость Воскресения Твоего плач преложи» о. Михаил поясняет, переводит: «Богородица просит Сына переложить, то есть переменить плач на радость Воскресения» [9]. Заключительный раздел стихир составляет трехкратное повторение: «Поклянемся Страstem Твоим, Христе».

В гармонизации композитор придал напеву колорит гармонического минора (повысив нижнюю ступень шестиступенного звукоряда) и поместил распев в рамки 4-хольного метра. В целом же, произведение выдержано в стиле «обиходной» гармонизации, основанной на многократных повторах автентических оборотов параллельного мажоро-минора (пример 1).

Вопрос о том, как столь сложный литературный текст, столь разноплановую «картину» соединить с довольно однообразной в интонационном и ритмическом отношении музыкой, регент отвечает так:

«М.И. Глинка, когда пел романсы, каждый куплет исполнял совершенно иначе. Он мог Вам неназойливо рассказать целую сказку даже при куплетных повторениях. Я предложил бы пропеть, пересказать это песнопение самому себе,

постараться включить в этот текст интерес к тому, что происходит: Богородица говорит иначе, чем Иосиф, и обращается она ко Христу, а Иосиф – к Пилату. Я не говорю, что это легко – музыка действительно все время повторяется. Может быть еще один прием: употребление молчания, молчания, которое заставляет думать. Спели один абзац – небольшое молчание, чтобы все улеглось. Успокоиться – и направить хор в новом направлении» [9].

Если в рассмотренном примере регент отталкивался от смысла, структуры текста, то в ряде случаев он избирает иной путь: объясняет смысловые моменты сквозь призму музыкальных приемов, опираясь на конкретные попеvки или гармонии. Но, в любом случае, регент связывает богословский и литургический смысл песнопения с выразительными средствами, и, что особенно важно, опирается при этом на знания учения Церкви, Устава, на преемственность традиции, что позволяет избежать субъективизма в исполнительской трактовке.

4. В подборе репертуара (как в рассматриваемой нами службе, так и в иных Богослужениях) регент руководствуется определенными принципами.

Главным из них можно считать опору на *распев* в различных многоголосных гармонизациях, что проявляется и в певческом оформлении утрени Великой субботы. В рассматриваемой нами службе использовано лишь одно собственно авторское сочинение – «Статьи» С. Зайцева. Но и оно стилистически близко распеву.

Многолетняя любовь регента к творчеству А.Д. Кастальского и преобладание произведений этого автора в репертуаре его хора является прямым продолжением первого принципа. Композитор, по словам отца Михаила «служил распеву» [10, с. 154]. Индивидуальной репертуарной особенностью хора лондонского кафедрального собора является использование большого числа собственных переложений регента «по Кастальскому», большая часть которых – на английском языке⁶. Стилиевое единство певческой стороны богослужения – следствие как верности распеву, так и приверженности одним авторам.

Объем песнопений, исполняемых на гласы в утрени, как и во всех службах Великой субботы, весьма велик. Это стихиры, тропари, ирмосы, прокимны.

Большое выразительное значение имеет использование различных гармонизаций одного

Тебе одеющагося
Киевский распев

А. Кастальский

Пример 2.

и того же гласа. Так, в службах Великой субботы неоднократно звучат песнопения 5-го стихирно-тропарного гласа: стихиры «Тебе одеющагося» и «Приидите, ублажим Иосифа», тропари «Ангельский собор». Для каждого из них, в соответствии со смыслом, литургической нагрузкой и настроением, выбран свой вариант музыкального оформления. При пении последней «славной» стихиры на стиховне вечерни «Тебе одеющагося» совершается каждение Плащаницы. «Печаль Вели-

кого Пятка» слышится в «Тебе одеющагося...». «Это надгробный плач спасенного нового человечества у бездыханного гроба Своего Избавителя, воспеваемый устами Церкви» [3, с. 67]. В практике Лондонского хора она поется в минорной гармонизации А. Кастальского (пример 2).

Предвестием Пасхальных событий звучат тропари «Ангельский собор», чему в немалой степени способствует мажорная гармонизация того же автора (пример 3).

Благословен еси, Господи
Тропари по непорочных

А.Д.Кастальский

Пример 3.

Пример 4.

Мажоро-минорная гармонизация Д. Бортнянского вполне соответствует сложной событийности и богатой образности стихир «на целование Плащаницы» «Приидите, ублажим...».

На богослужениях Великой субботы использовано также три варианта стихирно-тропарного 2-го гласа. Тропарь «Благообразный Иосиф» поется на болгарский распев в обиходной гармонизации. Тот же текст озвучен сокращенным киевским распевом (когда при пении тропаря нет каждения). Подобен 2-го гласа Оптиной пустыни использован для стихир «Егда от древа Тя мертва» (на «стиховне» – вечерни) и «Препоблагословенна еси» (на «хвалитех» – утрени).

5. На решение исполнительских задач влияет несколько факторов.

Первый и наиболее важный из них – литургический контекст песнопения. Вот характерный пример. Тропарь «Благообразный Иосиф» звучит в Великую субботу многократно. Но его исполнение на утрени отличается от пения на Выносе Плащаницы более живым темпом и некоторым внутренним подъемом. Причина изменения характера и темпа объясняется, с одной стороны, близостью воскресного тропаря 2-го гласа «Егда снизшел еси к смерти», а, с другой стороны, упомянутым уже ростом «надежды на Воскресение».

Второй по значимости фактор – это сам текст: его структура, акценты, общий смысл. Особенно ярко это проявляется в трактовке метроритма. Хор отца Михаила практически никогда не поет по метрической сетке. Регент устанавливает «пульс», а в процессе пения ведет хор от одного текстового акцента к другому. При движении к акценту сокращаются «предыктовые» доли, а сам акцент

несколько «расширяется». А, поскольку, в исполнении динамические оттенки, как таковые, почти не используются, то приемы временного сокращения и расширения метрических долей служат им заменой.

При исполнении песнопений на глас, регент использует несколько приемов, позволяющих справляться с техническими (интонационными, ритмическими, дикционными) трудностями, выветить смысл произносимого текста и привлечь к нему внимание певчих.

– Стихиры и тропари выписываются крупным шрифтом и закрепляются на специальной доске – хор вместе с регентом поет по одному тексту, что очень объединяет внимание певчих.

– При пении стихир часто используется особая безлинейная нотация, изобретенная самим регентом. Знаки этой нотации помещаются над текстом, они просты и легко усваиваются певчими⁷.

– Время от времени стихиры поются «под канонарха». Возглашение каждой строчки стихир имеет чисто практический смысл и применяется в тех случаях, когда хор не может видеть текст песнопения.

6. В ряду многочисленных певческих задач не последнее место занимает чтение. Культура чтения и возгласа на клиросе лондонского собора бережно поддерживаются. Чтение, так же как и пение, совершается на двух языках. Например, первые три псалма «Шестопсалмия» читаются четцом-англичанином, вторые – русским. При этом регент непременно обращает внимание на согласование тона и четкость произношения⁸.

Певчие и регент озвучивают ряд возгласов. В частности: прот. Михаил – прокимны, «алли-

Пример 5¹¹.

луйя», стихи перед стихирами; певчие – возгласы на Паремиях, перед Апостолом, стихи в песнопении «С нами Бог» на Великом Повечерии.

Службы Великой субботы весьма примечательны именно в смысле «особых чтений». Так, канон «на плач Богородицы» всегда по традиции читал сам Владыка Антоний⁹. Прот. Михаил обычно читает Пророчество Иезекииля в конце утрени (книга пророка Иезекииля, гл. 37, ст. 1–14) – пример развернутого «возгласа», предположительно сочиненного П. Чесноковым (пример 4).

Второй пример развитого чтения: Апостол на вечерне Великой пятка с выносом Плащаницы (1 к Кор. 1:18–2:2), распетый самим отцом Михаилом. В основе распева лежит погласица «рассказного речитатива»¹⁰ (пример 5).

7. «Создать из калейдоскопа единое целое – в этом, в частности, состоит роль регента» [9] – сформулированную таким образом задачу регента можно считать итоговой в ряду других задач певческого оформления богослужения. Богослужение, по мнению Михаила, это диалог всех его участников: священника, диакона, народа, чтецов и хора. Регент и певчие стремятся согласовывать ответы хора на возгласы священников не только по тону, но ритму, темпу, общему настрою.

Каждое песнопение мыслится как фрагмент богослужения, часть единого целого, неразрывно связанная со всем предыдущим и последующим развитием службы. Это качество «открытости», «разомкнутости» композиции песнопений

очень заметно в пении хора. В исполнении нет «точек», в смысле четкого и «дружного» снятия звука – регент, как правило, мягко, постепенно «гасит» звучание. Отсутствуют также и «твердые» начальные атаки.

Особая роль в решении исполнительских задач принадлежит регентскому жесту. Описание жеста – это тема, требующая отдельного рассмотрения. Обозначим лишь некоторые общие принципы регентской техники прот. Михаила. В ней довольно мало общего с техникой дирижирования. Так, регент не показывает метрические сетки и динамические оттенки так, как это делается в дирижировании. Главное в его системе управления хором – это опора на текст-музыкальные акценты. Жест «описывает» интонационно-ритмический процесс подобно тому, как это делает невменная нотация. Его композиционной основой является строка. Жест ярко и точно отражает образно-смысловое содержание песнопений, а по стилю близок иконографии и жестам священника.

Выводы

Регентская работа прот. Михаила Фортунато направлена, прежде всего, на подготовку к предстоящему богослужению и охватывает, по возможности, все его стороны. Отдельные песнопения осмысливаются в контексте целой службы.

Решение собственно певческих и регентских задач вытекает из богословского осмысления Богослужения, его литургической наполненности и структурных особенностей.

Распев в обиходных и авторских гармонизациях составляет основу репертуара Лондонского хора. «Выразительное пение стихир»¹² – вторая важнейшая репертуарная опора.

Пение хора воспринимается регентом и певчими как часть единой «симфонии» Богослужения. Диалог хора, чтецов, диакона, священников составляет неразрывный певческий процесс.

Возможно, многие из выше рассмотренных принципов можно наблюдать в практике других храмов, но метод работы, почерк каждого выдающегося регента индивидуален, неповторим. Описанный опыт характеризует русскую православную певческую традицию в условиях эмиграции и непрерывности, преемственности традиции¹³. Для многих молодых регентов методы работы отца Михаила могут служить примером для подражания, а также школой церковного пения и регентского мастерства.

Примечания

¹ Отец Михаил родился в Париже в 1931 г. в семье русских эмигрантов. Окончил Православный Богословский институт. С 1962 г. живет в Англии. Последние 15–16 лет регулярно приезжал в Россию, читал лекции в Духовных и светских школах, работал с хорами, регентовал на службах, проводил семинары, занимался издательской деятельностью и т.д. В течение нескольких лет сотрудничал с Костромской Духовной семинарией. Более подробно о прот. Михаиле см. в [1].

² Указания Типикона о времени совершения утрени Великой субботы следующие: «В 7-й час ночи ударяет параклесиарх в тяжкая и великая: и собравшиеся в церковь поем утрени по обычаю» [7, с. 922].

³ «Вечерня Страстного пятка совершается ко времени распятия Спасителя – в 3-ем часу дня. Она прославляет и ублажает крестную агонию Господа, Его смерть и погребение» [3, с. 60].

⁴ Стихи 24, 31.

⁵ Напев, использованный композитором, приведен в «Спутнике псаломщика» [6] и назван «сокращенным болгарским роспевом».

⁶ Особенно показательна, в этом смысле, утрени Великого пятка, практически полностью построенная на гласовых гармонизациях А. Кастальского.

⁷ О нотации прот. М. Фортунато см. в [1].

⁸ Надо сказать, что англичане очень чувствительны к произносимому слову и никогда не пропустят неправильного ударения или невнятности

произнесения. Они не любят скороговорки, столь часто встречающейся в русских Церквях, и «забалтывания» текста.

⁹ Владыка Антоний – митрополит Сурожский (1914–2003). Пастырское служение в Великобритании нес с 1948 года. С 1957 – епископ, с 1966 – митрополит. Всемирно известный проповедник, богослов, миссионер. Подробнее см.: *Майданович Е.Л.* Антоний (Блум) // Православная энциклопедия. – М., 2001. – Т. 2. – С. 617–618.

¹⁰ Погласица взята из [2].

¹¹ Пример 5 написан рукой прот. М. Фортунато.

¹² Такое название носил доклад отца Михаила на 1-ом съезде преподавателей церковного пения Духовных учебных заведений и регентских школ Русской Православной Церкви, проходившем в помещении Московской Духовной Академии в Сергиевом Посаде с 23-го по 25-е ноября 1994 года.

¹³ В Париже в Богословском институте отец Михаил учился церковному пению и регентованию у Н.М. Осоргина, перенявшему свое искусство у отца – М.М. Осоргина, воспитанного в церковно-певческом плане в дореволюционной России. В Лондоне предшественником М. Фортунато на посту регента был М.М. Феокритов, учившийся церковному пению в Пензе у А.В. Касторского. М.М. Феокритову хор лондонского собора обязан частью своих репертуарных традиций.

Библиографический список

1. *Балуева Н.В.* Протоиерей Михаил Фортунато: Регентский жест в литургическом контексте. – [Рыбинск]: Изд-во «Рыбинск-Михайлов Посад», 2004. – 79 с.
2. *Владышевская Т.Ф.* К вопросу о роли византийских и национальных русских элементов в процессе возникновения древнерусского церковного пения. – М., 1983. – 49 с.
3. *Ильин В.Н.* Запечатанный гроб. Пасха нетления: Объяснение служб Страстной недели и Пасхи. – Paris: YMCA-press, 1926. – 125 с.
4. *Никольский Константин, прот.* Пособие к изучению Устава богослужения Православной Церкви. – М.: Изд. Московского Подворья Св.-Успенского Псково-Печерского мон-ря, 1995. – 878 с. (Репр. изд. 1907 г.)
5. Службы Страстной седмицы Великого поста. – М.: Изд. Московской Патриархии, 1985. – 385 с.
6. Спутник псаломщика. 4-е изд. – М., 1999. – 619 с.
7. Типикон, сиесть Устав: В 2-х кн. – СПб., 1992. – 1176 с.

8. *Фортуато М., прот.* Беседы: Постная Троица. [Расшифровка аудиозаписи.]

9. *Фортуато М., прот.* Беседы: Страстная седмица. [Расшифровка аудиозаписи.]

10. *Фортуато М., прот.* Богослужение должно быть живым // Музыкальная академия. – 1999. – №4. – С. 151–157.

Е.В. Воронова

ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КООРДИНАТ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Эмигрировавшая после октября 1917 г. русская интеллигенция по-новому поставила проблему ценностных ориентаций в сфере интеллектуального пространства. В результате изменилась направленность личностно-значимых приоритетов, отраженных, в том числе, в обыденной жизни. Специфика ценностного восприятия в повседневности русского зарубежья может быть прослежена путем анализа аксиологических ориентаций диаспоры, отраженных в мемуарно-биографической литературе. Анализ мемуаристики – воспоминаний Н. Берберовой и И. Одоевцевой, дневников Б. Поплавского и З. Гиппиус, автобиографии Н. Бердяева – показывает, что для интеллектуальной элиты в эмиграции проблема человека приобрела особую остроту. Ср. у Н. Бердяева: *«Проблема человека есть основная проблема»*¹, *«весь мир ничто по сравнению с человеческой личностью, с единственным лицом человека, с единственной его судьбой»*².

Актуализация внимания к человеку в эмиграции связана, на наш взгляд, со спецификой ситуации изгнания. Изгнание из России творческой элиты означало утрату пространства, в которое человек «врос» и которое определяло доминирующие «Я – измерения» сознания личности. Потеря ценностного континуума России рождает потребность заменить исчезнувшее пространство страны, родного города, родной улицы, родного двора и дома на территорию, копирующую пусть и в другом масштабе, но то же самое пространство с его спецификой и особенностями. Таким смысловым пространством стало в эмиграции пространство человеческой личности. Через самоанализ и самораскрытие вынужденные изгнанники пытались обнаружить самобытность и самоценность собственного «Я» и русской нации, частью которой они являлись. Ср. у Н. Бердяева: *«Человек переживает агонию, и он хочет знать, кто он, откуда он пришел и куда он идет»*³.

В повседневности эмиграции проявились как ценностные представления о человеческой личности, перенесенные из смыслового пространства Серебряного века, так и концепции человека, возникшие в виде «ответа» на «вызов» онтологии изгнания. Для эмигрантов преимущественно «старшего поколения» по-прежнему актуальным оставалось **восприятие себя как Художника-Теурга, творящего новую жизнь по законам прекрасного**. Реализация идей житнетворчества в эмигрантском повседневном пространстве, так же, как и на Башне Вяч. Иванова, оборачивалась театрализацией поведения. Попытки житнетворчества, как вспоминал Н. Евреинов, обрекали каждую персону в изгнании на игру, социальное лицедейство и тяготение к маскам⁴. Однако роли, возникшие в эпоху «башен из слоновой кости», в новом культурном пространстве «опрокидывались» в суровый беженский быт. Высокий градус противоречий между «миром божественным» и «миром человеческим» (по терминологии М. Бахтина) изменил на бытовом уровне воплощение ценностной концепции личности как Творца-Теурга. Выстраиваемые интеллигенцией «высокие» образы в повседневности стали восприниматься в искаженном виде. Ср. у Г. Адамовича: *«Гиппиус выдумала себя, и, как всякая выдумка, ее внешний облик был утомителен и был бесплоден»*⁵. Художники Серебряного века, зачастую опережавшие житнетворчеством ход времени, в изгнании оказались несовременными, «ушибленными настоящим»⁶. Так, Н. Берберова о многих своих соотечественниках в зарубежье писала: *«У всех у них была великая способность плыть против течения при полном отсутствии таланта жить в меняющемся времени»*⁷. В видении З. Гиппиус «с лорнетом», в разглядывании и узнавании Другого только через увеличительное стекло мемуаристка видела тип поведения, в котором «слепота в жизненном ориентировании» маскируется и подается как индивидуаль-

ная манерность⁸. Привязанность же в обыденной жизни В. Ходасевича к «декорациям Брюсова, выкрикам Белого, туманам Блока» трактовалась Н. Берберовой как то, что «он проглядел многое или не разглядел многого»⁹. «Дело свелось к тому, — с сожалением отмечал В. Ходасевич, — что история символистов превратилась в историю разбитых жизней, а их творчество как бы недооплотилось»¹⁰.

Другим аксиологическим представлением о человеке в изгнании была **понимание человека (себя) как Хранителя Русской Культуры**. В сознании русской интеллигенции всегда был популярен миф о самих себе как «духовной элите», «властителях дум», «отцов народа», «интеллигентах-экспертах», «учителей», «вдохновителей», «поставщиков идеологий», формирующих общенациональную картину мира. В эпоху строительства нового мира в Советской России эмигрировавшая интеллектуальная элита с особой остротой была вынуждена утверждать себя в роли представительницы и хранительницы подлинного национального своеобразия России. Так, на съезде, организованном П. Струве в 1926 г. для выявления смысла изгнания, было провозглашено, что «*никогда ни одна эмиграция не получала от нации столь повелительного наказа — нести наследие культуры*»¹¹.

Самоидентификация диаспоры с единственным, последним полномочным и ответственным Хранителем и Продолжателем национальной русской культуры по-новому организовывала жизнедеятельность русской интеллигенции. Если на рубеже веков в России часть интеллигенции пыталась «вырваться» из пут традиционных форм жизнеустройства (в Башне, Подвале, политической деятельности и др.), то в эмиграции в пространстве быта произошло ее «возвращение» к традиционно-русскому укладу жизни, к «русским» реалиям и «русской» материально-вещной среде. Так, эмигрантами на чужбине, с одной стороны, стали открываться русские рестораны, клубы, русские клиники, русские парикмахерские, русские похоронные бюро, русские «веселые дома», с другой стороны, русские церкви, школы, издательства, театры, неформальные клубы, общества и организации — институты русской культуры, являющиеся существенными элементами России. «*Париж, это как большой губернский город. Только без губернатора, — иронизировал Дон Аминадо. — Университет, клу-*

бы, газеты, журналы, благотворительные балы, рестораны, магазины, пассажи, выставки, больницы, клиники, ясли и партии.

Все есть.

Академики, баритоны, писатели, читатели, банкиры, рабочие, студенты, медики, инженеры, шоферы, присяжные, поверенные, танцоры, “джигиты”, зародыши и лидеры.

*Все есть! И все русское!..»*¹². Иными словами, в Европе и на Востоке возникли Русский Берлин, Русский Париж, Русская Прага, Белград, Харбин, Шанхай и другие русские города.

Для эмигрантского сознания большое значение в быту приобрели и реалии, хоть как-то напоминающие о России. Анализ воспоминаний эмигрантов свидетельствует о том, что художники с удивительным упорством готовили национальную кухню, пользовались типично русскими предметами быта, учебную форму для своих детей оставили прежнюю — с царских времен, повсюду надеялись увидеть русскую природу, особенности городского московского или петербургского ландшафта, стремились к православно-церковной «домашности». Например, В. Бунина, несмотря на катастрофическую нехватку средств, старалась к приходу гостей приготовить русские жареные или печеные пироги. В. Ходасевич и Н. Берберова, оказавшись на чужбине в материально бедственном положении, первым делом купили матерчатых петухов на чайник. И. Шмелев в автобиографической прозе (например в «Богомолье»), вспоминая, не переставал удивляться многообразию растений, из которых состоит русское сено. Ностальгия М. Осоргина была по соловьиному пению и родным московским улицам.

В результате самосознания в русском зарубежье выстроилась личностно-значимая **концепция изгнанника как Мессии**. Наиболее полное теоретическое обоснование восприятия эмигрантами себя как духовных избранников представлено в идеологии евразийства. С точки зрения евразийцев, географическое положение России на пересечении Европы и Азии, способность россиян к самоотречению, самопожертвованию и аскетизму всегда свидетельствовали об особой «отмеченности» русской нации, долгое время неосознаваемой. Революционная катастрофа и последующее изгнание рассматривались как долгожданное смысловое возвращение к себе и начало материализации мессианской миссии — начало установления целостности, соборности, «симфо-

нической личности» в нациях, т.е. начало установления мировой гармонии. Россия ассоциировалась со Спасителем, Икупителем, она ставилась в центр судеб мира, признавалась «магистралью» всемирно-исторического культурного развития, «равнодействующей» европейских и восточных культур. Изгнание осмыслялось как Голгофа, а вынужденная бежать интеллигенция отождествлялась с Иисусом Христом.

Реализация значимого образа изгнанника Христа в бытовой повседневности обрела свое воплощение, на наш взгляд, в актуализировавшихся знаках болезненного телесного пространства, которые искаженно выражали мученическую телеснодуховность Сына Божьего. В системе соматического сознания интеллигенции за рубежом актуализировалась семантическая ассоциативность образов Христос – его искупительные мучения – комплекс ощущений: духота, нехватка воздуха, холод, стужа, голод, усталость, боль, сухость, чернота, темнота; а также – немота, слепота, седость, раны, мучения, психофизиологическая зависимость от алкоголя и наркотиков. Достаточно показательно в этом отношении, например, воспоминания Н. Берберовой о болезни В. Набокова, слепоте З. Гиппиус и польстиве Г. Иванова, В. Ходасевича – о нарывах, изжоге, тошноте, И. Одовцевой – о своей вечной вне Петербурга бессоннице, Тэффи – о мучительных тянущих болях в ногах, А. Кернского – о последних днях и смерти своей жены – Терезы-Нелль.

Постоянное возвращение соматического сознания интеллигенции к нездоровому, ущербному отражало реалии эмигрантской жизни и было вариантом преодоления национальной катастрофы, способом оправдания интеллигенции в изгнании, попыткой замены налично-бытийной роли бесправного беженца на идеально-желаемый инвариант христосоподобного и/или свободного, использующего все свои возможности и реализующего все свои потенции Творца. Русская диаспора за рубежом вынуждена была побывать апатридами, бомжами, часто невостребованными художниками и чернорабочими, ей пришлось испытать уничижительную бедность и нищенство (ср. у Н. Берберовой: «*Нищая, глупая, вонючая, ничтожная, несчастная, подлая, все растерявшая, измученная, голодная русская эмиграция!*»¹³). Это, естественно, сопровождалось ухудшением физического и психического здоровья. В свою очередь, болезнь тела и духа не могла

не актуализировать в сознании русской интеллигенции знаков нездорового телесного кода. Спецификой соматической рефлексии интеллектуалов за границей стало то, что эмигранты, будучи не в состоянии преодолеть болезненное состояние, придавали личностно-значимые смыслы анти-ценностям, «легитимизировали» их и – преодолевали в собственном сознании, которое, по словам Н. Гартмана, имеет свое личное законодательство. Н. Бердяев подчеркивал, что страдания всегда «снялись» в христианстве – в единственной религии, которая объясняет смысл бедствий и тем самым утверждает бесстрашие перед ними¹⁴. Эмиграция подтвердила мысль философа: следуя логике мессианского изгнания, русская диаспора преодолевала психофизиологическое нездоровье в идее жертвенных, искупающих, обновляющих, воскрешающих мук Христа. Например, Н. Берберова в жизнедеятельности многих своих соотечественников за рубежом, «сделавших из личной судьбы (нищеты, болезней, алкоголя) нечто вроде мифа саморазрушения»¹⁵, видела стремление во что бы то ни стало реализовать заявленные высокие мессианские идеалы.

Чтобы реализовать аксиологические представления о себе, эмигранты активно обращались в обыденной жизни также к традиционно надповседневным формам человеческого бытия: миру искусства, игры, праздника, религии, сна, духовной болезни, воспоминаний и фантазий. Характерной чертой быта/бытия русской диаспоры стала жизнь на грани обыденного и сверхповседневного, в мифологизированной, «мутированной» повседневности.

По воспоминаниям И. Одовцевой, в повседневной жизни практически всех изгнанников распорядок дня задавался уже не потребностью осуществить «дела житейские» (пища, сон), а стремлением к творческой самореализации. Через создание произведений искусства художники прорывались из «человеческого» в «божественный» мир. Например, Ю. Терапиано зачастую отказывался от еды, мог сутками не спать с целью все свое внимание сосредоточить на написании книг, пусть и оцененных по достоинству только потомками. «*Обреченные на эмиграцию, то есть на несчастье*, – писал Ю. Иваск об организации ритма жизни рассеяния вокруг главного – собственноручного создания для людей непреходящих, вечных ценностей, – *зарубежные поэты (как и художники, ученые) творили, творят. Полная оцен-*

ка этого творчества – удел будущих, далеких и невообразимых для нас русских читателей»¹⁶.

Большое значение для Б. Поплавского при реализации ценностных представлений о себе, как свидетельствуют его «Дневники», имел сакральный, молитвенный, опыт. Молитва, по Б. Поплавскому, приносит ощущение благодати и глубоко переживаемое чувство духовного сопряжения с Христом: «...молитва наполовину наяву, наполовину во сне... привела вдруг к почти нестерпимому, вдруг до слез реальному ощущению присутствия Христа... Ощущение, что Он был где-то рядом, не забуду долго»¹⁷. Для него и большей части эмигрировавшей интеллигенции, даже прежде вольнодумствующей, центром и средоточием повседневной жизни для стала церковь. Е. Спекторский вспоминал по этому поводу: «Всюду, где эмигранты оседали, они прежде всего устраивали свои церкви»¹⁸.

Для многих эмигрировавших художников способом реализации в повседневной жизни аксиологических представлений о собственной личности стала игра. Нередко игровое время становилось более предпочтительным, нежели время обыденной жизни, так как в игре происходило свободное разыгрывание желаемого, конструирование значимого авто-образа. Игра путем масок способствовала моделированию личности и защищенности своего мира, истинного лица от губительного действия окружающего мира. Например, Н. Берберова говорила о З. Гиппиус: «Между нею и внешним миром происходила постоянная борьба-игра. Она, настоящая она, укрывалась иронией, капризами, интригами, манерностью от настоящей жизни вокруг и в себе самой»¹⁹. Показательно, что А. Ремизов, полностью отождествляя игровое и действительное, создал в виде идеального места бытия художника игрушечное общество «приспешников царя Асыки» «Обезьянью великую и вольную палату». Игровое пространство Обезвельволпал подымалось над культурным ландшафтом окружающей жизни и закрепляло культивируемые эмиграцией мифы о значимости русских изгнанников.

Диаспора утверждала собственные ценности и «обретала желаемые возможности самой себя»²⁰ и через праздник. В ситуации праздника фактом эмигрантского времени становились сюжеты актуализации и призвания, а не трагического и бессмысленного времяпрепровождения. Так, И. Шмелев на праздничном собрании Пушкинско-

го Комитета в столетний юбилей смерти Александра Сергеевича торжественно заявил: «Пушкин во мраке нашем свет озаряющий, и вековая с ним встреча наша, заветная. <...>И... мы – снова мы». День рождения А. Пушкина как национальный праздник России за рубежом, прекращающиеся воспоминания о пережитом на родине, «уход» в мир духовной болезни и другие варианты реализации в повседневной жизни эмиграции ценностных концепций человека были ориентированы на закрепление в сознании интеллигенции представлений о значимости своего существования и способствовали выживанию русских изгнанников в гуще происходящих событий.

Примечания

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. – М., 1993. – С. 54.

² Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесарево. – М., 1995. – С. 12.

³ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека... – С. 12.

⁴ См. об этом подробнее: Почепцов Г.Г. Русская семиотика: идеи и методы, персоналии, история. – М., 2001.

⁵ Адамович Г.В. Одиночество и свобода. – М., 1996. – С. 64.

⁶ Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. – М., 1996. – С. 194.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – С. 286.

⁹ Там же. – С. 269.

¹⁰ Ходасевич В.Ф. Некрополь // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. – М., 1997. – С. 7.

¹¹ Федотов Г. Зачем мы здесь (цит. по: Костиков В. Не будем проклинать изгнание... – М., 1990. – С. 57).

¹² Цит. по: Зверев А. Повседневная жизнь русского литературного Парижа. 1920–1940. – М., 2003. – С. 10–11.

¹³ Берберова Н. Указ. соч. – С. 132.

¹⁴ См. об этом подробнее: Бердяев Н. О самоубийстве (психологический этюд) // Психологический журнал. – 1992. – №1. – С. 90–94; №2. – С. 96–106.

¹⁵ Берберова Н. Указ. соч. – С. 531.

¹⁶ Цит. по: Варшавский В. Незамеченное поколение. – М.: Информ – Экспресс; Русская энциклопедия, 1992. – С. 165.

¹⁷ Поплавский Б. Из дневников // Литературная учеба. – 1996. – Кн. 3. – С. 87.

¹⁸ Спекторский Е. Эпохи русской культуры // Записки Русской Академической Группы в США.

Т. 4. – Нью-Йорк, 1970. – С. 180.

¹⁹ Берберова Н. Указ. соч. – С. 282–283.

²⁰ Балла О. Праздник и пустота // Знание – сила. – 2004. – №12. – С. 38.

М.А. Евдокимычева

НЕКОТОРЫЕ ОБЫДЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В КАРТИНЕ МИРА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИЗУЧЕНИЕ НА ЯЗЫКОВОМ МАТЕРИАЛЕ

Преамбула. Данная статья посвящена изучению картины мира русской культуры на языковом материале. Целью автора является продемонстрировать, как в ментальности русского человека XIX века соединялись языческие и христианские представления, а также выяснить, какое место в его картине мира занимали собака и кошка.

Практически вся русская философия отмечала, что своеобразие русской культуры заключается в ее бинарности. Привычные, часто употребляемые бинарные оппозиции – это противопоставление предельных качеств, предметов и явлений. Традиционно русское культурное пространство основывалось на двойственности, противоречивости, разорванности русского Космоса.

Традиционная русская культура строилась на основе «двоеверия». При усвоении православия на Руси сложились «...две культуры: дневная и ночная». «Ночная» воспринималась как продолжение языческих традиций (гадание, ворожба, колдовство происходили в темное время суток. Сохранившиеся языческие праздники – Ивана Купала, Святочные гулянья, Масленичные карнавалы и т.д. – проходили ночью). Как отмечает А.В. Бабаева, «грань между этими духовными слоями (язычеством и православием) всегда была гибкой, нечеткой. Эту двойственность трудно заключить в «каркас» жесткой бинарной схемы. Вместе с тем она оказывала значительное влияние на закрепление бинарности в русской культуре. В этом противоречии можно увидеть особенность русской двойственности, в которой все границы подвижны, и можно проследить переход одного в другое<...> Формальному закону (норме) противопоставляется обычное право, основанное на народных представлениях о нравственном, моральном человеке и его поступках» [1].

Бинарное состояние русского культурного пространства сформировало неповторимую ценностно-нормативную систему, оказало влияние на местоположение человека в культуре. Двойственность русского мировосприятия, сложное

переплетение существующих оппозиций наиболее ярко проявилось в системе отношений нормы и патологии. «Повседневная жизнь человека пронизана разнообразными ролевыми предписаниями, ожиданиями исполнения установленных норм жизнедеятельности. Такая регламентация создает возможности взаимодействия людей друг с другом. Утверждая нормы, правила, законы, общество формирует предсказуемость человеческого поведения в тех или иных условиях» [1].

Российское культурное пространство в большой степени сформировалось под влиянием православия. Поведение выступало показателем внутренней веры человека, религиозный компонент был связан с духовными ценностями и через них оказывал влияние на жизнедеятельность людей. Важно отметить, что внутренний мир русского человека всегда был тесно взаимосвязан с групповыми ценностями.

Русская культура в целом характеризуется болезненными ломками, когда отменяются все существующие нормы, традиции, образ жизни. «В русской истории сменилось несколько культурных эпох, отличных друг от друга ключевыми признаками миропорядка, смена которых означает радикальное переустройство самого культурного космоса» [5].

«Словесная речь человека – это союзное звено между телом и духом: без слова нет сознательной мысли», – отмечает В. Даль в «Напутном слове» к «Словарю живого великорусского языка», который, являясь словарем историческим, рисует многообразную картину русской культуры, прежде всего, бытовой. В свете проблемы изучения истории русской культуры интересно обратиться к интерпретации литературно-быто-

вых образов некоторых домашних животных в данном лексикографическом издании [2].

В контексте заявленной темы остановимся на тех пословицах и поговорках, которые В.И. Даль приводит в достаточно большом объеме. Они весьма важны для получения информации о картине мира русской нации XIX века, ведь данный пласт материала уникален в каждом языке и отражает собственно национальные представления народа.

Устойчивые выражения и относящиеся к ним пословицы и поговорки играют особую роль в создании представлений о мире той или иной нации. Как пишет В.А. Маслова, они являются зеркалом жизни нации и природа их значений тесно связана с фоновыми знаниями представителей культуры, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа. Устойчивые выражения приписывают предметам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, подразумевают целую дескриптивную ситуацию (текст), оценивают ее, выражают к ней отношение. Своим значением они, как правило, направлены на характеристику человека и его деятельности [4].

В «Словаре живого великорусского языка» В. Даля представлены следующие пословицы и поговорки, характеризующие специфическое восприятие таких литературно-бытовых образов как, например, «собака» и «кошка»:

С лихой собаки хоть шерсти клок. Маленькая собачка до старости щенок. (Интересно, что данные поговорки широко используются в переносном смысле по отношению к человеку).

Кошку бьют, а невестке наветки дают. Напала на кошку спесь, не хочет с печки слезть. Кошка да баба в избе, мужик да собака на дворе. Последняя пословица особенно интересна. Одна из версий, почему собака на дворе, такова: русские крестьяне не допускали собаку в дом, считая ее нечистым животным, причем нечистота ее была чем-то вроде нечистоты иноверца, отсюда стойкое именование последнего, например, «собака – татарин», зафиксированное В. Далем.

Можно также добавить, что «разделение ролей» в данной пословице происходит, возможно, по сфере «деятельности»: собака охраняет дом извне, а кошка изнутри – от мышей. Но, с другой стороны, целый ряд мифов, легенд, поверий указывает на следующее: еще со времен язычества кошка считалась священным животным, причем не только в России.

Кошка помогала сберегать хлеб, отсюда и ее воцарение в крестьянском доме (это единственное животное, которому дозволено было находиться в одном помещении с людьми), и ее неприкосновенность. Существовали даже некие «предписания», определяющие обращение с кошкой, – ряд поверий и суеверий:

Если у кошки обрезать усы, то нюх у нее притупится, и она не будет ловить мышей, пока они снова не отрастут. Нельзя отнимать у кошки пойманной ею мышки и даже тревожить ее, когда она возится с той, иначе кошка перестанет ловить мышей.

Интересно, что и в народных приметах кошка упоминается в связи с домом, а собака – с двором: *Кошка садится на подоконник и смотрит в окно – на тепло. Кошка скребет пол – на ветер, на метель. Собака землю роет – к покойнику. Чтобы собаки не взбесились, то щепят протаскивать сквозь ступицу колесную.*

Можно предположить, что основанием для данного «предписания» послужило представление о колесе (круге) как о воплощении мировой гармонии, существовавшее в наивных представлениях на протяжении долгого времени становления русской нации (круг как реализация цикличности, определяющей миропорядок). Таким образом, протаскивание щенков через «ступицу колесную» становится «обрядом» – приобщением их к гармоничному, «хорошему» миру, т.е. «средством» от бешенства как явления мира «плохого». С другой стороны, предписание данного действия можно интерпретировать и как обряд приобщения к дому, к человеку, поскольку колесо – это всегда часть какого-либо средства передвижения или перевозки грузов, так или иначе принадлежащего человеку, необходимого в домашнем хозяйстве.

Неоспорим тот факт, что историческая, культурологическая, мифологическая, фольклористическая литература о таком литературно-бытовом образе как «собака» огромна. Уже отмечены самые разнообразные «ипостаси» мифологических представлений об этом животном: способность предчувствовать и предсказывать погоду, будущее и т.п.; связь с нечистыми духами и способность оборачиваться в них; защита от нечистой силы, способность отгонять ее; «охранная» функция (например, охрана подземных сокровищ); связь со смертью и потусторонним миром (отсюда – зловещий собачий вой); целительная

функция, в частности, – перенесение болезней на собаку; медицинская магия, в частности – употребление собачьего мяса в народной медицине; принесение собаки в жертву; поверья об опасности от бешеной собаки; зловерная сила, исходящая от взгляда собаки и т. д.

Почти все суеверия, как отмечает В.М. Мокиенко, древни и устойчивы, восходят к общей индоевропейской мифологии и во многом исходят из разнообразия пород этого животного и их значения в быту и в хозяйстве человека. Они неразрывно связаны с общими оценками собаки в культуре и языках индоевропейцев, вытекающими из реальных наблюдений за повадками и образом жизни этого животного. При этом положительные представления составляют немалую их долю: привязанность и верность человеку, бдительность, ум и чуткость и т.д. Высокая оценка собаки индоевропейцами связана, в частности, и с обычаем приносить собак в жертву богам. Восточные же народы относятся к этому животному в целом негативно, о чем свидетельствует обилие ругательств, связанных с собакой [5].

Восприятие собаки как жертвенного животного в дохристианской русской культуре отразилось в устойчивом выражении «*всех собак вести*» (на кого). Выражение «*собаку съест на чем или на что*» означает ‘познать до тонкости какую-нибудь науку, мастерство и т.п., ср. также «*насобачиться*» – ‘научиться’. «В основе данного выражения, может быть, лежит представление о приобретении знания или умения через антиповедение, имеющее колдовской смысл. В то же время, поскольку собака связана с загробным миром и, соответственно, обладает способностью чутко чувствовать демонов, а также предвещать смерть, поедание собачьего мяса как бы приобщало к вещим способностям собаки. Соответствующее выражение может выступать и как насмешка – так, жителей Петрозаводской и Петербургской губерний дразнили словами «*боску съел*» или называли их «*боскоеды*» («боска» – собака). Можно предположить, что эта насмешка содержит в себе обвинение в колдовстве или язычестве». Итак, выражение «*собаку съест*» первоначально означало, по-видимому, такую полноту знания (или настолько совершенное умение), которое может быть достигнуто с помощью магии.

Следует подробнее остановиться на представлении о нечистоте пса, которое имеет очень древние корни и выходит далеко за пределы славянс-

кой мифологии. Это отчетливо выражено и в христианском культе: пес как нечистое животное эксплицитно противопоставляется святыне (ср. евангельское: «не дадим святыя псам»). В христианстве собака ассоциируется с язычниками или вообще с иноверцами, особенно показательно в этом отношении выражение «*песья вера*», которое бытует в славянских языках в качестве бранного выражения, относящегося к иноверцам. В основе этого выражения, как пишет Б.А. Успенский, лежит представление о том, что как у собаки, так и у иноверца нет души. ««*Душа*» и «*вера*» в принципе связаны по своей семантике, то есть само понятие веры предполагает наличие души, и наоборот. По русскому поверью, «*У татарина, что у собаки, души нет, один только пар*» [6]. Итак, наличие души выступает как определяющий признак, разделяющий весь мир на две части, между которыми, в сущности, не может быть общения: противопоставляются не люди и животные, но те, кто имеют душу (следовательно, и веру), и те, у кого она отсутствует. По этому признаку собаки и объединяются с иноверцами: и те, и другие лишены общения с Богом, а тем самым и с людьми, объединенными верой. Присутствие пса оскверняет церковь (святое место), подобно тому, как оскверняет ее присутствие иноверца – пес и иноверец объединяются именно по признаку нечистоты. Нечистота собаки объясняет, возможно, и выражение «*где собака зарыта*». «Собаку как нечистое животное нельзя было зарывать в землю – нечистое тело провоцировало гнев земли, т.е. всякого рода бедствия» [6]. В. Евсюков отмечает в этой связи: «Главное свойство земли, имевшее в глазах древнего человека первостепеннейшее значение, – это плодородие. Неведомая чудесная сила, ежегодно производящая злаки и растения и дающая тем самым пропитание людям и зверям, не могла не вызывать в религиозном сознании почтительнейшего к себе отношения <...> Что касается собаки, то, согласно мифопоэтической традиции, она сопровождала души умерших в загробный мир и была неизменным стражем у ворот ада. Собака – символ смерти, хтонических и лунных существ. Ад всегда связывался с огнем, а огонь интерпретировался как «наносающий вред, ущерб, сеющий смерть» [3].

Подводя итог, заметим, что изучение истории русской культуры на языковом материале, отразившем особенности мировоззрения русской нации на всех этапах ее формирования, видится нам весь-

ма перспективным. Реальность и фантастика представлений о мире русского человека, переплетаясь в языке почти мистическим образом, позволяют делать адекватные выводы о специфике исторического пути народа и страны в целом, а также прогнозировать дальнейшие пути их развития.

Библиографический список

1. Бабаева А.В. Формы поведения в русской литературе (IX–XIX века). – СПб, 2001.
2. Даль В.И. Словарь живого великорусского

языка. – М., 1994.

3. Евсюков В.М. Мифы вселенной. – М., 1988.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.
5. Мокиенко В.М. Из сокровищницы русской речи 2. Народные устойчивые сравнения с названиями животных. Собака // STUDIA SLAVICA SAVARIENIA 1-2, Szombathely, 2003.
6. Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. – М., 1996. – С. 89.

О.Н. Иванова

«СИНТЕЗ» В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИКАХ XVIII ВЕКА КАК ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК КОНЦЕПЦИИ GESAMTKUNSTWERK Р. ВАГНЕРА

Теоретически оформленная немецким композитором Р. Вагнером (1813–1883) концепция Gesamtkunstwerk определяется в «Произведении искусства будущего» (1849) буквально как «великое универсальное произведение искусства, которое должно включить в себя все виды искусств, используя каждый вид лишь как средство и уничтожая его во имя достижения общей цели – непосредственного и безусловно-го изображения совершенной человеческой природы...» [1, с. 60]. Формой такого произведения искусства является музыкальная драма, в основе которой лежит всеобщая идея, философский замысел, а механический комплекс музыки (оркестра), речи (пения), пластики (игры артистов), живописи (декорации) должны стать важнейшими средствами ее воплощения.

Понятие Gesamtkunstwerk следует определять как самостоятельную культурологическую дефиницию для обозначения искусственно созданного, но в то же время органического единства средств выразительности и образных элементов различных видов искусства в рамках самостоятельного художественного произведения, конституируемого по законам гармонии, целостности, синхронности. Gesamtkunstwerk есть результат синтеза, соединения, сочетания.

Смысловые фреймы Gesamtkunstwerk включают эстетические идеи единства и синтеза представителей немецкой философии и литературы XVIII–XIX вв. Интерес мыслителей к идее синтеза предопределяется ещё историко-культурной

ситуацией в Германии XVII–XVIII вв. После Тридцатилетней войны (1618–1648), в результате подписания Вестфальского мира усиливается децентрализация Германии. 300 светских и духовных княжеств страны получили полный суверенитет при номинальном членстве в Священной Римской Империи. Кроме государственных границ, Германию разделяли не только государственные территориальные границы, но и религиозные (приверженцы католицизма и протестантизма), культурные (различные локальные традиции), языковые (диалектные особенности) рубежи. Человек постоянно пребывает в сфере конечного, в рамках материальных и духовных границ. Он становится малой вселенной, микрокосмом, обладающим бесконечным внутренним миром. Рассматривая выдвинутую романтической литературой концепцию человека, Ф.П. Федоров, писал: «Человек, заключенный в конечное, в результате извращения своей природы, утративший видение и чувство бесконечного, тем не менее, способен “прорваться” или через откровение любви, или через откровение художественного акта (“вдохновение”), или через откровение странничества из сферы конечного в сферу бесконечного, способен “вещь в себе” превратить в “вещь для себя”, т.е. во всем предельном увидеть беспредельное» [6, с. 19]. Бесконечное есть все, взятое в нерасчлененности, в целостности, и стремление видеть в предельном беспредельное есть попытка вновь обрести распавшееся единство, утраченный синтез.

Такого рода синтез формируется на основе постижения универсума (универсум от лат. *univērsus* – совокупный, общий, полный) как целого и неразложимого единства, в котором заложен принцип всего бесконечного. Понятия Универсума и Универсального (*universāle* – взятое в совокупности) подразумевают общее основание всякого синтеза, поскольку синтез в сущности своей есть не что иное, как соединение разнородных элементов в некую целостность, т.е. совокупность.

Проблема целого была сформулирована ещё в трудах Г.Ф. Лейбница (1646–1716). Монада «есть не что иное, как *простая* субстанция, которая входит в состав сложных; простая, значит, не имеющая частей» [5, с. 413], – так начинает Лейбниц свой труд «Монадология» (1714). Не называя открыто духовную единицу – монаду синтетическим единством, Лейбниц, тем не менее, наделяет ее синтезирующим характером. Во-первых, монада как простая субстанция воспринимает в себе самой весь космос во всем его богатстве и многообразии, монада – «живое зеркало универсума», созданного посредством Бога: «...один только Бог есть первичное Единство, или изначальная субстанция. Все монады, сотворенные или производные, составляют Его создания и рождаются, так сказать, из непрерывных, от момента до момента, излучений Божества...» [5, с. 421]. Будучи зеркалом универсума, всякая монада представляет собой гармонию и порядок, обладает внутренним единством, так как универсум устроен, по мнению Лейбница, в совершенном порядке.

Во-вторых, наряду с такими атрибутами как непротяженность и неделимость, монада наделяется другим свойством – многообразием, которое отличает одну монаду от другой. «Это многообразие должно обнимать многое (*die Vielheit*) в едином (*die Einheit*) или простом (*das Einfache*). Ибо так как естественное изменение совершается постепенно, то кое-что при этом изменяется, а кое-что остается в прежнем положении; и, следовательно, в простой субстанции необходимо должна существовать множественность состояний и отношений (*die Mehrheit von Regungen und Beziehungen*), хотя частей она не имеет» [5, с. 414]. Немецкие термины *Einheit* (единство), *Vielheit* (множество, многочисленность), *Mehrheit* (большинство, множество) более точно иллюстрируют понятие монады. Будучи единой и простой, монада представляет собой замкнутую цельность,

неразделенное целое¹, включающее большое количество многообразных качеств². Другими словами, внутри каждой монады обнаруживают себя различные качества, которые выступают в зависимости от целого, следовательно, монада способна синтезировать внутри себя.

В-третьих, монада также имеет свойство выступать в совокупности с другими простыми субстанциями и образовывать сложные субстанции, а «сложная субстанция (*das Zusammengesetzte*) есть не что иное, как собрание, или *агрегат*, простых» [5, с. 413]. Это определение сложной монады сопоставимо по смыслу с дефиницией сложения в математике, неслучайно Лейбниц определяет монаду как *das Zusammengesetzte* (от нем. глагола *zusammensetzen* “составлять (вместе)”, “собирать (механизм)”). Сложная субстанция есть результат сложения простых субстанций (слагаемых). Лейбниц понимал мир как целостную систему различных субстанций, каждая из которых обладает независимой индивидуальной сущностью. Вся Вселенная представляет в структурном отношении совокупность (сумму) индивидуальных субстанций.

Таким образом, принимая во внимание вышеперечисленные свойства монады, представляется справедливым считать этот духовный первоэлемент неким синтетическим целым, который предстает одновременно и как отражение гармоничного универсума и как его структурная единица. Первоначально синтез обнаруживается как простое математическое сложение: такой представлена монада Лейбница.

Монадология Лейбница нашла свое продолжение в философии И. Канта (1724–1804). В своем произведении «Критика чистого разума» (1781) Кант предложил рассматривать в качестве простых неделимых единств, обладающих собственным бытием, вещи в себе. Вещь сама по себе, воздействует на чувственность человека и порождает многообразие ощущений. Посредством априорных форм созерцания – пространства и времени – эти чувственные ощущения упорядочиваются (рядом друг с другом в пространстве и друг за другом – во времени). Организованные в пространстве и времени, ощущения составляют предмет восприятия. С помощью рассудка определенное многообразие чувственного материала (организованного на уровне восприятия с помощью априорных форм созерцания) подводится под единство понятия. Таким

образом, действие рассудка есть не что иное, как связывание различных объектов. Возможность постигнуть объект как составленный из свойств, частей, отношений, Кант впервые определяет как «синтез» (Synthesis): «...Под синтезом в самом широком смысле я разумею присоединение различных представлений друг к другу и понимание их многообразия в едином акте познания. Такой синтез называется чистым, если многообразное дано a priori (подобно многообразному в пространстве и времени), а не эмпирически» [4, с. 173]. «Синтез» как естественнонаучное понятие становится у Канта математическим подходом, в основе которого лежит конструирование математического предмета посредством воображения (чистого созерцания).

Понятие синтеза Канта представляется бинарным: с одной стороны, речь идет о количественном единении качеств составных частей рассматриваемого объекта; с другой стороны, единство объекта осуществляется посредством синтетического созерцания разума субъекта, постигающего данный объект, т.е. единство созерцания обуславливает единство понятия. Так, Кант подразумевает под синтезом не просто некую взятую в нерасчлененности объективную субстанцию, но и сам процесс познания, т.е. каким образом осуществляется соединение различных элементов, сторон объекта в единое целое (систему).

В философии Канта синтетический акт познания начинает обнаруживать себя и в сфере искусства как путь соединения отдельных искусств в рамках определенной формы. Сравнивая изящные искусства по их эстетической ценности в «Критике способности суждения» (1790) Кант приходит к следующему выводу о сочетаемости изящных искусств в одном и том же произведении. «Красноречие может сочетаться с живописным изображением и своих субъектов, и своих предметов в драме; поэзия — с музыкой в пении; пение — с живописным (театральным) изображением в опере; игра ощущений в музыке — с игрой фигур в танце и т.д.» [3, с. 344]. Кант не требует соблюдения границ между различными видами искусств. Если особенности художественного произведения диктуются его предметным содержанием: должна ли эта реальность быть выражена в действии или неподвижности, в пространстве или времени, то и искусства выбираются в соответствии с чувствами, которыми они воспринимаются. В данном случае множественность, т.е.

отдельные части (порой и неоднородные), сводятся к однородному единству. Кант называет это совершенством, тем более что совершенство подразумевает высшую форму гармоничного упорядочивания, и синтез предполагает не простую сумму составляющих, а их порядок и согласие. Так, понятие синтеза начинает обретать эстетический характер: искусство представляется той сферой, где наглядно обнаруживается субъективный синтетический акт.

Немецкий поэт и мыслитель И.В. Гете (1749–1832) считал анализ и синтез основными методами научно-философского исследования. Так и в искусстве целостное единство создается в результате анализа основы природного явления.

Идея бесконечного синтеза наиболее «родственных» элементов как движущая сила в развитии природы представлена Гете в работе «Избирательное сродство» (1809). В одной из бесед, которые ведут главные герои романа, речь заходит о взаимном притяжении и отталкивании химических элементов, их способности к соединению, а затем к распаду и образованию новых комбинаций с еще более близкими. Это явление определяется Гете термином «избирательное сродство».

Под «избирательным сродством» понимается, в первую очередь, химическое сродство — способность каждого простого тела соединяться с другими элементами и образовывать с ними сложные тела, в большей или меньшей степени склонные давать новые сложнейшие соединения. Химическое сродство есть не что иное, как химический синтез. Химическая реакция подразумевает не простое деление неких связанных между собой химических элементов А и Б, В и Г, а затем элементарное суммирование элементов А и Г, Б и В. В результате химического синтеза (сродства) рождается новая более сложная форма: «...эти вещества <...> притягивают, охватывают, разрушают, истребляют, поглощают, а затем, по-иному слившись воедино, выступают в обновленной, неожиданной форме» [2, с. 251, 252]. Таким образом, в отличие от Лейбница и Канта синтез у Гете рассматривается как естественнонаучное понятие, под которым понимается целенаправленное получение *сложных веществ из более простых* и предполагается *качественное* изменение слагаемых элементов. Результатом синтеза является рождение новой формы, отличной от составляющих ее элементов.

Сродство — это не только химическая, но и всеобщая закономерность. Понятие «сродство» Гете заимствует из натурфилософии, однако избирает для своего сродства не латинский термин *affinitās* “родство”, “тесная связь”, а термин немецкого происхождения «*Wahlverwandschaft*». В переводе *Wahlverwandschaft* означает «родство душ» (одна из героинь романа называет это «духовным и душевным сродством»), что подчеркивает причастность человека к природе и определяет все то, что случается с героями романа. Неорганические и органические тела — все являются частью природы, а, значит, все дела и творения человека, также должны определяться законами природы. Следовательно, сродство как естественный закон природы становится определяющим в творческой деятельности человека. Органичность идеи синтеза, которую предлагал Гете, исходит из мимесиса природе.

Так же, как и Гете, великий немецкий поэт и мыслитель Ф. Шиллер (1759–1805) не раз подчеркивал в своих работах по эстетике, что искусство выполняет свое назначение посредством подражания природе, и прекрасное в искусстве не есть сама природа, а воспроизведение ее через произведение искусства. Прекрасное в искусстве есть воспроизведение природы, а именно «природы предмета, подлежащего изображению, природы материала и природы художника, который должен согласовать две первые природы» [7, с. 109].

Различая в искусстве два вида прекрасного: прекрасное материала и прекрасное формы, Шиллер считал, что материал предстает всегда как некое разнообразие, форма — это способ объединения этого разнообразия. Форма у Шиллера должна не только объединить материал, но и воплотить идею в образе, ведь художественная идея вещи, которую предстоит воплотить, существует уже в уме художника как идеальный образ, по подобию которого создается нечто. Скорее это прообраз формы, возникающий в сознании художника как результат стремления к подражанию, поскольку стремится воспроизвести объект, существующий в природе. Таким образом, осмысление синтеза в естественных науках начинает перерастать в синтез, преображенный художе-

ственным воображением, т.е. синтез искусств. Идея синтеза, исходящая из мимесиса природе, которую выдвигали Гете и Шиллер, должна быть преображена художественным воображением и предстать в некоем объединенном образе. Естественный, природный синтез начинает приобретать художественное значение и рассматривается как совокупность различных форм, материала в соответствии с идеалом красоты целого.

Интерес мыслителей и поэтов XVIII века к «целому» и «единству» в различных значениях: целостность природы, единство восприятия и т.д. преломились, впоследствии, в романтическом мирозерцании XIX века в проблему создания *синтетических произведений искусства*, преимущественно у эстетиков, писателей, музыкантов, связанных с йенской школой.

Примечания

¹ *Einheit, die – untrennbar Zusammengehöriges, in sich geschlossene Ganzheit, innere Zusammengehörigkeit* (Единство – неделимое единство, замкнутая цельность, внутренняя сплоченность.)

² *Vielheit, die – in sich nicht einheitliche Vielzahl von Personen od. Sachen* (неоднородная масса людей или предметов).

Библиографический список

1. *Richard Wagner. Das Kunstwerk der Zukunft // Richard Wagner. Sämtliche Schriften und Dichtungen. 5. Auflage Dritter Band. – Leipzig, 1871. – S. 334.*
2. *Гете И.В. Избирательное сродство // Гете И.В. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. Романы и повести. – М.: Худож. лит., 1978. – 480 с.*
3. *Кант И. Критика способности суждения // Кант Иммануил. Сочинения. В 6 т. – М.: Мысль, 1965. – Т. 5. – 564 с.*
4. *Кант И. Критика чистого разума // Кант Иммануил. Сочинения. В 6 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – 799 с.*
5. *Лейбниц Г.В. Монадология // Лейбниц Г.В. Сочинения. В 4 т. Т. I. – М.: Мысль, 1982. – 636 с.*
6. *Федоров Ф.П. Человек в романтической литературе. – Рига: ЛГУ им. П. Стучки, 1987. – 118 с.*
7. *Шиллер Ф. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 6. Статьи по эстетике. – М.: Худож. лит., 1957. – 791 с.*

В.В. Игошев

ИССЛЕДОВАНИЕ ГРУППЫ ПРЕДМЕТОВ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ КОСТРОМСКИХ МАСТЕРОВ-СЕРЕБРЯНИКОВ XVII В.*

Преамбула. *Статья посвящена исследованию группы серебряных кадил, происходящих из храмов и монастырей г. Костромы. Целью статьи является исследование типологии, своеобразия стиля и техники изготовления костромских памятников серебрения и сопоставление их с произведениями, выполненными мастерами из других художественных центров России, а также – с работами иностранных мастеров. Впервые приводится ранее неизвестное имя костромского мастера-серебряника – Иошля на кадиле 1674 г. из Государственного Исторического музея.*

Атрибуция четырех костромских серебряных кадил XVII в. впервые была сделана в трудах М.М. Постниковой-Лосевой. Это кадила: 1641 г., 1665 г., 1674 г., 1676 г. [1; 2]. Эти же предметы (за исключением кадила 1676 г.) опубликованы С.И. Масленицыным [3]. Изображения и упоминание отдельных кадил приводились в литературе краеведческого характера [4; 5], в альбомах [6; 7], фотографии этих произведений были воспроизведены еще в начале XX в. [8; 9].

Костромские кадила XVII в. заметно отличаются от новгородских, псковских, ярославских и московских предметов. На нескольких костромских кадилах гравированы надписи не только с датами их создания, но что особенно важно – с именами костромских серебряников. На кадиле 1665 г. есть авторская подпись Никифора Матвеева сына Гожева, а на кадиле 1674 г. нами выявлено имя ранее неизвестного костромского мастера – Иошля.

Всего сохранилось пять серебряных костромских кадил XVII в.: четыре – в собраниях Музеев Московского Кремля и одно – в Государственном Историческом музее. В собрании Костромского музея-заповедника нет ни одного средневекового кадила, изготовленного местными мастерами. Все серебряные костромские кадила можно разделить на два типа.

Первый тип костромских кадил. К первому типу кадил с невысокой шлемовидной кровлей относятся три предмета, сходные как с новгородскими, имеющими форму корпуса в виде луковичи [10], так и с шарообразными ярославскими кадилами [11]. Но в тоже время такие костромские кадила имеют и существенные отличия, являясь, скорее всего, промежуточным звеном между предметами «новгородского» и «ярославского» типа.

Костромское кадило 1658 г. (ГММК-мр3350) до поступления в музей находилось в местном Богоявленском монастыре, однако, происходит

оно из Воздвиженского монастыря (ил. 1). (Все фотографии кроме ил. 3 выполнены автором статьи.) На этом кадиле кровля украшена выпуклыми фигурными чеканными ложками, расположенными в три яруса и богато декорированными гравированным растительным орнаментом с чеканной обводкой в виде рельефного жгутика по краю каждой ложки. Самые крупные ложки в виде килевидных лепестков, увенчанных крином, расположены внизу кровли кадила. Ажурные белые узорчатые ложки эффектно чередуются с четырьмя золочеными. Схожий принцип украшения кровли кадила выпуклыми узорчатыми ложками в несколько ярусов, можно видеть на кровле ярославского серебряного кадила 1680 г. (ЯМЗ-7347) [12; 13].

На позолоченных ложках костромского кадила по килевидному краю сверху гравирована вкладная надпись о его вкладе в Воздвиженский монастырь при архимандрите Филарете: «СИЕ КАДИЛО ВОЗДВИЖЕНЬСКАГО МОН[А]СТЫРЯ / ЛЕТА 7166 (1658) ГОДУ МЕСЯЦА МАИЯ / ПОСТРОЕНО ПРИ АРХИМА[НД]РИТЕ ФИЛАРИТЕ / А ТРУДИХЬСЯ О СЕМЬ АЗЪ ГРЕШНЬ». Заказчик серебряного кадила – архимандрит Филарет был игуменом Крестовоздвиженского монастыря с 1652 по 1662 гг. [14].

На кровле кадила между ложками, имеющих форму остроконечных лепестков, сверху чеканены небольшие узорчатые полусферы, с обводкой в виде рельефного жгутика по краю. На чаше кадила 1658 г. на слегка выпуклых ложках, обведенных рельефным чеканным узким жгутиком, гравирован растительный орнамент из переплетающихся стеблей трав, листьев, завитков. Такой узор, через ложку эффектно выделен чернью. Форма корпуса и декор чеканных ложек на костромском кадиле выполнен, под влиянием немецкого серебра XVI – начала XVII вв. Подобные

* Статья поступила в редакцию в 2006 г.

Ил. 1. Кадило 1658 г. Кострома. Фрагмент.
(ГММК-мр3350)

Ил. 2. Кадило 1665 г. Кострома. (ГММК-мр3347)

произведения имеются в собрании музеев Германии и России [15; 16].

Однако, в целом пропорции, форма кадила, его отдельных частей и декора хорошо согласованы и подчинены единому строю и замыслу. Несмотря на некоторые иностранные заимствования, заметные в форме деталей и в декоре произведения, оно имеет высокие художественные качества и ярко выраженные национальные представления о красоте, являясь частью благолепно украшенного храма.

Второе кадило 1665 г. (ГММК-мр3347) (ил. 2) – это вклад костромского серебряника Никифора Гожева – владельца двух лавок [17], изготовившего его для костромской церкви Николы Чудотворца Ратного. По венцу кровли кадила 1665 г. гравирована вкладная надпись вязью: «ЛЕТА 7173 (1665) ГОДУ ПОСТРОЕНО СІЕ КАДИЛО НА КОСТРОМЕ ВЪ ЦЕРКОВЬ НИКОЛЫ ЧЮДОТВОРЪЦА РАТЪНОГО, А СТРОИЛЪ ПО ВЕРЕ И ПО РОДИТЕЛЕХЪ СВОИХЪ». Далее надпись про-

должается по венцу чаши: «НИКИФОРЪ МАТВЕЕВЪ СЫНЪ ГОЖЕВЪ СВОИМЪ СЕРЕБРОМЪ И МАСТЕРСТВОМЪ А ПОЗОЛОТА АФОНАСІЯ СЕМЕНОВА С[Ы]НА САМСОНОВА». На корпусе кадила 1665 г., в отличие от кадила 1658 г., декор выполнен в технике чеканки. Гладкие чеканные выпуклые ложки здесь чередуются с ложками, украшенными чеканным орнаментом стеблей трав, листьев, завитков.

Декор третьего кадила 1674 г. (ГИМ-6203) из церкви Воскресения на Дебре также выполнен в технике чеканки (ил. 3). Гладкие белые выпуклые чеканные ложки на чаше, кровле и поддоне предмета чередуются с золочеными ложками, украшенными рельефным чеканным орнаментом стеблей трав и листьев. По венцу чаши и кровли двумя неширокими поясками гравирована вкладная надпись вязью: «ЛЕТА 7182 (1674) ГОДУ / ПОСТРОЕНО СІЕ КАДИЛО / КОСТРОМЫ / ПОСАДУ ЧТО / НА ДЕБРЕ / ЦРКВИ ВО». Далее надпись продолжается на чаше кадила: «ЗЪНЕСЕ-

Ил. 3. Кадило 1674 г. Кострома. (ГИМ-6203)

НИЯ / Г[ОСПО]ДА Б[О]ГА И СП[А]СА Н[А]ШЕГО / И[ИСУ]СА ХР[И]СТА / А СЕРЕБРА / З ФУНТА / А ДЕЛО ИЕВАИЛЬ». Последняя часть надписи указывает на имя мастера, изготовившего кадило – Иоиль. Буквы, в отличие от московской плотной вязи, расположены достаточно свободно, текст разделяют припаянные литые детали, предназначенные для крепления цепей и накладные пышные цветы напоминающие раковины.

Второй тип костромских кадил. Известен еще один тип серебряных костромских кадил XVII в., сделанных в виде высоких шатров. К таким предметам можно отнести кадило 1641 г. (ГММК-охр18576) (ил. 4) – вклад окольного Михаила Михайловича Салтыкова в костромской Богоявленский монастырь. На гладкой частично позолоченной чаше кадила в четырех фигурных клеймах гравирована надпись вязью: «ЛЕТА 7149 (1641) ГЕ(Н)ВАРЯ В 22 ДАЛЪ СІЕ КОДІЛО НА КО(С)ТРОМУ В ДОМЪ / ЧУ(Д)НОВА Б[О]ГОЯВЛЕНІЯ Г[О]С[П]ОДА Б[О]ГА СП[А]С

СА Н[А]Ш[Е]ГО І[И]СУСА Х[Р]ИСТА ОКО(Л)Н[И]ЧЕЙ МИХА(И)ЛО / МИХА(И)ЛОВИЧЪ С(А)ЛТЫКОВЪ ПО ОТЦЕ СВОЕ(М) ПО (И)НОКЕ СК(И)МН[И]КЕ / МИСА(И)ЛЕ И ПО ПРОЧИ(Х) РОД(И)ТЕЛЕ(Х) СВОИ(Х) ПРИ (И)ГУМИНЕ

Ил. 4. Кадило 1641 г. Кострома. (ГММК-охр18576)

Ил. 5. Кадило 1676 г. Кострома. (ГММК-мр3346)

КО(Р)НИ(Л)И(Е) З БРАТЬЕЮ». Богоявленский монастырь, основанный в XV в. старцем Никитой, был родовым монастырем бояр Салтыковых, также как Ипатьевский – бояр Годуновых. Под главным храмом монастыря была устроена усыпальница рода Салтыковых [18].

Верхняя часть шатра кадила 1641 г. сделана в виде гладкого высокого конуса и увенчана маленькой гладкой шаровидной главкой с гладким литым четырехконечным крестиком. Шатровая кровля кадила состоит из двух ярусов ажурных литых серебряных золоченых орнаментальных

пластин, спаянных между собой и образующих единую сложную ткань металлического кружева. Форма килевидных фигурных клейм, вписанных в треугольник гравированных на чаше кадила – так называемые – «спуски» встречаются на серебряных новгородских предметах церковной утвари XVI–XVII вв., например, на водосвятных чашах [19], кадилах [20].

Высокий граненый поддон серебряного кадила 1641 г. в плане имеет шестилепестковую розетку. К плоским белым гладким шести граням пирамидального поддона кадила приклепаны шесть ажурных литых позолоченных пластин с травами и крупными цветами, которые выполнены несколько грубо и не очень органично согласуются с мелким узором пластин на шатровой кровле. По торцу поддон спаян из шести ажурных литых «С»-образных пластин.

Второе серебряное кадило 1676 г. (ГММК-мр3346) (ил. 5) – вклад в этот же Богоявленский монастырь Максима Васильевича Шаровникова, о чем свидетельствует вкладная надпись, гравированная по венцу богато украшенной чеканным растительным орнаментом чаши: «ЛЕТА 7184 (1676) ГОДУ В Б[О]ГО/ЯВЛЕНЬСКОЙ МО[Н]А[Х]И[С]Т[Ы]РЬ ПРИ ИГУМЕНЕ ПАВЛЕ /ДАЛ СИЕ КАДИЛО ВКЛАДУ». С нижней стороны поддона обронная надпись продолжается: «МАКСИМЪ ВАСИЛЬЕВЪ СЫНЪ ШАРОВНИКОВ. А СЕРЕБРА ШЕСТЬ ФУНТОВ ЗОЛОТА ШЕСТЬ НА ДЕСЯТЬ ЗОЛОТНИКЪ».

Шатровая кровля кадила состоит из золоченых ажурных литых пластин, спаянных между собой и скомпонованных в два яруса. Высокий частично золоченый шатер увенчан четырехконечным крестом красной яшмы (возможно более ранним, чем кадило) оправленным в серебро.

Крупные чеканные цветы на чаше кадила 1676 г., сходные с ренессансными раковинами, орнаментальная разделка на главке и отдельные литые детали с сердцевидными прорезями аналогичны таким же элементам декора на чаше и на кровле рассмотренного выше кадила 1674 г., что позволяет предположить, что оба кадила 1676 г. и 1674 г. сделаны одним костромским мастером.

Формы костромских кадил с высокой кровлей имеют много общего с сербскими кадилами XVI в., что впервые доказала М.М. Постникова-Лосева, связавшая время их появления в Костроме с приездом в 1641 г. «на вечное житие» в Россию «Сербской земли города Скопа Предтеченс-

Ил. 6. Кадило 1569 г. Молдо-Валахская работа. Монастырь Вмч. Екатерины на Синае

кого монастыря митрополита Симеона», который был принят царем и вскоре возведен в сан митрополита Казанского и Свияжского [21]. В те годы Кострома входила в Казанскую епархию. В статье, где упоминаются эти памятники, М.М. Постникова-Лосева допускает, что раннее костромское кадило 1641 г. могло быть выполнено приезжим мастером сербом.

Аналогичное серебряное молдо-валахское кадило 1569 г. с ажурным готическим верхом было вложено в монастырь вмч. Екатерины на Синае [22] (ил. 6). Форма кровли и ажурный декор литых деталей костромских кадил XVII в. имеет некоторое сходство с декором литых сербских лампадок этого же времени в виде подвешенных на трех цепях высоких ажурных стаканчиков [23].

Однако, оба костромских шатровых кадила из Богоявленского монастыря все же являются ра-

ботой русских, а точнее, костромских мастеров. Скорее всего, при изготовлении кадила 1641 г. и 1676 г., образцом им послужило серебряное кадило XVI в. сделанное сербским мастером.

При сравнении сербских кадил «с готическим верхом» и костромских произведений можно видеть, что схожа, здесь только общая форма предмета, однако пропорции, характер декора и техника исполнения другие. Форма костромских кадил более стройная, изящная по пропорциям и выполнена на более высоком техническом уровне. Костромские кадила больше напоминают русскую архитектуру малых форм: деревянные резные царские и патриаршие места, напрестольные сени XVII в.

Как уже отмечалось, высокие кровли таких кадил с конусообразными навершиями состоят из узких ажурных орнаментальных и выпуклых пластин, увенчанных крином или херувимом. Высокие шатры костромских серебряных кадил, состоящие из орнаментальных полуколонок, своей конструкцией схожи с деревянными резными шатрами XVII в.: с «царским местом» в Ипатьевском монастыре [24], и «сидением» патриарха Никона из ярославского храма Николы Мокрого [25; 26].

Сложные конструкции высоких шатровых костромских серебряных кадил XVII в. своими пропорциями напоминают также шатровые многоглавые храмы конца XVI–XVII вв. Это шатровые деревянные храмы подобные тем, которые известны на Русском Севере, или каменные храмы, например, церковь Богоявления 1592 г. в селе Красном.

Серебряные кадила костромской работы, выделяются ярким своеобразием форм, орнаментации и техники изготовления, отличаясь от кадил изготовленных в других древнерусских художественных центрах.

Выводы. Рассмотренные серебряные кадила XVII в., выполненные костромскими мастерами, являются замечательными высокохудожественными памятниками, они отличаются гармоничными формами, красивым декором и высоким мастерством изготовления. Форма их отдельных деталей, элементов декора и техника выполнения свидетельствуют о древних связях церковного искусства Костромы с искусством Новгорода и Пскова XVI в. Несмотря на многочисленные вклады в XVI–XVII вв. драгоценных предметов «московского» или «западноевропейского» типа в Ипатьевский и другие монастыри и храмы Костромы, кадила, сделанные местными серебряни-

ками имеют свой неповторимый и яркий тип, отличающийся от предметов, выполненных в других древнерусских художественных центрах. На корпусе кадил чеканен типично русский растительный орнамент извивающихся стеблей трав, завитков, листьев, бутонов-«репьев», в который вплетены и элементы западноевропейского ренессансного узора раковин и трав.

Формы и пропорции костромских серебряных кадил XVII в. тесно связаны с древнерусской архитектурой XVI–XVII вв. Шатровые кровли этих серебряных предметов церковной утвари имеют сходство с шатрами русских деревянных церквей и колоколен, а также с формами малой архитектуры – с шатрами царских мест и на престольных сеней. Определенное влияние на костромские памятники оказали формы и пропорции сербских кадил XVI в.

Библиографический список

1. *Постникова-Лосева М.М.* Мастера-серебряники городов Поволжья XVII в. Ярославль, Нижний Новгород, Кострома // Древнерусское искусство XVII в. – М., 1964. – С. 297–303.
2. *Постникова-Лосева М.М.* Русское ювелирное искусство его центры и мастера XVI–XIX вв. – М., 1974. – С. 89–93.
3. *Масленицын С.И.* Кострома. – Л., 1968. – С. 114. – Ил. 77, 79, 80.
4. *Лукомские В.К., Г.К.* Кострома. (Репр. изд. 1913 г.). – М., 2002. – Ил. на с. 118, 216.
5. *Иванов В.Н.* Кострома. – М., 1978. – С. 94.
6. Государственная Оружейная палата / Авторы составители И.А. Бобровническая, Л.П. Кириллова и др. – М., 1988. – С. 98. – Ил. 65.
7. *Splendeurs de Russie. Mille ans d'orfèvrerie.* – Paris, 1993. – № 61. – Р. 114.
8. «Русские древности» по снимкам И.Ф. Барщевского. – М., б.г. – Лист 98. (В подписи к фотографии: «КАДИЛЫ 1766 И 1641 ГОДА» сделаны опечатки, следует читать: «КАДИЛА 1641 И 1676 ГОДА»).
9. Каталог фотографических снимков с предметов старины, архитектуры, утвари и прочего, снятых фотографом Императорской Академии художеств, Императорского Московского археологического общества И.Ф. Барщевским. – М., 1912. – С. 13. – Негатив № 423.
10. *Игошев В.В.* Новгородские кадила XVI–XVII вв. // Искусство христианского мира. – М., 2002. – Вып. 4. – С. 288–293.
11. *Игошев В.В.* О типе двух древнейших кадил из Соловецкого монастыря // Сохраненные святыни Соловецкого монастыря. Материалы и исследования. XVII. – М., 2003. – С. 113.
12. *Игошев В.В.* Ярославское художественное серебро XVI–XVIII вв. – М., 1997. – С. 99–100; 226–227.
13. *Игошев В.В.* К вопросу о генезисе ярославского типа драгоценной церковной утвари второй половины XVII–XVIII вв. // Русское искусство Нового времени. – М., 2004. – С. 125–126.
14. *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб., 1877. – С. 860.
15. *Deutsche gold-schmiedekunst vom 15. bis zum 20. jahrhudert aus dem germaniscen nationalmuseum.* – Berlin, 1987. – P. 17, 60.
16. *Маркова Г.А.* Немецкое художественное серебро XVI–XVIII веков в собрании Оружейной палаты. – М., 1975. – Кат. 27, 42.
17. *Постникова-Лосева М.М.* Русское серебряное дело, его центры и мастера XVI–XIX вв. – М., 1974. – С. 89.
18. *Сырцов И.Я.* Город Кострома в его прошлом и настоящем. – Кострома, 1909. – С. 21.
19. *Игошев В.В.* Новгородские церковные чаши XVI–XVII вв. // Искусство христианского мира. Вып. 7. – М., 2003. – С. 385. – Ил. 5, 6. Ил. 7 на цветной вкладке.
20. *Игошев В.В.* Новгородские кадила XVI–XVII вв. // Искусство христианского мира. Вып. 4. – М., 2002. – С. 291. – Сноска 67.
21. *Постникова-Лосева М.М.* Серебряные изделия ювелиров Сербии и Дубровника XIV–XVIII веков в музеях Москвы и Ленинграда // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. – М., 1975. – С. 201.
22. *Sinai. Treasures of the monastery of saint Catherine.* Athens. 1990. P. 269, 288. Fig. 14.
23. *Oikonomakh – Пападопулоу Г.* Екклети́ка аргура. – Афина, 1980. – № 63. – Р. 35.
24. *Покровский Н.В.* Памятники церковной старины в Костроме. – СПб., 1909. – С. 11. Табл. III.
25. *Павлинов А.* Древности Ярославские и Ростовские. – М., 1892. – С. 20. Табл. XVI.
26. *Выголов В.П.* Ярославль. Памятники архитектуры и искусства. – М., 1985. – С. 147.

Т.М. Касторская

**ВЕДОМСТВЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ А.П. МЕЛЬГУНОВА В ЯРОСЛАВЛЕ
ДЛЯ «ДОМА ПРИЗРЕНИЯ, ВОСПИТАНИЯ ОБУЧЕНИЯ В НЕМ СИРОТ
И НЕИМУЩИХ ДЕТЕЙ» (1784–1790)**

С именем Ярославского губернатора Алексея Петровича Мельгунова связаны многие изменения в культуре северных городов¹. А.П. Мельгунов сделал стремительную карьеру в столице. 28 декабря 1761 года Петр III произвел Мельгунова в генерал-майоры, с февраля 1762 года – в генерал-поручики, в мае того же года назначил членом Особого собрания при императоре. Но вскоре его покровитель был смещен. А.П. Мельгунов, опасаясь опалы со стороны Екатерины II, взойшедшей на престол, покидает двор. Но не надолго, в 1764 году А.П. Мельгунов назначается Новороссийским губернатором, а через год призывается ко двору, становится сенатором. С 1777 года Мельгунов становится генерал-губернатором Ярославской губернии. Во время правления Екатерины II выполнял важные поручения императрицы, чем заслужил в 1783 году, только что учрежденный орден «Св. Владимира».

В 1768 году по желанию Екатерины II была предпринята попытка создания Кабинета славы всех кавалеров ордена «Св. Владимира» с портретами награжденных. Работа была поручена Д.Г. Левицкому и предназначалась для зала кавалерской думы ордена «Св. Владимира»². В то время как Д.Г. Левицкому заказали «писать портреты всех кавалеров ордена «Св. Владимира» большого креста», а к 1787 году их было 97. Д.Г. Левицкий избирательно подошел к отбору моделей для галереи, им было выбрано лишь шесть кавалеров³. Один из центральных портретов было изображение А.П. Мельгунова.

В провинциальном варианте поводом для создания ведомственной портретной галереи было «богоугодное» дело самого А.П. Мельгунова, а именно: создание в Ярославле «Дома для призрения, воспитания и обучения в нем сирот и неимущих детей». В отличие от галереи «кавалеров ордена св. Владимира», идея ее создания была другой, хотя перед глазами А.П. Мельгунова был, вероятно, прототип ансамбля зала Кавалерской думы. По всей видимости, этой аналогией можно объяснить то, что Мельгуновым выбран для реализации замысла – один художник Д.М. Корнев⁴. Им написаны 17 портретов из 19 представ-

ленных лиц. Поистине, на плечи провинциального художника легла грандиозная задача, ведь его моделями были государственные чиновники, известнейшие люди в Ярославской и Вологодской губернии. Исследователь А.В. Лебедев пишет по поводу Ярославской галереи: «...В данном случае без труда угадывается и конкретный образец, на который ориентировались устроители Ярославского Дома призрения – воспитательный дом в Москве с его портретной галереей»⁵.

Заметим, данную точку зрения исследователя можно принять только отчасти. Ансамбль созданный в 1765–1773 годах для Московского Воспитательного дома, создавался силами трех художников, двое из которых Д.Г. Левицкий и Ф.С. Рокотов были к тому времени знамениты. Д.Г. Левицкий в этой галерее были созданы, правда, с достаточным временным перерывом портреты Б.В. Ухтомского 1765, Н.А. Сеземова 1770-г., П.А. Демидова 1773; Ф.С. Рокотовым в один 1768 год – портреты П.И. Вырубова, С.В. Гагарина, И.Н. Тютчева и Ф.Г. Баризьена – портрет Я.А. Шубского 1765 г. Портреты группировались в два триптиха, фланкирующие «сверхполотно», изображавшее главного вкладчика и устроителя Московского Воспитательного дома – П.А. Демидова⁶.

Необходимо заметить, как в случае со столичным прототипом, где при посредничестве И.И. Бецкого был претворен в жизнь Устав дома, согласно которому опекунов и – при условии определенного денежного взноса – жертвователей – должны были портретировать. Так и в Ярославском варианте – главными персонажами были основные жертвователи и опекуны, то есть в один ряд попали губернатор А.П. Мельгунов и главный жертвователь – купец И.Я. Кучумов.

В 1786 году 21 апреля был открыт Дом «для призрения, воспитания и обучения в нем сирот и неимущих детей». Он был выстроен на средства и пожертвования ярославского купечества и дворянства. По-видимому, ещё за несколько лет до открытия Дома возникла мысль украсить благотворительное заведение портретами тех людей, кто способствовал построению и учреждению этого дома. Работа началась в 1784 году и была

Д. Корнев
Портрет А.П. Мельгунова

поручена ярославскому художнику Д.М. Корневу, по крайней мере, два первых портрета датируются именно этим годом, остальные же – началом XIX века. Д.М. Корневым было написано два парных портрета основателей благотворительного дома. Композиции портретов зеркально повторяют друг друга: фигуры даны почти фронтально, на первом полотне в правом верхнем углу свисает драпировка, справа на столе лежит открытая книга, которую изображённый придерживает левой рукой, на втором – драпировка свисает в левом верхнем углу, стол с книгой находится слева, а рука, лежащая на книге, соответственно правая. Интересно, что на первом портрете изображён именитый дворянин, сенатор, президент камер-коллегии вологодский и ярославский генерал-губернатор А.П. Мельгунов⁷, на втором –

Д. Корнев
Портрет И.Я. Кучумова
1784 год

ярославский купец и заводчик И.Я. Кучумов. Ситуация, при которой пишутся два парных мужских портрета, да ещё вдобавок, когда изображённые представители разных сословий, очень редкая. Но если она возможна, то невольно возникает мысль о единой стилистической и мировоззренческой основе этих произведений.

На сегодняшний день известно семнадцать бесспорных произведений из этой галереи, а, кроме того, ещё четыре, которые можно отнести туда с высокой степенью вероятности. Но практически вся галерея, семнадцать из девятнадцати портретов, создана кистью Д.М. Корнева.

Сама идея открытия подобных заведений принадлежит императрице, в 1760–1790-х годах Екатерина II попыталась создать систему воспитательных образовательных учреждений. Творчес-

кую разработку и практическое осуществление задуманного Екатерина II поручила И.И. Бецкому⁸. В 1764 году Екатерина II утвердила разработанное И.И. Бецким «генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества»⁹. Задача ставилась грандиозная: «преодолеть суевеки, дать народу своему новое воспитание и, так сказать, новое порождение». В соответствии с «генеральным учреждением» были открыты: училище при Академии художеств (1764), общество двухсот благородных девиц в Петербурге (1764), с определением для мещанских девиц (1765); коммерческие училища (1772), воспитательные дома – в Москве (1764), в Петербурге (1770), а также преобразованы кадетские корпуса. В данном случае угадывается образец, на который ориентировались устроители Ярославского дома призрения, на выше упомянутый Воспитательный дом в Москве, с его портретной галереей. А галерея при таком заведении совершенно необходима, ибо рассказывает о тех, кто причастен к «богоугодному делу», тем самым связывает деяния с личностью изображённого.

В одном из выпусков ярославского журнала «Уединённый пошехонец», учреждённого в 1786 году, тем же губернатором А.П. Мельгуновым, можно прочесть литературное подтверждение сделанному: «вся поверхность круга зелёного подобна записной большой книге, в которую каждый лыстится вписать своё имя... все отличных дарований люди, какого б состояния ни были, желают себе иметь достопамятники и надписи»¹⁰. Перед нами характерный пример отражения столичного явления в зеркале провинциальной культуры. Какова же степень достоверности этого отражения. В общекультурном смысле это «калька», но если внимательно проанализировать эти портреты, то оказывается, что художественный образ и пластический язык этих произведений отличается любопытными особенностями.

Портреты Д.М. Коренева находятся в русле старой концепции, хотя они написаны гораздо позднее столичных образцов, модели одеты в парадные мундиры, при всех регалиях, как требовал традиционный репрезентативный портрет. Просветительский тезис из «Уединённого пошехонца» только и остался на бумаге. Провинциальный художник не решается на новации, он рассказчик, повествователь. В портрете А.П. Мельгунова меньше аллегорий в отличие от демидовского изображения. Кроме книги на столе, у пор-

третируемого мы видим развёрнутую карту Вологодской и Ярославской губерний, а также архитектурный чертёж постройки в стиле раннего классицизма с аттиком и пилястровой разделкой фасада здания, к которому М.П. Мельгунов имел непосредственное отношение. Единственная деталь аллегорического толка – картина, висящая на заднем плане над столом. Эта «картина в картине» – аллегорическая композиция, состоящая из масонских символов – висячее око и храм-ротонда. Здесь Д.М. Коренев вероятнее всего изображал существующую в действительности картину, а не сочинял её, то есть вполне конкретный предмет, говорящий о герое и о представителе определённого социума. А.П. Мельгунов – генерал-губернатор, один из генерал-губернаторов (на карте его наместничество занимает только часть), он благотворитель, один из учредителей Ярославского дома призрения, он масон, один из братства. Везде как бы подчёркнуто один из многих.

Портрет парный А.П. Мельгунова – купца И.Я. Кучумова, не содержит, за исключением открытой книги на столе предметов, рассказывающих о деятельности модели. Единственное, что мы знаем о его огромном денежном вкладе: «узнав благонамеренное заведение в здешнем городе сиротского дома, дал в построение около 2000 рублей, но ревность его к благотворениям не осталась ещё при сём потушенной, он уделил... 2000 рублей, в капитал сего дому без возврата»¹¹.

Следует отметить, что если в портрете и нет желания приподнять завесу над делами И.Я. Кучумова, то нет в нём и никакой ложной стыдливости. Изображённый достойно несёт своё купеческое звание, совсем не пытаясь скрыть свою социальную принадлежность. В купеческом кафтане он не менее величественен, чем одетый в мундир губернатор А.П. Мельгунов.

Вторая половина XVIII века в России, особенно в северных и верхне-волжских городах, где купечество подчас играло первую скрипку в общественных и экономических делах города, самосознание купеческого сословия не прогибало идеалам аристократического меньшинства. Но, тем не менее, зритель меньше почерпнет информации о купце И.Я. Кучумове, чем о предводителе ярославского дворянства А.П. Мельгунове. Пока ещё бытует средневековое представление о «благородных» и «неблагородных» занятиях, где «государева служба» относится к первой, а тор-

говля – ко второй. При этом изображения представителей различных сословий обладают общностью мироощущения, единой значимостью. Кроме того, портреты несут общую морализаторскую направленность, раскрытую через тексты в книгах. В обоих случаях это «Новый завет», словами которого основатели приюта обращаются к настоящим и будущим поколениям, которым суждено пребывать в благотворительном Доме¹². Это как бы две части одного нравственного завещания: первая, призывающая «не презирать ни одного из малых сих», предназначена для воспитателей; вторая предписывает «повиноваться наставникам... и быть покорными», относящаяся к воспитанникам.

Просветительские установки заказчиков портретной галереи Дома призрения реализовывались в работе Д.М. Коренева схемой парадного портрета. Основное для этих двух портретов явилось не величие героев, а величие их поступков.

Не только А.П. Мельгунов и И.Я. Кучумов принимали участие в «богоугодном деле», но и другие ярославцы, хотя их вклад не сопоставим с остальными, поэтому только два портрета изображены в рост по отношению к остальным погрудным. Принцип, в соответствии с которым портретный ансамбль организовывался по «конкретным заслугам» моделей, был проведён в жизнь столь последовательно, чем пересилил принцип «сословной иерархии»: в «верхней» части здесь оказался купец, а в «нижней» – губернское дворянство.

В малых портретах из этой галереи все персонажи практически одинаковы: одеты в синие дворянские мундиры с чёрными обшлагами и серебряными пуговицами. Единственное исключение составляют награды, индивидуальные для каждого из представленных. Фигуры на портретах имеют погрудный срез и трёхчетвертной поворот вправо или влево, все работы имеют один размер, примерно 65х50 см. Вероятно однотипность портретов была оговорена в условиях заказа. Подтверждением этому служит то, что неизвестный мастер I половины XIX века при написании портрета А.О. Кожина, предводителя дворянства Ярославской губернии, в точности повторил корневскую манеру и стиль, пополнив галерею ещё одним портретом-близнецом¹³.

Особенностью галереи в Ярославле можно объяснить неординарностью породившего его

начинания. С другой стороны, любая галерея в чем-то утилитарна, призвана решать определенные практические задачи. В этом смысле комплекс портретов из Ярославского приюта – характернейшее порождение русской культуры II пол. XVIII века. В эту эпоху, провинция, как правило, идет вслед за столицей, получает оттуда творческий импульс и готовую культурно-художественную формулу, но при этом адаптирует их к местным условиям. На примере портретов ярославских благотворителей, очевидно, что провинциальное искусство – отнюдь не «худший вариант» искусства столичного. Оно ориентировано на последнее, но не тождественно ему. Искусство провинции, несомненно, имеет собственное лицо, по-своему интересное и привлекательное.

Примечания

¹ *Фортуатов Ф.Н.* Заметки и дополнения вологжанина об А.П. Мельгунове // Русский архив. – 1865. – №12. – С. 934.

² Д.Г. Левицкий не закончил работу над портретами, ее объем был велик. В незаконченном виде она находилась до 1803 года в Академии Художеств, откуда были выданы некоторые портреты художнику для завершения. Затем до 1826 года портреты находились в Кабинете его императорского величества, до 1853 года – в Эрмитаже, откуда были переданы в Гатчинский дворец.

³ См.: *Кузнецов С.О.* Серия портретов владимирских кавалеров Д.Г. Левицкого. Из истории создания и бытования произведений // Д.Г. Левицкий. 1735–1822: Сб. научных трудов / Науч. ред. Г.Н. Голдовский. – Л., 1987. – С. 78–87.

⁴ Корнев Дмитрий Михайлович (1747 – около 1810) – живописец, портретист. Жил и работал в Ярославле. Учился живописи по-видимому у местных мастеров. Состоял в 3-й гильдии среднего купечества, но торговлей не занимался. Создал большое число портретов ярославских жителей разных сословий. Учеником Д.М. Коренева был его сын Дмитрий Дмитриевич (1786 – около 1848), ставший художником и преподавателем в Ярославле.

⁵ *Лебедев А.В.* Тщанием и усердием: Примитив в России XVIII – сер. XIX века. – М., 1998. – С. 75.

⁶ Прокофий Акинфиевич Демидов (1710–1786) – старший сын крупнейшего уральского горнозаводчика А.Н. Демидова. Учился в Гамбурге. Не служил. Имел чин действительного стат-

ского советника, полученный на благотворительную деятельность. Основал Московское коммерческое училище, известен многочисленными пожертвованиями на Московский университет и миллионными вкладами строительства Московского Воспитательного дома, членом опекунского совета которого состоял. Был знаменит своими чудачествами, что вызывало негодование Екатерины II, отзывавшемся о нем как «дерзком болтуне». С увлечением придавался занятиям ботаникой, очень любил певчих птиц. Эта сторона деятельности П.А. Демидова, подчеркнута аксессуарами в портрете. П.А. Демидов умер в Москве и был похоронен в Донском монастыре.

⁷ Мельгунов Алексей Петрович (1722–1788) воспитывался в Сухопутном шляхетском корпусе, был камер-пажом при дворе Елизаветы Петровны, при Екатерине II назначен Новороссийским губернатором, затем сенатором и президентом камер-коллегии, с 1777 года был Ярославским и Вологодским генерал-губернатором. Открыл в Ярославле народное училище и сиротский дом. При нём в Ярославле была масонская ложа. В 1786–1787 годах издавал литературный журнал «Ежемесячное сочинение “Уединённый пошехонец”».

⁸ Иван Иванович Бецкой (1704–1795), в 1760–1770-х годах проводил политику Екатерины II в об-

ласти «воспитания обоего пола юношества». Сам получил не плохое образование, много читал, путешествовал. На его педагогические взгляды оказали влияние Дж. Локка, Ж. Руссо. Его фамилия образовалась путем отсечения первого слога от фамилии его отца князя И.Ю. Трубецкого. Бецкой был его внебрачным сыном, родился в Столгольме, где Трубецкой находился в плену (взятым при Нарвском поражении).

⁹ Собрание учреждений и предписаний касательно воспитания в России обоего пола благородного и мещанского юношества, с прочими в пользу общества установлениями Т. 1. – СПб., 1789.

¹⁰ Уединённый пошехонец. – 1786. – С. 478–479.

¹¹ Уединённый пошехонец. – 1786. – С. 352.

¹² Текст в книге А.П. Мильгунова: Евангелие от Матфея, XVIII, 5, 10–11; XXIV, 45–47 (на церковно-славянском языке), текст в книге на портрете И.Я. Кучумова; Послание к евреям Ап. Павла, XIII, 14–20 (на церковно-славянском языке).

¹³ Кожин Александр Осипович (1747–1823) – коллежский советник (с 1801) в 1787–1793 – предводитель дворянства Мышкинского уезда, в 1793–1804 – предводитель дворянства Ярославской губернии. Ярославские портреты XVIII–XIX веков. Каталог выставки. – М., 1980. – С. 31.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Субетто А.И. XXI ВЕК: СУДЬБА РОССИИ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. ЧТО НЕСЕТ ИМ БУДУЩЕЕ? – СПб., 2007. – 49 с. ISBN 5-7591-0789-5.

В работе на основе анализа ряда статей в газете «Завтра» за 2006 год и начала 2007 года, посвященных проекту «Пятой империи», предлагаемой коллективом газеты во главе с А.А. Прохановым, а также теоретической системы Ноосферизма и Ноосферного Социализма, показывается, что проект «Пятой империи» – основная ловушка для идеологии XXI века в России, что единственный общественный идеал – это ноосферный социализм, Ноосферная Россия и Миссия России в XXI веке – возглавить движение человечества к ноосферной форме Бытия, к управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества.

ЦВЕТ ОППОЗИЦИИ В ПАЛИТРЕ СМИ

Цвет всегда будоражил умы разных людей. О его влияние на человека задумывались художники и психологи, дизайнеры и философы, музыканты и врачи. Журналисты не стали исключением и активно используют цвета в своих статьях. В девяностые годы в новостных и политических программах зарождающего российского телевидения ста проявлять себя красный цвет. Так демократические СМИ стали описывать оппозиционных власти коммунистов. При СССР красный имел все больше древнерусский переносный смысл «красна девица», «красный молодец» и т.д. Но с развалом СССР красный стал самым ярким цветом политического языка. Мы рассмотрели журналистские тексты новостных и аналитических программ теле- и радиокompаний «ОРТ», «Российское радио», «РТР», «Спб ТВ», «Эхо Москвы», «МТК», «Радио 1», «Открытое Радио», «Радио «Юность», «ТВ-Центр», «ДВ», «НТВ», «Ren-TV» и «З1К» в период с 1 сентября 1991 года по 30 января 1999 года в попытках понять как СМИ видели коммунизм. Было проанализировано 153526 документов.

В примерах переносного употребления красного цвета, мы обнаружили 15 групп на политическое значение слова красный. Получились следующие группы: «Политика и массы», «Карта», «Экономика», «Политика и человек», «Криминал», «География», «Военные», «Политика», «Места», «Политика и организации», «Время», «Одежда», «Природа», «Животное», «Тело» (группы указаны по порядку численности примеров). Внутри «коммунистического сектора» красного цвета можно выделить несколько смысловых блоков, которые объединяют в себе родственные по смыслу группы.

1. Блок «Политика» (532):
 - Политика и массы (441);
 - Политика и человек (55);
 - Политика (22);
 - Политика и организации (14).
2. Блок «География» (210):
 - Карта (161);
 - География (30);
 - Места (19).
3. Блок «Отрасли» (139):
 - Экономика (75);

- Военные (23);
 - Криминал (41).
4. Блок «Природа» (9):
- Природа (5);
 - Животное (4).

И три внеблоковые группы: «Тело» (2), «Время» (8), «Одежда» (7).

Теперь рассмотрим эти блоки по отдельности и более тщательно.

В Блоке «Политика», как впрочем и во всех группах переносного красного цвета, на первом месте по числу упоминаний стоит группа «Политика и массы». В ней мы наблюдаем главенствующую роль массовых мероприятий, происходящих на улице: *демонстрация, лагерь, мавка, мари, митинг, шабаш, шествие*.

«Таких массовых акций протеста Москва не знала, вероятно, со времен красных демонстраций 1992 и 1993 годов» (ист.: НТВ, программа «Сегодня», 05.11.1996, 19:00).

Из всех слов негативную окраску имеет только *шабаш*, хотя в ниже рассматриваемой группе «Политика и человек» негативных слов гораздо больше. И лишь три слова выходят за пределы улицы: *силы, тандем красно-белый, цвет политический*. Под *цветом политическим* мы подразумеваем слово «красный» без существительного. Это слово обозначает принадлежность людей к коммунистической партии. Кстати, главенство группы во всем цвете вышло именно за счет употребление данного слова 425 раз!

Группа «Политика». Удивителен тот факт, замеченный нами при анализе группы «Политика», что из всего блока в этой группе больше всего отрицательных слов: *диктатура, фашизм, нацизм, переворот, оппозиция*.

«Против красного нацизма КПРФ продолжают высказываться и оппоненты, и бывшие сторонники партии Зюганова» (ист.: ОРТ, программа «Время», 12.11.1998, 21:00).

Например, в блоке «Политика и массы» их было всего одно, в «Политика и человек» – значительно больше. В данной же группе их подавляющее. Из этого можно сделать вывод, что журналистами воспринимаются люди, пришедшие на манифестацию, митинг и т.д. нормально. В среде политиков и чиновников, которые состав-

Таблица

Группы переносного значения красного цвета

Группа	Количество слов	Количество упоминаний	Средняя частота	Лидер
Политика и массы	10	441	44,1	Цвет (425)
Карта	5	161	32,2	Пояс (154)
Экономика	10	75	7,5	Директор (60)
Политика и человек	27	55	2	Губернатор (11)
Криминал.	11	41	3,7	Террор (20)
География	12	30	2,5	Кузбасс (6)
Военные	8	23	2,8	Казаки (5)
Политика	7	22	3,1	Оппозиция (13)
Места	5	19	3,8	Уголок (10)
Политика и организации	6	14	2,3	Дума, Парламент (4)
Время	6	8	1,3	Октябрь (3)
Одежда	4	7	1,7	Пиджак (3)
Природа	3	5	1,6	Волна (3)
Животное	4	4	1	—
Тело	2	2	1	—
Вне группы	24	40	1,6	Реванш (8)
Все группы	144	947	76,5	—

ляют группу «Политика и человек» уже негативного восприятия больше.

«Искренние сторонники Зюганова все еще надеются, что Зюганов после короткого тактического отступления снова присоединиться к ним, к Макашову и к своим красным нацистам из КПРФ» (ист.: ОРТ, программа «Время», 12.11.1998, 21:00).

И, наконец, само отношение к коммунизму как идее, отрицательное. Происходит некое распределение негатива. Больше всего приходится на саму красную идею, чуть поменьше к ее активным адептам и совсем мало к рядовым сторонникам.

Группу «Политика и человек» можно разделить на две части: «Чиновники» и «Партийцы». В «Чиновниках» оказались представитель законодательной и исполнительной власти (9 слов), где лидирующим является губернатор (11 упоминаний). Вероятно, это отражения тенденции того времени, когда губернаторы областей в большей степени были политизированы, нежели мэры городов.

«Да потому что если они побеждают, на следующий день они мэра, не имеющего полномочий, убирают, и назначают своего красного мэра» (ист.: НТВ, программа «Сегодня», 13.03.1996, 19:00).

Подгруппа «Партийцы» (17 слов) описывает прокоммунистические члены различных партий. В основном, это КПРФ, но встречаются и нацисты, демократы и современный вариант ВЛКСМ. Словом-лидером является *электорат*. И особняком стоит конструкция *красный Макиавелли*.

В группе «Политика и организации» всего шесть слов, и лишь одно приходится на местную исполнительную власть (администрация), а остальные приходятся на партийные организации: *блок, дума, парламент, партия, советы*.

«Если это произойдет, то сформируется некое подобие системы сдержек и противовесов между красной областной администрацией (а в нее вошел даже лидер местного отделения «Трудовой России») и, может быть, продемократической областной думой» (ист.: Радио России, репортаж, 21.02.1997, 14:45).

Сопоставляя эти данные, со статистикой группы «Политика и человек» мы замечаем, что там лидирующее положение занимало слово губернатор. То есть глава областной администрации, которая в данной группе упоминается лишь раз. Можно сделать вывод о роли личности. Если губернатор может восприниматься, как сторонник партии, то администрации области не воспринимается как принадлежность какой-либо партии.

«Однако уже сейчас понятно, что при любом результате голосования в Санкт-Петербурге не будет красного губернатора» (ист.: НТВ, программа «Итоги», 19.05.1996, 21:00).

Вторым по значимости стал блок «География». В нем лидирующее положение занимает группа «Карта».

В переносном значении красного цвета словосочетание «красный пояс» занимает второе место (154 упоминания) уступая лишь слову «красный».

Данное выражение существенно опередило всех своих соседней по группе, где собраны примеры красного цвета, связанные с картой.

«Нельзя делить страну на пояса – зеленые, красные, розовые» (ист.: РТР, программа «Зеркало», 14.07.1996, 20:00).

В группе «География» этого же блока мы наблюдаем три направления употребления коммунистического цвета. Одно собирает в себе слова российского уровня: *империя, Россия,*

«Была красная империя, было относительно покойно» (ист.: МТК, «Выборы-95», 12.12.1995, 21:05).

Другое – регионального: *город, губерния, край, область, остров, регион.*

Третье – конкретизирует название регионов: *Брянщина, Бурятия, Кузбасс.* Эти примеры показывают, что люди преимущественно воспринимали страну не как коммунистическое государство, а скорее в нем присутствовали определенные красные области.

«В первом, в традиционно красной Брянщине Юганов набрал почти вдвое больше голосов, чем Ельцин» (ист.: Радио России, Информационно-аналитическая программа, 20.06.1996, 14:00).

И, наконец, последняя группа из этого блока – группа «Места».

Данная группа показывает какое место занимали редакции СМИ в роли пропаганды коммунистической идеи.

В блоке «Отрасли» мы объединили три группы: «Экономика», «Военные» и «Криминал».

Группа «Экономика» четко показывает как в период становление рынка в России было обострено противостояние старой системы управления хозяйством и новой. Лидирующее положение словосочетания «красный директор» показывает значимость конфликта старого и нового управляющего. Ведь под «красным директором», «банкиром» понимались не партийная принадлежность. В эпоху СССР беспартийные начальники предприятий были большая редкость. В российское время люди дела редко состояли в партии оппозиции. Под словом «красный», в кон-

тексте данной группы, понималось – использующий старые советские стиль и методы управления, закостенелый, отсталый, тоталитарный.

«Затем на газпромовской даче был набросан черновик обращения к солдатам, матросам, революционным крестьянам, трудовой интеллигенции, красным и белым директорам, иностранным резидентам и нерезидентам, правительству, президентской администрации и депутатам ГД, а также местным и поселковым органам власти» (ист.: ТВ-ЦЕНТР, «На самом деле», 06.06.1998, 22:15).

В группе «Криминал» удивителен тот факт, сколько негативных слов связывают журналисты со словом *красный*: *опасность, банда, угроза, мафия.* А словосочетание «красный террор» стоит на 4 месте, среди всех политических выражений красного цвета.

«5 сентября 1992 года в 12:00 петербургское общество “Мемориал” проводит траурный митинг, посвященный памяти жертв красного террора» (ист.: СПб ТВ, «Акцент», 04.09.1992, 19:15).

В группе «Военные» с красным цветом связаны в основном исторические термины: *красные стрелки, казаки, комиссары* и т.д. Лишь пару упоминаний о современных красных генерал и офицерах показывает, что в девяностые годы был период, когда армия была некоторое время не вне политики.

Упоминаемые в группах «Природа» и «Животные» природные явления и представители фауны достаточно слабо задействованы в переносном значении красного цвета. Что весьма неожиданно, поскольку образы животных и природы в отношении человека были всегда эффективным и эффективным приемом выразительности.

Конечно, девяностые годы давно в прошлом и о том, как новые силы называли старых, можно было бы и не думать, но чередой цветных революций (Украина, Грузия, Киргизия) показывает каким мощным оружием может быть цвет в арсенале политических средств.

А.Н. Комарова

БОГОСЛУЖЕБНОЕ ПЕНИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Существуют определённые предрассудки, которые препятствуют пониманию изучаемого вопроса. Суть их в том, что многие исследователи истории древнерусской культуры постоянно ищут аналогии с эпохой Ренессанса в Западной Европе. Было бы удивительно, если бы некоторые сознательные заимствования или же внешние аналогии западноевропейской гуманистической культуры не встречались бы и в культурном наследии Древней Руси. Ведь речь идёт об одновременном и параллельном сосуществовании двух культур, представители которых находились хоть и в ограниченном, но всё-таки в постоянном контакте друг с другом. Но внешнее сходство древнерусской культуры с западноевропейской культурой Возрождения не даёт повода для перенесения в неё этих категорий.

К сожалению это проявляется и в смешении понятий «богослужебное пение» и «музыка». Существование церковного пения обуславливается принципом синергийности, а в отношении музыки действует принцип гуманизма. Лишь там, где основным принципом является синергийность, можно говорить о богослужебном пении. Из этого следует, что «в контексте западноевропейской культуры не было места богослужебному пению, а в контексте древнерусской культуры XV–XVI веков не было места музыке» [4].

Слово «музыка», или «мусикия», стало входить в оборот только в XVII веке и вначале носило негативный характер [3]. Наиболее чётко понимание этого слова сформулировано в одном из «Азбуковников» конца XVII века: «Мусикия – гудение рекше игра гусельная и кинаров, рекше лырей и доляр, всякого рода устроения судебного. Род же мусикии: трубы, свирели... кинары, сиречь лыри, тимпаны, кимвалы; мусикия – в ней же пишутся кошуны бесовския, их же припевают латины к гудебным сосудов свирянию» [6]. Таким образом, этим термином обозначались, прежде всего, инструментальная музыка скоморохов и западноевропейских музыкантов, а, церковные иерархи и почти все древнерусские книжники с XI по XVI век относились к ней отрицательно.

Богослужебное пение Древней Руси мыслилось как икона. Об этом свидетельствуют определения «ангельское», «ангелоподобное» или «ангелогласное» пение. Это говорит о том, что чело-

век в процессе исполнения богослужебных песнопений становится подобен ангелам, а само пение являлось образом или иконой небесного ангельского пения. То, что богослужебное пение действительно являлось таковым, а человек в этом процессе уподоблялся ангелам, воспринималось человеком Древней Руси как реально существующий факт.

Но эти изменения в человеке были возможны только в процессе осуществления аскетических норм жизни, которые могли быть реализованы лишь человеком, принявшим монашеские обеты. Поэтому необходимым условием осуществления принципа иконности является аскетический подвиг, а монашеская жизнь рассматривается как социальная база богослужебного пения, без которой оно невозможно.

Монашеская жизнь и монашество занимают важное место в русском государстве и в русской культуре XI–XVII веков. Насколько велико было влияние духовных подвижников на судьбу Древней Руси можно увидеть на примере великих святых людей, определивших духовный облик русского человека на многие столетия вперёд. Это свидетельство того, что фигура монаха являлась реальным центром не только духовной, но и социально-политической, культурной жизни. Поэтому Святая Русь – это не только красивый образ. Это наименование иконосферы, которая образовывалась деятельностью многих поколений подвижников и людей, вовлечённых в поле их деятельности.

Говоря о Святой Руси как о иконосфере важно отметить, что её возникновение и существование является следствием восточной аскетической традиции. Высшие богословские достижения Византии были глубоко прочувствованы в Древней Руси и стали предпосылками для возникновения иконосферы. Сама Византия не смогла реализовать культурный потенциал, который содержался в её последних богословско-аскетических воззрениях и воплотить в жизнь эту идею. Именно на долю России выпала такая возможность. Таким образом, идея синергийной культуры была воплощена в осознанном виде в культуре Древней Руси.

Иконосфера представляет собой теснейшую связь и взаимообусловленность её элементов, и певческое искусство это неотъемлемая часть этой культуры. Если же мы отделим богослужеб-

ное пение от устава, гимнографии, аскетики и богословия, то, конечно же, получим что-то похожее на музыку. Но чтобы познать часть иконосферы, а певческое искусство её важная составная, нужно изучать её, исходя из целостного знания о ней.

Сложность состоит ещё и в том, что богослужбное пение, прежде всего устная традиция, лишь частично подлежащая письменной фиксации. Это является следствием фундаментальных свойств. Информация, заключённая в знаменной нотации является неполной, так как её основная часть была известна певчому и находилась вне знаков. То, чем обладал распевщик до момента соприкосновения с нотацией – это причастность к мелодическим архетипам, которые содержатся в сознании человека и реализуются в процессе пения.

Находясь в поле действия иконосферы, человек становится носителем информации. В богослужбном пении мелодические архетипы образуют динамическую систему (постоянная смена комбинаций песнопений в богослужении). Схожая ситуация сложилась и в фольклоре, так как он тоже представляет собой воспроизведение мелодических архетипов. Но там возникла статическая система (они расположены в определённой неизменной последовательности). Таким образом, богослужбное пение состоит из процесса воспроизведения мелодических архетипов, и процесса постоянного возникновения всё новых и новых комбинаций, образуемых этими мелодическими архетипами. Это сочетание приводит к возникновению архетипа, который восходит к небесному ангельскому пению.

Можно сказать, что богослужбное пение состоит из двух составляющих: уровень писания и предания, уровень письменной фиксации и устной передачи, составляющих единое целое. А формой выражения является беспометное крюковое знамя (знаменная нотация).

Сейчас можно с уверенностью сказать, что древнерусская знаменная нотация ведёт своё происхождение от старовизантийской. Она не содержала в себе полной информации о процессе пения и подразумевала необходимость устной передачи предварительных сведений. Отсутствие точных указаний делает невозможным употребление этой нотации вне устной традиции. Древнерусской нотацией этот принцип был заимствован и разработан. Это и определило её самобытность и оригинальность. Вплоть до введения ки-

новарных помет в XVII веке она сохраняла эти признаки устной и письменной традиции.

Долгое время древнерусская теория пения строилась на принципе центонности (от лат. *cento* – лоскут), что неразрывно связано с понятием формульного строения. Его суть в том, что формулы-стереотипы, уподоблялись отдельным лоскутам, которые складывались в единую мелодию и представляли собой центонную мелодическую структуру. Применение этого метода носило в русской певческой практике XV–XVI вв. всеобщий характер. Все формулы-стереотипы, которые образуют структуру мелодии древнерусских богослужбных песнопений, можно разделить на две группы. К первой относятся формулы, называемые *попевками*, или *кокизами*. Это основной «строительный» материал мелодической структуры. Именно из них состоят в основном мелодии богослужбных песнопений.

Ко второй группе формул можно отнести *лица* и *фиты*, которые представляют собой развёрнутые мелодические построения и имеют характер вставок-украшений. Попевки отличаются от лиц и фит тем, что область их применения более ограничена. Их можно встретить в праздничных песнопениях, или в тех местах мелодии, которые требуют подчеркнуть важность происходящего в тексте [2].

Данное построение мелодии подразумевает воспроизведение мелодических стереотипов, или же мелодического архетипа, которое в певческом искусстве Древней Руси обозначается словом «распев». С одной стороны, распев – это совокупность попевок, лиц и фит, классифицированных по глазам и образующих мелодическое пространство. С другой стороны, слово распев это начало, которое объединяет в себе в единое целое, все попевки, лица и фиты. Таким образом, распев это воспроизведение мелодического архетипа, заключённого в конкретных мелодических формах и структурах.

Изменения распева в середине XVII века – это только часть того, что происходило в сознании древнерусского человека. Раскол Русской православной Церкви, утрата монашеских идеалов и ослабление аскетических традиций. Потеря синергийности неизбежно повлекла за собой утрату принципа иконности и разрушение системы богослужбного пения.

Рубеж XVII–XVIII веков становится временем утраты и прекращения существования древнерусской певческой системы. В этот период, древнерусская крюковая нотация, формульный

принцип и метод центонного построения мелодий и понятие распева, забываются. Им на смену приходят линейная нотация, свободная композиция мелодий, жанр концерта. Богослужбное пение превращается в музыку, которая является областью искусства. Основным показателем и сущностью земной музыки являются возбуждение и появление у человека различных эмоциональных состояний. Ангельское пение сводится к возбуждению идеальных чувств. Чувственность, присущая человеку в земной жизни, возводится в идеальную степень. Произошёл переход от синергийной культуры к гуманистической и от богослужбного пения к музыке.

Библиографический список

1. Бражникова М.В. Древнерусская теория музыки. – Л., 1972.
2. Бражникова М.В. Лица и феты знаменного распева. – Л., 1984.
3. Бычков В.В. 2000 лет христианской культуры. Т. 2: Славянский мир. Древняя Русь. Россия. – М.; СПб., 1999.
4. Мартынов В.И. Культура, иконосфера и богослужбное пение. – М., 2000. – С. 178.
5. Мартынов В.И. История богослужбного пения. – М., 1994.
6. Рогов А.И. Музыкальная эстетика России XI–XVIII веков. – М., 1973. – С. 153.

Л.А. Коугия

«ПОТОК СОЗНАНИЯ» В ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ВИРДЖИНИИ ВУЛФ

Преамбула. Целью данной работы является изучение творчества английской писательницы Вирджинии Вулф с точки зрения развития техники «потока сознания» в её произведениях. В. Вулф стала признанным классиком литературы XX века. Её имя ставят в один ряд с именами Дж. Джойса, Т.С. Элиота, О. Хаксли, Д.Г. Лоренса – тех, кто определял магистральные пути развития всей западно-европейской литературы. Произведения Вулф, такие как «Миссис Дэллоуэй», «На маяк», «Волны», не принадлежат к разряду лёгкой беллетристики. Скорее, они элитарны и рассчитаны на медленное, вдумчивое чтение. Своеобразие формы романов В. Вулф, важность её творчества в европейской и мировой литературе, а также важность понятия «потока сознания» в художественной культуре обуславливают актуальность работы.

В ранний период своего творчества В. Вулф создала романы «Путешествие вовне» («The Voyage Out», 1915), «День и ночь» («Night and Day», 1919), рассказы, составившие сборник «Понедельник и четверг» («Monday and Thursday», 1921) и роман «Комната Джейкоба» («Jacob's Room», 1922), во многом ставший итогом ранних исканий писательницы, синтезирующий особенности её импрессионистического стиля и открывающий перспективы дальнейшего развития.

Когда в печати появился роман В. Вулф «Путешествие вовне», блумсберийцы приветствовали его как смелый разрыв с традициями, что проявилось, по их мнению, в явном преобладании духовного начала над материальным, в нетрадиционном использовании возможностей «воспитательного романа» (отсутствие развёрнутых описаний, отказ от панорамного изображения, внимание к передаче чувств, явно превосходящее интерес к динамике сюжета). История молодой героини Рэйчел Уинрейс, отправляющейся в своё первое путешествие, во время которого она зна-

комится с жизнью, переживает свою первую любовь, а затем внезапно умирает от тропической лихорадки, намечена в романе пунктирно. Окно в мир лишь приоткрывается перед героиней [5].

В «Комнате Джейкоба» реализован замысел передать бесконечный поток тех мельчайших частиц, которые «бомбардируют» сознание человека, составляя круг его представлений о жизни. Жизнь Джейкоба Флендерса запечатлена в цепи эпизодов; сменяются кадры: детство, отрочество, юность. Морской берег, где играет маленький мальчик, тихая ласка матери, склонившейся вечером над его кроватью; студенческая пора в Кембридже; самостоятельная жизнь в Лондоне; любовь; путешествие по Франции и Греции. В финале – опустевшая комната, покрытые пылью вещи, беглое упоминание о гибели Джейкоба на войне. А за окном продолжается жизнь. Движение времени бесконечно [1].

Первые рассказы В. Вулф «Дом с привидениями», «Понедельник ли, вторник...», «Пятно на стене», «Струнный квартет», «Ненаписанный роман», «Фазанья охота». Некоторые из них вош-

ли, видоизменившись, в её романы. И всё же это самостоятельные, художественно продуманные произведения. Это зарисовка настроения, психологического состояния, попытка средствами языка передать процесс мышления, поиски истины. В рассказе «Понедельник ли, вторник...» писательница даёт понять, что истина, в силу своей изменчивой, зыбкой, неуловимой природы, противится рациональному анализу. Возможно, этой тайной владеет музыка: в своём рассказе «Струнный квартет» В. Вулф пытается сделать невозможное – передать словом музыку.

«В. Вулф, – вспоминает Леонард Вулф, – писала рассказы всё время. Если какое-нибудь событие или впечатление привлекали её внимание, она обычно записывала их. Потом не раз возвращалась к наброскам, и так рождался рассказ. Но из-за пристрастного отношения к собственному труду она по большей части считала, что эти небольшие вещицы ещё не готовы, что им самое время полежать, дожидаясь своего часа, в ящике стола» [6, с. 138]. О в высшей степени требовательном отношении к своему творчеству говорят и рассказы, тематически и сюжетно связанные с романом «Миссис Дэллоуэй» – «Новое платье», «Вместе и порознь», «Люби ближнего своего», «Предки»: на их страницах не раз мелькают главные герои этого романа.

Второй период творчества В. Вулф включает романы «Миссис Дэллоуэй» (*“Mrs. Dalloway”, 1925*) и «На маяк» (*“To the Lighthouse”, 1927*), считающиеся вершиной творчества писательницы.

Роман «Миссис Дэллоуэй» В. Вулф создавала с ориентацией на Дж. Джойса, увлечённая замыслом воспроизведения жизни в духе «Улисса». Сквозь призму одного дня передана жизнь героини и тех, чьи судьбы связаны с ней. В тексте романа фиксируются моменты бытия, ограниченные временем (июньский день 1923 г.) и пространством (район Уэст-Энда). Читателя увлекает поток времени, движение которого фиксируют удары часов Биг Бена, магазинных часов на Оксфорд-стрит, а затем вновь колокол на башне Биг Бена. Всплывают картины прошлого, возникающая в воспоминаниях Клариссы. Они проносятся в потоке её сознания, их контуры обозначаются в разговорах, репликах. Временные пласты пересекаются, наплывают один на другой, в едином мгновении прошлое смыкается с настоящим.

Параллельно с линией Клариссы развёртывается трагическая судьба травмированного вой-

ной Септимуса Смита, которого миссис Дэллоуэй не знает, как и он её, но жизни их протекают в одних пространственно-временных пределах и в какое-то мгновение пути их пересекаются. В то самое время, когда Кларисса совершает свою утреннюю прогулку по Лондону, она проходит мимо сидящего на скамье в парке Смита. Септимус Смит воплощает в себе скрытую, никому неведомую сторону натуры Клариссы. Самоубийство Смита освобождает Клариссу от навязчивой мысли о смерти. В финале романа звучит надежда, рождённая встречей Клариссы и Питера после долгих лет разлуки [8].

Ни в одном из предшествующих произведений В. Вулф сила эмоционального восприятия «переливов реальности» и мастерство их передачи ни достигали таких высот, как в «Миссис Дэллоуэй», и нигде осуждение существующего не звучало столь определённо. В связи с этим романом Вулф писала в дневнике: “(19 June 1923) I want to give life and death, sanity and insanity; I want to criticize the social system, and to show it at work at its most intense...” («(19 июня 1923 г.) Я хочу показать жизнь и смерть, разум и безумие, я хочу подвергнуть критике социальную систему и показать её в действии...») [7, с. 281]. В. Вулф считала «Миссис Дэллоуэй» своим самым удачным романом. Подобная самооценка – большая редкость для писательницы. К своим созданиям она всегда была настроена критически и страдала от постоянно преследовавших её мыслей о том, что желанные цели оказались недостижимыми [5].

Эстетизм блумсберийцев сказался на организации повествовательной структуры произведений В. Вулф, которая, в отличие от традиционного викторианского романа, распадается на ряд эпизодов, часто воспроизводящих отдельные периоды в жизни персонажа, всплывающие в его памяти и абсолютно не ограниченные временным пространством. Иногда такая организация подчиняется музыкальной форме. Таков, например, роман «На маяк», выдержанный в форме сонаты, состоящей из трёх частей: «Окно», «Время проходит» и «Маяк». События в первой части, самой длинной, происходят между восходом и закатом солнца на Гебридских островах в загородном доме семьи Рэмзи. Несколько друзей собираются в этом доме для отдыха и общения, среди них студент мистер Тэнсли, интеллектуально превосходящий всех остальных; художница с «китайскими глазами» Лили Бриско, рисующая пор-

трет хозяйки дома; старый холостяк и тайный обожатель миссис Рэмзи, мистер Бэнкес. Хозяйка дома обаятельна, добра и тактична; её муж, напротив, сухой и холодный педант, страдающий от разочарований в жизни [3, с. 23–143]. Вторая часть происходит в том же доме десять лет спустя, когда миссис Рэмзи уже нет в живых [3, с. 144–160]. Третья часть завершает произведение – в ней рассказывается об осуществившейся, наконец, мечте Джеймса Рэмзи попасть на маяк [3, с. 161–221].

Таким образом, в романе описаны два дня, разделённые десятилетним промежутком времени. Каждый день имеет свою музыкальную тему. Первая вводит нас в мечты семилетнего Джеймса, готовящегося к поездке на маяк. Вторая представлена через восприятие Лили Бриско, желающей закончить портрет своей приятельницы, но при её жизни так и не сумевшей воплотить свой творческий замысел. В третьей части Миссис Рэмзи всё ещё доминирует в доме; всё ещё сохранилась атмосфера, созданная ею, правда, уже в памяти её друзей.

Хотя внешние события не играют для В. Вулф никакой роли, они выполняют определённую функцию в романе – освобождают внутренние процессы из-под власти бессознательного и интерпретируют их. Например, когда Джеймс меряет носки, которые его мать вяжет для сына смотрителя маяка, она всё время повторяет фразу: «Мой дорогой, стой спокойно» [3], в промежутках между которой её мысли останавливаются на отдельных предметах в комнате (дети постоянно приносят с моря ракушки, камешки), на открытых окнах. Именно окна рождают у миссис Рэмзи другую цепь ассоциаций, выводящих её из замкнутого круга жизни. В её доме служит девушка-швейцарка, постоянно думающая о своем больном отце, для которого всегда в доме открывают окна. Во второй части внешнее объективное время даёт о себе знать в отдельных эпизодах, касающихся жизни родственников и друзей миссис Рэмзи, которые умерли во время войны. Так, через её мысли, ассоциации, с помощью памяти в роман постепенно и незаметно входит большая жизнь, вводящая тему времени. Тема маяка тоже своеобразна, она получает окончательное разрешение в финале романа-сонаты. Маяк – символ, объединяющий разрозненные мысли и эпизоды в целое.

В третий этап творчества В. Вулф были созданы романы «Орландо» (“Orlando”, 1928), «Вол-

ны» (“The Waves”, 1931), «Годы» (“The Years”, 1937) и «Между актов» (“Between the Acts”, 1941).

Пример импрессионистической техники письма, сопряжённый с психологическим исследованием нескольких потоков мыслей – роман «Волны». Каждой ступени эволюции сознания от детства к старости соответствует определённая форма выражения: более образная и выраженная лексически ограниченными средствами характерна для детского восприятия действительности, более усложнённая – для взрослого. Каждой ступени проникновения в глубь человеческого сознания соответствует картина моря.

В самом начале книги солнце только что встало, море слито с небом. Романтическое воспроизведение морского пейзажа усиливается впечатлением присутствия кого-то невидимого, держащего волшебную лампу над горизонтом. Свет постепенно разливается по небу над морем, воображаемая камера скользит по берегу, отмечая волны утреннего прибоя, и, наконец, фиксирует детали сада и дома, бросающего тени, закрытого окна спальни. Пейзаж озвучен пением птиц, ставшим последним штрихом в картине. Тончайшие нюансы колорита волн, неба, сада, дома оттеняются новыми деталями пробуждающегося дня – сверкающей росой, купающейся девушкой, рыбаками, выходящими в море на промысел. Динамика усиливается интенсивностью наблюдений и сокращением объёма описания ландшафта. День разгорается быстро, и стремительно меняется его звуковое и цветовое оформление. Во второй половине дня главным действующим лицом – не свет, а тени. В последнем пейзаже превалирует слово «темнота», которая обретает всё более интенсивный чёрный цвет. Но эмоциональная окраска романа тоже усиливается. Дерево – символ вечности и неизменности, хранитель памяти – противостоит героям, пережившим много радостей и огорчений, в период старости обременённым воспоминаниями, ощущающим страшный холод одиночества. Приближение смерти, конца существования передано в символическом образе Парсифаля. Последний монолог об одиночестве, глубоком разочаровании в жизни окрашен грустным ожиданием неминуемой смерти. Сознание отключается и видна только одна деталь некогда роскошно нарисованного морского пейзажа – волны [5].

В. Вулф высоко ценила чувство дружбы и часто бывала увлечена своими подругами. С пос-

ледней из них, Викторией Секвилл-Уэстт, она подружилась двадцать лет, написала ей множество прекрасных писем, посвятила роман-фантазию «Орландо», действие которого происходит параллельно в трёх веках. Это тонкий и поэтический роман о любви и перевоплощении душ, фантастическая биография, где жизнь главного героя, становящегося то мужчиной, то женщиной, продолжается в течение трёх веков [4].

Роман «Годы» воспринимается в литературном контексте как своего рода параллель «Саге о Форсайтах» Голсуорси, хотя сама В. Вулф подчёркивала, что она отнюдь не стремится соревноваться с создателем «Саги». В романе «Годы» рассказывается о жизни нескольких поколений семьи Парджитер, начиная с 1880 г. и до окончания первой мировой войны. Ключевые вопросы книги – Куда движется поток жизни? Куда он несёт людей? Что же дальше? – остаются без ответа. В романе «Годы» Вулф использует приёмы, к которым она обращалась ранее: передаёт мгновения бытия, представляет один день в жизни героя как частицу мира, воспроизводит прошлое в мгновении настоящего, бросает взгляд на настоящее сквозь призму прошлого.

Последний роман В. Вулф «Между актов» (1941) ограничен её любимым периодом времени – это один день, июньский. Заголовок романа имеет двойной смысл. Жизнь каждого из четырёх главных персонажей – Бартоломея Оливера, Люси Суизин, Айзы и Джайлза – реконструируется на фоне огромных исторических событий, представляемых на сцене любительского театра. Время Чосера, Елизаветинская эпоха, Век Разума, Викторианская эпоха и современная драма, заключённая в истории Англии и воспроизведённая на сцене таинственной мисс ля Троб, противопоставлены драме, разыгрываемой между актами в реальной жизни членов семьи. Старинное семейное поместье, где каждая комната жила своей жизнью, впитала память поколений, воплощает историю Англии, её прошлое и настоящее. Одна из тем романа – реальная Англия и её люди, старое и молодое поколения; ей противопоставлена тема истории, литературы, театра. Внешнее время сосредоточено в событиях одного дня, когда старые люди завтракают, разговаривают со своей невесткой Айзой, когда на вечернее представление приезжают гости, заканчивается спектакль, все готовятся ко сну. Внутреннее время выражено во второй теме и связано с историей каждого

персонажа и с историей Англии. Чувство разочарования, смятения характерно для всех, хотя и по различным причинам. Настроение ностальгии по прошлому, презрение к настоящему составляют и подогревают внутренний конфликт, делают его невидимым романтическим театром [2].

Роман «Между актов» наполнен символами, метафорами, аллегориями. Ваза, холодная, гладкая, стоящая в «сердце дома», в комнате, где висят портреты предков, сохраняет ощущение величия, тишины, образовавшейся пустоты. На протяжении всего романа над местом действия сгущаются сумерки, наступает темнота, в которой усиливается интенсивность внутреннего драматического конфликта. В конце романа четыре персонажа остаются в одиночестве в атмосфере сгущающейся тьмы.

Поскольку В. Вулф интересуют мириады впечатлений, мельчайшие частицы опыта, композиции её романов нуждаются в особом методе укрепления своей структуры. Музыкальная схема построения, как и символические образы, способствуют организации внутренней драматической формы. Структура романа «Между актов», в отличие от сонатной формы романа «На маяк», например, представляет мелодию крупной симфонической формы, с многочисленными музыкальными партиями и паузами – доминирует при этом тема утраты, невозвратимой потери, ожидания смерти и всеобщего конца, которая временно подавляется другой значительной темой, заключённой в спектакле ожившей истории и сохранившейся цивилизации.

Выводы

1. Произведения В. Вулф, начиная с традиционных по манере письма романов «Путешествие вовне» (1915), «День и ночь» (1919) и заканчивая последним, модернистским «Между актов» (1941), в разной степени отражают зрелость используемой ей техники «потока сознания».

2. В ранних произведениях В. Вулф совмещается импрессионистическая манера письма с поисками новых способов отражения внутреннего мира человека. Писательница отказывается от традиционного сюжета, подробного описания внешних событий и переходит к описанию внутренней, психологической жизни человека.

3. В произведениях второго периода В. Вулф пользуется такими приёмами, как пересечение временных пластов, описание одного и того же

события сквозь призму сознания разных персонажей, изображение целой жизни героя в пространстве одного дня, передача структуры произведения с помощью музыкальной формы (например, формы сонаты).

4. В течение третьего периода своего творчества В. Вулф обращается, в основном, к приёмам, используемым в предыдущих произведениях: писательница стремится изобразить мгновения бытия, представляет один день в жизни героя как часть мира, передаёт настоящее сквозь призму прошлого и прошлое сквозь призму настоящего.

Библиографический список

1. Вулф В. Комната Джейкоба. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 224 с.

2. Вулф В. Между актов. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 224 с.

3. Вулф В. На маяк. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 224 с.

4. Вулф В. Орландо. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 304 с.

5. Группа Блумсбери. Творчество Вирджинии Вулф. – www.fos.ru/liter/liter0066.html

6. *Adventures in English Literature*. – Harcourt, 1988.

7. *Frank W. Bradbrook*. Virginia Woolf: the Theory and Practice of Fiction // *The Pelican Guide to English Literature: the Modern Age*. – Penguin Books, 1973. – Pp. 275–287.

8. *Woolf V. Mrs Dalloway*. – Wordsworth Editions Limited, 2003. – 146 p.

О.Н. Румянцева

АМАЛЬГАМА ЯЗЫЧЕСТВА И ХРИСТИАНСТВА ДРЕВНЕЙ РУСИ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК (Образ иронического удачника)

И зустная традиционная многовековая культура русской деревни – это не только сокровищница интересующих нас сведений о её глубоких корнях, но одновременно и сами те корни, на которых устояла на протяжении тысячи лет масса трудового крестьянства, корни, питавшие не только деревню, но и городской посад, а в какой-то мере и социальные верхи [1, с. 5–6]. Поэтому народные сказки могут быть осмыслены только с учетом языческого миропонимания. Древние мифы, некогда выражавшие мировоззрение первобытных людей, со временем превратились в волшебные сказки. Термин «волшебная сказка» новый, чисто кабинетный, но в нем заключен глубокий языческий смысл – ведь «волшебник» – это жрец, волхв, занимающийся «волшвением» – гаданием и заклинанием добра и зла [1, с. 509]. Жрецы-кудесники, волхвы, дожившие до позднего средневековья (в Новгороде в 1218 г. сожгли четырех волхвов), были, по всей вероятности, как пишет Б.А. Рыбаков, хранителями древних «кошун», сказителями далеких мифов [1, с. 509]. Постепенно мифологический элемент впитался в сказки, создавая новый жанр волшебной сказки, наслоившейся на ещё более архаичный жанр сказок о животных [1, с. 510].

Язычество было необходимо земледельцу, оно соответствовало его практическим и духовным потребностям и потому не погибло под тяжестью и достоинствами новой религии (православия), а, растворившись в ней, одновременно поглотило её, образовав нечто новое – бытовое крестьянское православие со своими святыми, праздниками, трудовым ритмом и собственной эстетикой [2, с. 8–9]. Происходит не полное вытеснение старого новым, а создание амальгамы разновременных и разнотадимальных элементов [1, с. 31].

В связи с изменением исторических условий бытования сказки (принятия Русью христианства) происходит смена действующих в ней главных героев. Волшебная сказка своим излюбленным героем выбирает социально-обездоленного [3, с. 657], Ивана-дурака, иронического удачника (М. Горький).

Удачник, иронизирующий над другими, но и над собой, прежде всего, он понимает суетность мира, в котором живет, преходящее значение тьмы и непреходящее света-любви.

Тип иронического удачника стал складываться примерно в VI–IV веках до Рождества Христова, воплотив первую (по Дюмезилу) магико-юридическую функцию [3, с. 228]. По сути, в типе иронического удачника нашли воплощение фун-

кции жреца бога Волоса, представляющего «тухтоническую силу, без участия которой солнце не могло подняться над горизонтом» [1, с. 407].

Положительная роль мужского божества (Волоса) выражена тем, что на нем, на его плечах, зиждется весь средний мир, мир обыкновенных людей [1, с. 410].

Иронические удачники восточнославянской сказки с наибольшей яркостью и законченностью представлены Емелей и Иванушкой-дурачком [4, с. 79]. В одном из циклов сказок Иван также носил прозвище Незнайки.

В нашей научной и художественной литературе все эти три образа иронических удачников, особенно Ивана-дурака и Емелю, принято представлять в одном лице – Ивана-дурака. В таком случае, Иван-дурак выступает как собирательный тип, концентрируя в себе общие и индивидуальные качества, присущие сказочным ироническим удачникам [4, с. 126].

Иронический удачник имеет низкий социальный статус: он крестьянский сын, сын старика и старухи или старой вдовы. В восточнославянских волшебных-фантастических сказках настойчиво подчеркивается, что герой, выходец из народных низов, по своим личным качествам намного превосходит знатных и богатых женихов царской дочери и вполне достоин её руки [4, с. 228].

Сказки об иронических удачниках на первый план выставляют не физическую силу героя, а его моральные качества (4, 29): сила не в силе, а в правде [5, с. 284].

Образ Ивана-дурака напоминает ведущие характеристики юродивого, – феномена, получившего особое развитие в русской духовной традиции [3, с. 229]. «Юродивость» характеризует Ивана-дурака в ряде сказок. Целью такого поведения героя является выявление противоречия между глубокой христианской правдой и моралью поверхностного житейского здравого смысла через проповедь и обличение. Основным инструментом действий и решений героя остается его совесть, понимаемая не как личная совесть человека, а как соответствие его поведения моральным установкам «божественной добродетели». «Дурак», ни разу не упоминая заповедей Нагорной проповеди, следует им, как норме поведения. На сказочном герое, самом неприметном обыкновенном, грешном человеке по имени Иван лежит ответ Христа.

Иван-дурак начисто лишен трех пороков, которые его братья считают достоинством: 1) тщес-

лавия (никогда не требует за свои подвиги признания и славы); 2) корыстолюбия (нигде и никогда ради корысти ничего не делает); 3) злобы (живет сердцем-вещуном).

Иван-дурак – удачник, иронизирующий над другими, но и над собой, прежде всего, понимающий суетность мира в котором живет, преходящее значение тьмы и непреходящее света – любви.

В дохристианской Руси славянское имя обязывало следовать содержанию самого имени, новое христианское имя обязывало следовать святости жизни того человека, именем которого нарекали. Среди русских имен веками первенствовал Иван. Исследователи, в частности, подсчитали, «что в 1747 году при переписи части крестьян Вологодского уезда из 6731 мужчин было 1189 Иванов. А среди купцов города Самары в 1834 году из 908 человек имя Иван носили 115 мужчин. Почему это так? Дело в том, что в православных святцах было много дней когда отмечалась память святых с этим именем» [6, с. 53], первым из которых был Иоанн Креститель. Слово-имя «Иоанн» переводится как «дар, слуга Божий». Носить такое имя – честь великая и обязывающая для выходца из любого социального слоя.

Иван-дурак – последний, третий, самый младший брат, чаще отстраненный от каких-либо полезных дел, единственный, кто говорит в сказке: он предсказывает будущее, толкует то, что непонятно другим; однако, эти предсказания и толкования не принимаются окружающими, потому что они неожиданны, парадоксальны и всегда направлены против общественного здравого смысла (как и его поступки). Иван-дурак загадывает и отгадывает загадки, т.е. делает то, чем занимается во многих традициях жрец во время ритуала, приуроченного к основному годовому празднику [3, с. 228].

Фольклорный «дурак», которому по своим культурным функциям равнялся юродивый, до сих пор задает всем нам свои загадки, обновляя затянутые пеленой обыденности и привычности истины.

Счастье «по случаю», физическая сила и красота к ироническим удачникам приходит со временем, с помощью волшебных животных, прежде всего коня и рыбы-щуки, со времени христианизации Руси, дарованных Богом. Иронические удачники, не наделенные от рождения ни физической силой, ни красотой, напротив, как правило, выглядевшие замарашками, забытыми, ничтожными и

всеми презируемыми существами, в конце повествования сбрасывают свою безобразную личину, превращаясь в красавца-молодца.

Представляется, что образ иронического удачника (Емели, Незнайки и Ивана-дурака), явился для сказочников той удобной фигурой, по средством которой можно было доносить до слушателей свои сокровенные мысли, не очень опасаясь гонений со стороны властей, «поскольку мысли эти вкладывались в уста дурака, а дураку что только не может взбрести на ум, дураку, как говорит пословица, и закон не писан» [4, с. 126].

Библиографический список

1. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Гелиос, 2002.
2. Некрылова А.Ф. Крултый год. – М.: Правда, 1991.
3. Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991.
4. Новиков Н.В. Образы восточнославянской сказки. – Л.: Наука, 1974.
5. Русские народные пословицы и поговорки / Под ред. Аникина. – М.: Худ. лит-ра, 1988.
6. Преображенский А.А. История раскрывает тайны. – М., 1991.

И.В. Соколов

РЕКЛАМА КАК СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ-ПОДРОСТКОВ

Художественное воспитание всегда рассматривалось отечественной наукой как важный и целенаправленный процесс, обеспечивающий формирование у учащихся творческих способностей, вкусов, эстетических потребностей и интересов. Осваивая художественное наследие предшествующих поколений ребенок, подросток должны учиться воспринимать прекрасное не только в искусстве, но и в окружающей действительности. Самое же главное – отечественная система художественного воспитания нацелена на формирование культуры учащихся в ее духовно-нравственном значении.

В настоящее время информационный взрыв, наблюдаемый в отечественной и культурной жизни цивилизованного мира на рубеже XX–XXI вв., диктует необходимость пересмотра традиционных для России форм и методов образования и воспитания. Очевидно, что современная социокультурная ситуация вносит существенные коррективы в функционирование системы художественного воспитания, поскольку продукция массовой культуры, ее имиджи, стереотипы, стандартные образы не могут не влиять на учащихся всех возрастных групп. Но особенно сильно, по мнению исследователей, влияние масскультурных установок на школьников-подростков в силу психологических особенностей подросткового возраста. Индивидуальное сознание у представителей данной категорий учащихся является менее защищенным от воздействия как позитивных, так и негативных факторов массовой культуры, в со-

держании которой, при всем его многообразии, ярко выделяется феномен рекламы.

Назначение рекламы в информационной мировой системе многогранно. Это – прямое влияние на стимуляцию спроса на товар в условиях рыночной конкуренции (коммерческая реклама), это и пропаганда взглядов, мнений, идей (политическая, социальная реклама), это и призыв к освоению тех или иных культурных ценностей (социокультурная реклама). Как показывают научные исследования, современная реклама способна не только внушать определенные стереотипы для общества потребления, но и насаждать вкусы, установки, даже образы мышления и поведения. Иначе говоря, реклама является мощным фактором воздействия на человека, связующим звеном между личностью и культурой общества. Реклама направлена на разные слои населения и разные цели. Тем не менее известно, что самыми преданными сторонниками рекламы являются молодые люди, в том числе – школьники-подростки. Для них реклама – привычный инструмент познания окружающего мира как непосредственная и естественная часть культуры.

Все сказанное означает, что реклама, как один из наиболее мощных рычагов массовой культуры, не должна игнорироваться педагогической наукой, в том числе теорией художественного воспитания.

В зарубежной и отечественной научной литературе имеется значительная область, связанная с проблемами художественного образования.

В исследованиях по педагогике, психологии, музыкальной педагогике освещены вопросы воспитания средствами разных видов искусств, приобщения школьников к различным видам художественной деятельности, формирования художественной культуры личности (Т.И. Бакланова, А.И. Буров, Н.И. Киященко, Б.Т. Лихачев, В.С. Кузин, Т.С. Комарова, Б.М. Неменский, Т.Я. Шпикилова, Н.М. Сокольникова, Л.А. Рапацкая, Л.Г. Арчажникова и др.) проблема художественного воспитания школьников-подростков затронута в трудах А.Н. Малюкова, Ю.А. Солодовникова, Л.М. Предтеченской, Е.Н. Шапинской, И.А. Химик, К.М. Багдасарян и др. Вместе с тем очевидно, что указанные авторы не обращались к проблеме активизации процесса художественного воспитания школьников-подростков средствами феномена современной массовой культуры — рекламы. Как правило, проблема использования образов рекламы в ее широком понимании рассматривалась в трудах по культурологии, социологии и философии. Так, вопросы рекламы как культурного феномена рассматривались в трудах таких зарубежных авторов, как Б. Лондер, Дж. Лиорс, В. Лейс, С. Кляйн, Дж.Б. Твитчел и др. В российской науке проблема влияния информационных технологий на молодежь представлена в трудах А.И. Донцовой, Я.Н. Засурского, Л.В. Матвеевой, А.И. Подольского, З.А. Даниловой, Е.А. Бондаренко, Д.Л. Константиновского, Н.С. Лещук, Н.А. Фоминых, Е.В. Ильина и др. Однако авторы не ставили целью соединить процесс художественного воспитания с таким мощным средством массовой культуры, как реклама. Таким образом можно констатировать: в педагогических научных исследованиях обзор научных подходов к вопросам художественного воспитания убеждает, что в научный обиход введено достаточное количество информации, позволяющей решать проблему взаимодействия школьников-подростков с рекламой в педагогически-обоснованных целях. В связи с этим необходимо отметить противоречия, характерные для указанного процесса в настоящее время:

- ведущими в системе художественного воспитания школьников-подростков остаются традиционные формы и методы, не позволяющие включать в учебно-воспитательный процесс новые средства культурной коммуникации, в том числе — рекламу;
- не в полной мере отработано теоретическое обоснование рекламы в широком значении

этого понятия, включающего как традиционные, так и инновационные факторы, что важно для решения педагогических задач;

- не разработаны в теоретическом и методическом плане пути преодоления противоречия между вхождением школьников-подростков в мир массовой культуры и содержанием художественного образования, акцентирующего вопросы духовно-нравственного характера;

- не исследованы возможности противопоставления рекламы, способствующей в известной мере духовной деградации личности, и рекламы, служащей целям пропаганды и распространения ценностей русской и мировой художественной культуры.

Недостаточная разработанность указанной проблемы и стремление определить путь разрешения указанных противоречий обусловили выбор темы исследования, его теоретические и методические основания. Гипотеза исследования вытекает из комплекса предположений, а именно:

- использование рекламы в целях художественного воспитания школьников-подростков будет эффективным, если в процессе классной внеклассной, внешкольной работы будут учитываться психологические особенности школьника-подростка, его стремление к формированию своего «я» под влиянием социокультурных условий;
- организация воспитательного процесса, включающего фактор рекламы, предполагает интеграцию различных форм деятельности, основанных на комплексном использовании выразительных возможностей разных видов искусств;
- образные средства рекламы (изобразительный, музыкальный ряд) должны стимулировать творческую самореализацию подростков, направленную на освоение мира художественной культуры во всем его многообразии. Особое внимание необходимо уделять отечественной культуре с ее богатым духовно-нравственным потенциалом.

Исследование проблемы использования выразительных возможностей рекламы в целях приобщения школьников-подростков к художественной культуре предполагает анализ самого феномена рекламы как мощного стимула и регулятора окружающей жизни. В этой связи кратко охарактеризуем основные подходы к анализу феномена рекламы.

Опираясь на труды В.Г. Артеменко, И.Г. Викентьева, Д. Делла, Т. Линда, Р.И. Мокшанцева и других исследователей рекламного бизнеса, можно выделить следующие цели, задачи и функции рекламы.

Цели рекламы:

- привлечь внимание потенциального покупателя;
- предоставить покупателю возможности для дополнительного изучения товара;
- создать благоприятный имидж фирмы-производителя или продавца, а также торговой или промышленной марки у потребителей и деловых партнеров;
- формировать потребности в данном товаре, услуге;
- стимулировать сбыт товара, услуги, а также многие другие.

На практике реклама редко преследует только одну цель, как правило, в одном рекламном мероприятии цели пересекаются. Задачи рекламы:

- реклама новых для клиента товаров и услуг;
- «поддерживающая реклама» (реклама уже известных клиенту товаров и услуг);
- реклама некоего героя;
- отстройка от конкурента;
- демонстрация мастерства рекламиста.

Функции рекламы определяются ее целями и задачами. Из всего разнообразия функций рекламы выделим следующие:

- продвижение товаров, услуг или идей;
- информирование (ознакомление) покупателя;
- формирование спроса и другие.

С точки зрения культурных и духовных традиций России реклама должна быть правдивой и убедительной, современной и грамотной, понятной и доходчивой. Однако на практике рекламный бизнес не придерживается этих правил, поскольку реклама не имеет никакого смысла, если затраты на неё не окупятся за счет увеличения продаж. Очевидно, что реклама необходима в случаях:

- когда появляется новая, никому не известная фирма;
- когда предлагается товар, еще не известный потребителю;
- когда рынок заполнен однотипными товарами, и продавцу надо привлечь внимание именно к своему товару;
- когда падает объем продаж;
- когда продавец планирует резкое расширение объема продаж, «завоевание» новых рыночных территорий, привлечение новых клиентов.

Исследователи рекламы обращают внимание на типологию рекламных сообщений которые различаются:

- по способу воздействия на покупателя;

- по способу выражения;
- с точки зрения основных целей и задач.

Как определил Р.И. Мокшанцев, разработка любого рекламного проекта включает в себя следующие этапы:

- установление целей (для чего создается реклама);
- установление ответственности (кто будет отвечать за рекламу);
- определение бюджета (расчет расходов и доходов от рекламы);
- разработка рекламных тем (ориентация на свойства товара или услуги, их преимущество для потребителя относительно товаров конкурентов);
- выбор средств рекламы (при выборе средства рекламы следует учитывать стоимость, наличие и количественные параметры полезной аудитории, охват, частоту и стабильность послания, степень воздействия рекламной формы, заполненность, срок представления);
- создание рекламных объявлений;
- выбор времени выхода рекламы (определение времени и частоты показов рекламного сообщения);
- анализ совместных усилий (в рамках совместного плана рекламы участники каналов сбыта определяют расходы на те или иные стороны рекламы);
- определение эффективности (успеха или неуспеха) рекламы (увеличение продаж, сокращения пребывания товара на рынке, количество потребителей и запоминаемость у них рекламы).

Включение рекламы – сложного полифункционального механизма современной культуры – в процесс художественного воспитания школьников-подростков потребовало разработки экспериментальной программы, названной нами «Школьное рекламное агентство «Культурные ценности России». Реализация программы осуществлялась в условиях как внеклассной так и внешкольной работы. Составляя программу мы исходили из того, что рекламная деятельность является привлекательной для подростков, а правильно сформулированные цели и задачи данной деятельности будут способствовать развитию интереса к ценностям отечественной культуры, к ее традициям.

Работа по программе «Школьное рекламное агентство «Культурные ценности России» проходила в несколько этапов. На первом из них учащиеся знакомились с главными особенностями рекламной деятельности, с ее положительными и не-

гитивными сторонами. На втором этапе подростки выбирали для себя индивидуальный рекламный «имидж», стиль, форму рекламы, связанную с пропагандой ценностей российской художественной культуры (музыка, архитектура, живопись, театр и др.). Заключительный этап проходил в виде конкурса реклам, когда учащиеся разделились на «публику», «зрителей» (потребители рекламы) и авторов рекламных текстов. Главный тип рекламы, используемый в процессе экспериментальной работы – реклама информационная. Создавая такую рекламу, подросток должен был ознакомиться с многими событиями в области художественной культуры, которые проходили в школе, в районе, в городе, в стране. Как правило, большинство подростков справлялись с заданиями кратко описать культурное событие, подобрать к тексту соответствующее по настроению музыкальное сопровождение и изобразительный ряд (бренд).

Проведенное нами исследование показало, что использование рекламы с целью пропаганды

и распространения ценностей отечественной художественной культуры в среде подростков способствует интенсификации процесса художественного воспитания, формирует духовно-нравственные потребности и вкус, укрепляет позиции личностного «я».

Библиографический список

1. *Леишук Н.С.* Подростки и реклама: Учебное пособие. – М., 2003.
2. *Савицкая В.Ю.* реклама как фактор социокультурной динамики: Дисс. ... канд. культурологии. – СПб, 2005.
3. *Костина А.В.* Основы рекламы: учебное пособие / А.В.Костина, Э.Ф.Макаревич, О.И.Карпухин. – М., 2006.
4. *Рапацкая Л.А.* Русская художественная культура. Учебник для X класса общеобразовательной школы. – М., 2005.
5. *Мокшанцев И.Р.* Психология рекламы: Учебное пособие. – М., 2002.

А.В. Трофимова

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ПОДВИГА

Предметом исследования является феноменальность русского подвига, как уникального проявления сущностных сил человека в экстремальных условиях.

Понятие подвига в национальном отечественном сознании связано с такими однокоренными словами как «подвижничество» и «движение». Т.е. подвиг – это то, что направлено на изменение негативного хода вещей (поступков) к лучшему, это движение во имя людей, во имя других. И философия подвига включает в себя сопутствующие понятия – жертвенность, доброта, выносливость, стойкость, смелость и др. важные качества.

В переломные для существования культуры эпохи, люди воскрешают образ Человека–героя. Качественные изменения в культуре требуют поиска нового типа человека, адекватного изменяющемуся миру. В условиях хаоса и аномии герой выступает духовным ориентиром. Следуя потребности общества в героических образцах поведения, возникает ряд псевдогероев, с экранов и страниц книг, пропагандирующих ненависть, насилие, самоубийство, а также полити-

ков, героизирующих свою деятельность не всегда бескорыстных целях. Поклонение героям сегодня – зачастую поклонение созданным искусственно образам-призракам.

Изучение подвигов в наши дни необходимо по множеству причин:

1. Это расширение антропогенных возможностей современника, которому порой кажется, что подвиги существуют лишь в преданиях и книгах.
2. Это решение актуальной задачи педагогического образца, примера для подражания, человеческого позитива, альтернативного засилью негативных факторов, снижающих человеческий потенциал.
3. Это постановка важной гуманитарной задачи взаимоотношений героического и этического в условиях негероических будней.
4. Аксиология подвига – какие ценности несут побудительный характер, какие – репродуктивный.

Способность к подвигу представляет собой возможность субъектом осуществить интенциональное развертывание собственной укорененно-

сти в бытии в опыте-пределе, который обнаруживается как переход неравновесных, неупорядоченных и неустойчивых состояний во внутренние порядки – культурные акты своего существования.

Различные типы человеческих подвигов (военные, духовные, научной деятельности и др.) опираются на факты, состоявшиеся в культуре, философии, науке, искусстве, где человек запечатлен своей натуральной формой. Становящиеся явления повседневности и экзистенции как прообразы, превращаемые в культурные артефакты субъектом как автором онтологического действия, включаются в автореференцию субъекта (способность установления собственных значений), событийную рефлексивность (возвратность, обращенность на себя) и творческое действие (завершенность образов в обращении на себя).

Как модель жизни, героизм является одной из основ отношения человека к миру, и в частности отношений, в которых субъективные связи человека с другими людьми и самим собой создают метасоциальные предпосылки как динамические первоначальные условия актуализации всех последующих онтологических процессов для решения противоречия сущности и существования.

Подвиг – уникальная форма бытия субъекта, где первоначальные условия его объективирования зависят от особой представленности развития как следствия знания о переходных структурах, выраженных в перераспределении концептов феноменологии от идеальной сущности к существованию. Герой выступает в качестве внутреннего центра, реализующегося в общественном организме, ориентирующем все объективные и субъективные процессы.

Культурно-антропологическое явление «подвига» появляется в результате взаимодействия человека с миром. Контактируя с окружающей действительностью, каждый герой в своих поступках индивидуален и неповторим. Поэтому, с одной стороны, существует значительное разнообразие подвигов, которые обусловлены как личностными качествами субъекта, так и его социальным развитием. С другой стороны, выходя на уровень всеобщих характеристик культурного процесса, можно сказать, что подвиг, многообразный в своих проявлениях, имеет универсальное начало. Общекультурная значимость подвига состоит, прежде всего, в том, что через него проявляется нравственная сущность человека-героя, утверждается ценность человеческой жизни

и значимость для ее существования духовных ценностей. Герой является «выразителем всеобщего в индивидуальном»¹.

Таким образом, подвиг – явление диалектическое. Оно как объективно, так и субъективно по своей культурно-мотивационной природе; как идеально, по своей сути, так и материально по своему выражению. Сочетая в себе одновременно статику и динамику, оно оказывается и эмоциональным, и закономерным – данная особенность заложена в самой природе человека. Анализируя героическое поведение, мы исследуем субъективное познание и его объект одновременно.

В нашем исследовании мы, в первую очередь рассматриваем подвиг, который совершается благодаря духовной, нравственной подготовке героя, как результат внутреннего развития культуры личности.

При характеристике особенностей русского героизма нужно учитывать культурно-исторический фон, на котором формировалась способность к подвигу. В России в ходе ее истории произошло как бы переплетение двух типов культур: рационалистического, западноевропейского и восточного, византийского типа с его интуитивным мироощущением и живым созерцанием, включенного в русского сознание через православие. Самобытная русская культура в своих новаторских исканиях тесным образом связана с нравственно практической направленностью, доминированием моральной установки, поиском духовных ценностей в деятельности.

В российском менталитете важную роль играет готовность к подвигу, приверженность к героизму. Это связано с исторической необходимостью – защищать свое отечество от бесчисленных внешних и внутренних врагов в сложных климатических условиях, о чем писал историк Н.М. Карамзин². Складываясь на протяжении многовековой истории, образ подвига запечатлевался первоначально в формах стихийно складывающегося массового сознания, устного народного творчества (в частности, в т.н. героическом эпосе), становился предметом художественной литературы, искусства.

Уникальные явления русской культуры, в том числе и такое феноменальное проявление духа как подвиг, рассматривали в своих исторических концепциях развития русского народа В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров. С.М. Соловьев выработав систему взглядов на сущность

общественно-исторического развития, сделал акцент на внутренних духовных движущих силах этого развития.

Русская философия представляет метафизический уровень национального самопознания, который выражает глубинные, субстанциональные основы национальной психологии, моделирует национально-культурный стереотип. Специфические черты русского национального сознания выделяются по разным основаниям, в разных контекстах и сочетаниях. В качестве таковых в русской философии выделялись: устремленность к Абсолюту, соборность, нравственно-эстетическая доминанта, духовность, открытость к диалогу, «разум сердца», мессианизм и другие.

Отечественные атеистические, революционно-демократические течения выработали определенный тип благочестия, самоотречения и служения – подвиг, самопожертвование во имя общего дела. Соборность и всеединство – константы русского национального сознания.

Соборность как характерную черту русского национального сознания отмечали многие мыслители. Со времен ранних славянофилов утвердилось положение, что подлинно христианские начала сохранились только в рамках православия. Только православной, и, в частности, русской культуре присуща соборная стихия духа, творческая устремленность, особая форма целостности, единства – соборность.

В контексте социальной философии соборность – это общность людей, свободных от антагонизма, объединенных верой в православные ценности, совместным познанием истины, это сочетание в христианской любви свободы каждого и единства всех.

У А.С. Хомякова понятие соборности очень близко к христианскому учению о соборной личности, суть которого состоит в том, что «пребывание в Церкви, как в богочеловеческом организме, создает «новую тварь»... Та отделенность людей друг от друга, их взаимонепроницаемость, которая есть следствие греха, как бы исчезает в благодатном действии Церкви...»³.

В российском менталитете готовность к подвигу определяется исторической необходимостью защищать свое отечество от бесчисленных внешних и внутренних врагов. И русский подвиг связан с коллективизмом, соборностью, когда герой воспитывается народным духом патриотизма, идеалом верности, выносливости, т.е. поведени-

ем согласно своему исторически сложившемуся «коду»⁴ в любых обстоятельствах.

Типичная для русских, «соборность», по мнению А.С. Хомякова, это «своеобразное единство в деле совместного отыскания пути к спасению»⁵. «Всеединство» В.С. Соловьев определяет следующим образом: «Я называю истинным или положительным, всеединством такое, в котором единство существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия»⁶.

Современный философ В.Н. Сагатовский пишет о соборности следующее: «Соборность – этим словом можно предельно кратко выразить сущность *русской идеи*... Разумеется, для более полного раскрытия русской идеи потребуются и другие ценности и понятия. Но все они так или иначе вытекают из соборности, конкретизируют ее, являются разверткой богатейшего содержания этой первоначальной интуиции русского духа. Соборность является его первой характеристикой исторически, логически, мировоззренчески. ...Она является основополагающей категорией русской философии, ... содержит в себе основной принцип отношения к миру, выражающий сущность русской ментальности»⁷.

Активная созидательная деятельность людей, неразрывно связанная с божественной сферой, ориентирована на воплощение красоты и осуществляется не по человеческому произволу, но на основе восприятия «высших творческих сил»⁸.

Таким образом, подвиг должен служить делу истины и добра на земле. Красота, истина и добро во всей полноте «живут только своим союзом». Ф.М. Достоевский говорил, что «красота спасет мир». Это может означать превращение физической жизни в духовную, то есть в такую, которая содержит в себе слово или откровение, способное выражаться во вне; которая обладает способностью одухотворять, преображать материю. Достоевский, показав общество во всевозможных брожениях и постоянном движении, выдвинул «положительный религиозный идеал» и искал пути его конкретной реализации. Этот идеал Достоевский обрел в глубинах народной веры.

Славяне, особенно русские, как считает В. Шубарт, являются представителями «иоанновского типа человека». Этот иоанновский, мессианский человек чувствует себя призванным «создать на земле высший божественный порядок, чей об-

раз он в себе роковым образом носит. Он хочет восстановить вокруг себя ту гармонию, которую он чувствует в себе. Мессианского человека одухотворяет не жажда власти, но настроение примирения и любви... он ищет разобщенное, чтобы его воссоединить... Он видит в людях не врагов, а братьев; в мире же не добычу, на которую нужно бросаться, а грубую материю, которую нужно осветить и освятить. Им движет чувство некой космической одержимости, он исходит из понятия целого, которое ощущает в себе и которое хочет восстановить в раздробленном окружающем»⁹.

Таким образом, определение соборности включает в себя не только черты коллективизма, общинности русских, но и раскрывает глубинные основы этого единения как «духовного единства людей, укорененных в общих и высших духовных ценностях – в Боге»¹⁰. Н.О. Лосский, изучая русский национальный характер, приходит к выводу, что «наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием»¹¹. Мыслитель отмечает, что в России стремление к абсолютному добру проявилось по-разному в высших и низших слоях общества. Для высших слоев – это и стремление к более глубокому пониманию истин христианства, их осуществлению в личной и общественной жизни, и то, что князья к концу жизни постригались в иноки, и расцвет религиозной философии в России. Для низших же слоев наиболее ярким проявлением искания абсолютного добра он считает паломничество и странничество ко святым местам.

К тем же выводам приходит Н.А. Бердяев: «У русского всегда есть жажда иной жизни, иного мира, всегда есть недовольство тем, что есть. Странничество – очень характерное русское явление, в такой степени знакомое Западу... Странник ищет правды, ищет Царствия Божьего, он устремлен в даль... Есть не только физическое, но и духовное странничество. Оно есть невозможность успокоиться ни на чем конечном, устремленность к бесконечному. Народные искатели Божьей правды хотели, чтобы христианство осуществилось в жизни, они хотели большей духовности в отношении к жизни, не соглашались на приспособление к законам этого мира»¹².

Можно выделить несколько основных черт, присущих русской святости: непротивление смерти, добровольные страдания, смирение, надежда

на преображение плоти¹³. Одним из проявлений соборности является сострадание к ближнему.

Таким образом, философия русского подвига связана с объединением людей, когда все ответственные за всех, и индивидуальное спасение невозможно.

Определяя национальные варианты героизма, исследователь П.А. Сапронов¹⁴ отмечает «крестьянкость» и невоинственность русской культуры. Индивидуалистический героизм германца и грека в его работе противопоставлен «соотнесенности с родиной», самоотверженности во имя других воина-героя на русской почве.

Таким образом, православное сознание основано на убеждении в общей нравственной ответственности каждого за всех и всех за каждого. Тут в основе заложена идея не индивидуального и обособленного спасения людей, а совместного и соборного, а такое спасение совершается действием и силой общего подвига веры, молитвы и любви. Героическая личность, стремясь к внутренней целостности, гармонии, вынуждена преодолевать несовершенство мира, тем самым, изменяя его.

Подвиг является сложным многозначным явлением, имеющим культурно-историческую основу своего развития. Этот факт обоснован дуалистической природой абсолютного и личностного начала в подвиге. Подвиг трансформируется в зависимости от преобладания тех или иных типов развития исторического и идеально-ценностного сознания. В России это феноменальное явление тесным образом связано с нравственно практической направленностью, доминированием моральной установки, поиском духовных ценностей в деятельности. Как вид исключительной практики подвиг составляет частицу русского национального сознания.

Примечания

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права / Академия наук СССР. Институт философии. – М.: Мысль, 1990 – С. 60.

² Карамзин Н.М. История государства Российского / Избранные произведения. – Л.: Лениздат, 1980.

³ Зеньковский В. Принципы православной антропологии // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. – М.: Столица, 1991. – С. 128.

⁴ Пантин И.К. Российская ментальность (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1994. – №1. – С. 30.

⁵ Хомяков А.С. Церковь одна. – М.: Изд-е Братства св. равноап. кн. Владимира, 1991. – С. 164.

⁶ Соловьев В.С. Три силы // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М., 1989. – С. 552.

⁷ Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? – СПб.: Петрополис, 1994. – 104 с.

⁸ Бычков В.В. Эстетика В. Соловьева как актуальная парадигма // История философии. № 4. – М.: ИФ РАН, 1999. – С. 262.

⁹ Шубарт В. Европа душа Востока // Общественные науки и современность. – 1992. – №6. – С. 87.

¹⁰ Назаров М. Онтологические основы собор-

ности (по исследованию С.Л. Франка) // Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. – М.: Возрождение, 1995. – С. 90.

¹¹ Лосский Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. – М.: Политическая литература, 1991. – С. 240.

¹² Бердяев Н. Русская идея // Вопросы философии. – 1990. – №2. – С. 123.

¹³ Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. – М.: Аспектпресс, 1996. – 347 с.

¹⁴ Сапронов П.А. Феномен героизма. – М., 2005. – С. 177.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Гурьянова И.В. ДИДАКТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ: Учебно-методическое пособие. – Кострома: КГУ, 2006. – 53 с. ISBN 5-7591-0769-0.

В учебно-методическом пособии предпринята попытка дать современное понимание педагогики изобразительного искусства в начальной школе на основе сравнения различных направлений и концепций художественного образования средствами изобразительного искусства. Методический материал к курсу «Методика преподавания изобразительного искусства с практикумом» для специальности «Теория и методика начального образования» содержит рекомендации по проектированию уроков изобразительного искусства с использованием разных форм и методов художественного воспитания. Для студентов и преподавателей вузов, учителей изобразительного искусства начальной школы.

Баранов А.Н. ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ (ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ): Учеб.-метод. пособие / Рец.: Е.А. Чугунов, А.В. Новиков. – Кострома: КГУ, 2006. – 54 с.

В учебно-методическом пособии автор раскрывает содержание курса «История исторической науки. Историография (историография всемирной истории)». Пособие содержит программу курса, вопросы и задания к каждому разделу, практикумы, источники и литературу, а также контрольные тесты.

Субетто А.И. ОНТОЛОГИЯ И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА. КЛАССИФИКАЦИЯ И КВАЛИМЕТРИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ / Рец. Л.А. Зеленов, В.В. Чекмарев. – СПб.; Кострома: КГУ, 2006. – 72 с. ISBN 5-7591-0773-9.

Раскрывается «онтология» и «эпистемология» компетентностного подхода, проблемы квалификации и квалиметрии компетенций. Работа адресуется к специалистам в области качества образования.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕСТРУКЦИЯ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА (Позиция Франкфуртской школы)

Преамбула. *Статья посвящена рассмотрению проблемы социальной деструкции в философии Франкфуртской школы. Реконструируются этапы осмысления данного феномена и сравниваются трактовки социальной деструкции М. Хоркхаймера, Т. Адорно и Г. Маркузе.*

Реалии постсоветской жизни свидетельствуют о всевозможных политических, экономических, культурных кризисах. Развал промышленности и сельского хозяйства, социальной и научной сферы, медицины и образования, эмиграция творческой и научной элиты, безработица, потеря стабильности жизни, отсутствие доверия населения к органам государственной власти, коррупция и преступность – все эти тенденции требуют не только эмоциональных оценок и политических действий, но и адекватного теоретического анализа.

Одним из таких подходов может стать концепция социальной деструкции, поскольку увеличивается потребность и необходимость в переходе от бесконечного перечисления внешних негативных проявлений социума к целостному философскому осмыслению данного феномена. Однако в российском научном сообществе заметна существенная асимметрия эмпирического описания и теоретического анализа: если редкая статья в социологических и философских журналах обходится без прилагательного «деструктивный», а характеристика процесса трансформации советского общества в постсоветское – без алармистских констатаций, то теоретические основания подобных утверждений отсутствуют. Малочисленность исследований проблемы социальной деструкции не отвечает ее масштабности и актуальности [1; 4; 6].

Осмысление истории XX века, на наш взгляд, породило потребность в специальном теоретическом анализе деструкции как одной из основных характеристик современного общества. Западные и отечественные мыслители, такие как К. Лоренц, О. Шпенглер, Н. Бердяев, Х. Ортега-и-Гассет, Ю. Лотман и другие делали попытки отразить происходящее нарастание разрушительных тенденций и явлений в жизни соци-

ума. Однако они не занимались специально изучением социальной деструкции, лишь косвенно затрагивали эту проблематику. Самой интересной и эвристически плодотворной нам представляется трактовка социальной деструкции в работах видных представителей Франкфуртской школы – Т.В. Адорно, М. Хоркхаймера и Г. Маркузе [3; 7].

Острота и масштабность критики западной цивилизации во всех ее проявлениях в работах франкфуртцев до сих пор остается актуальной. Анализируя как историческое становление общества, так и его современное состояние, они обнаруживают скрытые диссонансы и противоречия между внешне успешной жизнедеятельностью социума и трагизмом бытия человека. Рассмотрение проблемы социальной деструкции в работах представителей Франкфуртской школы открывает новый срез их наследия в целом, поскольку в истории философии данная проблематика исследована существенно меньше, чем другие аспекты творчества франкфуртцев.

В ходе изучения работ Адорно, Хоркхаймера и Маркузе мы столкнулись с трудностью: немецкие мыслители специально не выделяют концепцию социальной деструкции. Поэтому возникает естественный вопрос: правомерно ли говорить о такой концепции в рамках философии Франкфуртской школы? Однако значительное внимание франкфуртцы уделяют анализу негативных проявлений западной цивилизации, при этом широко используя слова «разрушение», «деструктивные явления» и т.п. Контекст употребления этой лексики различен у основателей школы и представителей следующего поколения, то есть присутствует некоторая динамика понимания деструктивных сторон жизни общества. Ракурс и объект исследования франкфуртцев позволяет нам говорить о некоей концепции социальной деструкции. Но, стоит еще подчеркнуть, что целостная систе-

ма взглядов философов на обозначенную проблему выявляется только путем реконструкции.

Во Франкфуртской школе проблема социальной деструкции рассматривалась, прежде всего, в рамках следующих вопросов. Каков генезис деструкции? Распространяется ли влияние деструкции от человека к обществу или от группы к отдельному индивиду? Необходима или случайна деструкция цивилизации? Каковы факторы и свойства деструкции? Возможны ли пути нейтрализации и способы преодоления социальной деструкции?

Мы полагаем, что можно говорить, прежде всего, о концепции социальной деструкции в работе Т. Адорно и М. Хоркхаймера «Диалектика Просвещения» (1947), так как сами авторы прямо заявляют, что первый предмет их исследования – это «саморазрушение Просвещения» [7, с. 10]. Они рассматривают ход Просвещения и, шире – цивилизацию – как деструкцию, указывая на то, что воспринимавшийся ранее человечеством путь усовершенствования оказался путем самоуничтожения. Ход Просвещения, цивилизация, деструкция становятся синонимичными: «Эта линия является линией одновременно и деструкции, и цивилизации. Каждый шаг являлся прогрессом, этапом Просвещения» [7, с. 117]. Критика Просвещения приводит к широкому социально-философским обобщениям относительно как современности, то есть середины XX века, так и истоков сложившейся катастрофической ситуации.

Выходя за рамки традиционных марксистских воззрений, рассматривавших проблему социального разрушения в рамках парадигмы общественного производства и классовой борьбы, Адорно и Хоркхаймер видят причины этого явления в особенностях взаимоотношения человека и природы. По их мнению, человек – самое деструктивное существо, противопоставляющее себя окружающему миру: «...со времен своего возникновения биологический вид человек всегда демонстрировал себя всем остальным в качестве эволюционно самого развитого и потому как самую страшную разрушительную силу...» [7, с. 235]. Отношение человека к природе из непосредственного отношения природы к самой себе превратилось в насильственную установку, когда человек пытается и раскрывает природу. Это противопоставление человека и природы стало решающим в определении вектора развития: цивилизация пошла по деструктивному пути прогресса.

Изначальное постулирование деструкции как способа отношения к миру переносится и на все последующие формы самодвижения человечества. Таковыми являются, в частности: 1) расколдовывание мира, то есть усиления формализации и абстрагирования от уникальности вещей и людей; 2) отречение от смысла, то есть потеря значения целостности мира при поиске способов манипулирования и использования его; 3) вытеснение духовности телесностью как обратная реакция природы: «...самоунижением человека до состояния *сogrus* а природа мстит за то, что она была унижена человеком до состояния объекта господства» [7, с. 283]; 4) безумие (здесь в виде предельной рациональности) как потребительское отношение к миру, отсутствие способности к творчеству и стремление уничтожить все то, что не удастся подчинить.

Таким образом, один из основных тезисов франкфуртской концепции, гласит: генезис социальной деструкции кроется в попытке человека познать окружающий мир и осуществить господство над природой.

Властные отношения человека к природе выявляют гносеологический аспект социальной деструкции, так как с помощью разума человек выделяет себя из природного мира. Поэтому познание и осуществляющий этот процесс разум определяют франкфуртцами как источник социальной деструкции. Стоит оговориться, что в целом теоретико-познавательная проблематика у немецких философов растворяется в социальной теории. В.А. Погосян, исследователь франкфуртской философии, справедливо отмечает, что «теоретической основой гносеологических воззрений Франкфуртской школы является концепция «диалектики Просвещения», которая представляет собой результат распространения положений «теории господства» на область познания» [5, с. 47].

Франкфуртцы подчеркивают, что познающий разум интересуется природой с точки зрения ее использования, поэтому мир распадается на субъект и объект манипулирования. В этом случае процесс познания осуществляет деструкцию, то есть расчленяет на простейшие элементы и затем моделирует в понятный, соразмерный человеку мир-схему. Хоркхаймер и Адорно видят в таком рациональном познании упрощение мира, разрушение первозданного многообразия мира природы и вещей. Заданные человеком рамки для мира природы искусственны и не способствуют

гармонизации отношения человек–мир. Следуя логике франкфуртцев, можно утверждать, что сначала возникает теоретическая деструкция, а потом появляется и реализуется практическая деструкция.

Тема познания как источника деструкции логически приводит франкфуртцев к проблеме взаимосвязи деструкции и рациональности. Хоркхаймер и Адорно считают, что «практическая тенденция к самоуничтожению присуща рациональности с самого начала» [7, с. 14]. Согласно «Диалектике Просвещения», к «безумству» XX века привела рациональность, которая, совершенствуясь, совпадает с безумием. История покорения природы и укоренения социальной деструкции вылилась в историю рациональности, в историю порабощения человеком человека. На рациональности, на стремлении контролировать внутреннюю и внешнюю природу человека и основано европейское Просвещение.

Хоркхаймер и Адорно в своем произведении выявляют универсальность социальной деструкции и разные контексты, важные для понимания этого феномена. В контексте прогрессивного движения деструкция как развитие цивилизации оказывается абсолютной и оценивается однозначно негативно. Однако на уровне социальных групп деструкция имеет относительный характер, что позволяет говорить о ней, как об имманентном свойстве любой социальной системы, которое способствует социальному обновлению и является необходимым для движения истории.

Взяв за основу логику «Диалектики Просвещения», Г. Маркузе продолжает исследование разрушительной стороны цивилизации. Абсолютную деструкцию немецкий философ анализирует как процесс трансформации индустриальной цивилизации в одномерное общество, а, значит, в тоталитарную систему господства и завуалированного рабства. Итогом данного процесса может стать полное самоуничтожение этого общества. Относительная деструкция выявляется в процессе изучения генезиса и развития принципа господства, лежащего в основе человеческого общества. В результате она предстает как регрессивный (реформирующий) потенциал общества, способствующий – во взаимодействии с производительностью – обновлению и динамике общества на протяжении всей человеческой истории. Если Хоркхаймер и Адорно сосредоточивают внимание на первом смысле деструкции как

движения Просвещения, то Маркузе, акцентируя амбивалентность последней, обнаруживает и исследует ее взаимодействие с производительностью. Поэтому можно говорить о том, что маркузевское понимание деструкции более диалектично, чем позиция старших франкфуртцев.

О философском статусе проблемы социальной деструкции свидетельствует то, что в произведениях франкфуртцев обнаруживается ее онтологический аспект. Развивая идеи Хоркхаймера и Адорно, Маркузе максимальное внимание уделяет анализу бытийных моментов. Так, в ходе исследования принципа господства немецкий философ выявляет и анализирует онтологические свойства социальной деструкции: универсальность, аксиологическая нейтральность, позитивность, амбивалентность.

Об универсальности деструкции Маркузе говорит в следующем смысле. Мир изначально уже содержит в себе разрушительное начало: «страдание, насилие и разрушение суть категории как природной, так и человеческой действительности, беспощадного и бессердечного мира» [3, с. 497].

Акцентируя свойство аксиологической нейтральности деструкции, Маркузе, как нам кажется, отходит от абсолютно негативной оценки деструкции, данной Адорно и Хоркхаймером. Деструктивный вектор задает сама цивилизация, которая «содержит семя разрушения, превращающее добро в зло и наоборот» [3, с. 109]. Подвижная энергия, нейтральная сама по себе, способна объединиться с продуктивными или разрушительными побуждениями. Общность природы инстинктов смерти и жизни могут обладать позитивными и негативными характеристиками: «неуправляемый Эрос так же губителен, как и его неумолимый двойник – инстинкт смерти» [3, с. 16]. Перевес деструктивной тенденции происходит вследствие специфики социальной организации и регулируемости общества. Для индустриальной цивилизации, критикуемой Маркузе, характерно такое социальное устройство, которое сознательно поощряет проявление деструктивных сил. Таким образом, изначально нейтральная деструкция приобретает негативную смысловую окраску только относительно производительности.

Следующий логический шаг Маркузе – это утверждение, что существует необходимость (позитивность) деструкции. Маркузе, солидаризируясь с З. Фрейдом, подчеркивает, что Эрос создает культуру в борьбе с инстинктом разрушения.

Цивилизацию немецкий философ называет продуктом Эроса, а точнее «принудительным переключением на социально полезные виды деятельности и самовыражения» [3, с. 11] энергии либидо. Деструктивное начало выступает противосилом и стимулом для созидания и творчества. Поэтому деструкция становится позитивной тогда, когда она необходима и неизбежна для дальнейшего развития общества.

Четвертое свойство, вбирающее в себя все предыдущие, заключается в амбивалентности деструкции, в диалектике продуктивности и деструкции. Маркузе как приверженец диалектического подхода утверждает, что существование людей и вещей в мире «пронизано противоречивыми отношениями, так что любое конкретное содержание может быть развернуто только благодаря переходу в свою противоположность... все содержание в целом представляет совокупность всех противоречивых отношений, которые в нем предполагаются» [2, с. 103]. История человечества, процесс жизни представляется им как слияние и распадение двух основных начал, как столкновение Эроса и Танатоса, процесс строительства и разрушения культуры.

Исходя из амбивалентности деструкции, Маркузе считает главным не различие деструкции и производительности, а то, как под воздействием цивилизации они переплетаются, превращаются друг в друга. Следовательно, разрушительные тенденции не противоречат принципу западной цивилизации, но являются закономерным проявлением ее природы. Если в доиндустриальном обществе существовало различие деструкции и производительности, то в одномерном обществе наблюдается их тождество, что является источником застоя в развитии общества. Объединение этих противоположностей немецкий философ называет прибыльной деструктивностью: «Универсум дискурса, в котором примеряются противоположности, обладает твердой основой для такого объединения, а именно его прибыльной деструктивностью» [3, с. 354].

Маркузе конкретизирует идею Хоркхаймера и Адорно о соотношении деструкции и рациональности. Он справедливо отмечает относительность деструктивного характера рациональности, изменяющегося в соответствии с доминирующей исторической установкой. Поэтому выделяются такие недеструктивные рациональности, как дотехнологическая и посттехнологическая,

способствующие умиротворению жизни. Парадоксальность анализируемого Маркузе одномерного общества заключается в том, что «в ходе своего развития оно изменяет отношение между рациональным и иррациональным. В сравнении с фантастическими и безумными сторонами его рациональности, сфера иррационального превращается в дом подлинно рационального – тех идей, которые могут «способствовать искусству жизни» [3, с. 506]. Поэтому определяющим фактором социальной деструкции становится технологическая рациональность господства. Последняя освобождается от контроля человека и сливается с производительностью. В результате технологическая рациональность становится иррациональной, чем обуславливает внутреннее противоречие цивилизации.

В работах франкфуртцев – помимо выявления источника и факторов социальной деструкции – можно увидеть возможные пути нейтрализации социальной деструкции: 1) личный, связанный с наличием внутреннего индивидуального пространства; 2) исторический, осуществляющий продуктивное взаимодействие прошлого, настоящего и будущего; 3) креативно-эстетический, противопоставляющий деструкции творческий потенциал социума.

Хоркхаймер и Адорно говорят о возможности преодоления деструкции, но не верят в ее осуществление, так как разрушительное движение Просвещения достигло необратимых масштабов. Поэтому они прогнозируют тотальную самодеструкцию социума.

Г. Маркузе не поддерживает пессимизм старшего поколения Франкфуртской школы. Синтезируя идеи «Диалектики Просвещения» о непреходящей ценности высокого искусства и тезис З. Фрейда о противостоянии культуры и инстинкта смерти, он пишет о возможности реализации исторической альтернативы – трансцендентного проекта или проекта умиротворенного существования нерепрессивной цивилизации. Мыслитель справедливо подчеркивает, что культура как сфера фантазии, свободы и памяти способна противостоять репрессивной цивилизации и стать связующим звеном между деструктивным настоящим и нерепрессивным посттехнологическим будущим.

Подводя итоги, надлежит отметить, что социальная деструкция в работах представителей разных поколений Франкфуртской школы трактуется

ся как универсальный феномен, неизбежный и необходимый для динамики общества. Универсализация способствует выявлению философского статуса обозначенной проблемы, что переводит ее из локальных вопросов в разряд всеобъемлющих, свойственных разным обществам и культурам. Характеристика деструкции раскрывается в ходе анализа гносеологического и онтологического аспектов обозначенной проблемы. Исследуя исторические трансформации деструкции, франкфурты критикуют западную цивилизацию. Поэтому возникает логичный вопрос: данная концепция имеет локальный характер или может рассматриваться как универсальная характеристика всей человеческой истории? На наш взгляд, представленная проблема в полной мере работает в рамках критики капитализма, за пределами которого данный феномен не изучен. Тем не менее, все перечисленное выше свидетельствует о целостности осмысления франкфуртцами феномена деструкции, раскрывающего логику социальной динамики европейской цивилизации.

Далее можно выделить разделение исследования на оптимистическую и пессимистическую линии: если Адорно и Хоркхаймер настроены крайне пессимистично, то Маркузе видит возможности выхода из исторического тупика. Он сужает философский макроуровень, задаваемый «Диалектикой Просвещения» до социального, что дает ему возможность создать антидеструктивный проект, основанный на воспитании многомерности индивидов, на поддержании независимости социальной памяти, на поощрении развития искусства.

В любом варианте, в пессимистическом или оптимистическом, представленные трактовки социальной деструкции приобретают особую значимость для европейской цивилизации XXI века вообще, и для отечественной в частности. В новых исторических условиях идеи выдающихся представителей Франкфуртской школы должны быть заново переосмыслены и введены в научный оборот.

Библиографический список

1. *Лысак И.В.* Человек – разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999. – 55 с.
2. *Маркузе Г.* Разум и революция. Гегель и становление социальной теории / Пер. с англ. А.П. Шурбелева. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – 540 с.
3. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Пер. с англ. А.А. Юдина. – М.: АСТ, 2003.
4. *Мошенский А.С.* Диалектика созидательного и разрушительного в историческом процессе: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / ЛГУ. – Л., 1989. – 15 с.
5. *Погосян В.А.* К критике философских концепций Франкфуртской школы. – Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1979. – 82 с.
6. *Трошин А.А.* Теоретические основы деструкции в обществе (на материале истории России XIX века) // Мир психологии. – 2000. – №2. – С. 257–269.
7. *Хоркхаймер М.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Макс Хоркхаймер, Теодор В. Адорно / Пер. с нем. М. Кузнецова. – М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997.

В.В. Горшкова, Е.А. Митковец

ДЖОН ДЬЮИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Джон Дьюи (1859–1952) – самый популярный и влиятельный философ США. Именно его называют американцы философом с большой буквы. Его идеи на протяжении XX века определяли развитие образовательной системы Соединенных Штатов и формировали то, что называется американским образом мысли и жизни. К экспансии американской культуры и шире – американизма можно относиться по-разному, процесс этот явно неоднозначен, но совершенно однозначно нуждается в осмыслении. Серьезная причина для обращения к наследию человека, которого называют «наи-

более совершенным выразителем «американского гения».

Однако изучение философских и педагогических трудов Дьюи – здесь и сейчас – сталкивается с целым рядом проблем. Назовем их проблемами интерпретации.

Начнем с того, что может быть представлено наглядно. Книга Джона Дьюи «Как мы думаем» (How We Think) в русском переводе называется «Психология и педагогика мышления». Скорее всего, дело не в переводчице Н.М. Никольской и даже не в редакторе издания Н.Д. Виноградове, а в традиции отношения к научным текстам, свя-

занной с особенностями российского менталитета. Мы привыкли относиться к подобным текстам с почтительностью, продиктованной убеждением в конечной достоверности содержащегося в них знания. Это знание должно быть изложено серьезно и строго, языком, понятным лишь посвященным, что дополнительно увеличивает сакральную силу текста.

Существенно и рядоположение, – психология и педагогика – начисто отсутствующее в авторском заглавии и, что еще более существенно, в авторской концепции, синтезирующей подходы в едином процессе философствования. Эта концепция принципиально не завершена и не может быть завершена, поскольку идеал результата автором снимается в пользу умственного процесса, и на месте торжественно венчающей поиск истины оказывается перманентное исследование.

Вообще надо признать, что Джону Дьюи очень не повезло в России, и в нашем культурном сознании он пока что практически не существует. «Бунтующий человек» Камю и «дороги свободы» Сартра больше соответствуют воспаленному состоянию умов, чем конструктивная философия Дьюи, убежденного, что «человек принадлежит миру, а не противостоит ему», и озабоченного не постижением трагических проблем бытия, а поисками путей решения этих проблем. Надо констатировать и то, что наше так называемое культурное сознание литературоцентрично: знания о мире черпаются в основном из романов – потому так популярен экзистенциализм. Не то, чтобы многие читали Хайдеггера или Ясперса, но красивое слово из предисловий к «Постороннему» или «Мифу о Сизифе» усвоено культурным большинством. Именно его – единственное – оказались способными написать в ответ на вопрос о философских течениях XX века студенты-третьекурсники престижного гуманитарного вуза, им же начинали (а иногда и заканчивали) свои ответы и почтенные преподаватели двух гуманитарных же кафедр.

Слово «прагматизм» – а Джон Дьюи называется в словарях и учебниках как раз прагматиком, хотя сам называл свой метод инструментализмом или экспериментализмом – больше, чем просто не популярно в наших краях. Оно несет явно выраженную негативную окраску. Даже десятиклассники, не умеющие объяснить, что такое прагматизм, и предполагающие (в том числе), что это средство художественной выразительности,

на всякий случай – каждый второй – поставили ему в оценку минусы. Что же говорить о зрелых педагогах, эмоционально говоривших о делании денег на образовании, о расчетливых людях, действующих с выгодой для себя, основывающихся на уже существующем, не желающих перемен... Кстати, из этих 12 грозных педагогов, среди которых было даже 3 кандидата педагогических наук, о Джоне Дьюи, правда, в качестве философа, слышал только один. Еще одно необходимое «кстати» – подобное восприятие прагматизма (пока мы говорим не о философском термине, а лишь о бытовании слова в обыденном языке) можно приписать к длинному списку «достижений» советской России, поскольку в словаре В.И. Даля «прагматический» – *достоверный; на деле основанный и прямо к делу применяемый*. Только и всего.

Можно, конечно, списать неосведомленность педагогов на издержки образования времен «холодной войны», когда авторы учебников истории педагогики если и позволяли себе писать о деятельности ученого, чьи идеи безраздельно господствовали в педагогике и школе США в течение более полувека и широко распространились в мире, вынуждены были заканчивать свои статьи пассажами о прагматической теории Джона Дьюи как обосновании бездуховности, делячества, частного предпринимательства и стремления во что бы то ни стало достичь личного преуспевания, свойственных американскому образу мысли и жизни [6, с. 89–92]. Беда, однако, не в идеологических пируэтах, а в том совершенно искаженном изложении идей ученого, которое кочует из учебника в учебник на протяжении многих десятилетий. Создается даже впечатление, что почтенные авторы статей попросту не читали мыслителя, о котором пишут. И потому излагают не столько его *sed*o, сколько версии предшествующих пособий.

Предположение имеет под собой основания в судьбе текстов Дьюи в нашей стране. Они довольно бодро издавались в 20-е годы прошлого века. Именно тогда появились русские версии книг «Введение в философию воспитания» (1921), «Школа и общество» (1921), «Школы будущего» (1922), «Школа и ребенок» (1923). Ученый для популяризации его педагогического опыта был даже приглашен в Россию, которую посетил в 1928 году. Впечатления от поездки оказались сильными, но отрицательными. Мало того – Дьюи возглавил международную комиссию по расследо-

ванию антисоветской деятельности Л.Б. Троцкого и первым поставил подпись под отчетом этой комиссии, признавшей необоснованность выдвинутых в ходе политических процессов 30-х годов обвинений против этого политического деятеля. Правда, он не считал (и не скрывал этого), что советский режим был бы лучше, если бы преемником Ленина оказался не Сталин, а Троцкий. Философ был убежден в том, что насильственная революция, ведущая к диктатуре, не может привести к хорошему обществу [3, с. 965–966]. Естественным результатом этих событий стало прекращение публикаций трудов Дьюи в нашей стране. Ранее изданные книги стали недоступны. Имя если и всплывало, то лишь в контексте критики буржуазной философии и педагогики. Для того, чтобы критиковать, знать, то есть читать первоисточники, необязательно.

Первая после долгого перерыва публикация появилась лишь в 1997 году – это была упоминавшаяся в начале «Психология и педагогика мышления». В 2001 году издательством «Логос» был представлен классический труд Дьюи «Реконструкция в философии» (в переводе М. Заннадворова и М. Шикова), двумя годами позже эта основополагающая и одновременно итоговая работа философа была опубликована вторично под одной обложкой с его же «Проблемами человека» в великолепном переводе Л.Е. Павловой. Эти издания, вкупе с появившейся возможностью чтения книг 20-х годов, вызвали новую волну интереса к творчеству ведущего философа Америки, как его называет Бертран Рассел, и породили серию научных публикаций. Но...

Скорее всего, именно это последнее НО труднее всего поддается осознанию и преодолению. Дело в том, что Джон Дьюи был личностью чрезвычайно многогранной, но и цельной одновременно. Его философские труды, посвященные широкому кругу проблем: логических, политических, этических, культурных – «прорастают» педагогическими опытами, которые, в свою очередь, будучи порождением философских идей, эти идеи продуцируют, определяя их дальнейшее развитие. Это непрерывное, длиной в 70 лет, исследование – принципиально неделимо на философские и педагогические составляющие. Одно не может быть понято в отрыве от другого, а все вместе не может быть отделено от личной – общественной позиции ученого, которого соотечественники не случайно называли «аутентичным

голосом демократии». Мы же приучены *анализировать* философские концепции и *использовать* педагогический опыт. В данном случае подобный подход мало продуктивен, чтобы не сказать – опасен, особенно в варианте *использования*, которое противопоказано динамичной, принципиально открытой системе философствования Джона Дьюи. Подобно Сократу, он был вечно-вопрошающим, каждый ответ открывал лишь новые горизонты не-знания, давая возможность и диктуя необходимость двигаться дальше. Всю жизнь ученый настаивал на том, что «идеи должны быть процессом, а не доктриной» и в 90 лет написал автобиографию, которую озаглавил «Философ в процессе становления».

Словно предвидя опасную поспешность будущих последователей, один из основоположников прагматизма, он писал: «Истинно практичный человек дает свободу уму при рассмотрении предмета, не требуя слишком настойчиво в каждый момент приобретения выгоды; исключительная забота о делах полезных и прикладных настолько суживает горизонт, что в дальнейшем приводит к разрушению» [2, с. 131]. Доведенные многочисленными энергичными последователями до крайностей, каких не мог и предположить сам ученый, – и в Америке, и особенно у нас – идеи Джона Дьюи подвергались критике. Критике часто совершенно резонной, но – и это необходимо осознать: в качестве идей философа часто, выступали их искажения. К этим искажениям, однако, был прочно пришит ярлык *Джон Дьюи* – кто же утруждает себя напоминанием имен последователей? – книги самого философа при этом оставались – по крайней мере у нас – попросту непрочитанными.

Пришла пора эти книги прочитать. И потому, что, наконец, появилась такая возможность. Еще более потому, что появилась в этом необходимость. Речь не о чистой потребности в познании закрытых от нас долгие десятилетия страниц мировой философии, не в модной герменевтической «игре в бисер», даже не в необходимости восстановления исторической преемственности, того «предпонимания» (Гадамер), без которого невозможно жить – мыслить и действовать.

Подлинная глубинная причина обращения к философии Дьюи, породившая и новые переводы его книг, и попытки их интерпретации лежит в той начинающей мышление ситуации *затруднения, смущения, сомнения* [2, с. 21], в кото-

рой находится сейчас наше общество в целом и, следовательно, все мы, как его составляющие. Подобную ситуацию, когда «параграфы старой веры» оказались «трагически несостоятельными в свете нового дня» [1, с. 149] уже переживало американское общество, именно в ней и о ней размышлял в своих работах Дьюи. Он размышлял о путях разумного противодействия нестабильности мира и о том рубеже, где наши «ухищрения не замечать неприятных фактов» становятся катастрофичными. Он осмыслил пути демократии и анализировал природу тоталитаризма и фашизма. Его размышления и прогнозы 1930–1940-х годов, увы, подтвержденные временем, воспринимаются сегодня остро современно и естественно соотносятся с нашими большими вопросами.

Пришла пора «пройти» Джона Дьюи – не в поисках ответов и решений, но как школу мысли, исследования и постижения человеческих проблем.

Собственно так и называется одна из главных его книг – «Проблемы человека». В ней собраны, написанные за 10 лет статьи, на первый взгляд, разные: о философии Уильяма Джеймса, о мире учителя, о будущем либерализма и бунте против науки – объединенные, если так можно сказать, тревогой 1946 года. Эта тревога, о которой философ прямо говорит в предисловии к изданию, очень нам близка сегодня. «Разлад в самой жизни, проявляющийся новомодными отклонениями и отказом от былых обычаев и догм, столь всеобъемлющ, что буквально невозможно указать на то, чего бы он еще не затронул» [1, с. 137]. Анализируя ситуацию, в которой самое массовое из чувств, владеющих людьми, есть чувство незащищенности [1, с. 148], ученый размышляет о соотношении свободы и авторитета как в обществе, так и внутри личности. В момент перехода от «великой депрессии» к «новому курсу» Дьюи с горечью пишет о новой философии, которая «так сильно стремилась дезавуировать сам принцип авторитета, что лишила индивидов направления и опоры, которые столь универсально важны как для естественной свободы личности, так и для социальной стабильности» [1, с. 205]. Убеденный противник деспотизма во всех его проявлениях, он прекрасно понимал и то, что человек не может жить, не имея никаких авторитетов. В самой природе человека заложен конфликт консервативных и раскрепощающих факторов. И нельзя не считаться с тем, что «в течение длительного периода чело-

веческой истории индивиды предпочитали авторитет и стабильность» [1, с. 203].

Мы опять торопимся. Нам хочется перемен быстрых и благотворных, зрелой демократии – через пару десятилетий после долгого и страшного деспотизма. Так не бывает, к сожалению, не может быть. «Демократия вообще не тот путь, который легко принять и по которому легко идти. Напротив, если говорить о воплощении ее в сложных условиях современного мира, этот путь крайне не прост» [1, с. 156]. Практически тройной повтор мысли в этой фразе не есть стилистическая ошибка или результат забывчивости, столь свойственной философам, но стремление передать реальную сложность процесса, непонимание которой чревато страшными последствиями. Америка 1940–1950-х, когда писались статьи, вошедшие в «Проблемы человека», тоже переживала «прискорбное фиаско демократии», связанное так же, как и у нас, с отождествлением свободы с максимумом неограниченных индивидуалистических проявлений в экономической сфере, с деградацией «свободы» во «вседозволенность», порождающим у многих желание обратиться к механизмам авторитета, к опыту прошлого, а то и попросту к грубой силе, чтобы восстановить утраченное равновесие [1, с. 217, 201, 189]. Все это было, и было так – вот и еще один серьезный резон внимательно прочитать статьи философа, жившего в эпоху перемен, осмыслившего их непростое течение, искавшего вместе со своим народом решения тех проблем, над которыми мы бьемся полвека спустя. Этот философ был поборником демократического идеала, убежденным в том, что только он «позволяет индивидам быть свободными на самом деле, а не каким-то абстрактным метафизическим образом» [1, с. 217].

К метафизике Дьюи относился плохо. Его мало волновали традиционные для философского фундаментализма поиски основ бытия, но заботило состояние человека в мире, который он хотел видеть не просто гуманным, но «уютным» – какое неожиданное слово в философском тексте. Однажды он даже написал, что если философия отвлечена от жизни и проблем, волнующих обычных людей, то это серьезный повод для моратория на науку. При этом он был убежден в том, что «чем многообразнее взаимодействие человека с окружающим миром, тем больше он нуждается в конструктивной философии, которая обеспечивала бы его не завесой

от реальных проблем, а методами их решения» [1, с. 461].

Магистральный путь решения общественных проблем он видел в решении проблем образования. Потому все его статьи, посвященные проблемам демократии, одновременно и статьи педагогические, анализирующие суть и методы образовательного процесса. «Общественное обучение есть именно обучение общества» [1, с. 182] – вот краеугольный камень философско-педагогической концепции Дьюи. «Дефекты школы возникают от преломления в ее сфере беспорядка и замешательства нашего общества» [1, с. 199]. Школа одновременно – модель общества и институт, его продуцирующий. «Школа в условиях демократии, если она верна своей роли образовательной инстанции, служит осуществлению демократической идеи о преобразовании знания и понимания, то есть энергии действия, в неотъемлемую внутреннюю составляющую ума и характера личности» [1, с. 159]. Именно в силу этого школа (такая, какой она должна быть) оказывается «залогом стабильности политической демократии» [1, с. 165]. К сожалению, в переходные периоды, а именно в такой период писал свои труды о демократии и образовании Дьюи, именно такой период переживаем мы сейчас, школа (= система образования) не может не находиться в кризисном состоянии. Педагогическая система переходного периода представляет собой «соединение лоскутов старого и нового, нереконструированных пережитков прошлого и вещей, возникших в силу новых обстоятельств. Данное положение в равной мере относится и к преподаваемым предметам, и к способам их преподавания, и к общественному управлению системой образования. Новые учебные курсы, как следствие, раскололи программу на бессвязные составляющие и создали перегрузку. Чересчур много тем для изучения и чересчур много учебных курсов, а в результате получилась неразбериха» [1, с. 196]. Эта длинная цитата не из сегодняшней газетной статьи, не из отчета о заседании Комитета по образованию и культуре – из философской статьи 1935 года. Название статьи «Потребность в ориентации» тоже более чем актуально. Потому что это и наша острейшая потребность, поскольку и наша болезненная проблема. Когда американский философ пишет о том, что «огромное множество молодых людей сегодня считают себя лишенными необходимых воз-

можностей и находят столько препятствий своим законным желаниям и стремлениям, что начинают поддаваться мысли, будто социальные перемены осуществимы не демократическим путем, а исключительно грубой силой» [1, с. 189] – он пишет и о нас тоже. Его «рассудительная критика является необходимым условием и прогресса наших школ, и приумножения множества хороших вещей, которые им уже присущи» [1, с. 196]. Необходимое уточнение: критика, о которой говорит Дьюи, направлена не на учителей, а на *систему*, в которой они вынужденно существуют и ситуация в которой «смущает и расстраивает их ум». Результатом хаотического состояния жизни общества в целом, а следовательно и системы образования, является и то, что многие молодые люди «оказываются в трагическом состоянии неприкаянности, без работы и без каких-либо видов на нее». Это характерное для большей части молодежи состояние «болезненного и обескураживающего неверия в будущее» – тоже вина образовательной системы, которая не вооружает молодых «ключом к тем обстоятельствам, в которых они живут» [1, с. 197]. В драматической ситуации переходной эпохи особенно важно иметь в виду, что первостепенной потребностью каждой личности (если речь не идет о каждом, то тема демократии попросту снимается) «является способность мыслить, навык видеть проблемы, соотносить с ними факты, применять идеи и радоваться их работе» [1, с. 198].

По Дьюи «знание, способное решать наши проблемы, должно быть не концептуальным, а функциональным, поэтому его следует добывать в активном взаимодействии с окружающим миром, а не принимать от учителя как готовую доктрину» [1, с. 463]. Вот почему – возвращаясь к проблеме интерпретации – *использование и внедрение* столь чужды системе Дьюи: они противоречат самой ее сути, его научному методу, основанному на «непосредственном экспериментальном управляемом опыте» [1, с. 255]. Мы живем в другом мире, а потому, несмотря на явное сходство ситуаций, наш *опыт* не может не быть иным. И учиться у американского философа и педагога нужно не конкретным методикам, поскольку требования и возможности нашей социальной ситуации неизбежно потребуют новых, быть может, совершенно иных методик, но именно *методу* его научных исследований. Тому методу, который зафиксирован в текстах самого Джона Дьюи

и который он сам называл инструментализмом и экспериментализмом.

Предвижу возражение: уместно ли заниматься изучением философских персоналий тогда, когда общество нуждается в ответах на острейшие социальные вопросы? К сожалению, мы накопили богатый опыт энергичного добывания ответов на трудные вопросы без особо долгих раздумий и предварительных научных штудий. Вряд ли этот опыт можно назвать благотворным. Навык склеивания концепций из случайно нахватавшихся и оборванных на полуслове цитат «на случай» не помогает в решении фундаментальных проблем. Но ведь о необходимости решения именно таких проблем общества, а следовательно, и образования сегодня идет речь. Потому самое время заняться философской герменевтикой, изучением и интерпретацией текстов, что вовсе не есть отвлеченное от жизни умствование, но необходимая составляющая социального опыта, стремящегося к определенным позитивным результатам. Потому закончить эти размышления вполне уместно длинной (и мы не будем обрывать ее после запятой) фразой из статьи Дьюи «Отношения науки и философии как базис образования», написанной в 1938 году и переизданной (= передуманной) повторно в том самом тревожном 1946: «Различие между образовательной практикой, которая руководствуется хорошо подуманной философией, и практикой, лишенной подобных влияний, – это различие между образованием, которым движет какое-либо ясное представление о результатах, способствующих разви-

тию у обучаемых определенного рода желаний и целей, и образованием, которое дается вслепую, под властью обычаев и традиций, ни разу не поверенных на целесообразность, или как ответ на сиюминутную общественную потребность» [1, с. 253].

Библиографический список

1. Дьюи Джон. Реконструкция в философии. Проблемы человека / Пер. с англ., послесловие и примеч. Л.Е. Павловой. – М.: Республика, 2003.
2. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления / Пер с англ. Н.М. Никольской. – М.: Совершенство, 1997.
3. Рассел Б. История западной философии. – М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2004.
4. Зотов А.Ф., Мельвиль Ю.К. Западная философия XX века. Учебное пособие. – М.: ПРОСПЕКТ, 1998.
5. Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. – СПб.: РХГИ, 2004.
6. История педагогики: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Под ред. М.Ф. Шабаевой. – М.: Просвещение, 1981.
7. Джуринский А.Н. Педагогика: история педагогических идей. Учебное пособие. – М.: Педагогическое общество России, 2000.
8. История педагогики и образования. Учебное пособие для педагогических учебных заведений / Под ред. А.И. Пискунова. – М.: ТЦ Сфера, 2004.
9. История США. В 4 т. Т. 3: 1918–1945. – М.: Наука, 1985.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Субетто А.И. ОСНОВЫ СИСТЕМОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ: В 2-х ч. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Исслед. центр проблем качества подготовки спец., 2006.

В монографии, впервые в научной литературе, выполнена разработка системологических основ образовательных систем. Определены структура научно-методологических основ образовательных систем, место системологии образования в этой структуре, направления системологии образования. Монография была опубликована в 1994 году. Второе издание посвящается 20-летию Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов.

И.Г. Мясникова

СУЩНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА В СВЕТЕ ПОПЫТКИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В ВИДЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

Совершенно естественно, что в стране есть сегодня не только приверженцы либеральных реформ, капитализма и «интеграции» в цивилизацию Запада, но и те, которые считают, что единственным выходом для нас является возвращение на прерванный социалистический путь развития. Аргументы – небывалый в истории прорыв в развитии нашей страны в 1920–1950-е годы и современный взлет Китая, сохранившего приверженность социализму и строящего его своим «китайским» способом.

Но при всем при этом закономерно возникает вопрос: если общество советского образца было таковым, то почему оно, успешно выдержав грандиозные испытания, выпавшие на его долю во всесторонней «физической» борьбе со своими внешними и внутренними врагами, все же погибло?

При ответе на данный вопрос чаще всего приходится слышать обвинения в нерентабельности, затратности и неконкурентоспособности советской экономики по сравнению с Западом. Но сегодня эти доводы повторять просто уже неприлично. Правители Америки, как отмечает С. Губанов, опираясь на официальные американские источники, уже к середине 1950-х годов испытывали опасение уступить нашей стране лидерство в мировой экономике¹. Но, увы, «политика Хрущева за считанные годы отвела от Запада советскую экономическую угрозу и ликвидировала то, что вошло в мировую историю под справедливым названием “советского экономического чуда”»². Советское общество погибло из-за того, в основном, что в самой эволюции советского общества произошло нечто противосоциалистическое. И, в не малой степени, из-за того, что Идея социализма была дискредитирована перед нашим народом «вождями развернутого строительства коммунизма». Социализм был очернен ими и выпущенными ими силами буржуазного реванша как «строй культа личности», как «гулаг» и как «тоталитаризм».

Несмотря на всю свою абсурдность, клевета на социализм вызвала в умах людей идеологический хаос. Но почему же оказалось возможным дискредитировать «социализм»? Потому, что за

социализм выдавали и принимали совсем не то общество. За социализм выдавали общество советского образца, которое, как показано В.И. Табаковым³, социализмом отнюдь не являлось и не могло являться, а значит, и не могло оправдать те надежды людей, которые они неизбежно связывали с социализмом, охарактеризованным основоположниками как общество, преодолевшее капиталистический уровень материальной жизни трудящихся и политической свободы личности. Поэтому общественность, введенная в заблуждение отождествлением социализма с суровым способом строительства его основ в условиях осажденного лагеря, со способом, характеризующимся как «тоталитаризм», так легко отказалась от борьбы за него ради «свободного рыночного социализма» (сперва), а затем и «бездефицитного демократического капитализма».

Корни этого бедствия уходят в 60-е годы XX века, когда в октябре 1961 г. номенклатура под руководством Н.С. Хрущева приняла третью Программу партии, Программу «развернутого строительства коммунизма», породившую ложную надежду на скорое построение более богатого и более свободного, чем на Западе, общества. Это «развернутое строительство коммунизма» привело в конечном итоге к развалу великого государства, свело на нет героические усилия советских людей 1920–1950-х годов.

Ибо не успело стихнуть эхо оваций в честь новой Программы хрущевистов, как замаячил на горизонте ее провал. Уже в 1962 году страна столкнулась с серьезными экономическими трудностями. Вера в Программу, надежды на обещанное светлое будущее оказались подорванными. Стала терять авторитет и партия, руководимая хрущевистами. Вместо «развернутого строительства коммунизма» была выдвинута, поэтому, концепция скромного «развитого социализма», мало чем, однако, отличающаяся по своей «научности» от III Программы, что окончательно отвратило многих людей даже от самого понятия «социализм» И так дело дошло до гибели советского строительства социализма, начавшейся, однако, не с «горбачевской “перестройки”», а с «хрущевской» десталинизации.

И верно сегодня пишет Лидер Партии Труда Бельгии Людо Мартенс: «Когда буржуазия объявила о решительном провале (большевизма. — *И.М.*), она использовала для подтверждения жалкое поражение ревизионизма, приписывая ему великие достижения (большевизма под руководством. — *И.М.*) Ленина и Сталина. Но ... провал (этот. — *И.М.*) ... был провалом (не большевизма, а. — *И.М.*) ревизионизма, внедрённого Хрущёвым 35 лет назад. Этот ревизионизм привёл к полному поражению, к капитуляции перед империализмом и к ... катастрофе»⁴. К сожалению, далеко не все наши соотечественники это понимают и до сих пор пребывают в эйфории от политики Н.С. Хрущева («освободителя»).

Советские обществоведы в понимании социализма исходили из «Критики Готской программы» К. Маркса, написанной им в 1875 году для вожakov немецких рабочих, знающих «Капитал» и обязанных читать эту «Критику...» через его призму. В ней он указал основные черты отличия и сходства между капитализмом и начальной фазой общественной формации, идущей на смену капитализму как высшей ступени развития эксплуататорского общества вообще, т.е. дал характеристику фазы, названной затем В.И. Лениным собственно социализмом. Она, в частности, гласит: «В (будущем! — *И.М.*) обществе (свободных индивидуальностей, имеется в виду, конечно. — *И.М.*), организованном... на общем владении средствами производства, производители не обменивают свои продукты (как частные собственники. — *И.М.*), столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется как стоимость (курсив Маркса. — *И.М.*) этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда (тут, в этом абзаце, подчеркнем, у Маркса речь идет именно и только о будущем обществе свободных индивидуальностей, только о высшей фазе «коммунизма», а не о «всем коммунизме», включающем и «первую фазу», как поняли в свое время партийные официальные теоретики. — *И.М.*). ... (А здесь же, в настоящем, точнее, долженствующем возникнуть в настоящем, обществе, о котором речь идет у авторов «Готской программы...», в обществе, где один «труд» обменивается на другой «труд», т.е. не в будущем обществе

свободных индивидуальностей, а в настоящем, в возникающем, в начинающем переход к нему, обществе. — *И.М.*) имеем здесь дело не с таким коммунистическим (т.е. посткапиталистическим вообще. — *И.М.*) обществом, которое *развилося* (курсив К. Маркса. — *И.М.*) на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* (курсив К. Маркса. — *И.М.*) как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях... сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло. ... Здесь (в отличие от будущего общества свободных индивидуальностей! — *И.М.*) ... господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей. ... При изменившихся обстоятельствах (т.е. при ликвидации частной собственности. — *И.М.*) никто не может дать ничего, кроме своего труда (по фразеологии авторов Готской Программы, а по Марксу — рабочей силы. — *И.М.*), и... с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничего, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производителями (т.е. работниками. — *И.М.*), то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда (авторов Готской Программы, а по Марксу — реализации рабочей силы определенной стоимости. — *И.М.*) в одной форме обменивается на равное количество труда (т.е. реализации рабочей силы определенной стоимости — *И.М.*) в другой»⁵. Наши же политэкономы социализма при чтении этого письма Маркса понимали «обмен труда на труд» именно так, как понимали его (не по-марксистски) адресаты Маркса. И «развили» его до принципа «по количеству и качеству труда». Правда, В 1952 г. Сталин, видимо, для преодоления расхождения между практикой социализма и характеристикой его как нетоварного общества, решил покончить с этим противоречивым положением, отнеся указанную выше Марксову характеристику именно к высшей фазе постэкономической общественной формации⁶. К сожалению, это прояснение не успело (из-за смерти, надо думать, самого Сталина) изменить положения вещей, и в советском обществе социализм продолжали определять как общество, в котором хозяйство ведется «на общем владении», и, поэтому, мол, в противоположность капиталистическому обществу, инди-

видуальный труд в нем уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда, но, тем не менее, государство (почему-то!) распределяет продукты труда среди трудящихся «только по труду». Т.е. не видели, что принцип «по труду» исключался обществом, в котором индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда, а само такое общество, с другой стороны, исключалось этим принципом «по труду». Но их в «теории» и в «направляющей руководящей деятельности» упорно связывали друг с другом в нечто единое, хотя в реальности они никак не хотели и не могли связываться. Примечательно, при этом, что как советские обществоведы, так и враги социализма не слишком расходились в таком понимании советского общественного строя. Правда, в оправдание наших теоретиков можно сказать, что иное понимание и не допускалось нашей после- сталинской партократией.

Сегодня, когда такая возможность появилась, ученые начинают разводить эти понятия. Предлагаются разные подходы к пониманию общества советского образца. Наиболее непротиворечиво сущность социализма, на наш взгляд, раскрыта в указанной монографии В.И. Табакова, в которой речь идет о социализме как о переходной формации – от экономической формации к постэкономической (или к обществу свободной индивидуальности, как у Маркса). В.И. Табаков показал место и сущность социализма в контексте всей истории человеческого общества. Сущность социализма, как он доказывает, в освобождении человека от эксплуатации человеком при остающемся еще (хотя и отмирающем) непосредственном труде как основы хозяйства и обусловленном им сохранении стоимостных отношений в общенародном хозяйстве, что неизбежно из-за неосуществимости завершения онаучивания труда и превращения научного всеобщего труда в основу хозяйства при самом капитализме⁷. Ликвидация эксплуатации при сохраняющихся еще стоимостных отношениях означает ликвидацию частносопственнического присвоения дивиденда и общенародное присвоение его в виде бесплатной и бездифицитной культуры по индивидуальным потребностям и способностям каждого и всех (а распределение прожиточного общественного продукта остается и осуществляется в соответствии с законом стоимости, т.е. по сто-

имости рабочей силы, – так, как и писал об этом Маркс в своем письме по поводу «Готской Программы»). Значит, частносопственническое присвоение дивиденда, должно исчезнуть для социализма не потому только, что нам не приемлема эксплуатация человека человеком, но и потому, что на определенном уровне развития хозяйственных сил это самое частносопственническое присвоение дивиденда становится просто невыгодным любому члену общества, в том числе и частному сопственнику капитала. Уже сегодня по расчетам С. Губанова, основным звеном современной «экономики корпораций» ведущих западных обществ выступает не обособленное предприятие, а межотраслевая корпорация, доходящая до размеров транснациональной⁸. Совокупный частнокорпоративный доход извлекается и присваивается в процессе реализации исключительно лишь конечной продукции всего межотраслевого, т.е. корпоративного комплекса. Что касается владельцев интегрируемых корпорацией капиталов, то они уже не присваивают прибавочную стоимость непосредственно: они получают свою долю совместного, интегрального дохода (который тем выше, чем ниже рентабельность, прибыль отдельных сегментов корпорации), который не складывается из индивидуальных прибылей, а распадается на доли, пропорциональные авансированному капиталу, т.е. частное присвоение опосредовано уже совместным. Иначе говоря, корпорация означает прямое обобществление технологически взаимосвязанных секторов общественного воспроизводства. Именно уровень обобществления труда и собственности служит критерием, позволяющим отличить высшие стадии в развитии капитализма от низших, и чем выше этот уровень, тем развитее капитализм, и наоборот. Логика развития хозяйства позволяет определить перспективу, когда уровень присвоения поднимется еще выше – с корпоративного на общехозяйственный⁹. Это уже знаменует преодоление последней ступени эксплуататорской формации общества, переход от эксплуататорской формации к постэксплуататорской формации, свободной от эксплуатации человека человеком. Как видим, сама жизнь подтверждает правоту К. Маркса в его выводах относительно будущего капитализма.

Но такой путь к социализму (в ходе естествен- ноисторического развития) доступен лишь странам, относящимся к западной цивилизации. Дру-

гим народам в условиях лидирующего Запада этот путь недоступен: им придется строить основу социализма, не дожидаясь самоликвидации капитализма как высшей ступени эксплуататорского общества. Именно этот путь ускоренного строительства основ будущего социализма и пришлось пройти нашему народу. Целесообразность выбора этого пути была для нашей страны исторически обусловленной. Не случайно и то, что раскол в социал-демократии пошел по линии Восток-Запад, т.к. для Запада не существовало особой нужды в переходе к «преждевременному» советскому строительству социализма, а для Руси это было единственной возможностью сохранить свою независимость. Разрыв большевиков с западноевропейской либерал-социал-демократией и такими же своими меньшевиками, а затем и попытка построения в Руси социалистического общества не «по Марксу» передовых социалистических демократов знаменуют различие проблем и путей их преодоления в разных цивилизациях.

Избрав курс на строительство основ социализма, не дожидаясь (вопреки меньшевикам) их естественного вызревания в недрах капитализма, большевики сумели реализовать великий потенциал возникшего при этом общества советского образца в тех условиях, которые сложились в мире в период этого строительства.

Но даже все самые впечатляющие успехи указанного строительства не позволяют трактовать общество советского образца как социалистическое. Да, действительно, эксплуатации в нем не было, т.к. рабочие получали в сталинский период

заработанную плату в соответствии с законом стоимости (по стоимости своей рабочей силы), а весь дивиденд от общенародного хозяйства присваивался не частным образом, а шел на ускоренное развитие этого самого хозяйства и его работников. Но и общенародного присвоения дивиденда по индивидуальным потребностям и способностям каждого и всех еще не было. Частная собственность была ликвидирована, но не потому, что стала невыгодной, а потому, что хватило сил ее ликвидировать. И она не возрождалась до тех пор, пока не стала перерождаться сама номенклатура.

Примечания

¹ Губанов С. Советская экономика 1947–1991 годов по аналитике ЦРУ // Экономист. – 2004. – №12. – С. 54.

² Там же. – С. 55.

³ Табаков В.И. Русь спасет социзм (сталинское строительство социализма). – Н. Новгород, 2004.

⁴ Людо Мартенс. Другой взгляд на Сталина // <http://sovietika.ru/lib/>

⁵ Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 19. – С. 18–19.

⁶ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // Сталин И.В. Сочинения. – Т. 16. – С. 169.

⁷ Табаков В.И. Русь спасет социзм (сталинское строительство социализма). – Н. Новгород, 2004. – С. 12–13.

⁸ Губанов С. Планово-корпоративная система и конкурентоспособность // Экономист. – 2005. – №12.

⁹ Там же. – С. 11.

Л.Н. Румянцева

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ЭТИКА

Человек так много размышлял о собственной природе, что пришел к созданию особой науки о поведении, об отношении к добру и злу. Эта наука называется этикой или нравственной философией.

Нравственную философию часто определяют как «науку, которая судит о правильности человеческих поступков, исходя из первых начал разума»¹. Этика является наукой в той мере, в какой она представляет собой систему универсальных доказательных истин об одном предмете. Она имеет дело с человеческими поступками, то есть

с действиями, которые совершаются человеком абсолютно сознательно и свободно. Нравственная философия задается вопросом о правильности или неправильности этих действий, то есть анализирует, соответствуют ли они природе человеческой личности в целом как духовного существа, воплощенного в теле и образующего с ним единство. Наконец, она исследует нравственную ценность человеческих поступков, исходя из первых начал и последних целей человека, из его личностного бытия, из естественного закона и всего того, чем должна направляться

нравственная сторона всякой человеческой деятельности — индивидуальной, семейной, хозяйственной, социальной, политической и т.д.

Этика предполагает в человеке способность формировать ценностные суждения о различных предметах или действиях, которые он должен осуществлять и среди которых ему нужно выбирать. Человек способен постигать ценности абсолютные и относительные, более или менее важные, сущностные и качественные. И так же, как мы постигаем качественные ценности, мы постигаем и антиценности: справедливости противопоставит несправедливость, смирению — гордыня, чистоте — нечистота. Человек знает о том, что он должен выбирать, и испытывает потребность в правильном выборе.

Когда Ницше провозглашает «переоценку ценностей», он делает это именно потому, что прекрасно понимает: человек ориентируется в мире с помощью ценностей, а не только инстинктов. В первую очередь мы обращаемся к нравственным ценностям. Их постижение отнюдь не безразлично для нас: человек испытывает нравственную потребность соотносить свое поведение с объективными нравственными ценностями, делать то, что нравственно хорошо, и избегать нравственно дурного.

Феноменологическая школа, основанная Эдмундом Гуссерлем, дала наиболее значительные результаты в области этики.

Герберт Шпигельберг отмечает: «Феноменология в отличие от статичной философии подвижна и обладает динамическим импульсом, ее развитие определяется как внутренними принципами, так и «вещами», со структурной территорией которых ей приходится сталкиваться»². Вещи, о которых говорит Шпигельберг, — те самые, которые фигурируют в знаменитом феноменологическом лозунге «К самим вещам!» Что касается принципов, то они определяются «правилами» феноменологического метода.

В качестве «динамического импульса», по выражению Шпигельберга, пронизывающего феноменологическое движение, должен быть опознан феноменологический метод.

Гуссерль не оставил никакой развернутой этической концепции. Все свои силы он посвятил разработке феноменологического метода. Самое большее, что позволяет себе Гуссерль с точки зрения этики, — это осуществить феноменологическую экспозицию этической проблемы. В зак-

лючение «Картезианских размышлений» он писал: «Само по себе первое бытие, предшествующее всякой объективности мира и несущее ее на себе, есть трансцендентальная intersubъективность, вселенная монад, объединяющихся в различные сообщества. Но в этой фактической сфере монад, — а с учетом идеальной возможности, и во всякой монадической сфере, — возникают все те же проблемы случайных фактов, смерти, судьбы, возможности «подлинной» человеческой жизни как исполненной некоего особого смысла, а также проблемы «смысла» истории и так далее, от одного уровня к другому. Мы можем также сказать, что эти проблемы являются этическими религиозными проблемами, но поставлены на ту почву, на которую и должно быть поставлено все то, что может обладать для нас смыслом»³. Однако исследование этих проблем — «от уровня к уровню» — Гуссерль всецело предоставил другим.

Максом Шелером был заложен поворот феноменологии к «жизненному миру», он строит материальную этику ценностей на базе феноменологического опыта. С невероятной педантичностью он накладывает весь сложный категориальный аппарат феноменологии на сферу нравственности: здесь можно найти и «феномен» (ценность) в качестве того, что усмотрено как сущность и тем самым дано само, без остатка и вычетов; и «нравственную интенцию»; и феноменологическую редукцию; и естественную установку; и все прочее.

Коронным произведением Шелера как феноменолога стал его труд «Формализм в этике и материальная этика ценностей», вышедший в качестве приложения к первым двум томам феноменологического «Jahrbuch»-а⁴. Работа замыслилась как нечто цельное, как фронтальное выступление против кантовского формализма в этике с целью «освободить путь для позитивной работы». Уже в первых строках своей книги Шелер заявляет о том, к чему он стремится: «В более обширной работе, которая должна вскоре появиться, я попытаюсь построить материальную этику ценностей на широком фундаменте феноменологического опыта». Речь идет о содержательной этике, которая путем сущностного (качественного) анализа ценностного состава нравственного сознания личности проявляла бы акты предпочтения ценностей и их иерархические порядки и тем самым ориентировала ее нравственное поведение. В этих своих устремлениях к со-

держательной этике Шелер был далеко не одинок среди своих современников. «Происхождение нравственного познания» Брентано Шелер назвал «определяющим» для своей теории произведения. Феноменологический метод Гуссерля стал его главным интеллектуальным оружием. Идеи Паскаля явились для материальной этики Шелера путеводительным маяком: он согласен с Паскалем о существовании априорного «*ordre du coeug*» или «*logique du coeug*» (порядок или логика сердца.).

Материальная этика ценностей мыслилась Шелером как учение о нравственных ценностях, построенное на конкретном усмотрении (Гуссерлево *Wesensschau*), учение об иерархии этих ценностей и покоящихся на этой иерархии нормах, а тем самым – учение об утверждении нравственных ценностей в жизни человека. Что касается Канта, Шелер фокусирует свое внимание на вопросе о предпосылках его этики, которые он «воспринял, не подвергнув должной проверке, от английских эмпиристов и психологов-ассоцианистов».

Известно, что в основе кантианской этики лежит альтернатива долга и удовольствия. Мы делаем нечто либо потому, что этого требует моральный закон, либо потому, что нам это нравится. Но такая постановка вопроса означает отсутствие объективной оценки. Для оправдания моральной оценки мы должны соотнести ее с моральным законом путем обобщения.

Такая императивная этика Шелеру представляется произвольной. Она повелевает: «Ты должен потому, что должен», – но императив не обоснован. Это этика досады: недовольство рождается из напряжения между желанием и невозможностью его удовлетворить. Так, во имя долга мы лишаем себя радости жизни и полноты бытия.

Шелер находит иное основание этики: не долг, а ценность. Кант не отделял блага от ценностей. Благо – нечто наделенное ценностью. Хорошо, например, автомобиль, ибо удобен и полезен. Блага, таким образом, суть факты, а ценности – сущности. Шелер согласен с Кантом в том, что этика не может основываться на индуктивизме. Стало быть, она должна быть априорной. Но чтобы не превратиться в произвольное измышление, она должна опираться на факты. Кант не сумел указать фактов, которые отличались бы от фактов наблюдения и индукции. В связи с этим Шелер ставит вопрос: «Существует ли материальная этика, которая, тем не менее, априорна – в том

смысле, что ее положения очевидны и не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты с помощью наблюдения и индукции?» и приходит к выводу, что она существует: это феноменология нравственных ценностей. Термин «феноменология» здесь нужно понимать в буквальном гуссерлевском смысле: «Наряду с чистой логикой существует и чистое учение о ценностях». Последнее является столь же строгим, как и первое. Поскольку в рамках этого учения о ценностях они даны как феномены, со всей их ценностной материей, даны независимо от всякой эмпирии, т.е. априорно, постольку положительно решается вопрос о возможности априорной материальной этики ценностей.

Но априорное не значит формальное – в этом видит Шелер ошибку Канта. Моральные нормы априорны (а значит, необходимы и всеобщи), но вместе с тем и материальны, хотя материи, на которые эти нормы опираются, вовсе не факты, а сущности, т.е. ценности. Так Шелер приходит к обоснованию априорной этики неформального свойства, материальной этике ценностей.

Итак, Шелер указал на моральное несовершенство кантовского априоризма, который сводится к априоризму прежде всего идей, посредством которых мыслитель стремится господствовать над миром и над жизнью: «Налицо именно полная противоположность любви к миру, доверия, созерцательной и любящей самоотдачи ему, т.е. в основе своей только ненависть к миру, с такой силой пронизывающая образ мыслей современного [moderne] мира, принципиальное недоверие к нему; и следствие этой установки – безграничная потребность в действии, с тем, чтобы “овладеть” или “организовать” его»⁵. Априоризм Канта искажен смесью аскетизма и пуританской ненависти к «мирскому» и «плотскому». Априоризм понимается как привнесение рациональной формы в хаос чувственности. Шелер подметил, что у Канта парадигмой нравственных отношений выступают познавательные, логические связи и поэтому априоризм у него сводится к «пониманию», «интерпретации», «означиванию», но не к сущностному видению, а нравственные законы оказываются «импликацией» основных законов логики. Кант понимает познание как синтез чувственно данного на основе понятия, которое играет главную организующую роль. Наоборот феноменология исходит из того, что сущность выполняется в самом разном материале, в том числе и в чувственном опыте. Если у Канта апри-

оризм оборачивается господством разума над жизнью, над действительностью и над вещью в себе, т.е. над бытием, то Шелер настаивает на априоризме сущностного видения фактов: «Необходимость некоторого предложения “объективна” только тогда, когда это предложение основывается на предметном усмотрении априорного факта; в силу этого усмотрения предложение и приобретает “необходимую” значимость для всех “случаев”, к которым относится этот факт»⁶. Это обстоятельство оказывается исходным для понимания ценностей, так как Шелер считает, что всякая «необходимость долженствования» сводится к «усмотрению априорных связей между ценностями», но само оно не сводится к необходимости долженствования. «Долгом» может быть только то, что является благом, или то, что по необходимости должно быть, поскольку оно является благом (в идеальном смысле).

Шелер подвергает критике не только «формально логическую» трактовку априоризма, но и его субъективную интерпретацию, когда *Argiōi* определяют как форму деятельности трансцендентального субъекта. Он предлагает новую концепцию Я-личности, которая исходит не из субстанциализма, а из своеобразного «функционализма». Я-личность — это «место» исполнения актов. Такое понимание личности особенно важно для раскрытия этического априори: Я выступает здесь как носитель ценностей, а не «оценивающий субъект».

Все сказанное приводит Шелера к дифференциации нравственного познания, желания и этики. Нравственное благо является не понятием, а материальной ценностью, поэтому этическое познание не зависит от нравственного желания. Хотя «усмотрение блага» изначально определяет различие добра и зла, однако это не исключает проблему, как привести человека к этому «сущ-

ностному видению», не исключает традиции, авторитета, воспитания, наследования и всего остального, благодаря чему происходит формирование способности различать добро и зло, постигать иерархию ценностей. Шелер упрекает Канта за смешение нравственного познания, нравственного поведения и философской этики: «Дух, ограниченный только восприятием и мышлением, был бы в то же время абсолютно слепым к ценностям, сколько бы развитым ни были его способности к “внутреннему восприятию”»⁷. Нравственное действие, как реализация ценностей, опирается на их сущностное постижение и этим отличается от «слепого желания». «Добрая воля» основывается на познании блага, но оно не сводится к сфере суждений и предложений, не ограничивается «ценностными суждениями», ибо последние сами исполняют себя в некой ценности, очевидно данной в акте чувствования, усмотрения. «Этика, — писал Шелер, — это... формулирование в суждениях того, что дано в сфере нравственного познания»⁸.

Примечания

¹ Ramyrez S. De hominis beatitudine, t.I. — Madrid, 1942. — P. 33.

² Штугельберг Г. Феноменологическое движение. — М. 2002. — С. 20.

³ Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. — Минск; М., 2000. — С. 514, 522.

⁴ Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. I. Teil. — «Jahrbuch fuer Philosophie und phaenomenologische Forschung.» Erster Band. Teil II. — Halle a. d. S.: Niemeyer, 1913.

⁵ Шелер М. Избранные произведения. — С. 286.

⁶ Там же. — С. 293.

⁷ Там же. — С. 287.

⁸ Там же. — С. 288.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ КОНЦЕПЦИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ ДЖ. РОУЛЗА

Теория справедливости Джона Роулза представляет собой альтернативу господствовавшей в семидесятых годах в США утилитаристской тенденции и попытку применения традиционной теории общественного договора, представленной в трудах Гоббса, Локка, Руссо и Канта в данной концепции.

Роулз использовал политико-философский метод общественного договора как возможность установить принципы справедливой организации общества. Метод контракта восходит к философии XVII–XVIII вв., в его рамках возникло представление о первичном естественном состоянии, которое предшествует социальной и политической жизни. Для выхода из данного состояния люди заключают договор между собой. Однако Роулз применяет понятие контракта как научную гипотезу. Категория «естественного состояния» заменена в теории Роулза понятием «исходного положения», которое основывается на принципах справедливости. Для создания теории справедливости он использует работы Гоббса «Левиафан», «О гражданине», Локка «Два трактата о правлении», Руссо «Об общественный договор» и этическую работу И. Канта «Основы метафизики нравственности» в качестве образцов традиции общественного договора. Т. Гоббс и Дж. Локк давали разные трактовки понятию «естественного состояния общества», но для Дж. Роулза важна сама идея общественного договора.

Если попытаться проследить истоки идеи справедливости, то мы увидим, что большой вклад в развитие данной категории внесли философы эпохи Нового времени, например, Томас Гоббс. Он в своей работе «О гражданине» показывает, что состояние людей вне гражданского общества, которое он называет естественным, есть ни что иное, как война всех против всех, и что в этой войне всем принадлежит право на все. Он отмечает, что «все люди в силу необходимости заложенной в их природе хотят выйти из этого несчастного и ненавистного им состояния, как только начинают понимать его незавидность»¹. Однако это становится возможным лишь тогда, когда, заключив договор, они отказываются от своего права на все. Договором Гоббс называет действие

двух или многих лиц, переносящих друг на друга свои права, при этом общественный договор должен быть всеобщим и взаимным.

В этом положении Гоббса просматривается сущность договорной теории, которая является основой идеи Дж. Роулза о применении контрактного метода. Суть его заключается в том, что при данной гипотетической модели заключения общественного договора между членами общества действует «принцип неведения» (термин Роулза).

Необходимо отметить, что сущность принципа неведения по Роулзу, заключается в том, что «никто не знает своего места в обществе, своего классового положения, социального статуса, никто не знает своей удачи в распределении естественных дарований, способностей и т.д.»². В условиях принципа неведения действуют такие факторы, как: недоступность знания о принципах социальных теорий и их последствий, отсутствие информации о фактах общего характера об уровне экономического, политического, культурного развития общества, его институциональной основы, незнание фактов, касающихся социального положения индивидов, их природных дарований и интересов. Роулз предполагает, что люди не знают экономической и социальной ситуации в обществе, или уровня цивилизации и культуры, которых оно было способно достичь. Именно в таком положении и действии условия «занавеса неведения» индивиды должны на договорной основе принять принципы справедливости.

Роулз считает, что в исходном положении «люди не стремятся получить выгоды за счет друг друга, они не завистливы и не тщеславны, у них есть способность к чувству справедливости»³. Таким образом, построена основа «занавеса неведения» для исходного положения. Здесь прослеживается тесная преемственная связь между теорией Гоббса и Роулза. В концепции Гоббса индивиды, чтобы выйти из естественного враждебного состояния, готовы отказаться от своего права на все при заключении общественного договора. Роулз продолжает эту мысль Гоббса и добавляет, что люди, заключая общественный договор, не знают своего классового положения, своих талантов и социальной роли в обществе, поэтому соглашаются

на принятие договора в одинаковых равных условиях. Термин контракта предполагает определенный уровень абстрагирования⁴.

Дж. Локк, также как и Гоббс, различает естественное и гражданское состояние общества. Однако в отличие от идеи Гоббса, у Локка естественное состояние общества – это не война всех против всех, а природное состояние, где люди жили в мире, были счастливы, разумны и добры. Джон Локк, рассуждая о естественном состоянии общества, подчеркивает то, что люди находятся в нем в состоянии полной свободы в отношении действий распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы. Такое догосударственное естественное состояние Локк отождествляет с состоянием равенства, при котором все люди равны и независимы. Конец естественному состоянию кладет такое соглашение между людьми, когда люди взаимно соглашаются вступить в единое политическое сообщество.

Политическое общество – это общество, где каждый из его членов отказался от естественной власти, передав ее в руки общества во всех случаях, которые не препятствуют ему обращаться за защитой к закону, установленному этим обществом⁵. Главной причиной того, что люди путем заключения общественного договора образуют общество и отказываются от естественного состояния, по мнению Локка, является стремление избежать состояния войны, где существует насилие и наносится ущерб людям. Таким образом, общественный договор, согласно позиции Локка, представляет собой ни что иное, как договор, который основан на согласии личностей объединиться в единое политическое общество. Важной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности. В естественном состоянии для сохранения собственности людям не хватает определенного закона, который служил бы общим мерилom для разрешения различных споров, не хватает законодательной и исполнительной власти.

Следовательно, главная цель государства, с точки зрения Локка: обеспечивать мир, безопасность и общественное благо народа. Следуя рассуждениям Гоббса, Дж. Локк в своем труде «Два трактата о правлении» считает, что человек рождается, имея право на полную свободу и нео-

граниченное пользование всеми правами и привилегиями естественного закона, и он по природе обладает властью не только охранять свою собственность (свою жизнь, свободу и имущество), но и также судить и наказывать за нарушения этого закона других людей⁶.

Таким образом, смысл заключения общественного договора, согласно взглядам Локка, в создании единого центра силы и власти, который возьмет на себя функцию урегулирования отношений между людьми⁷. Основные права человека: на жизнь, свободу и имущество являются неотчуждаемыми правами и должны быть основаны на законе. Государство и власть у Локка возникает не в качестве противоположности природному состоянию, но как его логическое развитие, как результат стремления людей устранить при помощи справедливых законов, беспристрастного суда и правительственного авторитета свойственные этому состоянию недостатки. В гражданском обществе люди объединены в единое целое, имеют общий установленный закон и судебное учреждение, куда можно обращаться и которое наделено властью разрешать все споры между ними и наказывать преступников. Естественное состояние характеризуется тем, что «каждый сам является судьей и палачом»⁸.

Следовательно, когда какое-либо число людей объединено в одно общество таким образом, что каждый отказывается от своей исполнительной власти, присущей ему по закону природы и передает ее обществу, то тогда, с точки зрения Локка, и существует политическое или гражданское общество. Роулз, так же как и Гоббс, и Локк предполагает, что все участники социального взаимодействия совместно выбирают те принципы, которые определяют их основные права, обязанности и распределение социальных благ. Так происходит принятие общественного договора через построение гипотетической модели, где все находятся в равных возможностях в отношении выбора принципов справедливости, поскольку все участники соглашения в равном положении и принципы справедливости становятся результатом честного соглашения⁹.

Принципы справедливости, о которых свободные и рационально мыслящие индивиды договариваются, учитывая свои интересы, согласуемые в исходной ситуации на равных правах, призваны отражать наиважнейшие положения их объединения. На основании этих принципов заключа-

ются все последующие соглашения, они определяют тип их социального взаимодействия, государственного правления. Такой способ формирования принципов справедливости Роулз называет справедливостью как честностью¹⁰. Справедливость как честность, по мысли Роулза, начинается с самого главного выбора, который людям следует осуществить совместно, — выбора тех принципов теории справедливости, с помощью которых регулируются последующая критика и реформы социальных институтов. В справедливости как честности исходное положение равенства соответствует естественному состоянию в традиционной теории общественного договора. Такое исходное положение понимается Роулзом как «чисто гипотетическая ситуация, характеризующаяся таким образом, чтобы привести к определенной концепции справедливости»¹¹.

У Гоббса прослеживается мысль о том, что люди по природе своей равны друг другу, наблюдающееся неравенство в обществе, по его мнению, введено гражданскими законами. «Каждый человек, притязаящий на некоторые права, должен признавать эти права за любым другим человеком»¹². Гоббс доказывает, что каждый человек при распределении прав между людьми должен предоставлять им равные права.

Роулз, с одной стороны, заимствует идею природного равенства Гоббса, Локка и продолжает ее развивать в отношении гражданских прав людей, что, и отражено в первом принципе справедливости Роулза: «каждый человек обладает равными правами на максимально большую совокупность равных основных свобод, совместимых с аналогичной системой свобод для всех людей в обществе»¹³. С другой стороны, Роулз в отличие от Гоббса, наоборот, с помощью гражданских законов пытается добиться равенства возможностей человека в обществе. Он говорит об обязательном закреплении принципов справедливости законом и подтверждает идею неизбежности основных прав и свобод человека.

В качестве вывода необходимо отметить что, выявляя теоретические основы концепции справедливости, Дж. Роулз применял не только идею общественного договора и рассматривал проблему равенства, но и важное значение имеет понимание проблемы прав человека на свободу в справедливом обществе. В философской традиции XVII в. проблема свободы, ее роли в обществе рассматривается в трудах Гоббса, Локка как

проблема естественной свободы человека от чьей-то власти, воли, от государственного влияния. Эта традиция в трактовке ценности свободы как явления, присущего человеку от природы, особенно ярко прослеживается в работе Локка «Два трактата о правлении»: «Естественная свобода человека в том, что он свободен от какой бы то ни было стоящей выше его власти на земле и не подчиняется воле или законодательной власти другого человека, но руководствуется только законом природы. Свобода человека в обществе состоит в том, что он не подчиняется никакой другой законодательной власти, кроме той, которая установлена по согласию в государстве... Свобода людей в условиях существования системы правления в том, чтобы жить в соответствии с постоянным законом. Естественная свобода заключается в том, чтобы не быть ничем связанным, кроме закона природы»¹⁴. Дж. Роулз не согласен с философскими взглядами Гоббса, Локка и Руссо относительно проблемы ценности и роли свободы в обществе. Он считает, что Локк и Руссо ограничивали свободу во имя общественного порядка неоправданно, так как «отрицание свободы оправдывается с помощью апелляции к общественному порядку, что не оправдывает данного ограничения»¹⁵.

У Роулза рассматривается проблема свободы для человека и для его личностного роста, причем основные свободы должны быть одинаковыми для всех членов общества. Однако существует проблема ценности свободы. Роулз считает, что ценность свободы неодинакова для всех, так как некоторые имеют большую власть, богатство и, следовательно, больше средств для достижения своих целей. Решить данную проблему можно путем компенсирования, т.е. «меньшая ценность свободы компенсируется, так как способность менее удачливых членов общества достигать своих целей была бы еще меньше, если бы они не приняли существующие неравенства во всех случаях, когда удовлетворяется принцип различия. Но эта компенсация за меньшую ценность свободы не должна смешиваться с оправданием неравной свободы»¹⁶.

Если эти естественные права и свободы будут присущи отдельным индивидам, то и общество будет построено на основе гуманистических ценностей. Особенность естественных обязанностей (обязанность помогать другому человеку, при условии, что это делается без лишнего риска или

угрозы для жизни; обязанность не причинять другому вреда, честность и преданность, взаимное уважение и другие) по Ролзу, заключается в том, что они действуют между людьми, независимо от их институциональных отношений, то есть статусных ролей. В целом, идеи об естественных обязанностях и свободе для индивидов лежат в основе договорной теории Гоббса, Локка и других философов, что и было использовано Ролзом в теории справедливости.

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что свобода для человека является высшей ценностью и может выступать как одно из условий построения справедливого общества. Научная теория Роулза, таким образом, приводит к выводу о том, что в соответствии с двумя принципами справедливости базисная структура общества должна быть организована так, чтобы максимизировать ценность всех свобод, в том числе свободы наименее преуспевших и минимизировать социальное неравенство.

Примечания

¹ Гоббс Т. Избранные произведения. О гражданстве. Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1964. – С. 293.

² Rawls J. A Social Contract Perspective // Morality in Practice. Edited by James P. Sterba. – University of Notre Dame. Wadsworth Publishing Company, Belmont, California, A Division of Wadsworth, 1994. – P. 42.

³ Роулз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – С. 133.

⁴ Rawls J. A Social Contract Perspective // Morality in Practice. Edited by James P. Sterba. – University of Notre Dame. Wadsworth Publishing Company, Belmont, California, A Division of Wadsworth, 1994. P. – 42.

⁵ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. Два трактата о правлении. – М.: Мысль, 1988. – С. 311.

⁶ Там же. – С. 310.

⁷ Канарш Г.Ю. Понятие справедливости в истории политической мысли // Философские науки. – 2006. – №2. – С. 150.

⁸ Там же. – С. 153.

⁹ Роулз Дж. Теория справедливости (фрагмент) // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения / Под ред. А.А. Гусейнова. – М.: Политиздат, 1990. – С. 237.

¹⁰ Там же. – С. 236.

¹¹ Роулз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – С. 26.

¹² Гоббс Т. Избранные произведения. О гражданстве. Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1964. – С. 331.

¹³ Роулз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – С. 66.

¹⁴ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. Два трактата о правлении. – М.: Мысль, 1988. – С. 275.

¹⁵ Роулз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – С. 194.

¹⁶ Там же. – С. 185.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Грабова О.Н. ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ / Рец.: Г.В. Гутман, В.В. Чекмарев. – Кострома: КГУ, 2006. – 292 с. ISBN 5-7591-0768-2.

В монографии представлены методологические и теоретические принципы эволюционно-институционального анализа динамики экономических отношений. Важным аспектом работы является выявление современных проблем и тенденций развития экономических отношений и институтов в России и их проекция на региональный уровень. Книга рекомендуется научным и практическим работникам, преподавателям, аспирантам, студентам, специализирующимся в области экономики, управления и права, а также всем, кто интересуется новейшими течениями экономической мысли.

ЭТАПЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ

Возникновение института неформальной занятости в России – пример эволюционной институционализации. В теневом бизнесе, как и в легальном, существует «сила права» (конечно, права специфического – нелегального). Мир теневого бизнеса во многом копирует мир бизнеса легального, заимствуя эффективные формы организации: профсоюзы, суды, правовые нормы. Даже процесс подкупа государственных чиновников трансформируется из эпизодического правонарушения в устойчивый порядок, с которым согласны все его участники.

Импортирование (насаждение) формальных институтов в России в ходе реформ – пример революционной институционализации. Формальная институционализация предполагает заимствование сложившихся в странах с рыночной экономикой модельных рыночных институтов, установление «сверху» институциональных ограничений, в рамках которых должны действовать хозяйствующие субъекты.

Факторы, определяющие институционализацию неформальной занятости, можно подразделить как экзогенные и эндогенные. Определяющими внешними факторами являются: политическая ситуация в стране, определяющая курс развития; состояние экономики (налоговая политика государства, темпы инфляции, темпы экономического роста); институциональная структура общества; демографическая ситуация (структура трудовых ресурсов, миграция).

Внутренние факторы: географическое положение региона, специфика политического курса в отдельных регионах, состояние экономики региона (моноэкономические населенные пункты, шахтерские регионы), качество трудовых ресурсов (половозрастная, квалификационная структура, местный менталитет, обычаи, привычки), мобильность трудовых ресурсов, качество жизни населения (доходы), реструктуризация занятости.

История неформальной экономической деятельности отражает общие закономерности исторической эволюции социально-экономических

систем. Натурально-хозяйственная жизнедеятельность практически не порождает неформальной экономики как специфического экономического института, поскольку натуральное производство, как правило, жестко локализовано, не мобильно и потому не может быть укрыто от государственного или иного контроля. Возникновение индустриальной экономики порождает неформальную занятость, как следствие индивидуализации и оппортунизма хозяйствующих субъектов. Отметим лишь две подобные универсальные закономерности. Во-первых, происходит постепенная «деколлективизация» субъектов – если на ранних этапах истории неформальная деятельность осуществляется, как правило, коллективно, то с течением времени она индивидуализируется. Во-вторых, наблюдается постепенная ее урбанизация – она смещается из сферы сельской в сферу городской экономики. Степень развития неформальной экономической деятельности прямо пропорциональна силе регламентации хозяйственной жизнедеятельности в целом.

Всплески неформальной экономической деятельности приходятся на переломные моменты экономической истории.

В российской экономике за последние десять лет произошли коренные изменения. В стране трансформировался тип национальной экономической системы: «экономическими субъектами» стали фирмы, административная система заменена рыночными связями. Следовательно, и на рынке труда произошли значительные изменения: уже сложившиеся формальные институты стали неэффективными, а новые институты создать в короткий срок оказалось непосильной задачей. Таким образом, сложилось неравновесие (асимметрия) на рынке труда, а причина такого положения заключается в отсутствии институтов, которые могли бы обеспечить условия для возникновения равновесия. Но говорить о неравновесии на рынке труда не совсем корректно, потому что наряду с формальными институтами в экономике появились неформальные институты, которые

и заполнили вакуум, образовавшийся вследствие несостоятельности легальных институтов. Очевидно, что сложившаяся ситуация явилась следствием переходных процессов во всей экономике, но как рынок приспособился к новой ситуации на рынке труда, какие появились новые институты для достижения равновесия? Помимо сокращения занятости (это очевидная реакция рынка), увеличилась гибкость в оплате труда, его продолжительность и эффективность. Проявилось это в низком уровне заработной платы, ее высокой дифференциации, систематических задержках выплаты, развитии вторичной занятости и высокой текучести кадров. Эти последствия демонстрируют принципиальную разницу между старыми и новыми институтами рынка труда. Именно новые институты дали возможность проявиться этим факторам и повлиять на установление относительного общего равновесия на рынке труда.

Институт неформальной занятости в России занял прочное место в системе национального воспроизводства, приняв на себя роль амортизатора ситуации на рынке труда. Жизнеспособность института объясняется тем, что в ходе его становления был «выбран» «институциональный проект», обладающий свойством комплементарности и позволяющий сократить трансакционные издержки всех агентов экономики при переходе к рынку. Известно, что классификаций любой совокупности предметов, явлений существует столько, сколько выделено оснований классификации. Здесь мы ограничимся основанием, связанным с уровнем предметности субъекта воспроизводства (единичный, особенный и всеобщий). Хронологически можно выделить три этапа институционализации неформальной занятости в России, приняв в качестве критерия степень зрелости явления (от количественных изменений к качественной определенности).

I этап – «зарождение» (1970–1989 гг.). Характеризуется единичными, хаотичными, случайными, неоформленными взаимодействиями экономических субъектов, которые постепенно претерпевают рутинизацию.

II этап – «становление» (1989 г. – август 1998 г.). Характеризуется появлением стабильных институций. Количественное расширение неформальной занятости. Локализуется субъектно-объектная структура института.

III этап – «закрепление» (1998 г. – н.в.). Характеризуется трансформацией институций в ста-

бильные нормы и правила. Происходит качественное изменение явления (институционализация), оно превращается в структурированную и самовоспроизводящуюся социально-экономическую систему (институт). Неформальная занятость приобретает всеобщий характер.

Первый этап. Специфические институциональные ограничения, сложившиеся в советской экономике, оказали влияние на явление неформальной занятости. Теневая деятельность не носила «любительский характер», а становилась элементом социально-экономической системы. Через единичные, некорпорированные случаи неформальной занятости, ограниченные централизованным контролем со стороны государства, складываются устойчивые организации (например, подпольные цехи).

Советская экономика – это система «смешанного типа», где неформальное, неконтролируемое производство играло во многих отношениях не меньшую роль, чем производство официальное. Она представляла собой единую институциональную систему, в которой формальный и неформальный секторы экономики определенным образом дополняли друг друга, «образовывая два неразрывно связанных компонента одной головоломки, а вовсе необособленные друг от друга уклады». Общая несбалансированность внутреннего потребительского рынка по спросу и предложению приводила к возникновению кратковременных и более длительных дефицитов. В неформальном секторе производились товары и услуги с целью удовлетворения спроса. Неформальная экономика одновременно восполняла дефициты и провоцировала их рост.

Плановая экономика строго регламентировала самозанятость и вторичную занятость. В 1986 году вышло постановление ЦК КПСС «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами». Борьба с нетрудовыми доходами вылилась в борьбу с личным подсобным хозяйством (уничтожались теплицы, посадки ранних овощей). Экономические последствия этой борьбы были плачевны и убеждали в расширении частной инициативы. Закон СССР об индивидуальной трудовой деятельности (1987 г.) легализовал кустарно-ремесленные промыслы. Накануне принятия закона в финансовых органах было зарегистрировано 65 тысяч граждан, занимающихся кустарно-ремесленными промыслами, 3,5 тысячи частнопрактикующих лиц. При этом высокая ставка по-

доходного налога (в среднем по всей группе лиц, занимающихся частной практикой в 1985 году она составила 24,9% совокупного дохода) находилась в обратной зависимости от численности зарегистрированных индивидуальных предпринимателей. Неформальная занятость в советский период позволяла реализовывать предпринимательскую инициативу граждан, прививая, тем самым, способность к адаптации в условиях переходной экономики. Неформальная занятость приобретает институциональные признаки началом становления рынка труда.

Второй этап. В России правовой каркас рынка труда, где основным регулятором выступал бы конкурентный механизм, а не прямой административный контроль, сформировался в поздние перестроечные и первые пореформенные годы, когда была принята серия основополагающих законодательных актов (Закон о занятости (1991), Закон о коллективных договорах (1992) и др.) и внесен ряд принципиальных изменений в Кодекс законов о труде, которые установили новые «правила игры» для субъектов трудовых отношений.

Рыночные реформы привели к отмене большей части административных ограничений. Были законодательно определены права и обязанности работников, работодателей и государства применительно к новым условиям. Государство лишилось статуса работодателя-монополиста, наряду с государственным сектором возник и начал бурно развиваться новый частный сектор. Трудовая деятельность утратила обязательный характер, который она имела в плановой экономике, исключительное право распоряжения своими способностями к труду было признано за самими работниками. Признание контрактной природы трудовых отношений потребовало углубленной разработки законодательства об индивидуальных и коллективных договорах и усиления роли судебной системы в контроле над их исполнением. Искусственные барьеры на пути перемещения рабочей силы (институт прописки и т.п.) были значительно ослаблены. Предприятия получили свободу в определении численности и состава занятого персонала, а также в установлении уровня и степени дифференциации заработной платы. Началась тотальная реструктуризация занятости в формальном секторе. Отличительной чертой этого этапа была тесная связь неформальной занятости с формальным сектором экономики через вторичную занятость ра-

ботников с использованием средств труда на основной работе и пр. Именно на этом этапе закладываются нормы (узко локализованные и жестко персонифицированные) и правила (неформальной солидарности, деления на «своих» и «чужих») неформального поведения.

Третий этап, начавшийся после кризиса 1998 года, характеризуется резким снижением доходов населения. Институт неформальной занятости закрепляется в институциональной структуре общества как устойчивый элемент, что подтверждается началом в 2001 году официального учета занятых в неформальном секторе (Постановление Государственного Комитета РФ по статистике от 25.10.2001 № 76 «Об утверждении методологических положений по измерению занятости в неформальном секторе экономики»).

Институт неформальной занятости постепенно утрачивает «сквозной» характер. Численность занятых в неформальном секторе экономики увеличивается на фоне тенденции к уменьшению масштабов неполной занятости и сокращению задолженности предприятий по заработной плате. Неформальная занятость как источник дополнительных доходов продолжает выполнять амортизационную функцию.

Библиографический список

1. Веблен Т. Теория праздного класса: экономическое исследование об институтах. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
2. Дерябина М. Институциональные аспекты постсоциалистического переходного периода // Вопросы экономики. – 2001. – №2. – С. 108–124.
3. Капелюшников Р. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 69 с.
4. Корягина Т.Н., Рутгайзер В.М., Силласте Ю.Х. Индивидуальный труд в сфере услуг. – М.: Легпромбытиздат, 1989. – 78 с.
5. Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // СОЦИС. – 2002. – №4. – С. 13–21.
6. Латов Ю.В. Длинные тени общества «светлого будущего»: два опыта интерпретации (Размышления о книгах Л. Тимофеева «Институциональная коррупция» и С. Кордонского «Рынки власти. Административные рынки СССР и России») // Вопросы экономики. – 2000. – №8. – С. 131–145.
7. Латов Ю.В. Конкурентный неформальный бизнес – против меркантилистского государства //

Экономическая теория преступлений и наказаний. – М.: РГГУ, 2000. – № 2. – С. 3–9.

8. Лебедева Н.Н. Трансформация институционального механизма командно-административной экономики // Актуальная Россия (вопросы экономической теории и практики) / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. В 2 т. Т. 1. – М.: Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. – С. 335–341.

9. Мамедов О.Ю. Смешанная экономика. Двухсекторная модель. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 244 с.

10. Панеях Э.Л. Формальные правила и неформальные институты их применения в российской экономической практике // Экономическая социология. – 2001. – Т. 2. – №4. – С. 65–78.

11. Тамбовцев В.Л. Теоретические вопросы институционального проектирования // Вопросы экономики. – 1997. – №3. – С. 82–95.

А.Ю. Чернов

МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ НА РЫНКЕ ПРОИЗВОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Рынок производных инструментов есть по сути дела надстройка над всеми существующими традиционными финансовыми рынками. В этом смысле он автоматически есть финансовый рынок, но не как первичный, а уже как вторичный финансовый рынок.

Рынок производных инструментов есть вторичный рынок не только по отношению к финансовым рынкам, но к любым другим товарным и денежным рынкам, что связано с особенностями конструкций самих производных инструментов, которые мало зависят от характера самого исходного рыночного актива, которым может быть и обычный товар, и валюта, и депозит, и ценная бумага, и индекс цен и т.п.

Появление вторичных рынков обуславливалось соответствующими потребностями участников обычных рынков, однако, обособляясь они приобрели специфический характер. В настоящее время большинство участников совершают сделки опосредованно к исходным активам, вовсе не имея ввиду куплю-продажу этих активов.

Рынки производных инструментов постоянно развиваются постоянно дополняясь новыми инструментами. Классическими считаются, форвардные, фьючерсные, опционные контракты. В каждом из видов существуют свои разновидности, так, например, недавно появился погодный фьючерс.

В зависимости от целей участников рынка производных инструментов они подразделяются на спекулянтов и хеджеров.

Спекуляция – способ увеличения капитала, минуя процесс производства, прибавочной стоимости (рыночная деятельность, цель которой – получение прибыли в виде разницы в ценах во

времени или пространстве). Спекулятивная деятельность и хеджирование взаимосвязаны, т.к. риск хеджера принимает на себя спекулянт, за соответствующую плату, в надежде на неоправданность опасений хеджера.

Хеджирование – способ защиты от риска, связанного с неопределенностью изменения будущей цены актива. Хеджирование неразрывно связано со спекулятивной деятельностью.

Простейший способ спекуляции основан на выявлении тренда, незамеченного остальными участниками рынка. Если это не удастся сделать то основное значение имеет манипулирование цен. *Наиболее характерные методы манипулирования:*

1. Искусственное изменение динамики цен информационным путем (распространение определенной информации).

2. Воздействие на цены путем псевдосделок с использованием подставных лиц для покупки и продажи контракта самому себе.

3. Воздействие на цены группы лиц, которая проводит единую политику на рынке (картельное соглашение).

4. Тайная скупка контрактов одной компании, чтобы в будущем заставить владельцев открытых позиций на продажу закрывать их обратной сделкой по более высоким ценам.

Все эти механизмы направлены либо к изменению существующего тренда либо, по крайней мере к пробое существующего тренда.

Выделяют несколько рекомендаций при спекулятивной торговле:

1. Ограничения количества типов торгуемых контрактов, желательно для более полного отслеживания изменения цен.

2. Установление допустимых потерь при осуществлении спекулятивных операций.

3. Разграничение собственного капитала на рискованной и резервной.

4. Открытие новых спекулятивных позиций должно меньше уже открытых.

Основной спекулятивной стратегией является стратегия спрэд – спекулятивная стратегия, основанная на разнице в ценах *фьючерсных контрактов*, отличающихся какими-либо параметрами.

Одновременный спрэд – состоит в открытии противоположных позиций с одинаковыми месяцами исполнения на разных контрактах.

Временной спрэд – открытие противоположных позиций с разными месяцами поставки: покупка фьючерсного контракта с одним месяцем поставки и одновременная продажа контракта с другим месяцем поставки.

Временной спрэд существует в 3 формах (наиболее употребимых):

1. Спрэд «быка» – покупка фьючерсного контракта с ближним месяцем поставки и продажа с более дальним месяцем поставки. Такая стратегия применяется, если предполагается, что рост цен на ближние месяцы будет быстрее, чем на дальние. Или снижение цен на ближние месяцы будет медленнее, чем в дальних.

2. Спрэд «медведя» противоположен спрэду «быка», состоит в продаже фьючерсного контракта с ближними месяцами поставки и одновременной покупкой того же фьючерса с более дальними месяцами поставки. Спрэд «медведя» предполагает, что на дальние месяцы поставки цена на рынке будет расти или снижаться медленнее, чем на ближние месяцы.

3. Спрэд «бабочка» – комбинация спрэда «быка» и спрэда «медведя». Классификация спрэда «бабочка» зависит от месяца поставки и последовательности спрэда. Наиболее распространен спрэд «бабочка» с общим контрактом или месяцем поставки.

Данная стратегия имеет достоинством высокую степень защищенности от неблагоприятного развития ситуации на рынке, однако ее прибыльность относительно невысока. Данная стратегия достаточно дорогая для использования, т.к. требует значительных операционных затрат, связанных с открытием позиций и оплатой услуг биржевых посредников. Поэтому чаще эту стратегию используют непосредственно члены биржи, а не их клиенты.

Межбиржевой спрэд – основывается на выявлении различий в динамике цен на фьючерсы одного и того же вида на разных рынках (биржах). Механизм спрэда состоит в открытии противоположных позиций на разных рынках (биржах) на фьючерсные контракты, в основе которых лежит один и тот же актив.

Межтоварный спрэд – спекулятивная стратегия данного спрэда базируется на выявлении связи между изменениями фьючерсных цен разных активов. Такая связь может основываться либо на том, что активы являются взаимозаменяемыми, либо являются технологически взаимосвязанными.

При торговле *опционными контрактами* используется большое количество стратегий. К *базисным стратегиям* относятся:

1. *Покупка колла* – покупка биржевого опциона на покупку соответствующего актива. Противоположная стратегия – продажа колла. Зеркальная стратегия – покупка пута.

Максимальный риск – величина уплаченной премии. Максимальный доход не ограничен. Используется при ожидаемом росте цен на рынке данного актива.

2. *Продажа колла* – продажа биржевого опциона на покупку соответствующего актива. Противоположная стратегия – покупка колла. Зеркальная – продажа пута.

Максимальный риск не ограничен. Максимальный доход – величина уплаченной премии. Используется при ожидаемом снижении цен на рынке данного актива.

3. *Покупка пута* – покупка биржевого опциона на продажу соответствующего актива. Противоположная стратегия: продажа пута. Зеркальная: покупка колла.

Максимальный риск – величина уплаченной премии. Максимальный доход = цена исполнения – премия. Используется при ожидаемом снижении цены, в частности для хеджирования от возможного падения цен, либо для увеличения прибыли от падения цен с ограниченным риском.

4. *Продажа пута*. Противоположная стратегия: покупка пута. Зеркальная: продажа колла.

Максимальный риск = цена исполнения – премия. Максимальный доход – полученная премия. Используется при ожидаемой малой подвижности цен на рынке данного актива.

К небазисным относят стратегии «спрэд», «стрэддл», «стрэнгл», «стрип», «стрэп».

При хеджировании используют следующие модели:

Хеджирование с помощью форвардных контрактов. Форвардный контракт – это обычный контракт, исполнение которого просто отсрочено во времени. Отсюда хеджирование при помощи форвардов заключается в том, что хеджер фиксирует для себя будущую цену своего базового актива, который он собирается купить, либо продать. Однако из-за своей природы форварды не являются высоколиквидными, поскольку их исполнение гарантировано только контрактом, а всегда может произойти ситуация, когда заплатить штраф за невыполнение контракта для одной из сторон будет выгодней, чем исполнить форвард. Кроме того поиск обратной стороны, для заключения форварда, связан с большими операционными издержками. Кроме того из-за отсутствия организованного рынка форвардов поиски могут окончиться ни чем.

Хеджирование с помощью фьючерсных контрактов. Хеджирование с помощью фьючерсов представляет собой стратегию снижения риска путём инвестирования в финансовые инструменты, доходность которых связана между собой обратной статистической зависимостью. Рынки фьючерсных контрактов обязаны своим появлением в первую очередь необходимостью уменьшения рисков, связанных с непредвиденными колебаниями цен на товарных, фондовых и валютных рынках. Фьючерсный контракт на некоторые базовый актив представляет собой инструмент, идеально подходящий для целей хеджирования, так как доходность фьючерсного контракта связана тесной отрицательной корреляционной зависимостью с приростом величины базовой переменной. Естественно, что выигрыш от владения базовым активом в результате роста его цены будет, в свою очередь, снижен за счет убытков по короткой фьючерсной позиции. Хеджирование позволяет снизить риск, но это объективно приводит к снижению доходности. Стратегия страхования длинной позиции по базовому активу с помощью соответствующей короткой фьючерсной позиции называется коротким хеджем.

Аналогично, риск связанный с короткой позицией по базовому активу (необходимостью его приобретения в будущем) страхуется с помощью

длинной позиции на фьючерсном рынке. Эта стратегия называется длинным хеджем.

В ситуации, когда фьючерсный рынок по некоторому базовому активу отсутствует, хеджировать риск можно с помощью фьючерса на какой-либо другой актив. При этом колебания цены последнего должны быть тесно взаимосвязаны с колебаниями цены актива, позицию по которому необходимо застраховать. Такую стратегию называют перекрестным хеджем.

Хеджирование с помощью опционов. Хеджирование с использованием опционов, как и в случае Фьючерсных контрактов, означает защиту своей длинной или короткой позиции по базовому активу с помощью покупки опционов «пут» или «колл», либо с помощью их продажи. При этом доходность опциона должна быть негативно коррелирована с доходностью позиции по базовому активу.

В России наиболее ориентирована на хеджеров Санкт-Петербургская валютная биржа при которой в июле 2002 г. на был создан новый сегмент срочного рынка, который включает расчетные опционные контракты. С того же момента биржей были утверждены спецификации и введены в обращение более 20 опционов на различные активы. Среди них расчетные европейские опционные контракты:

- на сырую нефть сорта Brent по котировкам агентства Platt's и IPE;
- на дизельное топливо по котировкам IPE;
- на авиационное топливо по котировкам Platt's (с тремя расчетными базисами);
- на мазут по котировкам Platt's (с тремя расчетными базисами);
- на котировки евро к доллару в системе Reuters;
- на расчетный курс российского рубля к доллару, рассчитываемый CME (CME/EMTA Reference rate);
- на процентные ставки LIBOR USD на 1, 3, 6 и 12 месяцев и LIBOR EUR на 6 месяцев;
- на 10-летний процентный своп;
- на индекс цены газетной бумаги (Paper Newsprint Europe), публикуемый агентством FOEX Indexes Ltd.;
- на котировки платины и палладия на NYMEX;
- на цену золота в системе Reuters.

Крупнейшим же рынком производных инструментов является Фондовая биржа РТС.

М.С. Шаршова

МИНИМАЛЬНО НЕОБХОДИМЫЕ И МАКСИМАЛЬНО ДОПУСТИМЫЕ ГРАНИЦЫ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА В РЫНОЧНУЮ ЭКОНОМИКУ

Рыночный механизм свободной конкуренции имеет много достоинств, его возможности велики, но все же не безграничны. Существуют области, где механизм свободной конкуренции не срабатывает и требуется вмешательство государства. Во-первых, это правильная организация денежного обращения; во-вторых, предоставление государством общественных товаров.

Механизм, свободного рынка позволяет удовлетворять потребности, которые выражаются в денежной форме через спрос. Однако существуют такие потребности, которые невозможно измерить в деньгах и превратить в спрос. Речь идет об услугах коллективного пользования: национальная оборона, государственное управление, единая энергетическая система, национальные сети коммуникаций, вакцинация, охрана общественного порядка и др. Здесь не обойтись без вмешательства государства в экономику.

В-третьих, устранение государством последствий внешних эффектов. В процессах рыночного производства и потребления могут возникать своеобразные эффекты, не имеющие денежного выражения и не фиксируемые рынком. Эти внешние эффекты нарушают рыночное равновесие и обуславливают неоптимальное распределение ресурсов, что делает необходимым вмешательство государства в экономику.

Функции, выполняемые государством по организации денежного обращения, предоставлению общественных товаров и устранению последствий внешних эффектов, составляют максимальные границы его вмешательства в экономику свободного рынка. Вместе с тем эти функции образуют минимально необходимые границы регулирования реального рынка. Нерегулируемого рынка вообще не бывает, ибо в определенном воздействии со стороны государства нуждается даже идеальный свободный рынок.

Если обратиться к реальному конкурентному рынку, то обнаружатся новые области экономической жизни, где проявляется ограниченность механизма рынка, что делает необходимым более широкое участие государства в хозяйственных процессах. Совокупность таких областей оп-

ределяет максимально допустимые границы вмешательства государства в экономику. Обозначим эти сферы.

Перераспределение доходов. Рынок признает справедливыми доходы, полученные в результате свободной конкуренции на рынках факторов производства, размеры доходов зависят от эффективности вложения факторов. В обществе есть люди, не владеющие ни землей, ни капиталом, ни трудом. Им нечего предъявлять на рынки факторов производства, они не участвуют в конкуренции, не получают никаких доходов. К таким людям относятся дети, безработные, люди преклонного возраста. Даже людям, предъявляющим тот или иной фактор производства, рыночное распределение не гарантирует минимума доходов, обеспечивающих стандарт благосостояния. Во всех перечисленных случаях государство вправе вмешиваться в перераспределение доходов. Здесь минимальная граница вмешательства государства является подвижной, на нее влияют текущее состояние экономики, уровень жизни в стране, определяющий потребительские стереотипы. А максимальная граница определяется следующим: размером социальных выплат, которые должны быть согласованы с возможностями государства; размеры налогов не должны подрывать экономические стимулы владельцев факторов производства; при определении объемов и сроков выплат социальных пособий необходимо учитывать негативные эффекты рабочей силы и рыночный механизм в целом.

Занятость. Механизм рынка не реализует автоматически право на труд для тех, кто может и хочет работать. Для эффективной работы рынка требуется оптимальный резерв рабочей силы. По ряду причин в рыночной экономике неизбежна безработица, что ставит перед государством не мало сложных проблем. Его обязанностью становится регулирование рынка рабочей силы с целью поддержания определенного уровня занятости, материального обеспечения людей, утративших рабочие места или не сумевших найти их.

Развитие фундаментальных научных исследований и связанных с ними крупных инвестиций с длительными сроками окупаемости, высокой

степенью риска и неопределенностью в отношении прибыли практически не под силу рыночному механизму. Здесь не обойтись без участия государства, которое стимулирует структурную политику и научно-технический прогресс. Напротив, рынок эффективно работает при освоении перспективных видов новой техники и технологии.

Реализация национальных интересов в мировой экономике предполагает проведение государством соответствующей внешней торговой политики, контроль над международной миграцией капиталов и рабочей силы, воздействие на валютные курсы, управление платежными балансами и др.

Таковы верхние максимально допустимые границы вмешательства государства в рыночную экономику. Эти рамки достаточно широки для того, чтобы разумный симбиоз государственного регулирования и эффективно работающего механизма рынка позволил решить основные социально-экономические проблемы современного общества.

Если же государство пытается делать больше, чем ему отмерено рыночной экономикой, — продолжает распределять производственные ресурсы, удерживать административный контроль над ценами, прощает предприятиям кредитную задолженность, сохраняет рабочие места в технологически отсталых производствах, пытается обеспечить высокую социальную защиту населения без учета реальных возможностей экономики, то в народном хозяйстве консервируется отсталая структура производства, низкое качество продукции, увеличивается отставание от развитых стран в области научно-технического прогресса и уровня жизни народа. Тогда рано или поздно становится необходимым избавление экономики от чрезмерной государственной активности, что сопровождается негативными последствиями. Появляются так называемые изъяды или «провалы» государства. Изъяд государства — это его неспособность обеспечить эффективное распределение ресурсов и соответственно социально-экономической политики принятым в обществе представлениям о справедливости.

В соответствии с теорией общественного выбора на выработке и реализации управленческих решений негативно сказываются ограниченность доступной информации, неспособность государства полностью контролировать реакцию контрагентов на свои действия, несовершенство политического процесса, ограниченность контроля над государственным аппаратом и др.

На практике выбор оптимальных форм и методов государственного регулирования оказывается не таким простым, как могло показаться на первый взгляд. Например, принятие решений государственными институтами часто сопровождается соображениями о личной выгоде. Среди множества факторов, влияющих на эффективность государственного регулирования, выделяют и конъюнктурные внутриполитические обстоятельства. Стабильно чередуются определённые формы экономической политики, обусловленные движением рейтинга правительства и тем, на какой стадии находится борьба за политическую власть (выборы). Колебания объёма производства и занятости, связанные с изменением экономической политики для победы на выборах, назвали политико-экономическим циклом.

Качество принимаемых решений зависит от квалификации, профессионализма и компетентности государственных чиновников, их восприимчивости к инновациям. Важную роль при этом играют относительная автономия аппарата экономического управления, изоляция его от воздействия чисто политических факторов, преэминентность управленческих кадров и эффективная система их материального стимулирования.

В результате негативных эффектов правительственные программы не столько устраняют недостатки рынка, сколько способствуют неэффективному распределению ресурсов и неравенству доходов. На практике редко встречаются идеальные решения. Однако наличие изъядов государства само по себе не предполагает однозначного выбора в пользу ничем не ограниченного действия рыночных сил, поскольку существуют изъяды рынка.

ИСТОРИЯ

М.Г. Евстигнеева

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА В 60-Е ГГ. XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (На материалах Владимирской губернии)*

Период 60-х гг. XIX – начала XX вв. ознаменовался для православного клира серьезными изменениями его социального статуса и условий профессиональной деятельности, что было связано как с законодательными инициативами правительства, так и с бурными общественно-политическими процессами. Социальная политика эпохи Великих реформ в отношении приходского духовенства РПЦ была направлена на ликвидацию его сословного статуса¹. В свою очередь, уже в начале XX вв. произошло кардинальное изменение конфессиональной политики правительства Российской империи: манифестом «Об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905 г.) был разрешен свободный переход в любое христианское исповедание. Это ставило православный клир в условия достаточно жесткой конкуренции с миссионерами католической и евангелическо-лютеранской церквей, а также различных направлений старообрядчества и сектантства. Наконец, сильное распространение в 1900-е гг. социал-демократической идеологии, составной частью которой был атеизм, накладывало негативный отпечаток на условия деятельности Русской Православной церкви. Было ли приходское духовенство РПЦ психологически готово ко всем этим коллизиям, как проходил процесс его адаптации в этих новых условиях? В настоящей статье предпринимается попытка анализа на материалах Владимирской губернии некоторых социально-психологических проблем², с которыми сталкивался православный клир в связи с указанными изменениями. Следует отметить, что в дореволюционной и современной историографии РПЦ периода 60-х гг. XIX – начала XX вв. имеет место освещение социально-психологического фактора³, однако рассматриваемые ниже аспекты ранее специально не изучались.

Отмена налоговых привилегий православного клира обусловила необходимость становления у него принципиально нового правосознания, сущность которого должна была состоять в признании демократизации имущественных прав в качестве должного, закономерного.

Ходатайства ряда представителей приходского духовенства Владимирской губернии об отмене налогообложения принадлежащих им земельных участков, направленные губернатору и губернскому земскому собранию⁴ дают некоторое представление о характере их правосознания. Одни прошения о снятии налога аргументированы необходимостью восстановления законности: по мнению их авторов, принадлежавшее им имущество не подходило не под одну из налогооблагаемых категорий. Некоторые же другие ходатайства аргументированы субъективными представлениями их авторов – священников о «должном» отношении общественности к духовенству. Необходимо заметить, что развитию таких представлений способствовало отсутствие в законодательстве о налогообложении, в частности во «Временных правилах для земских учреждений по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении» от 1 января 1864 г. пункта об обязательном обложении земским налогом⁵, в связи с чем данный момент оставался на усмотрение губернских земских управ.

Рассматриваемое ниже ходатайство владимирскому губернатору благочинного церковей г. Шуи В. Несмеянова (1903 г.), по нашему мнению, наиболее показательное для понимания основной проблемы становления полноценного правосознания у приходского духовенства. Здесь, по нашему мнению, нашла свое отражение одна из важнейших характеристик ментальности русского населения (присущая ему и в рассматриваемый период), заключающаяся в преобла-

*Статья поступила в редакцию в 2006 г.

дании моральных представлений над правосознанием, что выражается в том, что любое действие властей оценивается с точки зрения его справедливости, морали⁶.

В. Несмеянов апеллировал к истории Русской Православной церкви, указав, что «не говоря о православном нашем правительстве, некогда сами монголы оказали духовенству покоренной ими России внимание и уважение освобождением его от всяких налогов»⁷. Ввиду этого, налогообложение Шуйским уездным земством собственности клириков рассматривалось благочинным в качестве следствия отсутствия у земцев «сыновнего отношения к духовенству»⁸, которым, очевидно, по мнению этого протоиерея должны они руководствоваться при принятии решений в его отношении. Таким образом, характер своей профессии В. Несмеянов рассматривал как весомый аргумент в пользу «особого» отношения властей к клирикам. Именно это, на наш взгляд, являлось основным ментально обусловленным препятствием становления полноценного правосознания клириков.

В эпоху Великих реформ все население Российской империи стало субъектом гражданского права⁹. Очевидно, именно этот факт дал исследователям правовых представлений в менталитете российского населения возможность утверждать, что «после реформ Александра II в стране бурно и активно зарождались предпосылки здорового и творческого правосознания граждан, принадлежащих ко всем сословиям»¹⁰. Однако та социальная изоляция, в которой оказался православный клир в результате европеизации российского общества¹¹, на наш взгляд, негативно влияла на возможность становления у него такого правосознания.

Специалист по истории РПЦ в период Великих реформ С.В. Римский отмечает, что приходское духовенство «тянулось к образованному обществу – дворянам, чиновникам <...>, но не встречало отношения к себе как к равным»¹². Постоянное пренебрежение и, возможно, даже презрение со стороны представителей этих социальных слоев к клирикам вели к снижению самооценки последних, к страху перед «сильными мира сего». В результате они осознанно или неосознанно видели равных себе лишь в представителях городских и сельских низов. О последнем наглядно свидетельствуют данные об исковых делах причтов ряда церквей Владимирской губернии к соседним землевладельцам, в которых кли-

рики заявляли свои права на те или иные земельные участки¹³. Анализ социального состава ответчиков обнаружил, что в «земельные конфликты» духовенство вступало исключительно с представителями городских и сельских низов – с крестьянами, мещанами, отставными солдатами, которые особенно крупными землевладельцами не были и быть не могли.

Следует отметить, что и в других сферах духовенство склонно было отстаивать свои права только во взаимоотношениях с представителями указанных социальных слоев. Так, Д.И. Ростиславов отмечал, что при оплате треб «в домах мещан, отставных солдат и других лиц так называемого низшего звания <...> священники просят прибавочки»¹⁴.

Либерализация конфессиональной политики правительства практически не повлияла на количественные показатели миссионерской активности православного клира Владимирской губернии: проведением так называемых «публичных бесед» со старообрядцами¹⁵ после 17 апреля 1905 г. здесь постоянно занимались те немногочисленные представители приходского духовенства (6 человек), которые и прежде участвовали в данном направлении деятельности¹⁶.

Одной из причин слабой вовлеченности православного клира в миссионерскую деятельность в этот период могли быть трудности его социально-психологической адаптации¹⁷ в новой религиозной ситуации, когда РПЦ потеряла статус привилегированного религиозного института. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что даже некоторые из тех православных священнослужителей рассматриваемой губернии, которые принимали особенно активное участие в миссионерской работе местного православного братства, по-прежнему ощущали свою беспомощность в деле укрепления авторитета православия и потому возлагали надежды на специальных миссионеров. Весьма показателен в этом отношении следующий случай, произошедший в 1907 году. В этом году священник с. Орехово Покровского уезда С. Троицкий, бывший организатором в своем приходе первого на территории епархии кружка мирян – ревнителей православия и занимавшийся проведением публичных бесед со старообрядцами¹⁸, ходатайствовал о назначении крестьянина Н. Сухарева, который «неоднократно выступал защитником православия на беседах с приезжими из Москвы сектантскими миссионерами», помощником миссионера по своему приходу¹⁹.

Революционная ситуация начала XX вв. заставляла приходское духовенство РПЦ практически повсеместно отказываться от тех форм организации миссии, которые были связаны с сотрудничеством с населением, в частности, так называемых миссионерских кружков мирян-ревнителей православия²⁰. Так, за период 1905–1910 гг. на территории Владимирской губернии таких объединений было создано лишь два – в селе Орехово и деревне Ликино Покровского уезда²¹. По мнению одного из представителей местного духовенства, священника К. Твердислова, в условиях того, что «и устная, и печатная пропаганда разнообразных политических, социальных, религиозных и антирелигиозных доктрин до открытого атеизма включительно, уже успела в той или иной степени поколебать нравственные устои <...> многих мирян», «создавать приходские организации <...> это не все ли равно, что содействовать не поднятию приходской жизни, а <...> еще большему ее упадку?!»²² Таким образом, психологическое отношение православного клира к особенностям общественно-политической ситуации начала XX в. способствовала снижению его активности в профессиональной сфере.

О влиянии указанного психологического фактора на профессиональную деятельность духовенства говорит и то, что в период, начиная с 1910 г., когда «отголоски» первой русской революции затихли окончательно, на территории Владимирской губернии было создано сравнительно большое число кружков мирян-ревнителей православия – около 40²³.

Итак, вышеизложенное свидетельствует о достаточно высокой роли социально-психологического фактора в жизни и деятельности православного клира в новых условиях периода 60-х гг. – XIX – начала XX вв.

Примечания

¹ Согласно «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г., недвижимое имущество, принадлежавшее православному духовенству, могло быть обложено земским налогом (ПСЗ – II. Т. 39. – СПб., 1867. – № 40457). Это означало ликвидацию одной из его сословных привилегий.

Закон 22 мая 1867 г. «Об общих средствах призрения для всего служащего при церквях духовенства» отменял наследование должностей священно- и церковнослужителей (ПСЗ – II. Т. 42. –

СПб., 1871. – № 44775).

Согласно закону «Об устройстве детей лиц православного духовенства» (26 мая 1869 г.) сыновья клириков могли выбрать для себя гражданскую или военную службу (ПСЗ – II. Т. 44. – СПб., 1873. – № 47318).

² Социально-психологические явления – феномены, возникающие в результате взаимодействия индивидов (субъектов и общностей) в определенных условиях, побуждающие и регулирующие поведение людей (Социальная психология / Под ред. А.Н. Сухова, А.А. Деркача. – М., 2002. – С. 12).

³ Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве. – Лейпциг, 1866; Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство во второй половине XIX – начале XX вв. – М., 2002.

⁴ Сборник постановлений Владимирского губернского земского собрания. 1866–1895. – Владимир, 1907. – Т. VI. – С. 487, 489, 497, 502, 507, 510, 518; Государственный архив Владимирской области (ГАВО), ф. 205, оп. 1, д. 422, 524, 2726; оп. 3, д. 35.

⁵ ПСЗ – II. Т. 39. – СПб., 1867. – № 40457.

⁶ Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. Изд. 3-е. – М., 2005. – С. 170.

⁷ ГАВО, ф. 205, оп. 3, д. 35, л. 5 об.

⁸ Там же.

⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. – СПб., 2003. – Т. 2. – С. 39.

¹⁰ Воловикова М.И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – №5. – С. 16.

¹¹ Смолич И.К. История русской церкви. – М., 1996. – Кн. 8. – Ч. 1. – С. 372.

¹² Римский С.В. Церковная реформа Александра II // Вопросы истории. – 1996. – № 4. – С. 35.

¹³ ГАВО, ф. 108, оп. 1, д. 273, л. 6, 22, 89 об; д. 279, л. 11, 88 об; д. 304, л. 1, 55, 67, 81; д. 341, л. 6; д. 356, л. 2, 9, 37, 81 об, 123; д. 527, л. 1 об, 10, 39; д. 538, л. 13 об, 17, 73, 171; д. 541, л. 10, 76, 93, 104, 151; д. 575, л. 102, 129, 184 об, 197, 225; д. 602, л. 16; д. 650, л. 92 об, 216, 255 об.

¹⁴ Ростиславов Д.И. Указ. соч. – Т. 1. – С. 314.

¹⁵ Католики и лютеране во Владимирской губернии были крайне немногочисленны и существенного влияния на местную религиозную ситуацию не оказывали (Тихонов А.К. Взаимоотношения Православной церкви с иноверческими исповеданиями во Владимирской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Материалы областной кра-

еведческой конференции (19 мая 2000 г.). – Владимир, 2001. – С. 41–43), в связи с чем они, очевидно, не рассматривались местным православным братством в качестве объекта миссии.

¹⁶ Отчет о деятельности православного Братства св. Благоверного Великого князя Александра Невского за 1905–1906 годы. – Вязники, 1907. – С. 12; То же за 1906–1907 годы. – Владимир, 1908. – С. 13; То же за 1908–1909 годы. – Владимир, 1910. – С. 21; То же за 1909–1910 годы. – Владимир, 1911. – С. 30; То же за 1910–1911 годы. – Владимир, 1912. – С. 10; То же за 1911–1912 годы. – Владимир, 1913. – С. 14; То же за 1912–1913 годы. – Владимир, 1914. – С. 16.

¹⁷ Социально-психологическая адаптация – овладение личности ролью при вхождении в новую социальную ситуацию (Социальная психология / Под ред. А.Н. Сухова, А.А. Деркача. – С. 49).

¹⁸ Отчет о деятельности православного Братства св. Благоверного князя Александра Невского за 1905–1906 гг. – С. 11, 15.

¹⁹ ГАВО, ф. 534, оп. 1, д. 16, л. 28–28 об.

²⁰ Главой таких объединений являлся приходской священник, который осуществлял организацию деятельности светских лиц – членов кружков.

²¹ Отчет о деятельности православного Братства св. Благоверного Великого князя Александра Невского за 1909–1910 годы. – С. 27.

²² ВЕВ. – 1906. – № 6. – С. 101.

²³ Подсчитано автором по: ГАВО, ф. 534, оп. 1, д. 40, л. 4, 5, 6, 8, 11, 13, 14, 15, 16, 21, 24, 25, 29, 31; Отчет о деятельности православного Братства св. Благоверного Великого князя Александра Невского за 1913–1914 годы. – Владимир, 1915. – С. 25.

Р.Г. Мифтахов

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ ТАТАР К РОССИИ, КАК В ГОСУДАРСТВЕННОМ, ТАК И ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ АСПЕКТАХ, НА РУБЕЖЕ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Нация это исторически сложившаяся социально-этническая общность, в число основных признаков которой входит наличие определенного природно-территориального комплекса [4, с. 375]. Этот природно-территориальный комплекс имеет огромное значение в формировании тех или иных национальных черт. Также огромное значение имеет и отношение самого народа к своему месту обитания.

В случае же с татарами интересен вопрос, связанный с их отношением к России, под властью которой уже несколько столетий находилась их территория. Конечно, отношение это прямо пропорционально связано с политикой проводимой самодержавием в крае.

Самодержавие в течение первых двух столетий проводит в завоеванном крае, политику насильственной христианизации и русификации неправославного народа. Конечно, это не могло способствовать улучшению отношения народов Среднего Поволжья, в том числе и татар, к русскому государству. Результатом этой политики стало то, что единственной, притягательной и объединительной силой для подавляемого мусульманского населения становится ислам, вокруг которого и замыкалась в основном вся их

жизнь. И появление чувства недоверия к России, к её административной, бюрократической части.

Эти чувства в полной мере нашли свое отражение в татарской литературе начала XX век, но уже и в XIX в. были слышны недовольные голоса. Так, в ряде произведений Г. Утыз-Имяни и И. Салихова все более отчетливо начинают звучать критика отрицательных общественных явлений, недовольство царскими и чиновниками [12, с. 81].

Начиная с 70-х годов XIX века появляется ряд анонимных стихотворных книг, написанных частично в религиозно-дидактическом стиле, частично в стиле баитов. Самой характерной из них была книга «Мәкәржә бәете» («Баит о Макарьевской ярмарке»). Во второй части книги автор обращается к изображению отрицательных явлений действительности. Мы знакомимся с миром чиновников, алчных, праздных, жестоких, хитрых. Это – пристав, собирающий подать, защищающий воров, мошенников, преследующий бедных крестьян, издевающийся на ними [12, с. 60–61].

Чувство недоверия находит свое отражение в высказываниях современников. Так, министр внутренних дел А.Е. Тимашев главной задачей проводимых реформ считал ослабление противодействия «русской цивилизации» со стороны

магометанских учреждений, полагая, что конкретные действия должны исходить не от администрации, а от реформированного Собрания. Он опасался, что, предлагаемые представителями власти, меры могут быть восприняты духовным руководством мусульман как «стеснения в вере».

Сама система старометодного школьного образования у татар XVIII и XIX веков преимущественно была направлена на создание мусульманской духовно-нравственной основы личности с идеологически оппозиционным ориентиром по отношению к государственной политике христианизации и русификации.

И хотя с конца XVIII века наблюдается либерализация национальной политики самодержавия, в действительности не все было гладко. По замечанию Е. Вишленковой в законах первой четверти XIX в. не было разделения на действующее и отмененное право, не было создана и система контроля за выполнением изданных указов [6, с. 308]. Даже в начале XX века 3-ей Государственной думы К.Б. Тевкелева с грустью констатировал, «что то хорошее чувство справедливости, которое вызывалось основными законоположениями, проникнутыми столь широкой веротерпимостью, омрачалось неприглядной картиной повседневной действительности, протекавшей при условиях не только явно противоречивых велениям основных законов, но создавших для последователей разных исповеданий, в том числе и для мусульман, невыносимое положение» [8, с. 133].

К тому же препятствия к улучшению взаимоотношений чинили сами чиновники. Так, оценивая работу МВД и секретаря следящего за работой мусульманского духовенства, А. Литвин и П. Вейнселсел пишут: «В управлении мусульманскими делами империи в целом был дух подозрительности части властей против новаций мусульманской общины, полагавших, что они извечно направлены против интересов России. Попыткам строить новые мечети, учреждать новые духовные школы, сменять мулл, основывать филантропические организации или новые издательства чиновники из Департамента духовных дел иностранных исповеданий, Казанской губернии и Туркестана препятствовали, ища в них некий скрытый смысл, и часто их решения противоречили российскому законодательству» [19, с. 58].

Такую же подозрительность можно видеть по отношению к национальной прессе. Любая попытка выпуска газеты на местном языке сразу

же пресекалась. Попыток создания татарской прессы было множество, но русское правительство всячески препятствовало созданию периодической печати на татарском языке [18, с. 182–208; 2, с. 34–35].

Причину такого отношения можно видеть в том, что пресса по замыслу самодержавия, как указывает Л.П. Бурмистрова, должна быть проводником правительственной политики и идеологии, и постоянно находиться в поле зрения МВД, III отделение императорской канцелярии Главного управления цензуры, Министерства просвещения, губернаторов. Правящие круги самодержавной России хотели бы видеть в них такие органы печати, которые могли бы противостоять в идеологической борьбе антиправительственному направлению в литературе [5, с. 23]. Отражение причины этого также можно найти в позиции цензоров В.Д. Смирнова и М.Н. Пинегина. Первый указывал, что издание газеты на татарском языке помогло бы «объединению разбросанных по разным частям России татар, в то время как для царского правительства чем слабее будет связь между татарами... тем лучше» [18, с. 208]. Второй же в 1903 г. отмечал, что выпуск такой газеты является «совершенно нежелательным... в интересах распространения русского языка и грамотности среди татар восточной России» [18, с. 228]. В этом контексте интересен характер отношения к татарской прессе различных слоев российского общества. Служители русской церкви не видели ничего прогрессивного в национальной прессе. С их точки зрения, она противодействовала христианской миссии в средне-волжском и уральском регионах. Аналогичную позицию занимала реакционная профессура консервативное чиновничество, сотрудники правых органов печати и т.д. Также отрицательным, к национальной прессе было отношение цензуры. Исследователь Амирханов пришел к выводу, что царские цензоры не очень заботились об объективности вынесенного ими вердикта. По его свидетельству в архивных фондах отложились материалы, в которых чиновники неслестно отзываются не только о татарских газетах и журналах, их редакторах, подвижниках издательского дела, но и о народе в целом, не утруждают себя серьезным анализом, пишут в пренебрежительном, а то и презрительном тоне. [2, с. 17–18].

Все это, конечно же, в виде ответной реакции вызывало у татарского народа чувства недоверия,

страха*. Проявление этих чувств можно видеть в нежелание изучать русский язык, и вообще, знакомиться с русской культурой, характерное для основной массы татарского населения.

Конечно, благоприятная обстановка для развития такого нежелания создавалась опять же самим российским правительством. Так, Совет Министров народного просвещения так определил политику по отношению к татарским школам: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом», и далее: «Поэтому обрусение татар-магометан может быть введено лишь путем распространения русского языка и образования в сети народного просвещения» [1, с. 61].

Казалось бы, цель самодержавия ясна – русификация и в дальнейшем ассимиляция. Реакция татарского народа также очевидна – проявление недоверия любому мероприятию, проводимому русским правительством. В татарском народе преимущественно было лишь чувство страха, отчужденности и недоверия по отношению к России, в лице самодержавного строя, бюрократического аппарата и представителей православного духовенства. Однако, не смотря на это даже на рубеже XIX–XX вв. татарская интеллигенция не предпринимала шагов к резкой критике существующего строя, не высказывалась о необходимости коренного изменения действительности. Так, М. Гайнуллин указывает, что К. Насыри был патриотом, но еще не мог открыто выступить против царизма [11, с. 95]. Критика носила довольно умеренный характер. Существование цензуры предотвращала всякую возможность резких выпадов против самодержавного строя. И татарская интеллигенция наученная горьким опытом, была осторожна в высказываниях касающихся российской политической действительности. Так, например, труды Марджани увидели свет лишь потому, что цензура считала, будто ей удалось выхолостить из них идеи, оппозиционные самодержавной власти. Письма Марджани к Фаизханову, которые избежали цензуры, в этом отношении довольно интересны. Из них явствует, например, что Ш. Марджани в целом отказывается признать сколько-нибудь прогрессивным характер самодержавия как формы правления, что ему был гораздо ближе либерально-демократический лагерь современной ему России, чем консерваторы, реакционеры и ретрограды [28, с. 85].

Говоря вообще о монархических настроениях среди татар начала XX века, стоит отметить, что число политически активных татар Казанской губернии, связывающих будущее своей нации с существовавшей тогда монархической формой правления, было ничтожно мало [28, с. 45].

Итак, существующий политический строй в России не находил поддержки в среде татар, скорее наоборот своими мерами он лишь настраивал их против себя, развивая в них чувство недоверия. Однако такое отрицательное отношение к государственному строю, не означало то же самое по отношению к самой стране.

Характерны слова Дердемда:

«Пусть друга нет в стране ни одного кругом,
Но вся страна тебе не может быть врагом» [14, с. 28].

На бытовом уровне не было острых конфликтов [24, с. 143–144; 21, с. 18]. Конечно, конфликты имели место, но не настолько часто, чтобы можно было вести речь о межнациональной розни. И если в первые столетия татарский народ стремился завоевать независимость от российского государства, то в рассматриваемый период уже ставится вопрос об «общей Родине», к которой татарская общественная мысль обращается в начале второго десятилетия прошлого века.

Этот вопрос был затронут в выступлениях мусульманских депутатов в Государственной Думе. Так, С.Н. Максуди во время работы в третьей Государственной Думе, говоря о России, называет её родиной. «Говорить о нашей преданности России, – утверждал депутат, – считаю лишним» [10, с. 128]. Он отвергает любые попытки приписать татарам сепаратизм. Максуди отрицает развитие у татар «движение, стремящееся к политическому и культурному объединению всех мусульманских народов», то есть панисламизма.

И.А. Ахтямову, депутату четвертой государственной думы принадлежат следующие слова: «От имени мусульманской фракции я должен заявить, что мы, мусульмане, считаем себя гражданами России, это прежде всего а затем только мы представляем из себя особую национальность наше отечество – Россия» [7, с. 218].

Депутат К.Б. Тевкелев указывал, что «мусульмане всегда были и остаются верными и преданными долгу службы и сумели стяжать себе в рядах доблестном русской армии славу честных и достойных воинов то это только доказывает, как

сильны преданность царю и чувство гражданского долга перед Родиной» [9, с. 228].

Наиболее яркое освещение вопрос «общей родины» нашел в периодике и литературе. Так, в мартовском выпуске журнала «Вера и жизнь» (№11, 1912 г.) высказан ряд сомнений относительно того, можно ли Россию признавать «мусульманской страной». Журнал утверждал, что это название не соответствует российской действительности, так как власти всеми средствами пытаются ущемить права мусульман и в некоторых случаях до применения насильственных методов [17, с. 155]. В «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаиғ Казан ва Булгар ва мулук ат-татар» М. Рамзи писал, что «родина является общей для тех, кого она объединяет одинаковыми правами... Мусульмане лишены пользования самыми дорогими правами своими и расположения ими по своему желанию и что они терпели за это различные притеснения... Можно ли сказать после этого, что мусульмане имели общую Родину? Нет и нет. Родина это не только место рождения. Отечеством мы называем действительную Родину, в которой есть все права для детей её» [27, с. 67]. Авторы, требуя для татар равных прав наряду с русским народом, приводили исторические факты, являющиеся свидетельством тому, что татары наряду с русским народом всегда отстаивали независимость общего отечества. Большая часть обращений к таким страницам прошлого были посвящены торжествам, посвященным столетию Отечественной войне 1812 г. и трехстолетию Дома Романовых [27, с. 69–70]. По сути, юбилейные празднования были использованы как повод, чтобы дать ответ на попытки обвинить татар в стремлении отделиться от России и, доказывая тезис общности Родины, потребовать равных прав.

Однако приходится признать, что обоснование тезиса равных прав в общем отечестве в исторических публикациях по случаю юбилеев уступало по доказательности, и, что важнее всего, воздействию на читателя освещению этой теме в художественной литературе.

Тема Родины является одной из основных тем в татарской литературе начала XX века. Сокровенную красоту любви к родной земле и народу воспел в своих стихах Тукай [23, с. 106–107], Гафури «Цели» [13, с. 595], Дердеменд «За дом отца и матери без сожаления», «За дом родительский» [14, с. 30]. Характерна фраза одной из геро-

ин «Воображение или явь?» Ф. Карими: «Моя цель: живя в России, являющейся нашей родной, служить людям моей нации». Также работа К. Насыри «Книга о воспитании» [20, с. 85].

Тема Родины затрагивалась и в татарской литературе XIX века.

Среди прозаических произведений Г. Чоккрыя выделяются по содержанию и языку его путевые очерки 1872 года под названием «Хажнамэ» («Заметки о поездке в хадж»), в которых он с гордостью описывает Россию. Гордясь Россией, писатель в то же время иронически рассказывает о том, что он видел в арабских странах, находившихся тогда под гнетом колонизаторов [12, с. 128–129].

Такая же гордость звучит в словах К. Насыри: «Не к лицу гражданину России все ждать помощь только из-за границы. Зачем идти с поклоном в другие страны! Мы российские люди, нам достаточно и того, что имеется в России!» [11, с. 6].

Итак, представители татарской интеллектуальной элиты не ставили своей целью отделение от России, тем более, считая, что в условиях, когда на территориях метрополии бывшего Казанского ханства мусульмане находились в меньшинстве, территориальная автономия нереальна [25, с. 206]. Гаспринский считал невозможным отделение тюрко-татарского массива от России. Был убежден, что вопрос присоединения земель северных и восточных мусульман к России решен судьбою и историей бесповоротно, что все, что было когда-то великими и малыми татарскими ханствами стало «нераздельной, составной частью» России [26, с. 34]. Татарская интеллигенция была твердо убеждена в прогрессе татарского народа вместе с русским и другими народами России, что лишь совместно с другими народами России татарский народ обретет свое счастье, и что нужно стремиться не к отделению от России, а к изменению в ней политического строя. На почве этой интернационалистической идеи в татарской поэзии начала XX века оформился образ свободной России. В этом образе судьбы Родины и народа воплощены как нерасторжимое понятие [15, с. 225].

Признавая Россию своей Родиной татарская, интеллигенция понимала, что для полноценного развития в российских условиях жизненно важно знание русского языка. Изучение русского языка было одним из основных постулатов реформы религиозного учения и школьного обучения разработанной Марджани. В 1871 году В.В. Радло-

вым на должность «инспектора татарских, башкирских и киргизских школ» при Казанском учебном округе, к преподаванию в первом русско-татарском училище был привлечен Каюм Насыри, преподавателем же русского класса стал Ш. Ахмеров [16, с. 107].

Тема общей родины находит частичное отражение и в татарском народом творчестве, в частности в военно-исторических байтах (о русско-французских, русско-турецких, русско-японских, русско-немецких войнах). В которых с одной стороны показывается, что татары наряду с другими народами страны участвовали в войнах России, воюя за её интересы, а также иллюстрируется общая, тяжелая судьба, выпавшая на долю крестьян страны, в том числе и татар [22, с. 39, 40], а с другой стороны показана тоска по родным места, любовь к своей родине [22, с. 51–52, 73].

Таким образом, характеризуя отношение татар к российскому государству, необходимо отметить, наличие у них формируемое столетиями чувство недоверия к любой акции, проводимой русским правительством. Недовольные существующим политическим строем страны большинство татар придерживались мысли о необходимости его смены, что отражено как в художественных произведениях, программных документах политических организаций татар, так и в выступлениях депутатов-татар на заседаниях Государственной Думы. Однако это недовольство не касалось самой страны, которую основная часть татар воспринимала как свою Родину, и развитие и прогресс своего народа видела в совместной деятельности с остальными народами страны. То есть можно вести речь о постепенном исчезновении провинциализма и «периферийного патриотизма» и формировании у татар чувства общегражданского (т.е. национального в общепринятом в мире смысле) патриотизма и о неприятии идеи «независимости» малой родины, которое, как указывает Беляев [3, с. 8], характерно современным татарам.

Примечание

*Характерны слова И. Гаспринского: «В подобной обстановке и условиях никакая солидарность, сознательное сочувствия немислимы, напротив нередко по ошибке или недоразумению возникают такие обстоятельства, которые порождают у мусульман мрачные ожидания, боязнь будущего, пассивного озлобления и, так сказать,

еще больший уход в самих себя» (*Гаспринский И.Б. Русское мусульманство: мысли, заметки и наблюдения: (Ст. просветителя второй половины XIX в.) // Этнографическое обозрение. – 1992. – №5 – С. 99.*)

Библиографический список

1. Алишев С.Х. Национальные аспекты в антифеодальной борьбе крестьян / АН СССР, Казан. науч. центр, ин-т яз., лит. и истории им. Г. Ибрагимова / Редкол.: С.Х. Алишев (отв. ред.), Ю.И. Смыкова. – Казань: ИЯЛИ.
2. Амирханов Р.У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток – Запад» (на примере развития русской культуры). – Казань: Татар. кн. издательство, 2002. – 240 с.
3. Беляев В. С Кораном в одной руке и с «Капиталом» в другой // Татарстан. – 1997. – №1.
4. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1999. – Т. 17. – С. 375.
5. Бурмистрова Л.П. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей (Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840–1850 гг.). – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985.
6. Вишленкова Е.А. Забота о душах подданных: религиозная политика в России 1-ой половины XIX в. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002.
7. Выступление депутата И.А. Ахтямова в ходе обсуждения декларации председателя Совета министров В.Н. Коковцова // Мусульманские депутаты в Государственной Думе России 1906–1917 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. – Уфа: Китап, 1998.
8. Выступление депутата К.Б. Тевкелева в ходе обсуждения законопроекта «Об изменении «Законоположения, касающихся перехода из одного исповедания в другое» // Мусульманские депутаты в Государственной Думе России 1906–1917 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. – Уфа: Китап, 1998.
9. Выступление депутата К.Б. Тевкелева в ходе обсуждения сметы расходов на 1913 г. главного интендатского управления военного министерства // Мусульманские депутаты в Государственной Думе России 1906–1917 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. – Уфа: Китап, 1998.
10. Выступление депутата С.Н. Максудова в ходе обсуждения сметы расходов МИД на 1909 г. // Мусульманские депутаты в Государственной

Думе России 1906–1917 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. – Уфа: Китап, 1998.

11. *Гайнуллин М.Х.* Каюм Насыри и просветительское движение среди татар. – Казань, 1955.

12. *Гайнуллин М.Х.* Татарская литература XIX века. – Казань, 1975.

13. *Гафури М.* Әсәрләр. – Т. 1.

14. Дәрдемәнд. Агарган кыл. – Казан: «Мәгариф», 1999.

15. История татарской литературы нового времени (XIX – начала XX вв.) – Казань: Фикер, 2003.

16. *Исхакова Н.Е.* Формирование мировоззренческих позиций К.П. Победоносцева: Дис. ... канд. истор. наук. – Казань, 1999.

17. *Кадырметова Н.Н.* Этноконфессиональная политика российского правительства в XIX веке по отношению к нерусским народам Среднего Поволжья: историко-политический анализ: Дис. ... канд. истор. наук. – Казань, 2004.

18. *Каримуллин А.Г.* Татарская книга пореформенной России. – Казань, 1985.

19. *Литвин А., Вейнсенсел П.* Империя и насилие: подавление национального самосознания //

Эхо веков. – 1996. – №1–2.

20. *Насыри К.* Книга о воспитании. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1994.

21. *Насыри К.* Избранные произведения. – Казань, 1977.

22. Татар халык ыжаты. Бәетләр. – Казан: Татарстан китап нәшрияты. 1983.

23. *Тукай Г.* Стихи и поэмы (перевод с татарского). – М., 1946.

24. *Фукс К.* Указ. соч. – С. 6, 143–144.

25. *Хабутдинов А.Ю.* Формирование нации и основные направления развития татарского общественного движения в конце XVIII – начале XIX вв. – Казань, 2001.

26. *Червонная С.М.* Идея национального согласия в сочинениях Исмаила Гаспринского // Отечественная история. – 1992. – №2.

27. *Шакуров Ф.* Развитие исторических знаний у татар до февраля 1917 г. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002.

28. *Юсупов М.Х.* Шигабутдин Марджани как историк. – Казань, Татарское кн. изд-во, 1981.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ: ПЯТИЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ КГУ ИМ. Н.А. НЕКРАСОВА ПОСВЯЩАЕТСЯ / Авт.-сост. З.В. Брагина, В.В. Чекмарев, Н.А. Александрова, О.Ю. Бороздина, О.Д. Чугунова, А.В. Кудрявцева. – Кострома: КГУ, 2006. – 142 с. ISBN 5-7591-0774-7.

Книга посвящена пятилетнему юбилею института экономики Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Материалы, представленные в издании, раскрывают ведущие направления деятельности педагогического коллектива института, характеризуют работу основных структурных подразделений и определяют перспективы развития.

Скаржинский М.И., Чекмарев В.В. ПЕРСПЕКТИВЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОБНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ. – Кострома: КГУ, 2006. – 41 с. ISBN 5-7591-0786-0.

Книга посвящена изучению перспектив методологического обновления экономической науки. Для аспирантов и студентов экономических специальностей, а также для всех лиц, изучающих экономические науки.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА

И.Ю. Бартенева, Т.В. Мойсюк, Н.Е. Мусинова

МЕЖВУЗОВСКИЙ ТВОРЧЕСКИЙ СЕМИНАР КАК ФОРМА КОМПЛЕКСНОГО КРЕАТИВНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Преамбула. *Цель образования можно рассматривать как самоактуализацию и самореализацию личности. Это предполагает, во-первых, общепрофессиональное развитие специалиста, а во-вторых, всестороннее личностное развитие. Последнее подразумевает усиление гуманитарной составляющей в образовании, в преподавании любых дисциплин, а также использование активных инновационных методов в организации учебно-воспитательного процесса. В данной работе представлена инновационная методика межвузовского творческого семинара.*

Методика межвузовского творческого семинара апробирована на базе кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной Академии Советского Союза С.К. Тимошенко (ВА РХБЗ) и отделения журналистики Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова.

Основой для возникновения данной методики является методика комплексного креативного развития личности, разработанная на кафедре гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной Академии РХБ защиты имени Героя Советского Союза маршала С.К. Тимошенко. Данная методика успешно применялась на кафедре в течение трех лет в ходе проведения занятий военно-научного кружка (ВНК). Методика проведения основана на сочетании современных технологий обучения: развивающей и опережающей, а также технологии сотрудничества, игровой и проблемной технологий (см. подробнее в сборнике материалов дистанционной межвузовской конференции: «Гуманитарные и социально-экономические дисциплины в военных вузах: пути совершенствования научного и учебно-методического обеспечения». – М.: ВУ, 2006. – С. 163–169).

Для креативного развития личности обучающихся использовалась форма «творческой мастерской». Эта форма позволила курсантам открыть новое видение действительности путем моделирования различных проблемных ситуаций для нахождения оптимального решения из множества вариантов, что способствует формированию качеств личности, необходимых защитнику Отечества.

Применение на занятиях ВНК данной технологии показало целесообразность преобразования формы проведения занятий в творческий семинар. Нужно отметить, что творчество, пони-

маемое как высшая форма универсальной креативности, имманентно присущей всем уровням иерархии бытия, обладает способностью как к самосохранению, так и к саморазвитию.

Эта динамика проявилась в творческой деятельности участников ВНК и выразилась в потребности расширения проблемного поля исследований и выхода за рамки военного вуза. Так возникла идея межвузовского междисциплинарного диалогового творческого семинара, основанного на методике комплексного креативного развития личности, с привлечением студентов и преподавателей КГУ им. Некрасова. Первыми откликнулись преподаватели и студенты отделения журналистики филологического факультета. Профессиограмма журналиста предполагает всестороннее развитие личности, умение добывать и использовать информацию в любой области человеческой деятельности, применять различные способы анализа информации, вести конструктивный диалог, использовать современные технические средства и т.д. Таким образом, для студентов отделения журналистики диалоговые творческие семинары являются не только возможностью креативного развития личности, но и площадкой для развития профессиональных навыков, сформированных на основных занятиях вуза.

Методика проведения семинара основана на трех основных методах: «сотрудничество» – в подходе, «сотворчество» – в процессе, «согласие» – в результатах, то есть на принципе трех «со-», используемых и ранее на занятиях ВНК. Но изменение формы проведения занятий позволило расширить тематику рассматриваемых проблемных вопросов и разнообразить методы организации совместной творческой деятельности курсантов, студентов и преподавателей.

За полтора года по данной методике было проведено шесть семинаров. Темами обсуждения стали:

- «Есть город золотой...» (Малая Родина глазами молодого поколения);
- «Отцы и дети: диалог или конфликт поколений?»;
- «Студенчество: вчера, сегодня, завтра»;
- «Русский менталитет: статика и динамика»;
- «Семья как социальный институт в условиях современного общества»;
- «Формула счастья» (счастье как субъективно переживаемое состояние личности).

Данные проблемы выбраны, исходя из их актуальности для преподавателей, студентов и курсантов, что выявилось после совместного обсуждения. Можно отметить, что темы взаимосвязаны, и каждая последующая предполагает развитие предыдущей. Это демонстрирует сочетание диалектического и синергетического аспектов методологической основы проведения семинара.

На примере одного из семинаров по теме «Формула счастья» рассмотрим этапы и приемы организации, а также методы проведения данной формы работы (см. ниже).

После выбора темы (в ходе предварительного обсуждения в конце предыдущего семинара) преподавателями составляется примерный план проведения мероприятия. Затем он согласуется с основной группой участников, распределяются задания, устанавливаются сроки проведения и формы отчетности.

План проведения заседания межвузовского творческого семинара 2006–2007 учебного года (г. Кострома)

Цель творческого семинара: целостное развитие и социокультурное воспитание личности, формирование способности к постижению нового знания в аспекте его практической значимости при решении моделируемой проблемной ситуации личностного и институционального значения.

Дата проведения: 11 декабря 2006 г. с 15.00 по 19.30.

Место проведения: учебная аудитория Военной Академии РХБ защиты имени Героя Советского Союза маршала С.К. Тимошенко

Участники: курсанты 3, 4 и 5 курсов инженерного и командного факультетов ВА РХБЗ и студенты 3 и 5 курсов филологического факультета отделения журналистики КГУ.

Тема заседания № 6

«Формула счастья»: счастье как субъективно переживаемое состояние личности

И невдомёк ему, что счастье – тут!

Р. Бернс

$X+Y+Z=\text{СЧАСТЬЕ}$ (формула пишется на доске)

I. Вступление: (работа с эпиграфом, формулировка цели).

II. Сообщения:

1. Значение понятия «счастье» (по толковому словарю).

2. Категория «счастье» в западной философии.

3. Категория «счастье» в восточной философии (гармония двух начал «Инь» и «Ян»).

4. Категория «счастье» в русской философии:

а) Н. Бердяев о счастье;

б) Н.И. Ильин о счастье.

5. Современное философское видение категории «счастье».

III. Итоги и анализ (в виде диаграмм) социологического опроса на 1, 3 и 5 курсах командного и инженерного факультетов, а также опроса, проведенного в студенческой группе КГУ им. Н.А. Некрасова.

Анкета:

1. Считаете ли вы себя счастливым человеком?

А) да

Б) нет

2. Назовите три компонента (составляющих) для формулы счастья.

IV. Напишем формулу счастья, исходя из обобщенных данных соцопроса.

V. Выразим свое отношение к полученным результатам:

– Требуется ли уточнения формула счастья?

– Соизмеримы ли компоненты формулы?

VI. Создайте свою формулу счастья (предложение участникам).

VII. Сделайте вывод.

Эпилог:

– Счастье не в счастье, а лишь в его достижении (Ф.М. Достоевский).

– Счастье не в том, чтобы делать всегда то, что хочешь, а в том, чтобы всегда хотеть того, что делаешь (Л.Н. Толстой).

Таким образом, представленный план демонстрирует комплексный подход к рассмотрению сложной социокультурной категории «счастье». В плане отражается сочетание различных методологических способов раскрытия обсуждаемой проблемы, что выразилось в принципиально раз-

ных заданиях, таких как: этимологический анализ и театральная инсценировка, историко-философское исследование и литературное эссе, социологический опрос и математический анализ и др. Данная методика уже на стадии подготовки мероприятия использует научный и творческий потенциалы участников, то есть способствует целостному развитию личности.

Кроме методов и заданий, описанных выше, на семинарах использовались такие формы работы как философское сочинение на заданную тему, публицистическая статья (очерк), ассоциативно-образное моделирование: дифференцированное, т.е. каждый участник предлагал свой вариант, и интегративное – когда создавалась обобщенная модель всеми участниками. Так на семинаре по теме «Отцы и дети: диалог или конфликт поколений?» при трактовке понятия человеческого бытия было предложено рассмотреть символ древа в культурологическом аспекте и создать своеобразную современную реконструкцию этого символа. В итоге была создана модель: «Древо как символ человеческого бытия».

Каждый участник семинара вовлечен в творческий процесс рассмотрения предлагаемой проблемы, который часто переходит в процесс инди-

видуального творчества, что выразилось, например, в стихотворной импровизации одного из участников семинара – преподавателя кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Творенье в рамках темы,
Узнание: кто мы, где мы?
Пусть фабулой поэмы
Считается едва ль.
Но дух природы знаний
Не терпит замечаний –
Мы за столом без званий,
И времени не жаль!

Творческий семинар активизирует мыслительную и творческую, профессиональную деятельность, а потому привлекает все новых участников, имеет отклик в средствах массовой информации, а также побуждает к креативным формам проявления индивидуального восприятия обсуждаемых на семинаре проблем.

Хочется отметить, что рост самостоятельности студентов и курсантов в подготовке и проведении семинаров доказывает не только актуальность применения методики комплексного креативного развития личности (межвузовский творческий семинар), но и необходимость применения и дальнейшей разработки данной методики в вузах.

В.О. Бобылева

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Современное высшее образование претерпевает многочисленные изменения, в ходе которых ведется поиск соответствия между традициями национального образования и нововведениями, необходимость в которых возникает в силу социальных перемен.

В этих условиях высшие учебные заведения осуществляют профессиональную подготовку специалистов для работы в различных областях, когда в процессе обучения происходит трансляция культурных ценностей и традиций, а также реализуются нововведения при социализации, или введении индивидов в профессию и в социум.

Во многих вузах открываются новые факультеты и специальности, востребованность которых определяется социальными переменами. Так возникает необходимость в профессиональной под-

готовке специалистов для ведения управленческой деятельности в различных сферах социальной действительности, в том числе и в области управления образованием.

Менеджер образования является специалистом, управляющим образованием на одном из уровней системы образования, и несет огромную социальную ответственность за совершаемые действия, результаты которых оказывают значительное влияние как на систему образования и отдельное образовательное учреждение, так и на общество в целом.

Однако в последнее время нарастает тенденция, когда университеты стремятся подготовить специалистов, снабдив их инструментальными знаниями, необходимыми для наращивания капитала¹. Причем условия подобной подготовки

актуальны не только для выпускников, но и для самих университетов, работающих в эпоху постоянного сокращения государственного финансирования образования, что заставляет администрацию университетов изначально ориентировать своих выпускников на действия по добыванию средств существования.

Современный университет перестал отвечать тем требованиям, традиционно предъявлявшимся университетскому образованию, поскольку он занимается обучением, суть которого состоит в том, что получаемые студентами знания должны быть полезными с точки зрения их незамедлительного применения на практике для возмещения экономических затрат. Понимание университетского образования как либерального и способствующего формированию у будущего выпускника универсальной точки зрения на передачу культуры и проведение новшеств постепенно уходит в прошлое.

Поэтому возможно, что профессиональная подготовка будущего менеджера образования будет проводиться только с позиций технократического подхода к получаемым в вузе знаниям, фиксируемым в целях и задачах образовательного процесса в виде «лозунга» подготовки высокопрофессионального специалиста, имеющего определенный набор знаний и умений, необходимых для осуществления управленческой деятельности в образовании.

Кроме того, система образования поддерживает традиции общества и отражает тенденции и перспективы его развития. В университете традиции и нововведения инкорпорированы в образовательный процесс, посредством которого непрерывно воспроизводится общественное устройство при оборачивании тенденций и нововведений в традиции. Поэтому возможно, что осознание роли и места феномена образования в жизни человека может происходить только в терминах воспроизводства и укрепления, а также совершенствования сложившихся культурных традиций, конструируемых посредством перехода складывающихся стереотипных представлений в нормы.

Подобная практика будет приводить к стихийному и необдуманному внедрению новшеств, в том числе и в систему образования, что также примет форму монолога и декларативного провозглашения незамедлительной необходимости в их осуществлении.

Уникальность профессиональной подготовки менеджеров образования в университете заключается в том, что студенты становятся свидетелями практики управления в этом вузе. Кроме того, студенты становятся участниками управления образованием в системе, в которой одновременно осуществляется подготовка кадров и закладываются ценностные основы педагогической деятельности как деятельности по трансляции культурных ценностей.

Поэтому особенное значение приобретает анализ управленческой практики в университете, а также изучение самой сферы профессиональной подготовки будущих менеджеров образования. Следовательно, при анализе качества системы профессиональной подготовки менеджеров образования необходимо рассматривать те ценности, которые ложатся в основу получаемого образования, а также его содержание, практику реализации и результаты, поскольку будущий менеджер учится осуществлять воздействие, понятие о котором закладывается вместе со специализированными знаниями, умениями и навыками, которые приобретают учащиеся, а затем манифестируют в своей деятельности по управлению образованием.

Существует опасность сведения смысла образования только к трансляции и воспроизводству культуры в форме норм и стереотипов, восприятие которых происходит без осмысления их сути и возможных последствий для общества и индивида. Из этого следует, что высшая школа может адаптировать человека к существующим социальным отношениям посредством укрепления в сознании различных социальных стереотипов, являясь, таким образом, агентом трансляции культуры как привития, поддержания и манифестации комплекса традиций/условий, в соответствии с которыми человек существует в обществе.

Одними из мощных стереотипов, которые манифестируются в системе высшего образования, являются гендерные стереотипы, возникновение и проявление которых в социуме описывает такая междисциплинарная область как гендерные исследования.

Особенно важной становится проблема манифестации гендерных стереотипов в университете, поскольку такая практика может оказать значительное влияние на систему профессиональной подготовки менеджера образования².

Манифестацию гендерных стереотипов возможно проследить в подсистеме управления выс-

шего учебного заведения. Так, Н. Стрекалова указывает на присутствие гендерной асимметрии в системе высшей школы России³. В 1999–2000 учебном году в России в структурах управления высшей школой участвовали 26% женщин-заведующих кафедрами, 22% женщин-деканов, 16% женщин-проректоров и директоров филиалов, а также 4% женщин-ректоров. В 2001–2002 учебном году наблюдалось постепенное увеличение количества женщин в структурах управления вузом. В этот учебный год в высшей школе работали 28% женщин – заведующих кафедрами, 28% – деканов, 20% – проректоров и директоров филиалов, а также 6% женщин – ректоров вузов. Следовательно, данные официальной статистики свидетельствуют, что этот социальный институт поддерживает гендерную асимметрию как на уровне общественного устройства, так и на уровне управления своей структурой.

При этом важным аспектом выявления гендерной асимметрии в подсистеме управления вуза становится направление его деятельности (техническое, гуманитарное, экономическое и т.д.). В университетах, в которых проводится профессиональная подготовка по специальностям, традиционно причисляемым к мужским, количество женщин в их подсистемах управления минимально. При этом большая часть женского кадрового состава концентрируется на гуманитарных кафедрах⁴. Однако подобное положение обнаруживается и при анализе властной вертикали университетов, в которых проводится подготовка специалистов как для работы в областях, традиционно считающихся «женскими», так и для тех, которые рассматриваются в качестве «мужских».

При анализе структуры властной вертикали вуза можно убедиться, что женщины занимают среднее и, в наибольшей степени, низшее звено; высшее звено занимают мужчины, осуществляя процесс управления вузом. Самая высокая ступень, на которую может подняться женщина в управлении этим высшим учебным заведением, зачастую бывает должностью декана или заведующей кафедрой.

В случае продвижения женщины в высшее звено управления она вынуждена действовать по «мужским» правилам, в том числе вести борьбу за свое существование в этой структуре. Подчиняясь маскулинному дискурсу в структуре управления вузом, женщины апеллируют к понятию «друговости», т.е. делают акцент на том, что их менеджмент – это женский менеджмент, что

позволяет разрабатывать своеобразные подходы к артикуляции женского и мужского типов менеджмента и одновременно поддерживать существующие гендерные стереотипы⁵.

Возможно ли при этом рассуждать о демократических процессах и паритетном диалоге в системе высшего образования как в равном и осознанном взаимодействии и взаимообогащении сторон общения в образовательном процессе в целом, и в системе профессиональной подготовки будущих менеджеров образования?

Подсистема управления вуза, контролирующая производство дискурса, оказывает влияние на формирование профессиональной идентичности будущих менеджеров образования: «мужская» организация высшего звена управления предъявляет систему стандартов, т.е. требует от декана или заведующего кафедрой проявления типично «маскулинного» поведения и черт характера, что оказывает давление на низшее звено властной вертикали вуза – на преподавателей и, соответственно, студентов, которые становятся свидетелями и участниками подобной практики управления⁶. Возможно ли при этом помыслить об индивидуальном образовательном маршруте и гармоничном развитии личности каждого студента – будущего менеджера образования?

Поэтому один из источников манифестации гендерных стереотипов в системе профессиональной подготовки менеджеров образования следует искать именно в подобной организации подсистемы управления университета. Однако отсутствие возможности подвергнуть деконструкции подсистему управления конкретного социального института из-за постоянно воспроизводимых обществом стереотипов маскулинности и фемин/инн/ости делает необходимым придать другое значение термину «деконструкция»: «деконструировать» в этом контексте не означает «разрушить до основания» или «упразднить», поскольку изменение общественного сознания не может произойти столь быстро, но подразумевает «начать проблематизировать» и говорить вслух о том, что ранее считалось «естественным» следствием общественного разделения труда по половому признаку.

Наряду с изучением подсистемы управления, гендерный анализ предполагает изучение учебно-воспитательной подсистемы вуза, а именно рассмотрение системы профессиональной под-

готовки менеджеров образования.

Авторы указывают, что в современной системе высшего образования наблюдаются тенденции, свидетельствующие о повышении количества женщин, получающих в вузе высшее образование.

Так, Н. Стрекалова отмечает, что в 1999–2000 году в вузах получали образование 56% женщин-студентов, 43% – аспирантов и 36% – докторантов. В 2001–2002 учебном году в аспирантуре обучалось 45% женщин, в докторантуре – 41%⁷. Количество женщин-студентов повысилось на 1% и составило 57%, причем автор отмечает, что 72% женщин проходили обучение популярным специальностям в области экономики и управления.

Вместе с тем, автор отмечает, что увеличивается количество женщин, работающих в высшей школе. В 1999–2000 учебном году в профессорско-преподавательском составе вузов насчитывалось 48% женщин, в 2001–2002 году – 50%. При этом в 1999–2000 году 67% женщин числились в должности преподавателей и ассистентов, 64% женщин являлись старшими преподавателями, 42% женщин занимали должность доцента, в то время как 19% женщин являлись профессорами. В 2001–2002 учебном году на кафедрах работали 68% женщин-преподавателей и ассистентов кафедр, 66% женщин-старших преподавателей, 44% женщин-доцентов, 21% женщин-профессоров.

Возможно утверждать, что в системе профессиональной подготовки женщины традиционно находятся на нижней ступени властной вертикали, т.е. управляют педагогическим процессом посредством преподавания различных дисциплин, в то время как мужчины сосредотачиваются на управлении вузом как организацией, создавая таким образом область действия дискурса, в котором женщины вынуждены подчиняться предъявляемым им нормам. Почему в высшем образовании наблюдается подобный феномен?

Профессия преподавателя вуза отмечена в массовом сознании как «женская», что предстает, с одной стороны, в качестве «естественного» следствия женской занятости внутри социума. Однако М. Литовская отмечает, что в начале XX века работа в высшей школе являлось мужской сферой деятельности и все, кто был к ней причастен, считались «особой кастой, куда открыт доступ немногим»⁸. При этом работники высшей школы могли самостоятельно делать выбор и заниматься либо научной деятельностью, либо преподаванием. Позже, когда произошла смена пра-

вляющего режима, в высшую школу стали приходить женщины, и появилась необходимость совмещать занятия наукой и преподавание.

Сегодня в высшей школе преподавание становится единственно возможным и самым необходимым видом деятельности, причем зачастую педагог вынужден работать одновременно в нескольких вузах. Характерный темп и ритм жизни преподавателя, изыскивающего возможность обеспечить достойную жизнь себе и своей семье, заставляет многих перестать заниматься научной деятельностью, но чаще – покинуть вуз и искать другое место работы. Поэтому феминизация образования на уровне студенчества, преподаательства и подготовки научных кадров есть, по мнению О. Шабуровой, следствие того, что сфера образования утратила свою престижность и не может принести значимой экономической выгоды, когда из вуза уходят перспективные молодые кадры, среди которых много мужчин, изыскивающих возможность профессиональной самореализации в сферах бизнеса⁹.

Не менее актуальной становится проблема взаимоотношений между разными поколениями вузовских работников: молодые мужчины-ученые, которые «вынуждены» по тем или иным причинам остаться в высших учебных заведениях, не всегда проявляют заинтересованность в своей работе. О. Шабурова указывает, что иногда их присутствие на кафедрах может быть непонятным для старших коллег, поскольку молодые мужчины-преподаватели не соответствуют тем традиционным представлениям о маскулинном и центрированном типе. Кроме того, они пытаются принять активное участие в коммерческой деятельности высшей школы. В то же время, молодые женщины-преподаватели уже рассматривают свою занятость в вузе как начало карьерного роста и продвижения, когда они готовы вести борьбу и конкурировать с мужчинами, которых в вузе остается с каждым годом все меньше и меньше.

Таким образом, процесс формирования системы профессиональной подготовки менеджера образования в педагогическом университете может принять форму, когда в условиях гендерной асимметрии и сегрегации в подсистеме управления вуза, факультета и его кафедр будет происходить манифестация гендерных стереотипов в содержании профессиональной подготовки, а также в процессе взаимодействия во время обучения. При этом содержание профессиональной

подготовки может сводиться к выработке необходимых инструментальных навыков и умений, при помощи которых будущие менеджеры образования смогут осуществить управленческие воздействия, основываясь при этом на гендерных различиях индивидов-подчиненных.

Примечания

¹ Подробнее о современном состоянии высшего образования см.: *Трубина Е.* «Гендерный» вопрос в вузе: взаимоналожение перемен и парадоксы адаптации // Гендерные отношения и гендерная политика в вузе: Сб. статей. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 102–141; *Bok D.* Universities in the marketplace: the commercialization of higher education. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003; *Bridges D.* Back to the future: the higher education curriculum in the 21st century // Cambridge journal of education. – 2000. – Vol. 30. №1. – P. 37–55; *Kezar A.J.* Challenges for higher education in serving the public good // Higher education for the public good: emerging voices from a national movement / Ed. by A. Kezar, T.C. Chambers, J.C. Burkhardt. – San Francisco: Jossey-Bass, 2005. – P. 23–42; *Schneider C.G.* Liberal education: slip-sliding away // Declining by degrees: higher education at risk / Ed. by R.H. Hersh, J. Merrow. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – P. 61–76; *Zusman A.* Challenges facing higher education in the twenty-first century // American higher education in the twenty-first century: social, political, and economic challenges / Ed. by Ph. G. Altbach, R. O. Berdahl, P.J. Gumport. – Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2005. – P. 115–160.

² О гендерном измерении высшего образования см.: *Беляева Г.Ф., Горшкова И.Д., Костикова И.В.* Университетские женщины. Штрихи к портрету // Общественные науки и современность. – 2000. – №2. – С. 178–187; *Кашина М.А.* Гендерный анализ последствий феминизации системы образования в России (по материалам анкетного опроса руководителей образовательных учреждений) // Лидерство. Гендерные перспективы. Труды Первой Международной конференции (27–28 октября 2003 г., Санкт-Петербург) // Под ред.

Л.А. Герасимовой. – СПб.: СПбГУ ИТМО, 2004. – С. 124–127; *Саралиева З.Х.-М., Балабанов С.С.* Воспроизводство научно-педагогических кадров // Социологические исследования. – 2002. – №11. – С. 110–120; *Шабурова О.* Пространство университета и его гендерные измерения // Гендерные отношения и гендерная политика в вузе: Сб. статей. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 74–91; *Ярская-Смирнова Е.* Неравенство или мультикультурализм // Высшее образование в России. – 2001. – №4. – С. 102–109; *Glazer-Raymo J.* Shattering the myth: women in academe. – Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1999; *Quinn J.* Powerful subjects: are women really taking over the university? – Stoke-on-Trent, UK: Trentham Books, 2003; *Valian V.* Why so slow?: the advancement of women. – Cambridge, MA: MIT Press, 1998.

³ *Стрекалова Н.* Гендерная асимметрия в системе высшей школы: проблемы и решения // Высшее образование в России. – 2002. – №5. – С. 62–64; *Она же.* Женщины в высшей школе России: тенденции, проблемы и решения // Лидерство. Гендерные перспективы. Труды Первой Международной конференции (27–28 октября 2003 г., Санкт-Петербург) // Под ред. Л.А. Герасимовой. – СПб.: СПбГУ ИТМО, 2004. – С. 133–134.

⁴ *Шабурова О.* Указ. соч. – С. 77.

⁵ *Стеблинина И.Н.* Женский подход в менеджменте // Женщина в мире мужской культуры: путь к себе. Материалы международной научной конференции. – СПб., 1999. – С. 68–70.

⁶ *Демидова О.Р.* Испытание властью: женщины в высшей школе // Роль женщины в развитии высшего образования в XXI веке. Тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции (28–29 сентября 2001 г., Санкт-Петербург). – СПб., 2001. – С. 44–45.

⁷ *Стрекалова Н.* Гендерная асимметрия в системе высшей школы: проблемы и решения // Указ. изд. – С. 63.

⁸ *Литовская М.* О трех гендерных пределах высшего образования // Гендерные отношения и гендерная политика в вузе: Сб. статей. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 91–101.

⁹ Подробнее см.: *Шабурова О.* Указ. соч. – С. 78.

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ

Предмет любого учебного издания составляют специально отобранные в определенном объеме и адаптированные в соответствии с читательским адресом теоретические и прикладные знания. Теоретические знания касаются, прежде всего, основ науки, прикладные знания отражают базовую информацию профессиональной деятельности в конкретной сфере. Изложение содержания, структура, оформление учебного издания подчинены законам дидактики, образовательным, воспитательным задачам.

Содержание комплекса учебных изданий отражает необходимый и достаточный уровень знаний и навыков, которыми должен овладеть выпускник образовательного учреждения любого уровня, получивший соответствующее образование.

В настоящее время утвердилось определенная типологическая модель системы учебных изданий для вузов, которая включает четыре группы изданий, дифференцированных по функциональному признаку, определяющему их значение и место в учебном процессе [1]:

- программно-методические (учебные планы и учебные программы);
- учебно-методические (методические указания, руководства, содержащие материалы по методике преподавания учебной дисциплины, изучения курса, выполнению курсовых и дипломных работ);
- обучающие (учебники, учебные пособия, тексты лекций, конспекты лекций);
- вспомогательные (практикумы, сборники задач и упражнений, хрестоматии, книги для чтения);
- контролирующие (тестирующие программы, базы данных).

Развитие системы открытого образования, акцент на индивидуализацию учебного процесса, изменение мотивации учебной деятельности требуют изменения организации учебного процесса, и в первую очередь расширения учебно-методического и информационного обеспечения самостоятельной работы студентов.

В традиционной педагогике при очном обучении самостоятельная работа включает в себя чаще всего лишь самостоятельную работу с литературой. С использованием информационных

технологий возможности организации самостоятельной работы расширяются. Самостоятельная работа с исследовательской и учебной литературой, изданной на бумажных носителях, сохраняется как важное звено самостоятельной работы в целом, но ее основу теперь составляет самостоятельная работа с обучающими программами, с тестирующими системами, с информационными базами данных.

Расширение сферы самостоятельной работы учащихся приводит к увеличению ее доли в организации учебного процесса. Это, в свою очередь, требует организации постоянной поддержки учебного процесса со стороны преподавателей. Фактически речь идет о самостоятельной работе учащихся с лекционным (теоретическим) материалом, о текущем и промежуточном самоконтроле, о выполнении учебной исследовательской работы, о подготовке к семинарским или практическим работам, о работе с компьютерными тренажерами и имитационными моделями и т.д. При полном методическом обеспечении учебной дисциплины доля самостоятельной работы может составлять около двух третей семестровой учебной нагрузки учащегося.

Вне зависимости от назначения, методики использования или технологии реализации, основой любого дидактического средства является учебный материал изучаемой предметной области. Отбор этого материала (который осуществляется исходя из дидактических задач и методических принципов) никто, кроме преподавателя, провести не может. По этой причине компьютерный курс должен быть не конгломератом разнородных модулей, а цельной многокомпонентной системой, отражающей научные и методические взгляды автора.

Содержание электронных учебных изданий должно быть адекватно государственным образовательным стандартам и современным технологиям обучения, учитывать необходимость активного использования компьютерной техники в учебном процессе. Учебный материал должен быть структурирован в них таким образом, чтобы сформировать у обучаемого личный тезау-

рус научно-предметных знаний, развить навыки владения профессиональными приемами, методами и способами их применения.

Анализ существующих сегодня ОЭИ по естественнонаучным дисциплинам показывает, что они имеют «многослойный» характер. С одной стороны, по выполняемым функциям, их можно отнести к учебным изданиям и соответственно, использовать принципы классификации, используемые для учебной книги [2]. С другой стороны, они принадлежат к категории электронных изданий и к ним могут быть применены принципы классификации электронных изданий [3]. С третьей стороны, по технологии создания, они являются программным продуктом и к ним может быть применен Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93 [4] и ГОСТ 7.83-2001 [5].

В ряду электронных средств учебного назначения особое значение имеют **электронные учебно-методические комплексы (ЭУМК)**. Каждый ЭУМК предназначен для организации самостоятельной работы студентов: оказания помощи в изучении и систематизации теоретических знаний, формирования практических навыков работы как в предметной области, так и в системе дистанционного образования или в традиционной образовательной системе с использованием информационных технологий. ЭУМК содержит не только теоретический материал, но и практические задания, тесты, дающие возможность осуществления самоконтроля и т.п. Создание ЭУМК имеет особое значение, так как позволяет комплексно подходить к решению основных дидактических задач.

ЭУМК представляет собой комплект различных видов учебных изданий, что позволяет комплексно подходить к решению основных дидактических задач. Учебно-методические комплексы могут быть представлены как мультимедиа курсы, каждый из которых представляет собой комплекс логически связанных структурированных дидактических единиц, содержащий все компоненты учебного процесса.

Современный ЭУМК – это интерактивный гипертекстовый материал, дополненный видео- и аудиоматериалами и представленный в электронном виде. Для того чтобы обеспечить максимальный эффект обучения, необходимо, чтобы учебная информация была представлена в различных формах. Мультимедиа является средством комплексного воздействия на обучающе-

гося путем сочетания концептуальной, иллюстративной, справочной, тренажерной и контролирующей частей. Структура и пользовательский интерфейс этих частей курса должны обеспечить эффективную помощь при изучении материала. Это обусловлено не только техническими и экономическими, но и соображениями психологического характера [6].

Основой ЭУМК является его интерактивная часть, которая может быть реализована только на компьютере. В нее могут входить:

- учебный план, учебная программа;
- электронный учебник;
- электронный справочник;
- комплект иллюстративных (демонстрационных) материалов;
- задачник;
- лабораторный практикум;
- компьютерная тестирующая система;
- сборник дополнительных материалов (хрестоматия).

Данная структура может быть скорректирована с учетом специфики гуманитарных, естественнонаучных и физико-математических дисциплин.

Рассмотрим кратко назначение, состав и технологию создания интерактивных компонентов ЭУМК.

Электронный учебник предназначен для самостоятельного изучения теоретического материала курса и построен на гипертекстовой основе, позволяющей работать по индивидуальной образовательной траектории.

Компьютерный учебник содержит тщательно структурированный учебный материал, предоставляемый студенту в виде последовательности интерактивных кадров, содержащих не только текст, но и мультимедийные приложения. Гипертекстовая структура позволяет обучающемуся определить не только оптимальную траекторию изучения материала, но и удобный темп работы и способ изложения материала, соответствующий психофизиологическим особенностям его восприятия. В электронном учебнике может быть предусмотрена возможность протоколирования действий обучающегося для их дальнейшего анализа преподавателем.

Нелинейная организация учебного материала, многослойность и интерактивность каждого кадра, а также возможность протоколирования информации о выборе студентом траектории обучения определяют специфику электронного учебника.

Электронный справочник позволяет студенту в любое время оперативно получить необходимую справочную информацию в компактной форме. В электронный справочник включается информация как дублирующая, так и дополняющая материал учебника.

Обычно электронный справочник представляет собой электронный список терминов, или используемых в курсе слов изучаемого иностранного языка, или имен цитируемых авторов и т.д. Каждая единица списка гиперактивна – ее активизация позволяет обратиться к гиперссылке, содержащей толкование термина, перевод и грамматические характеристики иностранного слова, энциклопедическое описание и т.д.

В настоящее время наличие справочной системы является обязательным для любого ЭУМК. При этом электронный справочник может быть представлен как самостоятельный элемент ЭУМК или встроен в электронный учебник.

Комплект иллюстративных материалов предназначен для организации самостоятельной работы студентов с материалами учебника или лекций преподавателя. Технологии визуализации, применяемые на лекциях, должны обеспечивать возможность иллюстрации излагаемого материала видеозображением, анимационными роликами с аудиосопровождением, предоставлять педагогу средства демонстрации сложных явлений и процессов, визуализации создаваемых на лекции текста, графики, звука.

Компьютерные модели, конструкторы и тренажеры позволяют закрепить знания и получить навыки их практического применения в ситуациях, моделирующих реальные. В отличие от вышеописанных компонентов, **компьютерные модели**, как правило, не являются универсальными. Каждая из них рассчитана на моделирование достаточно узкого круга явлений. Основанные на математических моделях (которые содержат в себе управляющие параметры), компьютерные модели могут быть использованы не только для демонстрации трудно воспроизводимых в учебной обстановке явлений, но и для выяснения (в диалоговом режиме) влияния тех или иных параметров на изучаемые процессы и явления. Это позволяет использовать их в качестве имитаторов лабораторных установок, а также для отработки навыков управления моделируемыми процессами.

Задачник позволяет отработать приемы решения типовых задач, позволяющих наглядно свя-

зать теоретические знания с конкретными проблемами, на решение которых они могут быть направлены.

Электронный лабораторный практикум позволяет имитировать процессы, протекающие в изучаемых реальных объектах, или смоделировать эксперимент, не осуществимый в реальных условиях. При этом тренажер имитирует не только реальную установку, но и объекты исследования и условия проведения эксперимента. Лабораторные тренажеры позволяют подобрать оптимальные для проведения эксперимента параметры, приобрести первоначальный опыт и навыки на подготовительном этапе, облегчить и ускорить работу с реальными экспериментальными установками и объектами.

В качестве тренажера может использоваться и **компьютерная тестирующая система**, которая обеспечивает, с одной стороны, возможность самоконтроля для обучаемого, а с другой – принимает на себя рутинную часть текущего или итогового контроля.

Компьютерная тестирующая система может представлять собой как отдельную программу, не допускающую модификации, так и универсальную программную оболочку, наполнение которой возлагается на преподавателя. В последнем случае в нее включается система подготовки тестов, облегчающая процесс их создания и модификацию (в простейшем случае это может быть текстовый редактор). Эффективность использования тестирующей системы существенно выше, если она позволяет накапливать и анализировать результаты тестирования. Тестирующая система может быть встроена в оболочку электронного учебника, но может существовать и как самостоятельный элемент ЭУМК. В этом случае тестирующие программы по различным дисциплинам целесообразно объединять в единой базе данных.

Представленные компоненты ЭУМК сами по себе не решают педагогических задач. Обучающая функция реализуется через педагогический сценарий, с помощью которого преподаватель выстраивает образовательные траектории.

Все компоненты ЭУМК должны быть адаптированы к основному профилю дисциплины или специальности. Специфика учебных материалов по физико-математическим и химическим дисциплинам связана с формализованным представлением содержания знаний и большой долей учебного

практикума, имеющего целью не только развитие навыков решения задач и выполнение лабораторных работ, но и формирование комплекса профессиональных знаний, умений и навыков.

Формализованность естественнонаучных знаний дает возможность легко структурировать их и представить в гипертекстовом виде. Многоуровневое модульное распределение материала позволяет адаптировать его к индивидуальным особенностям учащихся. Однако создание гипертекста может лишь отчасти решить дидактическую задачу усвоения материала. Теоретический материал по естественнонаучным дисциплинам изобилует математическими формулами и системами доказательств, сложными для самостоятельного усвоения. Этим определяется необходимость создания интерактивных мультимедиа лекций и использования демонстрационного материала, дополняющего электронные учебники, составленные на основании традиционных печатных изданий.

Применение компьютерных технологий позволяет создавать качественные видеозаписи лекционных демонстраций, компьютерные лабораторные работы и практикумы, имитационные анимационные модели физических явлений и процессов, необходимые для понимания их сущности. Более того, современные компьютерные средства позволяют создавать тренажеры, модели и лабораторные работы, неосуществимые в реальных условиях. Особенно важно их применение в тех случаях, когда нельзя осуществить прямой эксперимент. Примером может служить демонстрация с помощью компьютера адсорбционных процессов, коллоидно-химических явлений, поведения макромолекул и т.п.

Особое значение приобретает решение одной из основных дидактических задач в этой предметной области – обучение моделированию и наиболее общим методам воздействия на объект познания. Моделирование с применением компьютеров позволяет продемонстрировать и исследовать основные свойства физических и химических объектов, выяснить границы применимости той или иной теории.

При создании ЭУМК широкие возможности открывает сеть Интернет. Специфика электронных изданий позволяет делать прямые ссылки на размещенные во всемирной сети ресурсы, расширяя тем самым доступ студентов к информации и формируя основания поисковой учебной деятельности.

В заключение приведем краткую характеристику ЭУМК для организации самостоятельной работы по курсу «Коллоидная химия» студентов, обучающихся по специальности 011000 «Химия» [7]. ЭУМК также может быть использован для организации факультативной работы с учащимися средних учебных заведений с углубленным изучением химии.

ЭУМК фактически является веб-сайтом, который можно просматривать на компьютере в режиме онлайн или с CD-ROM при помощи любого браузера. В содержание ЭУМК включены учебные программы и методические материалы базового учебного курса, а также элективного курса «Дисперсные системы в природе и технике». Демонстрационные материалы к лекциям по коллоидной химии позволят студентам с большей наглядностью повторить теоретические вопросы всех основных разделов курса.

Приведен обширный практический материал по решению задач и проведению лабораторного практикума. Лабораторные работы, указанные в прилагаемом примерном перечне, ставят целью привитие студентам необходимого минимума умений и навыков в постановке и выполнении коллоидно-химических опытов как общенаучной основы курса. Хрестоматия содержит дополнительные источники (монографии, учебники, статьи) на русском и английском языках, которые позволяют углубить знания студентов.

Большинство документов, содержащихся в ЭУМК «Коллоидная химия», подготовлены автором в 2002–2005 гг. Ряд материалов получен посредством открытого доступа к веб-сайтам, авторские права на них принадлежат авторам, указанным в документах.

Опыт использования ЭУМК «Коллоидная химия» в течение 2004–2006 гг. показали эффективность его использования для организации самостоятельной работы студентов 4 курса. Дидактические подходы и технологии, использованные при подготовке ЭУМК «Коллоидная химия», легли в основу ЭУМК по другим дисциплинам химического и гуманитарного блоков [8; 9].

Выводы

1. Повышение эффективности учебного процесса, изменение мотивации учебной деятельности требуют изменения организации учебного процесса, и в первую очередь расширения учебно-методического и информационного обеспечения.

2. Эффективным средством организации и сопровождения самостоятельной работы студентов являются электронные учебно-методические комплексы.

3. Содержание ЭУМК должно быть адекватно государственным образовательным стандартам и современным технологиям обучения. Учебный материал электронных учебных изданий должен формировать у студента личный тезаурус научно-предметных знаний, развить навыки владения профессиональными приемами, методами и способами их применения.

4. Подготовлены ЭУМК по ряду химических и гуманитарных дисциплин. В содержание ЭУМК включены учебные программы и методические материалы базового и элективных курсов, демонстрационные материалы к лекциям, обширный практический материал по решению задач и проведению лабораторного практикума, дополнительные источники (монографии, учебники, статьи) на русском и английском языках.

Библиографический список

1. Антонова С.Г., Тюрина Л.Г. Современная учебная книга: – М.: Издательский сервис, 2001. – 288 с.
2. Теоретические основы создания образовательных электронных изданий / Беляев М.М., Вымятнин В.М., Григорьев С.Н. и др. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2002. – 86 с.
3. Демкин В.П., Можяева Г.В. Классификация образовательных электронных изданий: основные принципы и критерии. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2003. – 86 с.
4. Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93 (в редакции от 24.05.2000) [<http://linux.nist.fss.ru/hr/doc/ok/okp1.htm>]
5. ГОСТ 7.83-2001. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения.
6. Вуль В.А. Электронные издания. – СПб.: БХВ-Петербург, 2003. – 560 с.
7. Наумов А.Р. Коллоидная химия: учебно-методические материалы к учебному курсу / Электронное издание. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – Электрон. опт. диски (CD-ROM). – 1 электрон. опт. диск.
8. Наумов А.Р. Информационные технологии в обучении химии: учебно-методические материалы к учебному курсу / Электронное издание. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – Электрон. опт. диски (CD-ROM). – 1 электрон. опт. диск.
9. Наумов А.Р. Основы научных исследований: учебно-методические материалы к учебному курсу для студентов, студентов, обучающихся по специальностям «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Менеджмент организаций», «Маркетинг» / Электронное издание. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – Электрон. опт. диски (CD-ROM). – 1 электрон. опт. диск.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА: Учеб.-метод. пособие. Ч. 1 / Сост. С.В. Палаш; рец. Н.П. Гибало. – Кострома: КГУ, 2006. – 61 с. ISBN 5-7591-0781-X.

Учебно-методическое пособие освещает вопросы международной торговли, деятельности ВТО, государственной внешнеторговой политики, внешней торговли России, международного движения капитала, иностранных инвестиций в России. Пособие написано в соответствии с программой учебного курса «Мировая экономика» для специальностей 088105.65 (060400) «Финансы и кредит», 080109.65 (060500) «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» и включает темы, связанные с международной торговлей и международным движением капитала.

Шляхтина С.М., Левинович Н.В. ФИЗИКА: ЛАБОРАТОРНЫЕ РАБОТЫ ПО КУРСАМ «МЕХАНИКА» И «МОЛЕКУЛЯРНАЯ ФИЗИКА» / Рец. П.Н. Белкин. – Кострома: КГУ, 2006. – 55 с.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

П.М. Красников

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ

Постановка и решение задач – цель и средство обучения математике. Уместно напомнить высказывание известного математика П. Халмоша: «Задачи – сердце математики, и мы должны подчеркивать все более и более в классе, на семинарах, в книгах и статьях, которые мы пишем, чтобы наши ученики стали лучшими постановщиками и решателями задач, чем мы сами». Решение задач, как отмечалось и многими другими крупнейшими учеными и педагогами, та столбовая дорога в математику, шире которой нет и, видимо, другого способа привить интерес к математике и полюбить эту мудрую науку не существует.

Для активизации работы учащихся при обучении математики в школьной практике используются многие методические приемы. В этой статье будет рассмотрена еще одна возможная форма работы, состоящая в беседе между учителем и учеником, которая ведется на основе решенных им в течение некоторого времени (обычно две-три недели) задач по изучаемой теме.

Такого рода беседы (*коллоквиумы*; слово «коллоквиум» в переводе с латинского – разговор или беседа) плановым образом проводятся нами в специализированной школе им. А.Н. Колмогорова при Московском государственном университете. Хотя мы и опираемся на опыт работы в специализированной школе, но считаем, что данная форма работы со школьниками может эффективно и успешно применяться в любой школе.

Сразу стоит отметить, что коллоквиум в средней школе по своим целевым установкам (и в представленной нами системе проведения) отличается от аналогичной формы работы в вузе. Главное отличие состоит в том, что школьные коллоквиумы (как мы их понимаем) имеют две составляющие: обучающую и контролирующую. В вузах же, как правило, ограничиваются только контролирующей функцией. Проведение коллоквиумов позволяет в значительной мере соединить процесс обучения и контроля воедино.

Как проводятся коллоквиумы и какие методические принципы положены в основу разработанных заданий?

Для проведения коллоквиума необходим *тематический список задач* (иногда крупный, чаще не очень), часть из которых изучается на уроках, часть – в ходе самостоятельной работы. Все учащиеся без исключения должны выполнить задание (в течение двух-трех недель) с полными записями решений задач и доказательствами теорем. При этом, неукоснительным требованием является система оформления: четкие чертежи (выполненные циркулем и линейкой с применением различных цветов), полнота аргументации в решениях задач, ясные ссылки на теоремы и ранее решенные задачи. Затем – индивидуальная *устная беседа с учителем* по решенным и нерешенным задачам. Если есть возможность проводить такие коллоквиумы после уроков, то мы проводим их там, а если такой возможности нет, то они проводятся во время обязательных часов. Эта система довольно эффективна, так как на коллоквиум, во-первых, требуется принести тетрадь с тщательно оформленными записями (что само по себе уже важно и дисциплинирует учащихся). Также не тратится много времени на подробный разбор домашних заданий в классе (при такой схеме – обычных поурочных домашних заданий или вообще нет, или их немного), школьники привыкают к правильному оформлению решений и к полноте необходимой аргументации – «писанию и чистописанию». Ну а сама беседа с преподавателем приносит неоценимую помощь обучающемуся, так как она нацелена на улучшение качества знаний и умений конкретного ученика и на его личные пробелы. Еще один важный плюс при проведении коллоквиумов состоит в том, что нет особой нужды в текущем опросе учащихся с выставлением оценки, что сильно экономит драгоценное время на текущих уроках. По ходу такой (систематической) работы как бы сама собой решается и «проблема накопляемости оценок», решение которой при обычной схеме ориентировано не на весь класс – многие школьники «отдыхают» или начинают заниматься другим делом, а в это время у доски «страдает» вызванный к ней учащийся (а это уже неэффективно использованное учебное время). Бытующее мне-

ние (но не у нас в школе) о том, что для сдачи коллоквиума школьники занимаются списыванием решений задач друг у друга не выдерживая серьезной критики, да мы и не препятствуем взаимным консультациям учащихся; опытный учитель – всегда легко оценит качество изученного материала и практически всегда определит реальные источники написанных решений задач. Отметим, что ничего страшного нет в том, что на коллоквиуме предъявлены решения не всех задач из списка; общая же организационная схема такова – прием заданий проходит только два раза, во время второй попытки отличную оценку получить нельзя. Еще одной важной компонентой такой работы является то, что в такие списки зачастую *включаются задачи исследовательского плана (математические проекты)*, требующие значительного времени на их продумывание, а это практически невозможно на текущих занятиях. Кроме того, сюда включаются так называемые «задачи на доказательство теорем», которые представлены в виде цепочки вспомогательных задач.

Проведение даже одного коллоквиума требует от преподавателя значительных усилий. Мало разработать его задание (но это уже огромный труд, если к нему подходить с описанных позиций), нужно его еще и принять на коллоквиуме индивидуально у каждого ученика. Задания для коллоквиумов нами отрабатываются постепенно год от года и руководит этой работой лектор (в школе им. А.Н. Колмогорова – лекционно-семинарская вузовская система), а для приема заданий коллоквиума мы приглашаем преподавателей и аспирантов механико-математического факультета МГУ – выпускников нашей же школы, а также и преподавателей школы, которые в данных классах не работают.

Простой подсчет показывает, что в семестр наши школьники только по основным математическим курсам должны решать около 400 задач, не считая задач на контрольных работах, на зачетах и др. А это колоссальная нагрузка для учащихся, имеющих кроме математики еще много дисциплин и, тем самым, много других домашних заданий и практикумов. Система математических коллоквиумов помогает четче и более планомерно организовать изучение той или иной темы и контроль за ее усвоением учащимися. Подчеркнем еще раз, что беседа с учителем по каждой из задач коллоквиума (решенной и нерешенной)

играет неоценимую роль и очень многого стоит в процессе обучения, совершенствовании его качества и повышения интереса школьников к изучению математики.

При разработке заданий мы придерживаемся следующих методических принципов:

1. Для проведения коллоквиума выбирается одна тема или ее часть.

2. Задание коллоквиума состоит из нескольких типов задач: на вычисление, теоретического характера (теоремы и задачи на доказательство), исследовательского характера (проекты).

3. По мере возможности в тексты заданий включаются задачи и теоремы, занимающие важное место в истории развития математики.

4. Большинство задач объединены в логические блоки, каждый из которых включает базовые задачи, содержащие в себе методы решения следующих задач, задачи, являющиеся следствиями, обобщениями предыдущих, подготовительные задачи. В каждое задание мы стремимся включить задачи с красивыми рисунками и чертежами, с практическими работами и другими упражнениями, нацеленными на поддержание и развитие интереса к изучению данной темы.

5. Доказательство теорем и решения трудных задач разбиваются в последовательную цепочку более простых утверждений и задач.

6. Задачи исследовательского характера (проекты) нацелены на более углубленное изучение темы коллоквиума и на развитие интереса к творческой деятельности вообще (в частности, для подготовки докладов учащихся на школьные конференции).

Приведем в заключение тематику заданий коллоквиумов, которые проводились нами в последние годы: «По следам теоремы Пифагора», «Бесконечные периодические десятичные дроби», «Площадь многоугольника», «Равносоставленность многоугольников», «Инверсия», «Максимумы и минимумы в геометрии», «Линейная и квадратичная функции», «Задачи с параметрами», «Производная и касательная», «Площадь и интеграл», «Геометрия и тригонометрия триэдров», «Геометрия тетраэдра», «Сечения многогранников», «Классические неравенства», «Центр масс и момент инерции в геометрии», «Площадь круга и его частей», «Принцип Дирихле», «Принцип включения-исключения», «Две прогрессии», «Метод математической индукции в геометрии», «Многоликий алгоритм Евклида».

А.Ю. Сапожкова

ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ (На примере географии)

Сегодня многие исследователи сходятся на том, что процесс обучения в школе должен быть направлен на формирование готовности выпускника к жизни в информационном обществе. В большинстве случаев говорится, что для жизни в современных информационных условиях человеку важно обладать информационно-коммуникативной культурой (ИКК), которую мы рассматриваем как одну из составляющих общей культуры человека; совокупность его информационно-коммуникативной направленности и системы знаний и умений, обуславливающих творческую деятельность субъекта по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационно-коммуникативных потребностей и задающих диалоговое взаимодействие с окружающими. При всем многообразии подходов к определению структуры ИКК, можно выделить ее основные компоненты: аксиологический, когнитивный, технологический и личностно-творческий.

Опишем технологию развития информационно-коммуникативной культуры (ТРИКК) учащихся, целью которой является управление развитием ИКК в естественном процессе учебно-познавательной деятельности школьников.

Такая целевая ориентация определяет необходимость решения ряда задач в обучении: создание условий для развития всех компонентов ИКК; развитие познавательных и умственных способностей как сущностной силы готовности ученика к осуществлению информационно-коммуникативной деятельности; постепенный переход от обучающе-стимулирующих действий со стороны учителя к волевому самопроявлению ученика; усвоение всеми учащимися обязательного минимума программного материала по предмету.

Мы предполагаем, что концептуальной основой ТРИКК является положение о том, что успешное развитие ИКК учащихся возможно лишь в том случае, когда ведущим компонентом процесса обучения является информационно-коммуникативная деятельность школьников.

Содержание образования в ТРИКК отличается тем, что оно наполняется оценочными, тео-

ретическими и методологическими знаниями из области информационной коммуникации. *Оценочные* знания необходимы для воспитания мотивационной сферы учащихся в процессе обучения. *Теоретические* знания позволяют учащимся усвоить искусственный «язык» школьных предметов, сформировать тезаурус. *Методологические* знания помогают обеспечить учащимся усвоение знаний о способах работы с различными источниками информации, средствах и приемах эффективной коммуникации.

Организация процесса обучения, направленного на формирование информационно-коммуникативной деятельности учащихся, осуществляется в соответствии с правилами: обязательное знакомство с приемами работы; учет уровня предшествующей подготовки по предметам; этапность в обучении приемам работы с источниками информации; обязательное обучение приемам эффективной коммуникации и введение теоретических знаний из сферы информационной коммуникации.

Технологический процесс развития ИКК учащихся предполагает следующие этапы: *первый* – введение приема деятельности и основ теоретических знаний; *второй* – усвоение и закрепление приема деятельности с обязательным осознанием его состава; закрепление теоретических знаний; *третий* – самостоятельное применение приема деятельности в условиях новых учебных задач, овладение теоретическими знаниями на творческом уровне¹.

На *первом* этапе (введение приема) учитель знакомит учащихся с составом приема (системой действий), объясняет его значение. Дается прием в виде правила, плана, инструкции, алгоритма или рекомендации. Например, отработка приема составления текстовой таблицы может выражаться в следующих рекомендациях: прочти текст → определи признаки, по которым можно систематизировать материал → начерти таблицу с определенным количеством столбцов → впиши название каждого признака в столбец → определи количество строк → впиши название каждой строки и т.д.

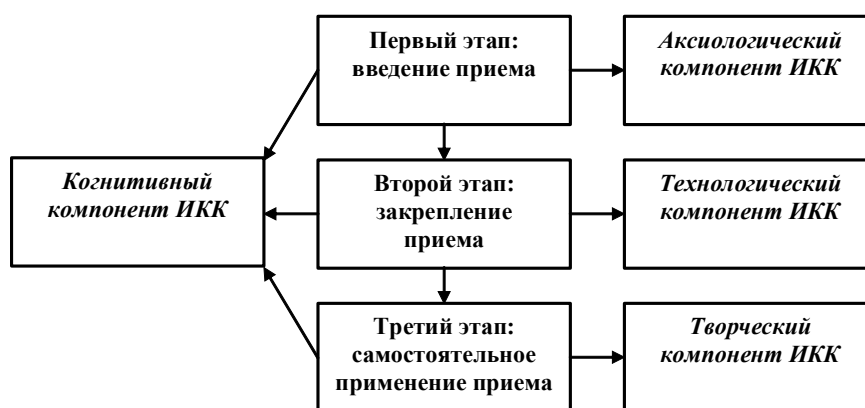

Рис. Развитие компонентов ИКК

Кроме того, на первом этапе необходимо введение основ теоретических знаний об источнике информации, который является ведущим при отработке планируемого учителем приема.

На данном этапе формируется ценностный компонент ИКК, поскольку учащиеся не только получают знания о различных источниках информации, знакомятся с их назначением, но и отвечают на вопросы: где им могут потребоваться эти знания и зачем им нужно научиться тем или иным приемам информационно-коммуникативной деятельности.

Второй этап (усвоение приема) предполагает выполнение системы заданий, ориентированных на анализ текста, карт, картин, рисунков, графиков, диаграмм и т.д. Важно, чтобы эти задания обеспечивали закрепление знаний о действиях, входящих в состав приема информационно-коммуникативной деятельности. Например, «Какие действия и в какой последовательности надо выполнить, чтобы построить круговую диаграмму?», «Каковы этапы составления плана параграфа?» и т.п.

Следовательно, второй этап обучения приемам информационно-коммуникативной деятельности задает активное развитие технологического (деятельностного) компонента ИКК. Помимо этого, на данном этапе школьникам необходимо предложить систему вопросов и заданий на закрепление теоретических знаний из сферы информационной коммуникации.

Третий этап в обучении приемам информационно-коммуникативной деятельности учащихся заключается в самостоятельном применении того или иного приема в условиях новой учебной задачи при работе с различными источниками информации и осуществлении коммуникации. Учащиеся сами определяют и подбирают

источники приобретения информации, анализируют ее, выбирают способ представления проработанного материала, так формулируется творческий компонент ИКК учащихся.

Поскольку формирование когнитивного компонента ИКК учащихся начинается еще на первом этапе обучения приемам информационно-коммуникативной деятельности, следовательно, на третьем этапе учителю целесообразно оценить уровень овладения теоретическими знаниями из области информационной коммуникации, предложив школьникам систему контролирующих вопросов и творческих заданий.

Значение этапов ТРИКК в развитии структурных компонентов ИКК учащихся можно представить в виде схемы (см. рис.).

Следует учесть и то, что отработку отдельных приемов информационно-коммуникативной деятельности можно осуществить за один урок, формирование других потребует большего количества времени.

Технология обучения представляет собой целостность, объединяющую совокупность следующих педагогических компонентов: *целевой* (достижение этапных целей), *содержательный* (на каждом этапе определенные оценочные, теоретические и методологические знания), *операционно-деятельностный* (на каждом этапе особая деятельность учителя и учащихся); *методический* (от этапа к этапу меняется способ учебно-познавательной деятельности), *оценочно-результативный* (выделение обязательных результатов обучения при контроле и самоконтроле, оценке и самооценке), *управленческий* (от этапа к этапу меняется совокупность методов и приемов, стимулирующих поэтапное развитие ИКК учащихся).

Первый этап ТРИКК характеризуется:

А. Целевой компонент: формирование ценностного отношения учащихся к приобретению теоретических и практических знаний из сферы информационной коммуникации; подведение мысли учащихся к необходимости использования различных источников информации для приобретения знаний по предмету; представление знаний о конкретном источнике информации и введение определенного приема информационно-коммуникативной деятельности.

Б. Содержательный компонент: осваивается минимум содержания по предмету, заданный стандартом образования²; делается акцент на приобретении теоретических знаний из области информационной коммуникации; вводятся знания об определенном источнике информации и приемах работы с ним.

В. Операционно-деятельностный компонент.

Деятельность учителя. Создает условия для усвоения учащимися минимума программного материала по предметной теме через:

- сообщение новых теоретических и практических знаний из области информационной коммуникации;

- организацию осмысления полученных теоретических и практических знаний;

- организацию информационно-коммуникативной деятельности школьников при овладении определенным приемом работы.

Деятельность учащихся:

- воспринимают сообщение, приобретают основы теоретических и практических знаний из области информационной коммуникации;

- осмысливают полученные теоретические и практические знания;

- усваивают программный материал предметной темы в процессе информационно-коммуникативной деятельности при овладении определенным приемом работы.

Г. Методический компонент: усилия учащихся сосредотачиваются на осознании ценности овладения приемами информационно-коммуникативной деятельности на репродуктивном уровне; первоначально характер заданий ориентирован на формирование приемов информационно-коммуникативной деятельности по алгоритму, образцу, шаблону и т.д.

Д. Оценочно-результативный компонент предполагает контроль и оценку учителем овладения учащимися приемами информационно-коммуникативной деятельности.

Е. Управленческий компонент: создаются условия, позволяющие показать учащимся необходимость владения приемами информационно-коммуникативной деятельности для успешного приобретения предметных знаний; с целью развития самостоятельности в осуществлении информационно-коммуникативной деятельности, следует включать учащихся в анализ собственного познавательного процесса.

Второй этап ТРИКК характеризуется:

А. Целевой компонент: формирование умения выявлять целевое назначение и особенности определенных источников информации; усвоение определенного приема информационно-коммуникативной деятельности, осознание его состава; закрепление теоретических знаний из области информационной коммуникации; подведение учащихся к мысли о необходимости творческого применения полученных знаний.

Б. Содержательный компонент: приоритет отдается знаниям о целевом назначении источников информации и способах работы с ней.

В. Операционно-деятельностный компонент.

Деятельность учителя. Создает условия для усвоения учащимися минимума программного материала по предметной теме через:

- закрепление новых теоретических знаний из области информационной коммуникации;

- введение системы заданий, обеспечивающих отработку приемов информационно-коммуникативной деятельности.

Деятельность учащихся:

- выполняют систему заданий, ориентированных на закрепление теоретических знаний из области информационной коммуникации;

- отрабатывают приемы информационно-коммуникативной деятельности при выполнении системы заданий.

Г. Методический компонент: организуется выполнение учащимися системы заданий, ориентированных на закрепление теоретических и практических знаний из области информационной коммуникации; постепенно вводятся творческие по содержанию и способам деятельности задания.

Д. Оценочно-результативный компонент предполагает наряду с контролем и оценкой овладения приемами информационно-коммуникативной деятельности со стороны учителя, формирование самоконтроля и самооценки собственных знаний из области информационной коммуникации со стороны учащихся.

Е. Управленческий компонент: создаются условия, способствующие усвоению определенной приёма информационно-коммуникативной деятельности, осознанию его состава и закреплению теоретических знаний из области информационной коммуникации. При этом учащиеся подводятся к мысли о необходимости собственного выбора источника информации и способа ее представления в зависимости от решаемой учебной задачи.

Третий этап ТРИКК характеризуется:

А. Целевой компонент: развитие самостоятельности в осуществлении информационно-коммуникативной деятельности; формирование творческого отношения к использованию теоретических и практических знаний из области информационной коммуникации.

Б. Содержательный компонент: внимание учащихся акцентируется на широких возможностях применения теоретических и практических знаний из области информационной коммуникации.

В. Операционно-деятельностный компонент.

Деятельность учителя. Создает условия для усвоения учащимися минимума программного материала по предметной теме через:

- организацию самостоятельной информационно-коммуникативной деятельности учащихся по решению учебных задач;

- организацию осмысления собственной информационно-коммуникативной деятельности.

Деятельность учащихся:

- осуществляют самостоятельную информационно-коммуникативную деятельность по решению учебных задач;

- осмысливают собственную информационно-коммуникативную деятельность.

Г. Методический компонент: организуется самостоятельная информационно-коммуникативная деятельность учащихся по выполнению учащимися системы заданий, ориентированных на закрепление знаний из области информационной коммуникации; постепенно вводятся творческие по содержанию и способам деятельности задания.

Д. Оценочно-результативный компонент предполагает самоконтроль и самооценку учащихся собственных знаний из области информационной коммуникации, осуществляемых в ходе информационно-коммуникативной деятельности.

Е. Управленческий компонент: создаются условия, способствующие максимальному проявлению самостоятельности в осуществлении уча-

щимися информационно-коммуникативной деятельности.

Таким образом, технологическая процедура предполагает поступательное движение от одного этапа формирования приемов информационно-коммуникативной деятельности учащихся к другому. При этом сохраняется преемственность этапов и логика продвижения учащихся по ним, которая заключается в следующем: от теоретических знаний к практическим умениям, а далее к их самостоятельному применению в процессе познания. При введении теоретических знаний из области информационной коммуникации, учитель акцентирует внимание на их практической значимости, в результате чего у учащихся складываются определенные ценностные ориентации. Далее на практике учащиеся овладевают приемами информационно-коммуникативной деятельности и осознают их важность в процессе познания. Кроме того, происходит самоанализ уровня самостоятельности в процессе познания, сопровождаемый самооценкой собственных достижений. На основе этого организуется творческая деятельность учащихся, у них вырабатывается убеждение необходимости проявления самостоятельности в осуществлении информационно-коммуникативной деятельности.

Так в процессе обучения осуществляется взаимосвязь ценностных ориентаций учащихся, теоретических знаний из области информационной коммуникации, способов информационно-коммуникативной деятельности и творческого подхода к решению учебных задач, т.е. всех компонентов ИКК.

Технология развития ИКК учащихся основной школы имеет общедидактическое значение, так как может быть развернута на учебном материале любой естественнонаучной дисциплины. Приведем пример урока географии, построенного по технологии ТРИКК.

Тема урока: Географическое положение Вологодской области (первый урок в курсе «География Вологодской области»).

В обучении, воспитании и развитии ребенка огромную роль играет учебная книга. Исследования показывают, что только 0,3% школьников владеют элементарными приемами работы с учебником [2].

Письменные тексты являются специфическим видом общения между людьми. Читатель воспринимает текст через сигналы, его составляющие: слова, словосочетания, предложения. Понимание

Таблица

Процесс обучения в технологии РИКК

Этап	Деятельность учителя	Деятельность учащихся
I	1. Знакомит учащихся с различными источниками информации, заостряет внимание на значении каждого из них. В ходе эвристической беседы с целью систематизации основ теоретических знаний об источниках информации предлагает учащимся схему «Источники информации», подкрепляет положения примерами.	1. Воспринимают информацию, совместно с учителем строят опорную схему, подбирают примеры из учебного пособия «География Вологодской области».
	2. Организует просмотровое чтение текста § 1 с целью формирования умения находить в тексте непонятные слова и словосочетания.	2. Выполняют задание учителя, находят в тексте непонятные слова и словосочетания, выписывают их в тетрадь.
	3. Организует работу по нахождению непонятных слов в словарях.	3. Находят в словарях значение непонятных слов и словосочетаний, записывают краткие толкования в тетрадь. Делают вывод о значении словарей как источников информации.
II	4. С опорой на рис. 1 в учебнике организует самостоятельную работу в группах. <i>Задание для самостоятельной работы:</i> Многие элементы номенклатуры старинных чертежей в настоящее время звучат как загадки. Используя словарь В. Даля и другие, раскройте смысл топонимов старинных чертежей. Объедините топонимы в группы: рельеф, растительность, гидрография, населенные пункты и другие.	4. Выполняют самостоятельную работу: сравнивают толкование одних и тех же слов, взятое из разных словарей; обсуждают информацию, формулируют краткое толкование и записывают его в тетрадь. Совместными усилиями объединяют природные и социальные объекты в группы.
	5. Предлагает учащимся высказать личное мнение о значимости словарей как средства понимания учебного текста и важного источника учебной информации.	5. Делают вывод о необходимости работы со словарями для понимания и осмысления содержания учебного материала. Осознают ценность различных словарей как источников информации.
III	6. <i>Домашнее задание:</i> Прочтите текст § 2, выпишите незнакомые слова и словосочетания. Подберите словари, необходимые для толкования их значения. Сделайте краткие записи в тетради.	6. Выполняют домашнее задание.

текста зависит, во-первых, от умения читателя воспринимать обращенные к нему сигналы, во-вторых, от умения на них реагировать. Большинство школьников никак не реагируют на незнакомые слова в тексте, которые проскальзывают мимо их сознания и не вызывают желания узнать, что это такое, заглянуть в словарь. Непонятые слова и словосочетания ведут к непониманию, обеднению или искажению изучаемого материала и возрастанию нагрузки на память учащегося.

Одним из путей решения данной проблемы является активное использование словарей при изучении географии.

Задачи урока: формировать основы знаний об источниках информации; развивать ценностное

отношение к различным источникам информации; совершенствовать приемы чтения «по диагонали» с целью выискивания в тексте незнакомых и малопонятных слов и словосочетаний, приемы работы со словарями, коммуникативные умения: слушать, высказывать свое мнение, кратко формулировать мысль (работа в группах).

Содержание знаний из сферы информационной коммуникации:

1. Знание отличительных особенностей различных словарей: толковый, иностранных слов и выражений, четырехязычный словарь терминов по физической географии [3], энциклопедические словари для школьников, топонимические словари и другие.

2. Знание информационных возможностей различных словарей в решении учебных задач.

Ведущие понятия: информация, словарь, чтение «по диагонали», этимология³.

Ожидаемые результаты: учащиеся знают отличительные особенности различных словарей, понимают их информационные возможности в решении учебных задач, владеют приемами работы с незнакомыми словами, проявляют коммуникативные умения.

Примечания

¹ В основе ТРИКК лежит технология поэтапного обучения школьников приемам работы с учебником [1].

² Данное положение характерно для всех этапов формирования приемов информационно-коммуникативной деятельности.

³ Здесь и далее имеются ввиду понятия из области информационной коммуникации.

Библиографический список

1. Барина И.И., Дронов В.П. География России. 8–9 кл.: Метод. пособие. – М.: Дрофа, 2003. – 192 с.
2. Граник Г.Г., Бондаревская С.М., Концевая Л.А. Когда книга учит. – М.: Педагогика, 1988. – 192 с.
3. Четырехязычный энциклопедический словарь терминов по физической географии. – М.: Современная энциклопедия, 1979. – 703 с.

Л.С. Секретарева

ПОИСКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Преамбула. В статье описывается использование поисковой деятельности при обучении элементам геометрии как один из способов формирования геометрических представлений младших школьников. Рассматриваются некоторые примеры такого использования при выполнении конкретных упражнений на уроках математики. Материал, используемый в статье, апробирован и экспериментально проверен на базе общеобразовательных школ №3, 8 и начальной школы №10 города Вологды.

Традиционно в системе отечественного математического образования решается триединая задача обучения учащихся математическим знаниям, приемам и методам, воспитания их общей математической культуры и развития математического мышления школьников средствами математики. При этом, как известно, первостепенное значение имеет формирование и развитие у школьников таких математических знаний, умений и навыков, которые должны составить фундамент для их активной познавательной деятельности в обучении математике и другим школьным дисциплинам, для их дальнейшего самообразования, которые будут востребованы и найдут свое применение в их практической деятельности, то есть решается задача фундаментальной математической подготовки школьников.

В математическом образовании младших школьников выделяются два главных объекта изучения: числовые и пространственные понятия. Но на сегодняшний день начальная школа уделяет

первостепенное внимание числовым понятиям, оставляя без должного внимания формирование геометрических представлений. Такая однобокость приводит к тому, что с одной стороны, в результате изучения числовых понятий у учащихся значительно развивается абстрактное мышление, а с другой стороны, их пространственные представления остаются практически неразвитыми.

Объективно одним из средств, способствующих достижению высокого уровня математической подготовки учащихся, является их деятельность по изучению геометрического материала.

Деятельность учащихся, направленная на приобретение знаний о предмете изучения и общих приемах решения, связанных с ним задач и, как следствие, на развитие школьников и формирование их личности, называется учебной деятельностью.

В современных исследованиях выделяют различные виды учебной деятельности такие, как материально-практическая, социальная, духовная, поисковая и т.п. [1; 2]. Остановимся на понятии «поисковая деятельность». Поисковую дея-

тельность, мы определяем, как совокупность действий: организация проблемных ситуаций, формулирование проблем, оказание ученикам необходимой помощи в решении проблем, проверка этих решений и руководство процессом систематизации и закрепления приобретенных знаний. Основным элементом организации поисковой деятельности, с помощью которой пробуждается мысль, познавательная потребность учащихся, активизируется мышление, является проблемная ситуация, организованный в ходе нее поисковый эксперимент.

Произвольность и осознанность всех психических процессов, их интеллектуализация в младшем школьном возрасте позволяют ребёнку усваивать математические знания, а именно геометрические образы и способствуют формированию геометрических представлений младших школьников на основе продуктивной учебной деятельности – поисковой, в ходе поискового эксперимента.

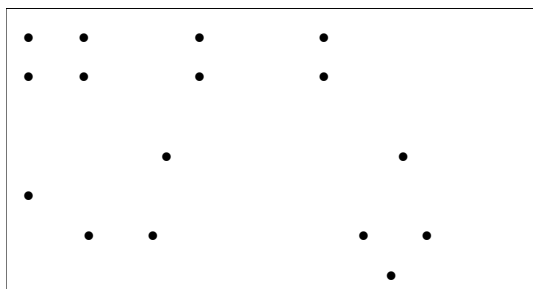
Организовать поисковую деятельность при обучении младших школьников элементам геометрии помогают различные ее виды, учитывающие степень самостоятельности детей и меру помощи взрослого. Это могут быть:

А. Поисковый эксперимент.

Процесс организации поискового эксперимента состоит из следующих этапов:

- постановки, формулирования проблемы;
- выдвижения предположений и гипотез;
- выбора, проверки, обоснования гипотез;
- подведения итогов, вывода.

Например, учащимся 1 класса выданы карточки, на которых нарисованы точки. Предложено найти геометрические фигуры, изображенные на карточках, для этого учащиеся должны соединить по порядку группы из четырех точек и назвать получившуюся фигуру.

Какие фигуры можно получить?

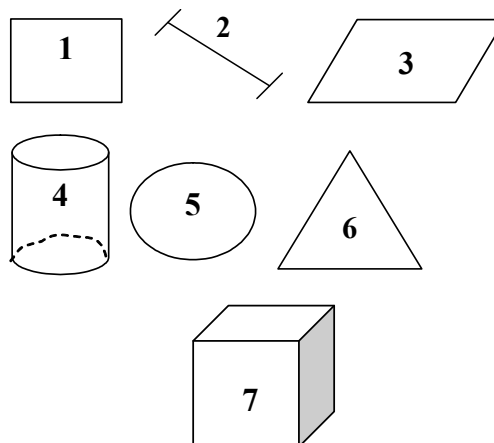
Варианты, которые предлагают дети: 1) квадрат; 2) прямоугольник; 3) четырехугольник; 4)....

Решение: Дети соединяют точки и рассматривают полученные фигуры. Сначала они находят и называют хорошо знакомые фигуры: квадрат и прямоугольник, затем остальные фигуры. Делают вывод, что все фигуры состоят из четырех углов, четырех сторон, значит все они – четырехугольники.

Вывод: Все ответы правильные, но более точный – четырехугольники. Значит из четырех точек можно получить четырехугольники.

Б. Система вопросов, формулировка условий задачи.

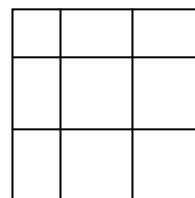
Например, учащимся 3 класса предложено такое задание ? рассмотрите рисунок, ответьте на вопросы: Что изображено на рисунке? Чем похожи фигуры? Чем они отличаются друг от друга?

Сформулируйте задание, которое вам нужно выполнить? Почему вы так решили?

В. Наводящие задачи или задачи-подсказки.

Например, учащимся 2 класса выданы 3 карточки, которые разделены на 9 клеток.

Представьте, что это домики, в которых будут жить точки. Нарисуйте в первом доме точку, которая живет на первом этаже в средней квартире (дети выполняют задание). Вторая и третья точки живут на третьем этаже в квартирах по углам

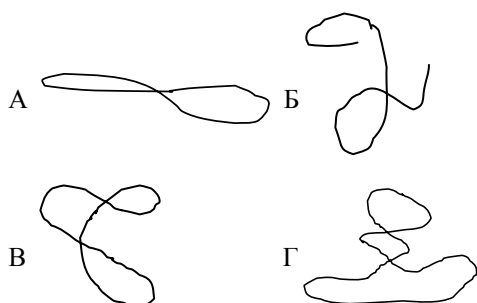
(дети выполняют задание). Они решили установить друг с другом телефонную связь. Соедините точки отрезками. Какие фигуры у вас получились? (треугольник, ...)

В следующем доме также жили точки. Одна жила на первом этаже в углу слева (дети выполняют задание). Вторая – на третьем этаже во второй квартире (дети выполняют задание). А третья – на втором этаже в третьей квартире (дети выполняют задание). Соедините эти точки отрезками. Какая фигура у вас получилась? (треугольник, ...)

И в последнем доме жили три точки, они решили установить телефонную связь по прямой. Можно ли соединить три точки отрезками по прямой?

Г. Цепочка наводящих вопросов.

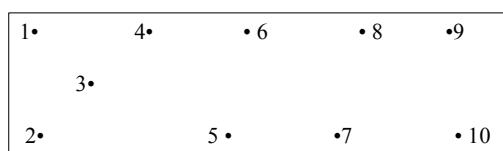
Например, следующее задание: Рассмотрите рисунок:

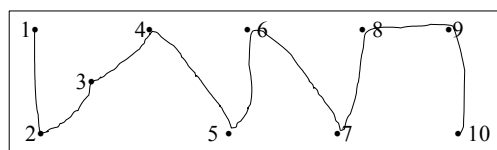
1) Что изображено на нем? (линии) 2) Какие линии изображены? (кривые) 3) Как вы определили это? 4) Найдите линии, которые пересекаются в одной точке. (А, В) 5) Найдите линии, которые пересекаются в двух точках. (В) 6) Найдите линии, которые пересекаются в трех точках. (Г) 7) Есть ли среди них линии, которые не замкнуты? (В) 8) По какому признаку можно разделить линии?

Д. Готовый вариант решения.

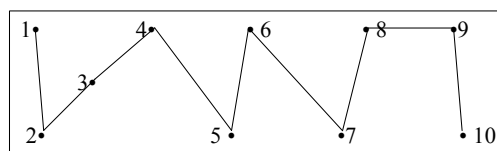
Например, учащимся 1 класса предложено задание: Незнайке и Пончику нужно было соединить точки отрезками в указанном порядке.

Вот что получилось у Незнайки:

у Пончика:

Рассмотрите внимательно ответы, объясните, кто прав и почему.

Таким образом, решая проблемную ситуацию, участвуя с помощью в поисковом эксперименте, как с помощью учителя, так и самостоятельно, ребенок сравнивает и сопоставляет, устанавливает сходство и отличие, так он открывает мир геометрических фигур. Анализируя маленькие математические проблемы, ребенок учится ориентироваться в окружающем мире, проявлять инициативу, высказывать собственную позицию и принимать чужую. Участвуя в поисковом эксперименте, применяя, развиваются творческие способности младшего школьника. Поисковая деятельность является одним из эффективных средств формирования геометрических представлений младших школьников.

Библиографический список

1. Гусев В.А. Психолого-педагогические основы обучения математике. – М.: Вербум – М, 2003.
2. Кузнецова Ю.А. Формирование поисковой деятельности в обучении математике учащихся 1–6 классов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Саранск, 2005.
3. Тестов В.А. Стратегия обучения математике. – М.: Технологическая Школа Бизнеса, 1999. – 304 с.

АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ГЕРМАНИИ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СЛУЖЕБНОЙ (ИНСАЙДЕРСКОЙ) ИНФОРМАЦИИ НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ*

Темпы экономического развития напрямую зависят от совершенства системы действующего российского законодательства в области государственного регулирования рынка ценных бумаг, а также от того, насколько оно соответствует общепринятым мировым стандартам в сфере защиты прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг.

В данной связи представляется интересным сопоставить отдельные аспекты правового регулирования рынка ценных бумаг России и Германии. Такая попытка обусловлена общими для наших стран процессами становления рыночных институциональных структур. Развивающаяся российская модель рынка ценных бумаг включает в себя отдельные элементы как англо-американской, так и европейской модели.

В России основы правового регулирования рынка ценных бумаг закреплены в Федеральном законе от 22 апреля 1996 г. №39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (в ред. от 27.07.2006), Федеральном законе от 5 марта 1999 г. №46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» (в ред. 27.07.2006), Федеральном законе от 26 декабря 1995 г. №208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в ред. от 27.07.2006), в Указе Президента Российской Федерации от 4 ноября 1994 г. №1008 «О мерах по государственному регулированию рынка ценных бумаг в Российской Федерации» (в ред. 29.04.2004) и в иных нормативных актах.

Важнейшим принципом нормального функционирования современного рынка ценных бумаг и, одновременно, гарантией защиты прав и законных интересов инвесторов является информационная прозрачность рынка. Согласно Концепции развития рынка ценных бумаг, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 1996 г. №1008 (в ред. от 16.10.2000), повышению уровня информационной прозрач-

ности рынка России должно способствовать четкое разграничение на законодательном уровне рыночной информации. Речь идет о разграничении **общедоступной** информации, не требующей привилегий для доступа к ней и в соответствии с законодательством подлежащей раскрытию, и информации, не являющейся таковой. Известно, что использование при совершении сделок на рынке ценных бумаг информации, неизвестной широкому кругу лиц, приводит к изменению естественных механизмов ценообразования на рынке, и, как следствие, к нарушению законодательства о конкуренции на финансовом рынке.

В Федеральном законе «О рынке ценных бумаг» вопросам использования информации, не являющейся общедоступной, так называемой служебной информации, посвящена специальная глава 8 (статьи 31–33) и пункты 1, 2 статьи 51. Под «служебной информацией» в законе понимается любая не являющаяся общедоступной информация об эмитенте и выпущенных им эмиссионных ценных бумагах, которая ставит лиц, обладающих в силу своего служебного положения, трудовых обязанностей или договора, заключенного с эмитентом, такой информацией, в преимущественное положение по сравнению с другими субъектами рынка ценных бумаг (ст. 31).

В германском праве информация, не доступная широкой публике на рынке ценных бумаг, получила название инсайдерской. В настоящее время существование такой самостоятельной отрасли права как инсайдерское право уже не является для германских правоведов предметом дискуссий. Представляется интересным кратко остановиться на истории становления инсайдерского права Германии.

Инсайдерская торговля существует столько, сколько существуют ценные бумаги и рынок для них. Проблема торговли ценными бумагами с использованием инсайдерской информации как

* Статья поступила в редакцию в 2006 г.

проблема нормального функционирования рынков капитала, и тем самым, как проблема правового регулирования рынка ценных бумаг, была впервые осмыслена и нашла разрешение в американском законодательстве о финансовом рынке в начале тридцатых годов двадцатого века, главным образом, в Законе о ценных бумагах и биржах 1934 года (*Securities Exchange Act*).

В Германии интерес к состоянию дел на рынке ценных бумаг и регулированию инсайдерской торговли ценными бумагами возник в ходе восстановления экономики после второй мировой войны, и был обусловлен необходимостью активного привлечения средств частных инвесторов на финансовый рынок Германии.

В ноябре 1970 года Биржевой Экспертной комиссией, созданной при Федеральном министерстве экономики ФРГ, были разработаны Рекомендации по разрешению проблем, связанных с инсайдерством (*Empfehlungen zur Lösung der sog. Insider-Probleme*). Данные Рекомендации представляли собой инструкции по инсайдерской торговле, правила для работы операторов фондового рынка и консультантов по ценным бумагам. В 1976 и в 1988 годах названный документ был дважды изменен, позднее дополнен комментариями и процессуальным порядком работы Комиссий по надзору, создаваемых при биржах. Рекомендации по разрешению проблем, связанных с инсайдерством, не являлись ни правовой нормой, ни торговым обычаем. В каждом отдельном случае для введения их в действие требовалось заключать договор между соответствующими сторонами. До момента принятия второго Закона о содействии развитию финансового рынка (*Finanzmarktförderungsgesetz*) [1, с. 1749], упомянутые Рекомендации являлись единственным документом, регулировавшим такую сферу деятельности участников рынка ценных бумаг как их обращение с инсайдерской информацией.

Потребность в разрешении проблемы на законодательном уровне зрела в Германии в условиях жаркой полемики между сторонниками регламентации сферы рынка ценных бумаг на основе саморегулирования, с одной стороны, и сторонниками законодательного регулирования использования инсайдерской информации при совершении сделок с ценными бумагами на финансовом рынке. Тем не менее, забота о репутации рынка Германии на международном рынке капиталов и в отношении к формирующимся

рынкам ценных бумаг стран Европы заставило приверженцев системы саморегулирования изменить свое отношение к механизмам регулирования инструментов финансового рынка. Такой перемене взглядов способствовал ряд причин. Так, ввиду отсутствия общих норм по надзору за фондовым рынком попытка германских эмитентов освоить американский рынок капиталов привела к разногласиям с Комиссией по ценным бумагам и биржам (*Securities and Exchange Commission*), осуществляющей всестороннее регулирование рынка ценных бумаг США. На том основании, что система регулирования и контроля за рынком в Германии уже не отвечала духу времени и мировым стандартам, на территории ФРГ не был размещен Центральный Европейский банк.

Первый опыт Европейского Союза создать единое инсайдерское право на всей территории Европы увенчался принятием нескольких ни к чему не обязывающих рекомендаций государствам-членам европейского содружества в виде «Европейских правил совершения международных операций с ценными бумагами» (*Europäische Wohlverhaltensregeln für Wertpapiertransaktionen*) [4, с. 307], послуживших позднее основой для разработки и принятия единого для всей объединенной Европы нормативного правового акта в области инсайдерской торговли - Директивы Совета Европейского сообщества по координации правовых положений об инсайдерских сделках от 13 ноября 1989 года (*Insider-Richtlinie zur Koordinierung der Vorschriften betreffend Insider-Geschäfte*) 4, с. 925]. В 2003 году названный документ заменила более универсальная Директива об инсайдерских сделках и манипулировании рынком (о злоупотреблениях на рынке) [3].

Создание в Европе единого экономического пространства и, тем самым, снятие препятствий для перемещения финансовых потоков, обусловили необходимость внесения в соответствии с Директивами Европейского сообщества изменений и дополнений в национальное законодательство ФРГ, регулирующее сферу деятельности кредитных учреждений и сферу контроля за деятельностью на рынке ценных бумаг.

Базовым в сфере государственного регулирования рынка ценных бумаг ФРГ явился Закон о торговле ценными бумагами (*Wertpapierhandelsgesetz*) от 26 июля 1994 года (далее - Закон ФРГ о торговле ценными бумагами) [2, с. 735],

как составная часть второго Закона о содействии развитию финансового рынка (*Finanzmarktförderungsgesetz*).

В Законе ФРГ о торговле ценными бумагами инсайдерская торговля регламентируется главным образом параграфами 12–20, 38 и 39.

По замыслу германского законодателя основной особенностью инсайдерской информации является то, что обладатель такой информации не только поставлен в преимущественное положение по сравнению с другими субъектами рынка ценных бумаг, но, что особо важно, способен существенно повлиять на цену финансовых инструментов на рынке ценных бумаг. Именно на основе указанного критерия Закон ФРГ о торговле ценными бумагами проводит различие между инсайдерской информацией и информацией по оценке стоимости ценных бумаг, полученной исключительно на основании общедоступных фактов.

Попытка сопоставить понятие служебной информации, закрепленное в Федеральном законе «О рынке ценных бумаг» с определением инсайдерской информации по Закону ФРГ, позволяет прийти к выводу о том, что российская норма нуждается в уточнении и в закреплении в ней основного признака служебной (инсайдерской) информации – способность оказывать существенное влияние на цену финансовых инструментов на рынке ценных бумаг.

Объектами инвестирования и предметом сделок с использованием служебной информации на российском рынке ценных бумаг по смыслу Федерального закона «О рынке ценных бумаг» (ст. 1, 31) являются все эмиссионные ценные бумаги без исключения.

Закон ФРГ о торговле ценными бумагами при определении сферы применения инсайдерского права на организованном рынке, вводит специальное понятие инсайдерских бумаг (§12. Abs. 1. Satz 1., Abs. 2. Satz 1). При этом подробно разъясняется, что нераскрытая и особо значимая для курса ценных бумаг информация только тогда получает статус инсайдерской, когда касается операций с допущенными к торговле на бирже или вовлеченными во внебиржевой оборот ценными бумагами; правами на подписку, покупку ценных бумаг; правами на выплату разностной суммы, зависящей от изменения рыночной стоимости ценных бумаг; срочными сделками по индексам акций и облигаций или срочными про-

центными сделками (срочные финансовые сделки), а также правами на подписку, покупку и отчуждение срочных финансовых сделок в том случае, если их предметом являются ценные бумаги или индекс, базирующийся на ценных бумагах; прочими срочными сделками, по которым возникают обязательства по приобретению или отчуждению ценных бумаг.

Ядро инсайдерского права Германии и российского правового института служебной информации образуют нормы, запрещающие использование инсайдерской (или служебной) информации при совершении сделок на рынке капиталов.

Германский законодатель инсайдером в широком смысле слова называет любого, кому стал известен факт, не относящийся к общедоступной информации. Интересно, что традиционно в германской доктрине различают первичных и вторичных инсайдеров. К первичным Законом ФРГ о торговле ценными бумагами отнесены все те, кто имеет непосредственный доступ к инсайдерской информации и располагает таковой в силу служебного положения. Указанные лица поименованы в параграфе 13 и, в целом, их круг аналогичен очерченному в российском законодательстве. Под вторичным инсайдером понимаются третьи лица, получившие сведения об инсайдерском факте (§14. Abs. 2 Закона о торговле ценными бумагами). При этом не важен способ приобретения инсайдерской информации; не имеет значения, сколько посредников участвовало в передаче информации, а также умышленно или нет третье лицо овладело сведениями. Основанием для привлечения к ответственности служит обладание знанием об инсайдерском факте и использование его в качестве такового.

Лица, владеющие служебной информацией, согласно российскому законодательству подпадают под двукратный запрет: во-первых, под запрет на использование ими такой информации для заключения сделок и, во-вторых, на её передачу третьим лицам с той же целью (ст. 33 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»).

В инсайдерском праве Германии данный запрет в отношении действий первичного инсайдера распространяется не только на совершение им операций с использованием инсайдерской информации на рынке капиталов, не только на сообщение таких фактов третьим лицам, но и на рекомендации в связи с приобретением или отчуждением инсайдерских бумаг. Вторичному

инсайдеру запрещено лишь использовать инсайдерские сведения при заключении сделок с инсайдерскими бумагами за свой или чужой счет, как для себя, так и для любого другого (§ 14. Abs. 1, 2 Закона ФРГ о торговле ценными бумагами).

Контроль за проведением государственной политики в области рынка ценных бумаг и за соблюдением участниками рынка законодательства Российской Федерации о ценных бумагах в настоящее время осуществляет Федеральная служба по финансовым рынкам (создана в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2003 г. № 314, ранее действовала Федеральная комиссия по рынку ценных бумаг). Надо признать, что на законодательном уровне полномочия Федеральной службы закреплены несколько скупо. В информационной сфере служба ведаёт лишь вопросами создания общедоступной системы раскрытия информации. Недоработанным видится и утвержденное Правительством РФ 30 июля 2004 г. № 317 «Положение о Федеральной службе по финансовым рынкам», в котором также не определена компетенция Службы в части выявления и предотвращения правонарушений, связанных с использованием служебной информации, и привлечения к ответственности.

В Германии вопросы надзора за соблюдением норм инсайдерского права, а также преследования нарушителей относились до 2003 года к компетенции Федерального ведомства по контролю за торговлей ценными бумагами. В настоящее время названные функции осуществляет Федеральное учреждение по надзору в сфере оказания финансовых услуг (далее – Федеральное учреждение ФРГ), а также созданный при нем Совет по ценным бумагам.

Для выполнения задач, поставленных перед Федеральным учреждением ФРГ, Законом ФРГ о торговле ценными бумагами (§§ 15–19) созданы условия информационного характера: для участников рынка установлены обязанности по обеспечению доступа к общедоступной информации и, соответственно, для контролирующих учреждений – права на истребование таковой. Так, Федеральное учреждение ФРГ осуществляет контроль за тем, как выполняет свои обязанности эмитент по опубликованию возникших в своей деятельности новых фактов, способных значительно повлиять на финансовое и имущественное положение эмитента или существенно изменить курс ценных бумаг на рынке. Опубликова-

ние производится в межрегиональном биржевом бюллетене либо по специальной электронной системе банковских учреждений ФРГ. До опубликования такая информация обязательно доводится до сведения самого Федерального учреждения ФРГ, руководства бирж. Федеральное учреждение ФРГ, располагая сведениями о нарушении запретов на инсайд, содержащихся в § 14 Закона ФРГ о торговле ценными бумагами, вправе затребовать у участника рынка ценных бумаг все необходимые документы и произвести проверки. При наличии достоверной информации о преступлении, совершаемом на рынке ценных бумаг с использованием инсайдерской информации, Федеральное учреждение ФРГ передает материалы по делу в прокуратуру.

Законом ФРГ о торговле ценными бумагами установлена суровая ответственность за использование инсайдерской информации при совершении сделок на рынке ценных бумаг. Нарушитель запретов, установленных Законом, может быть привлечен к уголовной ответственности в виде лишения свободы на срок до 5 лет или оштрафован на сумму до полутора миллионов евро. В США, к примеру, лицам, умышленно нарушившим запрет на использование служебной информации при совершении сделок на рынке капиталов, грозит лишение свободы на срок до 10 лет, либо наложение штрафа до одного миллиона долларов для физических лиц, для юридических лиц – до двух с половиной миллионов. В Великобритании нарушитель может подвергнуться наказанию в виде лишения свободы на срок до 7 лет, либо же штрафу на неограниченную сумму.

В России ответственность за использование служебной информации на рынке ценных бумаг установлена ст. 15.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в виде наложения штрафа в размере от двадцати до тридцати минимальных размеров оплаты труда. Очевидно, что закрепленные КоАП РФ санкции гораздо мягче установленных в Европе и США, а, следовательно, риск при инвестировании на отечественном фондовом рынке по-прежнему остается высоким, а уровень защиты интересов инвестора не отвечает мировым стандартам.

Попытка сопоставить отдельные положения российского и германского законодательства об использовании служебной (или инсайдерской) информации позволяет прийти к выводу о том, что действующая редакция Федерального закона

«О рынке ценных бумаг» в этой части нуждается в существенной доработке. Вероятно, имеет смысл принять специальный закон, как это предусматривается Стратегией развития финансового рынка РФ на 2006–2008 гг., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 1 июня 2006 г. №793-р. Указанный нормативный акт будет включать в себя основные правовые нормы, регулирующие недобросовестную торговлю ценными бумагами.

Учитывая сказанное выше, на законодательном уровне, на наш взгляд, необходимо:

- уточнить понятие служебной информации путем закрепления её главного квалифицирующего признака;
- установить перечень ценных бумаг, сделки с которыми будут рассматриваться как сделки, совершенные с использованием служебной информации;
- четко очертить круг лиц, располагающих служебной информацией;
- расширить рамки запрета на использование служебной информации: распространить его также на предоставление рекомендаций на основе служебной информации;
- определить компетенцию Федеральной службы по финансовым рынкам в части выявления и предотвращения правонарушений, связанных с использованием служебной информации;

– предусмотреть меры ответственности за нарушение запрета на использование служебной информации, адекватные степени причиненного вреда.

При этом, возможно, в качестве ориентира будет учтен опыт, накопленный в области государственного регулирования рынка ценных бумаг ФРГ.

Библиографический список

1. II.Finanzmarktförderungsgesetz v. 5.11.1993. BGBl. 1994 I.
2. Gesetz über den Wertpapierhandel (Wertpapierhandelsgesetz – WpHG) v. 26.7.1994 in der Fassung der Bekanntmachung vom 9.9.1998 (BGBl. I S. 2708) BGBl. III/FNA 4110-4 abgedr. bei Beck'sche Textausgaben, Handlungsgesetzbuch, 70. Aufl. 1999.
3. Richtlinie 2003/6/EG des Europäischen Parlaments und des Rates vom 28. Januar 2003 über Insider-Geschäfte und Marktmanipulation (Marktmissbrauch). (ABl. L 96/16 v. 12.04.2003) / Опубликовано на официальном сайте Министерства финансов ФРГ в Интернете по адресу: http://www.bafin.de/internationales/eu_eg_recht/marktmissbrauch_RL.pdf.
4. Wertpapierhandelsgesetz. Kommentar / hrsg. v. H.-D. Assmann. – Köln: O.Schmidt, 1999.

Научные труды преподавателей, поступившие в библиотеку КГУ им. Н.А. Некрасова

Гибало Н.П., Сечкарев Г.Г. КОНТРАКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРИРОДА, ХАРАКТЕР И ФУНКЦИИ. – Кострома: КГУ, 2006. – 148 с. (Серия «Новая политическая экономия»). ISBN 5-7591-0639-2.

В монографии рассматривается сущность контрактных отношений, раскрываются теоретические предпосылки и формы контрактных отношений, определяется структура и ее взаимосвязь с новым типом социально-экономического развития. Обосновываются основные тенденции и противоречия трансформационных процессов в системе контрактных отношений. Монография адресована научным работникам, преподавателям, докторантам, аспирантам, студентам, а также всем, интересующимся теоретико-методическими проблемами контрактных отношений, экономических отношений и институтов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКСЕНОВА Ольга Александровна, аспирант Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

БАБАЯН Владимир Николаевич, канд. филол. наук, доц. Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

БАЛУЕВА Наталья Вениаминовна, зав. регентским отделением Костромской духовной семинарии.

БАРТЕНЕВА Инна Юрьевна, преподаватель каф. журналистики КГУ им. Н.А. Некрасова.

БАРЫШЕВА Людмила Сергеевна, аспирант каф. современного русского языка и общего языкознания ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

БЕЛЯЕВА Вероника Николаевна, аспирант каф. теории языка и перевода Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

БЛИНОВ Роман Юрьевич, аспирант Ивановского гос. химико-технологического ун-та

БЛИНОВА Елена Вячеславовна, канд. филол. наук, старший преподаватель каф. русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

БОБЫЛЕВА Виктория Олеговна, ассистент каф. раннего обучения иностранным языкам РГПУ им. А.И. Герцена.

БОРИСОВА Галина Александровна, аспирант ИФиП УрО РАН.

БУТОРИНА Татьяна Сергеевна, д-р. пед. наук, проф., зав. каф. педагогики, психологии и профессионального обучения Архангельского гос. технического ун-та.

БЫШУК Ольга Петровна, аспирант каф. русского языка Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

ВОРОНОВА Елена Васильевна, аспирант каф. культурологи Вятского гос. гуманитарного ун-та.

ГАЛАФЕЕВ Виктор Анатольевич, канд. хим. наук, доцент КГУ им. Н.А. Некрасова.

ГЛУХОВА Ирина Владимировна, соискатель каф. европейских и восточных языков Челябинского гос. ун-та.

ГОЛУБЕВ Дмитрий Алексеевич, аспирант кафедры иностранных литератур и языков Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

ГОРШКОВА Валентина Владимировна, проф., зав. лабораторией культурологических и социологических проблем образования взрослых Института образования взрослых Российской Академии образования (Санкт-Петербург).

ГУСЕВА Любовь Алексеевна, ст. преподаватель каф. русского языка Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

ДАРЧИЕВА Алена Тимофеевна, аспирант каф. педагогики Северо-Осетинского гос. ун-та им. Коста Хетагурова.

ЕВГРАФОВА Наталья Александровна, соискатель каф. литературы, ассистент каф. романской филологии Волгоградского гос. ун-та.

ЕВДОКИМЫЧЕВА Мария Александровна, старший преподаватель каф. литературы и русского языка Санкт-Петербургского гуманитарного ун-та профсоюзов.

ЕВСТИГНЕЕВА Марина Геннадьевна, соискатель каф. истории и музеологии Владимирского гос. ун-та.

ЕМЕЛЬЯНОВА Юлия Валерьевна, аспирант каф. всемирной литературы Нижегородского гос. пед. ун-та.

ЖАНГУРАЗОВА Нажабат Абудархмановна, аспирант КБИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН (г. Нальчик).

ИВАНОВА Ольга Николаевна, аспирант каф. теории и истории культур КГУ им. Н.А. Некрасова.

ИГОШЕВ Валерий Викторович, канд. искусствоведения, ведущий научный сотрудник ГосНИИРеставрации, доцент МГХПУ им. С.Г. Строганова.

КАСТОРСКАЯ Татьяна Михайловна, ст. преподаватель каф. истории и теории изобразительного искусства КГУ им. Н.А. Некрасова, искусствовед, член СХ России.

КОБЫЛИНСКИЙ Владимир Владимирович, соискатель каф. культурологии и журналистики Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

КОЖИКОВА Анна Владимировна, старший преподаватель каф. немецкой филологии Череповецкого гос. ун-та.

КОМАРОВА Анна Николаевна, аспирант каф. философии и политологии Нижегородской архитектурно-строительной академии.

КОПЫТОВ А.А., преподаватель каф. экономической теории и международного бизнеса Воронежской гос. технологической академии.

КОСТЕРИНА Оксана Евгеньевна, ст. преподаватель каф. гражданского права и государственного управления КГУ им. Н.А. Некрасова.

КОУГИЯ Лада Андреевна, аспирант каф. теории и истории культур КГУ им. Н.А. Некрасова.

КРАСНИКОВ Павел Марэнович, аспирант Московского гос. ун-та.

КУДЕЛИНА Ольга Вячеславовна, аспирант каф. педагогики Московского государственного университета технологий и управления.

КУЛАГИНА Татьяна Владимировна, соискатель каф. литературы КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЛИВАНЕНКОВ Евгений Евгеньевич, аспирант каф. литературы, теории и методики обучения литературе Смоленского гос. ун-та.

МАКАРОВА Розалия Петровна, старший преподаватель кафедры методики преподавания русского языка и литературы Якутского гос. ун-та им. М.К. Аммосова.

МАРЗОЕВА Тереза Хасановна, преподаватель каф. иностранных языков Северо-Кавказского гос. горно-металлургического ин-та.

МАТЯЕВА Инна Леонидовна, директор представительства Нижегородского гос. архитектурно-строительного ун-та в г. Дзержинске.

МЕЛЕРОВИЧ Алина Михайловна, д-р филол. наук, проф. каф. русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова.

МЕЛЬКОВ Андрей Сергеевич, аспирант каф. общего языкознания Московского пед. гос. ун-та.

МИСИРОВА Лейла Хасановна, аспирант каф. истории языка и сравнительного славянского языкознания Кабардино-Балкарского гос. ун-та.

МИТКОВЕЦ Евгений Алексеевич, соискатель Института образования взрослых Российской Академии образования (Санкт-Петербург).

МИФТАХОВ Руслан Габидович, старший преподаватель каф. общественных дисциплин и методик их преподавания Набережночелнинского филиала Татарского гос. гуманитарно-пед. ун-та.

МИХНЕВИЧ Екатерина, аспирант каф. литературы КГУ им. Н.А. Некрасова.

МОЙСЮК Татьяна Витальевна, канд. филос. наук, преподаватель ВА РХБЗ.

МОЩЕВА Светлана Васильевна, старший преподаватель каф. иностранных языков и лингвистики Ивановского гос. химико-технологического ун-та.

МУСИНОВА Наталья Евгеньевна, канд. искусствоведения, преподаватель ВА РХБЗ.

МЯСНИКОВА Ирина Геннадьевна, аспирант каф. философии Нижегородского архитектурно-строительного ун-та.

НАУМОВ Александр Рудольфович, канд. хим. наук, доц. каф. химии КГУ им. Н.А. Некрасова.

ПЛЕЧОВА Наталья Петровна, аспирант каф. литературы Псковского гос. пед. ун-та им. С.М. Кирова.

ПОГОДАЕВА Диана Владимировна, аспирант каф. общей и вузовской педагогики Кемеровского гос. ун-та.

ПРОХОРОВА Анна Александровна, аспирант каф. английской филологии Ивановского гос. ун-та.

ПЮЛЬЗЮ Елена Арвидовна, ассистент каф. русского языка Карельского гос. пед. ун-та.

РУМЯНЦЕВА Людмила Николаевна, аспирант каф. философии Костромского гос. технолог. ун-та.

РУМЯНЦЕВА Ольга Николаевна, аспирант каф. теории и истории культур КГУ им. Н.А. Некрасова.

РЫБАКОВА Светлана Алексеевна, начальник УМО «Приладожского филиала Петрозаводского гос. ун-та» Республика Карелия, соискатель каф. педагогики Карельского пед. гос. ун-та.

САВСЕРИС Олеся Анатольевна, аспирант каф. философии Забайкальского гос. гуманитарно-пед. ун-та им. Н.Г. Чернышевского (г. Чита).

САПОЖКОВА Анна Юрьевна, аспирант каф. теории и истории педагогики Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

СЕКРЕТАРЕВА Любовь Сергеевна, аспирант каф. алгебры, геометрии и теории обучения математике Вологодского гос. пед. ун-та.

СЕРГЕЕВА Надежда Михайловна, аспирант каф. литературы КГУ им. Н.А. Некрасова.

СМЯГЛИКОВА Елена Альбертовна, соискатель каф. педагогики, психологии и профессионального обучения Архангельского гос. технического ун-та.

СОКОЛОВ Игорь Викторович, соискатель кафедры культурологии и методологии музыкального образования Московского гос. гуманитарного ун-та им. М.А. Шолохова.

СУНГАТУЛЛИНА Рамиля Ильгизовна, методист кафедры методики преподавания математики и математического моделирования Института развития образования Республики Татарстан.

СУСЫК Светлана Юрьевна, аспирант каф. общего и романского языкознания Челябинского гос. ун-та.

СЫРЕСИНА И.О., аспирант каф. грамматики английского языка Московского пед. гос. ун-та.

ТРОФИМОВА Алена Викторовна, аспирант каф. теории и истории культур Нижегородского гос. пед. ун-та.

ЦЕЛИКОВА Екатерина Викторовна, аспирант каф. литературы, Череповецкого гос. ун-та.

ЦЫГАНКОВА Анна Сергеевна, преподаватель каф. иностранных языков Дальневосточного гос. ун-та путей сообщения (г. Хабаровск).

ЧЕКМАРЕВ Василий Владимирович, д-р экон. наук, проф., зав. каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЧЕПОРНЮК Елена Николаевна, аспирант каф. литературы Череповецкого гос. ун-та.

ЧЕРНОВ Алексей Юрьевич, канд. экон. наук, доц. каф. финансов и кредита КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЧИСТЯКОВА Ольга Александровна, аспирант каф. литературы Череповецкого гос. ун-та.

ЧОРНОГОР Юлия Федоровна, аспирант каф. английского языка Смоленского гос. ун-та.

ЧУКМАРОВА Люция Федаиевна, зам. декана по УВР ф-та психологии, старший преподаватель кафедры социальной и профессиональной психологии Набережночелнинского филиал Института экономики, управления и права (г. Казань).

ШАРШОВА Марина Сергеевна, студентка института экономики КГУ им. Н.А. Некрасова.

ШУХАРЕВА Оксана Николаевна, старший преподаватель каф. социальной работы Медико-психолого-социального института Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова.

ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ

Журнал «Вестник КГУ» публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Размер статей не должен превышать 10 страниц текста, включая библиографию и подписи под рисунками. Количество рисунков не должно превышать 6, в кратких сообщениях – 2.

Статьи, заказываемые редколлегией для обзора работ в одной из научных областей, могут иметь объем до 1 п.л.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в 1 экземпляре с дискетой (формат MS Word 7.0, рисунки в формате (*.bmp), (*.tif), (*.jpg), (*.psd), (*.psx)). Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующие требования: кегль 14 через 1,5 интервала; поля 25 мм со всех сторон.

Материал должен быть тщательно отредактирован.

2. Построение статьи:

2.1. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима). Сведения об авторе (фамилия, имя, отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, должность).

2.2. Преамбула, объясняющая цель работы, актуальность проблемы.

2.3. Выводы.

2.4. Литературные ссылки.

3. Все страницы рукописи должны иметь сплошную нумерацию.

В тексте статьи необходимо дать ссылки на все рисунки и таблицы, которые, в свою очередь, должны быть озаглавлены.

Единицы измерения даются в соответствии с международной системой единиц (СИ).

Библиографический список помещается в конце статьи, авторы указываются в алфавитном порядке.

Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками.

Порядок оформления ссылок:

– Статья в журнале: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. От–до.

– Статья в сборнике трудов: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Город, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.)

– Монография или книга: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (или число страниц в книге __ с.).

– Авторские свидетельства и патенты: А. с. номер. Название.

– Автореферат: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __ с.

4. Работы, опубликованные в других изданиях, не принимаются.

Статьи следует направлять по адресу:

156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14, Костромской государственный университет, корпус «В», кабинет 1.
vestnik@ksu.edu.ru

Не принятые к публикации статьи возвращаются.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных
А.В. Каштанов
Д.А. Смирнов

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

ИД №03618 от 25.12.2000
Подписано в печать 04.04.2007
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 30,0 л.
Тираж 1000 экз.
Изд. № 106

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(0942) 31-65-61**, факс: **(0942) 31-65-61**,
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**

Цена свободная